

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXX-^ю ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 2 руб. 35 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1892 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Отчетъ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1892 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.....	1—19
I. Организация прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразования. Исслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1890 г. Рецензія П. Н. Милюкова.....	20—202
II. Власть московскихъ государей. Очеркъ изъ исторіи политическихъ идей древней Руси до XVI вѣка. М. Дьяконова. С.-Петербургъ, 1889 г. Рецензія заслуженнаго ординарнаго профессора, директора Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскаго.....	203—241
III. Изъ исторіи Угрии и славянства въ XII вѣкѣ. Константина Грота. Варшава, 1889. Рецензія академика В. Гр. Васильевскаго.....	242—248
IV. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Матвѣя Соколова. Выпускъ первый. Москва 1888. Рецензія академика И. В. Ягича.....	249—275
V. Разборъ исслѣдованія г. Чечулина: «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ», составленный профессоромъ В. О. Ключевскимъ.....	276—315
VI. И. М. Каманинъ, Статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-Западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.). Рецензія академика К. С. Веселовскаго.....	316—324
VII. С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.). И. Чистовича. Спб. 1889. Рецензія профессора, протоіерея М. И. Горчакова.....	325—366

ОТЧЕТЪ

о

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1891 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А. Штраухомъ.

Въ настоящемъ году въ соисканіи наградъ гр. Уварова приняли участіе 8 сочиненій, въ томъ числѣ три, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и постановленія о нихъ приговора, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, Конференціею Академіи была назначена, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, Комиссія, въ составъ которой вошли гг. Академики: А. Ф. Бычковъ, М. И. Сухомлиновъ, В. Г. Васильевскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. А. Куникъ, Л. Н. Майковъ и Н. Ф. Дубровинъ.

Ознакомившись съ переданными на ея оцѣнку сочиненіями, Комиссія для ближайшаго разсмотрѣнія каждого изъ нихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить разборы конкурсныхъ сочиненій къ установленному для сего сроку.

По истеченіи срока Комиссія оказалась вынужденною одно сочиненіе отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ рецензіи отъ лица, принявшаго на себя его разсмотрѣніе, и затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, присудила пятерымъ изъ нихъ малыя преміи, въ 500 р. каждая.

I.

Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго.

По приглашенію Академіи, сочиненіе это разсмотрѣно доцентомъ Императорскаго Московскаго Университета П. Н. Милюковымъ въ интересной и обширной рецензій, опирающейся на самостоятельномъ изученіи источниковъ.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго, по отзыву ученаго рецензента, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени и основана на обильномъ и важномъ, доселѣ почти не тронутомъ матеріалѣ.

Дѣйствительно исторія русскаго государственнаго хозяйства до настоящаго времени мало еще изучена, а небольшое число работъ, появившихся въ этой области, во-первыхъ преслѣдуютъ преимущественно спеціально-техническія задачи, во-вторыхъ, написаны уже лѣтъ тридцать тому назадъ и, въ-третьихъ, основаны на очень скудномъ и исключительно печатномъ матеріалѣ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы авторъ разбираемой книги не имѣлъ предшественниковъ: вопросы государственнаго хозяйства на столько выдвигались впередъ самою жизнью XVII в., что съ ними считались всѣ наиболѣе крупныя работы по исторіи учреждений, ибо эту послѣднюю всего болѣе и интересовались лучше изъ нашихъ изслѣдователей послѣдняго тридцатилѣтія; мало того, выдающіеся историки-юристы, въ родѣ г.г. Чичерина, Градовскаго, подготовили путь къ самой разработкѣ русской финансовой исторіи. Но, по словамъ г. Милюкова, заслуга, неотъемлемо принадлежащая г. Лаппо-Данилевскому, заключается въ томъ, что вопросы государственнаго хозяйства Московской Руси являются у него центральнымъ предметомъ изученія; въ книгѣ его финансовая исторія Россіи разсматривается въ связи съ *общей* государственною жизнью нашего отечества: эта черта и составляетъ особенность темы г. Лаппо-Данилевскаго по отношенію съ одной стороны къ историкамъ-юристамъ, а съ другой стороны — къ изслѣдованіямъ спеціально финансоваго характера.

Финансовый строй XVII в. автору рисуется какъ «особо типичная система устойчивыхъ взаимоотношеній», но, по мнѣнію рецензента, заглавіе книги далеко не совпадаетъ съ ея содержаніемъ:

объясняется это тѣмъ, что авторъ отнюдь не ограничился организаціею обложенія, но представилъ также социальный составъ общества по отношенію къ податнымъ обязанностямъ разныхъ его слоевъ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что содержимое въ книгѣ не подходитъ и подъ терминъ «прямого обложенія»; хотя авторъ, повидимому, и пытался ограничить свою задачу изученіемъ такъ называемыхъ одѣлочныхъ налоговъ, но рамками послѣднихъ особенно не стѣснялся и зачастую касался такихъ финансовыхъ явленій, которыя едва ли могутъ быть подводимы подъ понятіе налоговъ вообще.

Изучая систему «устойчивыхъ взаимоотношеній» со стороны формальной и ея организацію, г. Лаппо-Данилевскій, по словамъ г. Милюкова, даетъ въ книгѣ «не финансовую исторію XVII в., а именно финансовую систему, — не процессъ, но устройство»; эта попытка сгруппировать матеріалъ въ порядкѣ функціонированія финансового строя, по отзыву рецензента, не вполне удалась автору, прежде всего по невозможности умѣстить въ поставленныя имъ себѣ рамки собранный запасъ данныхъ. Такъ совѣмъ за порогомъ предначертаннаго плана оказалась глава о податныхъ классахъ, имѣющая какъ бы вступительный характеръ. Вторая глава болѣе отвѣчаетъ плану, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Въ ней изучается первый моментъ функціонированія: раскладка податей, что въ свою очередь распадается на два момента: подготовительный, именно составленіе переписей и опредѣленіе на основаніи ихъ той податной единицы, которою будетъ измѣряться податная способность субъекта; поэтому здѣсь едва ли умѣста описаніе составленія отчетовъ и смѣтъ по взиманію налоговъ: этотъ моментъ несравненно удобнѣе было бы рассмотреть какъ заключительный, которымъ завершается финансовый круговоротъ. Въ той же главѣ очерченъ и моментъ *исполнительный*, заключающійся въ мірской раскладкѣ податей въ предѣлахъ окладныхъ единицъ, установленныхъ правительствомъ. Третья глава сочиненія посвящена взиманію податей; здѣсь излагается дѣятельность выборныхъ и правительственныхъ органовъ по взиманію и затѣмъ движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія. Отсюда естественный переходъ къ центральнымъ учрежденіямъ, но авторъ вторично впадаетъ въ нарушеніе плана, вводя сюда главу четвертую, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ авторъ возвращается къ своей системѣ и останавливается на заключительномъ моментѣ функціонированія,

т. е. на распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ.

Изъ приведеннаго перечня содержанія изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго видно, какъ неудачно выбранъ самый планъ сочиненія: автору пришлось различныя части функционирующаго механизма изображать попутно, и притомъ только какъ бы по поводу ихъ функционирования; благодаря этому, изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладкѣ и о взиманіи. Раздробивъ эту неосуществившуюся, хотя и необходимую главу по всему сочиненію, авторъ въ концѣ концовъ оказался вынужденнымъ нарушить органической планъ и ввести въ сочиненіе главу 4-ю, трактующую, какъ мы имѣли случай указать, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ.

За всѣмъ тѣмъ, если архитектоника изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго и представляется рецензенту далеко не удавшеюся, онъ ни мало не отрицаетъ у автора и большихъ заслугъ.

Къ разработкѣ своей темы А. С. Лаппо-Данилевскій, по отзыву рецензента, приступилъ съ весьма солидною подготовкою. Какъ видно изъ книги, авторъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы и обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Въ особенную же заслугу доц. Милюковъ ставитъ автору, преимущественное передъ его предшественниками, обширное знакомство съ рукописными источниками, хранящимися въ Московскихъ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Министерства Юстиціи и въ С.-Петербургской Публичной Библиотекѣ; только на основаніи этихъ рукописныхъ данныхъ и могли быть разработаны цѣлыя отдѣлы и притомъ самыя цѣнные въ разсматриваемой книгѣ.

Такимъ образомъ авторъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для успѣха предпринятой работы. Если, не смотря на это, результаты работы, по отзыву г. Милюкова, подтверждаемому рядомъ специальныхъ доказательствъ, не всегда оказываются безупречными, то причинъ слѣдуетъ искать не въ обстановкѣ работы, а въ самомъ ходѣ ея выполненія.

Указываемые недостатки, впрочемъ, самъ рецензентъ признаетъ второстепенными, такъ какъ они имѣютъ главнымъ образомъ методическое свойство, а въ заключеніе своего обстоятельнаго разбора онъ заявляетъ, что «изслѣдованіе А. С. Лаппо-Да-

нилевскаго, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, составляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи и можетъ быть признано вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова».

II.

Власть Московскихъ государей. Соч. М. Дьяконова.

Въ виду спеціальнаго характера этого сочиненія Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи на него къ извѣстному знатоку исторіи русскаго права, директору Ярославскаго юридическаго Лицея, проф. С. М. Шпилевскому, который, составленнымъ подробнымъ отзывомъ, существенно способствовалъ разъясненію значенія книги г. Дьяконова.

Г. Дьяконовъ задачей своего труда поставилъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей. Вопросъ этотъ авторъ справедливо считаетъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти заимствована изъ Византіи.

Для подробнаго выясненія послѣдняго положенія, по мнѣнію г. Дьяконова, необходимо прослѣдить, чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла ознакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ она заимствовала.

Этой работы авторъ впрочемъ далеко не исчерпываетъ, не обладая спеціальною для того подготовкою византиниста, и ставитъ себѣ болѣе скромную задачу «дать этимъ трудомъ только возможность нѣсколько ориентироваться въ данномъ вопросѣ».

Построеніе плана своего изслѣдованія и раздѣленіе его на главы авторъ основываетъ на положеніи, что подъемъ русскаго политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV в. послѣ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, долженъ найти себѣ объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ представляетъ очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученой критикой. Во второй главѣ дѣлается сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древне-русской письменности до половины XV в. Въ этихъ главахъ авторъ задается

цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія Византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣчается попытокъ къ проведению самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой—объяснить быстроту въ развитіи политическаго русскаго самосознанія съ половины XV вѣка. Третья глава имѣетъ своимъ содержаніемъ политическія слѣдствія для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, — а именно подъемъ русскаго политическаго самосознанія; четвертая глава посвящается теоріи власти московскихъ государей. Наконецъ послѣднія двѣ главы указываютъ на нѣкоторыя примѣненія, сдѣланныя московскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ ученій и являются какъ бы дополненіемъ къ основной темѣ изслѣдованія о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей.

По словамъ проф. Шпилевскаго, авторъ въ своей задачѣ имѣлъ бы право остановиться на четвертой главѣ; тогда бы и самое изслѣдованіе получило надлежащую цѣльность и законченность; присоединеніе же къ изслѣдованію двухъ дополнительныхъ главъ, которыя лишь указываютъ «нѣкоторыя», по выраженію автора, примѣненія изъ новыхъ политическихъ ученій, придаютъ всей работѣ видъ неоконченности и естественно заставляютъ читателя ожидать, что вслѣдъ за указаніемъ измѣненія въ отношеніяхъ московскихъ государей къ ихъ слугамъ, авторомъ будутъ разобраны и отношенія московскихъ государей къ остальному населенію ихъ государства въ XV и XVI вѣкахъ.

По отношенію къ главному вопросу изслѣдованія г. Дьяконова, о возникновеніи и развитіи власти московскихъ государей, замѣчаетъ ученый рецензентъ, нельзя не имѣть въ виду весьма существеннаго факта, упущеннаго авторомъ изъ вниманія: въ развитіи идеи самодержавія могучимъ факторомъ было именно то, что московское государство явилось осуществителемъ исконнаго чаянія русскаго народа — единства русской земли. На это указалъ впервые, по поводу книги г. Дьяконова, нашъ почтенный товарищъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; подобное же говорить и И. Е. Забѣлинъ — онъ признаетъ, что развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства, что изъ московской завѣтной мысли и всенародной заповѣди, жить за одинъ, послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни. Наконецъ

историкъ развитія русской самодержавной власти, проф. Романовичъ-Словатинскій, говорить, «что усиливать значеніе татарщины для развитія московскаго единодержавія, какъ это дѣлалъ покойный Костомаровъ, такое же историческое заблужденіе, какъ и придавать чрезмѣрное значеніе вліянію византійскому, по примѣру г. Пыпина. Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліянія, но тѣмъ не менѣе русское государство съ русскимъ самодержцемъ во главѣ—органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа». Подобныя указанія на то, что могло бы служить важнымъ и полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ главнаго вопроса разбираемаго изслѣдованія г. Дьяконова, весьма, разумѣется, цѣнны, но, по мнѣнію проф. Шпилевскаго, было бы несправедливо умалять достоинства изслѣдованія г. Дьяконова на основаніи отсутствія въ немъ объясненія тѣхъ вопросовъ, которые можно признать важными и стоящими въ близкой связи съ вопросами, составляющими задачу изслѣдованія, но оставленіе которыхъ безъ объясненія не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія принятой авторомъ на себя задачи.

Переходя къ оцѣнкѣ того новаго, что внесено авторомъ въ разсматриваемые имъ вопросы, путемъ разбора и повѣрки по первоначальнымъ источникамъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ, профессоръ Шпилевскій признаетъ, что авторъ поставилъ для своего изслѣдованія задачу, полезную для отечественной исторіи, и что выполненіе этой задачи у г. Дьяконова выразилось въ ученомъ трудѣ, соответствующемъ требованіямъ науки и критики и способствующемъ къ уясненію предмета, насколько то возможно при наличности имѣющихся источниковъ.

Авторъ, по отзыву почтеннаго рецензента, помимо всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ по данному вопросу, воспользовался и новыми рукописными, а самое отношеніе автора къ источникамъ нельзя не признать вполне добросовѣстнымъ—«авторъ отличается тщательнымъ изученіемъ источниковъ, осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ».

Находя, что въ лицѣ автора изслѣдованія «Власть московскихъ государей» наша литература обогащается новымъ талантливымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ, отъ котораго можно ожидать дальнѣйшихъ существенныхъ вкладовъ въ науку, пр. Шпилевскій признаетъ вполне справедливымъ поощрить молодаго ученаго удостоеніемъ его изслѣдованія награды графа Уварова.

III.

Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII в. Сочиненіе К. Я. Грота.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя нашъ почтенный товарищъ, извѣстный византиистъ В. Гр. Васильевскій. Въ представленной имъ рецензіи ак. Васильевскій характеризуетъ значеніе названнаго сочиненія въ слѣдующихъ словахъ: «Авторъ, говоритъ онъ, — одинъ изъ выдающихся славистовъ школы В. И. Ламанскаго, въ настоящее время профессоръ Варшавскаго университета, — давно избралъ исторію Венгріи своею ближайшею спеціальностью, руководясь справедливымъ убѣжденіемъ въ необходимости внимательной разработки ея русскими учеными. Извѣстенъ его большой трудъ, изданный около десяти лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ *Моравія и Мадьяры* и снискавшій ему почетную и прочную ученую репутацію. Тогда изслѣдованіе было посвящено первоначальной исторіи Мадьярскаго племени до водворенія его среди славянскаго населенія въ средне-дунайской равнинѣ — въ старинной Панноніи — въ началѣ X вѣка. Минуя два съ половиною столѣтія, К. Я. Гротъ обратился теперь къ срединѣ XII вѣка, избравъ задачею своей новой работы изученіе 30-лѣтняго періода, обнимающаго правленіе двухъ королей Арпадова дома: Гейзы II (1141—1161) и Стефана III (1164—1173) съ нѣсколькими годами смутнаго времени въ промежуткѣ. Можетъ показаться, что такой выборъ темы представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ естественной послѣдовательности въ спеціальныхъ занятіяхъ автора исторіею Угріи, но напрасно было бы упрекать за это ученаго, который можетъ сослаться на личное предрасположеніе, какъ то г. Гротъ и дѣлаетъ въ предисловіи. Сверхъ того онъ оправдываетъ свой выборъ выдающимся интересомъ, какой означенная выше эпоха представляетъ не только съ точки зрѣнія внутренняго развитія самой Угріи, но и съ точки зрѣнія византийскихъ, славянскихъ и, въ частности, русскихъ отношеній».

По миѣнію рецензента, «вообще слѣдуетъ признать, что сколько бы ни было поводовъ къ несогласію съ авторомъ относительно его общихъ взглядовъ, его добросовѣстность и основательность не подлежатъ сомнѣнію. На фактическую сторону въ его книгѣ вполне можно положиться. Авторъ стремился къ установленію наиболѣе точнаго представленія о всѣхъ подробностяхъ въ ходѣ дѣлъ политическихъ и военныхъ. Такъ какъ въ повѣствованіи источниковъ о походахъ Мануила встрѣчаются любопытныя черты, касающіяся распространенія и географическихъ границъ пле-

мень русскаго и румынскаго, то К. Я. Гротъ попутно занимается и вопросами исторической географіи. Изслѣдованіе отъ начала до конца основано на всестороннемъ и полномъ изученіи источниковъ венгерскихъ, византійскихъ, западныхъ, латинскихъ и русскихъ: обзорѣнію ихъ посвящено пространное приложеніе, гдѣ притомъ перепечатаны недавно отысканныя письма одной Угорской принцессы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ».

«Въ слишкомъ отчетливыхъ чертахъ, по словамъ ак. Васильевскаго, рисуется историческому чутью автора присутствіе въ угорскомъ государствѣ XII вѣка политической компактной сферы, особой народной славянской партіи, которая опирается на инстинктивные стремленія славянской массы, входящей въ составъ государства, сохраняетъ преданія старой вѣры, то есть полученнаго изъ Византіи православія, обнаруживаетъ чуткую оппозицію къ западнической политикѣ того или другаго короля».

Хотя объ этой партіи и много говорится въ сочиненіи, но ак. Васильевскій признается, что какъ составъ, такъ и органическія связи этой партіи съ народными массами остались для него неясными и проблематичными—можетъ быть вслѣдствіе того, что авторъ въ своемъ введеніи не даетъ картины внутренняго состоянія Угрии въ первой половинѣ XII вѣка. . . . Наконецъ недостаткомъ не только изложенія, но и метода, по мнѣнію ученаго рецензента, нужно считать у г. Грота «особаго рода сложный прагматизмъ, заключающійся въ стремленіи разъяснить причины и связь явленій не группировкою самыхъ фактовъ, не сдержаннымъ намекомъ въ случаѣ нужды внимательному читателю, а особенными гипотетичными соображеніями о настроеніи, видахъ и побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, о содержаніи ихъ взаимныхъ разговоровъ даже при встрѣчахъ, только предполагаемыхъ». . . .

Въ заключеніе рецензентъ, основываясь на общихъ достоинствахъ книги и близкомъ отношеніи ея содержанія къ славянской и русской исторіи, признаетъ справедливымъ присудить пр. К. Я. Гроту малую Уваровскую награду.

IV.

Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ.
Соч. проф. М. Соколова.

Разборъ этого сочиненія составленъ дѣйствительнымъ членомъ нашей Академіи И. В. Ягичемъ.

Значеніе разсматриваемаго труда нашъ почтенный товарищъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Если въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обогащенія новыми текстами не появлялись въ Россіи уже столь часто и обильно, какъ прежде, за то научныя изслѣдованія самаго содержанія, попытки осмыслить его и примѣнить къ освѣщенію памятниковъ народнаго творчества, приняли какъ разъ въ это время очень внушительные размѣры. Богатствомъ добытыхъ результатовъ изслѣдованія подобнаго рода представляють чуть ли не самую блестящую страницу русской научной дѣятельности за послѣднее время. Едва ли нужно напоминать, что передовымъ здѣсь дѣятелемъ является нашъ достоуважаемый сочленъ А. Н. Веселовскій, сосредоточивающій въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому предмету, громадную эрудицію по всѣмъ средневѣковымъ литературамъ востока и запада. Труды его являются для всѣхъ современныхъ изслѣдователей не только у славянъ, но и на западѣ Европы, неисчерпаемымъ источникомъ всесторонняго поученія».

«Къ числу новыхъ сотрудниковъ въ этой области примкнулъ въ послѣднее время и авторъ вышеназваннаго сочиненія, нынѣшній профессоръ Московскаго университета М. И. Соколовъ. Сочиненіе его, представленное на соисканіе Уваровскихъ наградъ, обращаетъ на себя вниманіе уже тѣмъ, что въ немъ соединяются обѣ стороны вопроса, подлежащаго дальнѣйшей научной разработкѣ. Оно обогащаетъ русскую литературу важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковно-славянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ. Напечатанные г. Соколовымъ матеріалы бросаютъ, кромѣ того, новый свѣтъ на литературное общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Россією. Но сочиненіе профессора Соколова не ограничивается этимъ вкладомъ въ науку, хотя онъ, уже самъ по себѣ, достоинъ полнѣйшаго признанія; оно присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ еще довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ. Стало быть, рядомъ съ изданіемъ новыхъ текстовъ получается тутъ же научное изслѣдованіе предмета, содержаемаго въ напечатанныхъ памятникахъ».

Главнымъ матеріаломъ для разбираемаго труда проф. Соколову послужилъ старинный рукописный сборникъ, принадлежащій профессору Великой школы въ Бѣлградѣ Панкѣ С. Сречковичу.

Займствованные изъ этого сборника тексты напечатаны у профессора Соколова *in extenso*, и, по удостовѣренію академика Ягича, имѣвшаго подлинникъ въ своихъ рукахъ, сдѣлано это — строка въ строку, буква въ букву — съ палеографическою аккуратностью, оправдываемою сравнительною древностью рукописи. Что касается историко-литературнаго разбора текстовъ, сосредоточивающагося главнымъ образомъ около сказанія о крестномъ древѣ по той редакціи, какая присвоивается попу Іереміи, то, по мнѣнію академика Ягича, авторъ здѣсь очутился въ лично для себя невыгодномъ положеніи, такъ какъ большая часть затрогиваемыхъ текстами предметовъ уже разработана предыдущими изслѣдователями и между ними болѣе всего Академикомъ А. Н. Веселовскимъ; поэтому г. Соколову оставалось отыскивать такія стороны подлежащихъ обсужденію вопросовъ, какія раньше или совсѣмъ не были затронуты, или не были объяснены достаточно удовлетворительно.

Подробное разсмотрѣніе сочиненія профессора Соколова приводитъ рецензента къ тому заключенію, что «богатое содержаніе новыхъ текстовъ, подробный анализъ каждаго изъ нихъ, и въ особенности остроумныя соображенія о происхожденіи апокрифическаго сказанія о крестномъ древѣ представляютъ этотъ трудъ въ такомъ видѣ, что онъ безусловно достоинъ награжденія одною изъ премій, находящихся въ распоряженіи Академіи».

V.

Города Московскаго государства въ XVI в. Сочиненіе Н. Д. Чечулина.

Членъ-корреспондентъ Академіи, профессоръ московскаго университета В. И. Ключевскій, принявшій на себя съ предупредительною готовностью трудъ составленія рецензіи на изслѣдованіе г. Чечулина, представилъ о немъ отчетъ, въ которомъ, дѣлая оцѣнку названнаго сочиненія, свидѣтельствуетъ, что оно представляетъ двойной интересъ, собственно историческій и методологическій: первый заключается въ предметъ изслѣдованія, второй въ его матеріалъ.

По свойству явленій, на которыя обращено особенное вниманіе автора, трудъ его можно назвать изслѣдованіемъ о социальномъ положеніи городовъ въ московскомъ государствѣ XVI в. Основнымъ источникомъ для этого послужили автору *писцо-*

ея книги. Соціально-экономическое положеніе городского населенія, по отзыву почтеннаго рецензента, едва-ли не наименѣе изученный вопросъ въ исторіи древне-русскаго города, и потому задача автора сама по себѣ—независимо отъ постановки, какая дана ей въ книгѣ—можетъ быть признана очень удачной, какъ разсчитанная на восполненіе замѣтнаго пробѣла въ русской исторической литературѣ. Писцовыя книги, по характеру своему, требуютъ особыхъ приемовъ изученія, и отъ удачнаго выбора этихъ приемовъ существенно зависитъ самый успѣхъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, на которые онѣ даютъ отвѣтъ. Между тѣмъ въ изученіи этого источника еще не установились твердые, общепризнанные и испытанные приемы, хотя и имѣются такіе удачные опыты обработки отдѣльныхъ вопросовъ по названнымъ источникамъ, какъ извѣстные труды гг. Перетятковича и Соколовскаго. Поэтому, говорить В. И. Ключевскій, «слѣдя за любопытными данными, извлеченными г. Чечулинымъ изъ этого источника, невольно присматриваешься и къ тому, какъ онъ это сдѣлалъ; его методика не остается безъ вліянія на дальнѣйшую разработку писцовыхъ книгъ. Самъ авторъ такъ ставитъ и такъ разрѣшаетъ свою задачу, что методологическій интересъ его труда выдвигается даже на первый планъ:— авторъ подвергаетъ матеріалъ, заключающійся въ писцовыхъ книгахъ, подробному разбору, группируетъ, сопоставляетъ и истолковываетъ ихъ данныя и какъ бы заставляетъ читателя присутствовать при этой работѣ; благодаря этимъ же приемамъ его изслѣдованіе о городахъ по писцовымъ книгамъ можно назвать и изслѣдованіемъ о писцовыхъ книгахъ, насколько онѣ касаются городовъ».

Не касаясь изложенія замѣчаній проф. Ключевскаго объ отдѣльныхъ мѣстахъ книги г. Чечулина, я здѣсь остановлю ваше, милостивые государи, вниманіе лишь на общемъ сужденіи, высказанномъ рецензентомъ о рассмотрѣнной имъ книгѣ. Проф. Ключевскій вполне соглашается съ убѣжденіемъ автора въ возможности и полезности изслѣдованія, перерабатывающаго только данныя писцовыхъ книгъ о городахъ XVI в.; при этомъ однако-же необходимо избѣгнуть, сознаваемой впрочемъ и самимъ авторомъ, опасности поставить изслѣдованіе въ излишнюю зависимость отъ одного источника. Для г. Чечулина въ частности эта опасность заключалась въ трудности установить отношеніе къ вопросамъ, возбуждаемымъ писцовыми книгами городовъ, но не рѣшаемымъ ихъ указаніями. Чтобы избѣгнуть этого затрудненія, нужно было

помощью критическаго изученія источника соразмѣрить постановку задачи со средствами, какія почерпаются изъ него для ея рѣшенія. Но такъ какъ г. Чечулинъ въ своей книгѣ ставитъ себѣ цѣлью разъяснить положеніе городовъ, какъ культурныхъ центровъ, и воспроизводитъ со всею возможною подробностью условія жизни городского жителя, то ему оказывается трудно уже найти такую сторону городской жизни, обойти которую позволяла бы задача, такъ широко и неясно опредѣленная. Автору приходилось рассмотреть жизнь городовъ, во всей полнотѣ ихъ интересовъ и отношеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ касаются писцовыя книги, а книги эти далеко не разъясняютъ всего, чего касаются, и не представляютъ достаточно данныхъ для столь сложнаго и многосторонняго изображенія предмета. Такъ, напримѣръ, описывая церкви, древнерусскіе писцы пересчитывали и книги, въ нихъ находившіяся; но точному «опредѣленію тогдашняго уровня умственнаго развитія и знанія» едва-ли много поможетъ то, что въ церквахъ нѣкоторыхъ городовъ г. Чечулинъ этимъ путемъ открылъ по описанію не менѣе 2000 книгъ (стр. 312). Побуждаемый широкими требованіями задачи, авторъ нерѣдко ставитъ вопросы, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ не находится однако-же достаточно данныхъ ни въ самомъ источникѣ, ни въ распоряженіи автора. Между тѣмъ среди опредѣленій задачи, какія у г. Чечулина встрѣчаются въ предисловіи и введеніи, есть одно, по отзыву рецензента, наиболѣе соответствующее и свойству его основнаго источника, и самому плану его труда. «Наше изслѣдованіе, пишетъ г. Чечулинъ (стр. 12), есть главнымъ образомъ собраніе, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами». Въ зависимости отъ этого, нѣкоторые вопросы г. Чечулинъ и общааетъ разобрать весьма подробно, другіе по недостатку свѣдѣній менѣе подробно, а третьихъ, — можно было бы прибавить, — и вовсе не касаться, какъ не входящихъ въ составъ задачи, такъ поставленной.

Положительные результаты, которыхъ добился авторъ и которые придають научную цѣну его книгѣ, прямо отвѣчаютъ именно на эту задачу; эти результаты, тѣсно связанные съ планомъ изслѣдованія, рецензентъ характеризуетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Авторъ поступилъ очень обдуманно и цѣлесообразно, распредѣливъ свой матеріалъ географически, по мѣстностямъ, а не по разнымъ сторонамъ городского быта. Онъ разбираетъ сначала данныя объ отдѣльныхъ городахъ и только въ послѣдней главѣ даетъ общій разносторонній очеркъ городовъ. Сохранившійся запасъ пис-

цовыхъ книгъ XVI в. далъ автору возможность расположить въ своемъ обзорѣ описываемые ими города полосами по направленію съ сѣверо-запада къ юго-востоку. Авторъ разсматриваетъ сначала новгородскіе пригороды и г. Торопецъ вмѣстѣ съ Устюжной, потомъ пригороды псковскіе, торгъ и промысловыя заведенія г. Пскова, далѣе города, ближайшіе къ Москвѣ, и наконецъ города по южной и юго-восточной окраинѣ государства. Неожиданныя сочетанія въ группировкѣ въ родѣ того, что Муромъ оказывается, напримѣръ, въ группѣ городовъ, ближайшихъ къ Москвѣ, а города, какъ Зарайскъ, Тула, Рязань, ближе лежащіе къ Москвѣ, относятся къ крайней группѣ, не вредятъ перспективѣ изслѣдованія. Наблюдая въ каждой полосѣ количество городского населенія, его общественный составъ, численныя отношенія составныхъ частей или классовъ, занятія и повинности городскихъ жителей, землевладѣніе, торговлю, ремесла и промысловыя заведенія въ городахъ, г. Чечулинъ, по отзыву рецензента, не только тщательно выбираетъ изъ своего источника черты, изображающія городъ со всѣхъ этихъ сторонъ, но и слѣдитъ за тѣмъ, какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ различались между собою города разныхъ полосъ, а равно дѣлаетъ и попытку объяснить происхожденіе этихъ различій. Такъ помощью подробныхъ, иногда микроскопическихъ наблюденій постепенно обозначились въ изслѣдованіи г. Чечулина мѣстные типы городовъ. Итоги отдѣльныхъ наблюденій надъ социальнымъ составомъ, экономическимъ положеніемъ и мѣстными особенностями городовъ сведены въ заключительной главѣ сочиненія, которая представляетъ общій очеркъ положенія городовъ въ московскомъ государствѣ XVI в.

Подробное разсмотрѣніе сочиненія г. Чечулина приводитъ проф. Ключевскаго къ тому заключенію, что разобранное имъ изслѣдованіе—трудъ добросовѣстный, основанный на внимательномъ изученіи мало тронутаго источника, стоившій усиленной борьбы съ его трудностями и большой черновой работы надъ нимъ, дающій читателю не мало цѣнныхъ, освѣщающихъ предметъ фактовъ и еще больше матеріала для выводовъ, могущихъ усилить это освѣщеніе. «Думаемъ, говоритъ ученый рецензентъ въ заключеніи своего отзыва, что эти качества изслѣдованія, не смотря на нѣкоторое несоотвѣтствіе его задачи средствамъ и на признаки нѣсколько поспѣшнаго его изданія, даютъ достаточное основаніе удостоить книгу г. Чечулина искомой преміи».

Не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе премій, Комиссія принуждена была ограничиться удостоеніемъ лишь вышеозначенныхъ пяти сочиненій: гг. Лаппо-Данилевскаго, Дьяконова, Грота, Соколова и Чечулина, но въ то-же время, усматривая немаловажныя достоинства за двумя еще сочиненіями, гг. Каманина и Чистовича, признала справедливымъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ей по пункту I, § 16 Положенія о наградахъ графа Уварова, и присудила этимъ двумъ сочиненіямъ почетныя отзывы, но недостатку суммъ для награжденія ихъ денежными преміями.

1.

Статистическія данныя о Евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.) И. Каманина.

Разсмотрѣніе этого сочиненія, помѣщеннаго во второмъ томѣ пятой части Архива Юго-Западной Россіи изд. въ 1890 г., Комиссія поручала академику К. С. Веселовскому.

Въ озаглавленномъ выше трудѣ г. Каманинъ даетъ въ подлинникѣ, насколько онѣ сохранились, производившіяся при польскомъ правительствѣ переписи еврейскаго населенія юго-западнаго края въ 1765—1791 годахъ, извлеченныя авторомъ изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центрального архива. Эти переписи, занимающія 729 страницъ, съ приложеннымъ къ нимъ весьма полнымъ и подробнымъ указателемъ личныхъ и географическихъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся (въ 316 страницъ), составляютъ, по отзыву нашего почтеннаго товарища и рецензента, историческій документъ чрезвычайной важности для изученія быта того края за сто лѣтъ предъ симъ, а въ особенности для разъясненія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ спеціальнаго населенія, до котораго эти переписи относятся. Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и посвящено изслѣдованіе И. М. Каманина, помѣщенное передъ переписями, въ началѣ перваго тома, и занимающее 239 страницъ. Этотъ самостоятельный и, по своевременности своего появленія, заслуживающій особаго вниманія историческій трудъ, какъ замѣчаетъ академикъ К. С. Веселовскій, вполне соответствуетъ условіямъ Уваровскаго конкурса.

Изложенію выводовъ изъ собранныхъ статистическихъ матеріаловъ г. Каманинъ предпосылаетъ интересный историческій обзоръ еврейскихъ переписей въ польскомъ государствѣ и показываетъ, какъ постепенно развивались и совершенствовались пріемы

и способы статистической регистраціи, приче́мъ объясняются причины и условия, вызывавшія потребность въ переписяхъ и обусловливавшія большую или меньшую ихъ успѣшность.

Полученныя изъ актовыхъ книгъ статистическія данныя о Евреяхъ въ юго-западномъ краѣ за тридцатилѣтіе 1764—1791 авторъ подвергаетъ подробному и внимательному разбору и извлекаетъ весьма интересные и поучительные выводы изъ нихъ, что и даетъ ему фактическое основаніе для сужденія объ экономическомъ бытѣ Евреевъ въ юго-западномъ краѣ, и о вліяніи ихъ на христіанское населеніе.

Обращаясь къ вопросу, вытекающему изъ факта представленія труда г. Каманина на соисканіе награды графа Уварова, рецензентъ признаетъ изслѣдованіе г. Каманина, какъ трудъ самостоятельный, вносящій въ науку много новыхъ фактовъ, добытыхъ собственными, нелегкими архивными разысканіями автора, вполне заслуживающимъ Уваровской награды, такъ какъ трудъ этотъ, составляя существенный вкладъ въ русскую науку, обращаетъ на себя вниманіе не только по объему своему, но еще болѣе по тому таланту, съ которымъ авторъ, своими разносторонними и учеными комментаріями, сдѣлалъ краснорѣчивыми сухія статистическія данныя, и разъяснилъ ихъ значеніе и пригодность для столь важнаго и современнаго вопроса — каковъ еврейскій.

2.

Второе сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва, принадлежитъ члену-корреспонденту Академіи И. А. Чистовичу и, составляя продолженіе многолѣтнихъ его изысканій о судьбахъ здѣшней Духовной Академіи, носитъ заглавіе:

С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 и.).

По приглашенію Академіи разборъ этого сочиненія составленъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета о. М. И. Горчаковымъ, что и послужило Комиссіи основаніемъ для ея приговора объ изслѣдованіи, которымъ г. Чистовичъ вновь обогатилъ нашу церковно-историческую литературу.

Сочиненіе г. Чистовича не снабжено предисловіемъ, гдѣ обыкновенно объясняются цѣль и задача сочиненія, но начинается краткимъ обозначеніемъ плана построенія. Планъ опредѣляется хронологіею и важнѣйшими событіями въ жизни Академіи, совершившимися за время, о которомъ говорится въ книгѣ. Въ теченіе

этого времени С.-Петербургская Духовная Академія жила подѣ дѣйствіемъ трехъ, преемственно смѣнявшихся уставовъ.

Соотвѣтственно тому, что въ теченіе 30 лѣтъ Академія дѣйствовала подѣ вліяніемъ трехъ уставовъ, и судьба ея въ книгѣ г. Чистовича изображается въ трехъ отдѣлахъ: въ первомъ описывается состояніе Академіи за время 1858—1869 гг., когда дѣйствовалъ уставъ 1814 г.; во второмъ изображаются ходъ преобразованія Академіи по уставу 1869 г. и состояніе ея въ 15-ти лѣтній періодъ (1869—1884) дѣйствія въ ней этого устава; въ третьемъ отдѣлѣ, имѣющемъ заглавіе: «Пересмотръ и измѣненіе академическаго устава въ 1884 г.», сообщаются свѣдѣнія о переиѣнахъ и состояніи Академіи за четыре года новѣйшей ея жизни (1884—1888 гг.).

Въ каждомъ изъ трехъ отдѣловъ, по параграфамъ и рубрикамъ, излагаются событія, имѣвшія общее значеніе въ жизни Академіи, — отмѣчаются отличительныя особенности въ ея устройствѣ, перечисляются переиѣны въ строѣ ея управленія и учебной части, въ распредѣленіи кафедръ и въ личномъ составѣ преподавателей съ указаніемъ ихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, — сообщаются свѣдѣнія о студентахъ: о порядкѣ приема ихъ въ Академію, о ходѣ и предметахъ ихъ занятій, о производствѣ имъ экзаменовъ, о способахъ ихъ содержанія, приобрѣтеніи ими ученыхъ степеней и о назначеніи ихъ на мѣста. Сверхъ того, въ первомъ отдѣлѣ даются свѣдѣнія о матеріальныхъ средствахъ, которыми Академія располагала съ 1869 г. для содержанія преподавателей и студентовъ, о состоявшемъ при Академіи цензурномъ комитетѣ и объ академической библиотекѣ; а въ третьемъ — о библиотекѣ, церковно-исторической ея коллекціи и о торжественныхъ, бывшихъ въ Академіи, собраніяхъ. Въ концѣ книги помѣщенъ именной списокъ студентовъ двадцати трехъ курсовъ Академіи (1853—1888 гг.), съ краткимъ указаніемъ ихъ судьбы въ жизни и печатныхъ трудовъ, или изданныхъ. Таково содержаніе и построеніе разсматриваемой книги.

Какъ историко-статистическое описаніе, сочиненіе г. Чистовича по отзыву рецензента, отличается тѣми общими качествами, какія свойственны этого рода литературнымъ произведеніямъ, хорошо составленнымъ: опредѣленностью содержанія, ясностью изложенія, значительною полнотою и повѣствовательнымъ характеромъ собранныхъ объ учрежденіи свѣдѣній и фактовъ, къ нему относящихся, хронологическою послѣдовательностью повѣствованія, обду-

манностью въ порядкѣ его расположенія и осмотрительною осторожностью въ передачѣ фактовъ.

Сочиненіе г. Чистовича впервые изображаетъ состояніе С.-Петербургской Духовной Академіи въ ближайшую къ намъ эпоху (1856—1888 гг.) и, по словамъ о. Горчакова, составлено весьма полно, объективно и ясно, написано съ любовью къ учрежденію, послѣ предварительнаго изученія всей предшествующей его исторіи, и исполнѣ самостоятельно. Трудъ этотъ, несомнѣнно, принесетъ пользу лицамъ, которыя имѣютъ надобность или желаютъ ознакомиться съ состояніемъ Академіи въ послѣднія три десятилѣтія ея существованія; равнымъ образомъ онъ можетъ служить примѣромъ и пособіемъ для составленія историко-статистическихъ описаній и другихъ духовно-учебныхъ заведеній—академій и семинарій за новѣйшее время,—описаній, необходимыхъ или, по крайней мѣрѣ, весьма полезныхъ для выясненія ихъ исторіи и дѣятельности. Трудъ г. Чистовича, содержащій въ себѣ не мало свѣдѣній и указаній о лицахъ, принадлежавшихъ Академіи и объ ихъ печатныхъ трудахъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма цѣннымъ библиографическимъ пособіемъ для ознакомленія съ богословскою литературою новѣйшаго времени и со степенью участія въ ней дѣятелей и питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Въ виду достоинствъ сочиненія г. Чистовича, почтенный рецензентъ въ заключеніи своей рецензіи предложилъ присудить ему половинную Уваровскую премію сколько въ награду за самый трудъ, представленный на соисканіе премій, столько же и въ поощреніе автора, посвятившаго свои способности разработкѣ исторіи русскихъ духовно-учебныхъ заведеній, заслуживающей глубокаго уваженія и признательности.

Каждое изъ присужденій Уваровскихъ наградъ даетъ Академіи случай удостовѣряться, съ какою предупредительною готовностью выдающіеся ученые, большею частью обремененные преподаваніемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, откликаются на ея призывъ раздѣлить съ нею труды по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій. Такъ и по настоящему конкурсу долгъ справедливости обязываетъ Академію, выразить искреннюю ея признательность тѣмъ почтеннымъ ученымъ, которые составленіемъ подробныхъ и обстоятельныхъ рецензій облегчили Уваровской Комиссіи испол-

неніе лежавшей на ней обязанности, нерѣдко затрудняемой многочисленностію соискательныхъ сочиненій.

Во изъявленіе своей благодарности за такое, оказанное ей содѣйствіе Комиссія и въ текущемъ году положила назначить установленныя для рецензентовъ золотыя Уваровскія медали: директору Ярославскаго юридическаго лица, заслуженному профессору Серг. Мих. Шпилевскому, профессору Императорскаго Московскаго университета Вас. Ос. Ключевскому, приватъ-доценту того же университета Павлу Никол. Милюкову и профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета о. Мих. Ив. Горчакову.

ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЯМОГО ОБЛОЖЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
СО ВРЕМЕНЪ СМУТЫ ДО ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ. ИЗСЛѢДОВАНІЕ
А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАГО. Слб. 1890 года.

Рецензія П. Н. Милюкова.

Не смотря на недавнее свое появленіе, книга А. С. Лаппо-Данилевскаго уже вызвала рядъ печатныхъ критическихъ отзывовъ, и ея положеніе въ ученой литературѣ можно считать до нѣкоторой степени выясненнымъ¹⁾. Какъ кажется, всѣ рецензенты были согласны въ томъ, что изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго представляетъ достоинства, которыя не часто приходится встрѣчать въ нашей ученой литературѣ. Единогласно признана была выдающаяся начитанность автора и его солидное знакомство съ европейской исторической, историко-юридической и историко-экономической литературой. Указано было и связанное съ этимъ широкимъ историческимъ образованіемъ умѣнье автора выбрать тему-отвѣчающую наиболѣе современнымъ интересамъ и потребностямъ исторической науки. Столь-же единодушно было признано, наконецъ, что для осуществленія поставленной задачи авторъ собралъ огромное количество матеріала, какъ печатнаго, въ полнотѣ знакомства съ которымъ автору могъ бы позавидовать любой библіографъ,—такъ и рукописнаго, не только впервые изученнаго, но въ

¹⁾ Мнѣ извѣстны: рецензія М. А. Дьяконова въ Журн. Мин. Нар. Пр.; рецензія В. Н. Сторожева въ Юрид. Вѣстникъ 1890, ноябрь, стр. 462—474, статья Н. Н. Чечулина въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1891, мартъ, стр. 20. Историч. Вѣстникъ, 1890, августъ, 449—454. Книжный Вѣстникъ 1890, № 5, стр. 199—200. Возраженія на диспутъ официальныхъ оппонентовъ, Н. И. Карѣева и С. Ѳ. Платонова изложены, къ сожалѣнію, черезчуръ кратко, въ Историческомъ обозрѣніи. Т. I, стр. 292—294.

значительной степени даже и впервые найденнаго авторомъ. Что касается возраженій, сдѣланныхъ автору, то само собою разумѣется, что, при такой обширной темѣ, при необъятномъ количествѣ относящагося къ ней сыраго матеріала, при новости разработки многихъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ, въ этихъ возраженіяхъ не могло быть недостатка; еще болѣе справедливо это относительно дополненій, которыя будутъ долго еще представляться по мѣрѣ дальнѣйшаго изученія архивныхъ источниковъ. Возможность тѣхъ возраженій и дополненій, которыя отчасти уже сдѣланы раньше, отчасти предлагаются въ послѣдующихъ замѣчаніяхъ, нисколько, конечно, не уменьшаетъ достоинства разбираемаго изслѣдованія, а только доказываетъ необходимость дальнѣйшей коллективной работы въ томъ же направленіи. Предложить свою посильную долю этой коллективной работы имѣеть главнымъ образомъ въ виду и настоящая рецензія.

Выборъ темы. Распределение матеріала. Приемы изложенія. Выборъ всякой специальной темы есть до нѣкоторой степени случайность, и всякое выдѣленіе темы изъ непрерывнаго контекста историческаго процесса будетъ въ нѣкоторой степени искусственнымъ. Дѣло изслѣдователя, конечно, постараться, чтобы этой случайности и искусственности въ его выборѣ было какъ можно меньше. Тема, выбранная А. С. Лаппо-Данилевскимъ, и по теоретическимъ основаніямъ, какъ въ высшей степени соотвѣтствующая современнымъ вопросамъ нашей науки, и по практическимъ соображеніямъ, какъ опирающаяся на весьма обильный и важный, но почти до сихъ поръ не затронутый матеріалъ, представляется намъ вполне своевременною и наименѣе случайною. Но автору этого, по-видимому, недостаточно. Онъ доказываетъ, что его тема есть единственно возможная, что начинающій русский историкъ долженъ заняться прежде всего XVII вѣкомъ, и въ XVII вѣкѣ — государственнымъ хозяйствомъ. Специалистъ по исторіи отдѣльнаго народа долженъ изучать въ его исторіи преимущественно *специфическія* явленія, свойственныя національному типу, а не черты, общія ему съ другими народностями, — такова первая послышка автора, сама по себѣ далеко не безспорная. Вторая послышка не менѣе сомнительна: *наиболѣе специфическимъ* явленіемъ русской національной исторіи, утверждаетъ авторъ, является Московское государство XVII в. Такимъ образомъ, первый выводъ построенъ; второй мы приведемъ *водлинными* словами автора. «За этотъ періодъ времени (XVII в.), говоритъ онъ, развитіе великорусской національности было довольно

одностороннимъ. Оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функцій, а не въ историческомъ разностороннемъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ. Поэтому, изученіе XVII в. сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственной исторіей. Въ этой исторіи наиболѣе важными вопросами за это время являются: финансы и войско. Причинное соотношеніе, въ которомъ находятся эти явленія, естественно приводитъ къ изученію перваго изъ нихъ». Итакъ, въ финансовой исторіи XVII в. находится разгадка специфическихъ особенностей русской національной исторіи. Изучивъ ее обстоятельнѣе всѣхъ предыдущихъ изслѣдователей, авторъ, слѣдовательно, наиболѣе приблизится къ пониманію этихъ особенностей и объяснитъ намъ ихъ съ помощью финансовой исторіи. Поспѣшимъ же воспользоваться окончательнымъ выводомъ автора; отъ предисловія перейдемъ къ заключенію; вотъ нашъ искомый выводъ: «въ исторіи организаціи прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII в. ярко сказываются характерныя черты русской государственной жизни въ это время. Таковы: постепенное поглощеніе частныхъ интересовъ государственными, усиленіе централизаціи и милитаризма». Какъ видимъ, «характерныя черты» русской исторіи даже въ этой формулировкѣ автора не объясняются, а сами употребляются для объясненія особенностей нашей финансовой исторіи. Въ окончательномъ выводѣ авторъ не ушелъ дагѣе своего исходнаго пункта. Мы не разбираемъ здѣсь, впрочемъ, философіи исторіи автора и предпочли бы вовсе не упоминать объ его мотивировкѣ выбора темы, еслибы изложенная аргументація имѣла смыслъ простаго литературнаго приема. Но авторъ смотритъ на нее совершенно серьезно и по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи его воззрѣнія несомнѣнно имѣли значительное вліяніе на содержаніе его историческихъ представленій о выбранномъ періодѣ. Онъ, дѣйствительно, вѣритъ въ XVII-й вѣкъ, какъ въ какой-то предустановленный «типъ» русскаго историческаго развитія; прошлое по отношенію къ этому типу представляется ему подготовленіемъ, послѣдующее время—вырожденіемъ типа. «Въ XIV—XV в. уже видны зародыши будущаго Московскаго государства, въ XVI в. обрисовываются важнѣйшія черты государственнаго строя, но лишь въ XVII в. онѣ достигаютъ болѣе или менѣе устойчиваго взаимоотношенія, которое даетъ возможность довольно ярко представить себѣ извѣстный государственный типъ. Въ XVIII в. національныя черты этого типа сильно блѣднѣютъ подъ вліяніемъ

западно-европейской цивилизаціи». Это преимущественное сосредоточеніе вниманія на заранѣ составленной идеѣ «типа» само по себѣ не предвѣщаетъ ничего хорошаго: преувеливая «устойчивость» явленій, изслѣдователь рискуетъ утратить необходимую гибкость мысли и остроту зрѣнія; слѣдя за единствомъ типа, историкъ рискуетъ пропустить главное, что подлежитъ историческому изученію разнообразію, сложности и подвижности историческаго процесса.

Въ вопросѣ о финансовомъ строѣ XVII в. А. С. Лаппо-Данилевскій также выбралъ одинъ отдѣлъ, обозначаемый въ заглавіи: организацію прямаго обложенія. Сопоставляя это заглавіе съ содержаніемъ книги, мы найдемъ, что оно не совсѣмъ соотвѣтствуетъ послѣднему. (Спѣшимъ оговориться, впрочемъ, что мы хотимъ возразить здѣсь не противъ заглавія). Впервые, авторъ далеко не ограничивается организаціей обложенія, но изучаетъ также, въ цѣлой главѣ (первой) социальный составъ общества по отношенію къ податнымъ обязанностямъ разныхъ его слоевъ. Вторыхъ, врядъ-ли все содержимое книги подойдетъ подъ терминъ «прямаго» обложенія. Этимъ терминомъ авторъ, повидимому, хотѣлъ исключить «косвенное» обложеніе, т. е. налоги на потребление, и ограничить задачу изученіемъ такъ-называемыхъ одѣночныхъ налоговъ. Но, съ другой стороны, рамками послѣднихъ онъ вовсе не стѣсняется и изучаетъ такого рода финансовыя явленія, которыя не могутъ быть отнесены даже вообще къ разряду налоговъ. Напр. *оброкъ* въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ не есть налогъ, а доходъ съ государственныхъ имуществъ. Затѣмъ, рядъ натуральныхъ и личныхъ повинностей, которымъ посвящена опять цѣлая глава (IV), также врядъ-ли можетъ разсматриваться подъ рубрикой «прямаго обложенія». Разъ авторъ, такимъ образомъ, въ $\frac{2}{3}$ своей книги (215 стр. изъ 550) выходитъ вовсе изъ рамокъ «обложенія», мы вправѣ пожалѣть, что самую область обложенія онъ произвольно ссузилъ, выкинувъ косвенные налоги. Конечно, организація ихъ взиманія иная, чѣмъ прямаго обложенія; но вѣдь и организація отбыванія повинностей, и организація обложенія (договорнымъ) оброкомъ и нѣкоторыми спеціальными сборами, напр. процентными, — тоже иная, что не помѣшало автору включить все это въ сферу своего изслѣдованія. Между тѣмъ, исключивъ косвенные налоги, авторъ этимъ подвергъ себя весьма серьезнымъ неудобствамъ. Такъ, онъ лишилъ себя возможности представить въ цѣломъ систему центральной финансовой администраціи и отмѣтить нѣкоторые моменты въ ея развитіи, важные вообще для финан-

совой исторіи XVII в.; долженъ былъ обойти молчаніемъ нѣкоторые самые характерныя приемы финансовой политики Московскаго государства; но что особенно важно, онъ потерялъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность изучать количественныя отношенія податной системы XVII в., безъ знакомства съ которыми невозможно никакое сужденіе о финансовомъ значеніи отдѣльныхъ налоговъ, о сравнительной ихъ тяжести для страны и важности для государственнаго бюджета. Безъ выясненія же этихъ обстоятельствъ и сужденіе о любомъ финансовомъ мѣропріятіи XVII в. должно было сдѣлаться затруднительнымъ. Очевидно, авторъ самъ сознавалъ эти послѣдствія своего самоограниченія, такъ какъ оговорился въ предисловіи, что ставитъ своей задачей рассмотреть входящія въ его тему вопросы не «съ точки зрѣнія ихъ экономическаго значенія», а «съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности»; — т. е. очевидно, не съ точки зрѣнія матеріальной, а съ точки зрѣнія формальной. По нашему крайнему разумѣнію, такая точка зрѣнія въ спеціальномъ сочиненіи по финансовой исторіи составляетъ существенный недостатокъ.

Зная теперь, что финансовый строй XVII в. авторъ будетъ описывать, какъ особо-типичную систему «устойчивыхъ взаимоотношеній», и что систему эту онъ изучаетъ со стороны ея формальной организаціи, мы уже должны быть готовы къ тому, чтобы встрѣтить въ книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго не финансовую исторію XVII в., а именно финансовую систему, не процессъ, а устройство. Поэтому, намъ нѣсколько удивитъ послѣ всего этого замѣчаніе автора, что «въ этихъ общихъ рамкахъ онъ стремился изобразить изучаемыя имъ явленія не въ статическомъ положеніи, а въ ихъ историческомъ движеніи, не отвлеченною, однообразною схемою, а въ видѣ живой, развивающейся ткани соотношеній, опредѣляемыхъ мѣстными условіями древне-русской жизни». Чтобы понять смыслъ этого замѣчанія, кажется, надо сопоставить его съ тѣмъ планомъ расположенія матеріала, котораго придерживался авторъ въ своей книгѣ.

Изучая финансовый строй со стороны формальной, авторъ могъ избрать двоякій планъ изложенія: или въ порядкѣ систематическаго описанія различныхъ составныхъ частей функционирующаго механизма, или въ порядкѣ послѣдовательныхъ моментовъ его функционирования. Если уже считать оба порядка несовмѣстимыми, — болѣе удобнымъ и послѣдовательнымъ намъ казалось бы остановиться на первомъ планѣ, такъ какъ изученіе функционирования механизма предполагаетъ уже предварительное знакомство съ его устрой-

ствомъ. Авторъ выбралъ второй планъ. Чтобы объяснить этотъ выборъ, мы и должны вспомнить только-что приведенную фразу: вѣроятно, ему казалось, что, изучая механизмъ въ его функционированіи, онъ этимъ становится на «динамическую» точку зрѣнія и вводитъ жизнь въ отвлеченную схему. Такъ какъ подъ динамикой историческаго процесса мы привыкли однакоже понимать именно процессъ, а не функционированіе установившейся системы, то мы и не можемъ согласиться здѣсь съ авторомъ. Дробить живыя явленія между моментами такого функционированія, какъ намъ кажется, значить гораздо болѣе насиловать ихъ, чѣмъ нужно для изображенія «отвлеченной схемы» дѣйствующаго механизма. А такъ какъ авторъ не только даетъ цитированное общаніе, но и старается дѣйствительно его исполнить, то можно только пожалѣть, что онъ не былъ послѣдовательнѣе разъ принятой формальной точкѣ зрѣнія и не ограничился изображеніемъ «отвлеченной, однообразной схемы».

Предположенный планъ — сгруппировать матеріалъ въ порядкѣ функционирования фпнансоваго строя,—однако, тоже не выполнень авторомъ вполне, прежде всего по невозможности умѣстить въ немъ весь собранный запасъ данныхъ. Такъ, совсѣмъ за порогомъ этого плана осталась глава о податныхъ классахъ, получившая какъ бы вступительный характеръ. Вторая глава выдерживаетъ планъ, за однимъ исключеніемъ. Въ ней изучается первый моментъ функционирования: *раскладка* податей; онъ въ свою очередь распадается на два момента: подготовительный, именно 1) составленіе переписей, 2) опредѣленіе на основаніи ихъ той податной единицы, которой будетъ измѣряться податная способность субъекта; сюда же напрасно отнесено 3) составленіе отчетовъ и смѣтъ по взиманію налоговъ: какъ кажется, этотъ моментъ удобнѣе разсматривать какъ заключительный, которымъ кончается финансовый круговоротъ. Второй моментъ, исполнительный, состоитъ въ мірской раскладкѣ податей внутри установленныхъ правительствомъ окладныхъ единицъ. Слѣдующему моменту функционирования, *взиманію* податей, посвящена третья глава сочиненія: здѣсь излагается конкурирующая дѣятельность выборныхъ и правительственныхъ органовъ по взиманію и затѣмъ «движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія». Отсюда—естественный переходъ къ центральнымъ учрежденіямъ, но авторъ вторично нарушаетъ свой планъ, вводя главу четвертую, о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ. Въ послѣдней, пятой, главѣ ав-

торъ возвращается къ своей системѣ и изучаетъ заключительный моментъ функционирования: «распредѣленіе поступлений по центральнымъ учрежденіямъ». Сюда же удобнѣе было бы отнести и отдѣлъ о финансовой отчетности.

Какъ видимъ, этотъ планъ изложенія, которому нельзя отказать въ стройности, не оказываетъ, однако, автору единственной услуги, которая могла бы еще до нѣкоторой степени оправдать его прирѣченіе: онъ не сообщаетъ книгѣ единства дѣленія. Между тѣмъ, онъ сопровождается весьма серьезными неудобствами. Различныя части функционирующаго механизма изображаются лишь попутно, и притомъ какъ бы по поводу своего функционирования. Отсюда изображеніе областной финансовой администраціи разбивается между отдѣлами о раскладкѣ и о взиманіи; воевода фигурируетъ чуть-ли не во всѣхъ стадіяхъ функционирования и по всѣмъ отдѣламъ приходится разбрасывать характеристику его дѣятельности. Еще неудобнѣе оказывается—описывать центральную администрацію по поводу распредѣленія поступлений между разными учрежденіями. Но всего важнѣе то неудобство, что цѣлый отдѣлъ о податной системѣ при этомъ порядкѣ изложенія вовсе не находитъ себѣ мѣста, и авторъ размѣщаетъ необходимыя ему свѣдѣнія, гдѣ случится. Разбросавъ эту неосуществившуюся, хотя и необходимую главу по всему сочиненію, авторъ все-таки вынужденъ былъ нарушить планъ для введенія аналогичной главы 4-ой.

Итакъ, въ результатѣ,—архитектоника изслѣдованія представляется намъ не совсѣмъ удавшеюся. Это обстоятельство освобождаетъ насъ отъ обязанности въ своихъ замѣчаніяхъ слѣдовать порядку изложенія автора.

Кончая эти общія замѣчанія, не можемъ не указать теперь же еще на одно обстоятельство, вмѣстѣ съ предыдущимъ значительно затрудняющее изученіе книги А. С. Лаппо-Данилевскаго. Обстоятельство это связано съ указаннымъ выше колебаніемъ автора между изображеніемъ порядка,—«однообразной схемы»,—и изображеніемъ наполняющей схему «живой ткани соотношеній». При изображеніи схемы непригодны индивидуальныя факты и случайныя черты. При изображеніи жизни все это нужно, но по жизни нельзя судить о схемѣ. Авторъ недостаточно оцѣнилъ, какъ намъ кажется, несомвѣстимость этихъ условій; слишкомъ часто онъ клеитъ свою картину порядка изъ единичныхъ исключеній, понятныхъ только на своемъ мѣстѣ; отрывая ихъ отъ этого мѣста, онъ лишаетъ ихъ ихъ индивидуальнаго смысла, но не можетъ часто найти въ нихъ

и смысла общаго; забывая, что ихъ не слѣдовало сопоставлять безъ дальнѣйшихъ объясненій для характеристики общаго порядка, онъ считаетъ ихъ все-таки пригодными для такой характеристики и, въ результатѣ, слишкомъ часто приходитъ къ заключенію, что искомый имъ порядокъ заключался въ полномъ безпорядкѣ, а описываемыя имъ формы сводились къ полной безформенности. Нужно ли говорить, что во многихъ подобныхъ случаяхъ виновата не жизнь, а нѣсколько неосторожное введеніе этой жизни въ рамки «отвлеченной, однообразной схемы».

Одинъ изъ критиковъ сочиненія А. С. Лаппо-Данилевскаго, М. А. Дьяконовъ, не разъ принужденъ былъ отмѣчать «невыгоду положенія автора, которому приходилось оперировать надъ матеріаломъ XVII в., не имѣя подготовленной почвы въ изслѣдованіяхъ о предшествующихъ эпохахъ». (стр. 377). Въ дѣйствительности, эта невыгода станетъ еще яснѣе, если согласимся, что XVII в. вовсе не представляетъ того неизмѣннаго устойчиваго типа, какимъ отчасти склоненъ представлять его авторъ; первая половина этого вѣка, можетъ быть, во многихъ отношеніяхъ окажется въ концѣ концовъ тѣснѣе связанной со второй половиной XVI-го, чѣмъ со второй половиной XVII-го вѣка. Конечно, и самъ авторъ хорошо чувствовалъ эту связь, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги онъ счелъ нужнымъ сдѣлать экскурсы во время, предшествующее XVII в. На этихъ экскурсахъ мы и позволимъ себѣ прежде всего остановиться съ большей подробностью, чѣмъ это вызывается прямыми задачами рецензіи. Непропорціональность эта отчасти оправдывается тѣми выводами, которые мы получимъ возможность сдѣлать и относительно взглядовъ автора на XVII вѣкъ; до нѣкоторой степени она оправдывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что по XVII в. намъ уже пришлось посчитаться съ взглядами автора въ нашей собственной работѣ («Госуд. хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго»), и для дальнѣйшей критики труда А. С. Лаппо-Данилевскаго мы воспользуемся полученными тамъ выводами.

I. Время предшествующее XVII вѣку. 1. Податная система. Въ самомъ началѣ своего изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскій вводитъ отдѣлъ, имѣющій содержаніемъ «происхожденіе и развитіе прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ до XVII в.» (1—18). Развитіе русской податной системы представляется здѣсь въ слѣдующей схемѣ. Система прямыхъ налоговъ сложилась изъ трехъ элементовъ: налоги, происшедшіе изъ дворцоваго хозяйства,

изъ военныхъ потребностей и изъ татарскаго завоеванія. Первый и, кажется, по мысли автора, древнѣйшій отдѣлъ податной системы складывается въ то время, когда «личныя потребности сѣверно-русскаго князя и его двора, вѣроятно, удовлетворялись не столько путемъ сборовъ съ крестьянъ, селившихся на черныхъ земляхъ, сколько наличными силами и средствами его частнаго хозяйства». Другими словами, древнѣйшіе прямые налоги—частно-хозяйственнаго происхожденія. Сюда именно авторъ относитъ *оброкъ* и *кормы* администраторамъ-дружинникамъ князя (1—8). Ко второму податному слою, вызванному потребностями внѣшней защиты, относится образованіе *стрѣлцкой подати*, повинностей *городоваго дѣла* и *ратной службы* («*посошной*»): «податныя обязанности, вызванныя потребностями государственной защиты, сложились довольно поздно» (именно, послѣ середины XIII в.?). Наконецъ, третье наслоеніе прямыхъ податей авторъ выводитъ изъ отношеній къ татарамъ: сюда относятся *дань*, *ямскія* и *поломяничная* деньги.

Идея частно-хозяйственнаго происхожденія государственныхъ отношеній Московскаго княжества принесла, безспорно, большую пользу нашей наукѣ. Тѣмъ не менѣе въ наше время, кажется, роль этой идеи слѣдуетъ считать сыгранной. Рамки ея оказались слишкомъ узкими. Старая идея не только оживаетъ однако въ употребленіи автора, но оживаетъ еще въ болѣе узкомъ смыслѣ. Не довольствуясь выводомъ древнѣйшихъ финансовыхъ отношеній изъ дворцоваго хозяйства, онъ старается вывести ихъ изъ предполагаемой имъ основной ячейки этого хозяйства, изъ эксплуатаціи въ дворцовомъ хозяйствѣ рабскаго труда.

Въ рецензіяхъ гг. Дьяконова и Сторожева уже было отмѣчено произвольное употребленіе авторомъ термина XVII в. («задворные» холопы) въ приложеніи къ XII—XIV вѣку (стр. 1, 3, 9, 12) и ошибочное принятіе имъ людей дворцовой службы (находящихся «подъ дворскимъ») — за дворовыхъ холоповъ. Авторъ пытается даже установить фактъ постепеннаго перерожденія «задворныхъ холоповъ» въ тяглое населеніе (крестьянъ), а «дворовыхъ» — въ служилое (9). Изъ 9 цитатъ приведенныхъ (стр. 2, прим. 2) въ доказательство перваго положенія, ни одна не касается, однакоже, предполагаемаго авторомъ перехода «задворныхъ холоповъ» въ крестьяне: это все жалованныя грамоты рыболовамъ, сокольникамъ, бобровникамъ, т. е. дѣйствительно тѣмъ людямъ, которые въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ означаются какъ люди «подъ дворскимъ», но которые и въ этихъ грамотахъ вовсе не означаютъ хо-

лоповъ, хотя холопы между ними и попадаются ¹⁾. Переходъ ихъ въ крестьяне, по мысли автора, долженъ былъ совершиться тогда, когда измѣнился характеръ ихъ повинностей; именно, по его предположенію, «людскія деревни и слободы доставляли первоначально во дворецъ всё требуемые сборы натурой», а потомъ ростъ княжескаго хозяйства и измѣненіе характера дворцовыхъ слободъ (т. е. изъ земледѣльческихъ въ промышленныя) «повели къ переложенію ненужной части натуральныхъ сборовъ на денежный оброкъ» — въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. И опять приводимыя авторомъ (тѣ же) мѣста нисколько не оправдываютъ этого схематическаго построения автора; въ одномъ только изъ нихъ есть прямая замѣна натурального дворцоваго сбора не оброкомъ, а тягломъ, и не въ XV—XVI в., а въ 1668 г. ²⁾; изъ всѣхъ же вообще мѣстъ видно, что 1) это не «людскія» (т. е. холопскія) деревни; 2) оброкъ въ нихъ не замѣняетъ натуральныхъ платежей, а существуетъ параллельно; иногда же извѣстное угодье прямо и отдается на оброкъ, а не для натуральныхъ поставокъ ³⁾. Въ отличіе отъ тяглаго волостнаго населенія эта общественная группа носитъ въ древнихъ источникахъ и названіе «оброчниковъ»; положеніе ихъ иное, чѣмъ крестьянъ, но не потому, что они — холопы, а потому, что они «служать службу великаго князя»; позднѣе эта группа входитъ въ составъ дворцовыхъ крестьянъ, хотя нѣкоторымъ членамъ ея и удалось пробраться въ «помѣщики».

Врядъ-ли можно считать удавшеюся и попытку автора объяснить происхожденіе служилаго сословія изъ слиянія «высшаго слоя царскихъ дворцовыхъ холоповъ съ низшимъ слоемъ вольныхъ слугъ». (9). Авторъ основывается при этомъ на нерѣдкомъ упоминаніи въ XIII—XV в. «двора» государева въ смыслѣ военнаго отряда. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ «дворъ» и есть вольные слуги, — они же дѣти боярскія. Люди дворцовой службы, конечно, могли примыкать къ этому отряду, хотя вообще ихъ служба была другая, хозяйственная; весьма вѣроятно, дагѣе, что и зародыши помѣстной системы сложились въ обстановкѣ дворцовой службы, прежде чѣмъ были примѣнены къ служилой организаціи. Но дворцовая служба не есть непременно служба холопская; врядъ-ли число холоповъ на дворцовой службѣ было настолько значительно,

¹⁾ Ср. напр. С. Г. и Д. I, № 40, стр. 74—75.

²⁾ А. Э. IV, № 210.

³⁾ Напр. А. Э. I, 142, 143.

чтобы образовать цѣлый «слой», да еще перешедшій изъ сферы хозяйственной въ сферу военной службы. Не отрицая возможности того, что холопъ великаго князя могъ сдѣлаться «помѣщикомъ» и служилымъ человѣкомъ, мы однако полагаемъ, что такіе случаи были довольно рѣдкими ¹⁾).

Еще затруднительнѣе оказывается положеніе автора, когда изъ этихъ основъ дворцоваго хозяйства съ несвободнымъ контингентомъ дворцовыхъ слугъ онъ начинаетъ выводить древнѣйшіе налоги. Собственно говоря, изъ дворцовыхъ потребностей нельзя, какъ мы думаемъ, вывести никакихъ сборовъ, кромя чисто дворцовыхъ. Мы готовы согласиться съ авторомъ, что именно такое частно-хозяйственное происхожденіе имѣютъ нѣкоторые виды оброка. Но *главные* виды оброка происходятъ, во всякомъ случаѣ, не изъ дворцовыхъ потребностей. М. А. Дьяконовъ замѣтилъ уже, что такимъ образомъ не можетъ быть объяснено происхожденіе оброка, замѣняющаго тягло; кажется, что и оброкъ въ смыслѣ аренднаго сбора съ государственныхъ имуществъ не долженъ быть выводимъ изъ отношеній дворцоваго хозяйства; есть основанія думать, что бортный, бобровый, рыбный промыслы уже въ то время считались регаліями и различались отъ непосредственнаго дворцоваго имущества ²⁾).

Во всякомъ случаѣ, къ нѣкоторымъ видамъ оброка и сводятся всѣ подати дворцоваго характера. Уже совсѣмъ неудачно пытается авторъ вывести изъ дворцоваго хозяйства рядъ налоговъ на содержаніе администраціи. Для этого онъ предполагаетъ, что дворцовымъ чиновникамъ (опять: «бывшимъ первоначально дворовыми холопами вел. кн.») приходилось наблюдать за выполненіемъ недворцовымъ населеніемъ нѣкоторыхъ дворцовыхъ повинностей и во время этого наблюденія они получали отъ населенія содержаніе натурой; затѣмъ, несовсѣмъ яснымъ образомъ, это содержаніе было переведено на деньги и, еще менѣ понятнымъ образомъ, превратилось въ этомъ видѣ въ казначеевы, дьячьи и подъячьи пошлыны. Насильствен-

¹⁾ Въ Переяславскомъ уѣздѣ среди селъ и деревень великаго князя, числящихся «за помѣщиками», мы нашли въ 1520 году деревню въ 3 двора, записанную въ писцовой книгѣ «за холопомъ великой княгини», — вѣроятно, не служилымъ человѣкомъ. (Рум. Муз. Собр. Бѣляева, № 1620, л. 29 и слѣд.). Другихъ случаевъ пока не знаемъ, если не упоминать о чрезвычайной мѣрѣ, повстаніи, по извѣстію Бекетовской разрядной, дворовыхъ людей разныхъ частныхъ лицъ въ новгородскіе помѣщики.

²⁾ См. впрочемъ Боярскую Думу В. О. Ключевскаго, изд. 2-е, стр. 112.

нось этого вывода бросается въ глаза. При тогдашней простотѣ центральной администраціи, конечно, дворцовые чиновники являлись и вообще администраторами, не ограничиваясь дѣлами по дворцовому хозяйству. Недворцовое населеніе, рядомъ съ общими податями и повинностями, дѣйствительно, несло и нѣкоторыя спеціально дворцовыя; но большая часть послѣднихъ именно и вызывалась временнымъ присутствіемъ въ-его средѣ великаго князя, его бояръ, «бѣдоковъ и посланниковъ»; это было наше *droit de gîte*. Итакъ, никакой надобности наблюдать за отправленіемъ этихъ *дворцовыхъ* повинностей черезъ особыхъ чиновниковъ не было; если же дворцовые чиновники и получали съ недворцоваго населенія содержаніе, постоянное или временное, то они получали его не въ качествѣ руководителей дворцоваго хозяйства, а именно въ качествѣ чиновниковъ.

Намѣстничьи и волостелины *корми* авторъ ставитъ въ связь съ дворцовымъ хозяйствомъ другимъ способомъ. Звеномъ, связывающимъ одно съ другимъ, является здѣсь идея *кормленія*. Кормленіе авторъ опредѣляетъ, какъ «передачу государственныхъ правъ, принадлежащихъ князю, въ частное временное пользованіе служиому человѣку» (5). Если согласимся съ этимъ опредѣленіемъ, если даже допустимъ *частный* характеръ *кормленій* вообще, то все же этимъ ничего не рѣшается въ частности относительно *корма*. Въ кормленіе можно было пожаловать любую должность, любую отрасль государственнаго дохода. Но одна эта передача, конечно, не могла создать новаго государственнаго дохода, и поэтому врядъ-ли можно говорить о «переходѣ кормленія въ государственный налогъ» (512). Кормленіе не есть налогъ, а только одинъ изъ способовъ употребленія государственнаго налога. *Кормъ* же намѣстника и волостеля и *поборъ* ихъ доводчиковъ и праветчиковъ есть спеціальныи государственный налогъ на содержаніе мѣстной администраціи. При рудиментарности государственныхъ учреждений, взиманіе его поручается самой администраціи; но одно это измѣненіе *формы взиманія* само по себѣ не дѣлаетъ чиновника — частнымъ лицомъ, а его жалованья — частнымъ доходомъ. Форма взиманія *корма* (натурой и деньгами) представляется безразличной въ самыхъ документахъ; разнѣръ его, насколько мы можемъ слѣдить по источникамъ, въ самомъ началѣ является точно опредѣленнымъ; слѣдовательно, говорить о томъ, какъ «прежніе неопредѣленные натуральные корми превращаются въ болѣе точные денежные доходы», можно только предположительно; но даже и въ томъ случаѣ, если такой хронологическій

переходъ дѣйствительно существовалъ, съ нимъ нельзя связывать никакого «измѣненія самаго характера сборовъ», и, конечно, нельзя выводить, что, именно благодаря этому превращенію — «изъ частнаго дохода, вознаграждавшаго заслуги служиваго человѣка, они (сборы) становятся мало по малу государственнымъ налогомъ»¹⁾. Будучи государственнымъ налогомъ съ самаго начала, кормъ никогда не былъ «частнымъ доходомъ», а составной частью казеннаго жалованья; кормленіе же дѣйствительно могло быть передачей государственнаго налога въ частное пользованіе (если давалось частному лицу, а не чиновнику); но оно не создавало никакого новаго налога. Въ этомъ и послѣдующихъ разсужденіяхъ авторъ постоянно смѣшиваетъ видъ съ родомъ, *кормъ* съ *кормленіемъ*; но различныя по существу, оба явленія имѣли и различную судьбу: съ уничтоженіемъ кормленій вовсе не уничтожился кормъ; его обращеніе въ казну послѣ введенія губныхъ учреждений было продолженіемъ той-же обычной практики, какая дѣйствовала обыкновенно при всякомъ освобожденіи и упраздненіи мѣста, дотированнаго этимъ содержаніемъ; намѣстничъ кормъ обращался въ казну, «чтобы тѣмъ *нашимъ* доходомъ истери не было», какъ выражается одна грамота²⁾. Но обращеніе намѣстнича корма въ казну не сопровождалось переводомъ администраціи на казенное содержаніе и установленіемъ денежныхъ штатовъ: воевода XVII в. получалъ свои кормы совершенно на томъ же основаніи, какъ и намѣстникъ XVI в. (Гос. Хоз., стр. 90, 122); дальнѣйшее изслѣдованіе должно только разъяснить, была-ли тутъ преемственная связь и въ какихъ случаяхъ воеводскій кормъ явился новымъ налогомъ помимо намѣстнича.

1) Необходимо здѣсь напомнить, что, помимо намѣстнича корма, существовалъ еще «посошный кормъ», часто упоминаемый грамотами рядомъ съ первымъ и бывшій, повидимому, уже прямо сборомъ въ княжескую казну. Авторъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ налогѣ.

2) Доп. къ А. И. I, № 86, 109. Ср. Арх. Мин. Юст. Переясл. у. № 8808, грамота 1530 г. авг. 12: «въ Гулятино и Мишутино прикащику нашему:—присылаю къ намъ бити челомъ Троицкаго монастыря игумень Іоасафъ... что деи ихъ деревни монастырскіе есть въ Мишутинѣ, а кормомъ тянутъ изстари къ Переяславию—къ намѣстникомъ; и ты деи на ихъ хрестьянехъ тѣхъ деревень правишь кормы на меня на вел. князя, и ты бы съ тѣхъ монастырскихъ деревень... кормовъ не правиль,... кормъ на нихъ емлють наши намѣстники переяславскіе». Въ Новгород. писцов. кн. т. IV, 227 (1498) находимъ слѣдующую замѣтку: «а что кладенъ намѣстничъ кормъ и волостелинъ на вел. князя волости и на деревни въ старыхъ кормленьяхъ и въ новомъ кормленьи, и тѣхъ кормовъ на вел. князя не имати, а емлють тѣ кормы намѣстники и волостели».

Надо думать, что различаемымъ имъ слоямъ податной системы авторъ не придаетъ строго хронологическаго значенія. Ему, конечно, хорошо извѣстно, что оброкъ и кормъ не суть единственныя составныя части древнѣйшей податной системы; черезъ нѣсколько страницъ, напр., мы узнаемъ, хотя и мимоходомъ, что князья съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ вѣзали въ свою пользу *дань*. Одного этого упоминанія достаточно, чтобы древней податной системѣ не придавать характера исключительно дворцовой.

Авторъ переходитъ затѣмъ ко второй своей группѣ: къ налогамъ, образовавшимся изъ потребностей государственной защиты (9—13). Эти податныя обязанности, по его мнѣнью, «сложились довольно поздно, да и могли сложиться лишь тогда, когда нѣсколько окрѣпла государственная власть и опредѣленнѣе обрисовались главнѣйшія черты общественнаго строя. Ни того, ни другаго еще не существовало въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIII вѣка». Первый изъ объясняемыхъ имъ военныхъ налоговъ этой группы, *стрѣльцкая подать*, ставится въ связь съ происхожденіемъ стрѣльцкаго войска опять изъ отряда дворцовыхъ холопей. Если мы не могли согласиться съ первою ступенью доказательства автора, съ отождествленіемъ «двора» государева съ дворцовыми холопами, то еще менѣе можемъ согласиться со второю—съ выведеніемъ стрѣльцовъ отъ двора государева. Дворъ государевъ есть московская гвардія дѣтей боярскихъ ¹⁾; называются они «дворомъ» (или «дворовыми дѣтьми боярскими») уже въ XV в.—въ противоположность дѣтямъ боярскимъ «изъ городовъ» или городовымъ ²⁾. Въ томъ же смыслѣ документы говорятъ о «стрѣльцахъ и казакахъ государева двора» (Вивл. XIV, 351, 1578 г.); это мѣсто, цитируемое авторомъ (вслѣдъ за Сергѣевичемъ, Наблюд. 1887, № 1) въ доказательство его теоріи, такъ же мало связываетъ съ дворцовой службой стрѣльцовъ и казаковъ, какъ и предъидущія цитаты—дѣтей боярскихъ; этимъ просто обозначаются стрѣльцы и казаки *московскіе*, въ отличіе отъ *городовыхъ* (Вивл. XIV, стр. 352). Съ тѣхъ поръ, какъ переселена была подъ Москву въ 1550 г. тысяча выборныхъ дѣтей боярскихъ, дѣти боярскія «двора государева» получили окончательно

¹⁾ Они же вольные слуги, см. Сергѣевича Юрид. Древн. I, 324—327.

²⁾ Мѣста изъ Воскрес. лѣтописи 1449 г. (ср. также 1446: «дѣти боярскіе дворовые»), 1469; см. у Сергѣевича о. с. 357; вмѣсто «изъ всѣхъ уѣздовъ» Накиновская ставитъ въ послѣднемъ случаѣ «изъ всѣхъ градовъ». Ср. также въ издаваемой мною разрядной кн. (Чт. Общ. Ист. и Др.), стр. 42, подъ 1509 г. «дѣти боярскія изъ двора и изъ городовъ».

названіе «дворянъ», оставивъ терминъ дѣтей боярскихъ (дворовыхъ и городовыхъ) провинціальному служилому сословію. Такимъ образомъ, это была лучшая, *выборная* часть русской служилой конницы. Между тѣмъ стрѣльцы, также какъ ихъ предшественники въ первой половинѣ XVI в., «пищальники» ¹⁾, суть представители повсемѣстно вводившагося тогда въ Европѣ наемнаго пѣхотнаго войска, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ. Дѣйствительно, это было первое наше регулярное войско, получавшее и первое регулярное содержаніе,—но какъ разъ въ противоположность дворянской конницѣ дѣтей боярскихъ, обезпеченныхъ помѣстьями, а не кормомъ и денежнымъ жалованьемъ, которое они получали въ нѣсколько лѣтъ разъ. Что стрѣльцы (московскіе) получали въ началѣ XVII в. хлѣбъ изъ Дворца, это, конечно, объясняется не ихъ дворцовымъ происхожденіемъ, а тѣмъ, что только Дворецъ и собиралъ тогда натуральный сборъ хлѣбомъ (на «житномъ дворѣ»). Хлѣбный кормъ стрѣльцамъ и другимъ лицамъ дается изъ Дворца по той же причинѣ, по какой денежный кормъ выдается изъ Бол. Прихода и изъ четей, а питье и съѣстные припасы изъ того же Дворца (вино еще изъ Новой чети) ²⁾.

Связавъ происхожденіе стрѣльцовъ съ «дворомъ» государевымъ, авторъ не могъ и не пытался опредѣлить время происхожденія регулярной стрѣлецкой подати. То и другое, какъ мы думаемъ, относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ какое можно вывести изъ изложенія автора. Одно изъ самыхъ раннихъ упоминаній о «стрѣльцахъ» говоритъ о *новомъ* наборѣ ихъ въ Новгородѣ въ 1555 г.; содержаніе имъ въ этомъ случаѣ идетъ изъ старыхъ сборовъ ³⁾; въ полюцкомъ походѣ 1563 г. въ кадрахъ арміи упоминаются только «пищальники» и «казаки», при чемъ одинъ разъ послѣдніе прямо названы «черкасскими» ⁴⁾; но на мѣстѣ дѣйствій оказываются и стрѣльцы, хотя, повидимому, въ небольшомъ числѣ ⁵⁾. Только въ ливонскомъ походѣ 1577 г. стрѣльцы «московскіе» и «городовые»

¹⁾ Пищальники наряжаются съ городовъ вмѣстѣ съ «посошными» въ 1509 г., см. ту же разрядную, стр. 41. Болѣе раннихъ упоминаній я не знаю. Иллюстрацію къ подобному «наряду» можетъ дать грамота 1545 г. А. Э. I, № 205.

²⁾ Множество примѣровъ см. въ Р. Ист. Библ. IX, записная книга Моск. стола 1616—27 г. Временникъ, IV.

³⁾ Доп. къ А. И. I, 68; они же и «казаки», ib. № 80.

⁴⁾ Сапуновъ, Витебск. Старина, IV, 38.

⁵⁾ Ib. 58, 66, 69.

составляютъ (независимо отъ 1206 казаковъ) значительную цифру 6.741 ¹⁾. Постоянная же стрѣлцкая денежная подать появилась только послѣ Смутнаго времени. Она имѣла, однакоже, свои прецеденты и въ XVI в., но о послѣднихъ авторъ совсѣмъ не упоминаетъ. Новыми военными податями, введенными одновременно съ организаціею отряда, снабженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, были «пищальные деньги» и «емчужныя» (на расходъ по варенію селитры для приготовленія пороха). Упомянутія объ обѣихъ, сколько намъ приходилось замѣчать, встрѣчаются только со второй половины XVI вѣка; вмѣстѣ съ ними появляются налоги на «городовое и засѣчное дѣло», т. е., какъ можно догадываться, на инженерныя и фортификаціонныя работы по укрѣпленію границъ, преимущественно южныхъ ²⁾.

Кромѣ стрѣлцкой, авторъ выводитъ изъ потребностей государственной защиты еще двѣ повинности: городовое дѣло и посошную повинность. Трудно сомнѣваться въ томъ, что обѣ повинности возникли раньше, чѣмъ «окрѣпла центральная власть», и принадлежатъ періоду племенной жизни, составляя обще-славянскую, и даже не только славянскую, черту. Въ формѣ «посохи», т. е. поставки опредѣленнаго количества ратныхъ людей съ сохи, послѣдняя изъ

¹⁾ При общемъ количествѣ 16,871, а съ посошными 29,595 человекъ. *Vgl. Gesch. d. Heereseinrichtungen, Beilage I.*

²⁾ Изъ документовъ Новгородской приказной избы мы узнаемъ, что съ 1552 г. сряду четыре года взымался со всѣхъ пяти пятинъ цѣлый рядъ новыхъ сборовъ военного характера: емчужное дѣло по окладу 1 р. 30 к. съ сохи; за посошныхъ людей и за всякія городовыя дѣла — по 1 р. 20 к. съ сохи. (Доп. А. И. I, № 94 bis); изъ другаго документа еще видно, что это сборы *новые*; именно, еще въ 1555 г., пропустивъ сроки, новгородскія власти отговаривались тѣмъ, что еще не разосланы платежныя книги, по которымъ слѣдуетъ производить взыманіе (№ 94). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли въ данномъ случаѣ новыя самыя подати или только оклады ихъ и способы ихъ взыманія; позднѣе мы увидимъ, что какъ разъ въ это время дѣйствительно должны были вводиться новыя сошныя оклады. *Пищальные* деньги взымаются въ 1556 г. (Доп. къ А. И. I, № 89); упоминаются въ сотной выписи съ двинскихъ писцовыхъ книгъ 1554 г. (Арх. Мин. Юст. грам. Двин. у. № 4125—въ описи 4126), въ уставной Важской грамотѣ 1553 г. (А. А. Э. I, № 234). Болѣе раннихъ извѣстій намъ не случалось встрѣчать. Относя происхожденіе стрѣлцкой подати ко времени образованія стрѣлцкаго войска, авторъ имѣлъ предшественника — Кури (Юрид. Сборн. Мейера, 130—1, 133); въ другомъ мѣстѣ онъ однако замѣтилъ и исправилъ непонятную ошибку послѣдняго, отнесшаго свидѣтельство о «стрѣлцкомъ хлѣбѣ» 7126 года (1618) къ 1540-му и заключившаго отсюда, что «впервые она (стрѣл. подать) встрѣчается въ царствованіе Іоанна IV, которымъ, кажется, и установлена» (см. стр. 402, пр. 1).

нихъ извѣстна, правда, только въ XIV в.; но нова тутъ только форма разложенія повинности на сохи, общая, впрочемъ этой повинности съ другими; врядъ-ли даже терминъ «посоха» можно относить только къ ратной посохѣ; документы упоминають о «ямской посохѣ» и о посохахъ въ множественномъ числѣ, въ смыслѣ, равносильномъ вообще «повинностямъ»¹⁾.

Что касается перевода этихъ повинностей на деньги, авторъ замѣчаетъ, что городовое дѣло «рѣдко перелагалось на денежные платежи», а о замѣнѣ денежнымъ платежемъ посошной повинности вовсе не говоритъ до XVII в., хотя случаи такой замѣны бывали²⁾. Хронологическаго единства этотъ отдѣлъ совсѣмъ не имѣетъ, такъ какъ стрѣльцкую подать приходится отодвинуть въ болѣе позднее время, а обѣ повинности — въ болѣе раннее.

А между тѣмъ, если сопоставимъ естественно входящія въ этотъ отдѣлъ пищальные, емчужныя, за городовое дѣло и засѣчныя—деньги, если отмѣтимъ приблизительно время происхожденія этихъ военныхъ податей (половина XVI в.), если припомнимъ кстатѣ и то, что какъ разъ во второй половинѣ XVI в. жалованныя грамоты начинаютъ вводить оговорки, по которымъ тарханщики перестаютъ освобождаться отъ военныхъ повинностей (городоваго дѣла и посошной службы), что вмѣстѣ съ тѣмъ учащаются случаи перевода посошной ратной службы на деньги и что, наконецъ, какъ разъ въ то же время появляется въ значительномъ количествѣ первая регулярная пѣхота,—то сопоставленіемъ всѣхъ этихъ фактовъ самъ собою намѣтится весьма важный моментъ въ исторіи русской податной системы и военнаго дѣла.

Слѣдуетъ третья категория—податей, вызванныхъ татарскимъ завоеваніемъ. Вслѣдъ за другими изслѣдователями, авторъ ведетъ отсюда прежде всего происхожденіе *дани*. Такъ какъ дань, конечно, существовала и до татаръ, что очень хорошо извѣстно автору, то изслѣдователю предстоитъ здѣсь выяснить, что именно новаго внесено было татарскимъ завоеваніемъ въ исторію этой подати: явилась-ли новая татарская дань просто механическою прибавкой къ прежней, сливалась-ли съ нею или собиралась отдѣльно, оказала какое-либо вліяніе на измѣненіе способа взиманія и т. д.? Время паралелизма старой и новой дани по источникамъ прослѣдить,

¹⁾ Арх. М. Юст. Мон. гр. Бѣлозер. у. № 849, жалов. грам. 1577 г.: «наши всякія подати и посохи»... «посошныхъ людей ни въ которыя посохи не даютъ».

²⁾ Напр. А. А. Э. I, № 288.

кажется, довольно трудно; если же авторъ говорить, что «въ XIV—XV вв. вѣзлась, *помимо* татарской дани, *особая* дань, направлявшаяся прямо въ княжескую казну», то согласиться съ этимъ выводомъ можно только въ томъ смыслѣ, что по источникамъ со второй половины XIV в. вся дань, безъ различенія ея частей, шла въ княжескую казну; а часть ея (иногда специально вѣзавшаяся, «ордынское серебро») изъ княжеской казны направлялась въ регулярный ордынский выходъ. Этотъ смыслъ имѣютъ и цитируемыя авторомъ мѣста источниковъ (стр. 14, прим. 1; лучше было бы сослаться на Доп. къ А. И. I, № 9). Поглотивъ старую дань, татарская дань ввела важныя новости въ нашъ финансовый строй. Первою такою новостью была всѣмъ извѣстная двукратная перепись, «число», установившее размѣры дани въ обязательномъ для князей окладѣ. Большинство изслѣдователей считаетъ перепись и вѣзавшуюся по ней дань — поголовною; такого же мнѣнія держится и авторъ. Между тѣмъ Татищевъ сохранилъ намъ важное извѣстiе, что въ 1275 г. вел. князь Василій Ярославичъ возилъ въ Орду дань по полугривнѣ съ сохи, состоявшей изъ двухъ работниковъ. Ханъ остался недоволенъ общимъ количествомъ дани, подозрѣвая, что князь «не отъ всѣхъ (людей земли своей) даетъ»; когда же великій князь сослался на «число» первой переписи («баскаковъ прежнихъ»), ханъ велѣлъ произвести вторую перепись¹⁾.

Мы не колеблемся заключить отсюда вмѣстѣ съ Бѣляевымъ, что *соха* въ составѣ двухъ работниковъ и была единицею обложения уже первой татарской переписи²⁾. Напомнимъ, что въ извѣстной грамотѣ о черномъ борѣ въ срединѣ XV в. соха опредѣляется какъ «два коня да третье припряжь»³⁾, а при взятiи Иваномъ III Новгорода, «кто на трехъ лошадахъ самъ третьей оретъ—ино то соха»; слѣдовательно, во всѣхъ трехъ случаяхъ 2—3 работника составляютъ соху. И размѣръ дани остается тотъ же до конца XV в.; она равняется полугривнѣ въ 1275 году, гривнѣ *новой* въ срединѣ

1) Татищ. IV, 47: «принесе дань урочную со всея земли по полугривнѣ съ сохи, а въ сохѣ числиша два мужи работники,... и ханъ рече: «якакъ малъ есть, а люди многи въ землѣ твоей, почто не отъ всѣхъ даеши?» Князь же великій отымался числомъ баскаковъ прежнихъ, и ханъ повелѣ послати новы численники во всю землю русскую, съ великими грады (? угрозы?), да не утаятъ люди».

2) Ср. разборъ Бѣляевымъ сочиненія Осокина «О понятiи промысловаго налога» въ XXVI присужденiи Демидовскихъ наградъ, стр. 219.

3) А. Э. I, № 32.

XV в. (что слѣдуетъ сопоставить съ фактомъ уменьшенія въ вѣсѣ «денегъ» времени Василія Темнаго съ 17 долей до 9)¹⁾ и опять полугривнѣ въ концѣ XV в. (когда вѣсъ былъ возстановленъ старый)²⁾.

Это обстоятельство, связь «дани», «числа» и «сохп» при татарской переписи, даетъ намъ возможность возводить къ тому же времени явленія, которыя по нашимъ источникамъ становятся доступны наблюденію лишь столѣтіемъ позже, со второй половины XIV в. Данщикъ становится главнымъ финансовымъ чиновникомъ, собирающимъ иногда на ряду съ данью и другіе сборы³⁾; неразлучнымъ его товарищемъ является «писецъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется и объектъ дѣятельности обоихъ: люди *данние* и *письменные*, первые наши крѣпостные крестьяне, удерживаемые на своихъ земляхъ не запрещеніемъ уходить, а запрещеніемъ владѣльцамъ другихъ земель—принимать ихъ къ себѣ; князья крѣпко держатся за это населеніе, связывая его данною раскладкой и развивая такимъ образомъ идею *тлама*. Термины людей тяглыхъ, данскихъ, письменныхъ становятся синонимами. Правда, эти явленія отдѣляются отъ татарскихъ переписей столѣтнимъ промежуткомъ; но этотъ промежутокъ восполняютъ намъ ханскіе ярлыки; изъ нихъ мы видимъ, что прежде чѣмъ «писцы» и «данщики» становятся органами княжеской финансовой администраціи, они уже являются въ качествѣ вмѣстѣ и княжескихъ и ханскихъ чиновниковъ: въ ярлыкѣ Менгу-Тимура (1266—7 по Григорьеву) упоминаются «княжіе писцы и *полужницы*»; въ ярлыкѣ Узбека (1313): «наши (т. е. ханскіе) данщики и писцы». Отъ 1361—5 мы имѣемъ свѣдѣнія о княжескихъ писцахъ и данникахъ уже изъ нашихъ грамотъ⁴⁾.

¹⁾ М. П. Заблоцкій, О цѣнностяхъ въ др. Россіи, 46—7.

²⁾ *Ib.* 48.

³⁾ Напр. дмитровскій данщикъ удѣльнаго князя Юрія Ивановича собираетъ съ году на годъ на Рождество Христово за дань и за ямъ и за приметь съ села и деревень Троицк. монастыря. Арх. Юст. Дмитр. у. № 3784, грамота 7021 г. апрѣля 15.

⁴⁾ А. А. Э. I, № 5. Кромѣ известныхъ мѣстъ этого рода (Бѣляевъ въ разборѣ Осокина, стр. 223; Горбуновъ, Льготныя грамоты etc. въ Арх. ист. и практ. свѣдѣній Калачова 1860—61, кн. V, стр. 46; Чечулинъ, Начало въ Россіи переписей etc. въ Библиографѣ 1889, № 2, стр. 44), вотъ нѣсколько другихъ изъ неизданныхъ грамотъ.

1449: «а писцы мои и данщики тѣхъ людей [въ мою д]ань не пишутъ, ни дань на нихъ не емлютъ»... а они «моихъ людей письменныхъ тутошнихъ не принимаютъ» (Арх. Мин. Юст. Сузд. у. № 11.780, жал. гр. в. к. Вас. Вас.).

Если такимъ образомъ татарская дань способствовала закрѣпленію на мѣстѣ крестьянскаго населенія и выработкѣ органовъ и пріемовъ княжеской финансової администраціи, то установленіе той же дани сопровождалось, повидимому, и новою финансовою организаціей самого населенія.

Авторъ приводитъ въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 283, прим. 3) свидѣтельство Никоновской лѣтописи, что при первой переписи татары поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ¹⁾. Конечно, эти должности не чужды и до-татарской Руси, но едва ли не отъ этой татарской организаціи придется вести «сотскаго» или «сотника», древнѣйшаго представителя тяглої общины сѣверо-восточной Русп. Авторъ полагаетъ, что «первоначально они могли быть начальниками небольшихъ отрядовъ земскаго ополченія и сохранить въ мирное время власть, пріобрѣтенную на войнѣ» (ibid.),

1451: «и коли веля своему писцу писати Соль и села, а данцику своему дань брати и тогда писецъ мой монастырскихъ варницъ и села и деревень не пишеть, а данцикъ дани не емлетъ въ ту 5 лѣтъ» (Арх. Юст. Гал. у. № 3331, жал. гр. Вас. Вас.).

1451: «а писцы мои тѣхъ ихъ земля и людей и варницъ не пишутъ» (ib. Костр. у. № 4969, жал. гр. вел. кн. Софьи).

1455: «а тяглыхъ моихъ людей данскихъ въ тѣ села къ себѣ непріимати» (Рум. муз. Собр. Бѣляева, № 1620, л. 104 об.—105, жал. гр. Вас. Яросл. въ Звенигор. у.).

1464: «а письменныхъ ему моихъ людей и данскихъ къ себѣ не пріимати» (ib. л. 95 об., жал. гр. кн. Юрія Ив. въ Дмитр. у.).

1464: «людей моихъ письменныхъ изъ моихъ селъ не пріимати» (ib. л. 264, жал. гр. Вас. Вас.).

1473: «кто... иметь жити людей, ино тѣмъ его людемъ не надобѣ моя дань до описи, доколѣ мой писецъ проѣдетъ... а людей моихъ тяглыхъ письменныхъ не пріимати» (ib. л. 105 об., жал. гр. Андрея Васил. въ Звенигор. у.).

1483 «а письменныхъ людей и тяглыхъ на тѣ земли и къ варницамъ не пріимати, а писцы мои ихъ земель и людей и варницъ не пишутъ» (Арх. Юст. Костр. у. № 4972, жал. гр. в. кн. Марьи по грамотѣ матери в. к. Софьи; см. выше).

Н. Д. Чечулинъ (Библиографъ, № 2, 1889, 45) вслѣдъ за Неволинимъ и Бѣляевымъ видитъ между прочимъ въ «писчей бѣлкѣ»—вознагражденіе писца, производившимъ описи. О такой платѣ дѣйствительно говорится въ извѣстной грамотѣ о черномъ борѣ (А. Э. I, № 32); но черный боръ — подать единовременная и съ чужаго населенія; въ другихъ случаяхъ писчая бѣлка скорѣе должна считаться актовой пошлиной. Ср. А. Э. I, № 175 и Оед. Чех. I, 99, грамота 7041 г.: «и лошади у нихъ пятенщики пятнать, а отъ пятна у нихъ не емлютъ ничего, и въ книги пишутъ, а писцие деньги не емлютъ же».

¹⁾ Ср. обращеніе ярлыка Тайдулы митр. Алексію (1356): «къ темнимъ и къ тысячнымъ княземъ, и сотникомъ, и десятникомъ».

но мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что волостная «сотня» имѣла финансовое происхождение, именно была группою селеній, *тянувшихъ* въ дань къ одному сотскому¹⁾. Эта платежная связь членовъ волостной сотни сохранилась въ любопытномъ названіи, которое носилъ отрывокъ изъ «данской (позднѣ писцовой) книги»²⁾, обвинявшій описаніе всѣхъ тянувшихъ къ одному сотскому хозяйствъ. Отрывокъ этотъ назывался «сотницей», позднѣ «сотной выписью». Во многихъ актахъ находимъ указаніе на эту связь «сотницы» съ «сотней» и «сотскимъ»; иногда «сотней» называется и самая сотная выпись³⁾. Намъ извѣстенъ одинъ случай, когда и связь «сотни» съ «данью» сохранилась въ наименованіи послѣдней «сотной данью»⁴⁾. Такимъ образомъ, въ раскладкѣ татарской дани мы склонны видѣть зародышъ и волостной тяглою организаци и репартиціонной системы сѣверо-восточной Руси.

Отъ татарщины, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, вывести А. С. Лаппо-Данилевскій и *ямскую повинность*. Едва ли основательно, однако, онъ отступаетъ отъ прежнихъ мнѣній въ томъ отношеніи, что не просто считаетъ татарскіе порядки — образцомъ

¹⁾ Авторъ объясняетъ понятіе *тяла* несомнѣнно понятнымъ для насъ образомъ (42): «физическое или юридическое лицо, подлежащее тяглу, въ силу самаго факта обложенія послѣднимъ, должно было предварительно владѣть извѣстнымъ хозяйствомъ, а это хозяйство естественно распадалось на главный центръ и второстепенныя части, которыя тянули къ этому центру и поэтому въ переносномъ смыслѣ назывались тяглыми». Но тянула не часть хозяйства къ другой части того же хозяйства, а тянуть плательщикъ къ группѣ, съ которой былъ связанъ общей раскладкой, — или къ административному центру этой группы.

²⁾ Этотъ терминъ см. въ А. о. до Ю. Б. I, стр. 110.

³⁾ А. Ю. № 5: *сотскій* съ товарищами, городскими людьми, свидѣтельствуеъ, что писцы, писавшіе Бѣлоозеро около 1485 г., «тѣ дворя и люди въ тѣхъ дворахъ придали къ городу, къ намъ съ тяло, да и въ сотницу изъ юродную къ намъ написали». Акты Фед. Чеховскаго I, 117: въ судномъ дѣлѣ 1562 г. отвѣтникъ ссылается на «монастырскую сотную», что спорное сельцо «въ сотню написано за монастыремъ» и на двѣ «волостныхъ сотныя», Пелшемскую и Замошскую; судъ приказываетъ крестьянамъ этихъ волостей представить свои сотныя. Ibid. стр. 186: «Минивской волости сотникъ передъ судьей Городецкую сотную положилъ». Ibid. 216: «положилъ сотцкой Данилко да Суморокъ Ростовцовъ балахонскую сотную... и въ Балахонской сотне (sic; выше сотной) къ городу Балахнѣ сѣна не написано». Въ А. Ю. № 229, сотная 1566 г. нѣсколько разъ называется «писцовой сотней», стр. 249, 251.

⁴⁾ Сборн. Муханова, 2 изд. 568—9, жал. гр. 1538 г.: «къ сотцкимъ нашимъ и къ десятцкимъ и съ тяглыми людьми не тянуть... и государя великаго князя дани сотные не даютъ».

для русскихъ, какъ напр. Бржозовскій¹⁾, а полагаетъ, что первоначально повинность эта и отправлялась въ пользу хана и его посланныхъ. Древнѣйшее упоминаніе о «ямѣ» въ ярлыкѣ Менгу-Темира (1266—7) не говоритъ о немъ, какъ о специально ханской повинности. Трудно было бы представить себѣ, какое отношеніе къ ханскимъ сборщикамъ имѣютъ затѣмъ упоминаемые и авторомъ сборы подводъ и кормовъ съ Двинскихъ погостовъ въ самомъ концѣ XIII в.²⁾: туда уже навѣрное не попадали ханскіе сборщики; и данный документъ говоритъ о кормахъ и подводкахъ великокняжескимъ промышленникамъ. Позднѣе «татарскій ямъ» оговаривается въ группѣ грамотъ 1462—67 г., какъ исключеніе изъ общаго яма³⁾, но кромѣ этихъ, очевидно, вызванныхъ какимъ-нибудь специальнымъ поводомъ распоряженій, мы о татарской ямской повинности ничего и не знаемъ; тѣмъ рискованнѣе ставить различіе княжескаго и татарскаго яма XV в. въ паралель съ большими ямскими и малой ямщиной XVII в. (стр. 15). Къ этой паралели, впрочемъ, вернемся дагѣе.

Другой вопросъ, нуждающійся въ разъясненіи, но не поставленный авторомъ, заключается въ томъ, когда именно ямская *повинность* повела къ *денежнымъ сборамъ* на содержаніе казенныхъ ямщиковъ. Устройство казенныхъ ямовъ, т. е. почтовыхъ станцій, становится несомнѣннымъ ко времени Ивана III⁴⁾; но время появленія постоянного налога, долженствовавшаго обезпечить содержаніе этихъ станцій, остается невыясненнымъ. «Ямъ» древнѣйшихъ документовъ, большею частью жалованныхъ грамотъ, стоитъ обыкновенно рядомъ съ «подводами» и, вѣроятно, означаетъ повинность, а не налогъ.

Однако, уже въ первой половинѣ XV в. мы встрѣчаемъ случаи, что «ямъ» несомнѣнно означаетъ денежный сборъ⁵⁾. Но появленіе регулярной ямской подати, кажется, слѣдуетъ относить къ тому моменту когда и въ терминологіи грамотъ «ямъ» замѣняется «ям-

¹⁾ Юрид. Сбор. Мейера, 345—346.

²⁾ А. А. Э. I, № 1.

³⁾ Акты до Юр. Б. I, стр. 103—108: «не надобѣ ямъ (ни подвода) опричь татарскаго яма». Арх. Мин. Юст. Мон. гр. Костр. у. № 4980: «а яму не даютъ ихъ люди опричь татарскаго яму». А. И. I, № 74: «ни коня моего не ставятъ, опричь татарскаго яму». Рум. муз. Бѣлев. № 1620, л. 139 об.—140: «ни коня моего не коржити, опричь татарскаго коня».

⁴⁾ Бржозовскій, 348, 349.

⁵⁾ Горбуновъ, о. с. 77.

скими деньгами». Древнѣйшее намъ извѣстное упоминаніе ямскихъ денегъ встрѣчается въ грамотѣ 1500 г. ¹⁾, въ жалованной грамотѣ кн. Ѡ. Борис. Волоцкаго; всѣ другія упоминанія относятся къ нѣскольکو позднѣйшему времени, не ранѣе 1518 г. ²⁾. Рядомъ съ этимъ терминомъ продолжаетъ держаться и старый «ямъ», но уже почти всегда въ смыслѣ денежнаго сбора; въ томъ же случаѣ, когда грамоты хотять отмѣтить ямъ въ смыслѣ повинности, употребляется иногда рядомъ съ «ямомъ» особое выраженіе «ни подводамъ на яму не стоять» ³⁾. Ямская повинность сохранялась во всякомъ случаѣ независимо отъ ямскаго налога ⁴⁾; съ другой стороны, послѣдній и во второй половинѣ XVI в. еще не вошелъ въ опредѣленный окладъ и раскладывался ежегодно по особому расчету ⁵⁾.

Третьею въ ряду податей, связанныхъ съ татарщиной, авторъ разсматриваетъ «положничныя деньги». Здѣсь, какъ и относительно ямскихъ, важно опредѣлить моментъ, когда эта подать стала регулярнымъ налогомъ.

Моментъ этотъ указанъ еще Бѣляевымъ ⁶⁾ и напомненъ автору М. А. Дьяконовымъ: именно рѣшеніе Стоглава 1551 г. «сколько годомъ того плѣннаго окупу изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей земли». Съ этихъ

¹⁾ А. Э. I, 136, списокъ XVII в.

²⁾ Вотъ наиболѣе древнія изъ встрѣтившихся намъ указаній: 7026 г. Арх. М. Юст. Мон. гр. Костр. у. № 4999; 7030 г.—Акты Оед. Чех. I, 102—103; 7034—Арх. Юст. Переясл. у. № 8772; 7035—ib. № 8799; 7041—Акты Оед. Чех. I, 99 и А. А. Э. I, № 175; 7045—Арх. Юст. Верейск. у. № 2331; 7046—Дмитров. у. № 3766.

³⁾ Употребленіе «яма» въ смыслѣ денежнаго сбора (преимущественно въ удѣльныхъ грамотахъ) см. напр. Арх. Ю. Дмитр. у. № 3784 (7021 г.); *ibid.* № 3786 (7024); Рум. муз. Бѣляев. № 1620, л. 99 (7025. Дмитр. у.); *ibid.* л. 100 (7030. Дмитр. у.), л. 123 об. (7034, *ibid.*); Арх. Ю. Кашинск. у. № 6712 (7035); *ib.* № 6714 (7038). Параллельное упоминаніе «яма» и «подводамъ на яму не стояти» см. Арх. Ю. Звенигор. у. № 4683; Кашич.—6716; срав. Оед. Чех. I, 98 (7007 г.).

⁴⁾ Самое полное ея описаніе см. въ грамотѣ 7085, 11 марта, Арх. М. Юст. Бѣлозер. у. № 849: «ни ямскихъ дворовъ не дѣлаютъ и съ подводами на ямѣхъ не стоять и охотниковъ на ямъ не выбираютъ».

⁵⁾ Ар. Ю. Бѣлозер. у. №№ 814 и 823 (7072, апр. 10 и 7077, апр.): «платити ямскія деньги и приметъ по разводу съ сохъ, какъ коли гдѣ государь велитъ». Пошех. № 9703 (7094): «а ямскія деньги платити имъ въ государеву казну въ приказъ Бол. Дворца по разводу, какъ въ которомъ году государь велитъ». Ср. Временникъ Общ. И. и. Др. Р. VI.

⁶⁾ Рецензія на Осокина, 227.

поръ, кажется, и является названіе ихъ «полоняничными деньгами». Какъ видно изъ рѣшенія Стоглава, окладъ ихъ долженъ былъ соотвѣтствовать дѣйствительному расходу каждаго года. Дѣйствительно, судя по отписямъ конца вѣка, этотъ окладъ далеко не установился: на 1581 г. съ одного монастырскаго имѣнія они берутся (въ три приѣма) въ размѣрѣ 18 руб. 39 коп. съ сохи; на 1582 годъ съ того же имѣнія 13 р. 46 к., а съ другаго 13 р. 63 к. съ сохи; на 1588—1589 съ двухъ разныхъ владѣній поровну по 2 р. съ сохи¹⁾.

Наконецъ, «изъ церковныхъ десятиныхъ или татарскаго ига» авторъ выводитъ происхожденіе процентныхъ (пятинныхъ и т. п.) сборовъ съ имущества. Такъ какъ рядомъ съ этими двумя возможностями авторъ предлагаетъ еще третью, можетъ-быть, наиболѣе вѣроятную, именно, что эти сборы «самостоятельно развились на русской почвѣ» подъ влияніемъ войнъ XVI в., то мы и не будемъ останавливаться на разборѣ этихъ предположеній.

2. *Волостная финансовая организація.* Отъ податной системы переходимъ къ общественной организаціи, поскольку послѣдняя имѣла отношеніе къ финансамъ. При раскладочномъ характерѣ древней финансовой системы связь эта была особенно тѣсна, и понятно, что изученіе общественныхъ группъ, между которыми совершалась раскладка, должно предшествовать изученію самого раскладочнаго механизма.

На основаніи данныхъ XVII в. авторъ приходитъ къ весьма важному выводу, что на сѣверѣ Россіи такою общественною единицею, служившею основаніемъ податной раскладки, была *волость*, въ срединной Россіи—*сотчина*, а на крайнемъ югѣ—часто даже *отдѣльный хозяинъ*. Авторъ не удовлетворился однако изложеніемъ этого вывода: онъ счелъ нужнымъ прослѣдить происхожденіе указанныхъ общественныхъ группъ и для этой цѣли долженъ былъ опять сдѣлать экскурсъ въ исторію предыдущихъ столѣтій. Въ основѣ всѣхъ разновидностей лежитъ, по его мнѣнію, одна основная историческая форма—крестьянская община. На сѣверѣ она вплоть сохранилась въ самой широкой формѣ, въ формѣ волости: «волость была, вѣроятно, древнимъ общиннымъ дѣленіемъ»; ее можно опредѣлить, «какъ крестьянскую общину съ ея управленіемъ» (83). Въ средней полосѣ «волостное дѣленіе превратилось скорѣе въ адми-

¹⁾ А Юр. № 211, I и II, № 209, V и VI.

нистративное и уже не совпадало съ общиннымъ, а размѣры тяглой общины стали отождествляться съ сельскимъ округомъ» (89). Но и послѣдній «видоизмѣнялся и дробился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго дѣленія», (бывшаго послѣдствіемъ «дробленія крупной поземельной собственности»),—«безъ особеннаго вниманія къ мѣстному, общинному дѣленію» (91); въ концѣ концовъ, размѣры общины сокращались такимъ образомъ до размѣровъ владѣльческой вотчины (92), хотя все-же внутри послѣдней «сохранились общинные распорядки» (95). Наконецъ, — подобно тому, какъ «черная волость» «вымирала въ средней полосѣ», такъ «сельская община» «вымирала въ южной» (96): однодворческое населеніе юга «правительство не рассматривало какъ цѣльную окладную единицу, подобную черной волости или помѣстью и вотчинѣ центральной полосы съ ея налогоспособнымъ населеніемъ, но окладывало каждого изъ такихъ помѣщиковъ порознь» (98). Такова генеалогія трехъ формъ по системѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Переходя къ разбору ея, мы остановимся прежде всего на значеніи самого термина «община» въ употребленіи автора. Въ знаменитомъ спорѣ Чичерина и Бѣляева значительная доля обоюдныхъ недоразумѣній имѣла, какъ намъ кажется, именно терминологическое происхожденіе. Понятіе «общины» у обоихъ противниковъ имѣло смыслъ не одинаковый: у послѣдняго—слишкомъ широкій и неопредѣленный, у перваго, можетъ-быть, черезчуръ узкій. Чичеринъ разумѣлъ подъ общиною — общинное *землевладѣніе*, и въ этомъ смыслѣ отрицалъ въ извѣстномъ періодѣ существованіе общины. Бѣляевъ, напротивъ, видѣлъ въ исторической формѣ общины не только хозяйственно-экономическую группу, но также, — и притомъ главнымъ образомъ — областную самоуправляющуюся единицу съ судебно-полицейскими и финансовыми полномочіями. А. С. Лаппо-Данилевскій, какъ видно, очень хорошо понимаетъ необходимость болѣе точнаго словоупотребленія и начинаетъ съ того, что формулируетъ свой взглядъ на всѣ перечисленные элементы общинной организаціи. Онъ полагаетъ, что общность *экономическихъ* интересовъ, т. е. существованіе общинной собственности (происшедшей, по его мнѣнію, изъ разложенія родовой), есть основная связь, создавшая общину. Но онъ признаетъ также, что эта связь сама по себѣ «была слишкомъ слаба для того, чтобы *за предѣлами одного или немногихъ поселеній* образовать болѣе сложные общественные союзы (76—8)», т. е. что связь экономическая, общинное землевладѣніе, могла связать лишь членовъ «одного или немногихъ поселеній». Образованіе

же болѣе широкой группы («волости»?) «осуществилось подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой зависимости отъ государства». Повидимому, отсюда слѣдовало бы, что *волость* есть именно судебно-полицейская и финансовая, но не хозяйственная единица. Тутъ встрѣчаемъ, однакоже, у автора нѣкоторую неясность, поддерживаемую и терминологіей: эту болѣе широкую группу онъ тоже называетъ «общиною» (78) и, несомнѣнно, склоненъ надѣлать ее, кромѣ судебно-полицейскихъ и финансовыхъ, также и хозяйственными функціями. Очевидно, здѣсь онъ находится подъ вліяніемъ болѣе поздняго ученія объ общинѣ, бывшаго въ нашей наукѣ отголоскомъ Мауреровской школы и представленнаго у насъ П. А. Соколовскимъ. Уже самая характеристика общиннаго землевладѣнія на стр. 77 отзывается признаками германской *марки*; въ видѣ марки, повидимому, и продолжаетъ представлять свою волость А. С. Лаппо-Данилевскій. Какъ извѣстно, и среди германистовъ Мауреровская схема давно уже вызываетъ серьезную реакцію; въ нашей наукѣ ея примѣненіе оказывается точно также не совсѣмъ удобнымъ. Весьма характерно, что со времени ея господства перестали у насъ пониматься нѣкоторыя явленія, которыя до тѣхъ поръ офѣнчивались совершенно правильно. Въ спорѣ съ Чичеринымъ Бѣляевъ соглашался съ своимъ противникомъ, что въ землевладѣніи русскаго сѣвера, — которое Чичеринъ справедливо считаетъ типичнымъ землевладѣніемъ черныхъ волостей вообще, — наблюдается распространеніе *частнаго*, а не *общиннаго* владѣнія¹⁾. Послѣ того же, какъ сторонники Мауреровской схемы стали искать на дальнемъ сѣверѣ, среди бывшихъ черносошныхъ, паралелей германской марки, — эта область черныхъ волостей почему-то стала считаться классическою страной древней русской общины. Несомнѣнно, что здѣсь дѣйствительно отыскивалась болѣе крупная единица крестьянскаго самоуправленія, *волость*; но перенесеніе этой волости въ отдаленное русское прошлое вмѣстѣ съ чертами общиннаго хозяйства — было, несомнѣнно, историческою ошибкой. Замѣчательный по своей убѣдительности протестъ противъ этой ошибки

¹⁾ «Акты сіи, возражаетъ онъ Чичерину, какъ и многіе другіе имъ подобныя, всѣ относятся къ Двинской области, гдѣ между крестьянами была распространена частная поземельная собственность, не съ примѣръ другимъ краямъ русской земли, и гдѣ таковой порядокъ сохранился до позднѣйшаго времени». Рус. Бесѣда 1856, I, 118. Ср. отвѣтъ Чичерина въ «Опытахъ по исторіи рус. права», 101—3.

находимъ въ работѣ г-жи А. Ефименко, къ главнѣйшимъ выводамъ которой мы вполне присоединяемся¹⁾.

Сѣверная русская волость была прежде всего единицею фискальной, потомъ судебно-полицейскою, а хозяйственною лишь постольку, поскольку это вытекало изъ ея финансовыхъ обязанностей и поскольку это шло въ правамъ ея отдѣльныхъ членовъ. Правда,— какъ опять (послѣ Бѣляева) указываетъ А. С. Лаппо-Данилевскій, — «въ Двинскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ нерѣдко встрѣчаются извѣстія о томъ, что пустою землею бывшаго дворовладѣльца владѣютъ міромъ, что ее пахутъ и что она насѣяна міромъ»; въ доказательство имъ приводятся здѣсь факты изъ переписныхъ книгъ XVII столѣтія (77, прим. 1). Но авторъ не отмѣчаетъ здѣсь одного обстоятельства, ему не безъизвѣстнаго (стр. 107—108): волость, дѣйствительно, распоряжалась подобными участками *помевою*, такъ какъ она была обязана уплачивать лежавшія на нихъ подати и, конечно, должна была заботиться, чтобы земли не пустовали; но она распоряжалась ими только «до вотчинника», т. е. до возвращенія добровольно покинувшаго свою землю хозяина. Существовала цѣлая сложная регламентація, какъ ликвидировать отношенія новаго временнаго хозяина, посаженнаго міромъ, къ старому, если тотъ захочетъ вернуться на брошенный участокъ, и въ какихъ случаяхъ у новыхъ жильцовъ данныхъ имъ земель отнимать не слѣдуетъ²⁾. Полная свобода распоряженія участками, засвидѣтельствованная актами этихъ областей, уже сама по себѣ предполагаетъ, какъ замѣтилъ еще Чичеринъ, частное владѣніе. При продажѣ участковъ очень часто они выходили изъ крестьянскихъ рукъ, и переходили къ посадскимъ или къ монастырю; но казнѣ до середины XVII в. до этого не было дѣла, да и волости также, лишь бы перешедшія къ другимъ лицамъ земли *тннули* по-прежнему съ волостью, съ волостными черными людьми³⁾. Такой характеръ вла-

1) «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ «Исслѣдованіяхъ народной жизни». М. 1884. Ср. нашу статью «Русская аграрная политика прошлаго столѣтія» въ Русск. Мысли 1890, май.

2) Р. Ист. Библ. XII, 207—211; 213—217.

3) Р. И. Б. XII, 198—199, 202 (1637): «Устюжской чети городовъ въ писцовыхъ книгахъ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель четвертная пашня съ нашими черными деревнями (написана) вмѣстѣ, и не особно, потому что за монастыри въ вотчинахъ нашихъ черныхъ волостей деревни тяглые, а наши данные и оброчные и за стрѣлецкіе хлѣбные запасы и въ ямскіе отпуски деньги платить съ нашими черными деревнями вмѣстѣ, какъ въ поморскихъ городѣхъ изстари повелось». То же видимъ и въ городѣ: ср. Отписки

дѣнія самъ посебѣ предполагаетъ далѣе и отсутствіе передѣловъ. Передѣлы, несомнѣнно, существуютъ насѣверѣ ¹⁾, но вопервыхъ, только въ предѣлахъ *одной деревни*, вовторыхъ при такихъ обстоятельствахъ, которыми они и объясняются ближайшимъ образомъ: или какъ родовой раздѣлъ, или какъ выполненіе условія, оговореннаго при компанейской покупкѣ земли «складниками», во всякомъ случаѣ «по крѣпостямъ» ²⁾, т. е. по письменному договору между контрагентами. Волостныхъ передѣловъ мы не знаемъ. Этого заключенія не могутъ измѣнить и существующія свѣдѣнія о «мірской волостной ровности» ³⁾. «Ровность» эта, устанавливаемая «веревкой», вервленіемъ, была не передѣломъ земель, а податною ровностью, т. е. опредѣленіемъ пропорціональной доли платежей каждаго лица ⁴⁾. Въ результатѣ волостнаго уравниенія измѣнялись не размѣры и положеніе участка, а количество «веревокъ», которыми онъ былъ измѣриваемъ для податныхъ цѣлей ⁵⁾. Это значеніе «вервленія» извѣстно, впрочемъ, и А. С. Лаппо-Данилевскому (291—2).

У автора есть еще одно отрицательное доказательство общиннаго характера волости. «Опредѣленные границы» между группами селеній, объединенныхъ судомъ и данью, «не могли, говорить авторъ, исходить изъ административнаго дѣленія, такъ какъ правительство было еще слишкомъ слабымъ для такихъ предпріятій не только въ XIII, но и въ XIV в. *Поэтому*, границы эти основаны были не на административномъ дѣленіи, а на внутренней организациіи самого населенія, на общинномъ строѣ его жизни» (82). Авторъ какъ бы не признаетъ, что волостное дѣленіе могло не быть ни дѣломъ центральнаго правительства, ни дѣломъ внутренней

Гарелина въ Рум. муз. 1606 г. іюня 1: «се язъ Глинскаго посаду сотской... взялъ еси Прилуцкаго монастыря у спасскихъ старцевъ... со 6 дворищъ, что они покупали на Глинскомъ посадѣ двory тяглые,... за государеву дань и за оброкъ и за всѣ государевы подати и за всякіе черныя разметы за ось нынѣшній 114 г. 2 рубля денегъ». Ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 154—155.

¹⁾ Ср. у Ефименко о. с. 218, 221.

²⁾ Ibid. 227—228.

³⁾ Лаппо-Данилевскій, 101.

⁴⁾ Ефименко, 212—17, 239, 244—49.

⁵⁾ Ср. Собр. ист. юрид. актовъ Бѣляева, Д. Лебедева, стр. 37 (№ 197 въ Рум. муз.): при продажѣ дворища и огорода на Матигорахъ «царя и в. к. земли, а своего владѣнья» «по купчей и дѣльной отца своего» ставится условіе: «государевы подати и всякіе земскіе разметы платити съ того огорода по веревной книгѣ съ 2-хъ сажень до мірской ровности, а *посля ровности, во что изъ сверяеть*». Огородъ при этомъ, конечно, остается прежній.

организаціи населенія, а напр. результатомъ столкновенія нѣсколькихъ такихъ организацій, извѣстныхъ условій колонизаціи и другихъ «мѣстныхъ условій», какъ осторожнѣе выражается самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (85). Замѣтимъ, однако, что въ числѣ этихъ условій все-же правительственной дѣятельности принадлежить болѣе активная роль, чѣмъ думаетъ авторъ: напомнимъ только объ упомянутой выше организаціи податныхъ «сотенъ».

Такимъ образомъ, мы не можемъ вполне согласиться и съ выводомъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, что «волостное дѣленіе имѣло первоначально общинное, мѣстное значеніе и стало съ теченіемъ времени превращаться или замѣняться административнымъ» (85)¹⁾. Въ подкрѣпленіе этого вывода авторъ приводитъ нѣсколько наблюдений Бѣляева и своихъ собственныхъ надъ явленіемъ дѣйствительно любопытнымъ: нѣкоторыя области, извѣстныя подъ названіемъ «волостей» въ XIV в., въ XV являются подъ названіемъ «становъ»; послѣднимъ авторъ и усвоиваетъ значеніе административныхъ дѣленій, замѣнившихъ общинныя—волостныя. Считая волостныя дѣленія тоже административными, мы не можемъ видѣть въ такой замѣнѣ терминовъ никакой *коренной* перемены, тѣмъ болѣе, что замѣна эта является далеко не повсемѣстною: волости и станы существуютъ параллельно; самъ авторъ приводитъ списокъ 76 уѣздовъ XVII в. (изъ 173; стр. 85, прим. 4), въ составѣ которыхъ встрѣчаются волости, и въ числѣ ихъ, хотя немного, но есть уѣзды, впервые заселенные въ концѣ XVI и въ XVII в. (Бѣлгородскій, Орловскій, Казанскій, Симбирскій). Что касается появленія «становъ» на мѣстѣ «волостей»,—эта перемена, несомнѣнно, весьма характерна; очень вѣроятно и то, что смыслъ ея заключается въ усиленіи централизаціи: но изъ усиленія этого элемента нельзя еще заключить о его отсутствіи въ предъидущемъ устройствѣ.

Связавъ волость съ общиннымъ строемъ на сѣверѣ, авторъ уже прямо объясняетъ ея отсутствіе въ срединной Россіи разрушеніемъ общиннаго строя (81, 89). Отсюда и является довольно искусственное объясненіе «землевлдѣльческаго дѣленія», какъ результата подчиненія *сельской общины* землевлдѣльцу. Исходную точку этого процесса авторъ представляетъ какъ подчиненіе общины въ ея старомъ, цѣльномъ видѣ, въ «древне-волостномъ» составѣ,—одному землевлдѣльцу; затѣмъ «размноженіе служилыхъ

¹⁾ Тотъ же выводъ, но въ болѣе осторожной формѣ, встрѣчаемъ также и у Чичерина. Обл. учр. 63: «если волости были остатками древняго общиннаго быта, то станы были, напротивъ, чисто административнымъ дѣленіемъ».

людей при отсутствіи майората повело къ дробленію крупной поземельной собственности, которое производилось безъ особеннаго вниманія къ иѣстному общинному дѣленію» (91). Врядъ-ли нужно говорить, насколько гипотетиченъ такой взглядъ, предполагающій, 1) что въ средней Россіи существовала древне-волостная организація съ общиннымъ характеромъ; 2) что существовала «крупная поземельная собственность» служилыхъ людей, къ которымъ перешли эти древневолостные комплексы; 3) что извѣстное намъ позднѣе служилое землевладѣніе произошло изъ этого крупнаго, путемъ дробленія; 4) что въ результатѣ дробленія разрушилась старая поземельная община. Ни одного изъ этихъ положеній нельзя доказать по источникамъ, а то, что извѣстно изъ источниковъ, приводитъ, какъ мы думаемъ, къ нѣскольکو иному взгляду. Чѣмъ доказываетъ авторъ существованіе предположеннаго имъ процесса? Единственное обстоятельство, приводимое имъ въ пользу своихъ утвержденій, — это «слѣды нѣкотораго единства общины и вѣдъ предѣловъ вотчины и помѣстья» (92, 110). «Слѣды» эти состоятъ въ томъ, что иногда поручителями за крестьянина одной вотчины являлись крестьяне, жившіе въ другихъ вотчинахъ (той же волости?). Авторъ заключаетъ (молчаливо) изъ этого, что такія вотчины принадлежали къ одной общинѣ, «такъ какъ поручителями были крестьяне той же общины». Конечно, если вообще поручителями были крестьяне одной общины, то доказательство автора годится; но вѣдь именно это и слѣдуетъ еще доказать; а авторъ не только не берется за такое доказательство, но на той же страницѣ указываетъ «тотъ любопытный фактъ, что иногда поручителями являются вольные люди, т. е. лица, вовсе не причастныя общинѣ» (110).

Позволимъ себѣ теперь прибавить нѣсколько соображеній относительно тѣхъ явленій, которыя дѣйствительно можно наблюдать по данному вопросу на основаніи существующихъ документовъ. Въ моментъ, когда такія наблюденія становятся возможными, мы находимъ населеніе размѣстившимся между владѣльческими и черными землями. Искать, какой изъ этихъ типовъ предшествовалъ, мы считаемъ безнадежнымъ и до нѣкоторой степени празднымъ, при полной неизвѣстности для насъ исходныхъ точекъ ихъ образованія и при полной возможности и даже вѣроятности ихъ параллельнаго возникновенія. Во владѣльческихъ вотчинахъ на нашихъ глазахъ населеніе составляется путемъ отдѣльныхъ договоровъ пришлыхъ крестьянъ съ владѣльцемъ земли; поскольку составъ

населенія таково, постольку оно юридически не можетъ предшествовать появленію вотчинника. Но этимъ однимъ элементомъ «порядившагося» въ крестьянство населенія составъ его въ дѣйствительности вовсе не исчерпывается. Рядомъ съ этимъ подвижнымъ контингентомъ мы вездѣ видимъ на владѣльческихъ земляхъ «старожильцевъ», живущихъ пол-вѣка или цѣлый вѣкъ на той же землѣ, на ней родившихся, съ ней перешедшихъ отъ владѣльца къ владѣльцу. Въ 1578 г. встрѣчаемъ одну грамоту¹⁾ о невывозѣ монастырскихъ крестьянъ въ дворцовыя села, *потому что* они, старожилы, и «тѣ села и деревни за монастырь достались съ тѣми крестьяны». Несравненно чаще и раньше это запрещеніе «принимать» крестьянъ—преимущественно съ княжескихъ, но иногда и съ владѣльческихъ земель—связывается съ фактомъ записки ихъ въ книги и въ тягло (въ выти). Итакъ, фактическое пребываніе въ теченіе долгаго времени на одномъ мѣстѣ, вступленіе въ тягло организацію, закрѣпленное книгами, — становится основаніемъ своего рода *крѣпости*, на ряду съ частными договорами. Но въ томъ и другомъ случаѣ—совѣстнаго жительства по отдѣльнымъ контрактамъ или старинной тяглою связи—становится-ли группа крестьянъ-сосѣдей цѣльной хозяйственной единицей, получаетъ-ли хозяйственную организацію, и когда именно? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы приходимъ къ выводу, діаметрально противоположному тому, который дѣлаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій. По мнѣнію нашего автора и нѣкоторыхъ его предшественниковъ исконная русская община сохранилась на сѣверѣ въ черныхъ волостяхъ и разрушилась въ центрѣ Россіи—во владѣльческихъ. По нашему представленію, хозяйственной общины въ черныхъ волостяхъ (за исключеніемъ родственной — долевой и компанейской) въ древней Руси не существовало, а явилась она впервые именно въ центрѣ Россіи на владѣльческихъ земляхъ. На примѣрѣ черныхъ волостей сѣвера мы только можемъ видѣть, что податной связи самой по себѣ было недостаточно, чтобъ превратить тяглою общину въ хозяйственную; на владѣльческихъ земляхъ центра прибавляется новый—рѣшающій элементъ: единство хозяйственнаго управленія.

Любопытно, что во время полемики съ Чичеринымъ Бѣляевъ нашелъ только одно свидѣтельство о настоящемъ передѣлѣ, и этотъ единственный примѣръ, какъ замѣтилъ тогда же Чичеринъ, дока-

¹⁾ Арх. Ю. Можайск. у. № 7700.

зываетъ какъ разъ противоположное тому, что нужно было Бѣляеву: доказывалъ именно владѣльческое вліяніе на передѣл¹⁾. Понятая въ этомъ смыслѣ, грамота митр. Симона вовсе не составляетъ единственнаго свидѣтельства; напротивъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ же, дѣлающихъ фактъ владѣльческаго распоряженія землей совершенно несомнѣннымъ²⁾. И самые размѣры надѣла, указываемые въ нашей грамотѣ, — 5 десятинъ и 6-я на владѣльца — представляютъ тоже весьма обычный размѣръ частновладѣльческой «выти» — какъ на монастырскихъ, такъ и на дворцовыхъ земляхъ³⁾.

¹⁾ Весьма интересная грамота эта была приведена Бѣляевымъ (Рус. Бесѣда 1856, I, 118) безъ указанія источника; въ «Крестьянахъ на Руси» онъ о ней уже вовсе не упоминаетъ. Мы нашли ее въ Сб. Бѣл. № 1620 (л. 250 об. — 251); приводимъ здѣсь весь текстъ ея, съ опущеннымъ у Бѣляева началомъ. «Отъ Симона митрополита Юркѣ Масленицкому. Билъ ми челомъ Константино-Еленскаго моего монастыря архимандритъ Матвѣй, а сказываетъ, что ихъ монастырскіе крестьяне Сураломцы и Добросельцы пашутъ пашни на себя много, а монастырскіе де пашутъ пашни мало. И ты бѣ въ тѣ села съ архимандритомъ съ Матвѣемъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ полгѣхъ переимѣрили, да дагъ бы еси христіаномъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы по тому же пахалъ и монастырскую пашню — шестой жеребей; а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы по тому пахалъ и монастырскую пашню». Тотъ же игуменъ Матвѣй упоминается въ грамотахъ 7007, 7008 г.; Симонъ былъ митрополитомъ въ 1496—1510 гг.

²⁾ Ср. напр. Арх. Юст. Мон. гр. Волок. у. № 2432, сотная 1544 г., дворцовое хозяйство: «а вытей... 134 выти, а на выть хрестьянскіе пашни по шти десятинъ въ полгѣ, а пахати имъ на великаго князя... 134 десятины, съ выти по десятинѣ; а мѣра десятинѣ въ длину 80 сажень, а поперегъ 30 сажень, а сѣяти имъ на десятину по 2 четверти ржи, а овса вдвое; а навозъ имъ возить на в. к. пашню съ своихъ дворовъ по 30 колышекъ на десятину, а мѣра колышкѣ въ длину и поперегъ четыре пяди, а вверхъ 2 пяди...; да хрестьяномъ же деревенщикомъ придано угоде въ Черницахъ на раздѣлѣ, у которыхъ хрестьянъ на выти сѣна мало». Калачовъ, Писц. XVI в. I, 2, 298—4 (1580 г.): «и дано на выть хрестьяномъ худые земли по 8 десятинъ, и съ тѣми десятинами, что дано хрестьяномъ для посоннаго хлѣба;... а землями, и луги, и лѣсомъ и всякими угоди верстатися хрестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами, на всякую выть поровну». Ср. ib. 402. Фед. Чех. I, 144 (1599): «а черная де отхожая пашня... нашихъ дворцовыхъ деревень недѣльная изстари, — пахали съ одною — повытно». Ср. также Неволина, о пятинахъ, прил. V, стр. 131.

³⁾ Размѣръ выти по извѣстнымъ намъ даннымъ равнялся (звѣздочкой обозначены тѣ цифры, при которыхъ въ документахъ не указано качество земли.

Есть, однакоже, одно обстоятельство, которое въ значительной степени осложняетъ наши представленія и затрудняетъ выводъ. Мы говорили выше о владѣльческихъ — монастырскихъ, дворцовыхъ и вотчинныхъ земляхъ. Но изображеніе автора предполагаетъ ихъ происхождение изъ свободныхъ черныхъ земель. Что мы знаемъ о роли этихъ черныхъ земель въ центральной Россіи? Правъ-ли былъ Бѣляевъ, усвоивая имъ характеръ первоначально свободныхъ неприкосновенныхъ государственныхъ земель; или правъ былъ Чичеринъ, считая ихъ принадлежащими князю, какъ частному собственнику, наравнѣ съ другими землями удѣла? Съ нѣкоторыми поправками авторъ въ сущности возвращается къ Бѣляевскому взгляду¹⁾. Не имѣя намѣренія защищать Чичеринскій въ его цѣломъ, — особенно въ его теоретическомъ обоснованіи, — мы однако считаемъ возможнымъ защищать два тезиса. Во-первыхъ, черная

Послѣдняя изъ числа указанныхъ десятинъ постоянно дается для посоннаго хлѣба, т. е. для ховяйской запашки):

	Доброй земли.	Средней.	Хулой.
около 1500 Моск. у. монаст. (Бѣл. Сб. № 1620, л. 250 об. — 251).....	6*	»	»
» 1503 Вологод. у. дворц. (ibid. л. 208).....	6*	»	»
» 1544 Волок. у. дворц. (Ар. Ю. № 2432).....	6*	»	»
» 1555 Владим. у. дворц. (Өед. Чех. I, 233).....	6*	»	»
» 1561 Колом. у. дворц. (Бѣляев. Акты въ Рум. муз. № 117).....	»	7—7 ¹ / ₂	8—9
» 1561 Бѣлозер. у. дворц. (Арх. Ю. № 814, 817, 819, 823).....	»	7	8
» 1571 Веневск. у. дворц. (Калач. I, 2, 1541).....	6 ¹ / ₂	»	»
» 1580 Твер. у. дворц. (Калач. I, 2, 301, 312 etc.)...	»	7	8
» » ibid. въ Шезскомъ стану и въ Кушалинск. волости дворц. (ibid. 360—402).....	»	9	10
до 1585 Бѣлозер. у. дворц. (А. Ю. № 230).....	»	»	9—10
» 1585 ibid. (ibid.).....	»	»	7
» 1586 Пошех. у. монаст. (Арх. Ю. № 9703).....	»	»	8

Въ 1571 г. изъ указанныхъ 6¹/₂ десятинъ — 1¹/₂ десятины дано пахать на вел. князя. Общій характеръ перечисленныхъ здѣсь и въ предъидущемъ примѣчаніи частныхъ случаевъ подчеркивается слѣдующимъ замѣчаніемъ книги соннаго писыма (Имп. Публ. Библ. Q, II, № 42): «а въ государевыхъ дворцовыхъ селѣхъ и въ помѣстныхъ земляхъ въ выть доброй земли по 5 десятинъ, а середніе земли по 6 десятинъ, а худые земли по 7 десятинъ, а на посонной хлѣбъ надавати на выть по десятинѣ».

¹⁾ Временникъ XI.

волостная община въ древнѣйшихъ нашихъ свѣдѣнiяхъ о ней является «тяглою» общиной «численныхъ людей», «данныхъ» и «письменныхъ»: соединяющая ее основная связь есть фискальная; изъ этой связи вытекаютъ ея судебно-полицейскiя и хозяйственныя функцiи; послѣднiя не дѣлаютъ ее однако цѣльнымъ хозяйственнымъ организмомъ. Во-вторыхъ, раньше, чѣмъ считалъ возможнымъ утверждать Чичеринъ, происходитъ «окняженiе» центральныхъ черныхъ волостей и уже послѣ этого «окняженiя» начинается «обояренiе» нѣкоторой доли послѣднихъ. Мы не знаемъ, что было раньше, но навѣрное знаемъ, что въ XV и XVI в. черная волость центра становится дворцовой волостью князя, — раньше чѣмъ является самый терминъ «дворцовый». Въ это время, по крайней мѣрѣ, князь свободно даритъ, продаетъ, мѣняетъ черныя волости ¹⁾; скоро мы узнаемъ, что онъ въ нихъ и хозяйничаетъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ становятся замѣтны въ черной волости центра и нѣкоторые признаки хозяйственной связи, подобные указаннымъ выше на владѣльческихъ земляхъ ²⁾. Эти признаки, какъ мы думаемъ, — вторичнаго происхожденiя: являясь *послѣдствiемъ* «окняженiя» черныхъ волостей центра, они только подтверждаютъ нашъ выводъ о частновладѣльческомъ происхожденiи хозяйственной организацiи крестьянской общины.

¹⁾ Арх. М. Ю. Мон. гр. 1470 и Звениг. у. № 4676: «промѣнилъ» кн. Андрей Васильевичъ «свои деревни черныя тяглыя» на монастырскiя. Ок. 1481 и. Можайск. у. № 7606, жалов. гр. на «черныя деревни и съ судомъ и съ данью и съ оброкомъ и съ хлѣбомъ, что въ землѣ». 1517 и. Вологод. у. № 2574: упоминается о взятiи на оброкъ «законовъ черныхъ, что были ихъ обоярилъ Мих. Баралевъ». 1525 и. Рузск. у. № 10. 247: кн. Юрiй Ивановичъ далъ въ монастырь черныя волости. 1530 и. Вологод. у. № 2578, грамота городовому приказу: «что еси писалъ и мѣрилъ мои вел. государя деревни черныя, и ты бы... тѣ мои деревни... отдалъ Кириловскому игумену, а въ тѣхъ деревень мѣсто взялъ бы еси на меня... деревни монастырскiя на Тошиѣ». 1550 и. Костром. у. № 5017: 4 деревни черныя... Кулишскiе волости чашича пути... жалуются въ Коршнлеву пустынь. 1563 и. Переясл. у. № 8927: «Благовѣщенскаго монастыря деревни, что были черныя деревни Ортемьевскаго стану, а пожаловалъ царь и в. к. etc. 1566 и. Бѣлозер. у. № 818: государь разрѣшаетъ мѣну черныхъ деревень на монастырскiя. Другiя мѣста см. у Чичерина, Опыты, 22—3; А. до Ю. В. I, стр. 80. Ср. также Чичерина Обл. Учр. 569.

²⁾ Такъ напр. въ актахъ Бѣляева (Рум. муз. № 117) находимъ согную черныхъ деревень Коломенск. у. 1561 г., по которой земля этихъ деревень распределена на *смыи*, по 14—15 четвертей средней земли, по 16—18 четвертой въ выти; съ вытей идетъ оброкъ по 1 р.; въ одной отхожей пожнѣ лѣсъ «сѣкутъ всею волостью». Ср. также «черныя деревни Высокой волости» въ 1554 г. *ib.* № 102.

3. Техника податнаго обложенія. а) Окладная единица (соха).

По вопросу о податной системѣ и о податныхъ общественныхъ группахъ до XVII в. А. С. Лаппо-Данилевскій все-таки имѣлъ нѣкоторыя предшествующія работы въ ученой литературѣ. Напротивъ, вопросъ о древнѣйшей системѣ податнаго обложенія до сихъ поръ остается едва затронутымъ. Между тѣмъ нельзя не признать, что при изученіи «организациі прямаго обложенія» вопросъ этотъ имѣетъ центральное значеніе. Самъ авторъ заключаетъ въ результатѣ своей работы, что сущность этой организациі сводится къ репартиціонной системѣ. А такъ какъ соха была древнѣйшей окладной единицей этой системы, то исторія сошнаго письма является въ значительной степени и исторіей самой системы. Оба эти обстоятельства, т. е. неизученность вопроса и важность его для темы автора, заставляютъ насъ сосредоточить на немъ особенное вниманіе.

Въ исторіи сошнаго письма до XVII в. авторъ мало прибавилъ къ тому немногому, что мы имѣли до него. На стр. 219—221 онъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сохѣ до XVII в. и въ приложеніи V-мъ (о «податныхъ единицахъ», 520—524) нѣкоторыя данныя относятся къ этому времени; но во всемъ этомъ не встрѣчаемъ ничего цѣльнаго. Авторъ замѣчаетъ, что «соха, какъ извѣстно, начинаетъ служить податной единицей уже съ половины XV в.», но въ примѣчаніи находимъ болѣе точное указаніе, что «извѣстія о сохѣ, какъ податной единицѣ, встрѣчаются уже въ XIII в.». Далѣе, онъ говоритъ объ измѣненіи значенія сохи: въ XV в. размѣры сохи опредѣлялись количествомъ *труда*, нужнаго для обработки, затѣмъ они стали выражаться количествомъ *посѣва*, а съ XVI—XVII в. «она приобрѣтаетъ значеніе простой *геометрической плоскости*». Въ этомъ опредѣленіи возбуждаетъ сомнѣнія прежде всего второй изъ указанныхъ моментовъ: опредѣленіе сохи количествомъ посѣва, какъ *независимое* отъ опредѣленія ея количествомъ труда или геометрическимъ измѣреніемъ, — какъ особый хронологическій періодъ въ ея исторіи. Всѣ существовавшія опредѣленія сохи сводятся или къ количеству труда, или къ размѣру земельной площади; размѣры же посѣва принимаются въ расчетъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ. Что касается, въ частности, опредѣленія сохи количествомъ труда, мы уже знаемъ, что такое опредѣленіе современно татарскимъ переписямъ, и самый размѣръ сохи мало измѣняется съ послѣдней четверти XIII до послѣдней четверти XV в. Выражае-

мая въ единицахъ рабочей силы, эта соха можетъ быть переводима и на единицы засѣянной площади пашни, съ тѣми колебаніями, которыя соотвѣтствуютъ колебаніямъ рабочей силы. Всего отчетливѣе мы можемъ прослѣдить этотъ параллелизмъ въ Новгородѣ. Послѣ того, какъ новгородцы опредѣлили Ивану III свою «обжу», какъ единицу труда одного коннаго рабочаго («обжа — одинъ человѣкъ на одной лошади ореть»), въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1490-хъ — 1500-хъ гг. мы встрѣчаемъ ту же обжу выраженной въ единицахъ посѣва, *коробьяхъ* (коробья = 2 чети = десятина); но одно нисколько не мѣшаетъ другому: коробка всегда представляетъ опредѣленную площадь посѣва; а обжа, окладная единица продолжая означать единицу рабочей силы, приравнивается постоянно колеблющемуся количеству этихъ единицъ посѣва: въ Деревской пятинѣ на обжу кладется $2\frac{1}{8}$ до $2\frac{3}{4}$, рѣдко 3-хъ коробей; въ Шелонской 3—5 коробьи, но иногда и 2, а иногда 6, въ многосемейныхъ дворахъ даже 7 коробей ¹⁾; въ Водьской пятинѣ ²⁾ та же обжа состоитъ обыкновенно изъ 3—4 коробей, но иногда изъ $2\frac{1}{2}$, а иногда даже изъ 5—6 коробей. Такимъ образомъ, если бы мы пожелали приравнять обжу опредѣленной площади посѣва, то получили бы постоянно различныя величины этой площади, въ предѣлахъ отъ 2 до 7 десятинъ, т. е. отъ 6 до 21 десятины на сошку (= 3 обжи). Авторъ, очевидно, не обратилъ достаточнаго вниманія на такой характеръ древней новгородской обжи и сошки; въ приложеніи онъ приравниваетъ ихъ постоянной площади посѣва — 10 и 30 четвертямъ въ полѣ; но постоянный размѣръ въ 10 четвертей обжа получила вслѣдствіе распоряженій московскаго правительства, значительно позднѣе; еще въ срединѣ XVI в. ея размѣръ продолжаетъ колебаться ³⁾; только въ писцовыхъ 1581 и слѣд. гг. обжа является фиксированной — въ 10 четвертей ⁴⁾. Это нововведеніе отражаетъ въ себѣ, какъ увидимъ, переломъ въ судьбѣ самой московской сохи.

Изложенныя наблюденія надъ новгородской обжей и сошкой показываютъ, что и къ опредѣленію площади посѣва древнѣйшей московской сохи надо относиться осторожно. Переходя теперь къ ея исторіи, мы должны прежде всего устранить то препятствіе, которое продолжаетъ ставить новѣйшимъ изслѣдователямъ старая

¹⁾ Напр. Новг. писц. кн., т. IV, 79.

²⁾ Временникъ, XI.

³⁾ Новг. писц. кн., т. IV; Доп. къ А. И. I, стр. 90.

⁴⁾ Временникъ, VI и Невольинъ о пятинахъ, приложенія.

постановка вопроса у Бѣляева. Задавшись опредѣленіемъ размѣровъ сохи въ количествѣ четвертей пашни, Бѣляевъ этимъ самымъ переносилъ на древнюю соху черты позднѣйшей и предрѣшалъ главный вопросъ, подлежащій разрѣшенію: имѣла-ли вообще соха въ древнѣйшее время значеніе извѣстной земельной площади? Не получивъ опредѣленнаго отвѣта на невѣрно поставленный вопросъ, онъ заключилъ отсюда, что соха вообще не имѣла опредѣленной величины. Дѣло еще усложнилось тѣмъ, что самые факты, собранные имъ для отвѣта, были или совсѣмъ невѣрны, или невѣрно истолкованы. Это обстоятельство мы прежде всего и постараемся констатировать.

Рядъ этихъ фактовъ, сопоставленныхъ Бѣляевымъ ¹⁾, начинается съ данныхъ о новгородскихъ обжахъ и сопкахъ. Невѣрно во всѣхъ этихъ данныхъ утвержденіе, что на обжу клялось опредѣленное количество коробей; какъ мы видѣли, это количество постоянно колебалось въ одной и той же книгѣ. Затѣмъ невѣрно также показаніе Бѣляева, что въ новгородской писцовой книгѣ 1500 г. ²⁾ «въ соху помѣстной земли было положено 21 обжа». Во всѣхъ намъ извѣстныхъ случаяхъ составъ новгородской сохи очень постояненъ—3 обжи; составъ обжи становится постояннымъ съ 1581 г.—10 четвертей. Затѣмъ и показаніе о тверской дворцовой сохѣ первой половины XVI в. небывалаго размѣра — въ 1300 четв. доброй земли — оказывается чистымъ недоразумѣніемъ. Во-первыхъ, источникъ, изъ котораго взято это показаніе, совсѣмъ не относится къ первой половинѣ XVI в., а къ XVII-му (см. далѣе); во-вторыхъ, Бѣляевъ прочелъ «доброй» земли вмѣсто «дobre-худой» (въ одномъ мѣстѣ рукописи: «доброй худой»). Далѣе слѣдуютъ двѣ столь же неудачныя ссылки на тверскія писцовыя 1540 и 1588 гг.; въ первыхъ приходится будто бы по 416, а во вторыхъ по 400 четв. на соху: тоже размѣры исключительные. Эти писцовыя книги теперь напечатаны ³⁾. Вторая изъ нихъ отнесена Бѣляевымъ къ 1588 г. (а Калачовымъ къ концу XVI в.), очевидно, на томъ основаніи, что въ нихъ трижды упоминаются грамоты 7094 и 7096 гг. ⁴⁾. Но всѣ

¹⁾ Временникъ, XI, 52—54.

²⁾ Арх. М. Ин. Д. № 4? Мы видѣли эту книгу въ археографической комиссіи и можемъ удостовѣрить, что *и въ ней соха состоитъ тоже изъ трехъ обжаей*, см. л. 34 об. — 35, л. 55 об., л. 74, л. 88. (Съ л. 91 идетъ книга 7059 года, см. на л. 202 об. 203: «старыя обжа писаны и положено въ нихъ пашни въ обжу по 3 коробы и по 2¹/₂ коробы и по 2 — по старому жу»).

³⁾ Калачовъ, I, 2 стр. 40—140, 141—290.

⁴⁾ Стр. 162, 202, 239.

три раза эти даты оказываются простыми ошибками писца вмѣсто 6994 и 6996, какъ видно изъ того, что грамоты принадлежать вел. кн. Ивану Васильевичу (III) и в. к. Ивану Ивановичу (его сыну). Въ дѣйствительности, книга эта относится ко времени послѣ 1547 г., такъ какъ въ ней упоминаются грамоты декабря этого года ¹⁾ и до 1556, такъ какъ князь Дмитрій Ивановичъ Микулинскій, умершій въ этомъ году ²⁾, считается въ ней еще живымъ. Мы полагаемъ, что она составлена лѣтомъ 1555 г., такъ какъ въ ней говорится, что— «какъ татарове приходили воевать» къ Рязани, — «тому 3 года минуло Рождество Христово» (стр. 281); думаемъ, что здѣсь разумѣется нападеніе ногайцевъ на мещерскія мѣста и старую Рязань въ 1551 г., пришедшее дѣйствительно на Рожд. Хр. ³⁾. Затѣмъ эта книга не есть писцовая, а приправочная (стр. 98, 272) и, какъ таковая, содержитъ въ себѣ только краткія указанія на количество стараго *сошнаго письма* въ каждомъ владѣніи по писцовой 1540 г. (т. е. предыдущей, стр. 40—140) и на *новое* количество *четвертей*, оказавшееся въ томъ же владѣніи при приправкѣ въ 1555 г. Такъ какъ послѣднее не переведено въ книгѣ на *новое* сошное письмо, то по ней никакъ нельзя опредѣлить, сколько въ 1555 г. клялось четвертей на соху. Но можно, правда, старое сошное письмо этой книги, должствующее соответствовать состоянію 1540 г., сопоставить съ количествомъ четвертей самой книги 1540 г., въ которой, наоборотъ, только и показаны четверти, безъ перевода на сохи. Въ результатъ такого сравненія мы получимъ совершенно тотъ же выводъ, какой получили при вычисленіи числа коробей въ новгородской обжѣ, т. е. во всякомъ новомъ имѣніи мы получимъ и новый результатъ, напр. той же самой $\frac{1}{6}$ долей сохи измѣряются три имѣнія, изъ которыхъ въ одномъ 141 четъ пашни въ полѣ, въ другомъ 110, въ третьемъ 91; или одинаково положены въ $\frac{1}{12}$ сохи три другія имѣнія, изъ которыхъ въ одномъ 37 четей, въ другомъ 53, а въ третьемъ 66 и т. д. Если бы высчитывать по каждому изъ этихъ случаевъ предлагаемые размѣры сохи, то мы получили бы изъ шести случаевъ шесть разныхъ сохъ для Тверскаго уѣзда: въ 888, 660 и 546 четв. или 792, 636 и 444 четв. Другими словами, окажется, что между четвертями пашни и сошнымъ письмомъ не существовало ни-

¹⁾ Стр. 201, 202, 221.

²⁾ Микулинская лѣтопись. М. 1854, 36—38.

³⁾ 26 декабря. Царств. книга, 160; ср. Разрядная книга, издаваемая мною въ Чт. О. Ист. и Др. Р., стр. 148.

какого прямого соответствія; не нормы сохи варьировались, а соха нормировалась въ Тверскомъ у. 1540 г. не по количеству четвертей, а по какому-нибудь другому принципу.

«Неодинаковость мѣры сохъ» доказывается у Бѣляева еще одной грамотой, въ которой говорится, что прежде жители платили съ монастырской вотчины подати съ 12 четей, а новый писецъ написалъ ее «въ сошное письмо тяжело—174 чети». Повидимому, Бѣляевъ выводилъ отсюда, что *соха* равнялась въ первомъ случаѣ 12-ти, а во второмъ 174-мъ четямъ. Но здѣсь ничего не говорится о размѣрахъ цѣлой сохи, въ которую были положены прежде 12 четвертей, а потомъ 174; тяжесть новаго письма состояла тутъ, очевидно, лишь, въ томъ, что новыя четверти, прежде «въ сохи не положенныя», можетъ-быть недавно распаханныя или находившіяся на особой льготѣ, теперь были введены вмѣстѣ съ прежними въ сошный окладъ.

Это отступленіе было необходимо сдѣлать въ виду того, что авторитетъ Бѣляева опредѣлилъ взгляды послѣдующихъ изслѣдователей; П. А. Соколовскій попытался ошибочнымъ цыфрамъ Бѣляева дать рациональное объясненіе ¹⁾; А. С. Лаппо-Данилевскій просто принялъ эти цыфры и сдѣлалъ изъ нихъ дальнѣйшій выводъ: «сильныя колебанія реальныхъ размѣровъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые получаютъ наименованіе сохъ въ XVI в., показываютъ, быть-можетъ, что соха даже въ XVI в. еще окончательно не установилась» (228, примѣч.). Положеніе изслѣдователя становится особенно затруднительнымъ, если вспомнимъ, что нѣсколькими страницами ранѣе (220) авторъ принужденъ былъ признать, что съ первой третью XVII в. сошное обложеніе уже «отживало свой вѣкъ». Невольно является вопросъ, когда же въ такомъ случаѣ оно успѣло сложиться въ окончательномъ видѣ, — когда соха сдѣлалась опредѣленной геометрической плоскостью?

Замѣтимъ прежде всего, что и тутъ необходимо устранить принятый авторомъ особый періодъ опредѣленія сохи посредствомъ количества посѣва. Совершенно вѣрно, что древняя «четверть» есть «четверть сѣву» ²⁾; но это не мѣшаетъ ей, подобно новгородской коробѣ и византійской литрѣ, въ то же время соответствовать извѣстной, точно опредѣленной площади; здѣсь, какъ въ нов-

¹⁾ Экономическій бытъ, 45—6.

²⁾ Въ древнихъ текстахъ очень часто употребляется выраженіе «земли на столько-то четвертей» вмѣсто позднѣйшаго «столько-то четвертей земли».

городской обжѣ, извѣстное количество единиц посѣва можетъ приравниваться единицѣ рабочей силы; но пока соха измѣряется послѣдней, до тѣхъ поръ и здѣсь, и тамъ количество это будетъ колебаться. Напротивъ, какъ только размѣръ сохи будетъ прямо опредѣленъ извѣстнымъ количествомъ единиц посѣва («четвертей») такъ сама собою соха превратится въ геометрическую площадь извѣстнаго размѣра. Не признавая, что «четверть сѣва» уже сама по себѣ есть вполне опредѣленная геометрическая площадь, авторъ ставитъ въ связь геометрическое измѣреніе сохи съ появленіемъ «новой поземельной мѣры подъ наименованіемъ десятины, равной двумъ четвертямъ; она становится извѣстной со второй половины XVI в. и официально утверждена сошною книгой при Уложеніи» (221). Дѣйствительно, десятина употребляется въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ тогда, когда дѣло идетъ о измѣреніи земель геометрическимъ способомъ, и когда измѣреніе ихъ количествомъ посѣва оказывается почему-либо неудобнымъ (напр. при отведеніи вновь надѣла подъ посѣвъ, почему выги постоянно измѣряются десятинами въ дворовыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ, — при отводѣ земли подъ ямъ; наконецъ, когда измѣряется не пашенная земля, а лугъ или дворъ). Но, во-первыхъ, эта мѣра упоминается значительно ранѣе, чѣмъ полагаетъ авторъ, именно уже въ XIV в. ¹⁾ и, уже въ извѣстїи 1503 года, приравнивается двумъ четвертямъ посѣва; а во-вторыхъ, уже поэтому ясно, что нельзя искать никакой спеціальной связи между введеніемъ десятиннаго измѣренія и превращеніемъ сохи въ опредѣленную геометрическую площадь.

¹⁾ А. А. Э. I, № 11. Грамота митр. Кипріяна 6900 (1391 г.) октября 21, индикта 15 (въ Рум. муз. Сб. Бѣляева, № 1620, л. 246 об. таже грамота датирована 6906 г.): по жалобѣ монастырскихъ «сиротъ» на игумена Константиновскаго монастыря Ефрема, что онъ наряжаетъ намъ дѣло не по пошлинѣ, чего при первыхъ игуменахъ не бывало» (Цареконстантиновскій монастырь во Владим. у. основанъ около 1362 г.; ср. Ист. іер. VI. 648; Ратшинъ, 43), назначено слѣдствіе, и предыдущій игумень Царко свидѣтельствуеть о «старой пошлинѣ», «какъ монастырскимъ людямъ дѣло дѣлати»; они должны между прочимъ «сѣно косити десятинами». Ср. А. И. I. № 100 (1490 г.). А. до Ю. Б. II, стр. 565 (1498—99 г.). Арх. М. Ю. Мон. гр. Переясл. у. № 8816: кн. в. Иванъ Васильевичъ (III) посылая «смотреть и мѣрити, сколько троицкіе земли за рѣчкою за Карповкою, и тое земли съ мѣру девяносто и шесть десятинь»... Затѣмъ кн. в. вторично послалъ «а велѣтъ тое земли троицкіе отмыреть съ мѣру къ яму 30 десятинь пашные земли, да на 30 копенъ пожни, какъ и по инымъ ямамъ». Писцов. кн. Вологод. у. 1503 г.: «сѣяли на десятинь по 2 четверти ржи, а яри вдвое». (См. ниже стр.).

Фактъ такого превращенія остается однакоже несомнѣннымъ. Намъ извѣстна исходная точка этого превращенія — соха какъ единица рабочей силы, и извѣстенъ его результатъ — соха какъ опредѣленное количество четвертей пашни. Остается разъяснить ближайшія обстоятельства и время, когда именно произошла эта перемѣна.

Естественно, что за разрѣшеніемъ мы должны обратиться къ самымъ документамъ, имѣвшимъ цѣлью податное обложеніе, — къ писцовымъ книгамъ древнѣйшаго времени. Правда, только скудные остатки писцовыхъ книгъ этого времени сохранились до насъ; но собравъ возможно большее количество этихъ остатковъ, преимущественно «сотныхъ выписей», мы все же можемъ извлечь изъ нихъ немаловажныя для нашего вопроса указанія ¹⁾.

Прежде всего, подобранныя нами сотныя выписи XVI в. сами собою распадаются на два различныхъ типа съ легко уловимыми отличительными признаками. Первый типъ, болѣе древній, обыкновенно сообщаетъ свѣдѣнія о количествѣ дворовъ, ихъ мужскомъ рабочемъ населеніи и о количествѣ сошнаго письма, но никогда не даетъ указаній на то, какое количество пашни, переводится на соотвѣтствующее количество сошнаго письма. Второй типъ, болѣе поздній, напротивъ, главнымъ образомъ указываетъ количество пашни, почти всегда характеризуетъ и ея качество (добрая, середняя, худая) и большей частью совершаетъ переводъ ея на сошное письмо по опредѣленной нормѣ. Уже изъ этой общей характеристики нельзя не видѣть, что смѣна двухъ типовъ соотвѣтствуетъ искомой перемѣнѣ въ значеніи окладной единицы. Перейдемъ теперь къ ближайшему изученію каждаго типа.

Вотъ образецъ тѣхъ свѣдѣній, которыя можно заимствовать изъ выписей перваго типа ²⁾ (Рум. муз. Бѣл. № 1620, л. 29 слѣд. по Переясл. у., 1520 г., волость великаго князя):

¹⁾ Довольно значительное количество сотныхъ выписей намъ удалось подобрать по монастырскимъ грамотамъ Арх. М. Юст. Указанія этихъ же грамотъ положены въ основаніе списка писцовыхъ книгъ XVI в., предлагаемаго въ приложеніи I.

²⁾ Приводимъ списокъ извѣстныхъ намъ по архивнымъ источникамъ выписей перваго типа. 7000 г. Звенигор. у. Рум. муз. Сб. Бѣляева, № 1620, л. 25. 7006 г. Юрьева Польскаго у. *ibid* л. 196 об. 7007 г. Владим. у. *ibid*. л. 199. Москов. у. *ib.* л. 48. 7009 г. Ростов. у. *ib.* л. 9—15. 7010 г. Костр. у. л. 195. 7011 г. Вологод. у. *ib.*: л. 208. 7028 г. Переясл. у. *ib.* л. 29. 7035 г. Арх. Мин. Юстиціи. Монаст. гр. Кашинск. у. № 6712. 7041 г. *ib.* Галиц. у. № 3346. 7046 г. Дмитров. у. №№ 3767, 3764—65; Звенигород. у. № 4686. 7050 г. Пошехов. у. № 9. 681.

дворовъ 11,	пашни $\frac{1}{3}$	сохи (на соху дворовъ 33)
» 20	» $\frac{1}{3}$	» (» » » 60)
» 2	» $\frac{1}{6}$	» (» » » 12)
» 9	» $\frac{1}{8}$	» (» » » 72)
» 10	» $\frac{1}{12}$	» (» » » 120)
» 4	» $\frac{1}{12}$	» (» » » 48)
» 2	» $\frac{1}{12}$	» (» » » 24)
» 3	» $\frac{1}{16}$	» (» » » 48)
» 4	» $\frac{1}{16}$	» (» » » 64)

Какъ видимъ, число дворовъ не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ количествомъ сошнаго письма. Выраженная въ количествѣ дворовъ, соха колебалась бы въ предѣлахъ 1:10. Приведемъ другой примѣръ, гдѣ, кромѣ числа дворовъ, можно видѣть и число людей въ нихъ (Арх. Мин. Ю. Мон. гр. Вологод. у. № 2586, 1544 г.; монастырскія деревни):

дворовъ 11,	человѣкъ 12,	пашни $\frac{1}{6}$	сохи (на соху дворовъ 66,	человѣкъ 72)
» 25	» 26	» $\frac{1}{6}$	» (» » » 150	» 156)
» 3	» 3	» $\frac{1}{4}$	» (» » » 12	» 12)
» 46	» 47	» $\frac{7}{12}$	» (» » » 79	» 81)
» 139	» 217	» $2\frac{1}{3}$	» (» » » 60	» 93)

Выводъ опять-таки приходится сдѣлать тотъ же самый. Что касается свѣдѣній о количествѣ четвертей, онѣ, вѣроятно, находились въ самыхъ писцовыхъ разсматриваемаго типа; но въ выписяхъ встрѣчаются весьма рѣдко. Въ одномъ документѣ 1533 г. мы находимъ сопоставленіе количества четвертей по письму одного писца съ количествомъ сохъ по письму другаго; сопоставленіе это даетъ слѣдующіе выводы (Арх. Ю. Гал. у. № 3346; ср. Сборн. грамотъ Троицк. мон. № 532 по Галичу грамота):

Въ одномъ помѣстьи Галиц. у. 246 четв. = $\frac{1}{4}$ сохи; соха = 984 четв.
въ немъ же 90 » = $\frac{1}{12}$ » » = 1080 »
Въ другомъ помѣстьи Костр. у. 240 » = $\frac{1}{3}$ » » = 720 »
въ немъ же 105 » = $\frac{1}{6}$ » » = 630 »

Совершенно подобныя колебанія количества четвертей на соху мы видѣли и выше при сравненіи данныхъ Тверской писцовой 1540 и приправочной 1555 г. Общій выводъ получается, такимъ

7052 г. Переясл. у. №№ 8850 и 8861; Бѣлозер. у. № 790; Владим. у. № 1796
 Волоколам. у. № 2432; Верейск. у. №№ 2335—2336, Вологод. у. №№ 2585, 2586.
 7053 г. Костром. у. № 5007.

образомъ, вполне отрицательный: соха не измѣрялась—ни количествомъ дворовъ, ни количествомъ людей, ни количествомъ четвертей. Чѣмъ она въ дѣйствительности измѣрялась, объ этомъ выпиши нашего типа хранить глубокое молчаніе. Тѣмъ важнѣе отмѣтить одно встрѣтившееся намъ указаніе, какъ бы случайно оброненное сотной выписью 1544 г. и до сихъ поръ совершенно одиночное. Послѣ перечисленія обычнымъ образомъ дворовъ и количества сошнаго письма въ монастырскихъ деревняхъ ¹⁾ въ самомъ концѣ находимъ замѣтку: «деревня Кучино со княземъ Александромъ Друцкимъ въ спорѣ; а пашеть ее кн. Александръ, а съ соху положена однокольцомъ пол-пол-пол-чети сохи». Надо полагать, что «одноколецъ» есть владѣлецъ одной «колышки» или «телѣги», къ которой первая приравнивается въ параллельныхъ текстахъ ²⁾. Замѣтимъ далѣе, что $\frac{1}{32}$ сохи есть наименьшая дробь, на которую можетъ подраздѣляться соха по обычнымъ приемамъ сошнаго счета. Итакъ, наша цитата имѣетъ слѣдующій смыслъ: деревня Кучино въ платежномъ отношеніи сочтена за «одного однокольца» и приравнена по этому счету къ $\frac{1}{32}$ части сохи. Слѣдовательно, соха въ данномъ случаѣ состоитъ изъ 32-хъ однокольцевъ: «одноколецъ» является той недѣлимой единицей рабочей силы, на которой строится соха. Если можно считать его за одного коннаго работника, тогда мы можемъ сравнивать наблюдаемую здѣсь соху съ сохой XV в. Одному конному рабочему равняется, какъ мы знаемъ, и новгородская обжа; далѣе, по грамотѣ 1437 г. можно установить такую градацію рабочихъ и окладныхъ единицъ: $\frac{1}{2}$ плуга = сохѣ = двумъ конямъ съ припряжкой = двумъ половникамъ = четыремъ пѣшшимъ работникамъ ³⁾; или 1 конный работникъ = 2-мъ

¹⁾ Арх. М. Ю. Влад. у. № 1796. По этому перечисленію размѣры сохи колеблются, какъ всегда въ этомъ типѣ выписей: такъ, одной и той же величинѣ—сохѣ безъ трети приравнены одинъ разъ 27 дворовъ, другой разъ 21 дворъ, третій разъ—18 дв., четвертый разъ—11 дв., т. е. вычисленная по этимъ цифрамъ соха равнялась бы $40\frac{1}{2}$, $31\frac{1}{2}$, 27 и $16\frac{1}{2}$ дворамъ; тутъ же встрѣчается случай, когда 64 двора приравнены $\frac{1}{2}$ сохи (т. е. 108 дворовъ на соху); къ $\frac{1}{32}$ доль сохи приравненъ одинъ разъ 1 дворъ, другой разъ пашня, распаханная изъ другаго поселка «наѣздомъ».

²⁾ Ср. выше цитату на стр. 51, пр. 2 съ изданіемъ «Счетной Мудрости» Общ. Люб. Др. Письм. л. 120: «а навозъ возять на выть по 60 *теламъ*, а телѣга въ длину 7 пядей, вверху 4 пяди етс...».

³⁾ Кажется, такой смыслъ должны имѣть «4 пѣшци за соху» грамоты 1437 г. Ср. въ грам. Кириана 1891 г. (А. А. Э. I, № 11), «а пашходцомъ изъ сель къ празднику рожь молотити и хлѣбы печи» и т. д.

пѣшимъ = $\frac{1}{2}$ сохи = $\frac{1}{4}$ плуга. Соха нашего документа, состоящая изъ 32-хъ конныхъ рабочихъ, въ 8 разъ больше древняго плуга и въ 16 разъ болѣе древней сохи, если считать въ послѣдней два конныхъ работника; если же по новгородскому счету принимать въ древней сохѣ три конныхъ работника (что можно оправдать и грамотой 1437 г. «два коня, а третье припряжь»), то такихъ сохъ будетъ въ нашей сохѣ $10\frac{2}{3}$. И дѣйствительно, уже въ 1555 г. встрѣчаемъ распоряженіе, которымъ московская соха приравнивается десяти новгородскимъ ¹⁾. Это приравненіе не мѣшаетъ земельной площади новгородской сохи колебаться вплоть до 1581 г.; точно также колеблется и площадь московской сохи. Однако, и при этихъ колебаніяхъ, все же можно уловить между земельными размѣрами этихъ сохъ ту же связь и, кажется, то же преемство, какое мы замѣтили относительно составлявшаго ихъ количества конной рабочей силы. Если вѣрны наши наблюденія надъ послѣднимъ, то и земельные размѣры древней московской сохи должны были въ болѣе древнее время стоять близко къ размѣрамъ новгородской, а затѣмъ превысить ихъ до 10 разъ. Уже Кури воспользовался для опредѣленія размѣровъ древней сохи статьей Русской Правды по Карамзинскому списку (58): «а въ селѣ сѣяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовскихъ» — по 4 четверти въ кади = 64 четв. ²⁾; А. С. Лапко-Данилевскій повторилъ этотъ же расчетъ (523), и оба не замѣтили, что 64 четв. составляютъ въ цитированной статьѣ не одинъ, а два плуга; слѣдовательно, на плугъ приходится 32 четв. Если плугъ равнялся и въ то время, когда производился этотъ расчетъ (т. е., вѣроятно, въ XIII в.), двумъ сохамъ, то на соху придется 16 четвертей. Размѣрамъ новгородской сошки, колебавшейся въ концѣ XV в. между 12 и 42 четв., эти цифры не противорѣчатъ. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ выписяхъ также встрѣчаемъ малые размѣры сохи; напр. по выписи 1503 г. въ Вологодскомъ у. въ одномъ дворцовомъ сельцѣ приходилось на соху $4\frac{1}{2}$ двора, $5\frac{1}{2}$ человекъ и 65 четв. пашни; въ другомъ 4 двора и человекъ и $28\frac{1}{2}$ четв. (впрочемъ, не считая великокняжеской запашки, съ которой выходитъ 78 и $37\frac{3}{4}$ четверти на соху ³⁾); но уже въ то время встрѣчаются сохи несомнѣнно большаго размѣра, напр. въ Ростовскомъ у. 1501 г. въ одной и той же волости на соху

¹⁾ Доп. къ А. И. I, № 78.

²⁾ Сборн. Мейера, 113.

³⁾ Рум. муз. Бѣл. № 1620, л. 208 слѣд.

приходится по 28 и по 45 дворовъ ¹⁾; въ Звенигородскомъ у. въ 1492 г. по 13¹/₂ и по 45 дворовъ ²⁾;—однимъ словомъ, тѣ же болѣе крупныя и весьма непостоянныя размѣры, какіе мы видѣли въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Когда и при какихъ условіяхъ совершилось это увеличеніе размѣровъ древней сохи, для насъ самихъ пока составляетъ загадку; несомнѣннымъ кажется намъ только одно, что и увеличившись въ размѣрѣ, соха продолжала измѣряться количествомъ рабочей силы.

За немногими исключеніями, рассмотрѣнный типъ сотныхъ выписей перестаетъ встрѣчаться съ середины столѣтія и съ того же времени появляется другой типъ. Переходя къ его рассмотрѣнію, мы сразу чувствуемъ себя на болѣе твердой почвѣ. Какъ сказано выше, особенности этого типа заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что въ немъ начинается различаться *качество* земли (доброй, средней и худой), во-вторыхъ, въ томъ, что каждаго качества земли кладется на соху точно опредѣленное количество, и соха получаетъ постоянный размѣръ. Общій принципъ, проводимый при этомъ, заключается въ томъ, что недостатокъ въ качествѣ земли вознаграждается или прибавкой ея количества или приравненіемъ ея меньшему количеству земли высшаго сорта; техническій терминъ для перваго способа есть «наддача», для втораго «одобриваніе»; впрочемъ, какъ видно уже изъ указанной сущности обоихъ способовъ, различіе между ними только относительное: наддачу можно всегда выразить въ терминахъ одобриванія, а одобриваніе въ терминахъ наддачи. Иллюстрируемъ эту связь древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ случаемъ одобриванія и наддачи. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ въ 1552 году черной земли на монастырскую, экспропрированную у монастыря подъ слободу ³⁾: естественно, что для сохраненія равенства въ обмѣнѣ необходимо было здѣсь привести земли разнаго качества, такъ сказать, къ одному знаменателю, выразить ихъ въ терминахъ земли лучшаго качества. Всего отведено монастырю «добрыя земли 80 четв., среднія земли 86 четв., да худыя земли 46 четв. да перелогу 40 четв.». Для сведенія втораго сорта къ первому «учинено въ средней землѣ добрую землю 69 четвертей, а наддано на среднюю землю 17 четв.», т. е. 86 четв. средней земли приравнены 69 четв. доброй,—слѣдовательно, одобрены,—а

¹⁾ Ibid. г. 9—15.

²⁾ Ibid. г. 25 слѣд.

³⁾ Арх. М. Ю. Переясл. у. № 8886.

остальные 17 четв. сочтены «наддачей», или каждая четверть средней приравнена $\frac{4}{5}$ четв. доброй (слѣд. 1 четв. доброй земли = $1\frac{1}{4}$ средней). Далѣе, «въ худой землѣ учинено доброю землею $30\frac{1}{2}$ четв., а наддано на худую землю $15\frac{1}{2}$ четв.», т. е. изъ 46 четвертей худой земли сочтено въ качествѣ доброй $30\frac{1}{2}$ четв. (по пропорціи: 1 четв. доброй = $1\frac{1}{2}$ четв. худой). «А въ переложной землѣ учинено доброй земли 20 четв., а наддано 20 же четвертей», т. е. принята въ счетъ доброй земли половина дѣйствительнаго количества, по пропорціи: 1 четв. доброй = 2 четв. перелога¹⁾. Получившіяся фиктивные цифры «доброй земли» (безъ наддачъ) затѣмъ сложены: «и всего дано добрые земли и въ средней и въ худой землѣ и въ перелогу учинено за добрую землю $199\frac{1}{2}$ четв.», т. е. фиктивный же итогъ вмѣсто дѣйствительнаго 252 четв. Наддача и одобриваніе, какъ видимъ, неразрывно связаны въ этомъ случаѣ; такая же связь существуетъ обыкновенно при отводѣ служилыхъ надѣловъ по извѣстному окладу, опредѣленному въ единицахъ доброй земли: напр. служилый человекъ Н. Н., окладъ его 350 четей; владѣеть онъ $204\frac{1}{2}$ четв. средней земли; изъ этого числа сочтено доброй землей $163\frac{1}{2}$ четв.; не дошло въ его окладъ $350 - 163\frac{1}{2} = 186\frac{1}{2}$ четв.²⁾

Опредѣленіе размѣровъ сохъ разнаго качества стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ изображенной операціей одобриванія; по нашему мнѣнію, это не богѣе, какъ частное приложеніе того же общаго принципа къ сферѣ податнаго обложенія. Исходной точкой этого опредѣленія служить фиксированіе размѣровъ дворцовой и помѣстной сохи въ 800 четв. Весьма возможно, что эта цифра была первой установившейся нормой сохи въ ея новомъ значеніи, и что въ этой нормировкѣ главная роль принадлежала именно дворцовому хозяйству: мы знаемъ, что въ дворцовомъ хозяйствѣ уже въ первой половинѣ вѣка *отъ* является вполне опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ: въ одной сотной выписи древняго типа мы встрѣтили (въ 1544 г.) и соху, соответствующую именно 800 четв. пашни³⁾. Любопытно отмѣтить, что какъ выть въ 6 десятинь, такъ и эта соха въ 800 четв. являются безъ различенія качества пашни въ первую половину вѣка; а со второй половины, когда такое раз-

¹⁾ Тотъ же расчетъ см. Арх. Ю. Влад. у. № 1839, грам. 1572 г.

²⁾ Желаемое количество отдѣльныхъ случаевъ см. въ Писц. кн. Калач. I, 1, Коком. у. 2, Вязем. у. 567—831.

³⁾ Арх. Юст. Волоколамск. у. № 2432.

личеніе появляется, объ единицы становятся нормами для высшаго качества ея.

Принявъ за основу разсчета соху въ 800 четв. доброй земли, мы, по извѣстному уже намъ принципу одоброванія (1 четв. доброй земли = $1\frac{1}{4}$ четв. средней = $1\frac{1}{2}$ худой), получимъ для средней земли соху въ 1000 четв., для худой въ 1200 четв. Вѣроятно, уже чисто финансовыя соображенія — желаніе обложить монастырскія земли тяжелѣе, сохраняя номинально одинъ и тотъ же окладъ подати на соху — заставили для этой категоріи земель принять за исходный пунктъ иную норму — соху въ 600 четвертей доброй земли. По тому же разсчету одоброванія слѣдовало бы принять въ такомъ случаѣ соху средней земли въ 750 четв., а соху худой въ 900 четв. Такой размѣръ и встрѣчается ¹⁾, но болѣе употребителенъ другой разсчетъ, явившійся, вѣроятно, послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ же финансовыхъ соображеній: не только вообще обложить тяжелѣе монастырскія сохи, но и уменьшить податную льготу для сохъ низшихъ сортовъ путемъ уменьшенія разницы ихъ размѣровъ съ сохой доброй земли. Такимъ образомъ, приняты были размѣры 700 четв. для сохи средней земли (вмѣсто 750) и 800 четв. для худой (вмѣсто 900).

Мы показали раньше, что предыдущіе изслѣдователи напрасно искали въ сохѣ первой половины XVI вѣка опредѣленныхъ земельныхъ размѣровъ. Теперь мы видимъ, что они напрасно отчаялись найти эти размѣры для второй половины ²⁾. По сотнымъ выписямъ второй половины XVI в. соха несомнѣнно является земельной площадью, и величина этой площади оказывается столь же устойчивой для сохъ разныхъ категорій и разныхъ качествъ земли, какъ и въ XVII в. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что если мы будемъ заключать о величинѣ сохи по той долѣ ея, къ какой приравненъ каждый отдѣльный участокъ, то встрѣтимся опять съ постоянными колебаніями; но на этотъ разъ колебанія зависятъ уже не отъ неопредѣленности земельныхъ размѣровъ сохъ, а отъ несовершенства техническихъ приѣмовъ сошнаго счета или, точнѣе говоря, отъ по-

¹⁾ Ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 521.

²⁾ Кромѣ указанныхъ выше мнѣній Бѣляева, Лаппо-Данилевскаго, ср. еще мнѣніе Н. Н. Чечулина (Библиогр. 1889, № 2, стр. 43): «относительно разсчетовъ Бѣляева считаемъ необходимымъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, невозможно не только точное опредѣленіе, сколько какой земли полагалось на соху, но даже указаніе постоянного отношенія числа четвертей доброй, средней и худой земли на соху, — ибо все это мѣнялось по времени и мѣсту».

стояннаго игнорированія мелкихъ несоотвѣтствій между наличнымъ количествомъ четвертной пашни и тѣмъ выраженіемъ этого количества, которое было возможно при тогдашней ариметикѣ сошныхъ дробей (четь, треть; пол-чети, пол-трети; пол-пол-чети, пол-пол-трети; пол-пол-пол-чети, пол-пол-пол-трети — и только; иныхъ дробей сошныи счетъ не знаетъ). Колебанія этого рода ничего не имѣютъ общаго съ отрицательными въ первой половинѣ вѣка; предѣлы ихъ незначительны, и, тяготя къ одной центральной нормѣ, они взаимно уничтожаются. Впрочемъ, и сами писцовыя книги хорошо знаютъ неточность своего сошнаго счета, и когда хотятъ быть точными всегда прибавляютъ при переводѣ четвертей на сохи: «и перешло за сошнымъ письмомъ» столько-то четей; «и не дошло въ сошное письмо» столько-то. Послѣ этой оговорки мы можемъ прямо представить списокъ извѣстныхъ намъ мѣстъ, изъ которыхъ можно было вывести размѣры сохъ разныхъ разрядовъ и разныхъ качествъ.

1. Монастырская соха.

Годъ.	Уѣздъ.	Размѣры въ четвертяхъ земли:			
		добрый.	средней.	худой.	добрый-худой.
1557.	Бѣлозерскій (А. Ю. № 228).....	»	»	»	900?
1559.	Звенигородскій (Калач. I, 688, 725).....	»	700	800	»
1562.	Костромской (Арх. Ю. 5043—4, 5046, 5048, 5049).	600	700	800	»
1562.	Дмитровскій (ib. 3808).....	»	»	800	»
1563.	Переяславля Запѣскаго (ib. 8926—7, 8929—32)	»	700	800	900
1564.	Боровскій (ib. 819).....	»	700	800	пере- логъ
1568.	Переяславля Рязанскаго (ib. 9828).....	600	700	800	1200
1569.	Рузскій (ib. 10.326).....	»	700	800	»
1578.	Рязанскій (Пискаревъ, Гр. Ряз. края, 87—42)..	»	»	800	»
1574.	Бѣжецкій верхъ (Арх. Ю. 1301).....	»	»	800	»
1584—88.	Московскій (Калачов. I, 2, 54—95, 85).....	600	700	800	»
1585.	Вологодскій (Арх. Ю. 2619).....	»	700	»	»
1585—86.	Московскій (Калач. I, 2, 263, 265).....	600	700	800	»
1588.	Старицкій (Калач. I, 2, 405, 408—9).....	»	700	»	»
1588.	Дмитровскій (Кал. I, 1, 730—736).....	»	700	800	»
1593—4.	Ярославскій (ib. I, 2, 1—8, 9—23).....	»	700	800	»
1593—4.	Звенигородскій (ib. I, 1, 660—730).....	»	700	800	»
1593—4.	Угличскій (ib. I, 2, 24—35).	»	700	»	»
1593—4.	Московскій (ib. I, 1, 277—290).....	600	700	800	»
1593—4.	Коломенскій (ib. 608—611).....	»	700	800	»
1593—4.	Рузскій (ib. 655—659).....	»	»	800	»

Годъ.	Уѣздъ.	Размѣры въ четвертяхъ земли:			
		добр.	худ.	средн.	добр.-худ.
1598—4.	Владимірскій (ib. 787—809).....	600	700	800	1200
1598—4.	Старицкій (ib. I, 2, 405—410).....	»	700	»	»
1598—4.	Бѣлозерскій (ib. 420).....	»	»	800	»
1598—4.	Малоярославецкій (Арх. Ю. Боровск. у. 608).....	»	»	800	»
1598—4.	Переяславскій (Кал. I, 1, 810—850)....	»	700	800	»
1598—4.	Юрьева Польскаго (ib. 851—856).....	600	700	»	»
1598—4.	Суздальскій (ib. 857—872).....	600	700	800	»
1598—4.	Муромскій (ib. 873—892).....	»	700	800	»
1598—4.	Костромской (ib. 893—919).....	600	700	800	»
1598—4.	Соли Галицкой (ib. 920—924).....	»	700	800	»
1598—8.	Можайскій и Верейскій (Арх. Ю. Мож. у. 7621).....	»	»	800	»
1598.	Переяславля Рязанск. (ib. 9833—35) ..	600	700	800	»

2. ДВОРЦОВАЯ СОХА.

1544.	Волоколамскій (Арх. Ю. 2432).....	800	»	»	»
1555.	Владимірскій (Акты Оед. Чех. I, 233)..	800	»	»	»
1572.	Веневскій (Калач. I, 2, 1541—49).....	800	»	»	»
1580.	Тверской (ib. 291—403, 293).....	»	1000	1200	»
1585.	Бѣлозерскій (черн.? ib. 415).....	»	700	800	»

3. ПОМѢСТНАЯ И ВОТЧИННАЯ СОХА.

1571.	Юрьева Польскаго (Арх. Ю. 14.580)...	600—800?	»	»	»
1572.	Полоцкій (Калач. I, 2, 565—66, 519—55, 547).....	»	1000	»	»
1572.	Веневскій (ibid. 1550—1581).....	800	»	»	»
1572.	Епифанскій (ibid. 1582—1595, 1584)...	800	»	»	»
1574.	Московскій (ibid. I, 1, 11—39).....	800	1000	1200	»
1577—78.	Московскій (ib. 39—53).....	800	1000	»	»
1578.	Коломенскій (ib. 335, 502—3).....	800	1000	1200	»
1578—79.	Каширскій (ib. I, 2, 1299—1537).....	800	1000	»	»
1585—86.	Московскій (ib. I, 1, 96—277).....	800	1000	1200	»
1588—89.	Тульскій (ib. I, 2, 1073—1260).....	800	»	»	»
1588—89.	Дѣдловскій (ib. 1261—1299).....	800	»	»	»
1594—95.	Вяземскій (ib. 567—831, 570).....	800	1000	1200	»
1594—95.	Орловскій (ib. 853—61, 956—69, 995—1004).....	800	»	»	»

Итакъ, если бы даже мы не имѣли никакого другаго матеріала, кромѣ собранныхъ здѣсь показаній писцовыхъ книгъ и сотныхъ выписей изъ нихъ, то и изъ однихъ этихъ данныхъ мы должны были бы съ несомнѣнностью заключить, что въ началѣ второй половины XVI в. въ исторіи сошнаго письма произошелъ переворотъ, смыслъ котораго заключается въ опредѣленіи сохи, какъ единицы распаханной пашни, и въ установленіи ея размѣровъ обратно пропорціонально качеству земель и степени участія разныхъ сословій въ платежѣ государственныхъ податей. Нѣкоторыя дальнѣйшія разъясненія, касающіяся этого переворота, можетъ дать намъ исторія составленія писцовыхъ книгъ въ XVI столѣтіи.

Мы не знаемъ, съ какой степенью регулярности объѣзжали писцы «данныя» земли великихъ и удѣльныхъ князей XV в. Что касается *общихъ переписей*, уже Неволинъ замѣтилъ, что по крайней мѣрѣ одна такая перепись была предположена завѣщаніемъ Василія Темнаго, но еще и въ 1481 г. не была выполнена ¹⁾. Въ ближайшіе слѣдующіе годы сильный толчекъ къ составленію писцовыхъ книгъ даетъ быстрый ходъ собранія Руси Иваномъ III; немедленно по присоединеніи посылаются писцы на Бѣлоозеро, въ Тверь и ея удѣлы — Старицу, Зубцовъ, Клинь, Холмъ, Кашинъ, — въ Звенигородъ, въ Бѣжецкій верхъ: «новое» великокняжеское письмо упраздняетъ вездѣ писцовыя книги удѣльныхъ князей; можно догадываться, что оно именно и вводитъ повсюду большую московскую соху. Въ послѣдующее время описанія подновляются непрерывно, но никакихъ явленій общаго характера мы не замѣчаемъ въ исторіи писцоваго дѣла вплоть до смерти Василія III или даже до смерти Елены. Съ началомъ боярскаго правленія начинается, повидимому, общая перепись: въ разные уѣзды Московскаго государства являются «большіе писцы» и пишутъ «большое письмо». Самое это названіе «большихъ писцовъ» носятъ въ документахъ: Ром. Игн. Образцовъ, писавшій Владимірскаго уѣзда съ 1539 по 1544, Ѳ. Ѳ. Хидырщиковъ, писавшій въ 1541—1544 г. Бѣлоозеро, Рычко Ив. Плещеевъ и кн. Дм. Дашковъ, писавшіе въ тѣ же годы Бѣжецкій верхъ и Кашинъ; но несомнѣнно такими же

¹⁾ Сочиненія VI, стр. 451, 454. Къ этой предполагавшейся описи относится, вѣроятно, указаніе въ грамотѣ 1473 г., напечатанной у В. И. Холмогорова, Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Вып. II, 55: «до опися, докоѣ мой писецъ поѣдетъ». Для дальнѣйшихъ наблюденій см. списокъ писцовыхъ книгъ XVI в., напечатанный въ прилож. I къ настоящей рецензії.

«большими писцами» слѣдуетъ считать и всѣхъ другихъ писцовъ носившихъ въ эти годы названія по мѣстности, которую описывали: Тверскаго и Клинскаго (И. П. Заболоцкаго), Романовскаго и Пошехонскаго (Андр. С. Караулова), Вологодскаго (Тим. Андр. Карамышева), Костромскаго (Поярка Ильича Квашнина), а также и тѣхъ, книги которыхъ носятъ въ тѣ же годы названіе «новыхъ книгъ» (или «книгъ новаго письма»): Костромскихъ, Верейскихъ, Вышегородскихъ.

Къ 1547 г., началу правленія Ивана IV, дѣятельность этихъ «большихъ писцовъ», повидимому, уже заканчивается; вѣроятно, не вполне случайно то обстоятельство, что послѣ ряда этихъ новыхъ описаній мы за трехлѣтіе 1548—1550 г. не узнаемъ ни объ одной новой писцовой книгѣ. На ближайшіе слѣдующіе затѣмъ годы мы обращаемъ особенное вниманіе. Съ начала 50-хъ годовъ въ грамотахъ (преимущественно ввозныхъ и послушныхъ) начинаютъ встрѣчаться постоянныя ссылки на новыхъ «большихъ писцовъ и мѣрщиковъ», ожидаемыхъ по этимъ ссылкамъ въ непродолжительномъ времени то въ той, то въ другой мѣстности: такъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ въ 1552 г. велѣно ждаты, «доколѣ въ тѣхъ деревняхъ пашню велю измѣрити большимъ мѣрщикомъ»¹⁾, и то же упоминаніе повторяется въ 1554 г. Въ 1562 г. двѣ послушныя грамоты опять ссылаются на «писцовъ нашихъ и (или) большихъ мѣрщиковъ», которые «опишутъ и измѣряютъ земли Суздальскаго уѣзда»²⁾; то же повторяется въ 1567 г. относительно Бѣлозерскаго уѣзда³⁾, въ 1568 г. относительно Московскаго⁴⁾ и еще въ 1586 г. относительно Вологодскаго у.⁵⁾ И такъ, въ недавно описанныхъ «большими писцами» 1538—1547 годовъ областяхъ — ожидаются въ 1552—1586 гг. новые «писцы и большіе мѣрщики». Возвращаясь къ нашему списку писцовыхъ XVI в., мы теперь поймемъ, что значить появленіе въ немъ съ 1555—6 гг. послѣ книгъ «новаго письма» — новой категоріи книгъ «письма и мѣры». Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ новой генеральной переписью, предпринятой на такомъ короткомъ промежуткѣ времени послѣ предъидущей — вслѣдствіе существеннаго измѣненія въ самыхъ приемахъ переписи.

¹⁾ Арх. Юст. 8986.

²⁾ Арх. Ю. 11. 819 и 11. 821: послѣдняя грамота напечатана въ А. И. I, № 167.

³⁾ Арх. Ю. 818.

⁴⁾ Ibid. 7164.

⁵⁾ Ibid. 2622.

Новое содержаніе второй генеральной переписи XVI в. намъ уже извѣстно: она, дѣйствительно, вводитъ кромѣ сошнаго «письма» и сошную «мѣру» — измѣреніе сохи опредѣленнымъ количествомъ четвертей: она создаетъ нашъ второй типъ писцовыхъ.

Приведенныя даты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наблюденная нами реформа сошнаго письма восходитъ къ 1551 году и что она должна быть поставлена въ связь съ проектомъ генеральной переписи, предложеннымъ на Стоглавомъ соборѣ. Не упоминаемый Стоглавомъ, проектъ этотъ сохранился для насъ въ спискѣ царскихъ вопросовъ, напечатанномъ И. Ждановымъ¹⁾; проектировалось именно: «писцовъ послати во всю землю писати и смѣтити мой, царя великаго князя, и митрополичи и владычии и монастырскыя и церковныя земли, и княжескія, и боярскыя и вотчинныя и помѣстныя и черныя и оброчныя и починки и пустоши и селища и земецкія земли всякіе, чѣмъ ни буди, а *мѣриту* пашенная земля и не пашенная, и луги, и лѣсъ, и всякія угоды смѣчати и писати—рѣки и озера и пруды и оброчныя ловли и колы и сѣжи и борти и перевѣсы и мыта и мосты и перевозы и радки и торговща и погостъцкая земля и церковная и дворы и огороды и въ книгахъ то все поставити».

Исполненіе этого проекта началось, какъ мы видѣли, со второй половины 50-хъ годовъ и тянулось не менѣе тридцати лѣтъ. Связавъ теперь проектъ съ исполненіемъ, мы должны разыскать еще одно промежуточное звено между обоими; мы еще не знаемъ того правительственнаго распоряженія, которымъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе и тѣхъ новыхъ правилъ сошнаго письма, которыя, какъ мы видѣли, практиковались при составленіи книгъ «письма и мѣры». Намъ предстоитъ теперь поискать, не осталось-ли какихъ-либо слѣдовъ этого распоряженія и этой регламентаціи новаго типа сошнаго письма.

b. *Руководство къ сошному обложенію («книга сошнаго письма»).*

Такъ называемыя «книги сошнаго письма», кажется, впервые сдѣлались предметомъ ученаго изслѣдованія въ трудѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Авторъ собралъ значительное количество указаній на рукописи сошныхъ книгъ и изложилъ обычное ихъ содержаніе (196—198); въ приложеніи VII онъ подробно остановился на

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1876, іюль. Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, стр. 64.

нѣкоторыхъ особенностяхъ, представляемыхъ книгой сошнаго письма Бѣляевского собранія ¹⁾. Но онъ вовсе не коснулся вопроса о происхожденіи сошныхъ книгъ, если не считать отрывочныхъ данныхъ, собранныхъ въ примѣчаніи 2 на стр. 196; и исторія этого документа осталась у него неизслѣдованной; предложенная имъ въ примѣчаніи 3-мъ классификація текстовъ сошной книги на официальные и частные, несомнѣнно, основана на черезчуръ внѣшнихъ признакахъ. Между тѣмъ внимательное изученіе текстовъ сошнаго руководства можетъ, какъ намъ кажется, дать немаловажныя указанія для исторіи самого сошнаго обложенія.

Книга сошнаго письма имѣетъ довольно длинную исторію, такъ какъ она употреблялась въ писцовой практикѣ еще въ началѣ XVIII ст. Извѣстные намъ списки ея и относятся большей частью къ тѣмъ годамъ, когда она становилась особенно нужна: именно, когда производились генеральныя переписи 1620-хъ годовъ, 1646—48 гг., 1684, 1709. Приспосабливаясь къ писцовой практикѣ, сошная книга сама не разъ передѣлывалась въ теченіе этого времени; общее направленіе этихъ передѣлокъ состоитъ въ томъ, что изложеніе основныхъ принциповъ сошнаго счета, становившихся съ теченіемъ времени общеизвѣстными, отодвигалось на второй планъ, а первое мѣсто все болѣе и болѣе занимали разныя практическія приспособленія, облегчавшія писцамъ примѣненіе этихъ принциповъ въ частныхъ случаяхъ: для такого облегченія всѣ ариѳметическія выкладки, которыя могли понадобиться писцамъ, все съ большей подробностью производились самой книгой, сводились въ таблицы, сопровождались, наконецъ, графическими изображеніями. Эта прикладная часть сошнаго руководства особенно отодвигаетъ принципиальную со времени Уложенія. Естественно, что списки этого типа имѣютъ сравнительно менѣе значенія при рѣшеніи вопроса о происхожденіи и о древнѣйшемъ со ставѣ сошнаго руководства ²⁾.

¹⁾ № 1573, въ Рум. муз.

²⁾ Сюда относится «Роспись полевой мѣрѣ» 1709, напечатанная во Врем. О. И. и Др. Р. (XVII, 66—90) по рукописи Ундольскаго № 834 въ Рум. муз. Другіе списки того же текста см. въ рк. Публ. Библ. Ф. II, № 44. (XVIII в.); въ рук. Публ. Библ. Q, XVII, 87, списокъ 1680—1683 гг. (такъ какъ означенное на л. 64 вѣдомство Стрѣлецкаго приказа можетъ относиться только къ этимъ годамъ), л. 24 об. — 29 и опять сначала л. 30—59. Та же передѣлка въ значительномъ сокращеніи прилагалась къ писцовому наказу 1684 г. (см. Унд. № 1095 въ Рум. муз.); въ этой же связи съ писцовымъ наказомъ 1684 г. стоитъ землемѣрная книга Рум. муз. № 2631 (Готье, № 28) сходной редакціи.

Списковъ ранѣе XVII в. мы, однако же, вовсе не имѣемъ. Бѣляевъ, правда, ссылался на книгу сошнаго письма *первой половины XVI в.*¹⁾; но не нужно имѣть особенной опытности въ палеографіи, чтобъ отнести цитированный имъ списокъ²⁾ къ XVII ст. (какъ и сдѣлалъ Ундольскій въ ркп. каталогѣ рукописей библиотеки Архива), «Показаніе Татищева, что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ наказъ Іоанна Вас. 20 сент. 1555 г. съ приложеннымъ руководствомъ для землемѣровъ», было бы очень важно, если бы Татищевъ дѣйствительно далъ такое показаніе, какъ утверждаютъ Ивановъ³⁾ и издатели «Счетной мудрости» въ Общ. Люб. Др. Письм. (стр. 8); но, къ сожалѣнію, Татищевъ высказалъ только ученую конъектуру о принадлежности этому времени нашего документа. Итакъ, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи книги сошнаго письма въ XVI в. и должны искать косвенныхъ. Все, что мы можемъ заключать объ исторіи этого документа въ XVI ст., должно основываться на анализѣ содержанія списковъ XVII вѣка.

Приступая къ такому анализу, мы пользуемся для него слѣдующими списками: 1) Напечатанной во Временникѣ, XVII, 33—65, «книгой сошнаго письма 7137 года» — самый ранній въ данномъ случаѣ датированный списокъ⁴⁾; 2) двумя текстами въ изданіи «Счетной мудрости» Общ. Люб. Др. Письм., т. I, стр. 210—221 и 108—120; 3) рукописью Арх. Мин. Ин. Д. № ⁵⁴⁰/₁₀₄₃; хотя она и не относится къ XVI в., какъ полагалъ Бѣляевъ, но тѣмъ не менѣе даетъ очень интересный текстъ, или точнѣе говоря, рядъ текстовъ книги сошнаго письма. Рукопись дѣлится на двѣ половины; вторая сходна съ спискомъ при Уложеніи и съ спискомъ 1709, напечат. во Временникѣ XVII. Первая половина содержитъ книгу сошнаго письма, раздѣленную на 40 главъ, съ особымъ предисловіемъ, оглавленіемъ и введе-

Книгу сошнаго письма, приложенную къ Уложенію, см. въ Изв. Имп. Археол. Общ., т. V; Роспись полевой мѣрѣ XVII в. сообщ. П. С. Вороновымъ, стр. 58—63.

1) Временникъ XI, 53.

2) Арх. Мин. Ин. Д. № ⁵⁴⁰/₁₀₄₃.

3) Ивановъ, Оп. исг. межеванія, 19.

4) Точная копія середины нынѣшняго вѣка въ Публ. Библ. Q, II, № 61; см. также рукопись XVIII в., можетъ быть послужившую оригиналомъ предъидущаго списка и печатнаго текста, *ibid.* Q, XVII, № 135, т. 91—126.

ніемъ ¹⁾. Текстъ сильно испорченъ при перепискѣ; конецъ переписанъ съ перепутанныхъ листовъ; начала главъ перепутаны и отнесены часто не къ надлежащему мѣсту. Составитель механически слилъ въ одно пѣлое *два разма* книги сошного письма съ параллельнымъ содержаніемъ. Первая занимаетъ главы 1—13-ю; вторая 14—40-ю; она и начинается особымъ заглавіемъ ²⁾. Рукопись Публ. Библ. Q, XVII, 66 (библ. гр. Ѳ. А. Толстаго II, 168) содержитъ на лл. 171—190 об. этотъ же текстъ сорокоглавнаго руководства, притомъ въ болѣе исправномъ видѣ, и безъ раздѣленія на главы. Болѣе подробное описаніе этой важной рукописи см. ниже. 4) Рум. муз. рук. Ундольскаго, № 833, на лл. 1—10, 31 об.—33, представляетъ *отдѣльно вторую* сошную книгу сорокоглавнаго руководства Арх. М. Ин. Д.; на л. 11—31 идетъ длинная вставка о исчисленіи дробныхъ (т. е. квадратныхъ) сажень по количеству длинниковъ и поперечниковъ; съ л. 33 об. начинается новая «книга сошному письму и вытной четвертной и золотой кладѣ землемѣрнымъ десятинамъ».

Начинаемъ разборъ содержанія сошной книги съ отдѣла, который идетъ первымъ въ ркп. Арх. Мин. Ин. Д. и въ изд. Врем. XVII. Передъ этимъ отдѣломъ непосредственно стоитъ заглавіе, въ обоихъ спискахъ почти буквально сходное, только первыя слова заглавія сохранены въ рк. А. И. Д., кажется, въ болѣе первоначальномъ видѣ. Вотъ это заглавіе ³⁾:

¹⁾ Л. 1. «Предисловіе книга сеа». Нач.: «о добродѣтели искатеіе, чимъ васъ восхвалю и вашу желательную ревность како словеса и доброхваленію вознесу».

На обор. л. 1: «сказаніе, сія рѣчь изъявленіе краткими писмены о вѣсехъ, яже обрѣтаются въ книзѣ сей».

Л. 3 об. Нач.: «сія книга въ четьредесятихъ главахъ составися отъ премудрости разумныхъ и съ школахъ ученыхъ въ Россійскомъ народѣ въ породной натурѣ съ породнаго разуму съцывующаго (sic) высокаго во главе трезвого изъ чистоты ума».

²⁾ «Смѣта мудрымъ людемъ о землемѣрїи, наука писцомъ и мѣрщикомъ и указъ сошному письму и вытному добре и середніе и худые земли помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ и дворцовымъ и чернымъ волостямъ и владычнымъ и монастырскимъ землямъ и всякому щету къ сошному письму и какъ гдѣ лучится быти писцу — писати посадскихъ людей, и по сколько человекъ въ соху положить добрыхъ и середнихъ и молодшихъ людей и того объявляетъ каяждо глава и учинено о томъ въ сей книзе». Текстъ проверенъ съ рк. Публ. Библ. Толст.

³⁾ Въ Публ. Толстовск. рк. этого заглавія нѣтъ.

«Книга сошному письму десятинной и четвертной пашни [и землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и] помѣстныхъ и вотчинныхъ и монастырскихъ добрыхъ и середнихъ и худыхъ земель, болшаго числа и до мелкихъ дробей.

И сводъ сошному [и вытному] письму и полевой четверти и хлѣбной кладѣ окладъ, росписано противъ денежнаго числа въ мелкіе дробѣ.

И верстѣ мѣрной тысячи сажень смѣта длинникомъ и поперешиникомъ росписано въ десятинную и четвертную пашню порознь по статьямъ».

Заглавіе это для насъ особенно важно потому, что текстъ 1629 г., напечатанный во Врем., ему уже не соотвѣтствуетъ: слѣдовательно, оно должно относиться къ составу книги сошнаго письма до передѣлки ея для переписи этихъ годовъ. Замѣтимъ дагѣ, что за то содержанію *первой* части сорокоглавнаго руководства рк. Арх. И. Д. это заглавіе соотвѣтствуетъ вполне. Одно это сопоставленіе заглавія съ содержаніемъ обѣихъ списковъ уже отодвигаетъ, слѣдовательно, текстъ первыхъ 13-ти главъ рк. А. И. Д. во время предшествующее Михаилу Федоровичу и, слѣдовательно, предшествующее смутѣ.

Въ составѣ оглаваемой части само это заглавіе выдѣляетъ три отдѣла: 1) Роспись сошному письму. 2) Сложеніе частей сохи и четверти. 3) Составъ квадратной версты въ десятинахъ и четвертяхъ. «Землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ» мы пока оставляемъ въ сторонѣ.

Сравнивая «*роспись сошному письму*» по спискамъ Врем., Арх. И. Д. и двумъ текстамъ Об. Л. Др. П., мы сразу замѣчаемъ, что это — основная часть памятника: это и есть та самая регламентація размѣра сохъ разныхъ сословій и качествъ земли, которая, какъ мы видѣли, должна была быть введена въ 1551 г. Въ первомъ текстѣ О. Л. Др. П. мы находимъ для этого отдѣла и заглавіе, напоминающее о моментѣ появленія нашей регламентаціи: «царево уложеніе помѣстнымъ землямъ»¹⁾. Припомнимъ, что Иванъ IV является въ терминологіи памятниковъ «царемъ» по преимуществу нашей исторіи. Замѣтимъ дагѣ, что распоряженія собора о переписи стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ устройствомъ именно *помѣстнаго* владѣнія²⁾. Негишнимъ наконецъ будетъ отмѣтить, что, браня впо-

1) Въ важномъ текстѣ Публ. Толстовск. рк. также отмѣченъ въ заглавіи характеръ земель: «роспись сошному письму *помѣстныхъ* земель».

2) Ниже мы вернемся еще къ этой связи.

слѣдствіи Сильвестра и Адашева и намекая именно на ихъ мѣры (этого самаго времени) въ пользу служиваго землевладѣнія, самъ Иванъ выразился въ отвѣтъ Курбскому¹⁾, что они «дѣла нашего уложеніе разрушили». Такимъ образомъ, по самой терминологіи это заглавіе слѣдуетъ, кажется, считать древнѣйшимъ. Самое содержаніе «царева уложенія» очень несложно и всего кратче выражено именно въ первомъ спискѣ О. Л. Др. П.:

«Добрые земли соха 800 четей сѣвннхъ, полсохи 400 чети» и т. д. до пол-пол-пол-чети (=25 четв.), треть сохи $266\frac{2}{3}$ и т. д. до пол-пол-пол-трети (= $33\frac{1}{3}$ чети).

«Средніе земли помѣстные соха 1000 чети, полсохи 500 чети» и т. д. до той же доли, треть $333\frac{1}{3}$ чети и т. д. до той же доли.

«Помѣстные худые земли, соха 1200 чети, полсохи пойдетъ по тому жъ числу разсчитывай».

«Монастырскихъ земель добрыхъ кладется въ соху 600 чети, средніе земли 700 чети, худые 800 чети [слѣдуетъ вставка, см. ниже], «а плохой земли положено въ соху 1200 четей, и ты по тому ж числу разсчитай полсохи и трети и чети».

«А будетъ земля добре худа и безъугодна — учинено и положено въ соху — 1300 четей».

Какъ видимъ, «уложеніе», приведя разсчетъ долей сохи доброй и средней помѣстной земли, предоставляетъ сдѣлать этотъ разсчетъ самому писцу относительно худой помѣстной и всѣхъ сортовъ монастырской. И въ этомъ отношеніи мы склонны считать первый текстъ О. Л. Др. И. первоначальнымъ: второй текстъ О. Л. Др. П., ркп. А. И. Д. и Публ. Толстовск. уже развиваютъ эти части текста, вставляя полные разсчеты долей, какъ для худой помѣстной, такъ и для монастырской всѣхъ качествъ. Текстъ Врем. занимаетъ промежуточное мѣсто: онъ вставляетъ разсчетъ долей для худой помѣстной и для перваго сорта монастырской, но относительно остальныхъ двухъ сортовъ послѣдней ограничивается общимъ указаніемъ: «тѣхъ же монастырскихъ вотчинъ по мѣрѣ положить въ соху средніе земли 700 четв. и худые земли 800 четв.» (стр. 35).

Для полноты регламентаціи недостаетъ въ приведенномъ выше текстѣ «царева уложенія» — упоминанія о сохахъ дворцовыхъ и черныхъ волостей. Предполагая, что это уложеніе предназначалось

¹⁾ Устрял. 164. Ср. Доп. стат. къ Судебнику А. И. I, стр. 260, 276. Максимовичъ, Указ. зак. I, 71—72; Судебн. Татищ. № 105.

первоначально для *владѣльческихъ* земель и считая очень вѣроятнымъ, что размѣры дворцовой сохи именно и послужили первообразомъ помѣстной, мы и въ этомъ умолчаніи найдемъ опять новый признакъ большей древности перваго текста О. Л. Др. П. Второй текстъ и ркп. А. И. Д. и Публ. Толстовск. пополняютъ этотъ пробѣлъ немедленно послѣ расчета долей монастырскихъ сохъ: (передъ ломаными скобками вышеприведенной цитаты) «а государевыхъ дворцовыхъ и черныхъ волостей сохи добрые и средніе и худые земли — *тожъ что и помѣстныхъ земель*». Вслѣдъ за этой дополнительной фразой въ тѣхъ же, какъ предполагаемъ, болѣе позднихъ текстахъ слѣдуетъ: «а въ которыхъ государевыхъ дворцовыхъ селехъ и въ черныхъ волостяхъ земли добре худы и безъудодны, и тѣ земли класть — соха 1300 чети полсохи 650» и т. д. О дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ древнѣйшій текстъ могъ вовсе не упоминать и на этотъ разъ, но о размѣрѣ сохи этого послѣдняго качества — *добре худой* земли онъ долженъ былъ упомянуть. И дѣйствительно, послѣ длиннаго перерыва¹⁾ и послѣ фразы о размѣрахъ сохи плохой земли, находимъ въ предполагаемомъ древнѣйшемъ текстѣ эту нужную намъ фразу: «а будетъ земля добръ худа и безъудодна — учинено и положено въ соху 1300 четей». Къ этому перерыву въ древнѣйшемъ текстѣ «царева уложенія» мы сейчасъ вернемся; теперь же замѣтимъ, что съ этой добавкой мы имѣемъ въ «уложеніи» полную реставрацію того распоряженія, существенное содержаніе котораго намъ извѣстно изъ писцовыхъ книгъ второй половины XVI в. Вѣроятно, соборное уложеніе само не занялось вычисленіемъ долей установленныхъ имъ разноразрядныхъ и развокачественныхъ сохъ; въ такомъ случаѣ это вычисленіе было сдѣлано послѣ — сперва для помѣстныхъ, потомъ и для монастырскихъ сохъ, и, такимъ образомъ, текстъ соборнаго приговора легъ въ основу руководства для писцовъ и составилъ первую и главную часть этого руководства. Но мы предполагали, что регламентация 1551 г., вводя разные размѣры сохъ, этимъ самымъ приняла и опредѣленные пропорціи «одобриванія» земель. Нельзя навѣрное утверждать, что эти пропорціи были особо оговорены въ текстѣ соборнаго приговора; въ первый текстъ О. Л. Др. П. онѣ попали только въ видѣ обрывка въ концѣ отмѣченной вставки; ни въ

¹⁾ Отъ словъ: «помѣстныя земли добрыя на выть положено» стр. 215, 2-й столб. до словъ: «а плохой земли... рассчитай полсохи и трети и чети», стр. 221.

заглавіи реставрируемаго сошнаго руководства, ни въ соотвѣтствующихъ ему 13 статьяхъ сорокоглавнаго руководства Арх. И. Д. ихъ тоже нѣтъ.

Переходимъ ко *второй* части разсматриваемаго сошнаго руководства. Она состояла изъ «свода сошному письму» (мы умышленно опускаемъ «вытное»), или полнѣе, изъ «росписи сошному письму, какъ которая кость съ которой сводится», а также изъ «росписи четвертной пашнѣ и мелкому своду». Обѣ эти статьи въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранились во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. и въ ркп. А. И. Д. Изъ этихъ текстовъ видно, что подъ первымъ заглавіемъ помѣщена была таблица сложенія долей сохи, а подъ вторымъ 1) перечень долей четверти, 2) вычисленіе количества четвертной пашни, заключающагося въ доляхъ десятины, 3) таблица сложенія мелкихъ долей четверти. Въ рук. А. И. Д. ¹⁾ вторая статья сопровождается двумя прибавленіями: одно изъ нихъ состоитъ въ оговоркѣ, что на практикѣ таблица мелкихъ долей четверти не имѣетъ значенія, а помѣщена только для упражненія «навыкателю» и «ради свѣдома»; на дѣлѣ же мелкія дроби выражаются приблизительно, — цѣлыми числами. Затѣмъ, какъ болѣе простой и практичный способъ сложенія дробей, предлагается такъ называемый «денежный счетъ»: смыслъ его заключается въ томъ, что подлежащая дробленію единица приравнивается извѣстной цыфрѣ денегъ, удобной для дѣленія на тѣ-же доли, т. е. состоящей изъ производителей 2. 2. 2. 2. 2. 3; затѣмъ любая изъ употребительныхъ долей этой единицы ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$; $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$) выражается въ цѣломъ числѣ денегъ такимъ образомъ, сложеніе дробей замѣняется сложеніемъ цѣлыхъ чиселъ. «Соха или выть, или полевая четверть, или хлѣбная (т. е. вообще любая единица) — окладъ тому 32 алтына; пол-сохи, или пол-выти, или полевая осмина, или осмина-жъ хлѣбная — 16 алтынъ»; по тому же разсчету $\frac{1}{3} = 10$ алт. 4 д.; $\frac{1}{4} = 8$ алт. и т. д.

Третья часть сошнаго руководства есть вычисленіе, сколько верста въ 1000 сажень содержитъ въ себѣ десятины (считая въ десятины 80 × 30 сажень) и четвертей, и сколько изъ этого количества придется на одно поле при трехпольной системѣ. Эта часть важна для насъ въ томъ отношеніи, что связываетъ разсматриваемое сошное руководство съ однимъ документомъ, который, какъ скоро увидимъ, вскрываетъ самыя побужденія, вызвавшія реформу 1555 года. Прежде чѣмъ остановиться на этомъ документѣ, про-

¹⁾ Также и въ Публ. Толстовск.

слѣдимъ дальнѣйшую исторію нашего сошнаго руководства, съ первой редакціей котораго мы только что познакомились.

Отнеся по заглавію это руководство къ XVI в., мы нашли въ основной, первой его части «царево уложеніе» 1551 г. Вторая и третья части, содержа лишь пособіе для писцовой практики, могли, конечно, появиться и позже; но что всѣ три части все же довольно рано соединились въ одно цѣлое, въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что сошнымъ текстамъ въ предѣлахъ того же XVI в. предстояло еще пройти довольно длинную исторію.

Прежде всего, разсмотрѣнное руководство представляло весьма существенныя пробѣлы. Одинъ изъ нихъ мы указали уже: отсутствіе въ немъ правилъ для одобриванія. Другой пробѣлъ состоялъ въ томъ, что въ него не входило и вычисленіе *вытей* и ихъ отношеній къ сохѣ. Соотвѣтственныя прибавки къ основной статьѣ, къ «цареву уложенію», создаютъ новыя варіаціи сошной книги.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ текстовъ расчетъ одобриванія былъ прямо прибавленъ къ древнѣйшему тексту «уложенія». Такъ, во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. онъ слѣдуетъ непосредственно за опредѣленіемъ размѣровъ добре худой сохи¹⁾. Говорится при этомъ только объ одобриваніи *средней* земли; «а учинить та земля доброю землею въ 800 четьи: наддавай на 100 четьи по 25 (ошиб. 75) четьи, станетъ та же добрая земля». Въ первый текстъ О. Л. Др. П. эта короткая замѣтка попала уже въ нѣсколько распространенномъ видѣ: именно, съ прибавкой расчета, сколько слѣдуетъ наддавать на 50, 10 и 5 четей (стр. 221, столб. 1); притомъ, она оказывается здѣсь не на мѣстѣ и разрываетъ текстъ «царева уложенія». Наконецъ, въ передѣлкѣ 1629 года расчетъ еще болѣе подробенъ (на 100, 50, 25, 12, 6 и 3 четв.); кромѣ него прибавленъ такой же расчетъ наддачи на *худую* землю (на 100, 50, 25, 10, 8, 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$) и оба расчета приложены не въ концѣ «уложенія», а къ соотвѣтственнымъ мѣстамъ его — къ расчету сохи средней и худой пошѣстной земли²⁾.

Къ подобнымъ же прибавкамъ повело и отсутствіе *вытмаго* расчета въ «царевомъ уложеніи». Такъ какъ нормальные размѣры выти (въ 12, 14 и 16 четв.) были, какъ мы видѣли, уже давно

¹⁾ Въ Ундольск. № 833, л. 36 и въ Публ. Библ. Q, XVII, 87, л. 12 видимъ ту же связь, но какъ разъ на мѣстѣ связи — пропускъ: «а которая земля добре худа и безъгодна ||, и учинити среднюю землею съ наддачею, а наддавати на 100 четв. по 25 четв.» и т. д.

²⁾ Врем. XVII, 34—35.

фиксированы въ дворцовомъ и монастырскомъ хозяйствѣ, то съ опредѣленіемъ размѣровъ сохи отношеніе ея къ выти опредѣлялось само собой и не было надобности дѣлать его предметомъ особаго «уложенія». Но для практики расчетъ этотъ необходимо было сдѣлать; одинъ изъ случаевъ, когда онъ могъ понадобиться, указываетъ само сошное руководство: «гдѣ лучится *изъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей* (измѣряемыхъ обыкновенно вытями) давати въ помѣстья (окладъ которыхъ опредѣлялся количествомъ четвертей). Въ подобныхъ случаяхъ выти необходимо было перевести на сохи. Въ короткомъ видѣ этотъ расчетъ, сколько вытей придется на соху доброй, средней и худой *помѣстной* земли — также прибавлялся, вмѣстѣ съ короткимъ расчетомъ одобриванья средней земли, — непосредственно къ тексту «царева уложенія»; во 2-мъ текстѣ О. Л. Др. П. онъ приписанъ опять къ концу, послѣ абзаца объ одобриваніи; въ 1-мъ текстѣ опять не у мѣста, прерывая фразу о монастырскихъ сохахъ и начиная собою тотъ перерывъ въ текстѣ «уложенія», который кончается вставкой объ «одобриваніи» ¹⁾. Но такія вставки были недостаточны для пракческаго употребленія; поэтому въ дальнѣйшей исторіи сошной книги въ ея текстъ вводятся болѣе подробные вытныя расчеты. Первую попытку такого расчета мы встрѣчаемъ въ томъ же 1-мъ текстѣ О. Л. Др. П.; здѣсь она непосредственно слѣдуетъ за упомянутымъ короткимъ расчетомъ и составляетъ наибольшую часть вставки, начатой послѣднимъ. Эта новая вставка во вставку носить особое заглавіе: «Роспись вытному тяглу, сколки на выть положено десятинь и сѣвныхъ четей и сажень, и по тому сошному письму колки положено въ соху выти». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено опредѣленіе квадратнаго содержанія выти (трехъ сортовъ земли) и ея долей въ саженьяхъ; затѣмъ содержаніе десятины и ея долей въ четвертяхъ пашни и саженьяхъ; наконецъ, содержаніе сохи трехъ сортовъ и ея долей — въ четяхъ, вытяхъ и саженьяхъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ расчетовъ «вытнаго письма» — этотъ есть наиболѣе ранній; заключаемъ объ этомъ, во 1-хъ, потому, что здѣсь расчетъ вытей

¹⁾ Въ Публ. Библ. Q, XVII, 87 л. 13—16 вытныя расчеты тоже приписаны къ концу и составляетъ вторую прибавку послѣ одобриванія; но здѣсь онъ уже значительно развитъ: именно указано количество вытей, соответствующее $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ сохи и содержащееся въ этихъ доляхъ количество десятинь и четвертной пашни; а также количество четвертей, содержащееся въ 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$, и $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$ выти. Тотъ же расчетъ повторенъ и для выти и сохи средней и худой земли. Ср. ниже, прим.

дѣлать специально по отношенію къ той категоріи земель, на которой правительству и раньше «царева уложенія» приходилось считаться съ вытнымъ счетомъ, — именно относительно «дворцовыхъ» земель¹⁾; во всѣхъ позднѣйшихъ текстахъ вытный расчетъ дѣлается уже для всѣхъ категорій земель. Во вторыхъ, въ расчетѣ квадратнаго содержанія вытей, долей десятины и сохи составитель дѣлаетъ элементарную ошибку, которая устранена въ позднѣйшихъ расчетахъ²⁾.

Всѣ эти отдѣльные попытки ввести въ текстъ сошнаго руководства расчетъ одобриванія и вытный расчетъ разрѣшаются, наконецъ, составленіемъ *второго сошнаго руководства*, болѣе полнаго и сложнаго по составу, чѣмъ рассмотрѣнное выше руководство изъ трехъ отдѣловъ, сохраненное въ 13-ти главахъ рук. Арх. И. Д. Новое руководство помѣщено подъ особымъ заглавіемъ въ 14—40 главахъ той же рукописи; но оно существовало, несомнѣнно, и въ отдѣльномъ видѣ, какъ свидѣтельствуеетъ рук. Ундольскаго № 833 (Рум. муз.), гдѣ оно занимаетъ начало (л. 1—10, 31). Несмотря на испорченный текстъ, основное содержаніе этого руководства легко

¹⁾ Напомнимъ, что въ самомъ первомъ текстѣ О. Л. Др. II. о дворцовыхъ земляхъ вовсе не говорится, и даже нѣтъ позднѣйшей оговорки, что дворцовая и черная сохи тождественны съ помѣстной.

²⁾ Поясняемъ эту ошибку примѣрами: «дворцовыя добрыя земли выть—6 десятинь,... а мѣрою въ длину 480 сажень, а поперегъ 180 сажень»; другими словами, составитель опредѣляетъ квадратное содержаніе шести десятинь шестью линейными длинниками и шестью линейными поперечниками, не замѣчая, что при этомъ получается не 6, а 36 десятинь. Та же ошибка повторяется при опредѣленіи долей десятины въ саженьяхъ: зная, что десятина имѣетъ 80 X 30 саж., составитель полагаетъ, что $\frac{1}{2}$ десятины будетъ 40 X 15 саж., т. е. получаетъ вмѣсто половины четверть и т. д. Точно также и соху=400 десятинь составитель измѣряетъ четырьмя стами длинниками и столькими же поперечниками одной десятины: «десятинь 400, а сажень въ тѣхъ десятинахъ въ длину 82.000, а поперегъ 12.000 саж.», т. е. получается вмѣсто одной сохи — четыреста. Такую же ошибку встрѣчаемъ въ текстахъ Публ. Библ. Q, XVII, 87, л. 18—24 и Q II, № 42; вообще эти тексты представляютъ переходъ отъ первой редакціи сошнаго руководства ко второй; правила одобриванія и вытный расчетъ здѣсь введены, но тоже въ видѣ прибавки (и не всегда у мѣста), а не въ видѣ систематическаго дополненія текста, какъ во второй редакціи. *Вторая часть* («сводъ сошному и вытному письму, коя кость съ которою слагается» и денежный счетъ—съ приравненіемъ сохи къ 40 алтынамъ) здѣсь также имѣетъ нѣкоторыя особенности. Наконецъ, одинаковъ со второй редакціей у этихъ текстовъ—расчетъ окладовъ отдѣльныхъ податей на соху (см. ниже стр. 84), и золотая кладъ.

возстанавливается ¹⁾. При сравненіи его съ первымъ руководствомъ мы приходимъ къ заключенію, что въ основу главной части новой редакціи положено старое «уложеніе», но усложненное при каждой статьѣ во 1-хъ вытнмъ разсчетомъ, во 2-хъ разсчетомъ одобриванія. Сравнивая же текстъ рук. А. И. Д. и рук. Ундольскаго между собой, мы замѣтимъ, что послѣдній представляетъ эту новую редакцію въ болѣе простомъ видѣ: именно онъ приводитъ разсчетъ количества четвертей въ выти каждого сорта и въ ея доляхъ и разсчетъ наддачи на извѣстное количество четей, начиная со 100; но онъ не дѣлаетъ разсчета количества вытей и наддачи *на соху* и на ея части.

Въ слѣдующей схемѣ основное содержаніе «царева уложенія» представлено разрядкой, прибавки же свойственныя одному тексту рук. А. И. Д. и Публ. Толстовск. заключены въ ломаныя скобки. Схема восстанавливаетъ порядокъ, не всегда выдерживаемый списками

І. ДОВОРОЙ ЗЕМЛИ СОХА 800 ЧЕТЕЙ, ПОЛСОХИ И Т. Д.

прибавл. 1. а: добрыя земли выть 12 чети, полвыти—6 чети и т. д.

[b: добрыя жъ земли вытей: въ сохѣ 67 безъ $\frac{1}{3}$ выти, въ полсохѣ и т. д.].

ІІ. СЕРЕДНЕЙ ЗЕМЛИ СОХА 1000 ЧЕТЕЙ, ПОЛСОХИ И Т. Д.

прибавл. 1. а: середнія земли выть 7 десятинъ, полвыти и т. д.

[b: середнія жъ земли вытей: въ сохѣ $71\frac{1}{2}$, въ полсохѣ и т. д.].

прибавл. 2. а: одобриванье середнія земли: учинить середнія земли доброю землею съ наддачею, гдѣ доведца на 100 чети — наддачи 25 чети, на 50 чети — наддачи $12\frac{1}{2}$ и т. д. на всѣ десятки, единицы и на обычныя дроби.

[b: указъ середнія земли: соха 1000, а доброю землею съ наддачею 800; полсохи и т. д.].

[c: середнія жъ земли четверть, а доброю землею съ наддачею четь безъ $\frac{1}{4}$ + $\frac{1}{32}$; середнія жъ земли осмина, а доброю землею и т. д.].

¹⁾ Напомнимъ что болѣе исправный списокъ того же текста содержится въ Публ. Толстовск. рк.

III. Худой земли соха 1200 четв., полсохи и т. д.

прибавл. 1. а: а выть худыя земли 16 чети, полвыти 8 чети и т. д.,

а десятинь худыя земли на выть 8, на полвыти 4 и т. д.

[b: худые жъ земли класть вытная кость: соха 75 вытей, полсохи и т. д.].

прибавл. 2. а: указъ, худыя земли какъ добрить: на 1000 чети наддачи 500 чети, на 500 и т. д.

[b: указъ, какъ худыя земли добрить и учинить доброю землею съ наддачею: соха 1200 четв., а доброю землею съ наддачею — 800, полсохи и т. д.].

Далѣе слѣдуетъ «указъ сошному письму о владычннхъ и о монастырскихъ земляхъ» — по той же схемѣ, какъ приведенная схема помѣстнаго сошнаго письма, но безъ 2-го прибавленія — объ одобряваніи, а въ Унд. 833 и безъ перваго прибавленія ¹⁾).

Сколько можно судить по испорченнымъ текстамъ, — за этой главной частью вторая редакція сошнаго руководства помѣщала таблицу долей сохи и ихъ сложенія («роспись меньшимъ костямъ, какъ двѣ кости положить въ одну кость»). Эта часть, очевидно, соответствовала второй части перваго руководства (именно, первому отдѣлу 2-ой части). Второй отдѣлъ второй части перваго руководства (роспись мелкому своду) также имѣетъ во второмъ руководствѣ свою параллель: въ самомъ концѣ послѣдняго (гл. 37—40) находимъ руководство къ сложенію мелкихъ долей четверти «по деньгамъ или безъ денегъ».

Совершенно новы во 2-ой редакціи сошнаго руководства главы 28—36. Здѣсь содержатся 1) разверстка на доли сохи важнѣйшихъ податей XVI в. (гл. 28 — 30); 2) «указъ, какъ гдѣ лучится писать въ сошное письмо тяглыхъ людей дворы посадскихъ и слободскихъ» (гл. 31 — 34); 3) «Золотая кладь» и неконченное вычисленіе «окружныхъ сажень въ двухъ четяхъ сѣву, въ чети, осминѣ» (гл. 35—36). Въ спискѣ 1629 г. въ той же связи помѣщена и 3-я часть первой редакціи: вычисленіе квадр. содержанія мѣрной версты и раздѣленіе ея на три поля ²⁾).

¹⁾ Въ рукописи А. И. Д. эта часть текста совершенно перепутана (л. 26 об.— 27, л. 31): указъ о монастырскихъ земляхъ повторенъ два раза, причемъ только второй разъ выписанъ вполне (гл. 25—26), а первый разъ прерванъ на самомъ случайномъ мѣстѣ.

²⁾ Врем. XVII, 48.

Изъ этихъ частей для насъ особенный интересъ представляетъ разверстка податей на доли сохи. Эта разверстка убѣждаетъ насъ въ томъ, что и вторая редакція сошнаго руководства составлена въ XVI в. Разсчетъ разверстки сдѣланъ здѣсь для трехъ податей: намѣстнича корма по окладу 42 алт. 4 д. съ сохи; ямскихъ денегъ— по окладу 17 р. съ сохи, и кормовыхъ денегъ— по окладу 44 а. 4 д. съ сохи ¹⁾. Окладъ намѣстнича корма принадлежитъ XVI в.; окладъ ямскихъ денегъ также занимаетъ середину между извѣстными намъ окладами XVI в. ²⁾. Въ XVII в. оклады XVI вѣка, правда, продолжали существовать, но, какъ скоро увидимъ, — потеряли всякое финансовое значеніе; въ частности, ямская подать совершенно преобразовалась, такъ что заносить старый окладъ ея въ сошное руководство, составляемое въ XVII в., было бы совершеннымъ анахронизмомъ.

Слѣдя за исторіей книгъ сошнаго письма въ XVI в., мы до сихъ поръ совершенно оставляли въ сторонѣ одну составную часть ихъ, именно руководство къ геодезіи. Руководство это, впрочемъ, не столько входило въ составъ сошнаго руководства, сколько служило

¹⁾ Унд. № 833 и таблица у Иванова, Опытъ ист. меж.: 44 алт.

²⁾ Окладъ намѣстнича корма въ 42 а. 4 д. см. въ Доп. къ А. И. I, № 78, Холм. у. 1555 г.: здѣсь онъ названъ «бѣлымъ», потому что собирается съ бѣлыхъ сохъ. Въ жал. гр. Бориса Феод. 1602 г. упоминается о сборѣ посошнаго корма на нынѣшній и прошлые годы съ сохи по 42 а. 4 д. въ Бѣлоз. у. съ патриаршей вотчины (Рум. муз. Бѣляев. об. № 1620, л. 402). Тотъ же окладъ остается и въ 1607 г. (Рум. муз. отписки Гарелина, грамота 7115 г., марта 27). Въ дворцовыхъ владѣніяхъ вѣдался, повидимому, половинный окладъ 20 а. 8 д., см. Акты Фед. Чех. I, 233; Арх. Юст. Бѣлозер. у. № 814 и 823, грамоты 1564 и 1569 гг.; въ Пошехон. у. № 9703, грамота 1586 г., тотъ же окладъ берется съ *монастырскихъ* деревень, но передъ этимъ онъ были одно время отписаны на государя. Въ Волок. у. № 2432, грам. 1544, мы можемъ прослѣдить и происхожденіе этого размѣра: съ дворцовой выти берется по 2 деньги; вытегъ здѣсь сочтено въ сохѣ по 67 (и ихъ пашни 6X67=402 десятины); посошнаго корма выходитъ 134 деньги или 22 а. 2 д., т. е. только на 1 алт. больше обыкновеннаго размѣра. О размѣрахъ кормовыхъ денегъ XVI в. мы не имѣемъ свѣдѣній. Что касается ямскихъ, мы видѣли, что окладъ ихъ не установился окончательно; но по отпискамъ можно замѣтить, что онъ вѣдался по окладу 20 или 10 р. съ сохи (А. Ю. № 209, V, VI (1588); № 214, II—VI—1589—1598); въ послѣднемъ окладѣ онъ перешли и въ XVII в. Въ Писц. кн. Калач. I, 2, 294, 329, 342 упоминается о платежѣ ямскихъ денегъ «по государеву уложенью» т. е., можетъ быть, по окладу, установленному оффиціальной сошной книгой? Въ текстахъ Публ. библ. Q, II, № 42 и Q, XVII, 87, л. 20 об. — 21, разверстаемые оклады приняты: 1) для *данныхъ* денегъ — 20 р. съ сохи; 2) для *половинныхъ* — 2 р. съ сохи; 3) для *ямскихъ* — 10 рублей.

приложеніемъ къ нему; оно имѣеть, такимъ образомъ, свою собственную, независимую отъ сошной книги исторію. Геодезическое руководство предпослано уже древнѣйшему тексту «парева уложенія» (въ 1-мъ текстѣ О. Л. Др. П.). Обѣ редакціи сошнаго руководства не ввели его въ свой составъ (хотя первая и ввела, повидимому, въ заглавіе); въ рк. А. И. Д. оно находится послѣ сорокоглавной книги сошнаго письма, въ концѣ «росписи полевой мѣрѣ», подъ особымъ заглавіемъ: «о земляномъ верстанѣ, какъ земля верстать» (л. 53 об.). Любопытно, что и здѣсь оно сохраняетъ связь съ «уложеніемъ» въ древнѣйшей формѣ и въ этой связи остается и въ позднѣйшее время, какъ бы составляя особый цѣльный трактатъ ¹⁾. Во всѣхъ текстахъ, кромѣ 1-го текста О. Л. Др. П., «уложеніе» вошло уже въ самый текстъ геодезическаго руководства, разорвавъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вставками первоначальную связь изложенія.

Вопросъ о происхожденіи руководства къ землемѣрію представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ вопросъ о происхожденіи сошной книги. Рядъ соображеній ведетъ къ выводу, что геодезическое руководство составилось независимо отъ сошной книги, для совершенно самостоятельныхъ цѣлей. Прежде всего, собственно о сошномъ письмѣ въ немъ нѣтъ ни одного слова. Рѣчь идетъ объ измѣреніи полей въ десятинахъ, четвертяхъ и саженьяхъ. Линейной единицей этого измѣренія является вервь въ 40 саж. Квадратной единицей служитъ площадь 40×40 сажень, приравниваемая «четверти сѣву» и, слѣдовательно, составляющая $\frac{1}{4}$ десятины. 12 такихъ четвертей доброй земли, 14 четвертей средней и 16 четв. худой составляютъ выть. Такого размѣра выти, какъ мы знаемъ, давно уже установились въ дворцовомъ хозяйствѣ. Замѣтимъ далѣе, что сошная книга принимаетъ десятину въ 80×30=2400 кв. саж. ²⁾

¹⁾ Въ рк. Арх. И. Д. листы перепутаны: послѣ 49 должны идти 61, 56, 54, 55 и 53-й, съ послѣдняго и начинается трактатъ «о земляномъ верстаніи» и занимаетъ далѣе л. л. 53, 57, 50—52, 58—60. Въ обоихъ текстахъ Врем. XVII трактатъ этотъ также приложенъ къ концу стр. 55—62, 84—90. Текстъ геодезическаго руководства прерывается здѣсь на четвертой строчкѣ (отъ словъ «а въ соху добрыя земля» до сл.: «надобе веревцику держати 3 верви вытнхъ» стр. 55—6, 84—5); затѣмъ въ спискѣ 1709 г. идетъ непрерывный текстъ, а въ спискѣ 1629 есть еще вставка (стр. 56—7: отъ сл. «въ десятинѣ 80 сажень» до сл. «а коли тебѣ приведется»).

²⁾ Десятина въ 80×30=2400 кв. саж. встрѣтилась намъ въ грамотахъ 1544 г. (Арх. Ю. Волокол. у. № 2492 — на дворцовой землѣ) и 1552 г. (ib. Переясл. Загѣсск. № 8886).

тогда какъ наше землемѣрное руководство — въ $80 \times 40 = 3200$ кв. саж. Последняго размѣра десятины намъ не приходилось встрѣчать въ источникахъ XVI в.; но въ болѣе позднее время она встрѣчается и извѣстна какъ «хозяйственная» и специально *дворцовая* десятина ¹⁾. Припомнимъ, что по заглавію перваго сошнаго руководства въ немъ содержалось «землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей», т. е. такъ называлось, вѣроятно, первоначально наше геодезическое руководство. Такимъ образомъ, всѣ эти признаки указываютъ на дворцовое хозяйство, какъ на первоначальную сферу примѣненія «землянаго верстанія».

Другое обстоятельство, выдѣляющее «земляное верстаніе» изъ состава сошнаго руководства, заключается въ томъ, что, между тѣмъ какъ всѣ остальные статьи сошной книги возникаютъ и развиваются на нашихъ глазахъ, оно одно является съ самаго начала совершенно готовымъ. Самая эта законченность текста въ связи съ значительной трудностью сюжета и спутанностью текстовъ наводитъ на предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ не вполне туземнаго происхожденія. Все, что мы знаемъ о византійскихъ геодезическихъ приемахъ и руководствахъ, способно только подтвердить наше предположеніе.

«Буди же вѣдомо (выше: вѣдомо буди и сіе): преже возми вервь 40 сажень вдоль и поперекъ, и по землѣ протени: то есть четверть сѣву»; такъ начинается трактатъ о земляномъ верстаніи. Форма обращенія къ землемѣру и самыя слова этого обращенія можно не разъ встрѣтить въ византійскихъ руководствахъ: «Ἰστέον καὶ τοῦτο», «γίνωσκέτω», γίνωσκει καὶ τοῦτο» ²⁾. «Вервь» (σχοίνιον, сокаръ) составляетъ необходимое орудіе и византійскихъ землемѣровъ; длина ея точно опредѣляется въ руководствахъ. «Когда хочешь измѣрять землю перваго качества, то употребляй веревку въ 10 оргій (= сажень)» ³⁾. Это предполагаетъ веревки инаго размѣра для другихъ качествъ земли (византійскія руководства различаютъ три качества); въ самихъ руководствахъ упоминается веревка въ 12 оргій для кочковатыхъ и каменистыхъ мѣстностей ⁴⁾. «Ты дол-

¹⁾ Бутковъ. Рус. стар. мѣры въ Ж. М. Ви. Д. 1844, ноябрь 292. А. С. Лаппо-Данилевскій напрасно называетъ эту десятину «круглой» — терминъ, который имѣетъ совсѣмъ иное значеніе (стр. 222, прим. 1).

²⁾ Ф. И. Успенскій. Византійскіе землемѣры въ Трудахъ Одесск. арх. съѣзда, т. II, стр. 299, 287.

³⁾ Ibid. 282.

⁴⁾ Ibid. 279.

жень сдѣлать вервь или сокаръ, говоритъ византійское руководство, въ десять сажень и такимъ образомъ измѣрять мѣсто, подлежащее измѣренію: ибо сокаръ для пахотной земли долженъ имѣть десять сажень; а для луговъ и пустошей — двѣнадцать. И при десятисаженной веревкѣ площадь модія будетъ имѣть только двѣсти сажень, а при двѣнадцатисаженной — 288» ¹⁾. Съ такимъ различіемъ надо сопоставить правило нашего руководства: «надобно веревкику держати три веревки вытныхъ: одна на добрую землю, другая на середнюю, и третія на худую землю; и по землямъ смотря мѣрить: какова земля, такова и вервь мѣрйти». Это сопоставленіе тѣмъ любопытнѣе, что мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, чтобы это правило примѣнялось на практикѣ; выти разныхъ качествъ, повидимому, мѣрились той же 40-саженной веревкой, только разнымъ ихъ количествомъ. Если такъ, то весьма возможно, что предписаніе нашего сошнаго руководства осталось чисто бумажной мѣрой; а этимъ самымъ подтвердилось бы его воплѣ книжное, чуждое русской дѣйствительности происхожденіе.

Переходимъ къ единицѣ измѣряемой площади. Византійское и наше руководство принимаютъ извѣстную площадь посѣва за единицу: у насъ веревка вдоль и веревка поперекъ даютъ «четверть сѣву»; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Византіи десятисаженный сокаръ въ квадратѣ давалъ модій, «такъ какъ на обѣзвѣ такой площади требовался модій жита въ 40 литровъ» ²⁾. Гульчъ дѣлаетъ предположеніе, что эта земельная площадь и была древней (еги-

¹⁾ Heronis alexandrini geometricorum et stereometricorum reliquiae, ed. Hultsch (Weidm. 1874), гл. 4, 12—14 (ср. его же Metrologicorum scriptorum reliquiae I, 189—190): μετὰ τοῦτο ὀφείλεις ποιῆσαι σχοινίον ἤγρουν σωκάριον δεκάργυιον καὶ οὕτως μετρεῖν ὃν μέλλεις τόπον· τὸ γὰρ σωκάριον τῆς σπορίμου γῆς δέκα ὀργυῖας ὀφείλει ἔχειν, τοῦ δὲ λιβαδίου καὶ τῶν περιορισμῶν ἱβ'. καὶ μετὰ μὲν τοῦ δεκάργυρίου σχοινίου ἔχει ὁ τόπος τοῦ модίου ὀργυῖας διακοσίας μόνας, μετὰ δὲ τοῦ δωδεκάργυρίου ἔχει ὀργυῖας σωή. См. также Hultsch, Metrol. scr. rel. II, 136 (excerpta et Isidoro): peticas autem juxta loca vel crassitudinem terrarum, prout provincialibus placuit, videmus esse dispositas, quasdam decempedas, quibusdam duos additos pedes, aliquas vero quindecim vel X et VII pedum diffinitas, ita dumtaxat, ut crassioribus terris minores mensuras, sterilioribus majores tribuisent, prout modiorum numerus incremento frugum unicuique loco sufficeret.

²⁾ Успенскій, *ibid.* 298. Собственно низшей (тоже квадратной) единицей площади посѣва была одна литра: пять сажень, вдоль и поперекъ. См. у Герона, гл. 4, 15: Χρῆ δὲ γινώσκειν καὶ τοῦτο, ὅτι ὁ σπόριμος модιος ἔχει λίτρας τεσσαράκοντα· μία δὲ ἐκάστη λίτρα σπείρει γῆν ὀργυῖων πέντε. Πλάτος γὰρ καὶ μήκος ὀργυῖων πέντε ποιοῦσι λίτραν μίαν и т. д. Такихъ 40 литровъ даютъ 200 квадратныхъ сажень.

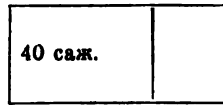
петской и греческой) квадратной единицей земельного измѣренія; важно отмѣтить его же замѣчаніе, что десятисаженная веревка, употреблявшаяся при измѣреніи этой единицы, могла дать поводъ и къ названію послѣдней «десятиною мѣроу», какъ толкуеть схолиастъ старинное греческое слово *ἄλινα*, сближаемое Гульчемъ съ бетическимъ *асина* и сопоставляемое съ египетскимъ *амма* (евр. *амма* ¹⁾). Сопоставленіе съ нашей «десятиной» напрашивается само собою; но безъ дальнѣйшихъ справокъ мы не рѣшаемся останавливаться на этомъ сопоставленіи; если тутъ и было заимствование, то во всякомъ случаѣ оно должно относиться къ гораздо болѣе давней порѣ, чѣмъ та, о которой идетъ рѣчь теперь. Въ позднѣйшее время обычный греческій модій представлялъ удвоенную площадь древней *аммы*, передѣланную, какъ догадывается Гульчъ, по образцу римскаго югера ²⁾: тѣ же 40 литровъ жита высѣвались не на 100, а на 200 кв. саж., или на площадь въ двѣ веревки (десятисаженныхъ) въ длину и одну веревку въ ширину. Аналогичную *этому* модію, но въ 16 разъ ббльшую геометрическую фигуру представляла наша десятина въ 3200 кв. саж., состоявшая тоже изъ двухъ (сорокасаженныхъ) веревокъ въ длину и одной въ ширину. Разница въ величинѣ веревки, у насъ вчетверо болѣе чѣмъ въ Византіи, и въ площади квадратной единицы, болѣе въ $4 \times 4 = 16$ разъ, должна, конечно, объясняться различіемъ въ степени плодородія почвы и интенсивности земледѣльческой культуры.

Послѣ опредѣленія единицы линейной и квадратной мѣры задача нашего и византійскихъ руководствъ одинаково состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить квадратное содержаніе даннаго участка въ саженяхъ и затѣмъ выразить его въ единицахъ площади по сѣва — модіевъ и четвертей. Оба выполняютъ задачу на частныхъ примѣрахъ. Въ напечатанныхъ *Θ. И. Успенскимъ* руководствахъ эти примѣры слишкомъ просты; напротивъ, въ геометрическихъ руководствахъ *Герона* и *Педіасима* они гораздо подробнѣе нашего сошнаго руководства и имѣютъ болѣе геометрической, чѣмъ геодезической характеръ. Сравнивая съ послѣдними примѣры рус-

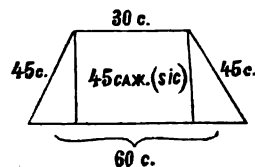
¹⁾ *Metrol. scr. reliquiae. I, prolegomena, 27 — 29: hoc σχοινίον δεκαόργυιον ipsum antiquum amma esse videtur.*

²⁾ *Ibid. 39 — 40: iam vero recordemur etiam antiquum amma agrestem mensuram fuisse, quae denas orgyias in longitudinem et latitudinem, omnino igitur centum quadratas orgyias haberet. Modius igitur ducentarum orgyiarum nihil nisi duplex est amma. Quae si reputamus, cuinam latere potest jugeri similitudine Romanos hanc mensuram effecisse, quae duplo longior esset, quam latior.*

скаго руководства, мы приходимъ къ приключенію, что наше руководство, вмѣсто правильнаго и систематическаго перехода отъ простыхъ геометрическихъ фигуръ къ сложнымъ, ограничивается нѣсколькими отрывочными случаями, хотя въ общемъ и сохраняющими постепенность греческихъ руководствъ. Подробный разборъ этихъ случаевъ представляетъ большія затрудненія въ виду испорченности русскаго текста и еще большей испорченности прилагаемыхъ къ нему чертежей: очевидно, что переписывавшіе то и другое совершенно не понимали смысла переписываемаго, и несомнѣнно, что въ подобной передачѣ наше геодезическое руководство теряло всякое практическое значеніе. За исключеніемъ одного случая, для меня непонятнаго ¹⁾, рѣчь идетъ, какъ полагаю, о слѣдующихъ четырехъ случаяхъ: 1) измѣреніе *прямоугольника* (тетράγωνον ὀρθογώνιον). Греческій текстъ выдѣляетъ въ особый случай измѣреніе основнаго десятисаженнаго *квадрата* земельной площади (10×10 оргій = $\frac{1}{2}$ модія); у насъ же этотъ случай введенъ въ измѣреніе прямоугольника; для этого взять прямоугольникъ, ширина котораго равняется нашей сорокасаженной веревкѣ, а длина — ровно веревкѣ съ третью. Греческое руководство, переходя отъ квадрата къ прямоугольнику, не ограничивается такимъ частнымъ случаемъ, въ которомъ оставшуюся часть можно выразить въ частяхъ цѣлой «четверти сѣву» (или модія); 40 саж. $19\frac{1}{3}$ с. оно прямо раздробляетъ веревки и сажени въ сажени, множить всю длину на ширину и затѣмъ полученное количество кв. сажень превращаетъ въ модія и литры. Далѣе, опуская все, что касается измѣренія треугольниковъ, наше руководство переходитъ къ 2) измѣренію *равносторонней трапеціи* (τραπεζίου ἰσοπλευροῦ), которая однако, даже въ лучшихъ текстахъ, безнадежно смѣшана съ прямоугольной (ὀρθογώνιον), такъ какъ полусумма сторонъ $\frac{30+60}{2} = 45$ умножается не на высоту (которая равнялась бы въ данной трапеціи 42, 4), а на сторону (или полусумму равныхъ сторонъ = 45 саж.). Чертежъ долженъ быть:

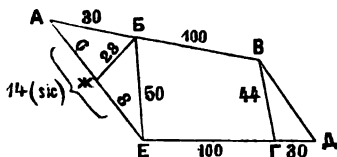

Слѣдуетъ далѣе 3) «Поле четвероугольно съ тремя великими мысы» или, по смыслу примѣра *неправильный четырехугольникъ*. Для измѣренія фигура дѣлится на «четыреугольную серединку» и на три треугольных «наво-

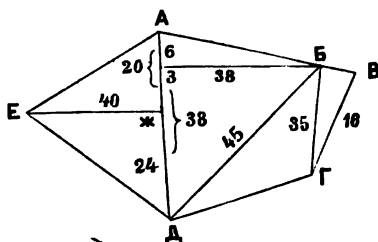
¹⁾ «Если придется поле мѣрить четвероугольное на четыре мѣста».

лока»; затѣмъ «середка» фиктивно принимается за трапецію и измѣряется (какъ въ предъидущемъ случаѣ) произведеніемъ полусуммъ противоположныхъ сторонъ; а въ каждомъ изъ трехъ треугольниковъ одна сторона принимается за высоту и умножается на половину другой. По размѣрамъ, даннымъ въ руководствѣ, никакого построения нельзя сдѣлать; но по существу дѣла построение должно быть приблизительно слѣдующее:

Четыреугольникъ БВГЕ измѣряется $100 \times \frac{50+44}{2}$; треугольникъ АБЖ — 30×3 ; БЖЕ — 14×8 ; БГД — 44×15 .

4-й случай, приводимый въ нашемъ руководствѣ, относится къ измѣренію *пятиугольнаго* «поля». Для измѣренія оно дѣлится на треугольники, площадь которыхъ вычисляется по предъидущему (построение при данныхъ размѣрахъ тоже невозможно):

Треугольникъ АБЗ = 38×3 саж.; БВГ = 35×8 ; БГД = $45 \times 17\frac{1}{2}$; БДЗ = 38×19 ; ЕЖД = 40×12 ; АЕЖ = 40×10 . Первый и три послѣднія измѣренія, конечно, правильны, если ЕЖ и БЗ — перпендикулярны къ АД.

Итакъ, наше руководство весьма произвольно обращается съ геометрией: оно, какъ мы видѣли, умножаетъ полусуммы противоположныхъ сторонъ неправильнаго четырехугольника, чтобъ получить его площадь; а чтобъ получить площадь треугольника, прямо множитъ одну сторону на половину другой. Въ извѣстныхъ намъ греческихъ текстахъ не встрѣчаемъ подобныхъ неточностей; но по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ изъ нихъ, напр. у Педіасима, можно найти аналогичныя упрощенія ¹⁾; а въ одномъ латинскомъ отрывкѣ *de jugeribus metiundis* встрѣчаемся съ совершенно тождественными практическими приемами ²⁾. «Если поле будетъ равностороннимъ треугольникомъ, по 60 веревокъ въ каждой сторонѣ,

¹⁾ Die Geometrie des Pediasimus, Programm v. Dr. G. Friedlein, 1866, Ansbach, стр. 36—39. Ср. Успенскій, о. с. 280.

²⁾ Die Schriften der römischen Feldmesser, hrgb. und. erläut. v. Blume Lachmann Rudorff Berl. 1848, I, 354 — 356.

умножаю одну сторону на половину другой...»; «если будетъ неровное поле, такъ что одна сторона будетъ имѣть 40 веревокъ, а другая (противоположная; см. рисунокъ у Блюме) 30, третья 20, а четвертая 6, — складываю 40 и 30, будетъ 70: дѣлю пополамъ — будетъ половина 35. Опять складываю 20 и 6, будетъ 26: дѣлю поровну, будетъ 13. Умножаю прежде раздѣленную сторону 35 на 13, получается 355 веревокъ» etc. ¹⁾ Въ виду такого совпаденія необходимо отмѣтить, что эти землемѣрные задачи вообще и нашъ отрывокъ въ частности издатели считаютъ заимствованными съ греческихъ текстовъ ²⁾. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при болѣе тщательныхъ поискахъ встрѣтятся тексты, еще болѣе близкіе къ нашему «земляному верстанію».

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о происхожденіи нашего геодезическаго руководства опять поднимается вопросъ о византійскомъ вліяніи на русскія писцовыя книги. А. С. Лаппо-Данилевскій очень осторожно отнесся къ этому вопросу. «Нельзя же сходство непременно объяснять заимствованіемъ», говоритъ онъ по этому поводу (180, прим. 1). Однако же и А. С. Лаппо-Данилевскій соглашается, что «Византія могла ознакомить русскихъ людей съ метрологіей и основными правилами геометріи» (179). Относительно метрологіи это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію послѣ работъ Прозоровскаго; относительно геометрическихъ и геодезическихъ приемовъ, это, вѣроятно, окончательно выяснится при дальнѣйшемъ изученіи. Но заимствованіе, какъ намъ кажется, можно слѣдить и дальше: не только въ единствѣ приемовъ, но и въ единствѣ той цѣли, которой они должны были служить, — мы говоримъ о цѣли податнаго обложенія. Не будемъ здѣсь останавли-

¹⁾ Ager si fuerit trigonus isopleurus, habens tria latera, per quae sexagenas perticas habent, duco unum latus per alterius lateris medietatem, id est LX per XXX: fiunt perticae ∞ DCCC, quae faciunt jugera VI, tabula una...

Ager si fuerit inaequalis, ita ut habeat in latere uno perticas XL et in alio XXX et in alio XX et in alio VI, conjungo XL et XXX: fiunt LXX. divido in aequa: fit una pars XXXV. rursus jungo VI cum XX: fiunt XXVI. divido aequaliter: fiunt XIII. Duco latus quod divisi prius, id est XXXV per XIII: fiunt perticae CCCLV, quae faciunt jugerum unum tabulas II, perticas XXIII.

²⁾ Röm. Feldmesser II B. (1852), 478: vergleicht man die Trümmer des Heron mit der lateinischen Feldmessersammlung, so ergibt sich, dass die eigentliche Gromatik eine rein nationale Wissenschaft blieb, die reine und angewandte Mathematik dagegen den Griechen entlehnt wurde und zwar theils dem Euklid, theils dem Heron, auf dessen γεωμετρούμενα namentlich die Messaufgaben... pp. 354—356... offenbar zurückergehen, wenn sie auch nicht gerades Weges aus der uns vorliegenden griechischen Redaction übersetzt sind.

ваться на любопытной во всякомъ случаѣ параллели между зевгратнымъ, войдатнымъ и актимоннымъ (пѣшимъ) надѣлами византійскаго кадастра, и плугомъ, сохой, однокольцемъ и пѣпцемъ нашей *старой* сошной системы; пусть тутъ заимствование остается пока не болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ простая аналогія. Но наша *новая* сошная система, основанная на различіи земель по тремъ качествамъ и на податномъ уравненіи платежныхъ участковъ по количеству — обратно пропорціонально ихъ качеству, — не находится-ли въ несомнѣнной связи съ фискальными приемами византійскаго кадастра ¹⁾? При простомъ сопоставленіи отдѣльныхъ сходныхъ чертъ русской и византійской системы становится вѣроятнымъ, что сходство идетъ въ данномъ случаѣ далѣе простой аналогіи ²⁾. Но до сихъ поръ оставался совершенно неяснымъ вопросъ о времени заимствования. Для сошной системы, сходство которой съ византійской мы только что отмѣтили, мы считаемъ теперь время ея появленія достаточно разъясненнымъ; къ сожалѣнію, относительно времени составленія геодезическаго руководства, византійское происхожденіе котораго намъ представляется несомнѣннымъ, трудно утверждать что-либо положительное. Тѣмъ съ большимъ интересомъ мы остановимся теперь на разборѣ одного весьма важнаго документа, въ которомъ византійскія реминисценціи, какъ намъ кажется, идутъ объ руку съ предположеніями о реформѣ русской системы; суть послѣдней заключается по этимъ предположеніямъ въ новыхъ приемахъ измѣренія участковъ, а цѣлью ея ставится усовершенствованіе податной и служилой организаціи; словомъ, документъ нашъ соединяетъ какъ бы въ одномъ фокусѣ всѣ тѣ задачи, которыя должна была поставить себѣ реформа 1550-хъ годовъ и, понятый такимъ образомъ, бросаетъ новый свѣтъ на ея исторію.

Къ сожалѣнію, документъ этотъ, напечатанный въ приложе-

¹⁾ Любопытно также, что нашъ старинный счетъ долями половины и трети, несомнѣнно, практиковался въ Византіи; объ этомъ можно заключать по одному мѣсту въ біографіи Василя Македонянина (у продолж. Теофана), гдѣ говорится о злоупотребленіяхъ, возможныхъ при «существующей системѣ, принятой въ податныхъ спискахъ, — выражать требуемое количество не буквами, выраженными и ясными числами, а ради сокращенія — долями чиселъ и частями половины и частями шестой и двѣнадцатой доли». Цит. у Ф. И. Успенскаго, св. 303.

²⁾ На это обстоятельство было указано впервые, если не ошибаемся, въ одной изъ прекрасныхъ статей В. Г. Васильевскаго. Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, августъ, стр. 361.

ни II, извѣстенъ мнѣ пока въ единственномъ спискѣ XVII столѣтія, и только его содержаніе и, можетъ быть, языкъ, который онъ изложенъ, даютъ возможность отнести его къ этому именно моменту русской финансовой исторіи, — къ подготовкѣ реформы 1550-хъ годовъ. Прежде всего, изложу его содержаніе, въ подлинникѣ переданное довольно запутанно. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что всѣ земельные споры, несправедливости и взятки писцовъ и мѣрщиковъ происходятъ отъ той причины, что измѣреніе производится четвертями. Онъ предлагаетъ ввести болѣе крупную земельную мѣру — именно квадратную версту или, выражаясь его терминами, «четверогранное поприще». Квадратная верста есть площадь въ 1000 сажень вдоль и поперекъ; сажень авторъ принимаетъ длиной въ двѣ (распростертыя) мужскія руки. И это «поприще» и эта (трехлохотная = двухаршинная = маховая) сажень суть древнія мѣры, хотя отношеніе между ними опредѣляется въ одномъ документѣ конца XV и начала XVI в. не въ 1000, а въ 750 сажень въ верстѣ ¹). Считая поприще въ 1000 сажень вдоль и поперекъ, получимъ квадратную площадь въ 1.000.000 саж., или, считая по 1200 сажень въ четверти посѣва (а не 1600, какъ въ геодезическомъ руководствѣ), — 833¹/₂ четверти въ трехъ поляхъ; въ одномъ полѣ «раздѣленія ради житнаго» получится 277³/₄ четверти. Такая площадь можетъ вмѣстить «20 ратаевъ полныхъ жребіевъ», считая каждый жребій «по 12¹/₂ чети въ каждомъ полѣ»: всего будетъ 250 четвертей; остальные 27³/₄ четверти можно скинуть въ счетъ надѣльнаго лѣса и сѣна. Такое четырехгранное поприще въ 250 четвертей и 20 полныхъ крестьянскихъ надѣловъ авторъ предлагаетъ взять за единицу военнаго участка, даваемого правительствомъ «боярамъ и воинамъ». Какъ видимъ, и по существу дѣла и по самой терминологіи мы имѣемъ здѣсь дѣло съ точнымъ воспроизведеніемъ византійскаго стратіотскаго участка, слагавшагося изъ извѣстной суммы «полныхъ» зевгаратныхъ крестьянскихъ надѣловъ или изъ пропорціональнаго количества неполныхъ ²). Величина полного участка опредѣлена здѣсь въ размѣрѣ обычной владѣльческой *омти* доброй земли.

¹) Бутковъ. Объясненіе русскихъ старинныхъ мѣръ въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1844, ноябрь, 260 — 261 (прим. 1). Авторъ указываетъ одинъ списокъ статьи «о широтѣ и долготѣ земли» составляющей приписку къ печатному сербскому молитвеннику; мы можемъ указать другой списокъ съ несомнѣнными сербизмами въ Библ. Моск. Дух. Акад.

²) Успенскій. Труды Од. съѣзда II, 334 — 336. Здѣсь авторъ, повидимому, окончательно отказывается отъ неудачной мысли искать спеціальной

Установивъ единицу измѣренія, авторъ предлагаетъ дагѣ рассчитать, сколько поприщъ вдоль и поперекъ слѣдуетъ отвести на опредѣленный служилый окладъ, выраженный въ доляхъ принятой единицы. Какъ видно изъ таблицы, за низшій размѣръ оклада принято 10 полныхъ надѣловъ.

Окладъ	Число поприщъ		Излишекъ за сѣно и лѣсъ въ полѣ.
	вдоль	поперекъ	
1000 четей	2	2	111 четей
750 "	2	1 $\frac{1}{2}$	83 "
500 "	2	1	55 "
375 "	1 $\frac{1}{2}$	1	41 $\frac{1}{2}$ "
250 "	1	1	27 $\frac{3}{4}$ "
125 "	1	1 $\frac{1}{2}$	14 "

Дагѣ опредѣляются права и обязанности, которыя авторъ предлагаетъ соединить съ проектируемой единицей. Служилый человекъ имѣетъ право брать съ своихъ «ратаевъ» «пятую часть жить» — и этимъ долженъ удовольствоваться: «симъ убо доволенъ будетъ»; авторъ горячо доказываетъ, что онъ не долженъ брать съ крестьянъ *деньгами*: «того ради ихъ видимъ муками томимы; сѣ бо сребра не созидаютъ». При урожаѣ самъ—пять съ поприща служилый человекъ получить 250 четвертей ржи и яри вдвое. Обязанности «воина» заключаются въ томъ, чтобъ съ полнаго участка являться на войну самому и съ нимъ слугѣ въ броняхъ; такимъ образомъ, каждые 10 надѣловъ будутъ содержать *одно* военного человека. Итакъ, 10 надѣловъ составляютъ минимумъ дѣлаго военного участка ¹⁾. Необходимо сопоставить это предложеніе автора съ извѣстнымъ дополнительнымъ къ Судебнику указомъ, по которому велѣно было «съ отчинъ и съ помѣстій уложенную службу учинити со 100 четвертей добрыя угодія земли — чело-

связи зевгарата съ свободной крестьянской общиной и войдата съ помѣстнымъ землевладѣніемъ (см. его Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, II, стр. 311 и слѣд. 1885, VI, 86 и слѣд.) Размѣръ полнаго участка въ Византіи равнялся 4 — 5 литрамъ или *шести* полнымъ надѣламъ. См. В. Г. Васильевскаго. Мат. по ист. виз. госуд. Ж. М. Н. Просв. 1879, III, 174, 194. Ѳ. И. Успенскаго. Слѣды писц. кв. Ж. М. Н. Пр. 1885, VII, 50. Труды Од. съѣзда, 336. Полный участокъ нашего автора состоитъ изъ *десяти* надѣловъ (см. въ текстѣ; по другому расчету у Успенскаго размѣръ стратіотскаго участка получается тоже 8 — 10 надѣловъ. Ж. М. 1885, VII, 50).

¹⁾ О связи помѣщичьихъ правъ и военныхъ обязанностей византійскаго пронара см. Ѳ. И. Успенскаго: значеніе виз. и Ю. Слав. пронаи въ Сборн. статей по славяновѣдѣнію, стр. 24—25.

вѣка на конѣ въ dospѣхѣ въ полномъ»¹⁾. По нашему проекту одинъ человекъ пришелся бы съ 125 четвертей (10 надѣловъ по 12 $\frac{1}{2}$ чевт.). Это сопоставленіе тѣмъ любопытнѣе, что, повидимому, дополнительная статья осталась чисто бумажной мѣрой, не примѣнявшейся на практикѣ».

Затѣмъ, авторъ настаиваетъ на томъ, чтобъ служилые люди для удобства мобилизаціи не жили въ деревняхъ, а получали бы хлѣбъ, сѣно и дрова съ своихъ крестьянъ въ городахъ. Вся эта картина предполагаемыхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, свѣжесть идеи объ условности владѣнія, какъ «царскаго даенія» (ср. *дворск.*) объ ограниченности власти «бояръ и воиновъ» надъ своими «ратаями» показываетъ намъ, что дѣло идетъ не о XVII вѣкѣ. Предложеніе измѣрять не четвертями, а болѣе крупной единицей, не имѣло бы, дагѣе, смысла *послѣ* введенія новыхъ сохъ; напротивъ, самое введеніе сохъ крупнаго размѣра можетъ представляться вызваннымъ, по крайней мѣрѣ отчасти, разсмотрѣннымъ предложеніемъ. Если мы вспомнимъ, что только что указанная дополнительная статья къ Судебнику, повидимому, тоже стоитъ въ связи съ тѣмъ же проектомъ, и прибавимъ еще, что третья часть первой редакціи сошной книги при сравненіи оказывается дословно сходной съ расчетомъ величины одного поля въ четырехъугольномъ поприщѣ (см. приложение II), — то, кажется, трудно будетъ не согласиться, что нашъ памятникъ долженъ быть причисленъ къ подготовительнымъ матеріаламъ для обширныхъ реформъ 1550-хъ годовъ.

Кто былъ его авторомъ? Объ этомъ трудно сказать, что-либо определенное: нельзя только не отмѣтить, что языкъ автора мало походитъ на канцелярскій и болѣе на книжно-церковный. Это обстоятельство въ связи съ терминами, имъ употребляемыми, а также его вѣроятное знакомство съ византійской проніей заставляютъ предположить въ авторѣ лицо духовное югославянскаго происхожденія. Конечно это предположеніе остается пока простой догадкой, требующей дальнѣйшихъ справокъ и сопоставленій.

Мы оканчиваемъ здѣсь замѣчанія и дополненія по поводу тѣхъ отдѣловъ работы А. С. Лаппо-Данилевскаго, гдѣ ему приходится выходить изъ предѣловъ XVII в. То, что остается еще сказать относительно этого періода по поводу центральной администраціи, мы предпочитаемъ отложить до разбора соотвѣтствующаго отдѣла въ финансовой организаціи XVII в.

¹⁾ Судебникъ Татищева 2 изд. 141; Никон. лѣт. VII, 261.

II. XVII-е столѣтіе. 1. Податные классы.

Обширная первая глава изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго посвящена изученію «податныхъ классовъ» населенія Московскаго государства (44—179). Въ свою очередь глава эта распадается на два отдѣла: 1) распредѣленіе податнаго бремени между отдѣльными классами населенія и 2) тяглое населеніе Московскаго государства въ XVII в.

Зная, что авторъ не задается изученіемъ количественныхъ отношеній въ финансовой исторіи XVII в., мы уже не можемъ ожидать въ первомъ отдѣлѣ прямаго отвѣта на поставленный вопросъ: сравненія податныхъ тягостей, ложившихся на разные классы населенія. Авторъ ограничиваетъ свою задачу въ этомъ отдѣлѣ группировкой данныхъ о податныхъ льготахъ, которыми пользовались разные части населенія. Сперва разсматриваются, именно, льготы сословнаго характера: податныя привилегіи служилаго класса (сюда причисляются и привилегіи гражданской службы—казенной и земской, также службы гостей, гостиной и суконной сотенъ 44—54), класса несвободныхъ (и дворцовыхъ слугъ—54—57), духовенства (57—66), затѣмъ льготы личнаго характера: по особымъ заслугамъ или съ цѣлью временнаго облегченія плательщиковъ (66—69). Последнія страницы (70—76) болѣе отвѣчаютъ заглавію отдѣла, но за то нѣсколько нарушаютъ его цѣльность: здѣсь идетъ рѣчь именно объ участіи разныхъ классовъ въ платежѣ лавочнаго оброка и чрезвычайныхъ процентныхъ сборовъ.

Изображеніе податныхъ привилегій служилаго сословія вышло у автора не совсѣмъ отчетливымъ. Причиной этого слѣдуетъ, кажется, считать то обстоятельство, что авторъ черезчуръ сжузилъ сферу изученія этихъ привилегій. Онъ слѣдитъ ихъ, по скольку онѣ проявляются въ личной свободѣ отъ податей служилаго чело-вѣка, въ свободѣ отъ податей его собственной усадьбы и его барской запашки. «Первоначально», по его мнѣнію, барская запашка облагалась наравнѣ съ крестьянской. Когда она перестала облагаться, изъ изложенія автора не видно; но съ конца 20-хъ годовъ XVII в., «со времени введенія подворной подати» — «дворъ служилаго чело-вѣка... освобождался отъ уплаты податей, которыя прежде вимались съ его пашни» (45). Все это построеніе совершенно гипотетическое; реформа 1620-хъ годовъ вовсе не была, какъ увидимъ, введеніемъ подворной подати и ничего не измѣнила въ податныхъ привилегіяхъ служилаго чело-вѣка; дворъ его былъ «бѣлымъ» и

равнше, а барская запашка (производимая крестьянскими руками) врядъ-ли противопологалась когда либо крестьянской въ податномъ отношеніи. Игнорируя послѣднее обстоятельство, авторъ въ недоумѣніи останавливается передъ такими фактами, какъ платежъ мелкими помѣщиками, не имѣвшими крестьянъ, податей съ собственной запашки (52—3). «Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, эти служилые люди, первоначально свободные отъ податей, вдругъ стали тяглыми?» Но прежде всего надо спросить автора: какимъ образомъ ему извѣстно, что они, какъ владѣльцы земли, первоначально были свободны?

Затрудненіе заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, что податныхъ привилегій служилаго человѣка нельзя характеризовать, не говоря о податномъ положеніи его помѣстья и вотчины. Авторъ, очевидно, не хотѣлъ касаться этого предмета здѣсь, такъ какъ тогда пришлось бы говорить о «тяглохъ населеніи» служилыхъ земель, о которомъ, по плану автора, рѣчь должна идти только въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Въ оглавленіи мы находимъ еще рубрику: «постепенное ограниченіе податныхъ привилегій служилаго класса». При указанномъ самоограниченіи автора рѣчь идетъ, конечно, не объ уменьшеніи служилыхъ привилегій въ собственной сферѣ ихъ сословной дѣятельности; авторъ приводитъ здѣсь лишь нѣкоторые факты, касающіеся ограниченій ихъ правъ на посадѣ, т. е. по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ. Подобное послѣднему замѣчаніе необходимо сдѣлать и относительно изображенія авторомъ податныхъ привилегій гостей и людей гостинной и суконной сотенъ. Авторъ слѣдитъ въ рядѣ фактовъ за выходомъ ихъ изъ тѣхъ корпорацій, откуда они переводятся въ свое званіе; оказывается дѣйствительно, что съ «черными людьми» своихъ прежнихъ тяглыхъ союзовъ они податей не платятъ; но изъ собственныхъ цитатъ автора видно, что за то они платятъ вмѣстѣ съ новой «своей братьей», — т. е. просто переходятъ изъ одной тяглой группы въ другую; и это не только «во второй половинѣ XVII в.» (стр. 50) но и въ первой (стр. 48, прим. 3). Впечатлѣнія «постепенности, съ которой ограничивались податныя привилегіи этого класса», изъ собранныхъ авторомъ данныхъ и здѣсь не получается (49—50).

Изображеніе податнаго состоянія несвободныхъ и полусвободныхъ слоевъ населенія также разбито между этимъ и слѣдующимъ отдѣломъ (54 и 152—3). Излагая податныя льготы дворцовыхъ ремесленниковъ, авторъ объясняетъ ихъ, съ одной стороны, служилымъ,

съ другой, несвободнымъ первоначально характеромъ дворцовой службы; послѣднее объясненіе основано на извѣстной уже намъ теоріи холопскаго происхожденія людей дворцовой службы, и мы довольствуемся первымъ. Переходя къ податнымъ привилегіямъ духовенства, авторъ отступаетъ отъ своего плана—говорить только о нетягломъ населеніи и на этотъ разъ касается крестьянскаго населенія духовныхъ земель. Не смотря на эту невольную уступку, здѣсь однакоже особенно чувствуется неполнота изображенія, принимающаго въ главу о «распредѣленіи податнаго бремени» только тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ объ освобожденіи отъ податнаго бремени. Послѣ ряда данныхъ, приведенныхъ относительно монастырскихъ льготъ на стр. 58—64, мы дѣйствительно чувствуемъ потребность вмѣстѣ съ авторомъ замѣтить «не всѣ монастыри успѣвали освободиться отъ податнаго бремени!» Не дагѣ какъ на слѣдующей страницѣ (65) авторъ излагаетъ челобитную 1684 г.; оказывается, что монастыри «платили не только наравнѣ съ вотчинниками и помѣщиками, но и съ великой прибавкой». Авторъ приписываетъ этотъ результатъ «ограниченію прежнихъ привилегій»; но мы припоминаемъ размѣры монастырской сохи, которые, конечно, не меньше свидѣтельствуютъ о «распредѣленіи податнаго бремени», чѣмъ тарханныя грамоты, и спрашиваемъ: развѣ когда-нибудь прежде монастыри платили меньше или даже столько же, какъ вотчинники и помѣщики?

Второй отдѣлъ первой главы, трактующій о «тягломъ населеніи», въ свою очередь подраздѣляется на четыре части: въ первой говорится о «крестьянской общинѣ» (76—112), во второй о «посадской» (112—132), въ третьей о «вліяніи правительства на составъ тяглою общины» (132—164), въ четвертой о борьбѣ посадскаго и крестьянскаго тяглаго населенія (164—179).

Мы уже рассматривали взгляды автора на происхожденіе тяглою общины и на ея разновидности на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ Россіи (76—92). Намъ остается здѣсь отмѣтить любопытныя страницы о внутренней финансовой организаціи владѣльческой общины (92—96) и черезчуръ, къ сожалѣнію, краткія данныя объ устройствѣ одноворческихъ населеній (97). Покончивъ на этомъ съ организаціей податныхъ группъ, авторъ переходитъ къ изученію ихъ составныхъ элементовъ. Въ составѣ тяглою общины онъ различаетъ крестьянъ и бобылей; на послѣднихъ онъ останавливается подробнѣе и сообщаетъ немало важныхъ свѣдѣній, уясняющихъ ихъ хозяйственное и податное положеніе (100—104). Особо затѣмъ гово-

рять авторъ о половникахъ, относительно которыхъ полагаетъ, что «было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглою общины, такъ какъ, повидимому, не тянули тягла». Этотъ выводъ автора показанъ «маловѣроятнымъ» М. А. Дьякову (его рец. стр. 375); мы думаемъ однако, что авторъ правъ. Половникъ, рядившійся на короткій срокъ, чаще всего на одинъ трехпольный сѣвооборотъ, со своею «снастью», былъ случайнымъ гостемъ на владѣльческой землѣ, ничѣмъ съ ней не связаннымъ, кромѣ срока своей порядной. Если онъ и попадагъ въ писцовую книгу, то писался въ ней «въ особой статьѣ», а не «со крестьяны вмѣстѣ», «и платитъ велѣнно» было съ половничьихъ дворовъ «особо» ¹⁾. Это и понятно, такъ какъ вступая въ договоръ, половникъ вовсе не обязывался, подобно крестьянину, «всякіе великаго государя подати платитъ съ сосѣдми вмѣстѣ или съ міромъ врадъ, по сотной писцовой книгѣ»; онъ не обязывался также своего участка «впустѣ безъ жилья не покинуть», т. е. прискаты на свое мѣсто новаго нанимателя ²⁾. Даже тогда, когда онъ садился на *тмную* землю, онъ оставался тѣмъ же «наемнымъ человѣкомъ», который «пашетъ по уговору»; естественно, что онъ зналъ только своего хозяина, а послѣдній, въ качествѣ владѣльца тяглаго участка, «платилъ дань и оброкъ, всякіе разметы» уже «мимо половника» ³⁾. Правъ авторъ и въ томъ, что въ концѣ XVII в. половники несутъ тягло на ряду съ крестьянствомъ; иногда такіе половники прямо даже носятъ названіе «черныхъ тяглыхъ половниковъ» и сами подраздѣляются на «крестьянъ и бобылей» ⁴⁾. Мы только не рѣшаемся утверждать вслѣдъ за авторомъ, что этой переменѣ въ податномъ положеніи соответствовала переменна въ хозяйственномъ положеніи половника, состоявшая въ «превращеніи его отношеній къ землевладѣльцу въ подневольныя» и вообще въ сближеніи половничества съ крестьянствомъ. Какъ видно и изъ того же только что вышедшаго XII тома Р. И. Библ. («Акты Холмогорской и Устюжской епархіи»), условія половническихъ порядныхъ остаются въ концѣ XVII в. совершенно тѣми же, какими были въ концѣ XVI в.; да иначе и быть не могло, такъ какъ сенатъ еще при Петрѣ Великомъ, вопреки желанію владѣльцевъ «чтобъ тѣхъ половниковъ укрѣпить за ними вовсе, какъ за помѣщиками», подтвер-

¹⁾ Рус. Ист. Библ. XII, 1195—6.

²⁾ Ibid. 458.

³⁾ Ibid. 141.

⁴⁾ Ibid. 510, 512.

дѣлѣ старинное право половниковъ — опредѣлять «записями», «кто къ кому и на сколько лѣтъ пойдетъ въ половничество»¹⁾; и еще указомъ 31 декабря 1827 г. содержаніе этихъ «записей» было опредѣлено совершенно согласно съ содержаніемъ древнихъ порядныхъ, какъ срочный договоръ (отъ 6 до 20 лѣтъ), по которому половникъ исполняетъ всѣ земледѣльческія работы съ своими орудіями и скотомъ («пахать мнѣ половнику на своихъ половничьихъ конехъ; снасть всякая, которая въ пашнѣ понадобится, наша половничья, а сѣмена — казенныя» или «ватаманскія») и получаетъ готовый дворъ, но чинить его самъ («прирядъ») ²⁾.

Разсмотрѣвъ составные элементы тяглоѣ общины, авторъ говоритъ въ заключеніе объ измѣненіяхъ, вызывавшихся въ ея составѣ какъ переходомъ ея членовъ изъ одного разряда въ другой, такъ и вступленіемъ новыхъ членовъ и выходомъ старыхъ (106—112). Особенно останавливается авторъ на условіяхъ вступленія новыхъ членовъ, рассматриваетъ содержаніе порядныхъ и поручныхъ и составъ поручителей (108—111).

По тому же самому плану изучаетъ авторъ далѣе «посадскую общину». И здѣсь, какъ въ сельской общинѣ, онъ отмѣчаетъ три типа городского населенія, соотвѣтствующіе сѣверу, центру и югу Россіи: сѣверно-русскій городъ, по его мнѣнію, есть торгово-промышленный и административный центръ, тѣсно связанный со своею областью; южный — военное поселеніе, «оторванное отъ уѣзда»; центральный — занимаетъ середину и характеризуется «довольно рѣзкимъ различіемъ между городскимъ и сельскимъ хозяйствомъ» (112—115). За исключеніемъ «оторванности отъ уѣзда» южного города, съ этой характеристикой можно вполне согласиться.

Далѣе авторъ рассматриваетъ посадъ со стороны его общественной организаціи и приходитъ къ заключенію, что «внѣ тяглыхъ интересовъ общинная связь между членами посадской общины была довольно слаба». Онъ отмѣчаетъ, впрочемъ, факты совмѣстнаго владѣнія общей городской землей, угодьями и даже промышленными заведеніями (118—119), собираетъ свѣдѣнія о передѣлахъ пашенной городской земли, но совершенно основательно предполагаетъ

1) Указы Петра Великаго, изд. 1777 г., стр. 997, слѣд.; перепечатано у Максимовича, Указ. зак. IV, 525—6; приговоръ состоялся 11 января 1725 г.; опубликованъ уже при Екатеринѣ I, 22 февраля 1725 г. и подъ этимъ числомъ, безъ мотивировки, напечатанъ въ П. С. З. № 4661.

2) Второе П. С. З. II. № 1675 Ср. описаніе положенія половниковъ у Гакстаузена, Etudes, chap. VIII (245—256).

«вліяніе тягла на такое явленіе» (107); вполне соглашаемся и съ его замѣчаніями объ отсутствіи передѣловъ собственно городскихъ участковъ (116).

Разсмотрѣвъ затѣмъ дѣленіе посада на болѣе мелкіе союзы (120—122), авторъ переходитъ къ составнымъ элементамъ посадской общины, рассматриваетъ въ частности самостоятельныхъ тягловцовъ (122), посадскихъ бобылей (123—4), «не входившихъ, по его мнѣнію, въ посадскія тяглыя живущія чети», затѣмъ останавливается на дѣленіи самыхъ тягловцовъ на разряды «лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей». «Это дѣленіе, говоритъ А. С. Лаппо-Данилевскій, основано было на различіи въ ихъ хозяйственномъ положеніи, т. е. въ большей или меньшей населенности двора того или другаго разряда и въ размѣрахъ животовъ его хозяина». Мы согласны съ первымъ и послѣднимъ признакомъ, но не думаемъ, чтобы принимался въ расчетъ второй: если большая населенность лучшихъ дворовъ и констатируется статистикой ихъ населенія, то только въ общемъ и цѣломъ, тогда какъ группировка по разрядамъ должна была производиться по признаку легко отличимому относительно каждаго отдѣльнаго двора. Такимъ внѣшнимъ признакомъ должно было служить скорѣе всего количество оклада, съ котораго платилъ каждый дворъ; а самъ этотъ окладъ опредѣлялся на дворъ при мірскомъ разрубѣ по животамъ и промысламъ, т. е. сообразно имущественному состоянію хозяина ¹⁾. Такимъ образомъ мало сказать, что «всѣ эти разряды были дѣленіями не только мѣстными, общинными, но и финансовыми» (126);—конечно, «хозяйственное положеніе разныхъ лицъ вырабатывалось мѣстной жизнью», но группировка всѣхъ этихъ лицъ, съ ихъ постоянно различными имуществами, въ три большія группы лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей *только* и была вызвана фискальными цѣлями, такъ что самое дѣленіе, какъ мы его знаемъ въ это время, было *исключительно* финансовымъ дѣленіемъ, въ значительной степени случайнымъ, искусственнымъ и колеблющимся.

Естественно, что переходъ изъ разряда въ разрядъ «совершался безъ всякихъ затрудненій». Принятіе новыхъ членовъ въ посадъ, напротивъ, по мнѣнію автора, встрѣчало затрудненія со стороны общины, такъ какъ вступленіе новаго плательщика влекло за собой болѣе риска (въ случаѣ его ухода), чѣмъ выгодъ для общины.

¹⁾ Ср. у меня Гос. Хоз., стр. 16, примѣч. и у самого А. С. Лаппо-Данилевскаго, стр. 125.

Врядъ-ли однако можно принять это мнѣніе автора: нужно вспомнить только, что въ посадѣ XVII в. значительное число тяглыхъ дворовъ постоянно пустовало, и община платила за эту пустоту: новый плательщикъ не былъ лишнимъ тягломъ, а только пополнялъ союзъ прежнихъ, связанныхъ круговой порукой. Повидимому, высказанный авторомъ взглядъ имѣетъ специальной цѣлью объяснить приводимые имъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что «порука (по новыхъ тяглецахъ) иногда совершалась по приказу мѣстной администраціи», слѣдовательно, какъ бы противъ воли общины; но кажется, что для такого «приказа» могли существовать и другія, болѣе внѣшнія или случайныя причины.

Авторъ подробно изучаетъ дагѣ составъ поручителей (128—9), поводы къ порукѣ (130), содержаніе поручныхъ записей (131). Случаями выхода изъ общины заканчивается разборъ измѣненій въ ея составѣ (131—2).

Третья часть разсматриваемаго отдѣла озаглавлена «вліяніе правительства на составъ тяглой общины». Авторъ разсматриваетъ здѣсь часть тѣхъ же явленій, о которыхъ говорилъ въ двухъ предыдущихъ отдѣлахъ: именно, измѣненіе состава тяглой общины вслѣдствіе вступленія новыхъ и выхода старыхъ членовъ. Но на этотъ разъ тѣ и другія измѣненія разсматриваются съ точки зрѣнія правительственнаго вліянія. Въ самой первой фразѣ этому вліянію придается характеръ нѣкотораго антагонизма съ общинной самостоятельностью; «развитіе (общинной самостоятельности) ограничено было вліяніемъ правительства, которое не могло согласить его съ интересами казны» (133). Но выше авторъ признаетъ, что самостоятельность тяглой общины и была главнымъ образомъ связана съ предоставленными или точнѣе навязанными ей фискальными функціями, т. е. значить не только не противорѣчила интересамъ казны, но именно этими только интересами и поддерживалась. Въ частности, по отношенію къ поступленію новыхъ лицъ въ общину, авторъ находитъ, что «все болѣе и болѣе развивавшееся право (правительства) зачислять въ ея составъ новыя лица по собственному усмотрѣнію..... сильно подрывало значеніе общины въ этомъ отношеніи» (135). Ни откуда не видно, однакоже, во 1-хъ, чтобы это право дѣйствительно «все болѣе и болѣе развивалось», во 2-хъ, чтобы оно становилось въ разрѣзъ съ интересами общины.

Какъ самый яркій результатъ вліянія правительства на составъ тяглой общины, авторъ разсматриваетъ затѣмъ прикрѣпленіе. По-

добно Энгельману ¹⁾, онъ ставитъ его въ связь съ переписями; менѣе отчетливо, но все-таки проведено у него и то различіе, по которому перепись 1590-хъ годовъ, не будучи источникомъ крѣпости, сдѣлалась ея юридическимъ доказательствомъ, тогда какъ перепись 1646 г. «повела къ возможности повсемѣстнаго и единовременнаго прикрѣпленія всего тяглаго населенія къ мѣсту жительства», т. е. сама по себѣ была источникомъ прикрѣпленія.

Авторъ рассматриваетъ, такимъ образомъ, прикрѣпленіе, какъ фискальную мѣру, имѣвшую цѣлью установить «по возможности постоянный уровень платежныхъ силъ данной мѣстности» (135) что, однако, достигнуто было и помимо прикрѣпленія организаціей тяглыхъ союзовъ, связанныхъ репартиціонной системой и взаимнымъ поручительствомъ членовъ общины. Съ этой точки зрѣнія авторъ говоритъ и о «прикрѣпленіи» посадскихъ людей и даже о прикрѣпленіи, хотя неполномъ, черносошныхъ крестьянъ поморскихъ городовъ (137). Принявъ такой широкій смыслъ термина, — съ авторомъ вполне можно согласиться; но мы не знаемъ, что мы выигрываемъ, называя прикрѣпленіемъ вообще тяглую организацію населенія и лишая, такимъ образомъ, терминъ того специфическаго признака, который онъ имѣетъ въ приложеніи къ населенію *владѣльческимъ* земель.

Изложивъ большею частію уже извѣстныя свѣдѣнія о ходѣ прикрѣпленія посадскаго и крестьянскаго населенія (138—142), авторъ переходитъ затѣмъ къ тѣмъ смягченіямъ законодательства о бѣглыхъ, которыя дѣлались для бѣглецовъ, попавшихъ въ даточные люди, въ дворцовыя волости; къ условіямъ свободнаго передвиженія «пришлыхъ» рабочихъ и промышленныхъ людей (143—5). Далѣе рассматриваются другіе «способы избѣгнуть правительственнаго оклада», кромѣ бѣгства: прежде всего, переходъ въ разряды несамостоятельнаго хозяйственно населенія. Возможность такихъ переходовъ дастъ автору случай остановиться на самыхъ этихъ разрядахъ, къ которымъ онъ относитъ кабалныхъ холоповъ, дворниковъ, захребетниковъ, закладчиковъ и сосѣдей. Къ первымъ тремъ разрядамъ принадлежали, по его выраженію, «лица болѣе или менѣе несвободныя» (150). Неопредѣленности этого выраженія соответствуетъ и нѣкоторая неопредѣленность представленія автора о размѣрахъ ихъ «несвободы». Такъ авторъ подраздѣляетъ кабалныхъ холоповъ на дѣловыхъ и задворныхъ людей, оговариваясь при

¹⁾ Die Leibeigenschaft in Russland.

этомъ, что это—дѣленіе «не столько по юридическому, сколько по экономическому положенію» (147). Последнее замѣчаніе справедливо въ бѣгѣ широкой степени, чѣмъ думаетъ авторъ: дѣйствительно, обѣ группы не только порознь, но и вмѣстѣ—чисто экономическія и — по крайней мѣрѣ послѣдняя не только не состоятъ изъ кабалныхъ холоповъ специально, но даже и не изъ однихъ холоповъ вообще. Переписныя книги второй половины вѣка, когда и развились эти группы, рядомъ съ задворными и дѣловыми людьми, служащими по служилой кабалѣ¹⁾, знаютъ и «купленныхъ» и «положныхъ» холоповъ²⁾, и холоповъ — «старинныхъ», «приданныхъ» и по женитьбѣ на крѣпостныхъ дѣвкахъ³⁾, наконецъ, холоповъ по запискѣ въ приказѣ⁴⁾ или съѣзжей избѣ; но рядомъ съ ними сплошь да рядомъ въ составѣ задворныхъ людей встрѣчаются не холопы, а крестьяне, крѣпкіе по старымъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ⁵⁾. Авторъ самъ нечаянно указалъ на послѣдній элементъ въ составѣ задворныхъ людей, упомянувъ о полученіи ими участка по «судной записи». Форма договора, обозначаемая этимъ именемъ, вообще слишкомъ мало обратила на себя вниманія нашихъ историковъ-юристовъ. Еще недавно незнакомство съ ней ввело въ нѣкоторыя недоразумѣнія проф. Сергѣевича (Юрид. Древности). Судная запись есть въ сущности старая крестьянская порядная, но съ замѣной прежней крестьянской «подмоги» «судой» и съ превращеніемъ временныхъ отношеній порядной въ постоянныя, — сообразно характеру времени, когда явилась эта форма. Правда, проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что «суда» есть не подмога, а заемъ и, какъ таковой, не подлежитъ внесенію въ порядную (стр. 202); судную запись онъ, повидимому, и склоненъ считать простой долговой распиской, «ростовой» или «заемной кабалой» (ср. стр. 203 съ стр. 250—51), независимой отъ порядной. Но это обстоятельство и заставляетъ насъ думать, что образцы судныхъ записей остались неизвѣстны проф. Сергѣевичу. «Заемъ есть процентный долгъ, кото-

¹⁾ Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составл. И. Е. Замысловскимъ въ Лѣтоп. Зан. Арх. Ком., вып. VIII, стр. 134, пр. 6; 143, пр. 7; 144, пр. 9; 153, пр. 1 и 7; 164—5, пр. 1; 231, пр. 2.

²⁾ Ibid. 136, прим. 2; 139, пр. 1; 143, пр. 1 и 2; 144, пр. 3 и 4; 145, пр. 1; 152, пр. 2; 157, пр. 8; 222, пр. 1.

³⁾ Ibid. 116, пр. 3; 136 пр. 2; 140, пр. 7; 141, пр. 1; 142, пр. 7; 143, пр. 7; 152, пр. 2; 153, пр. 1; 157, пр. 8; 158, пр. 9; 176; пр. 4.

⁴⁾ Ibid. 141, пр. 7; 142, пр. 7; 143, пр. 1; 156; пр. 6.

⁵⁾ Ibid. 140, пр. 5; 142, пр. 3 и 6; 152, пр. 2 и 6; 154, пр. 1; 157, пр. 4; 158, пр. 9.

рый погашается уплатой полученнаго займа капитала», говоритъ совершенно основательно проф. Сергѣевичъ. *Ссуда* же не есть процентный (ростовой) долгъ и не погашается уплатой, представляя этой своей чертой несомнѣнное сходство съ безпроцентнымъ займомъ служилой кабалы, по которой даже *запрещалось* уплачивать. Полемизируя съ проф. Ключевскимъ, проф. Сергѣевичъ старался доказать, что между крестьянской порядной и холопской служилой кабалой не было ничего средняго (Юрид. Др. 259 и слѣд.); между тѣмъ эту середину и занимаетъ игнорируемая проф. Сергѣевичемъ ссудная запись. Собственно самъ проф. Сергѣевичъ знаетъ и показываетъ, что послѣ крестьянскаго прикрѣпленія порядныя нѣсколько измѣнили свое содержаніе; именно, въ нихъ вошло условіе, по которому порядившійся не имѣетъ права уходить (248—249). Къ сожалѣнію, онъ не отмѣтилъ еще одного документа А. Юр. (№ 203, II), въ которомъ это условіе выражено особенно ярко и прямо поставлено въ связь съ ссудой; названный документъ и есть ссудная запись, хотя и напечатанная издателями подъ названіемъ порядной «Се язъ N. N. взялъ есмь я на ссуду. . . . пять рублевъ на лошадь и на коровы и на иную мелкую скотину и на всякую домовую посуду. . . ; и съ той мнѣ ссудою никуда не сходять и ни за кого не заложиться и крѣпостей никому никакихъ на себя не давать, *потому что я крѣпокъ по сей ссудной записи за Тихвинскимъ монастыремъ. А будетъ я. . . съ той ссудою. . . сбѣгу. . . , — имѣ. . . меня. . . по сей ссудной записи взять вольно, гдѣ они меня сыщутъ*» (1678 г. ¹).

Итакъ, ссудная запись есть приспособленная къ новому положенію крестьянства (но, конечно, не устанавливавшая этого положенія) *крестьянская* порядная. Лицо, давшее на себя ссудную запись, не было холопомъ, и «несвободнымъ» было лишь настолько, насколько вообще было «несвободно» тогдашнее крестьянство.

Далѣе А. С. Лаппо-Данилевскій останавливается на положеніи «дворниковъ», которое совершенно основательно ставитъ въ связь съ условіями «жилой записи» (147—9), и захребетниковъ (150); на «закладчикахъ» и «сосѣдяхъ», соединяемыхъ въ одну группу, очевидно, по ихъ большей хозяйственной самостоятельности (150—51); на слѣдующей страницѣ, однако, онъ принимаетъ уже другую группировку по податному положенію: захребетники, сосѣди и дворники,

¹ Ср. ссудныя записи въ собр. Бѣляева въ Рум. муз. Опис. Лебедева стр. 79.

какъ подлежавшіе мірской раскладкѣ, противопологаются здѣсь задворнымъ людямъ и закладчикамъ, которыхъ, по зависимости ихъ отъ бѣломѣстцевъ, «не удавалось вовлечь въ мірскую раскладку» (152). Задворные люди, смѣшаннаго состава которыхъ авторъ, какъ мы видѣли, не замѣчаетъ, постоянно носятъ здѣсь не существующее въ источникахъ названіе «задворныхъ холоповъ»¹⁾. И податную исторію ихъ авторъ старается построить на противоположеніи ихъ крестьянамъ въ началѣ и сближеніи съ ними въ концѣ вѣка; но самъ же указываетъ, что «уже въ началѣ XVII в. подати платили тѣ и другіе»²⁾. Сборъ пятинныхъ денегъ 1662—3 г. «съ людей разныхъ землевладѣльцевъ» не относится къ податной исторіи ни задворныхъ людей, ни въ частности холоповъ, документъ говоритъ о людяхъ, *которые торчуютъ*, т. е. о прикащикахъ землевладѣльцевъ завѣдующихъ ихъ коммерческими операціями. Привлеченіе задворныхъ и дѣловыхъ людей къ податямъ, въ качествѣ цѣлыхъ отдѣловъ крестьянскаго класса, становится несомнѣннымъ только съ 1678 г., и трудно сомнѣваться въ томъ, что ихъ появленіе въ качествѣ плательщиковъ связано съ составленіемъ переписныхъ книгъ этого года; на этомъ фактѣ, также какъ и на причинахъ быстрого роста этихъ элементовъ въ составѣ крестьянства къ концу XVII в., слѣдовало бы остановиться подробнѣе.

1) Терминологія до нѣкоторой степени освященная употребленіемъ ея такимъ специалистомъ, какъ В. О. Ключевскій. Проф. Ключевскій также думаетъ, что «задворное холопство во второй половинѣ XVII в. изъ хозяйственнаго состоянія нѣкоторыхъ кабалныхъ людей» превратилось «въ особый юридическій видъ крѣпостной зависимости»; сообразно съ этимъ онъ полагаетъ, что «это холопство укрѣплялось... особою *задворною* ссудною записью» и что «задворная крѣпость сама по себѣ служила достаточнымъ средствомъ прикрѣпленія». По нашимъ представленіямъ, однако, и къ концу XVII в. задворные люди не успѣли составить цѣльнаго юридическаго состоянія; мы въ текстѣ старались показать противъ Сергѣевича, что ссудная запись есть приспособленіе къ новому несвободному состоянію крестьянства — старой крестьянской порядной; но съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы существовала особая отъ крестьянской «задворная ссудная запись», специально установленная «задворное холопство». Юридическое сближеніе свободныхъ и несвободныхъ состояній въ предѣлахъ XVII в. идетъ, по нашему представленію, во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ соглашается допустить проф. Сергѣевичъ, но, вѣроятно, оно не идетъ такъ далеко, какъ полагалъ проф. Ключевскій. Р. Мысль, 1886, X, Подушная подать и отѣна холопства въ Россіи. IV. Задворные люди. Ср. Госуд. Хозяйство Россіи, стр. 642—643.

2) Фактъ, указанный въ прим. 2, стр. 153, не можетъ свидѣтельствовать о сравнительности дворовыхъ холоповъ и задворныхъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, потому что о первыхъ здѣсь ничего не говорится.

«Закладничество», т. е. залогъ и отчужденіе недвижимаго имущества, представляется выходомъ изъ тягла въ томъ случаѣ, если тяглый участокъ переходитъ по закладной къ обломѣстцу. На борьбу тяглою общины и правительства противъ такихъ переходовъ и останавливается авторъ на стр. 154—157. Затѣмъ разсматривается переходъ тяглыхъ людей въ священство (158), въ служилое сословіе (158—60), какъ средство избѣгнуть тягла; въ заключеніе авторъ подробно изображаетъ процедуру правительственнаго «сыска», имѣвшаго цѣлью вернуть тяглою общинѣ покинувшихъ ее членовъ (161—4).

Четвертая часть втораго отдѣла изучаетъ «борьбу тяглыхъ интересовъ городского и сельскаго населенія». Можно безусловно согласиться съ авторомъ, что первое условіе этой борьбы заключается въ «обособленіи хозяйственныхъ выгодъ и сословныхъ правъ городского и сельскаго населенія» (165), другими словами, въ различіи хозяйственнаго и правоваго положенія жителей города и деревни. Но едва ли правъ авторъ, полагая, что это обособленіе совершилось въ предѣлахъ XVII столѣтія. «Въ первой половинѣ XVII в. городъ еще мало выдѣлялся изъ уѣзда въ какомъ бы то ни было отношеніи», говоритъ онъ; «конечно, промышленность и торговля были *болѣе значительно* развиты на посадѣ и *почти совершенно отсутствовали въ уѣздѣ*, . . . но все же можно сказать, что посадскій челобѣтъ, часто находившійся въ сношеніяхъ съ уѣздомъ, далеко не оторванный отъ почвы, въ первой половинѣ XVII в. еще во многомъ напоминалъ своимъ хозяйствомъ простаго крестьянина, землепашца» (165—6). Мы видимъ, какъ сомнительность вывода чувствуется, очевидно, самимъ авторомъ и отражается на самой редакціи фразы. Дѣйствительно, авторъ самъ хорошо знаетъ, что «уже въ первой половинѣ XVII в. встрѣчаются указанія . . . на довольно рѣзкое различіе между посадомъ и уѣздомъ»; важность этихъ указаній отнюдь не уменьшается вслѣдствіе того, что авторъ въ интересахъ своего общаго взгляда объявляетъ ихъ «едва ли вполнѣ достоверными» (169).

Какъ бы то ни было, много или мало отличается городъ отъ села въ началѣ XVII в.; а priori естественно предположить, что къ концу вѣка разница эта стала еще значительнѣе. Дѣйствительно, авторъ говоритъ дагѣе объ извѣстныхъ законодательныхъ мѣрахъ, «впервые проведенныхъ ясную и рѣзкую черту между городомъ и уѣздомъ въ *юридическомъ* отношеніи» къ серединѣ столѣтія. При этомъ онъ сообщаетъ любопытный фактъ, что, благодаря мѣ-

рамъ, принятымъ Уложеніемъ къ возвращенію старыхъ тяглицовъ, въ первые три года возвращено было въ посадское тягло до 10.095 дворовъ и 21.036 человекъ торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей (очевидно, главнымъ образомъ, изъ сосѣднихъ съ посадомъ владѣльческихъ слободъ); вѣроятно, и значительное количество крестьянъ должны были оставить торговлю. Городъ отъ этого не становился, конечно, менѣе сельскимъ или болѣе торговымъ; мѣнялся не характеръ занятій его жителей, а ихъ составъ.

Другой признакъ возрастанія «особенностей городского и сельского хозяйства» съ теченіемъ столѣтія авторъ видитъ въ переводѣ уплаты стрѣльцкаго хлѣба съ посадовъ на деньги въ концѣ XVII в. Какъ увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, доводъ этотъ вытекаетъ изъ неяснаго представленія автора объ исторіи стрѣлецкой подати.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ главному предмету этого отдѣла: къ борьбѣ городскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ союзовъ. Наиболее распространенный видъ такой борьбы — борьба изъ-за отдѣльных тяглицовъ, переходившихъ изъ одной общины въ другую, принимаемыхъ одной и требуемыхъ обратно другой, — по частямъ уже разсматривался въ другихъ отдѣлахъ; здѣсь авторъ останавливается на другомъ видѣ борьбы, именно на столкновеніяхъ городской и уѣздной тяглой общины изъ-за общей раскладки и взиманія податей. Городская и уѣздная община соединялась для общаго обложенія только въ черныхъ волостяхъ сѣвера; такимъ образомъ, и борьба этого рода есть явленіе мѣстное; тѣмъ не менѣе она очень любопытна и до сихъ поръ, сколько помнится, не была отмѣчена въ нашей литературѣ. Весьма интересенъ также и результатъ этой борьбы, указываемый авторомъ: появленіе всеуѣздной податной организаціи, независимой отъ посадской избы (173—6).

2. Податная система.

Особаго отдѣла, посвященнаго податной системѣ XVII в., въ изслѣдованіи А. С. Лаппо-Данилевскаго мы не находимъ. До нѣкоторой степени его замѣняютъ отдѣлы II и III Введенія (18—43), гдѣ трактуется о «попыткахъ упрощенія системы прямыхъ налоговъ до конца XVII в.» и о «терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ въ XVII в.» Говоря объ отдѣльныхъ налогахъ только попутно, по поводу специальныхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ этихъ отдѣлахъ, авторъ не имѣетъ возможности остановиться на исторіи и характеристикѣ даже самыхъ важныхъ податей XVII в.;

отсюда является нѣкоторая неясность и во впечатлѣніи читателя и въ представленіяхъ самого автора въ теченіе всего остальнаго изложенія.

Прежде всего, авторъ не ставитъ прямо и не даетъ опредѣленнаго отвѣта на необходимый вопросъ: что стало съ податями XVI в.? На отдѣльныя новыя явленія въ сферѣ податной системы онъ указываетъ въ разныхъ мѣстахъ и этимъ самымъ какъ бы заставляетъ предполагать, что то, о чемъ онъ не говоритъ, осталось по-старому. Старыя названія податей, дѣйствительно, существуютъ по-прежнему, и оклады ихъ остаются старые, и, однакоже, всѣ эти подати вмѣстѣ составляютъ въ XVII в. самую ничтожную часть государственныхъ поступленій, сливаются въ одну группу «данныхъ денегъ» и представляютъ какой-то анахронизмъ въ финансовой системѣ XVII в., а въ мѣстностяхъ, впервые заселенныхъ въ XVII в., и вовсе отсутствуютъ ¹⁾. Была, очевидно, помимо частныхъ перемѣнъ какая-то общая причина, которая сразу уничтожила финансовое значеніе старой податной системы и обрекла ее на медленное умираніе, нисколько не затронувъ при этомъ ни существованія, ни даже размѣровъ отдѣльныхъ, входившихъ въ ея составъ податей.

Такой общей причиной было, какъ можно догадываться, сильное паденіе покупной стоимости денегъ, въ связи съ одновременнымъ увеличеніемъ необходимыхъ расходовъ на военныя нужды въ смутное время и въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. В. О. Ключевскій, изучая исторію русскаго рубля, констатировалъ страшное повышение цѣнъ на хлѣбъ за это время и одновременное уменьшеніе рыночной стоимости рубля до $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ прежняго размѣра ²⁾. Такимъ образомъ, доходы казны упали какъ разъ въ то время, когда требовалось особенное ихъ увеличеніе. Въ результатѣ должны были появиться или новыя оклады старыхъ налоговъ или новыя налоги. Правительство, привыкшее искать на спеціальныя нужды и спеціальныхъ средствъ удовлетворенія, прибѣгнуло къ послѣднимъ.

Особенно отчетливо можно наблюдать процессъ перехода отъ старыхъ къ новымъ налогамъ въ исторіи ямской подати. Старая ямская подать продолжаетъ взиматься и въ XVII в. по-прежнему окладу—10 р. съ сохи, или, считая въ сохѣ 800 четвертей, по $2\frac{1}{2}$

¹⁾ Гос. Хоз. 23, 6—7.

²⁾ Русскій рубль, 48—51, 72.

деньги съ чети; по отпискамъ Гарелинскаго собранія можно прослѣдить, какъ въ этомъ размѣрѣ ямскія деньги уплачиваются «по старымъ книгамъ» вплоть до переписи 1678 г., по окончаніи которой онѣ были уничтожены¹⁾. Но рядомъ съ ними и независимо отъ нихъ появляется новый ямской окладъ «московскимъ и другихъ городовъ охотникамъ на жалованье» въ огромномъ сравнительно съ прежнимъ размѣрѣ. Представляемъ таблицу колебаній этого новаго ямскаго оклада въ теченіе XVII в.²⁾

1616 съ сохи 280.
1617 " " 350.
1618 " " 800, съ чети 1 руб. — коп.
1619 " " 800, " " 1 " — "
1620 " " 800, " " 1 " — "
1621 " " 584, " " — " 7 $\frac{1}{2}$ "
1622 " " 468, " " — " 58 $\frac{1}{2}$ "
1625 " " 468, " " — " 58 $\frac{1}{2}$ "
1628 " " 468, " " — " 58 $\frac{1}{2}$ "
1629 " " 468, " " — " 58 $\frac{1}{2}$ "
1630 " " 400, " " — " 50 "
1631 " " 400, " " — " 50 "
1632 " " 400, " " — " 50 "
1633 " " 400, " " — " 50 "
1636 " " (534) " " — " 66 $\frac{3}{4}$ "
1637 " " (534) " " — " 66 $\frac{3}{4}$ "
1640 " " (534) " " — " 66 $\frac{3}{4}$ "
1644 " " (784) " " — " 98 "

¹⁾ Рум. муз. Гарелинск. отписки, грамота 1607 г., марта 27: Костромскіе губные старосты взяли съ вотчины Головцына съ 8 четей ямскихъ денегъ въ десять рублей съ сохи 3 алт. 2 деньги. Тамъ же въ отпискахъ Ростовск. уѣзда помѣстья Костюриныхъ ямскія деньги взимаются постоянно въ этомъ размѣрѣ (2 $\frac{1}{2}$ деньги съ чети); въ послѣдній разъ въ отпискѣ 1677 г. «по старымъ книгамъ» (т. е. 1620-хъ годовъ).

²⁾ Таблица составлена по отпискамъ Гарелинскаго собранія, которыя, къ сожалѣнію, нельзя цитировать порознь, такъ какъ онѣ не заномерованы. Въ 1636 г. отписка отмѣчаетъ, что окладъ назначенъ «по новымъ писцовымъ книгамъ». Съ 1680 г. берется по 10 денегъ съ двора «по новымъ переписнымъ книгамъ»: это соединенные оклады ямскихъ съ полаяничными. Большая часть Гарелинскихъ отписокъ относится къ посаду Шуѣ и къ помѣстью Марьи Костюриной и ея сыновей Михаила и Тихомира. Для 1618 — 1622 г. ср. также А. А. Э. III, №№ 116, 121. См. также Гос. хоз., стр. 8, прим. 1. Цифры въ скобкахъ прибавлены по расчету.

1646 съ сохи (784) съ чети — руб. 98 коп.

1647 до 1680 г. въ этомъ размѣрѣ.

Послѣ появленія новой подати «охотникамъ на жалованье», старая ямская подать получаетъ названіе *мамыл* ямскихъ — въ отличіе отъ большихъ. Таково происхожденіе этихъ названій, которыя авторъ ведетъ, какъ мы видѣли, отъ княжескаго и татарскаго яма предыдущихъ столѣтій.

Совершенно параллельныя явленія съ исторіей ямской подати представляетъ другая важнѣйшая подать XVII в., стрѣлцкая. Эта подать обратила на себя нѣсколько болѣе вниманіе автора, чѣмъ ямская; но и ея исторія осталась отчасти невыясненной, отчасти невѣрно представленной въ изложеніи автора. Прежде всего, какъ замѣтилъ уже М. А. Дьяконовъ, остается неразъясненнымъ ея происхожденіе. Изъ слишкомъ общаго выраженія автора по этому поводу (на стр. 10) видно, что происхожденіе ея онъ во всякомъ случаѣ возводитъ къ XVI вѣку. Но мы не нашли тамъ стрѣлцкой подати, а нашли только ея предшественницу «пищальныя деньги». Подобно малымъ ямскимъ, и пищальныя продолжаютъ взиматься въ XVII в., часто съ ними вмѣстѣ, до уничтоженія тѣхъ и другихъ въ 1679 году. Но помимо нихъ вновь появляется въ одно время со сборомъ «на жалованье ямскимъ охотникамъ московскимъ и другихъ городовъ» другой сборъ «на жалованье казакамъ и стрѣльцамъ московскимъ и другихъ городовъ». Первые извѣстія о немъ мы находимъ въ 1615—1616 гг.; окладъ его, подобно большимъ ямскимъ, постоянно колеблется; таблицу этимъ колебаніямъ по документамъ Устюж. и Новгор. четей мы представили въ своей работѣ (стр. 55—7). Важнѣйшая особенность стрѣлцкой подати сравнительно съ ямской заключается въ томъ, что, въ видѣ постоянного денежнаго налога, она взимается исключительно съ нѣкоторыхъ посадовъ и уѣздовъ сѣверной Россіи, а также съ нѣкоторыхъ мѣстностей Казанскаго дворца¹⁾; въ другихъ мѣстностяхъ

¹⁾ Въ рк. Публ. Библ. Q, XVII, 87 мы нашли интересныя свѣдѣнія о сферѣ распространенія стрѣлцкой подати. Здѣсь читаемъ (л. 64):

«а въ Стрѣлцкомъ приказѣ вѣдомы стрѣлцкимъ сборомъ 92 города (sic: 4а)

Дворцовыхъ селъ — 31 городъ

Приказу Казанскаго Дворца и съ государевыми дворцовыми селы — 8 городовъ.

Новгородскіе чети вѣдомы 11 городовъ.

Устюжской чети вѣдомы — 5 городовъ:

она не приобрѣла значенія постоянной денежной подати, взымалась хлѣбомъ и только въ нѣкоторые годы, по особымъ указамъ правительства (или челобитьямъ плательщиковъ), замѣнялась денежными взносами по казенной таксѣ. Изъ приложенной таблицы ¹⁾ легко

А сошнаго письма, которые города вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ:

Приказу Казанскаго Дворца и Новгородскіе чети и Устюжскія въ городѣхъ и дворцовыхъ селѣхъ и на Волгѣ 45.000 сохъ и 414 чети.

Далѣе помѣщенъ расчетъ государева жалованья сотнику, пятидесятнику, десятнику, стрѣльцу; переводъ юфти хлѣба «по цѣнѣ прошлыхъ лѣтъ» по 63 $\frac{1}{2}$ коп. (выше л. 61: «присылаютъ изъ Дворца за четверть ржи за четь оса по 1 р. 30 $\frac{1}{2}$ к. за юфть»), затѣмъ (л. 74—80) расчетъ величины стрѣлцовой подати: съ помѣстной вотчинной (800 ч.) и монастырской (600) сохи по 900 рублей, а съ четверти — помѣстной и вотчинной 1 р. 12 $\frac{1}{2}$ коп. ($\frac{1}{100}$), а монастырской 1 р. 50 к. ($\frac{1}{600}$); съ дворцовой сохи (800 четей) — 228 руб., съ четверти — 28 $\frac{1}{2}$ коп.

Время рукописи опредѣляется, кромѣ характера вѣдомства Стрѣлцкаго приказа (см. выше, стр. 000) также выпиской изъ указа писцамъ московскаго уѣзда 1680 г. (188 г.) на л. 80 об. и подписью владѣльца (л. 30—42): сіе землемѣріе стольника князя Матвѣя Михайловича Гагарина; писалъ своею рукою (т. е. подпись)». Кн. М. М. Гагаринъ былъ стольникомъ въ 1686—1692 годахъ. Любопытно, что помѣстный окладъ 112 $\frac{1}{2}$ коп. существовалъ до 1661 года (см. слѣд. прим.); и дворцовый окладъ 228 р. съ сохи есть старый окладъ до 1660 г. (Гос. Хоз. 57). И цѣна юфти приведена для конца XVII в. черезчуръ архаическая. Очевидно, *содержаніе* рукописи относится къ болѣе раннему времени.

¹⁾ Составлена на основаніи Гарелинскихъ отписокъ въ уплатѣ хлѣбной и денежной подати съ помѣстья Костюриныхъ и съ посада Шум. Въ графѣ хлѣбныхъ взносовъ приведено количество хлѣба въ четвертяхъ и ея доляхъ (осмина = $\frac{1}{8}$; четверть = $\frac{1}{4}$); въ графѣ денежныхъ взносовъ — размѣръ взноса съ *живущей четверти* (въ копѣйкахъ).

	Помѣстье.		Посадъ.	
	Хлѣбный	денежный	Хлѣбный	денежный
		взносъ.		взносъ.
1628	—	10	—	—
1629	—	10	—	10
1630	—	10	—	—
1631	—	10	—	—
1632—3	—	10	—	—
1635	$\frac{1}{8}$	—	—	—
1636	—	—	$\frac{1}{8}$	—
1637	$\frac{1}{4}$	—	—	—
1638	—	—	—	70
1639	$\frac{1}{4}$	—	—	—
1640	$\frac{1}{4}$	—	—	—
1642	—	—	—	84
1646	—	—	—	84

видѣть, однако, что годы взиманія стрѣлцкой подати хлѣбомъ или деньгами чередовались цѣлыми рядами: въ нашихъ двухъ примѣрахъ подать взималась деньгами въ 1628—33 годахъ; хлѣбомъ въ

	<i>Помѣстье.</i>		<i>Посадъ.</i>	
	Хлѣбный	денежный взносъ.	Хлѣбный	денежный взносъ.
1647	—	82	—	84
1648	—	82	—	—
1650	—	—	—	84
1652	—	82	—	—
1655	—	112 ¹ / ₂	—	—
1658	—	112 ¹ / ₂	—	—
1659	—	—	—	112 ¹ / ₂
1660	—	112 ¹ / ₂	—	112 ¹ / ₂
1662	—	—	⁷ / ₈	—
1663	1 ³ / ₄	—	1 ³ / ₄	—
1664—5	—	—	1 ³ / ₄	—
1666—7	1 ³ / ₄	—	1 ³ / ₄	—
1668, 1670	—	—	1 ³ / ₄	—
1671	—	—	—	84
1673	4 ¹ / ₂	—	—	—
1675	—	—	—	350
1676—77	4 ¹ / ₂	—	—	350
1678—79	—	—	—	350
1680—81	—	—	— съ двора	150
1682—88 съ двора	¹ / ₈	—	»	180

При 1673 г. Отписка сама упоминаетъ о томъ, что кромѣ хлѣба «старого» собирается еще «прибавочный», очевидно, по указу 1672 г. Самый этотъ указъ (А. А. Э. IV, 189) показываетъ слѣдующіе старые и новые хлѣбные оклады: 1) для дворцовыхъ селъ: стар. $\frac{3}{16}$, прибавочн. $\frac{127}{32}$, итого $2\frac{9}{32}$ (sic вм. $2\frac{1}{32}$). 2) для патриаршихъ, архіерейск. и монастырскихъ — стар. $2\frac{1}{8}$, прибав. $\frac{127}{32}$, итого $4\frac{17}{32}$; 3) для помѣстныхъ и вотчинныхъ, что вѣдомы въ Стрѣл. пр. и приказѣ Казанск. дворца—стар. $\frac{1}{4}$, приб. $\frac{127}{32}$ итого $3\frac{9}{32}$ чети ржи, овса тожь. Если перевести окладъ 3 р. 50 к. (1675—79) на количество дворовъ, которое оказалось въ Шуѣ по переписнымъ книгамъ 1678 г. (208 двора; раньше Шуя платила съ 25 живущихъ четвертей), что придется на дворъ $43\frac{1}{10}$ коп.; итакъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, введеніе подворной подати сводилось къ очень значительному повышенію стрѣлцкой (съ $43\frac{1}{10}$ коп. до 1 р. 50 к.). Окладъ 1 р. 30 к. есть «новый гостинъ окладъ», установленный въ 1681 году. Въ послѣднемъ окладѣ (измѣняющемся по городамъ) стрѣлцкая подать перешла отъ четей къ ратушѣ. Хлѣбный окладъ 1682—88 равнялся $\frac{1}{8}$, кажется, только въ замосковныхъ городахъ, въ заюцкихъ онъ былъ выше = $\frac{3}{16}$, а въ заводскихъ—ниже = $\frac{1}{16}$; въ 1688 г. вездѣ уравнилъ до $\frac{3}{16}$ (А. А. Э. IV, № 299). Въ то же время уравнины до высшаго размѣра хлѣбные оклады дворцовыхъ и монастырскихъ земель, колебавшіеся съ 1680 г. по тѣмъ же

1635—7; въ 1640-хъ и 50-хъ годахъ опять деньгами, въ 1660-хъ опять хлѣбомъ, и только съ 1670-хъ годовъ посадъ регулярно платитъ деньгами, а помѣстье—хлѣбомъ. Хлѣбный окладъ постепенно повышался и дошелъ съ четверика (ржи, овса тожъ) до $4\frac{1}{2}$ четвертей; сообразно этому повышалась и денежная стоимость оклада. Переводъ на деньги совершался, разумѣется, по довольно высокимъ цѣнамъ, — въ 1628 — 33 гг. по 10 коп. за четверикъ ржи и четверикъ овса, т. е. 80 коп. за «юфть» (четверть ржи и четверть овса). Въ первые годы расчетъ стрѣлцаго платежа за хлѣбъ съ *живущей чети* сдѣланъ былъ, вѣроятно, по соотвѣтствію съ денежнымъ окладомъ сѣверной стрѣлцкой подати, падавшимъ на *соху*: если принимать 800 четвертей въ сохѣ, то окладъ въ 10 коп. съ чети даетъ 80 руб. на соху; окладъ въ четверикъ ржи, овса тожъ, — будетъ соотвѣтствовать 100 юфтямъ въ сохѣ, т. е. тому именно количеству, которое собиралось и съ сѣверной сохи въ первые годы учрежденія стрѣлцкой подати, но переводилось тамъ на деньги по нѣсколько болѣе высокой цѣнѣ — 90 коп. и 1 р. за юфть, такъ что и денежный окладъ равнялся не 80, а 90 и 100 р. (Гос. хоз. 56). Но начавшись съ этого очевиднаго тожества, исторія окладовъ сѣверной «стрѣлцкой» подати и денежнаго сбора «за стрѣлцкій хлѣбъ» надолго разошлась, какъ можно убѣдиться изъ сравненія приведенной здѣсь таблицы съ таблицей въ Гос. хоз., стр. 57; если только можно, впрочемъ, сравнивать двѣ столь различныя окладныя единицы, какъ соха и живущая четверть, давно уже переставшая быть дѣйствительной четью пашни.

А. С. Лаппо-Данилевскій не видитъ указаннаго различія между стрѣлцкими деньгами и деньгами за стрѣлцкій хлѣбъ. Сопоставляя поэтому въ таблицѣ окладовъ стрѣлцкой подати (стр. 534) данныя, относящіяся къ обоимъ видамъ налога, онъ лишается возможности уловить какое бы то ни было однообразіе въ движеніи этихъ окладовъ. Между тѣмъ изъ шести цитатъ, касающихся въ этой таблицѣ мѣстностей, находящихся внѣ территоріи сѣверной стрѣлцкой подати, — въ четырехъ сами цитируемые документы указываютъ, что денежный сборъ составляетъ замѣну хлѣбнаго (Арзамасъ, Кашира, Суздаль и «понизовые города», подъ которыми,

областямъ: *дворцовыхъ* въ зооцкихъ $\frac{5}{16}$ до и послѣ 1688 г., въ замосковнхъ и низовыхъ въ 1680—88 — $\frac{1}{4}$, въ заволжскихъ $\frac{3}{16}$; *монастырск.*, *патріари.* и *архіерейск.*: въ зооцкихъ $\frac{7}{16}$ до и послѣ 1688 г., въ замосковнхъ и низовыхъ въ 1680—88 — $\frac{3}{8}$, въ заволжскихъ — $\frac{5}{16}$ (всѣ размѣры выведены по А. А. Э. IV, № 299).

по справкѣ съ источниками, слѣдуетъ разумѣть тотъ же Арзамасъ). Впрочемъ, и при этомъ смѣшеніи разнохарактерныхъ данныхъ, повышение стрѣleckаго оклада представилось бы болѣе равномернымъ, если бы авторъ поставилъ противъ «Суздаля» 1634 г. не ошибочную цифру 480, а просто 80, какъ вытекаетъ изъ документа, и если бы онъ не перевелъ въ послѣднихъ трехъ случаяхъ (1644, 1652 и 1672 годы) платежъ съ живущей чети на соху, отождествивъ живущую четъ въ этомъ случаѣ съ четью пашни: при этомъ получились небывалые оклады стрѣleckихъ денегъ въ 672 и 1600 руб. на соху ¹⁾).

Не менѣе важно другое послѣдствіе смѣшенія указанныхъ двухъ видовъ стрѣleckой подати. Это смѣшеніе помѣшало автору выяснить надлежащимъ образомъ реформу стрѣleckой подати въ концѣ XVII столѣтія. Смыслъ реформы, по его изложенію, заключался въ замѣнѣ стрѣleckаго хлѣба, взимаемаго съ посадскихъ людей, денежными платежами; для объясненія реформы онъ напоминаетъ, что «совторой половины XVII в. городское населеніе стало замѣтно отдѣляться отъ сельскаго» и поэтому особенно затруднялось платить хлѣбомъ. Не раздѣляя мнѣній автора о быстрой эволюціи городскаго сословія въ промежутокъ времени отъ первой до второй половины XVII в., мы не можемъ предполагать и того, чтобы это неудобство хлѣбнаго платежа почувствовалось городскими жителями только къ концу вѣка и чтобъ именно оно вызвало реформу 1672 г. Не зная о томъ, что въ цѣлой области Россіи, притомъ съ собственной точки зрѣнія автора — наиболѣе сельской, стрѣleckая подать была денежной съ самаго начала столѣтія, какъ для посадовъ, такъ и для уѣздовъ, авторъ не подозреваетъ, что переводъ на деньги, въ которомъ онъ видитъ сущность реформы, былъ въ ней наименѣе новой чертой. Чтобы выяснить смыслъ реформы 1672 г., надо начать не съ нея самой, а съ болѣе ранняго момента въ исторіи стрѣleckой подати: съ того момента, когда послѣ ряда предыдущихъ повышеній, доведшихъ окладъ подати съ 95 р. до 228 р., и этотъ послѣдній окладъ былъ обезцѣненъ вслѣдствіе паденія курса мѣдныхъ денегъ. Правительство воспѣшило тогда перевести сѣверную стрѣleckую подать на *хлѣбную*, а когда населеніе отказалось платить ее ²⁾, перевело ее *вновь* на деньги по новому

¹⁾ Мы не можемъ также догадаться, какъ выведена цифра 70, 72 по Арзамасу 1630 г.

²⁾ На стр. 407 авторъ приводитъ одинъ случай этого отказа, но какъ частный эпизодъ, не подозревая смысла отказа. См. Госуд. хоз., стр. 81.

курсу (одновременно съ отъѣвной мѣдныхъ денегъ въ 1663 г.), причѣмъ получился новый денежный окладъ 822 р. 31 коп. Это повышеніе оклада вызвало такіе огромные недоборы, что волей-неволей пришлось, послѣ десятилѣтняго опыта, сдѣлать плательщикамъ нѣкоторое облегченіе. Но въ то же время предстояло не только не уменьшать, а еще увеличить поступления стрѣлцкой подати, чтобы покрыть расходъ на новое увеличеніе стрѣлцкаго войска. Указъ 1672 г. достигалъ обѣихъ цѣлей тремя путями: во 1-хъ, онъ понижалъ нѣсколько денежный окладъ сѣверной стрѣлцкой подати, во 2-хъ, онъ повышалъ хлѣбный окладъ ея въ уѣздахъ остальной Россіи и въ 3-хъ, въ городахъ остальной Россіи онъ замѣнялъ окончательно стрѣлцкій хлѣбъ денежнымъ налогомъ по одинаковой цѣнѣ съ сѣверомъ по 2 р. за юфть ¹⁾). Только послѣдняя черта реформы 1672 г. замѣчена авторомъ, и изъ нея сдѣланы два невѣрныхъ вывода: 1) что стрѣлцкая подать вообще только въ это время стала регулярнымъ денежнымъ налогомъ; 2) что переводъ ея на деньги вызванъ развитіемъ русскаго города XVII в., ослабленіемъ его сельскаго характера ²⁾). Считаю, такимъ образомъ, новымъ въ этомъ указѣ какъ разъ то, что давно не было новостью, авторъ не замѣчаетъ, кромѣ указанныхъ выше, еще одного дѣйствительнаго нововведенія, весьма важнаго для исторіи финансовой администраціи: съ этого момента сборъ реформированной подати перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе стрѣлцкаго приказа и такимъ образомъ нанесенъ былъ первый тяжелый ударъ старой организаціи четей (авторъ полагаетъ, что уже въ 1660-хъ годахъ стрѣлцкія деньги со всего государства поступали въ Стрѣлцкій приказъ, стр. 479).

¹⁾ На сѣверѣ съ 1663 г. уплачивалась цѣна 350 юфтей съ сохи (т. е. $\frac{7}{16}$ четверти съ чети); въ другихъ же мѣстностяхъ, судя по отпискамъ Гарелина, — хлѣбомъ по $\frac{3}{4}$ четверти съ *живущей* чети (т. е. приравнивая живущую четь чети пашни, — съ сохи по 1400 юфтей); при переводѣ на деньги по двухрублевой цѣнѣ и получился на сѣверѣ окладъ 700 р. съ сохи, на югѣ — 2800 съ (предполагаемой) сохи и по 3 р. 50 к. съ живущей чети, — т. е. вчетверо болѣе. Этотъ расчетъ наглядно показываетъ, что и въ платежномъ отношеніи къ концу вѣка живущая четь уже не равнялась чети пашни, какъ мы видѣли въ началѣ вѣка.

²⁾ Указъ 1672 г. (А. А. Э. № 189) дѣйствительно говоритъ о неудобствахъ для городовъ хлѣбнаго платежа («для того, что они люди торговые и непашенные»); но онъ говоритъ также, что «никогда воеводы въ городѣхъ хлѣба съ посадскихъ людей не собираютъ, а собираютъ деньгами», т. е. прямо отодвигаетъ въ прошлое фактъ этого несоотвѣтствія и не можетъ свидѣтельствовать о его усиленіи къ концу вѣка.

Значеніе слѣдующей реформы 1679—81 гг. очень хорошо выяснено авторомъ, какъ попытка объединенія разнообразныхъ податей въ одинъ поразрядный городской налогъ. Мы считали бы только нужнымъ указать на связь реформы съ переписью 1678 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуть ея первоначально временный характеръ, до составленія новыхъ писцовыхъ, какъ извѣстно, неудавшихся. Затѣмъ мы указывали (Гос. хоз. 85—6) на то, что пересмотръ въ 1681 г. оклада стрѣлцкой подати, только что установленной въ 1679 г., не былъ вызванъ челобитными, а, напротивъ, челобитныя были вызваны правительствомъ, послѣ того какъ было уже рѣшено предварительно произвести этотъ пересмотръ; мѣры 1679 и 1681 г. неразрывно связаны одна съ другой, и, конечно, какъ замѣтилъ уже М. А. Дьяконовъ, рискованно отдѣлять ихъ фразой, что «попытка эта (1679) едва не окончилась такой же неудачей, какъ и предшествовавшая (т. е. соляной налогъ 1646 г.)». Наконецъ, невозможно согласиться съ авторомъ, что вслѣдствіе реформы 1679 г. «стрѣлцкій приказъ превратился на время въ главное финансовое учрежденіе всего государства»; онъ дѣйствительно расширилъ свои финансовыя полномочія, хотя, какъ мы только что говорили, не съ 1679, а уже съ 1672 г.; но и со всѣмъ тѣмъ его окладной доходъ (въ 150 тыс. руб. съ 1679 и въ 100 тыс. съ 1681 г.) составлялъ едва десятую часть всѣхъ окладныхъ поступленій государства, былъ ниже дохода многихъ другихъ финансовыхъ приказовъ и не удовлетворялъ даже собственнымъ его потребностямъ; а съ 1683 г. онъ потерялъ опять и сборъ стрѣлцкихъ денегъ, возвращенный въ чети и оставшійся тамъ до учрежденія петровской ратуши ¹⁾).

Изученіе другихъ податей интересуетъ автора лишь постольку, поскольку онъ находитъ въ нихъ «попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ» — посредствомъ ихъ объединенія. Въ отдѣлѣ, посвященъ это заглавіе, онъ разсматриваетъ, кромѣ стрѣлцкой подати, еще «оброкъ», какъ подать, замѣняющую тягло въ видахъ облегченія плательщиковъ, и попытку единого солянаго налога 1646 г. Указанное свойство «оброка» ему удается разъяснить многочисленными данными; весьма интересно также наблюденіе автора, что сфера примѣненія «оброка» особенно расширилась (временно), вслѣдствіе разоренія, произведеннаго смутнымъ временемъ. Разсматривать этотъ видъ оброка, какъ одну изъ «попытокъ упроще-

¹⁾ См. Гос. хоз., стр. 88—89, 125—126.

нія системы прямыхъ налоговъ», мы, однако, не рѣшились бы въ виду соображенія, высказаннаго самимъ авторомъ: «оброкъ вызванъ былъ не теоретическими соображеніями въ пользу единаго налога, а скорѣе временными потребностями» (26); онъ былъ, прибавимъ мы, невольнымъ компромиссомъ между административнымъ безсиліемъ правительства и бѣдностью плательщика; въ томъ и другомъ смыслѣ онъ являлся однимъ изъ признаковъ довольно примитивнаго финансоваго и соціальнаго строя.

Два другія явленія, введенныя въ этотъ отдѣлъ, несомнѣнно къ нему относятся, хотя другъ съ другомъ имѣютъ мало общаго. Попытка единаго солянаго налога, всеобщаго и равномернаго, долженствовавшего замѣнить всѣ остальные (1646 г.), была чистой теоретической фантазіей, всего болѣе характерной для ея авторовъ и для тогдашняго настроенія правительства; появленіе же единой городской подати (единой, конечно, весьма относительно) было отвѣтомъ на возрастающую потребность единаго военного налога, который поглотилъ рядъ исторически сложившихся, и, какъ мы видѣли, совершенно устарѣвшихъ налоговъ XVI столѣтія, и былъ дѣйствительно, крупнымъ шагомъ впередъ въ исторіи нашего финансоваго строя. Все же мы не жальи бы о соединеніи двухъ столь противоположныхъ опытовъ реформы въ одну рубрику, если бы эта рубрика не освободила автора отъ необходимости написать особую главу о прямыхъ налогахъ въ XVII ст.

Послѣ разобраннаго отдѣла, мы находимъ, правда, еще отдѣлъ, посвященный прямымъ налогамъ XVII в., именно, о «терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ въ XVII в.». Но здѣсь, еще болѣе чѣмъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, мы находимъ обработку матеріала XVII в. съ точки зрѣнія, взятой извнѣ. Авторъ доказываетъ, и конечно, очень убѣдительно, что XVII вѣкъ имѣлъ такъ же мало понятія о нашихъ современныхъ основаніяхъ податной терминологіи и классификаціи, какъ онъ имѣлъ мало понятія о нашемъ идеалѣ единаго налога. Дѣйствительно, «терминологія прямыхъ налоговъ въ XVII в. . . неудовлетворительна»; «въ основу классификаціи налоговъ въ XVII в. не положено было одного какого нибудь принципа» (30); подраздѣленіе окладныхъ сборовъ затруднялось отсутствіемъ теоретическаго пониманія различія между прямыми и косвенными налогами — пониманія, приведеннаго, правда, и современныхъ теоретиковъ не къ «пониманію» этого различія, а къ отрицанію самаго различія; «правительство въ то время не обращало вниманія на податной источникъ (т. е. на дѣйствительную

часть народнаго дохода, на которую падалъ тотъ или другой видъ налога); — хотя и въ наше время рѣшеніе этого вопроса — о рациональномъ налогѣ, не допускающемъ сложений и переложений, — далеко еще нельзя считать добытымъ даже соединенными усилиями людей науки и практики. Какъ бы то ни было, все это до такой степени вѣрно, что мы только желали бы, чтобы самъ авторъ не старался отыскать въ финансовой системѣ XVII в. того, чего, по его словамъ, въ ней совсѣмъ не было: не пробовагъ бы выражать подати XVII в. въ терминахъ современной финансовой системы и классифицировать ихъ на основаніи ихъ предполагаемаго источника. Между тѣмъ въ концѣ отдѣла мы встрѣчаемъ, какъ окончательный выводъ, рядъ слѣдующихъ параллелей: «данныя деньги и спеціальныя налоги (т. е. стрѣлецкія, ямскія и полонянничныя) представляли не что иное, какъ поземельный или подомово-поземельный налогъ (подворную подать); оброчныя — поземельную ренту, выплачиваемую частными лицами казнѣ и смѣшиваемую съ поземельнымъ и промысловымъ налогомъ; а чрезвычайныя сборы приближались къ общей имущественной подати, смѣшанной съ подоходнымъ налогомъ; всѣ эти подати падали не на производство, а скорѣе на распредѣленіе народнаго богатства». Очевидно, предлагаемая здѣсь классификація соотвѣтствуетъ тройкому способу обложенія XVII в.: подъ первую категорію подведены налоги, взимаемые съ сохи, живущей четверти и двора, т. е. репартиціонныя; подъ вторую — вытекавшіе изъ личнаго контракта съ казной, и подъ третью — процентныя сборы съ имущества (пятая, десятая, пятнадцатая денга). Однако же если мы замѣтимъ, что оброкъ, опредѣляемый контрактомъ, вовсе не подходитъ подъ понятіе налога и есть скорѣе доходъ съ государственныхъ имуществъ, и что процентныя сборы даже въ первой половинѣ вѣка не всегда удавалось основывать на особой имущественной оцѣнкѣ плательщиковъ, а во второй половинѣ они взимались большею частію по разъ опредѣленному окладу, не измѣнявшемуся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, — то должны будемъ заключить, что *вся* наша податная система XVII в. основывалась на репартиціонномъ началѣ. Оброкъ по соглашенію — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно получалъ характеръ, близкій къ промысловому налогу; процентный сборъ иногда, — но значительно рѣже — дѣйствительно подходитъ къ имущественной подати; вотъ, кажется, все, что можно сказать о финансовыхъ явленіяхъ, выходявшихъ изъ рамокъ репартиціонной системы. Внутри этой системы мы замѣчаемъ, однако, нѣкоторое движеніе въ теченіи

ніе вѣка: уже въ началѣ вѣка рядомъ съ сохой становится живущая четверть, затѣмъ обѣ единицы смѣняются дворомъ и на него мало по малу переводятся всѣ старыя сошныя и четвертныя подати. Таково самое крупное явленіе въ сферѣ податной системы. Какой смыслъ имѣли эти перемены? Этотъ вопросъ долженъ найти разрѣшеніе въ слѣдующемъ отдѣлѣ: объ организаціи репартиціоннаго механизма. Прежде чѣмъ перейти къ этому отдѣлу, мы должны остановиться здѣсь же на главѣ IV-й, озаглавленной не совсѣмъ удачно — «особенности въ отправленіи нѣкоторыхъ податныхъ обязанностей» — и содержащей обзоръ личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ. Глава эта, богатая данными, не вызываетъ особыхъ замѣчаній, и мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ ея содержанія. Авторъ касается прежде всего повинностей служилыхъ ремесленниковъ (363—4), затѣмъ останавливается подробнѣе на ямской повинности (365 — 77): говоритъ здѣсь объ устройствѣ ямовъ, наймѣ ямскихъ охотниковъ, обязанностяхъ ямщиковъ и населенія по отношенію къ ямской службѣ. Далѣе онъ переходитъ къ описанію порядка отбыванія повинности городского и острожного дѣла (377—389) и кончаетъ обстоятельнымъ изображеніемъ ратной повинности: поставки даточныхъ, мѣръ противъ ихъ побѣговъ, сбора даточныхъ лошадей и военныхъ припасовъ. Общее заключеніе объ организаціи ратной повинности состоитъ изъ перечисленія ея «теоретическихъ недостатковъ»; такими авторъ считаетъ, напр., что «даточные люди собирались въ неопредѣленные промежутки времени, — въ военное время чуть не ежегодно, въ другихъ случаяхъ черезъ нѣсколько лѣтъ»; «податная единица то увеличивалась, то уменьшалась; наконецъ, и время сбора даточныхъ людей и продолжительность службы мѣнялись сообразно потребностямъ минуты» (398 — 99). Авторъ какъ бы обвиняетъ правительство XVII в., что оно брало у населенія не болѣе, чѣмъ было нужно. Формулируя такія черезчуръ общія положенія, авторъ не остановился на одномъ вопросѣ, изученіе котораго могло бы привести, какъ мы думаемъ, къ менѣе очевиднымъ, но за то болѣе интереснымъ выводамъ: именно, при всей этой неопредѣленности — не произошло-ли въ теченіе вѣка какихъ-либо постоянныхъ измѣненій въ способахъ призыва и организаціи даточныхъ? Думаемъ, что съ точки зрѣнія «теоретическихъ» требованій того «милитаризма», развитіе котораго въ XVII в. играетъ такую важную роль въ общихъ воззрѣніяхъ автора, отвѣтъ былъ бы менѣе пессимистиченъ. Къ числу «теоретическихъ недостатковъ» отбыванія ратной повин-

ности, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отнесено то обстоятельство, что «при сборахъ не принималось во вниманіе состояніе мѣстныхъ хозяйствъ, слѣдовательно, отнималось одинаковое количество рукъ у населенія, среди котораго трудъ не всюду имѣлъ одно и то же значеніе». Такъ какъ распредѣленіе ратной повинности между отдѣльными хозяйствами предоставлено было тѣмъ же таглымъ группамъ, которыя разверстывали между собой налоги, то нѣтъ сомнѣнія, что хозяйственные различія и разницы въ размѣрахъ семьи принимались во вниманіе; мы имѣемъ, впрочемъ, относительно этого и прямыя указанія ¹⁾).

Въ отдѣлѣ о «натуральныхъ сборахъ» авторъ собралъ свѣдѣнія о поставкѣ стрѣлцакаго хлѣба (402—8). О недоразумѣніяхъ, вызванныхъ смѣшеніемъ стрѣлцакаго хлѣба и денегъ за стрѣлцкій хлѣбъ съ стрѣлцкою податью, мы уже говорили выше; здѣсь недоразумѣнія эти продолжаютъ путать изложеніе (403, 405, 407). Переходя дагѣе къ «хлѣбнымъ запасамъ» (408—12), авторъ полагаетъ, что они «взимались лишь въ военное время»; вѣроятно, этимъ онъ хочетъ противопоставить ихъ стрѣлцкому хлѣбу. Замѣтимъ однако, что полное разграниченіе ихъ не удалось автору, и въ этотъ параграфъ проникли нѣкоторыя данныя, относящіяся не къ «хлѣбнымъ запасамъ», а къ стрѣлцкому хлѣбу ²⁾. Особенно важно отмѣтить это смѣшеніе по отношенію къ «польнымъ» городамъ разряднаго вѣдомства, т. е. по всей южной окраинѣ, за предѣлами старыхъ рязанскихъ, украинныхъ и заочкихъ городовъ: исторія хлѣбной подати въ этой мѣстности для насъ не совсѣмъ еще ясна, но, кажется можно утверждать, что хлѣбные запасы стали здѣсь во второй половинѣ XVII в. регулярной податью, параллельной съ стрѣлцкимъ хлѣбомъ ³⁾).

Послѣ небольшого параграфа о «сибирскихъ отпускахъ» (412—414), авторъ особенно долго останавливается на «ясакѣ» (416—41). Единственное замѣчаніе, которое мы здѣсь можемъ сдѣлать автору,

¹⁾ Госуд. хоз., стр. 53, прим. 1.

²⁾ А. А. Э. III, 72, 93.

³⁾ Иногда она, или независимый отъ нея стрѣлцкій хлѣбъ, и называется здѣсь этимъ именемъ, но чаще всего «четвериковымъ» хлѣбомъ: въ этомъ размѣрѣ (1/4, чети) поборъ называется «юлымъ» на 1664 г. (у автора ошибочно 1652, стр. 409, прим. 3) въ размѣрѣ «полу-осминнаго» (1/8) онъ взимался въ 1661 г.: П. С. З. № № 846 и 852; Н. Н. Оглоблинъ въ Обзор. ист. геогр. матер.—Опис. док. и бум. Арх. Ю. IV, 281; Воронеж. акты Второва I. 192. Воронеж. акты Вейнберга I, стр. 90, 96—7.

касается чрезмѣрной идеализаціи правительственныхъ отношеній къ ясачнымъ инородцамъ. «Въ отношеніяхъ своихъ къ инородческимъ племенамъ Сибири Московское правительство обнаруживало глубокій политическій смыслъ. Оно понимало, что при незначительномъ количествѣ военныхъ силъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, нечего было и думать о насильственномъ покореніи Сибири, о завоеваніи новыхъ земель. Оно разумно отстраняло обманчивые призраки военной славы и стремилось лаской, а не жесточью пріучить инородческія племена къ повиновенію; оно старалось прельстить ихъ сперва внѣшнимъ блескомъ, а затѣмъ и внутреннимъ содержаніемъ европейской цивилизаціи, но взамѣнъ этого требовало отъ нихъ выполненія извѣстныхъ податныхъ обязанностей, которыя приносили существенныя выгоды казнѣ царской» (424—5). Трудно повѣрить, чтобы эта идиллія во вкусъ Карамзина, построенная на нѣкоторыхъ мягкихъ выраженіяхъ воеводскихъ наказовъ, могла имѣть какое-либо отношеніе къ дѣйствительному процессу покоренія Сибири, въ которомъ чисто римская послѣдовательность сочеталась съ жестокостью конквистадоровъ эпохи открытій. Въ 1555 г. Едигеровы послы въ Москвѣ насчитывали въ сибирской землѣ до 30,700 людей. Въ началѣ XVII в. по цифрамъ, сообщеннымъ г. Буцинскимъ (Населеніе Сибири, гл. 2) на той же площади не оставалось и 4-хъ тысячъ. Таковы были ближайшіе результаты русскаго завоеванія для *покоряемаго* населенія. Но и отношеніямъ къ *покореннымъ* характеристика автора не совсѣмъ соответствуетъ. Авторъ и самъ, конечно, знаетъ и излагаетъ всевозможныя воеводскія злоупотребленія, въ которыхъ каждый новый воевода обязывался торжественно обвинить своего предшественника въ официальной и заранѣе ему предписанной вступительной рѣчи къ инородцамъ. На сколько достигало цѣли правительственное воздѣйствіе на воеводъ, необходимое, конечно, прежде всего и въ собственныхъ интересахъ правительства, покажетъ дальнѣйшее изученіе рукописныхъ матеріаловъ Сибирскаго приказа; то, что недавно извлекъ изъ нихъ Буцинскій, представляетъ дѣло, во всякомъ случаѣ, въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ можно заключить по изложенію автора.

3. *Механизмъ податнаго обложенія и раскладки.*

Этому предмету посвящена вся вторая глава изслѣдованія, одна изъ самыхъ обширныхъ и, несомнѣнно, наиболѣе оригинальныхъ въ трудѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Изученію окладныхъ и рас-

кладочныхъ единицъ XVII в. предпослано изслѣдованіе о правительственныхъ документахъ, устанавливавшихъ окладъ: о «народныхъ переписяхъ» (179—219). По скольку авторъ касается въ этомъ отдѣлѣ предыдущихъ вѣковъ, мы уже разсматривали его взгляды въ первой половинѣ рецензіи. Въ предѣлахъ XVII в. несомнѣнная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ первый точно различилъ типы писцоваго матеріала XVII в., писцовыя и переписныя книги, и указалъ главнѣйшіе моменты, когда тѣ и другія составлялись по всей Россіи: именно, 1620-е и 1680-е годы для писцовыхъ и 1646—48 и 1676—78 для переписныхъ книгъ. Недостатки же этого отдѣла сводятся къ тому, что авторъ не далъ достаточно детальной мотивировки составленія тѣхъ и другихъ въ указанные имъ годы и не поставилъ эти общія переписи въ связь съ специальными задачами и потребностями правительства въ каждый изъ названныхъ моментовъ. Нѣкоторыя указанія этого рода, впрочемъ, сдѣланы авторомъ, но большею частію указаны не финансовыя причины; въ случаѣ же приведенія финансовыхъ мотивовъ, какъ разъ съ наблюденіями автора приходится не соглашаться. Сюда относится соображеніе (стр. 183, прим. 1), что «писцовыя книги конца 20-хъ годовъ, можетъ-быть, отчасти вызваны были введеніемъ *подворной подати*». Мы увидимъ далѣе, что подъ «подворной податью» авторъ напрасно разумѣетъ здѣсь подать съ «живущей четверти»; но и введеніемъ живущей четверти писцовыя книги 1620-хъ годовъ не могли быть вызваны, такъ какъ эта окладная единица была введена въ своемъ новомъ смыслѣ уже во время производства переписи.

Другое замѣчаніе автора, что «перепись 40-хъ годовъ составлена въ виду правительственнаго оклада, падавшаго на живущую четверть» (186), скорѣе могло бы быть отнесено къ писцовымъ 20-хъ годовъ, а предыдущее, наоборотъ, — къ этимъ переписнымъ 40-хъ годовъ: такъ какъ послѣднія, дѣйствительно, имѣли въ виду подворную подать. Упомянувъ про эти два мнѣнія автора, мы уже отиѣтили этимъ самый существенный недостатокъ его характеристики писцовыхъ и переписныхъ книгъ: не смотря на самое обстоятельное описаніе различій между тѣми и другими (186—190), авторъ, какъ намъ кажется, не уловилъ основной фискальной причины ихъ разницы, — именно не замѣтилъ того обстоятельства, что писцовыя книги предназначались для раскладки податей *по сохамъ*, а переписныя — для раскладки ихъ *по дворамъ*. Онъ до такой степени увѣренъ, что переписныя книги служили также для сошной

раскладки, что, не находя въ нихъ перевода на сошное письмо, считаетъ нужнымъ дать этому, по его мнѣнію, пробѣлу — особое предположительное объясненіе: онъ думаетъ (201), что послѣ составления писцовыхъ 1620-хъ годовъ — при составленіи переписныхъ 1640-хъ годовъ съ писцовъ была, «вѣроятно», снята обязанность подводить эти итоги и возложена на центральную администрацію, о чемъ есть и прямое указаніе относительно *писцовыхъ* (а не переписныхъ) 1680-хъ годовъ. Это смѣшеніе задачъ переписныхъ книгъ съ писцовыми составляетъ одну изъ коренныхъ ошибокъ автора и во многихъ случаяхъ затруднило ему, какъ увидимъ, пониманіе явленій финансовой исторіи XVII в.

Кромѣ характеристики типовъ писцоваго матеріала, отдѣлъ о переписяхъ содержитъ еще очень подробное изображеніе всѣхъ стадій переписи, къ которому мы не можемъ ничего добавить (193—213). Замѣтимъ только, что отвлеченныя рубрики, въ которыхъ вращается это изображеніе, нѣсколько обезличиваютъ употребленный въ дѣло матеріалъ: основной мыслью изложенія остается и здѣсь сравненіе условій переписи XVII в. съ рациональными условіями статистики населенія; авторъ показываетъ, что переписи XVII в. не удовлетворяли современнымъ требованіями періодичности, повсемѣстности и единовременности (192, 205), не сопровождалась научнымъ анализомъ почвы и оцѣнкой хозяйства (206); «поэтому нѣтъ возможности считать писцовыя книги такимъ же точнымъ источникомъ свѣдѣній, коковы современныя статистическія данныя». Съ этимъ вполне можно согласиться, съ той, впрочемъ, оговоркой, что сужденіе о достовѣрности «современныхъ статистическихъ данныхъ» не можетъ быть столь же суммарнымъ, какъ сужденіе о писцовомъ матеріалѣ XVII в. Достовѣрность первыхъ зависитъ отъ безконечно разнообразныхъ цѣлей и средствъ ихъ собиранія; достовѣрность вторыхъ провѣрялась ежедневной фискальной практикой, въ которой были заинтересованы обѣ стороны: показанія ихъ были, въ буквальномъ смыслѣ, «живыми цифрами». Правильнѣе поэтому было бы сравнивать писцовый матеріалъ XVII в. не съ современной статистикой вообще, а съ оффиціальной регистрацией современныхъ финансовыхъ учреждений.

Считая писцовый матеріалъ не вполне достовѣрнымъ источникомъ уже по самому способу его составленія, авторъ останавливается затѣмъ на разсмотрѣніи тѣхъ причинъ недостовѣрности (207—13), которыя вытекаютъ изъ невѣжества или недобросовѣстности писцовъ. Несомнѣнно, что указываемыя авторомъ причины и во-

обще приемы регистраціи XVII в. давали возможность значительному количеству населенія уклоняться отъ внесенія въ податные списки. Но рядомъ съ этими причинами, понижавшими итоги переписей сравнительно съ дѣйствительностью—существовали еще другаго рода причины, поднимавшія, напротивъ, цифры переписей *выше* численности наличнаго населенія. Дѣло въ томъ, что правительство, строго наблюдавшее за тѣмъ, чтобы *приростъ* платежныхъ силъ области немедленно регистрировался воеводой, почти всегда игнорировало *убыль* этихъ силъ сравнительно съ состояніемъ ихъ, записаннымъ въ писцовой или переписной книгѣ. Въ результатѣ устанавливался совершенно условный счетъ платежныхъ единицъ, при которомъ наличное населеніе постоянно платило «навальное сошное письмо» или вносило подати «за пустые дворы». Авторъ, конечно, правъ, что въ самый моментъ составленія переписи полученное ею количество населенія «слѣдуетъ считать за минимумъ того, что должно было бы быть» (214). Но можно думать, что часто уже вскорѣ послѣ ея окончанія этотъ минимумъ превращался въ максимумъ и оставался такимъ до слѣдующей переписи ¹⁾.

Переходимъ къ слѣдующему отдѣлу, посвященному изученію *окладныхъ* единицъ, т. е. сохи, выти, живущей четверти и двора (219—262). Разъясняя различія въ величинѣ сохъ, авторъ останавливается на вопросѣ, чѣмъ опредѣлялось качество земель въ XVII в., и приходитъ къ заключенію, что дѣленіе земель на добрыя, среднія и худыя вызывалось не столько различіемъ въ составѣ и качествахъ почвы, сколько степенью доходности извѣстнаго участка и притомъ по сравненію лишь съ ближайшими мѣстностями, такъ что одна и та же по качеству земля въ одной мѣстности могла считаться доброй, а въ другой оказаться худой (222—5). Обращаясь затѣмъ въ величинѣ сохъ разныхъ сословій ²⁾, авторъ отмѣчаетъ, что пропорціи сохи доброй, средней и худой земли — иныя относительно каждаго сословія: въ помѣстныхъ земляхъ соха худой земли въ $1\frac{1}{2}$ раза больше доброй, въ черныхъ — въ $1\frac{2}{3}$, въ монастырскихъ въ $1\frac{1}{2}$ раза. Для объясненія такой разницы авторъ предлагаетъ весьма остроумную догадку, что правительство руководилось при этомъ дѣйствительной разницей въ колебаніяхъ доходности земель разныхъ

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что выраженіе «послѣ писцовъ» (200) значитъ, всего вѣроятнѣе, — послѣ предыдущей переписи.

²⁾ Черная соха — добр. 500, сред. 600, худой 700 четв., монастырская — 600—700—800; помѣстная и дворцовая—800—1000—1200.

сословіи: наибольшая доходность отличалась отъ наименьшей сильнѣе въ помѣстныхъ земляхъ, чѣмъ въ черныхъ, сильнѣе въ черныхъ, чѣмъ въ монастырскихъ; авторъ напоминаетъ при этомъ, что «помѣстья и вотчины лежали главнымъ образомъ въ средней и южной полосѣ, черныя земли — въ сѣверной, а монастыри частью въ средней, частью въ пустынныхъ мѣстахъ сѣверной» (227). Мы не рѣшаемся, однако, присоединиться къ этой догадкѣ; подобный расчетъ кажется намъ заразъ и слишкомъ тонкимъ, потому что принимаетъ въ соображеніе разницу въ колебаніяхъ доходности на $\frac{1}{10}$ и на $\frac{1}{15}$, — и слишкомъ грубымъ, такъ какъ основанъ на слишкомъ общемъ и даже нѣсколько проблематичномъ сопоставленіи разныхъ предѣловъ колебанія доходности земель въ разныхъ полосахъ Россіи — съ черезчуръ схематичнымъ распредѣленіемъ по разнымъ полосамъ земель разныхъ сословіи. Ни эта тонкость, ни эта грубость не были во вкусѣ Московскаго правительства, такъ какъ для первой оно было слишкомъ мало склонно къ теоретизированію, а для второй слишкомъ практично. Выше мы высказали предположеніе, что, понижая разницу сохъ монастырскихъ, съ 600—750—900 (какъ слѣдовало бы по пропорціи одобряванія помѣстной сохи) на 600—700—800, правительство просто хотѣло еще болѣе увеличить тяжесть монастырскаго обложенія, т. е. проводило дальше тотъ же принципъ, по которому уменьшило вообще размѣры монастырскаго сохи, Могло оказать тутъ влияніе и удобство употребленія круглыхъ чиселъ — 500—600—700—800.

Переходя отъ сохи къ «выти», авторъ принимаетъ взглядъ Бѣляева, справедливо отмѣтившаго частно-хозяйственное значеніе выти и болѣе непосредственное отношеніе ея къ плательщику, чѣмъ большой московской сохи. Но авторъ, по нашему мнѣнію, не справился съ вопросомъ объ отношеніи выти къ сохѣ, что, впрочемъ, объясняется, главнымъ образомъ, его незнакомствомъ съ порядками XVI в. До середины XVI в., какъ мы говорили выше, соха и выть были двумя параллельными единицами, отчасти и примѣнявшимися на разныхъ категоріяхъ земель: выть на дворцовыхъ, соха — на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ. При этомъ, собственно говоря, только послѣдняя (т. е. соха) была настоящей податной окладной единицей, выть же представляла чисто-хозяйственное дѣленіе, — жеребій, надѣлъ, выдѣленный хозяиномъ и обложенный хозяйскимъ *оброкомъ*; правда, что будучи таковой по своему происхожденію, она могла однако употребляться и для цѣлей собственно-правительственнаго обложенія. Дагѣ, выть уже въ пер-

вой половинѣ XVI в. оказалась довольно устойчивой единицей, представлявшей въ большинствѣ случаевъ ту же величину, какъ и въ XVII в.: 12—14—16 четвертей доброй, средней и худой земли. Слѣдовательно, размѣры выти уже въ то время вовсе не колеблются такъ, какъ предполагалъ Бѣляевъ и, вѣроятно, подъ его вліяніемъ А. С. Лаппо-Данилевскій ¹⁾. Соха, напротивъ, какъ мы нашли выше, колебалась до тѣхъ поръ, пока уложеніе 1551 года не сообщило ей точно опредѣленной величины. Послѣ такого опредѣленія, сохѣ и выти вовсе не надо было приравливаться другъ къ другу; ихъ отношеніе было опредѣлено простымъ арифметическимъ расчетомъ, записаннымъ, какъ мы видѣли, во вторую редакцію сошнаго руководства XVI в. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія автора о «противорѣчїи другъ другу» сошнаго и вытнаго счета, о «шаткости» «самыхъ основныхъ принциповъ податной системы XVII столѣтія», основанной на совмѣщеніи этихъ двухъ будто-бы несомвѣстимыхъ счетовъ, о томъ, какъ «и въ первой половинѣ XVII в. размѣры выти продолжали измѣняться подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, тогда какъ соха стала прїобрѣтать характеръ «постоянной величины»; наконецъ, «о превращеніи вытей въ однообразныя единицы» «уже въ началѣ правленія царя Михаила» — всѣ эти соображенія падаютъ сами собой (229—30). На сѣверѣ московская выть, точно, столкнулась, но не съ сохой, а съ новгородской *сошкой*; на послѣднюю, дѣйствительно, приходилось самое разнообразное количество вытей ²⁾: но только это вовсе не значитъ, что «превращеніе выти въ постоянную поземельную мѣру повлекло за собой образованіе неравномѣрныхъ сохъ, не соответствовавшихъ однообразной московской сохѣ»; сошка существовала раньше, чѣмъ стали измѣрять ее вытью; примѣненіе выти на сѣверѣ только должно было вытѣснить старинную сошку, чѣмъ, какъ извѣстно автору, дѣло и кончилось. Неясность представленія автора объ этомъ процессѣ обнаруживается въ слѣдую-

¹⁾ Необходимо, впрочемъ, прибавить что *фактически* небольшія колебанія выти должны были существовать въ силу причинъ какъ агрономическихъ, такъ и народохозяйственныхъ. Будучи хозяйственнымъ надѣломъ крестьянской семьи, а не официально фиксированной податной единицей, выть должна была сообразоваться какъ съ топографическими условіями земельного участка, такъ и съ наличными рабочими силами семьи. Выше (стр. 51) мы приводили примѣръ, въ которомъ монастырскія власти прямо разрѣшаютъ увеличить или уменьшить норму надѣла въ зависимости отъ количества рабочей силы.

²⁾ Лаппо-Данилевскій, стр. 231, примѣч. и Гос. Хоз., 19, прим. 4.

щей фразѣ: «размѣры сошки едва-ли были постоянными (навѣрное, не были), тѣмъ болѣе (?), что съ опредѣленіемъ величины выти сошка *стала* постоянно видовзмѣняться, что и послужило причиною ея отиѣны». Если размѣры сошки ранѣе не были постоянными, то какъ можно говорить, что она *стала* колебаться только послѣ опредѣленія величины выти?

А. С. Лаппо-Данилевскій переходитъ затѣмъ къ объясненію «одобриванія» (233—38). Объясненіе это выходитъ у него нѣсколько туманнымъ по той причинѣ, что онъ суживаетъ сферу объясненія, ограничиваясь примѣненіемъ одобриванія къ помѣстнымъ окладамъ; такимъ образомъ, общее значеніе и основной смыслъ одобриванья стусшевываются въ его изложеніи. Авторъ полагаетъ даже, что «одобриваніе и наддача вызваны были потребностями помѣстной системы и первоначально, какъ кажется, примѣнялись, главнымъ образомъ, къ помѣстьямъ» (236). Такимъ образомъ, онъ не замѣчаетъ, что самое различеніе размѣровъ сохъ разныхъ качествъ земли уже было однимъ изъ примѣненій одобриванія, и притомъ самымъ важнымъ въ финансовомъ отношеніи. Различеніе это онъ принимаетъ, какъ существующій фактъ; «цѣлесообразность» же операціи одобриванія ищетъ въ другомъ примѣненіи его — къ измѣренію служилыхъ окладовъ. Но и въ этой специальной области употребленія одобриванія онъ сводитъ объясненіе на одинъ еще болѣе специальный случай. Въ общемъ своемъ значеніи и здѣсь одобриваніе было, какъ вездѣ, счетной операціей, имѣвшей цѣлю установить справедливое соотвѣтствіе между землями разныхъ качествъ. Всякій служилый участокъ низшаго сорта земли долженъ быть выраженъ въ единицахъ высшаго сорта, и въ этомъ послѣднемъ выраженіи идетъ въ счетъ служилаго оклада, на который имѣетъ право служилый человекъ. Какъ извѣстно, очень рѣдко служилый человекъ владѣлъ въ дѣйствительности полнымъ размѣромъ своего оклада; но право его на полученіе полнаго оклада тѣмъ не менѣе существуетъ и при удобномъ случаѣ можетъ быть осуществлено, напр. если умретъ какой-нибудь родственникъ и освободится его участокъ, если откроются свободныя земли въ соудствѣ, что особенно часто бывало при межеваніи. Авторъ и беретъ для объясненія одобриванія послѣдній случай: реальную прирѣзку новаго количества земли къ старому. Но и этотъ случай онъ специализируетъ еще болѣе: онъ ставитъ условіемъ, чтобы послѣ наддачи фиктивный размѣръ участка оставался тотъ же, какимъ былъ въ дѣйствительности до наддачи, т. е., напр., чтобы къ

133 четв. *средней* земли прибавить такое количество, которое вмѣстѣ съ старымъ участкомъ равнялось бы 133 же четвертямъ *доброй* земли. Нужно признать, что такой специальный случай былъ довольно типичнымъ въ практикѣ Московскаго государства: дѣло въ томъ, что служилыя дачи въ окладъ отводились, повидимому, иногда безъ справки съ качествомъ земли отводимаго участка, т. е. безъ различенія качества земли отдѣлялось извѣстное количество четвертей, предполагая, что земля добрая. Въ такихъ случаяхъ писцу предстояло встрѣтиться съ жалобами служилаго человѣка на неравномѣрность его дачи съ дачами лучшей земли; писцовыя инструкціи давали обыкновенно разрѣшеніе въ такихъ случаяхъ произвести одобриваніе, и *иногда* — произвести его именно по примѣру, приведенному авторомъ, т. е. одобрить землю въ размѣрахъ стараго участка.

Такъ бывало, если возлѣ находились свободныя «примѣрныя» земли. Но какъ дѣлалось, если примѣрныхъ земель не оказывалось? Мы знаемъ, что одобрить можно было и безъ всякой прирѣзки, просто уравнивъ наличный участокъ *меньшему* количеству земли лучшаго сорта. Но это было невыгодно для правительства, такъ какъ въ такомъ случаѣ уменьшалась доля оклада, дѣйствительно выданная служилому человѣку, и увеличивалась доля, которую слѣдовало добавить. Естественно, поэтому, что въ такомъ случаѣ правительство предпочитало оставить земли неодобренными, т. е. продолжать игнорировать качество земли. Въ 1630 г. былъ представленъ государю докладъ о пополненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ писцоваго наказа 1627 г. Въ докладѣ между прочимъ указывались оба различенные нами выше способы одобриванія: «а только тѣ земли одобрить, и за ними изъ дачъ земли *убудеть*, а *иные* земли одобрятца изъ *примѣрныхъ* земель». Въ отвѣтъ на этотъ докладъ послѣдовало приговоръ 19 марта 138 г., въ которомъ принять былъ только второй способъ одобриванія — посредствомъ прирѣзки, а первый — посредствомъ вычета — отвергнуть: «у которыхъ людей въ ихъ дачахъ примѣрныя земли не будетъ, и за тѣми людьми указали тѣ ихъ помѣстныя земли писать противъ ихъ дачъ, не одобривая землю, потому что одобрить земли не изъ чего; — а *изъ дачъ земли не убавить*»¹⁾. Этотъ принципъ принять былъ, слѣдовательно, съ 1630 г.; онъ перешелъ и въ Уложеніе (XVI, 48). Но ни раньше, въ

¹⁾ В. Н. Сторожевъ. Указная книга Помѣстнаго приказа. М. 1889 стр. 98—9.

обложеніи — площадь двора никакого значенія не имѣеть¹⁾. Это и естественно, такъ какъ при сошной раскладкѣ посадское населеніе разверстывало между собой платежи не по размѣрамъ двора, а по животамъ и промысламъ.

Связывая дворовую мѣру именно съ сошной раскладкой и считая послѣднюю упраздненной со времени введенія подворной подати, авторъ просто примѣняетъ къ данному случаю свое общее представленіе о финансовой роли сошнаго письма и подворной подати. Сошное письмо для него есть орудіе взиманія «поземельнаго налога», и опредѣленіе платежной силы двора величиной его площади есть примѣненіе того-же «поземельнаго счета» (238). Для автора а priori ясно, что то и другое должно было пасть одновременно. Причины этого паденія онъ также конструируетъ а priori съ помощью извѣстной уже намъ мысли о развитіи русскихъ городовъ изъ селъ. «Исключительный характеръ сошнаго письма не допускалъ возможности исполнѣ удовлетворительнаго его примѣненія къ промышленному и торговому населенію. Сошное письмо выросло на земледѣльческой почвѣ. Правильное его примѣненіе обусловлено было исключительно зависимостью экономическаго благосостоянія тяглица отъ размѣровъ обрабатываемой имъ пашни. Вотъ почему, когда опредѣляющимъ началомъ такого благосостоянія въ нѣкоторыхъ классахъ населенія сталъ не только земельный участокъ, но и размѣры его промышленной дѣятельности или торговыхъ оборотовъ, сошное письмо оказалось недостаточнымъ. Въ примѣненіи къ посадѣ оно въ сущности превратилось въ своего рода подворную подать» (243). Въ этой аргументаціи мы не понимаемъ самаго главнаго: въ чемъ именно состоялъ тотъ «исключительный характеръ» сошнаго письма, который дѣлалъ невозможнымъ «примѣненіе его къ промышленному и торговому населенію»? Самъ авторъ признаетъ же въ концѣ этой цитаты, что сошное письмо уже приспособилось къ

¹⁾ Арх. М. Юст. Писцов. книга Рязани, № 399; при сопоставленіи дворовыхъ площадей съ количествомъ денежнаго оклада, въ который положены нѣкоторые плательщики, получаемъ, напр., слѣдующія цифры:

площадь двора	176	кв. саж.	(22 × 8)	окладъ	10 к.
»	»	232	»	»	1 р. 20 »
»	»	264	»	»	6 »
»	»	275 ¹ / ₂	»	»	9 »
»	»	348	»	»	9 »
»	»	368	»	»	30 »
»	»	960	»	»	4 »

особому положенію города; въ сущности, разъ уже соха стала фиктивной единицей, въ сошномъ письмѣ ничего и не оставалось специфически земледѣльческаго; въ окладномъ отношеніи совершенно безразлично было, состоитъ-ли соха изъ опредѣленнаго количества дворовъ или четвертей пашни; въ томъ и другомъ случаѣ соха представляла для правительства репартиціонный принципъ — и ничего кромѣ него. Но допустимъ на минуту, что «соха» все еще сохраняетъ какую-то связь съ земледѣліемъ; допустимъ, что въ городѣ ея паденіе вызвано именно ростомъ торгово-промышленнаго класса; въ такомъ случаѣ, чѣмъ объяснить появленіе подворной подати въ *уездѣ*, гдѣ населеніе, разумѣется, не переставало быть земледѣльческимъ? А вѣдь именно эту *всеобщую* подворную подать, а не специально городскую, предстоитъ объяснить историку прямаго обложенія.

Авторъ чувствуетъ, конечно, и самъ недостаточность своей мотивировки и необходимость другихъ объясненій паденія сошнаго письма; онъ находитъ ихъ, во первыхъ, въ «неудобствѣ примѣненія сошнаго письма ко все болѣе расширявшейся территоріи государства и къ возрастающему количеству обработанныхъ пашень, требовавшихъ измѣренія». Какія именно части территоріи здѣсь разумѣются, почему правительство затруднялось измѣрять новыя пашни и затруднялось-ли оно вообще этимъ, — все это остается неизвѣстнымъ, вслѣдствіе чего и объясненіе не достигаетъ цѣли, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго реального содержанія. Столь же неудачнымъ кажется намъ и другое объясненіе перехода отъ сошнаго письма къ подворной подати, именно, ссылка на «упадокъ земледѣлія», какъ результатъ смутнаго времени. По мнѣнію автора «удѣлѣвшіе землевладѣльцы имѣли очень небольшое количество паханной земли» (243); это «малое количество обработанной пашни доводило взимаемая съ нея подати до незначительныхъ размѣровъ»; между тѣмъ «подворная подать сразу могла повысить размѣры государственныхъ доходовъ», не отягощая пашни, «съ которой уже не приходилось платить большинство податей»; такимъ образомъ и произошла «реформа, въ силу которой съ конца 20-хъ годовъ сошное письмо стало замѣняться дворовымъ числомъ» (244—5). Объясненіе это бьетъ мимо цѣли уже по той причинѣ, что, какъ сейчасъ увидимъ, сошное письмо вовсе не стало замѣняться «дворовымъ числомъ» въ концѣ 20-хъ годовъ. Мы увидимъ, напротивъ, что дѣйствительная реформа этого времени вызвана была именно увеличеніемъ запашки. Но если-бы даже и дѣйстви-

тельно подворная подать была введена именно въ этотъ моментъ, не совсѣмъ понятно, что могло отъ этого выиграть правительство? Пустѣли отъ обстоятельствъ смутнаго времени, конечно, не однѣ пашни, а вмѣстѣ съ ними и дворы, и мы не знаемъ, какимъ образомъ, проигравъ въ количествѣ обложенной пашни, правительство могло выиграть въ количествѣ облагаемыхъ дворовъ тѣхъ же самыхъ плательщиковъ. Облегчить положеніе плательщиковъ можно было только уменьшеніемъ податей, а не измѣненіемъ въ способѣ ихъ взиманія съ тѣхъ же плательщиковъ; между тѣмъ мы видѣли не уменьшеніе, а огромный ростъ податей послѣ смутнаго времени. Какимъ образомъ простая переменна окладной единицы могла заразъ и увеличить доходы казны и облегчить положеніе земледѣльческаго класса, — для насъ совсѣмъ непонятно. Но что же произошло въ дѣйствительности въ концѣ 20-хъ годовъ?

Обстоятельствомъ, смутившимъ А. С. Лаппо-Данилевскаго было, кромѣ его общей идеи о древнемъ «поземельномъ налогѣ», долженствовавшемъ смѣниться подворнымъ, — открытіе имъ въ переписи 1620-хъ годовъ новой окладной единицы, «живущей четверти». Открытіе это есть въ значительной степени заслуга А. С. Лаппо-Данилевскаго¹⁾ и представляется намъ однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ его работы. Довольно естественно, что этимъ открытіемъ авторъ поспѣшилъ воспользоваться для доказательства своей любимой мысли. Дѣло въ томъ, что когда перепись уже была начата, правительство распорядилось класть въ сошное письмо на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ — по извѣстному количеству крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ на «живущую» или «платежную» четверть пашни. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній установилась и опредѣленная цифра тѣхъ и другихъ дворовъ, приходившаяся въ разныхъ мѣстностяхъ и на разныхъ категоріяхъ земель на «живущую четъ» сошнаго письма. Такова сущность факта, впервые описаннаго авторомъ и, несомнѣнно, въ высшей степени важнаго. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ авторъ взялъ живущую четверть, какъ готовое явленіе, и не обратилъ надлежащаго вниманія на ея происхожденіе. Не выяснивъ происхожденія живущей четверти, авторъ не имѣлъ возможности оцѣнить какъ слѣдуетъ и ея финансовой роли и ея отношеній къ сошному письму и подворной подати. Въ своей

¹⁾ См. впрочемъ В. О. Ключевскаго, Подушная подать и отиѣна хозяйства. Р. Мысль. 1886, X, стр. 13.

работѣ (17—22) мы старались сдѣлать соотвѣтствующія поправки и доказать, что 1) живущая четверть произошла изъ сошнаго письма и была однимъ изъ способовъ его примѣненія; 2) что она не была введена повсемѣстно и рядомъ съ нею сохранялось сошное письмо въ прежнемъ видѣ до самаго конца столѣтій; 3) что она не имѣла ничего общаго съ подворной податью и введеніемъ послѣдней уничтожалась въ той же степени, какъ и сошное письмо. Здѣсь мы воспользуемся случаемъ для дальнѣйшаго развитія тѣхъ же положеній.

Прежде всего, въ моментъ реформы 1630—31 гг. живущая четверть, какъ платежная единица, вовсе не была какой-либо новостью. Мы указывали прежде на то обстоятельство, что въ концѣ XVI в. служилое населеніе окраинъ платило не съ полнаго размѣра своихъ помѣстьевъ, а только съ *живущихъ* четвертей распаханной пашни, оставляя въ сторонѣ перелогъ и дикое поле. Обычное количество распаханной пашни было, дѣйствительно, такъ ничтожно въ этихъ мѣстностяхъ, что его *нельзя было выразить даже въ самыхъ мелкихъ дробяхъ сохи*, употребительныхъ при сошномъ счетѣ. $\frac{1}{32}$ сохи въ 800 четвертей равнялась 25 четв. пашни; $\frac{1}{24}$ —33 $\frac{1}{2}$ четв.; а паханной пашни у этихъ помѣщиковъ было всего отъ одной до четырехъ четвертей. Такъ какъ они платили только съ этихъ 1—4 четв., то для нихъ уже надобно было сдѣлать и раздробительный расчетъ платежей, подобный тому, который мы приводили выше по грамотѣ 1607 г.¹⁾ При разореніи смутнаго времени на положеніи окраинъ оказались и центральныя мѣстности въ виду запустѣнія земель не только служилого класса, но и духовенства, и дворцовыхъ, пришлось и здѣсь различать «живущее» отъ «пустаго» и разрѣшать—послѣ спеціальнаго «дозора»—платежи съ одного «живущаго». Въ результатѣ такихъ разрѣшеній, случай, когда помѣщики и вотчинники владѣли *многими землями*, (а платили за нихъ) *за малая четви*, долженъ былъ сдѣлаться весьма обыкновеннымъ и въ центрѣ Россіи²⁾. Но условія, при которыхъ даны были эти льготы, мѣнялись; окраины переставали быть окраинами, разоренное населеніе центра до нѣкоторой степени оправилось отъ опу-

¹⁾ Рум. муз. отписка Гарелина, 7115, марта 27: Костромской губ. старосты взяла съ вотчины Головцына съ 8 четей ямскихъ денегъ — въ 10 рублей съ сохи — 3 алтына 2 деньги, да корму въ 40 алтынъ 16 ден. съ сохи — 3 денѣги.

²⁾ См. Сторожева, Указная кн. Пом. прик. 56—8, гдѣ это владѣніе «многими землями за малая четверти» прямо поставлено въ связь съ «новыми дозорными» и въ противоположность съ «старыми писцовыми книгами».

стошеній смутной эпохи къ тому времени, когда вернулся изъ польскаго плѣна патр. Филаретъ и задумалъ новую перепись. Чтобы понять, какъ могла явиться у правительства мысль о реформѣ, достаточно заглянуть въ результаты этой переписи: выберемъ нѣсколько случаевъ изъ тѣхъ образчиковъ переписи, которые были представлены правительству раньше того времени, когда оно рѣшилось на эту реформу:

Кашинскій у. писцовая 1628—9 г.; итогъ: «папши паханой и гѣсу пашеннаго середіе земли 3.085 $\frac{1}{2}$ чети, и изъ того числа въ живущемъ 1 $\frac{3}{4}$ чети». *Воронежск. у.* 1629: за четырьмя монастыри на посадѣ и въ уѣздѣ монастырскихъ 63 дв., а людей въ нихъ прикащиковъ и монастырскихъ всякихъ работниковъ и дѣтенышевъ 83 челов.; крестьянскихъ 31 дв., людей въ нихъ 53 челов., бобыльскихъ 46 дворовъ, людей 59 челов. Папши паханой и перелогомъ и дикаго поля 1360 четв. въ полѣ. И изъ того числа въ живущемъ 8 $\frac{11}{16}$ чети ¹⁾).

Записанныя въ платежъ живущія чети составляли, какъ видимъ, уже слишкомъ большое несоотвѣтствіе съ общимъ количествомъ владѣемой земли, и ничтожность ихъ количества рѣзко противорѣчила значительной цифрѣ рабочихъ дворовъ, поселенныхъ на этой землѣ. Если правительство не хотѣло вернуться къ прежнему обложенію *полною* сошнаго письма, что было бы, вѣроятно, уже слишкомъ рѣзкимъ отягощеніемъ плательщиковъ и слишкомъ крутымъ переворотомъ въ ихъ положеніи; если оно не могло, дагѣе, отдѣлить дѣйствительно обработанной земли отъ несомнѣнно пустой, можетъ-быть, по недостатку точныхъ данныхъ, — то оставался, въ самомъ дѣлѣ, единственный способъ опредѣлить платежную способность каждаго владѣнія: количествомъ поселенныхъ въ его предѣлахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. По особому, свойственному Московскому государству консерватизму, Московское правительство оставило старое названіе «живущей четверти папши», но приравняло ее опредѣленному количеству дворовъ и, такимъ образомъ, получило новую окладную единицу, столь же мало похожую на прежнюю, какъ мало походила «соха», опредѣленная извѣстнымъ количествомъ четвертей, — на старую соху — единицу рабочей силы.

¹⁾ Арх. М. Юст. Кашин. у. писцов. № 178, л. 590 и Воронежск. писцов. книги, издан. Воронежск. губерн. стат. ком. Воронежъ 1891, стр. 281. Количество такихъ примѣровъ можно увеличить по желанію.

Размѣры новой единицы опредѣляются прямыми правительственными распоряженіями 1630 и 1631 г., напечатанными В. Н. Сторожевымъ въ изданіи «Указной книги Помѣстнаго приказа» А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ ихъ въ приложеніи (стр. 530—31). Въ текстѣ же онъ опредѣляетъ размѣры живущей четверти на основаніи самихъ писцовыхъ (248—55). Слѣдовало бы при этомъ точнѣе раздѣлить матеріалъ, представляемый писцовыми книгами законченными до распоряженій 1630—31 г., отъ писцовыхъ, имѣвшихъ уже эти распоряженія въ виду и цитировавшихъ даже его иногда въ началѣ своего текста; есть наконецъ и промежуточный типъ писцовыхъ, составленныхъ, повидимому, раньше указовъ, но оставившихъ пробѣлы для внесенія перевода на живущія четверти и внесшихъ этотъ переводъ позднѣе ¹⁾. Естественно, что въ писцовыхъ, законченныхъ ранѣе, врядъ-ли можно искать соотвѣтствія между количествомъ дворовъ и живущихъ четвертей. Между тѣмъ авторъ не дѣлаетъ этой предварительной сортировки матеріала (ср. 252, прим. 1 и стр. 533). Несмотря на это, главные выводы его основаны на такомъ значительномъ количествѣ данныхъ, что они, кажется, не пострадаютъ нисколько отъ дальнѣйшаго пересмотра матеріала. Сюда именно относятся его заключенія, что количество дворовъ живущей четверти колебалось 1) въ связи съ хозяйственнымъ состояніемъ дворовъ, 2) въ зависимости отъ техническихъ пріемовъ четвертнаго счета (251—2): послѣднія колебанія выражались въ счетѣ дворовъ десятими и двадцатыми долями четверти, или осьмиными, шестнадцатыми, судя по тому, какъ удобнѣе было для полученія обычныхъ дробей старинной сошной ариметики. Но не всѣ колебанія размѣровъ живущей четверти удастся автору объяснить такимъ образомъ, и онъ самъ признаетъ, что «встрѣчаются случаи, едва-ли поддающіеся классификаціи». Значительная часть такихъ случаевъ, кажется, можетъ быть отнесена на долю болѣе ранняго матеріала (до 1630—31 г.); но и въ матеріалѣ послѣ 1631 г. не мало встрѣчается колебаній, и для насъ непонятныхъ.

Другое наше положеніе, — что живущая четверть не была введена повсемѣстно, собственно говоря, вполне признаетъ и самъ авторъ. «Къ чернымъ волостямъ и дворцовымъ селамъ, замѣчаетъ онъ, счетъ живущими четвертями, повидимому, не примѣнялся» (250, прим. 1). Къ дворцовымъ селамъ онъ, положимъ, примѣнялся, но къ чернымъ волостямъ не примѣнялся навѣрное, и, такимъ об-

¹⁾ Сюда напр. относится Арх. М. Юст. Костр. у., кн. 132 года, №№ 209 и 210.

разомъ, весь сѣверъ Россіи остался при старомъ сошномъ письмѣ: послѣднее обстоятельство авторъ, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно игнорируетъ.

Наконецъ, что особенно важно для нашей цѣли, платежъ съ живущей чети не былъ подворной податью, вопреки постоянному утверженію автора. Живущая четъ разсматривалась какъ примѣненіе того же сошнаго письма, какъ $\frac{1}{800}$ сохи; въ этомъ мы могли неоднократно убѣдиться при переводѣ окладовъ старыхъ и вновь возникавшихъ податей съ сохи на живущую четверть¹⁾. Болѣе мелкая, чѣмъ соха, эта окладная единица была особенно удобна въ приложеніи къ мелкимъ размѣрамъ владѣльческаго участка; затѣмъ, приравненная извѣстному количеству дворовъ, она давала владѣльческой землѣ огромное податное преимущество передъ ьерной: съ одной четверти, т. е. съ полудесятины — черносошный крестьянинъ русскаго сѣвера долженъ былъ платить столько же, сколько землевладѣлецъ остальной Россіи платилъ съ 7—10 крестьянскихъ дворовъ, т. е. считая обычный крестьянскій надѣлъ (выть) въ 6 десятинъ доброй земли — съ 42—60 десятинъ (въ одномъ погѣ). Позднѣе, какъ мы видѣли, эта неравномѣрность была нѣсколько сглажена при дальнѣйшихъ повышеніяхъ податныхъ окладовъ; но все же разница продолжала оставаться огромной. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что даже увеличивъ податныя тягости землевладѣльцевъ сравнительно съ предъидущимъ временемъ, живущая четверть всетаки сохранила для нихъ крайне привилегированное положеніе въ «распредѣленіи податнаго бремени». Эти наблюденія выясняютъ, слѣдовательно, и формальное тожество и огромное реальное различіе между обложеніемъ по сохамъ и по живущимъ четвертямъ; они дѣлаютъ понятнымъ почему одна и та же подать представляется страшной тяжестью при взиманіи ея съ сохи (на сѣверѣ) и не вызываетъ ропота при взиманіи съ живущей четверти. Эти же замѣчанія выясняютъ и первостепенную финансовую роль сѣвера и завѣдовавшихъ имъ четей (новгородской и устюжской).

Не замѣтивъ происхожденія живущей четверти изъ сошнаго письма и тѣснѣйшей связи ея съ послѣднимъ, А. С. Лаппо-Данплевскій чрезвычайно затруднилъ себѣ пониманіе финансовой исторіи XVII в. Прежде всего дальнѣйшая судьба самого сошнаго письма сдѣлалась для него весьма неясной. Онъ, конечно, долженъ былъ признать тотъ фактъ, что «хотя къ концу 30-хъ годовъ XVII в. сошное письмо стало *мало-по-малу* замѣняться подворной податью,

¹⁾ См. выше, стр. 109—110, 111—112, прим. 1, 114, 135.

однако оно не вполне утратило свое значеніе въ позднѣйшее время (240). Но въ чемъ состояла эта позднѣйшая роль сошнаго письма, авторъ сказать не можетъ. Онъ старается, правда, уловить ее на трехъ частныхъ случаяхъ, но заключеніе, сдѣланное имъ изъ первыхъ двухъ, не идетъ дальше самыхъ этихъ случаевъ и даже непонятно помимо нихъ; третій же случай приводитъ его къ невѣрному выводу, что иногда «сошное письмо продолжало употребляться въ виду большаго его соотвѣтствія съ *характеромъ* даннаго налога»: именно, стрѣлецкій хлѣбъ въ натуральномъ видѣ продолжалъ взыматься съ сошнаго письма даже въ 70-хъ годахъ XVII в., а при переводѣ его на деньги и самыя деньги взымались съ живущей чети пашни, напр. въ поморскихъ и вятскихъ городахъ до 1679 г.» Эти утвержденія основаны на указанныхъ уже нами недоразумѣніяхъ автора по поводу исторіи стрѣлецкой подати: «стрѣлецкій хлѣбъ въ натуральномъ видѣ» какъ разъ собирался съ тѣхъ мѣстностей, которыя не сохранили сошнаго письма въ чистомъ видѣ, а платили съ «живущей четверти» (именно здѣсь напрасно употребляемой авторомъ какъ синонимъ сошнаго письма); а съ сошнаго письма въ старомъ его видѣ какъ разъ платился не стрѣлецкій хлѣбъ, а старая *денежная* стрѣлецкая подать. Отмѣтивъ ранѣе самъ, что «живущая четверть» не проникала въ черныя волости, авторъ уже изъ этого одного могъ бы вывести заключеніе, что тамъ,— т. е. на всемъ сѣверо-востокѣ, сохранилось старое сошное письмо; по документамъ видно, что оно употреблялось тамъ до самаго конца столѣтія и не только для платежа стрѣлецкой подати, но и для всѣхъ остальныхъ репартиционныхъ налоговъ. Не подозреваетъ авторъ и того, что совершенно такую же роль играла и живущая четверть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она замѣнила старое сошное письмо: т. е. и съ нея платились *все* подати старой репартиционной системы. Послѣ того, что мы говорили выше о переводѣ всѣхъ старыхъ окладовъ съ сохи на живущую четверть (по расчету $\frac{1}{800}$), уже само собой ясно, что съ сохи и съ живущей четверти не могли взыматься разные налоги, и не было никакой нужды сохранять въ одномъ и томъ же мѣстѣ обѣ единицы, когда вторая съ финансовой точки зрѣнія была только инымъ выраженіемъ первой. Такъ какъ, слѣдовательно, съ обѣихъ, несомнѣнно, взымались однѣ и тѣ же подати, то естественно, авторъ ставитъ себя въ очень затруднительное положеніе, полагая, что та и другая служили «для различнаго рода налоговъ и повинностей», и пытается опредѣлить, для какихъ именно. «Важнѣйшіе виды прямыхъ налоговъ, говоритъ онъ,

какъ-то: данныя, полонянничныя, ямскія, стрѣлецкія деньги и деньги ратнымъ людямъ на жалованье уже взиались въ это время съ новой податной единицы, введенной въ употребленіе до конца 30-хъ годовъ, — съ *живущей четверти и двора*» (241). Въ такомъ случаѣ съ сошнаго письма не взиалось ничего, такъ какъ тутъ перечислены всѣ подати, подлежащія прежде сошной раскладкѣ. На дѣлѣ всѣ тѣ изъ перечисленныхъ податей, которыя платились съ «живущей четверти», платились и съ сошнаго письма въ другихъ мѣстностяхъ; единственная же подать, платившаяся съ двора (деньги ратнымъ людямъ на жалованье), не платилась ни съ сохи, ни съ живущей четверти. Авторъ провелъ границу не тамъ, гдѣ она шла въ дѣйствительности: отдѣливъ живущую четверть рѣзкою чертою отъ сошнаго письма, съ которымъ она была въ финансовомъ отношеніи тождественна, онъ, напротивъ, слилъ ее съ дворомъ, — т. е. съ окладной единицей существенно различнаго характера. Эта единица, — дворъ, дѣйствительно, употреблялась для иныхъ налоговъ, чѣмъ соха и живущая четверть: съ нея стали собираться новые экстренные сборы — «новоприбылыя тягла», тогда какъ всѣ старыя продолжали взыматься по прежнему съ сошнаго письма — или въ старомъ видѣ цѣлой сохи или въ раздробленномъ видѣ — живущей четверти. Въ теченіе вѣка на новую единицу — дворъ переводятся затѣмъ и всѣ старыя налоги, и только съ ихъ переводомъ въ концѣ столѣтія роль сошнаго письма оказывается окончательно сыгранной. До тѣхъ же поръ, до перевода на дворъ полонянничныхъ въ 1649 г., стрѣлецкихъ и ямскихъ въ 1679 г. и до уничтоженія «данныхъ» въ томъ же 1679 г., сошное письмо и живущая четверть продолжаютъ служить по-старому основаніемъ податной раскладки и взиманія, и большею частію даже въ томъ самомъ количествѣ, какое установлено еще писцовыми книгами 1620-хъ и 1630-хъ годовъ. Такъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ помѣстье Костириныхъ платило въ первыя десятилѣтія XVII в. съ $2\frac{1}{4}$ живущихъ четвертей; послѣ приравненія живущей четверти опредѣленному количеству дворовъ, въ данномъ случаѣ съ 1638—9 г., въ этомъ помѣстьѣ оказалось $1\frac{1}{4}$ четверти и съ этого числа идутъ всѣ обычные платежи (по отпискамъ) вплоть до 1677 г., т. е. до составленія новой переписи, послужившей основаніемъ для окончательнаго введенія подворной подати. Точно также Шуя платитъ до 1636 г. съ $15\frac{1}{4}$ живущихъ четвертей, а съ 1637 г. устанавливается новое количество платежныхъ единицъ — 25 четей и остается въ употребленіи до 1679 года. Съ этихъ поръ Костирины платятъ съ 18 дворовъ, а Шуя съ 203 дворовъ по

новой переписи ¹⁾. Этому обстоятельству, т. е. сохраненію практическаго значенія писцовыхъ книгъ 1620-хъ и 1630-хъ годовъ въ теченіе столѣтія, мы обязаны въ значительной степени и сохраненіемъ большаго числа ихъ до нашего времени. Но въ концѣ столѣтія, въ тотъ самый моментъ, когда сошное письмо теряло практическое значеніе, его роль (т. е. и сохи и живущей четверти) до такой степени мало считалась устарѣвшей, что задумано было составленіе новыхъ писцовыхъ (1680-хъ годовъ), и самый переводъ старыхъ податей на дворъ первоначально долженъ былъ имѣть характеръ временной мѣры ²⁾.

Полагая, что введеніе живущей четверти было рѣшительнымъ шагомъ къ упраздненію сошнаго письма, и считая платежъ съ живущей четверти — подворной податью, авторъ, естественно, сосредоточилъ все свое вниманіе на концѣ 20-хъ годовъ XVII ст. Послѣдствіемъ этого было то, что дѣйствительный процессъ вытѣсненія сошнаго письма и живущей четверти настоящей подворной податью, процессъ, начавшійся только послѣ введенія живущей четверти, въ значительной степени ускользнулъ отъ вниманія автора; а по этой причинѣ и основной смыслъ постепеннаго роста подворнаго обложенія остался, какъ мы думаемъ, непонятнымъ.

Желанной цѣлью правительства при введеніи подворной подати было, по мнѣнію автора, увеличеніе поступленій и поднятіе земледѣлія (259, ср. 244). Первое необходимо признать даже а priori, такъ какъ увеличеніе поступленій составляло (прежде еще болѣе, чѣмъ теперь) цѣль всякой крупной финансовой операціи. Разница между нами и авторомъ заключается тутъ лишь въ томъ, что онъ считаетъ непосредственной причиной реформы — уменьшеніе количества запашки во время смуты (выше стр. 135), а мы — увеличеніе этого количества — на окраинахъ съ конца XVI в., а въ центрѣ — въ ближайшіе годы послѣ смутнаго времени. Фактъ такого увеличенія лучше всего засвидѣтельствованъ самимъ авторомъ: въ приложеніи X онъ приводитъ рядъ цифръ, показывающихъ значительный ростъ земледѣльческой культуры съ 1615 до 1628 года. Правда, эти данныя представляются ему въ текстѣ, какъ *слѣдствіе* реформы (259); въ приложеніи онъ выражается нѣсколько сдержаннѣе: «это развитіе (количества запашекъ) нельзя, конечно, всецѣло приписывать введенію подворной подати (живущей четверти); но,

¹ Ср. относительно Устюжской четверти таблицу на стр. 92. Гос. Хоз.

² См. Гос. Хоз., 85.

быть можетъ, оно совершалось не безъ его вліянія» (542). Трудно понять, однако, какъ могла оказать въ 1615—1628 гг. вліяніе реформа, которая только введена была въ 1630—31 г.: здѣсь, какъ и при вычисленіи размѣровъ живущей четверти, авторъ какъ бы игнорируетъ законодательныя распоряженія, приведенныя имъ (съ таблицей В. Н. Сторожева) въ приложеніи VIII; кажется, впрочемъ и въ этомъ приложеніи указы 1630 и 1631 гг. не представляются ему *новыми* распоряженіями; но тогда, къ какому же именно моменту приурочиваетъ онъ «введеніе подворной подати въ концѣ 20-хъ годовъ»?

Итакъ, поднятiе земледѣлія и увеличеніе запасекъ не было «желанной цѣлю» реформы 1630—31 гг., а, наоборотъ, ея причиной. И во всякомъ случаѣ все, что говорится и авторомъ и нами для объясненія *этой* реформы, не имѣетъ еще никакого отношенія къ объясненію введенія подворной подати. Вслѣдъ за приведенными наблюденіями, авторъ дѣлаетъ, правда, еще одно, весьма важное, и, какъ мы думаемъ, совершенно вѣрное: «подворная подать, по этому наблюденію, способствовала повышенію средней населенности тяглаго двора» (259). Такъ какъ живущая четверть тоже измѣрялась послѣ реформы 1631 г., опредѣленнымъ количествомъ дворовъ, то, конечно, владѣльцу было выгодно не отводить новыхъ дворовъ и сосредоточивать рабочее населеніе въ наименьшемъ количествѣ ихъ, увеличивая этимъ самымъ ихъ населенность.

Въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, введеніе живущей четверти могло имѣть, и, вѣроятно, имѣло одинаковое вліяніе съ подворной податью. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ *послѣдствій* подворной подати, а не съ ея причинами. Такъ какъ все, что говорится авторомъ о *причинахъ* послѣдней, относится собственно не къ ней, а къ живущей четверти, то мотивировку введенія *подворной* подати приходится считать отсутствующей. Между тѣмъ, эта мотивировка выясняется до нѣкоторой степени изъ самыхъ случаевъ примѣненія подворной подати. Съ сошнаго письма и живущей четверти, какъ мы уже знаемъ, взымались всѣ *обычныя* подати. Напротивъ, дворъ является единицей обложенія для экстренныхъ сборовъ, преимущественно военнаго характера. Первымъ повсемѣстнымъ сборомъ этого рода, сколько мы знаемъ былъ «подымный сборъ» 1638 и 1639 гг. (Гос. Хоз. 67—8). Уже прямо для цѣлей подворнаго обложенія предпринята была, какъ думаемъ, и перепись 1646—48 г.; она и послужила немедленно по окончаніи для новаго экстреннаго сбора и для перевода на дворъ

одной изъ постоянныхъ податей — полонянничныхъ денегъ¹⁾. Выгоды подворнаго обложенія вытекали изъ того обстоятельства, что дворовая перепись привлекала къ обложенію новые разряды плательщиковъ, которые при сошномъ письмѣ писцовыхъ книгъ оказывались «въ избыли». Его неудобства состояли въ томъ, что при новой перепискѣ выкидывались изъ счета и изъ платежа пустые дворы, за жителей которыхъ платила по писцовымъ книгамъ та тяглая группа, къ которой они принадлежали. За то взиманіе подворной подати, какъ налога съ менѣ репартиціоннымъ характеромъ, было болѣе доступно непосредственному контролю администраціи и могло быть изъято изъ вѣдѣнія автономной областной раскладочной организаціи. Такимъ образомъ, при налогахъ *старыхъ*, гдѣ важно было сохранить прежнее количество плательщиковъ, игнорируя ихъ убыль, и заставляя платить за убылыхъ — ихъ сочленовъ (по старому окладу), — при налогахъ *обычныхъ*, гдѣ не было нужды въ немедленномъ поступленіи сбора и гдѣ можно было предоставить взиманіе обычному ходу, — выгоднѣе было сохранить старое сошное и четвертное обложеніе. Напротивъ, при «новоприбылыхъ тяглыхъ», гдѣ и количество платежа и количество плательщиковъ впервые опредѣлялось, — при экстренныхъ сборахъ на спеціальныя нужды, гдѣ нужна была точность и своевременность поступленій, выгоднѣе было прибѣгнуть къ новой окладной единицѣ. Эти соображенія должны объяснить и сохраненіе стараго сошнаго письма и появленіе подворной подати.

Мы только-что приписали послѣдней менѣ репартиціонный характеръ, чѣмъ сошному письму. Въ этомъ случаѣ мы опять сталкиваемся съ рѣзко противоположнымъ мнѣніемъ автора. «Въ равножѣрномъ окладѣ (дворовой подати), говоритъ онъ, гораздо рѣзче выразился репартиціонный характеръ организаціи прямаго обложенія» (505). Въ виду такого столкновенія мнѣній, обратимся къ экспертизѣ специалистовъ и воспользуемся для этой цѣли книгой, которой пользовался и самъ А. С. Лаппо-Данилевскій и которая оказала значительное вліяніе не только на его общіе взгляды, но даже на его оцѣнку явленій русской финансовой исторіи. «Налоги раскладочные (репартиціонные), говоритъ В. А. Лебедевъ²⁾ — тѣ, которые опредѣляются въ общемъ итогѣ, а количество ихъ

¹⁾ Госуд. хоз., стр. 72—73.

²⁾ Финансовое право, I, 2, 464. Ср. И. И. Янжула. Основныя начала финансов. науки, 266.

(окладъ), приходящееся на каждого плательщика, опредѣляется раскладкою, дѣлаемою или особыми выборными комиссіями или самими обществами плательщиковъ. Оклады здѣсь, слѣдовательно, *не одинаковы*, а измѣняются съ измѣненіемъ числа плательщиковъ и числа податныхъ единицъ; неподвижною или мало-подвижною остается лишь общая сумма налога. Въ налогахъ окладныхъ (квотативныхъ), наоборотъ, законъ опредѣляетъ прямо окладъ лица или податной единицы, и сложениемъ этихъ частныхъ окладовъ получается уже общая сумма налога». Прилагая это опредѣленіе къ сошному и подворному обложенію, мы находимъ: 1) что назначеніе известной суммы на соху предполагаетъ дальнѣйшую раскладку ея между плательщиками, притомъ связанными круговой порукой, при которой измѣненіе количества плательщиковъ не вліяетъ на измѣненіе платимаго ими количества налога. 2) Что назначеніе известной суммы на дворъ *само по себѣ* не предполагаетъ дальнѣйшей раскладки и составляетъ опредѣленный *quotum* на каждого плательщика. Такимъ образомъ, *по идее* дворовая подать есть квотативная, въ противоположность раскладочной сошной. Не смотря на это, квотативной ее считать нельзя, такъ какъ въ *своемъ осуществленіи* она превращается въ ту же репартиціонную: известная сумма дворовъ тяглой группы складывается, и вычисляется соответствующее количество подворной подати; затѣмъ, это общее количество распределяется вновь между дворами уже по обычному раскладочному принципу — по животамъ и промысламъ. Мы не будемъ приводить позднѣйшихъ примѣровъ, когда такой характеръ дворовой подати становится несомнѣннымъ. Но и въ самомъ началѣ, когда количество дворовъ спеціально высчитывается для известнаго сбора, равенство платежей ихъ остается фиктивнымъ. Мы упоминали выше про сборъ 1638 г., какъ про первый известный намъ примѣръ дворовой подати. При Устюжскомъ соборѣ было девять дворовъ церковнослужителей; съ нихъ слѣдовало по 2 р. съ двора — 18 руб. На дѣль они платять эти 18 р. вовсе не равными долями, а «по церковному доходу»: протопопъ — 3 р. 27 коп.; протодьяконъ съ ключаремъ — 2 р. 46 коп.; четыре попа и два дьякона — по 64 коп. съ двора ¹⁾. Такимъ образомъ, квотативный характеръ подворной подати не сохранился при самомъ ея появленіи. Но отсюда далеко еще до утвержденія, что подворная подать, *какъ равномерная*, была крайнимъ проявленіемъ репартиціоннаго принципа. Представляя

¹⁾ Р. Ист. Библ. XII, 206.

раскладку общинѣ, репартиціонный принципъ именно уничтожалъ всякую возможность равноѣрности, и введеніе равноѣрнаго оклада для каждаго двора нельзя не считать ослабленіемъ репартиціоннаго принципа.

Между тѣмъ это представленіе о какой-то связи репартиціоннаго принципа съ равноѣрностью обложенія играетъ важную роль въ общихъ воззрѣніяхъ автора. «Правительство, какъ извѣстно, равноѣрно окладывало всякаго налогоплательщика. . . . Въ репартиціонной системѣ оно находило средство къ централизаціи, ибо ею уравнивало обязанности различныхъ областей къ государству, стягивало распредѣленіе этихъ обязанностей въ главный центръ и ставило въ непосредственную зависимость отъ этого центра возможно большее количество нерѣдко весьма мелкихъ территориальныхъ единицъ» (504). «Постепенное установленіе репартиціонной системы находилось въ связи съ усиленіемъ централизаціи и поглощеніемъ лица государствомъ. Индивидуальныя особенности каждаго налогоплательщика не принимались во вниманіе; онѣ сглаживались подъ могучимъ вліяніемъ общихъ государственныхъ потребностей» (281—82). «Итакъ, милитаризмъ въ связи съ монархическимъ принципомъ. . . вызывалъ образованіе репартиціонной системы». Въ этихъ мѣстахъ заключается, съ точки зрѣнія автора, самый главный выводъ всей его книги. Съ нашей точки зрѣнія, мы не можемъ не замѣтить, что формулировка этого вывода существенно пострадала отъ только-что указаннаго терминологическаго недоразумѣнія. Что такое репартиціонная система и какая можетъ быть связь ея съ усиленіемъ государственной власти и развитіемъ централизаціи? Репартиціонная система не только не вызывается силой государственной власти, но, напротивъ, предполагаетъ ея безсиліе: безсиліе органовъ финансовой администраціи въ дѣлѣ обложенія и раскладки, или, еще болѣе, — полное отсутствіе этихъ органовъ. Не имѣя своихъ собственныхъ органовъ, правительство организуетъ областное населеніе въ тяглыя группы, передаетъ имъ поневолѣ часть своихъ функцій, связываетъ ихъ обязательной круговой порукой, и такимъ образомъ является — съ очень давнихъ поръ въ Россіи — репартиціонная система. Съ развитіемъ государственности всѣ элементы этой системы должны постепенно оказаться лишними. Самое это развитіе государственности есть фактъ безспорный, и его признаки изображены авторомъ совершенно вѣрно; правъ авторъ и въ томъ, что въ организаціи прямаго обложенія одно изъ самыхъ главныхъ проявленій усиленія

государственности есть подворная подать, приближающая правительство къ плательщику; но и подворная подать и другіе указываемые авторомъ признаки свидѣтельствуютъ не объ «установленіи репартиціонной системы», а объ ея «упадкѣ». Замѣнивъ «установленіе» и «образованіе репартиціонной системы» — «упадкомъ репартиціонной системы» во всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ цитированныхъ фразъ, мы могли бы вполне согласиться съ выводомъ автора.

Покончивъ съ механизмомъ обложенія, мы прямо переходимъ къ механизму раскладки, такъ какъ промежуточный отдѣлъ о «составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ» удобнѣе будетъ рассмотреть вмѣстѣ съ главой о центральной администраціи. Начало слѣдующаго отдѣла, посвященное составу областной финансовой администраціи, тоже можно соединить съ относящимся къ тому же предмету содержаніемъ главы «о взиманіи податей».

Податная раскладка обычныхъ сборовъ предоставлена была всецѣло мѣстнымъ тяглымъ группамъ; естественно, что наиболѣе характерной и наиболѣе удобной для наблюденія является она въ черныхъ волостяхъ, какъ группахъ наиболѣе обширныхъ. Съ черныхъ волостей и начинается А. С. Лаппо-Данилевскій изученіе процесса мірской раскладки (290—97). Впервые онъ различаетъ въ этомъ процессѣ — операциі «развода» и «разруба». Разводъ есть «предварительный актъ мѣстной раскладки», «обнимавшей иногда цѣлую землю, чаще ограничивавшейся однимъ уѣздомъ». Послѣ развода платежей между податными группами уѣзда, волостямъ, производился дальнѣйшій «разрубъ» или «разметъ» внутри каждой отдѣльной группы — ея выборными властями. Иногда основаніемъ разруба служили размѣры участка, принадлежавшаго плательщику: въ такомъ случаѣ доля cadaго опредѣлялась измѣреніемъ участка — «вервленіемъ», результаты котораго заносились въ веревныя книги. Иногда же доля платежа cadaго опредѣлялась не извѣстнымъ количествомъ веревокъ, а условной цыфрой денегъ, колебавшейся пропорціонально животамъ и промысламъ плательщиковъ. Изложеніе послѣднаго приѣма раскладки вышло у автора нѣсколько сбивчиво, вслѣдствіе двухъ причинъ. Во первыхъ, одновременно съ объясненіемъ этого приѣма онъ хотѣлъ объяснить и «денежный счетъ» книгъ сошнаго письма т. е. то приравненіе долей сохи извѣстнымъ количествамъ денегъ, съ помощью котораго, какъ мы видѣли ранѣе, сложеніе дробей замѣнялось сложеніемъ цѣлыхъ чиселъ. Конечно, между этимъ «денежнымъ счетомъ» и выраженіемъ платежныхъ окладовъ отдѣль-

ныхъ плательщиковъ въ условной цыфрѣ денегъ не было ничего общаго. Можно бы было думать, что въ «денежномъ счетѣ» доли сохи выражались величиной какой-нибудь платимой съ нихъ подати; но авторъ, высказавъ это предположеніе, совершенно основательно находитъ «болѣе вѣроятнымъ», что выбираемая для денежнаго счета цыфра денегъ опредѣлялись «простыми удобствами въ соотвѣтствіи цѣлыхъ частей данной величины съ дробными дѣлениями сошнаго письма». Объ этомъ удобствѣ говорятъ и сами сошныя книги ¹⁾. Напротивъ, выраженіе податнаго оклада извѣстнымъ числомъ денегъ очень часто основывалось на дѣйствительномъ разложеніи какой-нибудь подати, обыкновенно «дани»; отсюда и очень употребительный терминъ «данный окладъ», уплата «по данному окладу».

Другая причина неясности изложенія автора заключается въ томъ, что онъ недостаточно отчетливо изложилъ роль денежнаго оклада въ процессѣ разруба. Денежный окладъ, разъ опредѣленный, становился общимъ основаніемъ разверстки всѣхъ налоговъ; разрубить каждый изъ нихъ между отдѣльными плательщиками пропорціонально установленному количеству денежнаго оклада было уже дѣломъ простаго ариметическаго расчета. Авторъ очень хорошо это знаетъ (294), но не принимаетъ во вниманіе при своемъ изображеніи разруба; поэтому у него, напр., оказывается, что «подати не всегда разрубались ежегодно. Встрѣчаются указанія на то, что мірская раскладка могла производиться черезъ два, три года». Очевидно, уплата податей не могла стоять два, три года подъ рядъ; дѣло идетъ не о разрубѣ податей, а именно о составленіи новаго «мірскаго окладнаго списка» или «окладныхъ книгъ», составлявшихся, конечно, періодически, какъ и «веревныя книги». Смѣшивая эту предварительную операцію составленія списка съ дѣйствительной раскладкой текущихъ платежей по списку уже составленному, авторъ считаетъ мірскую раскладку «неопредѣленной и сложной операціей, производившейся отдѣльно и одновременно для каждой подати» (297); говорить о «путаницѣ» и «несовершенствѣ» мірской раскладки и т. д.; все это имѣло бы смыслъ, если бы дѣйствительно каждую подать приходилось распредѣлять на дворъ съизнова; но

¹⁾ Ср. напр. Рум. муз. Ундольск. № 833, л. 58: «держиси денежнаго счету: познаешъ, которая доля съ которою слагается. . . ; а соху или выть *не кледи въ рубль*» (такъ какъ, очевидно, въ этой цыфрѣ нѣтъ производителя—3): разотчи соху или выть въ 20 алт. (т. е. 120 денегъ=2. 2. 2. 3. 5.), — сведешъ и малыя крохи. . . . деньгами противъ денегъ».

разъ всё эти частныя распредѣленія зависѣли отъ основныхъ, заранѣе условленныхъ и записанныхъ въ «книги» пропорцій, — конечно, онѣ не могли вызывать ни затрудненій, ни путаницы. Авторъ, по видимому, и отсутствіе точной регламентаціи мірской раскладки склоненъ считать ея несовершенствомъ: т. е. отсутствіе опредѣленныхъ сроковъ разверстки, разверстку одной и той же подати въ нѣсколько приѣмовъ и въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ другими податями: но все это вызывалось, очевидно, мѣстнымъ удобствомъ для самихъ плательщиковъ и дѣлало мірскую раскладку только болѣе гибкой и практичной.

«Веревныя книги» и «окладной списокъ» служили строго-репартиціонной системѣ; но существовалъ въ черныхъ волостяхъ еще третій способъ раскладки, при которомъ репартиціонный характеръ подати въ значительной степени утрачивался, и который слѣдовательно, соотвѣтствовалъ по значенію подворной подати. Именно, иногда правительство, какъ бы соединяя разводъ и разрубъ въ одинъ актъ, прямо дѣлило соху на болѣе мелкія единицы, *выти*, внутри которыхъ разрубъ, если и имѣлъ мѣсто, приобретагь существенно иной характеръ и не могъ обезпечить, во всякомъ случаѣ, пропорціональности обложенія между отдѣльными вытями¹⁾. Естественно, что такой «сошный разводъ», сводившійся къ сошной «развиткѣ» всего чаще сопровождался неудобствами и злоупотребленіями. Въмѣсто того, чтобы по «данному окладу облагаться въ сваль», плательщики распредѣлялись «въ мелкія выти — дворами», причемъ болѣе зажиточныя группы, конечно «передъ средними и молодшими жили въ великой льготѣ», платя съ ними одинаково, а не пропорціонально своимъ животамъ²⁾. Любопытно, что и употреблялся этотъ способъ обложенія въ черныхъ волостяхъ приблизительно въ тѣхъ же случаяхъ, какъ подворная подать въ остальныхъ частяхъ Россіи — именно для экстренныхъ сборовъ и повинностей³⁾. Указываемый типъ раскладки, не отмѣченный авторомъ, былъ уже замѣченъ Чичеринымъ⁴⁾; самъ А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ одинъ случай такого «вытнаго развода» (стр.

¹⁾ Само собою разумѣется, что слово «выть» имѣетъ здѣсь общій смыслъ (доля) и не имѣетъ ничего общаго съ употребленіемъ термина «выть», какъ частновладѣльческаго надѣла.

²⁾ А. А. Э. IV, № 6.

³⁾ А. А. Э. III, № 145.

⁴⁾ Обл. учр. 537.

294—5, прим. 2), но считаетъ его повидимому, обыкновеннымъ разрубомъ.

Слѣдующія страницы (298—306) относятся скорѣе къ исторіи податныхъ классовъ и податной администраціи, чѣмъ къ механизму мірской раскладки. Минуя ихъ, переходимъ къ изображенію податной раскладки на посадѣ. «Мірская раскладка на посадѣ, какъ замѣчаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій, въ значительной мѣрѣ напоминала такую же раскладку въ уѣздѣ» (314). Разницы вызывались, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что объектомъ обложенія вмѣсто земли былъ здѣсь дворъ, а источникомъ обложенія—вмѣсто земледѣльческой торгово-промышленная дѣятельность. Сообразно этимъ различіямъ, авторъ внимательно изучаетъ условія, при которыхъ посадскій дворъ подлежалъ обложенію (306—308), рассматриваетъ примѣненіе «денежнаго платежа» (терминъ, какъ мы видѣли, невѣрно употребляемый авторомъ) къ посадскому разрубу (309—310) и затѣмъ останавливается на раскладкѣ специально свойственнаго посаду «лавочнаго оброка» (310—311). «Такъ какъ оброкъ, говоритъ авторъ, первоначально взымался съ государевой земли и падалъ *равномѣрнымъ окладомъ* на всѣ лавки, то онъ и раскладывался торговыми людьми *соотвѣтственно торговымъ оборотамъ каждаго*» (рѣчь идетъ о концѣ XVI в.¹). Мы не совсѣмъ понимаемъ это «такъ какъ»; равномѣрный окладъ здѣсь, конечно, имѣлъ только счетное значеніе: послѣ раскладки «соотвѣтственно торговымъ оборотамъ каждаго», онъ превращался въ пропорціональный. Всего чаще однако эти пропорціональные размѣры лавочнаго оброка указываются и самими писцовыми XVI в., т. е. фиксируются самимъ правительствомъ, вѣроятно, безъ мірской раскладки²). Такимъ образомъ, замѣчаніе А. С. Лаппо-Данилевскаго, что «уже въ писцовыхъ книгахъ 20-хъ годовъ равномѣрный оброкъ на лавки смѣняется пропорціональнымъ» (310), является черезчуръ запоздалымъ. Очевидно, уже въ XVI в. лавочный оброкъ имѣлъ характеръ промысловаго налога и не подлежалъ въ большинствѣ случаевъ мірской раскладкѣ; будучи результатомъ частнаго соглашенія прави-

¹) Кроме цитаты автора, см. еще Калачова Писц. книги, I, 2, 840, 843, (дворцовыя села). Н. Д. Чечулинъ. Города Моск. госуд. 66, 167, 265, 280.

²) Н. Д. Чечулинъ, 84, 87, 88, 99, 104, 128, 132—33, 148—пустыя лавки отдаются на оброкъ псковскими дьяками «т. е. чиновниками государевыми», какъ замѣчаетъ совершенно справедливо г. Чечулинъ, 180—81, 194, 209—лавка пустая, отдають ее въ наемъ изъ амбарщины таможенки на государя, 219, 223, 241, 250—51, 266.

тельственаго чиновника (дьякъ и таможникъ въ приведенныхъ примѣрахъ) съ нанимателемъ торговаго помѣщенія, онъ не подходилъ подъ понятіе тягла: посадскіе тяглецы, за исключеніемъ, вѣроятно, случаевъ, когда имъ предоставлено было самимъ верстаться лавочнымъ оброкомъ, не отвѣчали за уплату оброка круговой порукой, не платили за пустыя лавки и не распоряжались отдачей ихъ новымъ нанимателямъ.

Слѣдующія страницы разсматриваемаго отдѣла (311—317) опять не имѣютъ ближайшаго отношенія къ механизму мірской раскладки, и мы можемъ перейти къ обзору мнѣній автора относительно финансовой администраціи.

4. Финансовая администрація.

а. Областная.

Въ этомъ отдѣлѣ своей работы А. С. Лаппо-Данилевскій имѣлъ такихъ предшественниковъ, какъ Чичеринъ и Градовскій; печатный матеріалъ онъ долженъ былъ найти здѣсь въ значительной степени исчерпаннымъ, а рукописный по отношенію именно къ этому отдѣлу не обѣщаетъ особенно богатой добавочной жатвы. Не вина автора, поэтому, если самое старательное накопленіе матеріала все-таки не дало ему возможности представить здѣсь какіе-либо крупныя новыя выводы. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ М. А. Дьяконовымъ, что и въ этой области авторъ «не ограничился простымъ сводомъ добытыхъ выводовъ», а «освѣжилъ ихъ новымъ матеріаломъ», отчасти дополняющимъ, отчасти и исправляющимъ наши старыя свѣдѣнія. Въ частности, авторъ изучаетъ составъ и дѣятельность выборныхъ органовъ мѣстнаго финансоваго управленія по раскладкѣ (283—290, 303—306) и взиманію податей (318—337), затѣмъ разсматриваетъ дѣятельность по раскладкѣ (315—317) и взиманію (337—351) правительственныхъ органовъ—воеводъ и приказныхъ людей. Въ особомъ отдѣлѣ разсматривается дѣятельность тѣхъ и другихъ по доставкѣ податей, а также случаи доставленія податей въ Москву помимо органовъ областной администраціи—самими плательщиками (351—361). Общій выводъ изъ сгруппированныхъ данныхъ получился у автора отрицательный: онъ отмѣчаетъ случайность и неопредѣленность въ составѣ, организаціи и дѣятельности органовъ выборнаго самоуправления (336—37), въ предѣлахъ воеводской компетенціи (350—51), въ движеніи податныхъ суммъ изъ областныхъ учреждений въ

центральныя (361). Рѣшаемся думать, однако, что эта случайность и неопредѣленность есть до нѣкоторой степени послѣдствіе того приема автора, о которомъ мы говорили въ началѣ рецензіи и который особенно ярко проявляется въ этомъ отдѣлѣ книги. Авторъ здѣсь накопилъ весьма значительную массу единичныхъ фактовъ; но не занялся ихъ предварительной критикой, отдѣленіемъ въ нихъ индивидуальныхъ чертъ отъ общихъ, и ограничился простымъ сопоставленіемъ ихъ. Характеръ изложенія, получившагося при такомъ сопоставленіи, можно видѣть изъ слѣдующаго небольшого примѣра: «Центромъ, куда стекались сборы съ данной волости, служила, вѣроятно, волостная земская изба, а можетъ-быть, и приходская церковь. Было, однако, и специальное выраженіе для означенія такого центра. Староста «клягъ» деньги, полученные имъ за наемъ общинной земли, — всей братѣй «на столецъ». Во владѣніяхъ Троице-Сергіева монастыря была земля Оглоблина, которая тянула къ «стольцукъ Загѣсью всѣми потугами» (322). Ни одинъ изъ сопоставленныхъ здѣсь фактовъ не подлежитъ, конечно, критикѣ. Критиковать можно было бы ихъ сопоставленіе, если бы авторъ обязывалъ себя этимъ сопоставленіемъ къ извѣстному выводу. Но вывода здѣсь тоже нѣтъ, по крайней-мѣрѣ непосредственнаго. Однако же это и не простое изложеніе фактовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы узнали бы, въ какихъ случаяхъ центромъ поступленій бывала приходская церковь, узнали бы также, что «столецъ» упоминается въ грамотѣ XVI в. и не можетъ быть съ помощью простаго «однако» ни сопоставленъ, ни противуполагаемъ волостной избѣ. Въ томъ видѣ, какъ изложены эти факты въ приведенномъ отрывкѣ, — они потеряли свой индивидуальный смыслъ и не приобрѣли общаго: авторъ, вѣроятно, хочетъ сказать 'этимъ сопоставленіемъ, — какъ онъ прямо говоритъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, — что никакого постояннаго центра поступленій въ волости не было, но едва-ли не вѣрнѣе будетъ заключить, что никакого вывода изъ столь отрывочныхъ сопоставленій сдѣлано быть не можетъ. Накопленный авторомъ матеріалъ, несомнѣнно, можетъ пригодиться для послѣдующихъ изслѣдователей, подъ условіемъ возстановленія фактовъ въ ихъ цѣлости по цитируемымъ авторомъ источникамъ; но пока этотъ матеріалъ не употребленъ ни для какого построения, критикѣ здѣсь нечего дѣлать. Можно только еще разъ напомнить, что хаосъ въ матеріалѣ не даетъ права заключать о хаосѣ въ жизни, какъ часто бываетъ склоненъ дѣлать А. С. Лаппо-Данилевскій.

в. Центральная.

И эта часть изложенія страдаетъ, хотя въ меньшей степени, только-что указаннымъ недостаткомъ. Авторъ продолжаетъ держаться того же мнѣнія объ общей неопредѣленности, хаотичности, безформенности старой русской административной системы. Въ области, гдѣ, конечно, только и можно было представить *общее оти-саміе* безчисленныхъ отдѣльныхъ случаевъ, эта неопредѣленность, какъ мы видѣли, явилась результатомъ не совсѣмъ осторожнаго сопоставленія отдѣльныхъ чертъ, свойственныхъ каждому изъ этихъ случаевъ въ отдѣльности. При изслѣдованіи центрального административнаго механизма задача значительно упрощается: изслѣдователь имѣетъ передъ собою одинъ индивидуальный фактъ, и выводы должны основываться на его вѣрномъ изображеніи. Состояніе матеріала здѣсь также нѣсколько иное, чѣмъ въ сферѣ областной администраціи. Не говоря уже о болѣе мелкихъ дѣленіяхъ, о дѣятельности съѣзжей избы XVII в., мы можемъ судить въ огромномъ большинствѣ случаевъ только по входящимъ, отчасти по исходящимъ бумагамъ, т. е. по частнымъ, болѣе или менѣе единичнымъ случаямъ. Московскій финансовый приказъ, кромѣ текущей переписки, сохранилъ намъ и свою канцелярскую регистратуру, по которой съ гораздо большимъ удобствомъ и полнотой мы можемъ изучать ежедневный нормальный ходъ административнаго механизма. Вѣроятно, по случайнымъ причинамъ, отъ которыхъ не застрахованъ никакой изслѣдователь при современномъ состояніи архивовъ, авторъ на эту регистратуру, такъ наз. *книги* приказовъ, обратилъ наименѣе вниманія, занявшись главнымъ образомъ изученіемъ болѣе труднаго, сложнаго и менѣе благодарнаго для данной цѣли матеріала *столбцовъ*. Такимъ образомъ, часто ему пришлось заключать о дѣятельности приказа косвеннымъ образомъ послѣ хлопотливаго и все-таки далеко неполнаго подбора фактовъ, — тамъ, гдѣ регистратура приказа давала прямой и вполне ясный, опредѣленный отвѣтъ.

Не смотря, однако, на прежнее представленіе о хаотичности московской администраціи, не смотря на эту ошибку въ выборѣ матеріала, изложеніе послѣдней, пятой, главы, посвященной центральной администраціи, отличается несравненно большимъ единствомъ, чѣмъ отдѣлы объ областной администраціи. Единство это даетъ изложенію классификація приказовъ по ихъ происхожденію и характеру, предложенная Градовскимъ и примѣненная А. С. Лаппо-

Данилевскимъ къ исторіи финансовыхъ приказовъ. По классификаціи Градовскаго, первыми явились въ исторіи московской администраціи приказы дворцоваго характера, затѣмъ, послѣ расширенія территоріи Московскаго государства, приказы территориальные и, наконецъ, съ развитіемъ правильной государственной организаціи, приказы систематическіе, распредѣлившіе между собой спеціальныя отрасли дѣятельности. Въ этой общей формулировкѣ можно вполне согласиться съ классификаціей Градовскаго; она становится спорной только въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, которыхъ здѣсь не будемъ касаться. Вѣрная въ общемъ, она, несомнѣнно, останется вѣрной и въ приложеніи къ исторіи финансовой администраціи: мы сами старались указать въ нашей работѣ эпоху безраздѣльнаго господства «дворца» въ финансовомъ управленіи; опредѣлить моментъ выдѣленія изъ него финансовыхъ округовъ, отданныхъ въ управленіе новымъ приказамъ территориальнаго характера — четьямъ; — прослѣдить, наконецъ, процессъ спеціализаціи и систематизаціи финансоваго управленія въ XVII в.

А. С. Лаппо-Данилевскій ставитъ классификацію Градовскаго въ спеціальную связь съ «распредѣленіемъ поступлений» между различными приказами. Соотвѣтственно тремъ стадіямъ развитія учреждений, онъ старается установить три «принципа» распредѣленія поступлений: принципъ вотчинный, территориально-сословный и принципъ систематизаціи поступлений. Такъ какъ потребность систематизаціи и есть, другими словами, потребность болѣе правильнаго распредѣленія поступлений, то, конечно, появленіе систематическихъ приказовъ надо считать появленіемъ новаго принципа распредѣленія поступлений. Старымъ по отношенію къ нему принципомъ будетъ, — опять-таки совершенно справедливо, принципъ территориальный, т. е. поступленіе всѣхъ податей съ извѣстной области въ то учрежденіе, которому эта область подвѣдомственна. Конечно, термины стараго и новаго имѣютъ здѣсь вполне относительный смыслъ: распредѣленіе спеціальныхъ сборовъ по спеціальнымъ приказамъ является въ свою очередь старымъ принципомъ сравнительно съ принципомъ единства кассы, осуществленнаго до извѣстной степени камеръ-коллегіей, а территориальный принципъ обновляется послѣ уничтоженія территориальныхъ приказовъ съ объединеніемъ сборовъ въ губерніи. Вполнѣ неудачное положеніе занимаетъ только «вотчинный принципъ» по отношенію къ дворцовой финансовой администраціи. Для автора установленіе этого принципа есть, конечно, лишь дальнѣйшій выводъ изъ извѣстнаго намъ

взглядъ, что дворцовое хозяйство представляло древнѣйшій типъ хозяйства государственнаго. Перечисливъ учрежденія, сформировавшіяся для завѣдыванія различными отдѣлами дворцоваго хозяйства—ловчій, сокольничій, конюшенный приказы, казенный дворъ, приказъ Большаго Дворца (слѣдовало бы прибавить также мастерскія и Оружейную палату), авторъ замѣчаетъ, что они «представляли довольно обширную группу учреждений, которая въ финансовомъ отношеніи завѣдывала значительнымъ количествомъ земель;» «такое финансовое значеніе дворцовыхъ учреждений, прибавляетъ онъ, обнаруживаетъ вліяніе вотчиннаго принципа на распредѣленіе поступленій между центральными учреждениями: среди приказовъ съ государственнымъ характеромъ все еще продолжали служить финансовыми центрами учрежденія, которыя вели свое происхожденіе отъ великокняжеской царни, птични, конюшни, погреба, поварской и кладовой» (452—53).

Это заключеніе, прежде всего, производитъ то впечатлѣніе, что вся группа названныхъ приказовъ сохранила въ XVII в. видную финансовую роль. На дѣлѣ, какъ хорошо извѣстно автору, финансовое значеніе имѣлъ одинъ Большой Дворецъ. Далѣе, читатель долженъ подумать, что доходы Большаго Дворца поступали въ него именно по *вотчинному* принципу, и авторъ прямо говоритъ, что въ дворцовыхъ земляхъ великій князь собиралъ доходъ «какъ частный хозяинъ». Въ дѣйствительности, оцять-таки ему хорошо извѣстно, что и съ дворцовыхъ земель Большой Дворецъ получалъ «кромѣ частно-хозяйственныхъ сборовъ» и «прямые налоги» и «завѣдывалъ отправленіемъ повинностей, имѣвшихъ государственный характеръ». (446). Вопреки этимъ фактамъ, авторъ продолжаетъ проводить свою тенденцію — искать для доходовъ Большаго Дворца частно-хозяйственнаго происхожденія; и благодаря только этой предвзятой идеѣ, ему приходится встрѣтить рядъ затрудненій, рѣшаемыхъ въ духѣ той же основной идеи. Такъ, находя въ составѣ дворцоваго вѣдомства города и слободы, онъ объясняетъ ихъ присутствіе здѣсь тѣмъ, что города разрослись изъ дворцовыхъ селъ, а слободы «были первоначально заселены княжескими холопами». Въ виду большаго количества городовъ, вѣдавшихся Большимъ Дворцомъ (36 по Флетчеру), онъ высказываетъ однако и дополнительное предположеніе, что «другіе города могли поступить въ зависимость отъ Большаго Дворца во время приобрѣтенія и покоренія московскимъ великимъ княземъ другихъ областей и княженій». Однако и съ этимъ предположеніемъ трудно

согласиться: 36 городовъ царской «вотчины» Флетчера слѣдуетъ скорѣе сопоставить съ извѣстнымъ спискомъ городовъ, взятыхъ въ опричнину (44 названія, но въ томъ числѣ многія волости и пригороды) ¹⁾. Причина приписки ихъ къ вѣдомству Большого Дворца совершенно ясна: это — расширявшіяся потребности государева обихода: «а съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его государскій обиходъ, и *иные* города и волости *имати*» ²⁾. Приписка городовъ къ Большому Дворцу при учрежденіи опричнины составила переворотъ въ значеніи этого учрежденія. До нея Большой Дворецъ уже потому не былъ исключительно вѣдомствомъ дворцоваго хозяйства, что ему подчинялись въ финансовомъ отношеніи и всѣ остальные земли; въ него вносились изстари и всѣ государственныя подати. Вскорѣ послѣ учрежденія опричнины долженъ былъ начаться тотъ процессъ выдѣленія финансовыхъ вѣдомствъ, который мы старались прослѣдить въ своей работѣ и который повелъ въ концѣ концовъ къ сокращенію компетенціи Большого Дворца до предѣловъ дворцоваго вѣдомства. Но ни раньше, ни послѣ этого, поступленія Большого Дворца не ограничивались дворцовыми сборами, а распространялись также и на государственныя подати, и трудно было бы объяснить съ точки зрѣнія автора, когда поступленія послѣдняго рода шли въ Большой Дворецъ именно по «вотчинному принципу». Государственныя подати не сдѣлались же, конечно, государственными только тогда, когда вмѣсто Большого Дворца стали поступать въ чети? Иначе пришлось бы считать частно-хозяйственными тѣ изъ нихъ, которыя и послѣ этого момента сохранились въ дворцовомъ вѣдомствѣ: именно, подати съ большей части монастырскихъ земель. Самъ авторъ, разумѣется, признаетъ, что эти доходы великій князь (напомнимъ, что по мысли автора рѣчь идетъ о древнѣйшей epochѣ) «могъ получать лишь какъ государь» (449). Вслѣдъ за Милютинымъ и Горчаковымъ авторъ выводитъ подчиненіе этихъ земель Большому Дворцу изъ древнѣйшей подсудности монастырей по жалованнымъ грамотамъ дворецкому; «подсудность дворецкому естественнымъ образомъ повлекла за собой и финансовую подвѣдомственность». Но подчиненіе это только устанавливало прямую связь монастыря съ центральнымъ учрежденіемъ, великокняжескимъ «дворцомъ», московскимъ или удѣльнымъ, и освобождало

¹⁾ См. Р. Ист. Сб. III, 256, Алекс. Невск. лѣтопись.

²⁾ Ibid. 256.

плательщика отъ сношеній съ представителями древнѣйшей областной администраціи, данщикомъ и городовымъ прикащикомъ (или нѣсколько позднѣе, намѣстникомъ и волостелемъ); косвенно же, черезъ областныхъ чиновниковъ, подчинялись Дворцу и всѣ остальные плательщики.

Итакъ, если «вотчинный принципъ» означаетъ у автора «частнохозяйственный принципъ», то никогда подати не поступали въ Дворецъ исключительно — или даже хотъ бы преимущественно — по вотчинному принципу. Если же термину «вотчины» и придавать значеніе дворцоваго вѣдомства, то Большой Дворецъ сталъ «вотчиной» только послѣ стуженія своей первоначальной компетенціи и одновременно сдѣлался настоящимъ *территориальнымъ* приказомъ. Въ этомъ смыслѣ между нимъ и другими территориальными приказами, къ которымъ теперь переходимъ, нѣтъ связи преемства, а скорѣе связь одновременнаго происхожденія путемъ дифференціаціи первоначально единаго княжескаго управленія.

Автору (вслѣдъ за Градовскимъ) появленіе территориальныхъ приказовъ представляется не въ видѣ дифференціаціи или внутренняго роста центральныхъ учреждений, а въ видѣ, такъ сказать, ихъ механическаго нарастанія. Происхожденіе этого втораго ряда финансовыхъ учреждений объясняется именно какъ Градовскимъ, такъ и А. С. Лаппо-Данилевскимъ, какъ результатъ перенесенія въ Москву мѣстныхъ областныхъ правительствъ послѣ подчиненія соотвѣтственныхъ областей. Съ большей послѣдовательностью, хотя и съ меньшей осторожностью, чѣмъ его предшественникъ, А. С. Лаппо-Данилевскій старался разрѣшить нѣкоторые вопросы, естественно вытекающіе изъ этой теоріи. Если, дѣйствительно, чети суть перенесенныя въ Москву правительства древнихъ княжествъ, то гдѣ же слѣды этого въ ихъ территориальномъ составѣ? А. С. Лаппо-Данилевскій находитъ, что Владимірской чети «подвѣдомственны были обломки бывшаго Владимірскаго княженія», но рядомъ съ этимъ «нѣсколько городовъ, частью приобрѣтенныхъ московскими великими князьями отъ великаго Новгорода и Рязани, частью вошедшихъ въ предѣлы территоріи Московскаго государства при покореніи Тверскаго великаго княженія и переходѣ къ великому князю московскому князей Бѣлевскихъ, Одоевскихъ, Новосильскихъ и Воротынскихъ» (456). Не говоря о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ этого перечня (Бѣлевъ и Новосиль входили въ Галицкую четъ, а Одоевъ въ Костромскую, см. прилож. XI у автора), о томъ что ни тверскіе, ни рязанскіе, ни

новгородскіе города не вошли цѣликомъ въ одну Владимірскую четь, а разбились между всѣми, — что разумѣетъ авторъ подъ «бывшимъ Владимірскимъ княженіемъ»? Владѣнія которой изъ княжескихъ линій, пошедшихъ отъ Всеволода III и побывавшихъ на владимірскомъ столѣ, надо считать территоріей княжества Владимірскаго? Врядъ-ли авторъ найдетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ, который примирилъ бы насъ съ теоріей происхожденія Владимірской чети, хотя бы изъ «обломковъ» Владимірскаго великаго княженія. Авторъ продолжаетъ: «въ предѣлахъ области, подлежащей вѣдомству Костромской четверти, еще видны слѣды Костромскаго, Переяславскаго и Серпуховскаго княженій; рядомъ съ ними встрѣчаются, однако, немногіе города изъ другихъ областей». Мы, вообще говоря, очень мало знаемъ о составѣ названныхъ княженій; но предположимъ, что пригороды Костромы XVII в. (Буй, Кадый, Любимъ, Судиславль) существовали уже во времена Костромскаго удѣльнаго княженія, присоединимъ къ Переяславскому княжеству Нерехту ¹⁾ и сочтемъ въ составѣ Серпуховскаго княжества Малоярославецъ ²⁾. Такимъ образомъ, въ трехъ княжествахъ мы получимъ девять городовъ (считая между ними 4 пригорода), вошедшихъ въ составъ Костромской чети, а всего въ ней числятся 22 (къ списку автора 545 стр. надо прибавить Серпуховъ); остальные 13 разбросаны на огромномъ пространствѣ (на западѣ Торопецъ, на югѣ Козельскъ, Лихвинъ и Одоевъ, на востокѣ Кадомъ); два изъ нихъ смѣло могли бы фигурировать въ качествѣ «обломковъ» еще двухъ княжествъ, Ярославскаго и Муромскаго. Правда, города ярославскихъ удѣловъ разбросаны по другимъ округамъ; но вѣдь и изъ Серпуховскаго княжества не вошли многіе города: Боровскъ вѣдался въ Владимірской чети, Перемышль — въ Большомъ Дворцѣ, — не говоря о другихъ городахъ, менѣе прочно связанныхъ съ серпуховскимъ княженіемъ.

И такихъ, какъ видимъ, довольно сомнительныхъ слѣдовъ авторъ не рѣшается искать въ другихъ четяхъ; между городами Устюжской четверти, и по его мнѣнію, «трудно прослѣдить территориальную связь»; что касается Галицкой чети, къ ней «присоединены были города, не имѣвшіе между собой ничего общаго въ территориальномъ отношеніи».

Намъ кажется, что рядъ такихъ отвѣтовъ составляетъ со сто-

¹⁾ Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1891. II, 3 и 261.

²⁾ Экземплярскій, II, 296.

роны автора косвенное признаніе въ неудачѣ дать надлежащія подтвержденія защищаемой имъ теоріи. Если такъ мало сходства между территоріями четей и территоріями древнихъ княженій и если авторъ все-таки стоитъ на мысли объ ихъ внутренней связи, естественно является цѣлый рядъ вопросовъ: какія измѣненія должны были совершиться съ администраціей княженій, чтобы послѣдняя превратилась въ администрацію четей? Когда всѣ эти перемѣны, по мнѣнію автора, оставившія слѣды, по нашему же мнѣнію, не оставившія никакихъ слѣдовъ старыхъ дѣлений, — когда онѣ успѣли совершиться, въ силу какихъ обстоятельствъ? Градовскій отвѣчалъ на послѣдніе вопросы, что Москвѣ было невыгодно удерживать границы старыхъ княженій, и она перераспредѣлила города. Вѣроятно, отголосокъ того же аргумента слѣдуетъ видѣть въ словахъ автора, что «ближайшія сосѣднія къ Москвѣ древнія княженія» — «стояли слишкомъ близко къ Москвѣ для того, чтобы по покореніи своемъ не подчиниться, хотя бы отчасти, влиянію московской централизаціи, которая не благопріятствовала областной самостоятельности». Повидимому, авторъ не замѣчаетъ, что ставитъ этотъ аргументъ въ опасное сосѣдство съ другимъ, который его уничтожаетъ. Новгородскій приказъ и Казанскій дворецъ — вѣдомства окраинъ, «выработавшихъ два самостоятельныхъ типа цивилизаціи» и, слѣдовательно, отличавшихся наибольшей областной самостоятельностью; именно, въ силу этого, по мнѣнію автора, они сохранили непрерывность своей старой территоріи. Итакъ, въ случаяхъ совершенной безопасности отъ какого-бы то ни было сепаратизма — Москва не благопріятствовала областной самостоятельности, а въ случаяхъ наибольшей опасности она ея не боялась? Не естественно-ли будетъ заключить, что эта самостоятельность осталась тамъ, гдѣ была, и не сохранилась тамъ, гдѣ ея не было?

Перемѣны, которыя предстоитъ объяснить, чтобы понять превращеніе княженій въ чети, не ограничиваются, однако, перетасовкой *территорій*. Если чети суть бывшія княженія, необходимо показать еще, какимъ образомъ онѣ сдѣлались учрежденіями чисто финансовыми. Развивая идеи Градовскаго, авторъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ (454). Все *нетяглое* населеніе старыхъ княженій было стянуто къ Москвѣ, поставлено въ непосредственныя отношенія къ московскому управленію. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи областной чети осталось только *тяглое* населеніе; этимъ самымъ она «утеряла» свой территоріальный характеръ и «полу-

чила значеніе, главнымъ образомъ, финансоваго учрежденія». Весьма остроумное и стройное объясненіе это прежде всего однако разрушается тѣмъ фактомъ, что чети никогда не получали сословнаго характера, какъ утверждаетъ вслѣдъ за Градовскимъ А. С. Лаппо-Данилевскій; будучи учреждениями финансовыми, онѣ вѣдали всѣ классы въ финансовомъ отношеніи; населеніе нетяглое было таковымъ только въ смыслѣ *личной* свободы отъ податей, а не въ смыслѣ свободы своихъ уѣздныхъ владѣній, и самъ авторъ признаетъ, что «служилый человекъ находился въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ областной чети... на столько, на сколько являлся владѣльцемъ (тяглою) земли». Конечно, тамъ, гдѣ населеніе было сплошь тяглымъ, на сѣверѣ, вѣдомство чети (Новгородской, Устюжской) получало болѣе цѣльный характеръ; но и по отношенію къ болѣе пестрому населенію центра, гдѣ четь даже въ финансовомъ отношеніи конкурировала съ другими приказами (Большимъ Приходомъ, Новой четью, Ямскимъ приказомъ), она все-таки не приобрѣла характера сословнаго.

Предполагаемая перемѣны въ характерѣ вѣдомства четей авторъ пытается привести въ непосредственную связь съ измѣненіемъ ихъ территоріальнаго состава. Упомянувъ о томъ, что четь «въ XVII в. утратила» свой старый характеръ, стала сословной и приобрѣла финансовое значеніе, — онъ непосредственно за этимъ прибавляетъ: «такое значеніе сглаживало прежнее территоріальное дѣленіе, сперва опредѣлявшее предѣлы вѣдомства областной чети, тѣмъ болѣе, что это значеніе уже успѣло ослабѣть подъ вліяніемъ сословныхъ ограниченій» (454). Довольно неопредѣленный смыслъ этой фразы, кажется, получаетъ нѣкоторое разъясненіе въ слѣдующей: «Тогда-то подвѣдомственность города (съ уѣздомъ) стала опредѣляться не только его принадлежностью къ извѣстной области, но и *размѣрами* и *свойствами* получаемыхъ съ него доходовъ». Итакъ, перераспределеніе городовъ между четями произошло подъ вліяніемъ размѣровъ и свойствъ доходовъ отдѣльныхъ городовъ? Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ къ «размѣрамъ» доходовъ отдѣльныхъ городовъ и къ связи ихъ съ распределеніемъ городовъ между четями авторъ еще разъ возвращается (465 — 67). Онъ задается уже прямо на этотъ разъ вопросомъ, не распределѣлись-ли города между четями такъ, чтобы уравнивать доходы разныхъ четей. Но такъ какъ достаточно самыхъ общихъ свѣдѣній о финансовыхъ оборотахъ четей, чтобы заключить, что никакого равенства въ доходахъ четей не существовало, то и авторъ не колеблется

отвѣтитъ на свой вопросъ отрицательно: разница въ доходахъ разныхъ городовъ «не только не уравнивала, но увеличивала различіе въ размѣрахъ доходовъ, поступавшихъ въ разные четверти» (465—67). Такимъ образомъ, по собственному заключенію автора, размѣры дохода извѣстнаго города на отнесеніе его къ той или другой чети никакого вліянія не имѣли. Что касается «свойства» доходовъ того или другаго города, къ этому вопросу авторъ болѣе не возвращается, и мы не знаемъ, что онъ о немъ думаетъ. Конечно свойства доходовъ могли быть въ разныхъ городахъ и уѣздахъ различны: въ городѣ болѣе промышленномъ мы найдемъ болѣе большой процентъ поступления таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, въ сѣверномъ уѣздѣ — стрѣлецкую подать, на сѣверо-востокѣ — сибирскіе отпуска, на инородческомъ юговостокѣ — ясакъ, медовый оброкъ; но всѣ эти мѣстныя особенности, несомнѣнно, не играли никакой роли въ распредѣленіи городовъ по четямъ. Такимъ образомъ, ни наблюденія надъ территоріальнымъ составомъ четей, ни гипотеза о развитіи ихъ сословно-финансоваго характера изъ первоначальнаго территоріально-административнаго, ни предположенія о всевозможныхъ причинахъ, политическихъ и финансовыхъ, могшихъ оказать вліяніе на перераспредѣленіе городовъ между четями, не даютъ достаточнаго матеріала для обоснованія теоріи происхожденія ихъ изъ областныхъ правительствъ.

Перехода къ изображенію авторомъ четей XVII ст., мы встрѣтимся съ тѣмъ же недостаткомъ, о которомъ говорили выше. Авторъ дѣлаетъ заключенія объ установленномъ порядкѣ по единичнымъ случаямъ, подборъ которыхъ всегда будетъ неполонъ, сколько бы авторъ ни накоплялъ ихъ, и пользоваться которыми нѣтъ надобности при существованіи болѣе надежныхъ источниковъ. Такъ, чтобъ отвѣтить на вопросъ, какія именно подати уплачивались въ чети, авторъ подбираетъ рядъ свидѣтельствъ о взносѣ той или другой подати и затѣмъ перечисляетъ эти свидѣтельства относительно каждой чети отдѣльно; единственное обобщеніе, которое онъ при этомъ себѣ дозволяетъ, состоитъ въ замѣчаніи, что «съ городовъ, вѣдаемыхъ въ той или другой чети, поступали самыя разнообразныя подати». Между тѣмъ знакомство съ приходными книгами четей избавило бы его отъ необходимости клеить картину изъ кусочковъ, рискуя оставить ее неполной и даже остаться въ невѣдѣніи, на сколько она полна или неполна, — тогда какъ есть совершенно полныя и многочисленныя свѣдѣнія о цѣломъ. Кое какія данныя этого рода нашлись и въ «столбцахъ»,

болѣе извѣстныхъ автору; но онѣ опять-таки были поняты авторомъ, какъ единичные случаи, и индивидуальное въ нихъ не отдѣлено отъ общаго. Такой характеръ носить пересказъ содержанія двухъ приходныхъ книгъ Устюжской четверти 1672 г. и Владимірской 1670 г., на стр. 459.

Не выяснивъ, такимъ образомъ, степени полноты, однообразія и устойчивости финансовыхъ поступленийъ четей, авторъ, естественно, не могъ дать вѣрной характеристики ихъ финансоваго значенія. Какъ самый составъ поступленийъ, такъ и распредѣленіе поступленийъ между четами кажется ему болѣе неопредѣленнымъ и колеблющимся, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Развивая свой взглядъ на эту неопредѣленность, онъ тщательно отмѣчаетъ всѣ случаи колебаній въ территориальномъ составѣ четей. Такихъ случаевъ набирается при самомъ обстоятельномъ изученіи, какому подвергъ свой матеріалъ А. С. Лаппо-Данилевскій, десять за цѣлымъ вѣкъ¹⁾. Ко-

¹⁾ Стр. 443: «подати съ г. Боровска... должны были поступить въ ту четь, какую государь укажетъ». По справкѣ съ источникомъ, указаннымъ у автора (Арх. М. Ю. дозорн. кн. Боровска, кн. 399, л. 368) оказывается, что дѣло идетъ объ *оброкѣ* съ *одною* монастыря; оброкъ этотъ велѣно вносить «въ который приказъ государь укажетъ»; самый же Боровскъ въ это время, какъ и всегда, принадлежалъ къ Владимірской чети; и на самой этой дозорной находимъ надпись (л. 344): «съ книги въ Володимерской чети—положилъ подьячій NN». Въ прилож. XI (стр. 550). Боровскъ тоже помѣщенъ въ спискѣ переходящихъ городовъ, и тоже по недоразумѣнію: онъ смѣшанъ здѣсь съ Боровой, принадлежащей къ Великокоросійскому приказу. Другой примѣръ (стр. 467), переходъ Соломенской волости (железные заводы Винюса, Акема, Марселеса) изъ одного учрежденія въ другое, тоже къ дѣлу не относится. Какъ дворцовая, она вѣдалась Бол. Дворцомъ, затѣмъ, по мнѣнію автора, перешла въ вѣдомство Оружейной палаты, оттуда въ Пушкарскій, Посольскій и, наконецъ «снова стала платить подати» въ Бол. Дворецъ. Изъ документовъ, на которые ссылается авторъ, видно (Доп. къ А. И. V, № 77), что Бол. Дворецъ *все это время* считалъ Соломенскую волость «противъ иныхъ дворцовыхъ селъ» (стр. 400) — остающейся въ своемъ финансовомъ вѣдомствѣ. Переходъ въ Оруж. палату вообще не былъ переходомъ въ другое вѣдомство; въ Пушкарскій эта волость перешла (всего на 2½ мѣсяца) именно въ тотъ моментъ, когда была «взята на государя»; наконецъ, и подчиненіе Посольскому приказу, вполне естественное, такъ какъ Марселесъ былъ иностранецъ, не устраняло подчиненія Бол. Дворцу. Итакъ, этотъ случай скорѣе всего доказываетъ именно устойчивость территориальныхъ вѣдомствъ XVII в. Несомнѣнны переходы: Бѣлоозера изъ Галицкой, Дмитрова изъ Устюжской и Большихъ и Малыхъ Солей — изъ Костромской чети — въ Большой Дворецъ; Мосальска (у автора ошибочно: Мещовска), Карачева и Орла — въ Разрядъ. Подвѣдомственность Вязьмы и Касимова (кромѣ Устюжской чети и Казанскаго Дворца) — Посольскому приказу, и Олонца, кромѣ Новгородской чети, Большому Дворцу (ср. стр. 472) могла быть еще *одновременной*.

нечно, въ составѣ губерній нашего вѣка можно было бы насчитать такихъ измѣненій во много разъ больше, но никто не будетъ выводить отсюда заключенія о неустойчивости и неопредѣленности ихъ территоріальнаго состава. Такимъ образомъ, мы совершенно согласны съ окончательнымъ выводомъ автора, что «не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія такимъ колебаніямъ;... большинство городовъ до эпохи преобразованій оставалось въ вѣдомствѣ одной и той же четверти» (468).

Переходя къ *расходамъ* четей, авторъ очень хорошо разъясняетъ значеніе ихъ какъ центральныхъ кассъ, изъ которыхъ денежная наличность распредѣлялась по ассигновкамъ на спеціальныя нужды (461—65). Въ другомъ мѣстѣ онъ отмѣчаетъ нѣкоторую случайность этихъ ассигновокъ, т. е. неустановленность источниковъ, изъ которыхъ покрывались одни и тѣ же расходы (443). Слѣдовало бы, однако, въ послѣднемъ случаѣ сдѣлать различіе между разными категоріями расходовъ. Для удовлетворенія нѣкоторыхъ изъ нихъ существовали, какъ мы знаемъ, спеціальныя подати: стрѣleckія, ямскія, полонянничныя, конскія деньги: является вопросъ, — употреблялись ли онѣ дѣйствительно на свое прямое назначеніе? Авторъ знаетъ случаи такого употребленія, но трактуетъ ихъ, по своему обыкновенію, какъ единичные, и выводитъ изъ нихъ очень нерѣшительное заключеніе, что «извѣстная часть сборовъ *могла*... выдаваться изъ... четей... въ... учрежденія, завѣдывавшія расходами на тотъ родъ государственныхъ потребностей, которыя удовлетворялись спеціально для этого назначенными сборами» (464). При болѣе опредѣленномъ представленіи о финансовой компетенціи четей, авторъ могъ бы выразиться рѣшительнѣе: этого рода подати и сбиралось четями для передачи въ спеціальныя учрежденія; иногда передавались частями, иногда съ прибавкой другихъ сборовъ, но во всякомъ случаѣ въ общемъ достигали своего назначенія¹⁾. Среди остальныхъ расходовъ надо также отличать производимые на мѣстѣ отъ производимыхъ въ Москвѣ, окладные отъ неокладныхъ; по отношенію къ каждой изъ этихъ категорій степень устойчивости ассигновокъ окажется различною. Доказательства въ изобиліи можно найти въ тѣхъ же приходо-расходныхъ книгахъ и въ смѣтныхъ спискахъ четей.

Мы уже говорили выше, что Большой Дворецъ, послѣ своего сокращенія до предѣловъ дворцоваго вѣдомства, былъ, въ сущно-

¹⁾ Ср. Гос. Хоз. 73, прим. 1.

сти, такимъ же территоріально-финансовымъ приказомъ, какъ и чети. Еще Градовскій замѣтилъ, что «территоріальный принципъ» применялся также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо было непосредственно обезпечить содержаніе какой-нибудь отрасли администраціи¹⁾; въ этихъ случаяхъ и нефинансовые приказы получали свою финансовую территорію, т. е. извѣстное количество городовъ, доходы съ которыхъ поступали въ ихъ распоряженіе. А. С. Лаппо-Данилевскій по справедливости считаетъ нужнымъ подробнѣе остановиться въ ряду такихъ приказовъ на Разрядѣ. Въ своей работѣ (Гос. Хоз. § 22) мы старались выяснитъ, какъ сложилось территоріальное вѣдомство Разряднаго приказа: мы пришли къ заключенію, что оно явилось послѣ выдѣленія четей, т. е. не ранѣе послѣдней трети XVI в.; что до устройства Бѣлгородской черты оно состояло изъ такъ называемыхъ «польныхъ» городовъ, которые послѣ организаціи черты (1636—1650) раздѣлились на города въ чертѣ, на чертѣ и за чертой; затѣмъ, подъ влияніемъ войнъ за Малороссію, внутри этого вѣдомства сложились (въ 1663—5) военные округа Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка. А. С. Лаппо-Данилевскій въ разныхъ мѣстахъ своей книги также высказываетъ наблюденія, параллельныя нашимъ (268, 439, прим. 3, 469—471); но, строя эти наблюденія на единичныхъ и отрывочныхъ данныхъ, онъ не чувствуетъ себя на достаточно твердой почвѣ и въ общихъ своихъ выводахъ колеблется, подчиняясь, въ сущности, принятымъ въ литературѣ воззрѣніямъ. Не зная времени происхожденія территорій Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полка и времени появленія столовъ Разряднаго приказа, онъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію Загоскина о неопредѣленности территоріальнаго состава этихъ полковъ и вслѣдъ за нимъ свободно говоритъ о Бѣлгородскомъ, Сѣвскомъ и даже Кіевскомъ столахъ задолго до того времени, когда они дѣйствительно появились²⁾. Мы должны, впрочемъ, оговориться, что

¹⁾ Мѣст. Упр., 235.

²⁾ Увѣренность автора въ довольно раннемъ существованіи этихъ столовъ отразилась въ неосторожномъ цитированіи матеріала въ прим. 5, стр. 470; такъ онъ цитируетъ несуществующую «книгу приходную... по Сѣвскому столу» 1670 г.; въ подлинникѣ этотъ документъ называется книгой приходной «всѣмъ разряднымъ доходамъ»; тутъ рядомъ съ городами Сѣвскаго полка нахлѣмъ и города Бѣлгородскаго полка и Заокіе, а о «столахъ», какъ и слѣдуетъ ожидать, ничего не говорится. Двѣ другія ссылки не могли быть проверены по документамъ, такъ какъ оказались невѣрными; но не можетъ быть сомнѣнія, что и въ этихъ случаяхъ терминъ «Бѣлгородскій столъ» не прочтенъ

въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, противопоставляемъ мнѣнію автора наши собственные выводы, опубликованные уже послѣ выхода въ свѣтъ его диссертациі.

Въ изображеніи слѣдующаго, третьяго, момента исторіи финансовыхъ учрежденій авторъ продолжаетъ—и на этотъ разъ воистинѣ основательно—слѣдовать Градовскому. «Значеніе четверти (вѣрнѣе сказать вообще: территоріально-финансовыхъ приказовъ) въ приказной системѣ Московскаго государства стало падать, когда явились попытки систематическаго распредѣленія поступленій по центральнымъ учрежденіямъ» (473). Но мы опять не можемъ присоединиться къ мысли Градовскаго, усвоиваемой авторомъ въ ближайшей слѣдующей фразѣ: «эта систематизація стала обнаруживаться, повидимому, на почвѣ сословныхъ разграниченій». Въ доказательство этой мысли авторъ приводитъ прежде всего Большую Казну, въ которой были вѣдомы, по словамъ Котошихина «многихъ городовъ торговые люди»; но въ примѣчаніи самъ онъ выписываетъ и другую половину свидѣтельства Котошихина—что въ Большой Казнѣ собираютъ съ этихъ городовъ также и «съ крестьянъ и съ бобылей тягло, и подати, и откупы и иные поборы», т. е. всѣ подати съ тяглаго населенія извѣстныхъ городовъ, приписанныхъ къ приказу: какъ видимъ, Большая Казна, по составу своихъ плательщиковъ, не отличается отъ другихъ территоріально-финансовыхъ приказовъ. Впрочемъ, мы должны прибавить, что и намъ, какъ и автору, не удалось опредѣлить территоріальнаго вѣдомства Большой Казны; и общій характеръ ея поступленій представляется намъ на столько неяснымъ, что мы не рѣшаемся вѣрится свидѣтельству Котошихина. Въ концѣ вѣка Большая Казна уже совершенно яснымъ образомъ сосредоточиваетъ въ себѣ дѣйствительно спеціальныя поступленія,—но не спеціально съ городского сословія: въ нее поступаютъ косвенные сборы, которые, конечно, собираются преимущественно въ городахъ и преимущественно людьми городского класса, но во всякомъ случаѣ не могутъ быть названы сословными. Напомнимъ также, что косвенные сборы взимаются въ то же время и въ другихъ территоріальныхъ приказахъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спеціально, именно въ Большомъ Приходѣ (таможенные) и Новой четверти (кабакіе); но авторъ не связываетъ этой спеціализаціи съ выдѣленіемъ городского

авторомъ въ документахъ, а введенъ имъ самимъ. О времени происхожденія столовъ Разр. приказа, см. Госуд. Хоз. 298, пр. 1; 336—337, прим. 3; 350; прим. 1.

сословія ¹⁾. Былъ, дѣйствительно, моментъ, когда косвенные сборы и вѣдомство городского сословія слились въ одномъ учрежденіи — Петровской Ратушѣ; но и тогда не поступления специализировались «на почвѣ сословныхъ разграниченій», а скорѣе наоборотъ, сословное разграниченіе явилось послѣдствіемъ специализаціи поступленій.

Второй примѣръ, приводимый авторомъ вслѣдъ за Градовскимъ, въ доказательство той же мысли о сословномъ происхожденіи специальныхъ финансовыхъ приказовъ, есть Монастырскій приказъ. Конечно, Монастырскій приказъ есть сословный, точно также какъ и приказъ Большаго Дворца, съ которымъ онъ былъ связанъ съ начала вѣка по 1648 г. и вновь съ 1677 по 1701 г. Но ни тотъ, ни другой не суть специальные финансовые приказы того типа, который долженъ былъ «подорвать значеніе областныхъ приказовъ ²⁾. Вѣдая извѣстную территорію и получая съ нея все государственныя подати, они отличаются отъ областныхъ приказовъ только тѣмъ, что съ подвѣдомственныхъ имъ земель на ряду съ общегосударственными налогами собираются также и владѣльческіе доходы; но, конечно, этого рода специализація не имѣетъ ничего общаго съ «систематическимъ распредѣленіемъ поступленій»; оба приказа явились вмѣстѣ съ другими территоріально-финансовыми приказами, и если просуществовали дольше ихъ, то отнюдь не въ силу новаго принципа систематизаціи поступленій, а вопреки ему, такъ какъ для полнаго его осуществленія они являлись препятствіемъ.

Итакъ, систематизація поступленій не имѣла ничего общаго съ «сословными разграниченіями», а сословныя разграниченія нисколько не соотвѣтствовали систематизаціи поступленій. Таковъ, въ сущности, выводъ и самого автора: «сословныя различія, говоритъ онъ послѣ приведенія разобранныхъ двухъ примѣровъ, не могли служить надежною основою для распредѣленія поступленій;... болѣе естественнымъ принципомъ распредѣленія поступленій могли послужить различія въ характерѣ податей» (475), — единственныя, о которыхъ только и можетъ идти рѣчь въ разсматриваемомъ отдѣлѣ.

¹⁾ Градовскій въ этомъ случаѣ осторожниѣе говоритъ о «сосредоточеніи организаціи городскихъ классовъ въ нѣсколькихъ приказахъ, число которыхъ постепенно сокращалось». Мѣстн. Упр. 233.

²⁾ Градо вскій, 233.

Переходя къ систематизаціи приказовъ по характеру поступлений, авторъ совершенно основательно указываетъ на выдѣленіе въ особые приказы, Большой Приходъ и Новую четъ, косвенныхъ поступлений. Мы можемъ добавить, что и въ данномъ случаѣ выдѣленіе происходило въ предѣлахъ извѣстной территоріи, но за то на этой территоріи оба приказа дѣйствительно вступили въ сильную конкуренцію съ вѣдомствомъ четей; этой конкуренціей объясняется меньшее финансовое значеніе центральныхъ четей, Владимирской, Костромской и Галицкой ¹⁾).

Остается, однако, разъяснить, какъ давно появилась эта спеціализація косвенныхъ сборовъ: по нѣкоторымъ признакамъ она сопровождала уже самое образованіе четей, и въ такомъ случаѣ придется признать, что по крайней-мѣрѣ три названныя чети появились на свѣтъ уже значительно «подорванными» въ своемъ финансовомъ значеніи.

Авторъ переходитъ далѣе къ спеціализаціи поступлений ямскихъ, полонянничныхъ и стрѣleckихъ денегъ. Недостаточно отчетливое представленіе объ исторіи этихъ податей отзывается и здѣсь довольно многочисленными недоразумѣніями. «Въ первой четверти XVII в., говоритъ авторъ, ямскія деньги поступали въ Большой Приходъ, подобно полонянничнымъ, но затѣмъ стали собираться въ Ямскомъ приказѣ... Впрочемъ, едва-ли возможно вполне точно опредѣлить, когда Ямской приказъ замѣнилъ въ этомъ отношеніи Большой Приходъ, и замѣнилъ-ли онъ его вполне. Есть указанія, что съ одного и того же поселенія, напр. съ г. Шуи, ямскія деньги взиmались попеременно, то въ то, то въ другое изъ этихъ учреждений». Основное недоразумѣніе этихъ замѣчаній заключается въ томъ, что авторъ не различаетъ здѣсь большихъ и малыхъ ямскихъ. Послѣднія собирались въ XVII в. въ Большомъ Приходѣ — по традиціи XVI в., въ концѣ котораго Большой Приходъ былъ главнымъ финансовымъ учрежденіемъ, выдѣлвшимся изъ Дворца и подчинявшимъ себѣ чети. Ранѣе этого выдѣленія ямскія деньги поступали и прямо во Дворецъ ²⁾. Изъ Большаго Прихода получали ихъ и Ямской приказъ въ 1610—1613 г. ³⁾. Когда же въ 1616—17 г. появилась новая ямская подать, то взиманіе ея съ самаго начала

¹⁾ Гос. Хоз. 308: списокъ городовъ, косвенные сборы которыхъ вѣдались Новой Четью и Большимъ Приходомъ.

²⁾ Арх. М. Ю. Мон. гр. Пошех. у. № 9703.

³⁾ А. И. II, № 355.

передано было прямо Ямскому приказу. Это различіе въ поступленіи большихъ и малыхъ ямскихъ, собственно, извѣстно и самому автору (стр. 15); и тѣмъ страннѣе, что забывъ о немъ здѣсь (на стр. 477), онъ утверждаетъ, что «тѣ же деньги» (въ тѣ же годы) собирались съ Шуи и въ Ямской приказъ и въ Большой Приходъ; между-тѣмъ Гарелинскія отписки, изъ которыхъ онъ извлекъ этотъ выводъ, не даютъ никакого повода къ смѣшенію: малыя ямскія, частію прямо такъ названныя въ нихъ, частію легко отличимыя по размѣру своего оклада и по соединенію съ пищальными деньгами, постоянно поступаютъ здѣсь въ Большой Приходъ, а большія ямскія — въ Ямской приказъ.

По отношенію къ полоняничнымъ деньгамъ, у автора нѣтъ прямыхъ ошибокъ, но есть обычная неопредѣленность: авторъ сопоставляетъ единичные случаи, не сводя ихъ къ общему порядку и къ общимъ основаніямъ. «Въ началѣ XVII вѣка полоняничныя деньги поступали въ Большой Приходъ (приводится грамота 1582 г. и 1610—13), затѣмъ въ Посольскій приказъ... Вскорѣ затѣмъ (послѣ 1678 г.) встрѣчаются извѣстія о поступленіи полоняничныхъ денегъ вмѣстѣ съ ямскими въ Ямской приказъ. Полоняничныя деньги, какъ извѣстно, далеко не всегда поступали прямо въ Посольскій приказъ,... а переводились сюда... изъ четей. Впрочемъ, есть прямыя указанія на выдачу отписей въ приѣмъ полоняничныхъ денегъ (вмѣстѣ съ ямскими) изъ Ямскаго приказа въ 1680 и слѣдующихъ годахъ» (478). Всѣ эти свѣдѣнія не даютъ намъ точнаго понятія объ исторіи поступленія полоняничныхъ денегъ, и не столько потому, что онѣ довольно хаотично изложены, сколько потому, что авторъ не знаетъ общихъ основаній совершающихся перемѣнъ. Большой Приходъ собиралъ полоняничныя до сформированія четей. затѣмъ ихъ взиманіе перешло къ послѣднимъ (и вообще къ территориально-финансовымъ приказамъ), и уже собранныя здѣсь полоняничныя деньги передавались для соответствующаго расхода Посольскому приказу. Реформа 1679 г. слила полоняничныя съ ямскими въ одинъ общій окладъ — 5—10 коп. съ двора и передала взиманіе ихъ Ямскому приказу¹⁾: вотъ почему автору съ 1680 г. «встрѣчались извѣстія» о ихъ уплатѣ въ Ямской приказъ.

То же впечатлѣніе случайности, несоответствующее дѣйстви- тельному положенію дѣла, оставляютъ и сообщенія автора о поступленіи стрѣleckихъ денегъ. Авторъ очень хорошо знаетъ, что

¹⁾ Гос. Хоз. 8.

«стрѣleckія деньги поступали главнымъ образомъ въ четверти и отсюда переводились въ приказъ Стрѣleckій» (479). Но онъ ограничиваетъ дѣйствіе этого правила «первой половиной XVII в.» и затѣмъ въ предѣлахъ этой половины приводитъ рядъ исключеній: когда стрѣleckія деньги шли «прямо въ Стрѣleckій приказъ». Изъ четырехъ приведенныхъ случаевъ, въ одномъ ¹⁾ ничего не говорится о поступленіи въ Стрѣleckій приказъ: подать собирается для мѣстнаго расхода и тратится на мѣстѣ. Три другіе случая относятся къ мѣстностямъ (Бѣлоозеро, Кашира — у автора опечатка: Кашинъ — и Суздаль), гдѣ стрѣleckая подать не была регулярнымъ денежнымъ налогомъ: въ двухъ случаяхъ прямо и говорится въ источникахъ, что она берется за хлѣбъ ²⁾

Такимъ образомъ приведенныя мѣста не представляютъ отклоненія отъ дѣйствующаго порядка поступленія стрѣleckой подати, Что касается второй половины XVII в., авторъ думаетъ, что уже «въ 1660-хъ годахъ въ Стрѣleckій приказъ поступали стрѣleckія деньги, взимаемыя со всего государства». etc. На сколько мы знаемъ, въ 1660-хъ годахъ ровно ничего не измѣнилось въ дѣйствовавшемъ порядкѣ: приведенное сообщеніе автора есть перефразировка свидѣтельства Котошихина (VII, § 5); но Котошихинъ не говоритъ, чтобы эти стрѣleckія деньги поступали непосредственно въ Стрѣleckій приказъ; напротивъ, онъ сопоставляетъ ихъ сборъ со сборомъ полонянничныхъ, которыя уже несомнѣнно поступали въ то время въ областные приказы и только оттуда направлялись въ Посольскій. Авторъ приводитъ и другіе случаи: но въ одномъ изъ нихъ ³⁾ говорится не о поступленіи стрѣleckихъ денегъ въ Стрѣleckій приказъ, а о расходѣ ихъ изъ Стрѣleckаго приказа въ Смоленскъ; другіе относятся къ тому времени, когда стрѣleckія деньги дѣйствительно стали поступать въ Стрѣleckій приказъ, т. е. послѣ реформы 1672 г. Полагая, что это случилось уже въ 1660-хъ годахъ, авторъ не замѣчаетъ момента дѣйствительной перемѣны (1672 г.); не знаетъ онъ и о возвращеніи сбора стрѣleckихъ денегъ въ чети въ 1683 г.; между-тѣмъ въ исторіи четей это возвращеніе было важнымъ фактомъ, такъ какъ оживило ихъ и дало имъ возможность просуществовать до петровскаго времени.

Изученіе процесса систематизаціи финансовыхъ учреждений

¹⁾ Доп. къ А. И. II, 17.

²⁾ А. Ю. № 216, XVII и А. И. III, 132.

³⁾ Доп. къ А. И. V. № 60, I.

авторъ заканчиваетъ обзоромъ случаевъ сліянія разныхъ приказовъ (483—89); факты подобраны очень полно; указаны и мотивы такого сліянія: личное благоволеніе царя къ извѣстнымъ лицамъ, военныя и дипломатическія соображенія, потребность увеличить доходы извѣстнаго учрежденія. Въ результатѣ этого обзора авторъ приходитъ къ выводу, что «соединеніе нѣсколькихъ приказовъ подъ однимъ управленіемъ было слишкомъ случайнымъ и непостояннымъ для того, чтобы повести къ образованію одного общаго финансоваго центра» (489, 488). Распоряженія о такихъ соединеніяхъ «ниѣли нерѣдко лишь кратковременное значеніе, отмѣнялись вскорѣ послѣ своего появленія и не только не придавали стройности приказной системѣ, но иногда запутывали ее еще болѣе». Такимъ образомъ, въ массѣ сопоставленныхъ случаевъ авторъ не видитъ никакого общаго теченія. Онъ отмѣчаетъ только «слабые зародыши новаго начала въ объединеніи приказовъ, видные въ сліяніи не разнородныхъ, а однородныхъ учреждений въ болѣе сложныя группы» (488). Но это самое опредѣленіе «новаго начала» показываетъ намъ, что авторъ не вполне оцѣнилъ значеніе сліянія приказовъ въ процессѣ преобразованія финансовыхъ учреждений XVII в. Смыслъ этого процесса долженъ былъ заключаться не въ сліяніи «однородныхъ» учреждений (въ сущности, всѣ финансовыя учрежденія XVII в. были однородны — территоріальны), а въ изучаемой самимъ авторомъ систематизаціи поступленій въ спеціальныхъ приказахъ и въ параллельномъ разрушеніи приказовъ территоріальныхъ. Сліяніе послѣднихъ въ общія группы къ концу вѣка свидѣтельствуетъ не объ осуществленіи въ нихъ новаго начала, а о паденіи стараго, о постепенной атрофіи старыхъ учреждений. Этой исторіи постепеннаго разрушенія старыхъ областныхъ приказовъ мы совсѣмъ не находимъ у автора; а только такая исторія и могла бы показать степень успѣха «новаго начала» къ концу столѣтія. Все, что можетъ сказать объ этомъ авторъ, сводится къ заключенію, что «самое распредѣленіе дѣлъ между приказами, завѣдывавшими спеціальными вѣтвями управленія, не успѣло выработаться, а отсюда происходили тѣ значительныя колебанія и въ распредѣленіи выше указанныхъ поступленій по такимъ учрежденіямъ» (482—3). «Колебанія» эти, какъ мы видѣли выше, оказались гораздо менѣе значительными, чѣмъ полагаютъ авторъ; такимъ образомъ, и ходъ финансовой спеціализаціи и концентраціи приказнаго финансоваго управленія подвинулся къ концу вѣка въ дѣйствительности несравненно далѣе, чѣмъ склоненъ онъ заключать.

«Успѣшному развитію этихъ зачатковъ, говоритъ онъ въ концѣ концовъ, *помышляя* рядъ тяжелыхъ войнъ конца XVII и начала XVIII в., а также преобразовательная дѣятельность великаго Петра». Нашъ выводъ былъ бы совершенно противоположенъ: мы думаемъ, что успѣшному и окончательному развитію этихъ зачатковъ *болѣе всего содѣйствовала* рядъ войнъ конца XVII и начала XVIII в., а также преобразовательная дѣятельность великаго Петра. Не будемъ возвращаться къ фактамъ, подтверждающимъ такой выводъ, такъ какъ мы имѣли случай подробнѣе говорить объ этомъ въ нашей работѣ.

Авторъ заканчиваетъ главу, а вмѣстѣ съ ней и изслѣдованіе свѣдѣніями о контрольныхъ учрежденіяхъ XVII в. и характеристикой приказныхъ людей и нравовъ. Совершенно основательно онъ видитъ зачатки государственнаго контроля въ специальныхъ ревизіонныхъ комиссіяхъ и въ приказѣ счетныхъ дѣлъ (490—92). Добавимъ только, что, по нашему представленію, приказъ Счетныхъ дѣлъ также не былъ постояннымъ учрежденіемъ, а такой же специальной комиссіей, контролировавшей раздачу полковаго жалованья во время войнъ за Малороссію (1654—66), хотя исполнявшей кромѣ того и другія ревизіонныя порученія ¹⁾.

Въ этой связи съ контрольной дѣятельностью XVII в. всего удобнѣе разсмотрѣть и отдѣлъ о финансовой отчетности, о «составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ», — присоединенный авторомъ ко второй главѣ «о раскладкѣ податей» (262—82). Авторъ начинаетъ отдѣлъ съ характеристики смѣтнаго списка (отчета за истекшій годъ) и окладной росписи (бюджетнаго проекта на слѣдующій годъ); затѣмъ переходитъ къ изображенію отчетности воеводъ передъ центральнымъ управленіемъ (264—71): здѣсь онъ особенно останавливается на тѣхъ «зачаткахъ мѣстной централизаціи», которые выражались въ появленіи мѣстныхъ финансовыхъ центровъ, вѣдавшихъ финансовую отчетность *не по одному городу*, а по цѣлой области; совершенно основательно онъ отмѣчаетъ здѣсь и то обстоятельство, что централизація финансового управленія развивалась (въ областяхъ) подъ вліяніемъ военной организаціи (267). Далѣе авторъ переходитъ къ весьма важному вопросу о существованіи общихъ государственныхъ росписей (272—79). Здѣсь онъ указываетъ прежде всего на рядъ сводныхъ финансово-статистическихъ работъ, предпринимавшихся съ спе-

¹⁾ Госуд. хоз. 112.

ціальної цѣлю,—и менно, чтобы опредѣлить общее количество дворовъ при назначеніи экстренной подворной подати. Конечно, «указаніями», хотя бы и «косвенными», «на возможность существованія общей государственной росписи», эти факты служить не могутъ. Далѣе авторъ собираетъ прямые свидѣтельства о существованіи государственныхъ росписей. Первое изъ нихъ относится къ 1619 г., когда «предположено было сосчитать всѣ наличныя суммы, которыя сохранились въ городахъ послѣ разоренія». Какъ видно уже изъ этихъ словъ, въ 1619 г. предпринята была также частная финансово-статистическая работа съ специальной цѣлю опредѣлить количество свободныхъ остатковъ городскихъ поступленій, какимъ могла располагать центральная администрація. Гораздо важнѣе указаніе на «годовую большую смѣту» 1623—24 г.: это первое несомнѣнное указаніе на существованіе общаго бюджета. Мы не сомнѣваемся, что это извѣстіе слѣдуетъ сопоставить съ тѣмъ образцовымъ порядкомъ, въ которомъ мы находимъ отчетность отдѣльныхъ приказовъ за это время; по всему видно, что съ 1620-хъ годовъ произошла реформа приказнаго дѣлопроизводства, заведены формы прихода-расходныхъ книгъ, смѣтныхъ списковъ и другихъ документовъ; весьма вѣроятнымъ кажется намъ, что въ ряду этихъ нововведеній и сводная «годовая большая смѣта» заняла свое постоянное мѣсто въ приказной регистратурѣ. Къ сожалѣнію, тѣ же соображенія, — именно общій *habitus* сохранившагося приказнаго производства — приводятъ насъ къ заключенію, что заведенный порядокъ продержался недолго: съ сороковыхъ годовъ мы уже не встрѣчаемъ въ сохранившихся документахъ прежней полноты и отчетливости, а въ 1650-хъ и 1660-хъ гг. находимъ полное разстройство стараго порядка и не замѣчаемъ, чтобы сложился новый. Если эти впечатлѣнія, получаемыя при изученіи регистратуры сохранившихся приказовъ, не случайны, то можно опасаться, что и упоминаніе о годовой смѣтѣ 1624 г. не свидѣтельствуетъ о непрерывномъ составленіи бюджетныхъ росписей за болѣе позднее время. А. С. Лаппо-Данилевскій нашелъ указаніе, что въ 1646 г. велѣно было составлять въ четьяхъ смѣтные списки для сведенія ихъ въ одну общую вѣдомость; но такъ какъ мы не знаемъ, было-ли послано одновременно распоряженіе объ этомъ и въ другія учрежденія, то и не можемъ пока заключать, что имѣлось въ виду составленіе общей росписи. Впрочемъ, судя по общему настроенію новаго правительства въ это время, очень вѣроятно, что именно тогда почувствовалась опять надобность въ годовой смѣтѣ для

предполагавшихся реформъ: припомнимъ, что среди этихъ реформъ проектировалась введеніе одинаго налога, долженствовавшаго своими размѣрами замѣнить всѣ другіе; подобный расчетъ, хотя бы совершенно приблизительный, нельзя было, конечно, сдѣлать безъ государственной росписи. Какъ бы то ни было, — была-ли составлена въ этомъ году государственная роспись или ее постигла таже судьба, какъ и единый налогъ, — послѣ этого времени мы опять ничего не знаемъ о бюджетныхъ росписяхъ вплоть до 1680 г., бюджетную роспись котораго намъ посчастливилось найти въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Авторъ считаетъ возможнымъ изъ существованія этой росписи заключить, что «съ 1680-хъ годовъ такія росписи несомнѣнно существовали» (274). Къ сожалѣнію, и этого мы не рѣшаемся пока утверждать, такъ какъ подозрѣваемъ, что роспись 1680 г. составлена специально въ виду обширныхъ финансовыхъ реформъ этого года. Впрочемъ, этотъ вопросъ, — была-ли роспись 1680 г. единовременной мѣрой или же она только случайно сохранилась изъ ряда подобныхъ ей, — можетъ быть рѣшенъ только дальнѣйшимъ изученіемъ. Пока намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что составленіе регулярныхъ росписей началось только съ 1701, съ учрежденія Ближней канцеляріи (хотя и тогда вновь прервалось съ 1710) ¹⁾.

Мы не будемъ останавливаться на «заключеніи» автора, слишкомъ краткомъ (501 — 507) и не прибавляющемъ новыхъ чертъ къ тѣмъ общимъ выводамъ, которые мы рассмотрѣли въ соответственныхъ мѣстахъ рецензіи.

Переходя къ общему сужденію о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго, мы прежде всего должны подчеркнуть наше личное положеніе относительно изслѣдованія автора. Значительная часть нашихъ возраженій противъ защищаемыхъ имъ взглядовъ сдѣлана съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ противоположныхъ или вообще несогласныхъ воззрѣній, еще не успѣвшихъ сдѣлаться въ свою очередь предметомъ специальной критики, а отчасти и впервые высказываемыхъ въ этой рецензіи. Критика слишкомъ часто переходитъ въ полемику въ представляемомъ нами разборѣ, чтобы мы могли претендовать на роль безпристрастнаго судьи: мы пред-

¹⁾ Роспись 1680 г. и таблицы по росписямъ Ближней канцеляріи см. въ приложеніяхъ къ Госуд. хоз.

ставляемъ лишь одну изъ сторонъ и охотно признаемъ, что окончательный приговоръ по поводу обсуждавшихся здѣсь спорныхъ пунктовъ принадлежитъ третьимъ лицамъ.

Оставивъ въ сторонѣ этотъ личный элементъ нашихъ сужденій, мы въ главномъ совершенно присоединяемся къ общему мнѣнію специальной критики о книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго. Существенное содержаніе печатныхъ отзывовъ передано нами во введеніи къ рецензій; заканчивая ее, мы прибавимъ, что и сами имѣли случай представить одинъ изъ такихъ отзывовъ, не разошедшійся съ общимъ мнѣніемъ критики. Позволимъ себѣ воспользоваться нѣкоторыми мѣстами этого отзыва для сужденія о достоинствахъ изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго; нѣкоторыя замѣчанія о ея недостаткахъ прибавимъ къ этому отзыву на основаніи настоящей рецензій.

Книга А. С. Лаппо-Данилевскаго принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ послѣдняго времени. Выборъ темы показываетъ, что авторъ находится въ курсѣ очередныхъ вопросовъ русской исторической науки. Исторія русскаго государственнаго хозяйства есть вопросъ столько-же важный, сколько и почти вовсе не затронутый изученіемъ до настоящаго времени.

Небольшое количество болѣе значительныхъ работъ, которыя можно было бы назвать въ этой области, во первыхъ, преслѣдуютъ преимущественно специально техническія задачи, во вторыхъ, написаны уже лѣтъ тридцать тому назадъ и, въ третьихъ, основаны на очень скудномъ и исключительно печатномъ матеріалѣ. Не смотря на это, было бы невѣрнымъ утверждать, что авторъ не имѣлъ предшественниковъ: вопросы государственнаго хозяйства на столько выдвигались впередъ самою жизнью XVII в., что съ ними должны были считаться всѣ наиболѣе крупныя работы по исторіи учреждений, которой наиболѣе интересовались лучшіе изъ нашихъ изслѣдователей за послѣднее тридцатилѣтіе. Такіе выдающіеся историки-юристы, какъ Чичеринъ, Градовскій, подготовили путь къ работѣ и русской финансовой исторіи; слѣдуетъ признать, что ихъ работы, — особенно послѣдняго, — значительно повліяли какъ на постановку темы, такъ и на общія точки зрѣнія разбираемаго изслѣдованія. Но г. Лаппо-Данилевскій избралъ вопросы государственнаго хозяйства Московской Руси центральнымъ предметомъ изученія и изучалъ финансовую исторію Россіи въ связи съ ея *общей* государственной жизнью: въ этомъ заключается особенность

его темы по отношенію съ одной стороны къ историкамъ-юристамъ, съ другой стороны — къ изслѣдованіямъ спеціально-финансоваго характера.

Къ разработкѣ этой темы А. С. Лаппо-Данилевскій приступилъ съ весьма солидною подготовкой. Какъ видно изъ его книги, онъ основательно знакомъ съ современной финансовой теоріей и съ важнѣйшими сочиненіями по финансовой исторіи разныхъ странъ Европы; затѣмъ онъ обнаруживаетъ на каждой страницѣ замѣчательную эрудицію и начитанность въ области русскихъ печатныхъ источниковъ. Но что особенно важно при подобной темѣ и что даетъ автору особенное преимущество передъ его предшественниками — это обширное знакомство съ рукописными источниками, хранящимися въ московскихъ архивахъ Министерства Иностр. Дѣлъ и Министерства Юстиціи и въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Цѣлыя отдѣлы, — и самые цѣнные, — только и могли быть разработаны на основаніи этихъ рукописныхъ данныхъ.

Такимъ образомъ, авторъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для успѣха предпринятой работы. Если не смотря на это, результаты работы не всегда вышли наилучшими, то причинъ мы должны искать не въ обстановкѣ работы, а въ самомъ ходѣ ея выполненія. Въ самомъ выборѣ архивнаго матеріала онъ не всегда былъ счастливъ: не всегда попадалъ на тотъ именно матеріалъ, который могъ поставить его на наилучшій для его темы наблюдательный пунктъ. Въ большей степени отвѣтственнымъ является авторъ за тѣ выводы, которые онъ часто позволялъ себѣ дѣлать изъ этой сравнительной неполноты своего матеріала: отъ случайности свѣдѣній онъ слишкомъ часто дѣлалъ заключенія о случайности самыхъ явленій XVII в. Склонность къ заключеніямъ такого рода является, впрочемъ, у автора и помимо неполноты матеріала, какъ послѣдствіе его общихъ точекъ зрѣнія, слишкомъ далекихъ отъ конкретныхъ явленій XVII вѣка. Потребность отыскивать общій смыслъ въ изучаемыхъ имъ деталяхъ явленій составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ изслѣдованія автора; но, къ сожалѣнію, его общія точки зрѣнія не всегда стоятъ въ органической связи съ детальнымъ изслѣдованіемъ; не вытекая непосредственно изъ матеріала, онѣ иногда даже препятствуютъ автору внимательно наблюдать свой матеріалъ въ его ближайшей обстановкѣ; взятые отдѣльно отъ этой обстановки и лишеныя своего временнаго и мѣстнаго значенія, наблюдаемые факты часто получаютъ въ изложеніи автора

болѣ отрывочный и случайный характеръ, чѣмъ они имѣютъ въ контекстѣ, въ цитируемыхъ имъ источникахъ.

Наконецъ, и въ окончательной стадіи работы, въ построении самаго изложенія, можно указать нѣкоторые недостатки; мы говорили выше о несовсѣмъ удачномъ планѣ книги, лишившемъ автора возможности самостоятельно трактовать важнѣйшіе отдѣлы его темы и подчинившемъ изложеніе второстепенному классификаціонному признаку, который притомъ не могъ быть вполне выдержанъ. Мы не будемъ прибавлять къ этому перечню недостатковъ тѣ взгляды автора на самый предметъ, съ которыми высказали выше свое несогласіе: это значило бы предупреждать результатъ дальнѣйшихъ преній по намѣченнымъ спорнымъ пунктамъ.

Не смотря на указанные недостатки, главнымъ образомъ методическаго свойства, изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, какъ по количеству и новизнѣ собраннаго имъ матеріала, такъ и по цѣнности многихъ выводовъ автора, составляетъ крупный шагъ впередъ въ изученіи русской финансовой исторіи и можетъ быть признано вполне заслуживающимъ преміи графа Уварова.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Списокъ писцовыхъ и дозорныхъ *) книгъ XV—XVI в.

Списокъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи монастырскихъ грамотъ Коллегіи Экономіи, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и расположенныхъ по уѣздамъ, съ одной общей нумераціей. Простая ссылка на № подразумѣваетъ именно этотъ источникъ. Другіе источники указаны въ соответствующихъ мѣстахъ **). Звѣздочка означаетъ, что сохранился, въ выпискѣ или въ цѣломъ, и самый текстъ книги.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
6970—7001	Бѣжецк. верхъ	Писцы кн. Андрея Вас. (Большаго) Углицкаго: 1) Митя Демидовъ, 2) Исакъ Дубровинъ — писалъ весь Бѣж. в. 3) Жит. Исаковъ сынъ Дубровина	Өед. Чех. I, 70.
6973	Костромской.	Костромскія книги Михайлова (Борисовича) письма Волынскаго	Өед. Ч. I, 36; Бѣл. л. 309; А. Ю. № 8.
6990	Нижегородск.	*Книги ключа Новгорода Нижняго письма Ө. Киселева	Бѣл. л. 294 об.
ок. 6993	Бѣлозерскій.	«Какъ Бѣлоозеро досталось в. князю, писцы писали Ө. Алабышъ да Вас. Далматовъ»	Өед. Ч. I, 24. А. Ю. № 5.
между 6996—7009 6998 ***)	Галицкій.	«Писали Галичъ писцы Вас. Башина да Верещага»	Р. Ист. Сборн. V, 16, 17.
	Бѣлозерскій.	Въ Бѣлозерѣ писцы в. князя Мих. Дм. Шапкинь, Ив. Голова Семеновъ и Захаръ Микулинъ	Ө. Чех. I, 9.
до 7000	Владимірскій.	Ихъ же судебныя разбирательства. . . Книги письма Алексѣя Полуехтова . . .	А. Ю. №№ 3, 5, 6. Бѣл. л. 249 об.

*) Межевныя и приправочныя исключены изъ списка.

***) Өед. Чех. = Акты относящіяся до гражданской расправы древней Россіи, Өедотова Чеховскаго т. I, 1860 г. Кіевъ. Бѣл. = Сборникъ Бѣляева № 1620 въ Румянц. музеѣ. А. Ю. = Акты Юридическіе. А. А. Э. = Акты Археогр. Экспедиціи. А. И. = Акты историческіе. Доп. = Дополненія къ А. И. Калач. = Писцовыя книги Моск. госуд. XVI в., изд. Геогр. Обществомъ подъ ред. Калачова. Арх. = Арх. Юстиціи, писцовыя.

****) Годъ опредѣляется грамотой кн. Ив. Андр. 6943 + 55.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7000	Тверскія владѣнія.	«Князь в. Ив. В. послалъ тверскіе земли писати по московски въ сохи: а писалъ Тверь — кн. Ѡ. Алабышъ (ср. Калач. I, 2, 50), а Старицу писалъ — Борисъ Кутузовъ, а Зубцовъ да Опоки — Дм. Пѣшковъ, а Клинь — Петръ Лобанъ Заболоцкой», а Холмъ и Новой городокъ — Андр. Карамышевъ, а Кашинь — Вас. Карамышевъ	П. С. Р. Л. VIII, 228; Никон. л. VI, 130.
»	Звенигородск.	Письмо кн. Вас. Големина	Бѣл. л. 25—28.
»	Переясл. Захвѣскій.	Писецъ кн. Вас. Ив. Големина	№ 8825; А. А. Э. I, № 143.
»	Новгородъ.	Писцовыя книги, не дошедшія до насъ.	Неволинъ, пятинны, 11.
7001—7011	Бѣж. верхъ.	Писали весь Бѣжецкій верхъ вел. кн. писцы Вас. Башина да Ал. Вокшеринъ	
7004	Новгородъ, Обонежская пятнина.	*Книги писцовыя Юрья Сабурова	Невол., пятинны, 12.
»	Деревская пятнина.	*Книги писцовыя Прокофья Скуратова и Петра Волка Борисова	Невол. пятинны 12, и прил. VIII, Новг. писц. книги, томы I и II.
до 7006	Галицкий.	Книги данныя Данила Ивановича (родоначальникъ Давиловыхъ Барх. кн. II, 156)	Бѣл. л. 329 об.
7006	Юрьева Польскаго. Коломенскій.	*Книги письма Конст. Григор. Заболоцкаго. Онъ же судить въ Коломенской у.	Бѣл. л. 196. Ів. л. 126; Акты Бѣл. въ Рум. муз. № 19.
7006—7007	Новгородъ, Шелон. пят.	*Книги письма Матв. Ив. Вакуева	Новгор. писц. кн. т. IV, 1—232 и Арх. кн. 705, л. 1—57, кн. 706, л. 1—36.
7007	Московский.	*Писецъ кн. В. Големина описалъ с. Пушкино и деревни	Бѣл. л. 48.
»	Владимірскій.	*Книги Владимира города и уѣзда, письма Петра Григ. Заболоцкаго	Ів. л. 199 слѣд., л. 257 об.
7008	Каширскій.	Книги письма кн. Давида Давидовича Хромаго (и ссылка на предыдущія книги времени в. кн. Ив. Вас., «не вѣдаемъ, который писецъ тѣ книги писалъ»)	Өед. Ч. 100, 96.
»	Новгородъ, Вотская пятнина.	*Книги письма Дм. Вас. Китаева и Никиты Губы Семенова с. Молокова.	Новг. писц. кн. т. III и Врем. Общ. II, и Др. Р. т. XI и XII, Неволинъ, пятинны прилож. I.
7009	Ростовскій.	*Книги ростовскія письма Вас. Мих. с. Чертенка Заболоцкаго да Дм. Давид. Загряжскаго	Бѣл. л. 9—15.
	Дмитровскій.	Онъ же судить въ Дмитров. у.	Бѣл. акты, № 20.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7009	Ярославскій.	Судебное разбирательство Ярославскихъ писцовъ Ян. Дмитр. Морозова и товар. его Ив. Тучка Вас. с. Долматова.....	Вахромѣевъ, княж. и царск. грам. Яр. губ., 6—8.
7010	Костромскій.	* Письмо Григ. Ром. Застолбскаго въ Костром. станахъ и волостяхъ. ...	Бѣл. л. 195 слѣд., л. 809, 817.
7011	Вологодскій.	Его же судебное разбирательство ...	А. Ю. № 8.
		* Книги Вологодскія письма Ѳ. Ѳ. Лепягина	Бѣл. л. 208 слѣд.
7012	Бѣлозерскій.	Его же судебное разбирательство	А. Ю. № 9.
		Писецъ Бѣлозерскій Вас. Гр. Наумовъ съ товарищами судить въ апрѣлѣ..	А. Ю. № 11.
до 7018	Пошехонскій.	Писецъ Пошехонье Яковъ Кочергинъ.	Бѣл. л. 376.
7018	Бѣлозерскій.	Писецъ Бѣлозерскій Вас. Гр. Наумовъ съ тов. судить	Бѣл. л. 876, 895. Оед. Чех. I, 14.
»	Новгородъ, Шелон. пят.	* Списокъ съ писцовой книги дворцовыхъ земель въ Сумерск. погостѣ, письма и мѣры Обрѣска Ив. Микитина	Арх. кн. 705, л. 57 об. 706, л. 271—274.
7017	Бѣжец. верхъ.	Писали весь Бѣж. в. писцы кн. Семена Ив-ча, Ив. Даниловичъ да Третьякъ Лызловъ (дворцовый дьякъ)	Оед. Ч. I, 70.
		Ихъ судебное разбирательство.....	Ib. 21—22.
7019	Владимірскій.	* Книги гор. Владиміра посада письма дьяка Некраса Ив. Володимірова с. Харямова да дворцоваго дьяка Ѳ. Ходыки	Бѣл. л. 196.
»	Бѣлоозеро и Пошехонье.	Писали писцы Бѣлоозеро и Череповец и на Шекснѣ ѣзы (писецъ Бѣлозерскій и Пошехонскій) Ив. Микучиъ Заболотцкой да дьякъ Андр. Карламовъ	Бѣл. л. 876, 874, 887. № № 754, 755, А. Ю. № 15; Оед. Ч. I, № 24, № 55, № 65.
		Они же судять въ апрѣлѣ.....	Оед. Ч. 68, 209; Арх. Мин. Юст. Арзам. уѣз. № 282.
»	Балахонск. и Арзамас. у.	Писецъ Иванъ Захарычъ (Овинова) да Суморокъ Путятинъ	Пискаревъ, грам. Рязан. края, 18—19.
7021—26*)	Рязанск. у.	Писали Перевитскъ писцы Кузьма Ѳефилатьевъ и Данило Клобуковъ, — ихъ книги сошныя и оброчныя	№ 7697.
7023	Малоярославскій.	* Письмо Кирѣя Львова	
»	Новгородъ, Шелон. пят.	* Писцовыя книги письма дьяка Вас. Тетерина и дворцоваго Звяги Софюнова	Доп. I, № 118.
7027	Старицкій.	Книги письма кн. Дмитрія Волконскаго.	С. Г. Гр. и Д. I, 527.
»	Верейскій.	Верейскія книги письма Григор. Мѣшка Вазуева съ тов.	Ibid. I, 530.
7028	Переяславск.	* Письмо Вас. Григ. Морозова и Посника Сатина въ уѣздѣ и посадѣ ...	Бѣл. л. 29.

*) Хронологія опредѣляется тѣмъ, что это было при дворецкомъ Василии Андреевичѣ (Челяднинѣ).

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7028	Нерехотскій.	Письмо Григ. Сем. Плещеева въ Нерехтѣ	Ib. x. 196.
»	Новаго Горо- дища.	Книги письма кн. Вас. Ростовскаго Го- лубаго, станы Нов. гор.	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Московскій.	Книги письма кн. Андр. Ростовскаго въ М. у. и Замосковскихъ волостей.	Ib. 580, 581.
7032	Новгородъ, Шелонская пятна.	Списокъ съ писцовой книги дворцо- выхъ волостей и тяглыхъ деревенъ письма и мѣры Григ. Никифоровича Волосатаго	Арх. кн. 706, x. 161— 248.
7034	Старицкій.	Книги письма дворецкаго Ив. Ив. Ко- льцова	С. Г. Г. и Д. I, 527.
7037	Владимірскій.	Книги (межевыя?) письма Дм. Ив. Во- лынскаго	№ 1791.
7038	Новаго горо- дища.	Книги письма Вас. Полукарпова Ро- мѣйкова	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Холмской вол.	Его же книги	Ib.
»	Гороховской волости.	Въ окт. и ноябрѣ Пестрикъ Осютинъ и подьячій Карпъ Игнатьевъ разъ- ѣзжаютъ межи между дворцовыми и монаст. деревнями (ср. 7048 г.)...	Бѣл. Акты. №№ 48 и 49.
7039	Старицкій.	Книги письма Жука Прокофьева да Меньшаго Федорова дворцов. сель ..	С. Г. Г. и Д. I, 527.
7040	Переяславля- Загѣскаго.	Переяславскіе писцы И. Ф. Хидырщи- ковъ и Вас. Юр. Безобразовъ учи- нили межу (октябрь)	№ 8836.
7041	Балахонскій (Нижегород- скій?).	Книги Мих. Жедринскаго да Карпа подьячаго	Фед. Ч. I, 214.
»	Галицкій.	Книги Семенова письма Соловцова....	№ 5346. Фед. Ч. I, 89; Сборн. Тр. мон. № 582, Сол. Га- лицкая, 85.
7042	Галицкій.	Писецъ Сем. Гр. Соловцовъ разъѣз- жаетъ межи	№ 3348; Бѣл. акты, № 56.
7043	Бѣжецкій.	Андрей Сем. с. Карауловъ и подьячій Як. Сем. Щелкаловъ разъѣхали межи	№ 1176.
»	Переясл. - Ря- занскаго.	Писцы Ив. Дм. Бобровъ да Ярець Андр. с. Нарманскаго дали на об- рокъ бортовой ужожей	№ 9822.
»	Старицкій.	Книги письма Меньшаго Федорова да Копыта Григорьева, дворц. села ...	С. Г. Г. I, 527.
7044	Звенигородск.	* Письмо Василя Петровича	Бѣл. x. 25.
7045	Звенигородск.	Звенигородскіе писцы И. Д. Бобровъ и Зах. Андр. Посникъ (Сатинъ, да Ив. Мих. с. Колтырь Раковъ) разводятъ межи въ июнѣ и июлѣ	№№ 4684, 4685; Бѣл. x. 17, 18, 20, 22, 21.
»	Углицкій.	* Книги письма Сем. Бутурлина въ го- родск. стану, вотчина Тр. монаст. ...	Калач. I, 234.
7046	Звенигородск.	* Книги письма Ив. Дм. Боброва да Зах. Андр. Посника Сатина, да Ив. Мих. с. Колтыри Ракова	№ 4686.
»	Дмитровскій.	* Дмитровскія книги письма Ал. Сем. Улина Слизнева съ тов. (дек.)	№№ 3764, 3765, 3767.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7046	Бѣжецкій.	Его же судебныя разбирательства въ 7056—57 г.	№№1214, 1215, 1221, 1222.
7047	Вологодскій.	Писцы Дм. Козловъ с. Милославскій съ тов. разъѣзжаютъ межи (сент. — ноябрь).....	№№1183, 1184, 1186.
»	Новгородъ.	Писцы Ром. Игн. Образцовъ съ тов. писали въ волости Ташѣ.....	№ 11,801 (Сузд. у.)
»	Вотская пята.	Писцовыя книги Инши Бугакова.....	Неволикъ, пят. 13.
»	Шелонская п.	*Писцовая книга Григор. Собакина съ тов.	Невол. ів. и Новг. писц. кн. IV, 237 —522 (безъ имени писца).
до 7048 (въ 7038?)	Владимірскій.	Книги писцовъ Андр. Языкова и Пестрика Осютина, писали однѣ дворовыя села, а не большое письмо ..	Өед. Чех. I, 91—92.
7048	Владимірскій.	Владимірскіе писцы Ром. Игн. Образцовъ (и Сем. Данил. с. Батюшкова) съ тов. учинили межу ..	№ 1793.
»	Тверской.	*Книги письма Ив. П. Заболоцкаго и Мих. Ив. Усова-Татищева.....	Калач. I, 2, 40—140.
»	Московскій.	Андр. Ив. Писемскій и Никита Ѳеод. Евлашковъ разъѣзжаютъ межи въ Хотунской волости ..	Бѣл. Акты № 68.
7049	Вологодскій.	Вологодскіе писцы Тим. Андр. с. Карамышевъ и Никита Козловъ с. Милославскаго съ тов. дали льготу.....	А. И. I, № 295.
»	Романовскій и Пошехонск.	Писцы романовскіе и пошехонскіе Андр. Сем. Карауловъ и Никита Ив. с. Переяславцевъ развели межу....	Өед. Ч. I, 116.
»	Бѣлозерскій.	Писцы Бѣлозерскіе Ѳ. Ѳ. Хидырщиковъ и Григ. Лукинъ (Клементьевъ) съ тов. судятъ и разъѣзжаютъ межу (юль—осень) ..	№ 780; Ѳ. Ч. I,
»	Тверской и Клинскій.	Тверской и Клинскій писецъ Ив. Петр. Заболоцкій съ тов. разъѣхалъ межу.	№ 10.267 (Рузск. у.)
»	Бѣжецкій в.	Большіе писцы Рычко Ив. Плещеевъ, Вас. Карачаровъ да Григ. Татищевъ съ тов.	Өед. Ч. I, 185; А. Ю. № 156.
»	Кашинскій.	Большіе кашинскіе писцы кн. Дм. Дашковъ и Третьякъ Карачаровъ ..	Ө. Чех. I, 184, 188, 190.
7050	Каширскій.	Дописывали Кашир. у. писцы В. И. Бреховъ да Ив. Гр. с. Головинна съ товар.	Ө. Чех. I, 95—105.
»	Пошехонскій.	*Пошехонскія книги письма Андр. Сем. Караулова да Ник. Ив. с. Переяславцева.....	№ 9681.
»	Костромской.	Костромскіе писцы Поярокъ Ильичъ Квашнинъ и Бор. Алр. Слупининъ отдаютъ дворъ монастырю (22 ноября).....	№ 5005.
»	Владимірскій.	Писецъ Ром. Игн. Образцовъ съ тов. дали льготу и развели межи (окт. — февраль).....	№ 1794 и Ѳ. Ч. I, 92.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7051	Можайскій.	*Книги письма Алр. Сем. Упина Слизнева	№ 7613.
»	Замосковныя волости.	Онъ же разѣхалъ межи (іюнь—сент.). Книги письма Ром. Дашкова и Ф. Одашева, Замосковн. Вохонской волости.	№№ 7611, 7612.
7052	Переясл. За-донскаго.	*Книги письма Ив. Ф. Хидырщикова съ товар.	А. А. Э. I, № 256.
»	Бѣлозерскій	*Книги Бѣлозерскія письма («большихъ писцовъ») Ф. Ф. Хидырщикова (и Гр. Лук. Клементьева) съ товар.	№№ 8850, 8851.
»	Владимірскій.	*Книги Владимірскія письма Ром. Игн. Образцова съ товар.	№№ 790, 857, Ф. Ч. I, 116; А. И. I, № 168.
»	Верейскій.	*Новыя книги Верейскія письма Степ. Ф. Сабурова съ товар.	№№ 1796, 1797, ср. С. Г. Г. и Д. I, 531.
»	Вышегородск.	*Новыя книги Вышегородскія письма Ст. Ф. Пильмова Сабурова съ товар.	№ 2835, С. Г. Г. Д. I, 530.
»	Волоколамск.	*Писцовыя книги письма В. И. Брехова да Ив. Гр. с. Головинина да Дм. Гр. с. Ковѣзина (село в. князя)	№ 2836.
7052	Вологодскій.	*Книги Вологодскаго писца Тим. Андр. Карамышева (да Микиты Козлова с. Милославскаго) съ тов.	№ 2432.
»	Суздальскій.	*Писцовыя книги письма Степана Отяева	№ 2585, 2586; Ф. Ч. I, 117; А. Ю. № 168; А. И. I, стр. 310.
до 7053	Вятскій.	Упоминаются «большіе писцы» на Вяткѣ и дополнительное послѣ нихъ письмо въ верхнемъ Слободскомъ городкѣ подъяч. Хомяка	№ 11,828; Ф. Ч. I, 242, А. И. I, №№ 167, 177, 148.
7058	Костромской.	*Книги Костромскія новаго писца Поярка Ильича Квашина съ тов. .	А. А. Э. I, № 210.
»	Новгородъ.	*Пустые двory писали: Деревская и Бѣжецкая пятина — А. Ф. Бабкинъ и подъяч. Нечай Игнатьевъ; Шелонская — Никита Владыкинъ и подъяч. Богданъ Рукавокъ; Вотская и Обонежская — Гаврило Мурановъ и подъяч. Ив. Алексѣевъ; также Бурундай Вас. с. Харламова и подъяч. Ушакъ Тухинскій	М 5007.
7055	Рязанскій.	Рязанскія писцовыя книги письма Мих. Годунова	А. А. Э. I, стр. 185.
7059	Московскій.	Книги письма писцовъ Ф. Старкова съ товар.	№ 9829.
»	Московскій.	Книги письма Андр. Лодыгина (и Ив. Челищева) съ тов.	№ 7164.
»	?	Книги письма Ив. Слизнева, с. Липки .	№№ 7164. 7160.
»	Двинскій.	Двинскіе писцы Ив. Петр. Заболондой да Дм. Ив. Темиревъ съ тов. даютъ на оброкъ земли.	С. Г. Г. и Д. I, 530.
»	Новгородъ, Вотская пят.	Писцовыя книги Ф. Терпигорева съ товар.	А. Ю. №№ 169, 170.
»	Шелонская п.	*Списокъ съ писцовой книги госуд. оброчныхъ земель письма и мѣры	А. А. Э. I, 389.

Годъ.	Уѣздъ.	Название книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7059—61	Шелонская п.	Ив. Гр. Бѣлеутова и Алексѣя Жеребцова съ тов. *Книги письма Алексѣя Жеребцова (другихъ погостовъ)	Арх. кн. 706, л. 36 об. — 56. Новг. писц. кн. IV, 529—584. Ср. Неволинь, пят., 14. № 7164.
7060	Московскій.	Книги письма Услюма Данилова съ тов.	№ 12,306.
»	Тульскій.	Книги тульскихъ писцовъ письма Мещанина Морозова съ тов.	
»	Рязанскій.	Книги рязанскихъ писцовъ Григ. Сем. с. Плещеева да Кипр. Ив. с. Дедевшина (да подъяч. Ф. Кошова съ тов.)	
»	Валжскій.	Книги письма Ив. Гр. Заболоцкаго съ товар.	Сб. Муханова, 2 изд. 590.
7061	Рязанскій.	*Книги рязанскихъ двуретныхъ писцовъ письма кн. Ф. Сем. Мезецкаго да Третьяка Мих. с. Дубровина съ товар.	А. А. Э. I, № 283.
»	Старицкій.	Книги дворцовыхъ селъ дьяка Савлука Иванова	Пискаревъ, гр. Ряз. кр. 92.
»	Бѣлозерскій.	Книги письма кн. Ив. Звенигородскаго да Плохаго Цвиленева	С. Г. Г. и Д. I, 527. А. И. I, № 163, стр. 305, 311.
7062	Балахонскій.	Письмо Прокоша Цвиленева	№ 369.
»	Двинскій.	*Двинскія книги письма Ив. П. Заболоцкаго съ товар.	№ 4125.
»	Попехонскій.	Попехонскіе писцы Ф. И. Чулковъ да дьякъ Ф. Фатьяновъ судять и разводять между (авг.)	№ 9683; ср. Ф. Ч. I, № 65.
»	Рязанскій.	Рязанскія писцовыя книги письма Мих. Вас. Годунова (выше 7055)	№ 9831.
» *)	Тверской.	*Писцовыя книги Тверск. у. (какихъ писцовъ?)	Калачевъ, I, 2, 141—290.
»	Коломенскій.	*Коломенскія книги письма кн. Юр. Мецеракаго и Леонтия Макурова .	Бѣл. Акты, № 102.
до 7063	Ржева Пустая.	Писцы И. Колычовъ съ тов.; послѣ нихъ другіе писцы Истома Корцова съ тов.	Доп. I, № 59.
7063	Кашинскій.	*Книги описи и мѣры Кашинскаго городского прикащика Ив. Вражскаго и подъячаго Мити Мякишева	№ 835.
»	Попехонскій.	Мѣновная съ доклада попехонскихъ писцовъ Ф. И. Чулкова и дьяка Ф. Фатьянова	№№ 9684 и 9703.
»	Рузскій.	Опись и мѣра русскаго городского прикащика Ив. Власьева	№ 10,292.
»	Владимірскій.	*Писцовыя книги письма Андр. Вас. Лодыгина и Вас. Мих. Гирѣва	Фед. Ч. I, 232—234.
»	?	Книги письма кн. Андр. Бабичева съ тов., село Ламна	С. Г. Г. и Д. I, 530.
до 7064	Ярославскій.	*Книги письма и мѣры Дан. Григ. Фомина	А. Ю. № 104.
7064	Замосков. волость.	Книги письма Вас. Замыцкаго да дьяка Савлука Иванова, замосковной волости Раменейца	С. Г. Г. и Д. I, 531.

*) Основаніе по которымъ онѣ отнесены къ 7062, см. выше стр. 57 (и ниже, поправки).

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7064	?	Книги письма дьяка Ляпука Ковѣзина, села Дубакина.....	Ibid.
»	Владимірскій и Суздальскій.	Дворцовыхъ селъ Владимірскихъ и Суздальскихъ писцы Андр. Вас. Лодыгинъ и Вас. Мих. Гирѣвъ судять	Общ. Ч. I, № 67.
»	Русскій (Стар.)	Русскіе писцы Юр. Манасѣвичъ и Ив. Тверитиновъ.....	Доп. I, № 112.
7064—70	Каргопольскій	*Платежница и сотнымъ выписи съ Каргопольскихъ и Турчаевскихъ писцовыхъ книгъ Никиты Яхонтова съ товаръ.....	Арх. Мин. Ин. Дѣл., по Каргополю кн. № 1; Восток. Рум. муз. № 51, стр. 79; А. И. IV, № 24.
7065	Старицкій.	Книги письма Василія Замыцкаго и Савлука Иванова,—дворцовыхъ селъ.	С. Г. Г. и Д. I, 527.
»	Бѣлозерскій и Пошехонск.	Дана сотная съ Пошехонскихъ книгъ письма Ѳ. И. Чулкова и дьяка Ѳ. Фатянова на волость Бѣлозер. у...	А. Ю. № 228; А. И. I, № 164.
»	Мещевскій.	Книги Мещескихъ писцовъ, письма Ѳ. Плещеева съ тов.....	А. И. I, № 180.
»	Псковскій.	«Почаша писцы писати городъ Псковъ и пригороды и земли мѣрять».....	П. С. Р. Л. IV, 309.
7066	Переяславскій	*Книги письма Андр. Вас. Лодыгина и Вас. Мих. Гирѣва.....	№ 8905.
»	Солгалицкой.	Писецъ Григор. Слизневъ писалъ у Соли Галицкой посадъ и околородную волость.....	А. А. Э. II, стр. 177.
7067	Звенигородск.	*Звенигородскія книги письма и мѣры кн. Ив. (Янова-) Ростовскаго съ тов.	№ 4701; С. Г. Г. I, 590; Калач. I, 1, 688 слѣд.
»	Переяславля-Загѣсской.	Опись и мѣра Ив. Михнова и подьяч. Василка Пѣнкина.....	№ 8908.
»	Псковскій.	*Писцовыя книги Захарія Плещеева и Алексѣя Старого съ товаръ.....	Доп. I, № 224; Восток. Рум. муз. № 55.
7068	Костромской.	*Книги Костромскія письма кн. Андр. Дм. Дашкова да Андр. Вас. Безносова съ тов.....	№ 5087; А. А. Э. I, № 304.
»	Плесской волости.	Опись и мѣра губныхъ старостъ Тим. Мовянинова и Ахм. Бунина.....	№ 1814.
»	Нижегородск.	Писцовыя книги письма Ѳ. Невѣжина, Русина Шишкина и Грибана Дмитріева.....	Бѣл. л. 409.
»	Нижегородск.	Писцы Петръ Туровъ да Нематой Тишковъ.....	№ 1814 (Влад. у.); Бѣл., л. 96.
»	Вологодскій.	Книги вологодскихъ писцовъ Як. Кузьмина да Ив. Таратина съ тов.....	№ 2604.
»	?	Книги кн. Юр. Мещерскаго (ср. 7062 г.), с. Ламна.....	С. Г. Г. и Д. I, 530.
»	Звенигородск.	Звенигородскіе писцы Дав. Ив. Слизневъ и Дятель Григ. с. Машкова..	Калач. I, 1, 703.
» *)	Балахна и Гороховецъ.	*Писали гор. Балахну и Гороховецъ кн. Юр. (Григ.) Мещерскій и Молчанъ (Игн.) Ростовчикъ.....	Общ. Ч. I, 214, 208—209.

*) Годъ и отчество писцовъ поставлены по списку съ писцовой выписи, находящемуся въ собственности частнаго владѣльца.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7069	Коломенскій.	* Коломенскія книги письма кн. Андр. Ив. Елецкаго съ тов.	Бѣл. Акты, № 117, 126.
»	Бѣлозерскій.	* Книги бѣлозерскихъ дворянскихъ писцовъ письма Ильи Плещеева да Суторы Безсонова съ товар.	№ 885, 823, 819 (7072 г.) 814.
»	Нижегородск. и Араамас.	Нижегородскіе писцы Григ. Никит. Сукинъ и Неклюдь Дѣвочникъ, даютъ на оброкъ р. Пьяну въ Араам. у. . .	№ 232.
»	Нижегородск.	* Нижегородскіе писцы Григ. Заболоцкій да Микита Казариновъ.	№ 1814 (Влад. у.).
»	Попехонскій.	* Книги попехонскихъ писцовъ Андр. Игнат. Яхонтова да Ив. Мих. с. Тарутина (дворянскихъ селъ).	№ 9693, 9703.
до 7070	Муромскій.	Книги муромскихъ писцовъ Григор. Яхонтова и Вас. Карачарова съ товар., «а лѣта въ книгахъ не написано»	№ 7745.
7070	Костромской.	* Книги костромскихъ писцовъ письма Вас. Ив. Наумова да Иная Ив. Ордынцова съ тов.	№№ 5043—46, 5048—49.
»	Бѣлозерскій.	Книги черныхъ волостей письма Юр. Морозова съ товар.	№ 818.
»	Переясл. Загѣтскій.	Книги писцовъ переяславскихъ кн. Ив. Ромодановскаго да Ив. Бобринцева Пушкина	Бѣл. л. 276 об., Оед. Ч. I, 207, Рум. муз. Востоковъ № 52.
»	Балахонскій.	Нижегородскіе писцы Гр. Ив. Заболоцкій, Ѡ. Гр. Давыдовъ да Третьякъ Мих. с. Дубровина судятъ и разъѣзжаютъ межъ.	№ 2594, 2597, Оед. Ч. I, 117.
»	Вологодскій.	Половины Вол. у. писцы Лопата Прокофьевъ Хитрого и подьяч. Макс. Трифановъ учинили межъ.	№ 2602.
»	Вологодскій.	Книги письма Ив. Курчова да подьяч. Ширяя Александрова	№ 3808. Бѣл. Акты №№ 120, 121; С. Г. Г. и Д. I, 526.
»	Дмитровскій.	* Дмитровскія книги письма кн. Ив. Андр. Звенигородскаго да Дм. Мих. Пивова съ тов.	№№ 8926—27, 8929—32; А. А. Э. I, № 261.
7071	Переясл. Загѣтскій.	* Книги переяславскія письма кн. И. Б. Ромодановскаго да И. И. Пушкина (май—ноябрь).	№ 4147.
»	Двинскій.	* Книги двинянъ Якимъ Романова да Никиты Путятина	Калач. I, 2, 438—442.
»	Полоцкаго погѣта.	* Книги письма 1) Никиты Тургенева и Алфер. Засѣцкаго. 2) Сем. Ав. Бортенева и Русина Тим. Мопнина. 3) Конст. Пуляева съ тов. 4) Пв. Львова съ тов. 5) Ив. Кикина съ тов. 6) Ав. Хитрово и Ѡ. Безобразова . . .	Арх. кн. 710, 711, 740, 770.
7071—73	Новгородъ, Шелонская Вотская и Обонежск. п.	* Писцовыя (и переписныя) книги поженъ и сѣнныхъ покосовъ письма и мѣры (переписи) Григ. Вольтскаго и Вас. Тараканова (и Ѡ. Калитина) съ тов.	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7072	Бѣлозерскій и Пошехонск.	Бѣлозерскій и пошехонскій писецъ Юр. Ѳ. Морозовъ, да подьячій Лютикъ Ивановъ разъѣхали между	№ 815.
»	Вышегородск.	Вышегородскія писцовыя книги письма Ив. Старкова	№ 2343 (Вер. у.)
»	Муромскій.	* Муромскія вотчинныя книги письма Дм. Андр. Бутурлина да Ив. Мих. с. Тарутина съ тов.	№ 7748.
»	Стародуба Рязановскаго.	Книги Юр. Образцова села Сарыева...	С. Г. Г. и Д. I, 531.
7073	Нижегородск.	* Писцовыя книги письма Григ. Заболотцаго, а дописывалъ ихъ кн. Осифъ Дм. Мосальской съ тов.	Бѣл. Сборн. № 1621, л. 96 об.
»	Стародуба Рязановскаго.	Книги письма подьячаго Макс. Трифонова.	С. Г. Г. и Д. I, 531.
7073—75	Свияжскій.	* «Были въ Свияжску первые писцы околы. Никита Вас. Борисова да Дм. Андр. с. Кикина съ тов.»; ихъ книги письма и межеванья	№№ 11,459—11,461; Арх. кн. № 492, копія № 848.
7074—76	Казанскій.	* Ихъ же книги письма и мѣры гор. Казани	Арх. кн. № 152, копія №№ 648, л. 1—175 и 646, л. 1—208.
7074	Муромскій.	Писцовая сотня Мур. посада Дмитр. Андр. Бутурлина съ тов.	А. Ю. № 229.
7074	села Алексина	Книги письма кн. Дм. Болховскаго да подьяч. Третьячка Шарапова	С. Г. Г. и Д. I, 531.
»	Тулскій.	Писцы кн. Мих. Ростовскій и Дм. Пыжовъ вымѣнили землю монастырю.	№ 12,308.
»	Бѣлозерскій.	Книги описи Бѣлозерскихъ губныхъ старость Меншова Лихарева и Як. Гнѣвашова (монаст. и черн. земель).	№ 818.
7075	Верейскій.	Книги дворцовыхъ селъ Вас. Опашина съ тов.	№ 2,344.
»	Суздальскій и Стародубск.	Книги стародубскаго писца Ѳ. И. Бутурлина, да подьяч. Исачка Кузьмина с. Тухмачева	№ 11,830.
»	Новгорода; пятинна?	Писцовыя книги (пожень) Григ. Волынскаго и Ѳ. Калитива, да подьячихъ Никиф. Семенова и Третьяка Григорче (см. 7071—78 гг.)	Неволинъ, пятинны 16—17.
до 7076	Двинскій.	(Давныя книги) письма Як. Ив. Сабурова и (оброчныя) письма Никиты Григ. Яхонтова	А. Ю. № 85.
7076	Рузскій.	* Рузскія книги письма и мѣры кн. Мих. Литвинова Мосальскаго *)	№ 4701.
»	Муромскій.	Муромскія писцовыя книги письма Мих. Ив. Калачова да Дм. Андр. Бутурлина съ тав.	№ 7748.
»	Перяесл. Рязанскаго.	* Писцы Ив. Юр. Траханіотовъ	№ 9828.
»	Казанскій.	* Списокъ съ писцовой книги пом. и вотч. земель по дорогамъ Нагайской,	Арх. кн. 152, л. 103 об. — 133; Копія

*) Въ документѣ 206 года онѣ же приправочныя: № 10,824; Калачовъ I, 1; 657.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7076	Ламшевскій.	Чувашской, Арской, Аладкой, и Атызской письма и мѣры Дм. Андр. Кикина съ тов..... *Списокъ съ писц. книги города и посада, письма и мѣры Дм. Андр. Кикина съ тов.	кн. 643 л. 175 об. —237 и кн. 646, л. 208—277. Арх. кн. 643; л. 501—508 и кн. 646, л. 479—484.
7077	Пермскій.	Писцы Ив. Яхонтовъ съ тов. писали Пермь Великую	А. И. I, № 207.
»	Русскій.	*Книги русскихъ писцовъ Григ. Степ. Пильмова да Андр. Ник. Сабурова съ тов. *)	№ 10,326.
»	Владимірскій и Суздальскій.	Валовые писцы во Владимірѣ и Суздальѣ, кн. Гр. Вас. Звенигородскій и Ив. Огаревъ	Фед. Чех. I, 281—235.
7078	Полоцкаго по-вѣта.	*Книги письма и мѣры Ив. Гр. Анничкова и подъяч. Ф. Стожкова.....	Калач. I, 2, 462—540.
7079	Юрьева-Польскаго.	*Писцовыя книги описи и досмотру Ф. Бѣгичева съ товар.	№ 14,580.
»	Новгородъ, Шелонская пятнина.	Писцовыя книги Сем. Феоф. Нагого и кн. Ив. Андомскаго съ тов. (Еныша Муравьева)	Невол. пят. 14.
»	Деревская п.	Дозорныя книги Бражника Хвостова ..	Невол. пят. 16.
7080	Епифанскій.	*Книги письма и мѣры кн. Ив. В. Масальскаго и Григ. Бор. Ярцева съ тов.	Калач. I, 2, 1582—95.
»	Веневскій.	*Книги письма и мѣры кн. И. В. Масальскаго, Григ. Бор. Ярцева, подъячаго Юр. Артемьева и Шестака Федорова	Калач. I, 2, 1537—81.
»	Владимірскій.	*Книги письма и дозору Шерапа Бортенева.....	№ 1889; А. А. Э. I, № 290.
»	Владимірскій.	*Владимірскія писцовыя книги письма Ив. Зловидова съ товар.	Фед. Ч. I, 294.
»	Полоцкаго по-вѣта.	*Волостей Нещерды, Озерницъ, и Усвята письмо и мѣра Ив. Тим. Мясоѣдова и подъяч. И. И. Стоянова....	Калач. I, 2, 540—566.
7081	Рязанскій.	*Рязанскія книги письма и дозору Ратоя Суринова с. Окиннеева да подъячаго Юр. Ортемьева	Пискаревъ, гр. Ряз. кр. 35—42.
»	Новгородъ, Шелонская пятнина.	*Списокъ съ писцов. книги государевыхъ земель въ Паозерьѣ и 4-хъ погостахъ письма и мѣры Образца Баракова и подъячаго Быка Михайлова.....	Арх. кн. 706, л. 56—102.
7082	Муромскій.	*Муромскіе писцы Мих. Ив. Шишеловъ и Богд. Григорьевъ дали сотную ..	А. Ю. № 229.
»	Углицкій.	*Книги письма и дозору Вас. Старога, Город. стама, вотчинъ Тр. мош.	Калач. I, 2, 84.
»	Бѣжец. верхъ.	*Книги письма и дозору Матв. Могутова (и подъячаго Зиновья Федуова).	№ 1801; А. А. Э. I, № 304; А. И. II, стр. 71.

*) Въ 102 г. приправочныя. Калачовъ I, 1; 657.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7082	Владимирскій.	Книги письма и дозора Меншаго Росточина (Тучка Ратцова) и подъяч. Ив. Окинѣева	№ 1854.
»	Московскій.	*Списокъ съ писцов. книги неизвѣстныхъ писцовъ	Калач. I, 1, 1—39.
7082—88	Двинскій.	*Писцовыя поморскія книги письма и дозору Вас. Третьякова с. Агалина да подъячаго Степ. Федорова (Соболева)	№ 4183, А. А. Э. I, № 810.
»	Рязанскій.	*Рязанскія книги письма и дозору Андр. Ѳ. с. Скрибина да подъяч. Зиновья Ѳеддова	Пискаревъ, 42—45. Неволитъ, пятинны, 14.
7084	Новгородъ, Шелонская пятина.	Писцовыя книги Влад. Безобразова и Вешняка Мшокина	
7085—86	Московскій.	*Книга письма и отдѣлу (помѣст. и вотч. земель) Андр. Молчанова.	Калач. I, 1, 89—53.
»	Коломенскій.	*Коломенскія книги письма и мѣры Дан. Петр. Житова и Ѳ. Камынина	Калач. I, 1, 291—608; Бѣл. Акты, № 159.
до 7086	Бѣлозерскій.	Книги письма и дозору Дм. Росточина и подъяч. Гр. Чиркова	№№ 856, 857.
7086	Двинскій.	(Данныя) книги Вас. Гагина	А. А. Э. № 299.
7086	Нижегородск.	Книги Петра Бурунова	Бѣл., л. 409.
»	Суздальскій.	Сузд. писцовыя книги письма и мѣры кн. Григ. Звенигородскаго и Вас. Агалина	Ѳед. Чех. I, 242. Ивановъ, обзор. пом. правъ, 136.
7086	Серпейскій.	Книги Серпейскихъ писцовъ Григ. Пушкина съ товар.	
7086—87	Владимирскій.	Писцовыя и дозорныя книги этихъ годовъ были въ помѣстномъ приказѣ до московскаго разоренья	Ѳед. Чех. I, 291, 294.
»	Каширскій.	*Книга письма и мѣры кн. Ив. Дан. Гагарина и Аѳ. Ив. Исакова съ тов.	Калач. I, 2, 1299—1587.
7087	Костромскій.	Книги Ив. Курова да Пятаго Тумскаго съ тов. (вотчина кн. Палецкихъ)	А. А. Э. I, № 304.
»	Соликамской.	*Книга сошнаго письма гор. Камскаго посаду и уѣзду письма и мѣры писца Ив. Игн. Яхонтова да подъяч. Третьяка Карпова	Кар. IX, прим. 816; Восток. Рум. № 308.
7088	Тверской.	*Книга вотчинъ Симеона Бекбулатовича письма и мѣры П. Свѣчина и дьяка Богд. Забротова	Калач. I, 2, 291—403.
7089	Бѣлозерскій.	Бѣлозерскія дозорныя книги письма и дозору кн. Сем. Дан. Жижемскаго, Елмазар. Григ. Старово да подъячаго Тишины Васильева (села Протасьева).	№ 857.
7090	Новгородъ Бѣжецкая пятина.	*Книги письма и мѣры пом. и вотч. земель Михайл. погоста Дм. Замыцкаго	Арх. кн. № 585.
»	Деревская.	*Книги письма и мѣры пом. монаст. и порожж. земель Дм. Андр. Замыцкаго и подъячаго Третьяка Моѳева	Арх. кн. 959—960; 718—714; 723; копия 802, 715—16, 718, 723. Невол., пятинны, прил. IX.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7090	Шелонская.	*Книги письма (пом., мон. и прк. земель) Леонтыя Аксакова и подьяч. Алексѣя Малахова	Арх. кн. 957; копін 8543 — 44, 712—18. Невол. прил. III.
7090—91	Вотская.	*Книги письма и дозору (пом., мон. и прк. земель) Самс. Григ. Дмитріева (потомъ Елизар. Григ. Старова), и подьяч. Семейки Киселева.....	Арх. кн. 958; копін 301 и 719; Невол. прил. II и Временникъ О. И. и Др. VI.
»	Бѣжецкая.	*Книги письма и мѣры (пом., мон. и порозж.) кн. Вас. Андр. Звенигородскаго и подьяч. Игнатъя Сергѣева .	Арх. кн. 961, 962 и копін 720, 722, 8546. Невол. прил. XI.
7091	Обонежская.	*Книги письма и дозора (пом., мон. и церкви, земель) Андр. Вас. Плещеева и подьяч. Семейки Кузьмина.	Арх. кн. 963, 965 и копін 724 — 726, 8546, 8550. Невол. 15 и прил. V и VI; А. А. Э. III, № 88, 267.
»	Деревская.	*Писцовыя книги Кузьмы Карцова и и Ѳ. Шихмарева.....	Неволинъ прил. X. Арх.?
»	Бѣжецкая.	*Книги письма и мѣры (и дозора) пом., прк. и пуст. земель Ѳ. Мих. Ласкирева и подьяч. Ильи Иванова.....	Арх. кн. 964, 755, копін 5,578, 729, 790, 793 и 784. Невол., пр. XII.
»	Ржевы Пустой	Пусторжевскія книги письма и дозору Игн. Зубова съ тов.....	А. И. П, № 347.
7092	Шелонская п. и Обонежск.	*Книга (дворцов. зем.) Порхов. у. письма и мѣры к. В. Звенигородскаго и Елизаря Старова (и въ Обонежской Невол. 15)	Арх. кн. 785, л. 1—95 и копін 705, л. 150—156.
»	Суздальскій.	Суздальскія книги письма и мѣры Луки Новосильцева съ тов.	С. Г. Г. и Д. III, стр. 225; А. И. I, № 218.
7092—93	Владимірскій.	Писцовыя и дозорныя книги этихъ годовъ были въ помѣстн. пр. до московскаго разоренья	Бед. Чех. I, 294.
7092—106	Московский.	*Дозорныя книги неизвѣстныхъ писц. .	Калач. I, 1, 53—95.
7093	Шелонская п.	*Книга (пом. церк. и мон. земель) Порхов. у. письма и мѣры Григ. Бундова и Ждана Алабухина	Арх. кн. 967, копін 819, Неволинъ, прил. IV.
»	Арзамасскій.	*Книги письма и мѣры Арзамасск. писцовъ Игн. Изубова и подьячихъ Безсона Пахирева и Рахманика Воронова	№ 293, 294, 298.
»	Вологодскій.	Вологодскихъ государевыхъ сель писцы Никиф. Вас. Траханіотовъ да дьякъ Дан. Гравороновъ, да Ив. Федоровъ.	№ 2618.
»	Вологодскій.	Писецъ кн. Аѳ. Вяземскій и подьячій Гриша Васильевъ	№ 2622.
»	Бѣлозерскій.	*Книга Ѳедосьина городка письма и мѣры Андр. Еф. Салтыкова съ тов.	Калач. I, 2, 411—417.
»	Бѣлозерскій.	*Взваяя книга письма и мѣры Андр. Еф. Салтыкова.....	А. Ю. № 236.
»	Бѣлозерскій.	*Бѣлозерскія писцовыя книги письма и дозору кн. Ѳ. Жироваго-Засѣкина.	А. И. I, № 217.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7093	Пошехонскій.	*Книги писцовыя Пошехон. у. письма Ив. Ресина съ товар.	№ 9708.
»	Рязанскій.	Книги писца Сем. Плесеева (отдача на оброкъ).....	№ 9831.
»	Тульскій, Дѣдиковскій Пловскій и Соловскій.	*Тульскіе, Дѣдиковскіе, Пловскіе и Соловскіе писцы Конст. Андр. Наумовъ, Вас. Владыкинъ, подьячій Третьякъ... вѣевъ (сгнило) да Посникъ Невзорова дали межевую выпись.....	№ 12,808.
»	Суздальскій.	Писецъ кн. Дм. Мих. Барятинскій судягъ (апрѣль).....	Фед. Чех. I, 230—285.
»	Владимірскій.	Книги окладныя (церковн. и патриарш.) дозору Григ. Болтина.....	Фед. Ч. I, 293.
»	Мещовскій.	Мещовскія книги письма и мѣры кн. Григ. Звенигородскаго съ товар....	Ивановъ, Обзор. пом. правъ, 136.
»	Солигалицкій.	Соли Галицкія книги письма и дозору Юр. Нелединскаго съ тов.....	А. А. Э. II, стр. 177.
»	Великолудцкій.	*Списокъ съ писцов. книгъ письма и дозора кн. Дм. Елецкаго.....	Арх. кн. 244.
»	Пригороды Пскова.	*Списки съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Ив. Вас. Дровнина съ тов. въ Вороначѣ, Выборѣ, Гдовѣ, Дубковѣ, Изборскѣ, Кобыльѣ (здѣсь вмѣстѣ съ Григ. Ив. Мѣщаниновымъ—Морозовымъ) и Островѣ.....	Арх. кн. № 827.
7093—94	Московскій.	*Книги письма и мѣры Тим. Андр. Хлопова съ тов.....	Калач. I, 1, 96—277.
»	Новгородъ, Обошежская пятина.	Писцы Леонтій Аксаковъ и Ае. Жеребятичевъ.....	Невол. пятинъ, 17.
7093—95	Псковъ и его пригороды.	*Книги письма и мѣры Григ. Ив. Мѣщанинова — Морозова и Ив. Вас. Дровнина съ тов. въ Псковѣ, Вельѣ, Владимирцѣ, Вревѣ, Вышгородѣ, Красномъ, Опочкѣ и Себежѣ.....	Арх. кн. №№ 855, 850, 831; ср. Рум. Вост. № 54.
7094	Московскій.	Письмо Елизарья Сабурова (монахъ вотчинъ?).....	
»	Сольвычегод.	Сольвычегодскія писцовыя книги письма Ае. Ив. Вельяминова и дьяка Ив. Григорьева.....	Калач. I, 1, 278. А. А. Э. I, № 848.
»	Тамъ же?	Писцовыя книги Глотовы слободки (возлѣ Выми, Сысолы и Вычегды) писцовъ Ив. Огарева и подьяч. Филиппа Юрьева.....	А. А. Э. I, № 850.
7095	Медынскій.	*Книга (платежная пом. и вотч. земель) письма и мѣры Дм. Андр. Замыцкаго, Болсенка Никитина Верещагина и подьяч. Сенки Кузьмина....	Калач. I, 2, 832—852.
»	Двинскій.	Пріѣхалъ писать двинскихъ жителей кн. Вас. Андр. Звенигородскій (и Бор. Мезецкій) и въ 96 и въ 97 г. писать на Двинѣ.....	Вивл. XVIII. 15; А. И. III, № 95. Невол. соч. VI, 462.
»	Гороховецкій.	*Книги письма и мѣры Мих. Ив. Ши-	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7095	Деревская п.	шелова и подъяч. Богд. Булата (вотчины Сузд.-Евфим. монастыря)	Бѣл. Акты, № 181.
7696	Нижегородск.	Писцовыя книги Тимоф. Замыцкаго и дьяка Як. Кочергина	Невол. пятинъ, 18.
7096	Старицкій.	*Писцовая книга письма и дозора (госуд. дворцовыхъ, бортовыхъ, оброчн. и посопн. селъ) Вас. Феод. Борисова и подъячаго Третьяка Аврамова ...	Арх. кн. 7514; Бѣл., л. 410. А. А. Э. III, № 832.
»	Новоторжскій.	Книги (троицкихъ вотчинъ) письма и мѣры Елизар. Старого да дьяка Сем. Собаки Васильева	Калач. I, 2, 405—410.
»	Двинскій.	Новоторжскія книги письма и мѣры Андр. Клобукова и подъяч. Нечая Сорочнева	А. А. Э. I, № 344; III, № 832.
»	Двинскій.	Писцовыя и дозорныя книги кн. Бор. Мезецкаго и подъяч. Рахманина Воронова	А. И. III, № 96.
7096—97	Тульскій.	*Книга письма и мѣры тульскихъ писцовъ Ив. Жеребцова (и дьяка Ив. Мѣшаева) съ товар.	Калач. I, 2, 1073—1260.
»	Дѣдловскій.	*Книга письма и мѣры Ив. Ал. Жеребцова и Тим. Ив. Хлопова, дьяка Ив. Мѣшаева и подъяч. Казарина Приклонскаго	Калач. I, 2, 1261—1299.
7097	Новгородъ, Обонежская пятнина.	Писцы Вас. Волинскій съ тов. (окончивъ письмо?) съѣхали къ Москвѣ.	Невол. пят. 17.
7098	Веневскій.	*Веневскія (межевыя) книги письма и мѣры Остафья Мих. Пушкина да подъяч. Ал. Малахова	№ 12,310.
7099	Курмышскій.	Книги письма и дозору Сем. Горышкина и подъяч. Вас. Спиридонова	Бѣл. л. 412 об.
»	Тульскій и Дѣдловскій.	Книги (писцовыя и межевыя) тульского и дѣдловскаго писца Ив. Ал. Жеребцова	№№ 12,311—312.
7101	Сольгалицкій.	*Книга (троицк. вотчинъ) письма и мѣры Третьяка Григ. Вельяминова и подъяч. Казарина Феодорова	Калач. I, 1, 920—924.
»	Костромской.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ів. 892—919.
»	Ярославскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ів. 9—23.
»	Ростовскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Арх. кн. 541.
»	Звенигородск.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Мешаго Григ. Волинскаго и подъяч. Посника Степанова	Калач. I, 1, 660—730.
»	Дмитровскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Ів. 73 1—786.
»	Переясл.-Залѣсскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Мих. Ив. Вельяминова и подъяч. Ив. Князева	Ів. 810—850.
7101—102	Владимірскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Як. Петра Вельяминова и подъяч. Ф. Андреева	Ів. 787—809.
»	Суздальскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ...	Ів. 857—872.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7101—102	Юрьева Польскаго.	*Книга (пр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Гб. 851—856.
»	Муромскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Гб. 878—892.
7102	Углицкій и Понехонскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры П. Григ. Совина и подьяч. П. Микулина	Калач. I, 2, 24—85, 86.
»	Бѣлозерскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ...	Гб. 418—490.
»	Старицкій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Ае. Ѡ. Загряжского да подьячаго Ждана Степанова	Гб. 404—
»	Русскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ...	Кал. I, 1, 655—659.
»	Московскій.	*Книга (тр. вотч.) письма и мѣры Луки Новосильцева и подьяч. Ал. Шапилова	Кал. I, 1, 277—290.
»	Коломенскій.	*Книга (тр. вотч.) тѣхъ же писцовъ ..	Гб. 606—611:
»	Боровск., Оболенскій, Ярославскій, Серпейскій, Верейскій, Новосильск.	*Книги (тр. вотч.) письма и мѣры Артемья Колтовскаго да подьячаго Шестака Потапова	№ 608 (Боров. у.).
»	Углицкій.	Въ Угличъ посланъ писецъ кн. Дм. Бѣльскій	Карамз. X, прим. 485.
7102	Костромской.	Въ Костромскую область посланы писцы кн. Ѡ. Кривоборскій и Ае. Зиновьевъ	Ibid.
»	Дерзавская п.	*Списокъ съ писцовой и межевой кн. земель тр. монаст. въ 2-хъ погостахъ, письма и межеванья Вас. Пыжова и подьяч. Ждана Медвѣдова .	Арх. кн. 803.
»	Бѣжацк. п.	*Дозорная книга пом. вотч. мон. и церковн. земель въ нѣкоторыхъ погостахъ письма и дозора Воина Ивановича Завалишина и подьяч. Ждана Зиновьева	Арх. кн. 972.
7102—173	Вяземскій.	*Книги письма и мѣры Вас. Волынскаго съ товар.	Калач. I, 2, 567—881:
7103	Орловскій.	*Книги письма и мѣры Дементья Яковлева да подьяч. Леонтя Сафонова .	Кал. I, 2, 853—1073.
7108—105	Рязанскій.	*Списокъ съ платежной книги города и (пом. и вотч. зем.) околгороднаго стана письма и мѣры (рязанскаго писца) Третьяка Григор. Вельяминова съ тов.	Арх. кн. 891, л. 1—180.
»	Пронскій.	*Списокъ съ платежной книги города и Каменск. стана тѣхъ же писцовъ..	Арх. кн. 896, л. 181—808.
»	Зарайскій.	*Списокъ съ плат. кн. гор. Никола Зарайскаго и 2-хъ становъ письма и мѣры Вас. Як. Волынскаго, Ив. Ае. Нащокина, подьячихъ Второго Ильина и Алексѣя Малахова	Гб. л. 505—612.
»	(Рязанскій).	*Списокъ съ плат. кн. 8-хъ другихъ становъ тѣхъ же писцовъ	Гб. л. 618—776.
7108	Дерзавская п.	*Дозорныя книги (помѣстн. земель)	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7103	Шелонская.	письма и дозора подьячихъ Ждана Медвѣдева и Ив. Витовтова	Арх. кн. 974.
до 7104.	Важскій.	*Дозорная книга (помѣстн. земель) письма и дозора подьячихъ Суботы Никифорова, Степ. Собакина и Кузьмы Вяскаго	Арх. кн. 973, копія 738.
7104	Шелонская п.	Писецъ кн. Бор. Петр. Засѣкинъ	Арх. кн. 705, л. 245—256; кн. 973 л. 444—558; копія кн. 738, л. 216—277.
»	Деревская п.	Дозорная книга (помѣстныхъ земель) письма и дозора Ив. Неѣлова и подьяч. Ив. Галахтіонова	Кн. 974, л. 324—384.
7104—105	Вотская п. Углицкій.	Дозорныя книги подьяч. Ае. Михайлова. Углицкія книги письма и мѣры кн. Дм. Бѣльскаго *)	Невол. пятинны, 17. № 12,872.
7104—106	Можайскій и Верейскій.	*Можайскія и Верейскія писцовыя книги письма и мѣры Вл. Ѳ. Загряжскаго да подьячихъ Дѣя Чететова и Леонты Сафонова	Кал. I, 1, 612—154; Арх. кн. № 7621 (Мож. у.).
7106	Бѣлозерскій.	*Писцовая книга ямскихъ дворовъ на Словинскомъ волочкѣ письма и мѣры Никиты Ив. Беклемишева и подьячаго Никиты Власова	Арх. кн. 265, л. 380—385.
»	Новгородъ, пятинна?	*Книга письма, мѣры и межеванія госуд. Голинскихъ покосовъ подьячаго Кузьмы Ѳомина	Арх. кн. 740, л. 108—148.
»	Новгородъ, пятинна?	*Книга переписная и межевая государевыхъ Мстинскихъ поженъ и сѣнныхъ покосовъ письма и межеванія подьяч. Севрники Жданскаго	Арх. кн. 741; копія 742.
»	Обонежская и Водкая.	*Дозорная и межевая оброчныхъ поженъ и сѣн. покосовъ въ 4-хъ погостахъ письма и мѣры подьяч. Ефима Нечаева	Арх. кн. 739, л. 1—18.
»	Шелонская.	*Писцовая и межевая обр. Заверяжскихъ сѣн. покосовъ письма, мѣры и межеванія подьячихъ Вас. Кононова и Никиты Ларионова	Арх. кн. 740, л. 1—89.
»	Рязанскій.	*Книги письма и мѣры рязанскаго писца Третьяка Григ. Вельяминова съ товар. (ср. выше 7103—105)	№№ 9833—9835.
»	Пронскій.	*Списокъ съ писцов. книги города, околороднаго и Каменск. стана, письма и мѣры тѣхъ же писцовъ	Арх. кн. 854.
7108	Казанскій.	Дозорная и межевая книга дворцовыхъ селъ по Арской дорогѣ, письма, дозора и межеванія, Никиты Обухова.	Кн. 153, л. 1898—1469.
»	Вологодскій.	Вологодскіе писцы Вас. Як. Кузьминъ и Своятинъ Ѳеод. Русосовъ, да подьячіе Як. Демидовъ и Ив. Антоновъ дали память разсылщику	А. Ю. № 885

*) Посланы позже составленія въ Угличъ, какъ «приправочныя».

Указатель по уѣздамъ.

1. Алексинъ. 7074. 2. Арзамасъ. 7019, 7069, 93. 3. Балахна 7019, 41, 62, 68, 70. 4. Боровскъ. 7102. 5. Бѣжецк. верхъ. 6970—7001, 7001—7011, 7017, 43, 46, 49, 82. 6. Бѣлоозеро ок. 6993, 6998, 7012, 13 19, 49, 52, 61, 65, 69, 70, 72, 74, до 86, 89, 93, 102, 106. 7. Вага. 7060, до 7104. 8. Великія Луки. 7098. 9. Веневъ. 7080, 93. 10. Верея. 7027, 52, 75, 102, 104—106. 11. Владиміръ. до 7000, 7007, 19, 37, до 48, 48, 50, 52, 63, 64, 77, 80, 82, 86—87, 92—93, 93, 101—102. 12. Вологда. 7011, 47, 49, 52, 68, 70, 93, 108. 13. Волоколамскъ. 7052. 14. Вышгородъ. 7052, 72. 15. Вязьма. 7102—103. 16. Вятка, до 7053. 17. Галичъ. 6996—7009, до 7006, 41, 42. 18. Гороховская волость. 7038. 19. Гороховецъ. 7068, 95. 20. Двина. 7059, 62, 71, до 76, 82 — 83, 86, 95, 96. 21. Дмитровъ. 7009, 7046, 70, 101. 22. С. Дубаино. 7064. 23. Дѣдлово. 7093, 96 — 97, 99. 24. Епифанъ. 7080. 25. Замосковныя волости. 7051, 7064. 26. Зарайскъ. 7103—105. 27. Звенигородъ. 7000, 44, 45, 46, 67, 68, 101. 28. Зубцовъ. 7000.	29. Казань. 7074—76, 76, 108. 30. Каргополь. 7064—70. 31. Кашинь. 7000, 49, 63. 32. Кашира. 7008, 50, 86 — 87. 33. Клинь. 7000, 49. 34. Коломна. 7006, 62, 69, 85—86, 102. 35. Кострома. 6973, 7010, 50, 53, 68, 70, 87, 101, 102. 36. Курмышъ. 7099. 37. Лаишевъ. 7076. 38. С. Ламна. 7063, 68. 39. Малоярославецъ. 7023, 102. 40. Медынь. 7095. 41. Мещовскъ 7065, 93. 42. Можайскъ. 7051, 104 — 106. 43. Москва. 7007, 28, 48, 59, 60, 82, 85—86, 92—106, 93—94, 94, 102. 44. Муромъ, до 7070, 72, 74, 76, 82, 101 — 102. 45. Нерехта. 7028. 46. Нижній Новгородъ. 6990, 7068, 69, 86, 96. 47. Новгородъ. 7000, 7053, 75, 106. Пятны: Бѣжецкая 7090, 91, 102 (ср. Бѣж. верхъ). Вотская. 7008, 7047, 59, 71 — 73, 90 — 91, 104, 106. Деревская. 7004, 79, 90, 91, 95, 102, 103, 104. Обонежская. 7004, 7071 — 73, 91, 92, 93 — 94. Шехонская. 7006—7, 13, 23, 32, 47, 59 — 61, 71 — 73, 79, 81, 84, 90, 92, 93, 103, 104, 106. 48. Новое городище 7028, 38.

194 ОТЧЕТЪ О ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГР. УВАРОВА.

49. Новосиль. 7102.
50. Оболенскъ. 7102.
51. Орелъ. 7103.
52. Переясл. Залѣсск. 7000, 28, 40, 52, 66, 67, 70, 71, 101.
53. Переяславль Рязанскій (= Рязань) 7021 — 26, 43, 55, 60, 61, 62, 76, 81, 83, 93, 103 — 105, 106.
54. Пермь. 7077.
55. Плесская волость. 7068.
56. Плова. 7093.
57. Полоцкій повѣтъ. 7071, 78, 80.
58. Пошехонье, до 7013, 7019, 49, 50, 62, 63, 65, 69, 72, 93, 102.
59. Пронскъ. 7103 — 105, 106.
60. Псковъ. 7065, 67, 93 — 95.
61. Псковскіе пригороды 7093, 93 — 95.
62. Ржева пустая, до 7063, 91.
63. Романовъ. 7049.
64. Ростовъ. 7009, 101.
65. Руза. 7063, 76, 77, 102.
66. Руза (старая). 7064.
67. Рязань, см. Переяславль Рязанскій.
68. Свіязскъ. 7073 — 75.
69. Серпейскъ. 7086, 102.
70. Солова. 7093.
71. Соль вычегодская. 7094.
72. Соль галицкая. 7066, 93, 101.
73. Соль камская. 7087.
74. Старица. 7000, 27, 34, 39, 43, 61, 65, 96, 102.
75. Стародубъ Ряполовскій. 7073, 75.
76. Суздаль. 7052, 64, 75, 77, 86, 92, 93, 101 — 102.
77. Тверь. 7000, 48, 49, 62, 88.
78. Торжокъ. 7096.
79. Тула. 7060, 74, 93, 96 — 97, 99.
80. Угличъ. 7045, 82, 102, 104 — 105.
81. Холмъ. 7000, 7038.
82. Юрьевъ Польскій. 7006, 79, 101 — 102.
83. Ярославль. 7009, до 7064, 101.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Проектъ введенія новой землемѣрной единицы „поприща“ для финансовыхъ и военныхъ цѣлей.

Имп. Публ. Библ. Ц, XVII, № 66, (библ. гр. Ф. А. Толстаго, II, 168),
лл. 198—204 1).

Сне дѣло паки о земномъ вѣстаніи. Се убо всякаго мятежа в земныя умалитца, писарема умаленіе, зборы прѣтану², мзды неправенныя блѣча³ца, о еже землемѣрители и писарію³) четвертію мѣряще и ратаемъ многиа скорбемъ о о⁴яденія приносяще. О семъ убо тако до⁴гои² разумѣт¹: скоро²т¹ ради мѣрныя і вра²ды и тяжёме² ихъ — мѣрит¹ и о²дѣля² поприщм¹.

Вѣмы убо искѣсь мѣры и счетованія к сѣянію подробну, яко убо множе²ку³) обоку рѣку сяженія⁴) едино в долготѣ и тако² вопреки има² в себѣ ржаныхъ семе² сѣянія — тысячныя и двоесотныя жребія единныя че²т¹ 5); десять² сажене¹ в до²готу і в преки си² же ребе¹ стома² — вторыи надеся² жребе¹ четверт¹. Едина бо осмина, аще мѣроу че²верогранна — одинака і в до²готу і в преки —, имать ке саженей ра²но обою; аще хоцеши тѣ же осмину вопреки во едину саже², в до²готу бѣдетъ шѣт¹сотъ сажень, но одинако¹ в сеи же до²готнѣ¹ не ро²няетъ два²ца²т²м² пят¹ саже² пере² четверогра²ною мѣроу — два²цать четвертаго жере²я осмины⁶).

1) Интерпункція принадлежитъ намъ.

2) Писаріе?

3) Мужеску, см. ниже.

4) Сяженіе?

5) Т. е. квадратная (двуухаршинная?) сажень составляетъ $\frac{1}{1200}$ одной четверти ржанаго сѣва; или четверть равняется 1200 кв. саж. (а десятина 2400).

6) Именно: $25 \times 25 = 625$ кв. саж.; а $1 \times 600 = 600$ кв. сажень; не хватаетъ 25 саж. или (считая осмину $= \frac{1}{2}$ четверти въ 600 сажень) $\frac{1}{24}$ части осмины.

Четверогра^{но} поприще — в до^{готу} і в преки по шбѣма ко^{нца} ма^{жеск} обою рѣкѣ саже^т тысяща — иматъ в себѣ ржаны^х семе^н сѣянiя осмьсотъ тридесять три четверт' с третьо; в три^х поля ра^{дѣ}ленiя ради житнаго — поприщи таково нариче^тца двѣст' семьдесятъ осмь че^рверте' без по^т осмины в поле а ^{двѣ} поля^х потом^ъ ¹). Се шбо поприще удо^б есть дат' за двѣстѣ и пя^тдесятъ четверте' в поле а ^{двѣ} по^т потом^ъжъ, понеже двадесять осмь че^рверте' без по^т осмины излишняго коем^ъждо полю: излишняя же та за сѣно и за лѣ до^той^т дат', аще бѣде^т зе^мли чистые сеи лепши. І току мѣроу землемѣрите^нiи писанiе скорѣе поспѣють че^рвертныи мѣры — въ десятирицу: ким' днѣм' нѣв гра^д описа сочт', тем' днѣм' во^могу^т десять градо^в описоватися; понеже че^рвертинная мѣра в част' мѣшкотна, — сия поприщѣм' около всѣх^ъ вдрѣгъ огради^т. Сего ради о земляхъ и тяжа не иматъ быт': аще бо хто хоше^т прекривити и шбо мѣра всего о^бличитъ, яко излишняя чужая хотяще во^жит'; у кого жъ о^тягъ, такожъ мѣра о^бличитъ, яко обиде^т есть.

Тако шбо удобно е^ть прѣмъ повелѣваті зе^млемѣріе учрежат' поприщѣм', а нѣв че^рвертым'. Аще убо самъ царь во ^{сѣ}хъ своихъ градѣх^ъ елико вхоше^т себѣ по^рищи своя ради требы прiят', і аще буде^т гдѣ в до^{готу} і в преки че^рвероуго^{но} по шбѣма кон^{ца}ма десять по^рищъ, — тѣ есть по сем^у счетованію два^дца^т тысящъ семь со^т пять че^рверте' в поле, а в дву поля^х по толицѣх^ъ мѣрѣх^ъ ²), — и повелитъ на себя жи^тны^х плодовъ на лѣта пятую чѣть о^дели^т, а Бгѣ дастъ, аще в зе^мли зерно роди^т пять зере^н ржи, — дватцать тысящъ і пять тысящъ чег^да яри того вдвое, — і в тѣх^ъ ³) градѣх^ъ поселику і во едино лѣто бѣдетъ двѣ тысящи тысящъ и пять сотъ четвертей ржи ⁴), да яри того вдвое; есть бо что и сего продат' на собраніе сре^бра, а ни единъ ратой не бѣде^т слезенъ и мѣче^н в недоста^тцѣх^ъ, еже имат' ъ ни^х з земли хлѣ^б,

¹) Этотъ расчетъ буквально перешелъ въ книгу сошнаго письма первой редакціи: «и толко будетъ въдолъ верста, а поперегъ верстаж, итого въ ней будетъ 417 десятинь без трети (1.000.000: 2400 = 416²/₃); а толко положить тѣ десятины въ три поля, итого будетъ въ полѣ по 139 десятинь бес получети и пол-пол-пол-третника: а четвертныи пашни во всѣхъ трехъ поляхъ будетъ 833 чети с третникомъ, а въ полѣ иметца по 278 чети без четверика и бес пол-пол-третника.

²) Слѣдовало бы: двадцать семь тысящъ пятьсотъ четвертей, см. ниже.

³) Чтеніе возстановленное.

⁴) Т. е. 25.000 × 100 = 2.500.000: двѣ тысящи пятьсотъ тысящъ.

съ лесо³ же звѣрїе и ме¹, с рѣк же рыбѣ и боброве; аще ли гдѣ лѣсъ в поли²ца¹) есть, — медвенїи и звѣрїиныя о³роки оставяют³: поне² ъже хлѣбо² дадятъ с того пятаю чѣть.

Тако ъбо дѣтои² и бояромъ і во³намъ даят³ поприщым³, а не че²вертым³ комѣждо по его достои²ству. Аще ъбо есть отъ бояръ соверше², комѣ тысяща че²верте³ достои²тъ прїят³, семѣ убо въ до²готу два по²рища, і в преки² два² поприща че²верогра²но по ѡбоима концама ѡдо² есть даяти по сему счетованїю — за тысящѣ чет³ в поле, а ²дву потомѣ² — по толїи³ же мѣре; кромѣ того² емѣ ѡбде² за сѣно и за лѣ по сту и по аї че² в поле. Аще ¹ мни сею комѣ о² воево¹ достои² — се²мь сотъ пятьдесять че²верте³ прїяти, — семѣ ъбо в до²готу два по²рища, а в преки по²тора по²рища по ѡбѣма ко²нцама удо² есть даят³ по сему счетованїю — за ѡн че² в поле, а ²дву поляхъ по то³ же мѣре, кромѣ того еже емѣ ѡбде² за сѣно и за лѣ — по ѡсмидеся² и по три че² в поле. Аще ¹ же кому воинѣ достои² прїяти пять сотъ че² семѣ убо в до²готу два поприща, а ²преки едино поприще по ѡбѣма ко²нцама ѡдо² есть даят³ по се²у счетованїю — за ѡ²) че² в поле, а ²дву поляхъ потомѣ² мѣре того ³), кромѣ того еже ѡбде² за сѣно и за лѣ по пятидеся² по пяти че² в поле. Аще ¹ ко²у дѣтои² прїят³ четыреста два²ца² і пя² че², семѣ убо в до²готу по²тора по²рища, а впреки едино по²рище по ѡбѣма ко²нцама удо² есть даяти по сему счетованїю за ѡ. без два²ца² че² в поле, а ²дву поляхъ потомѣ²жъ мѣрѣ, кромѣ того еже е²у будетъ за сѣно и за лѣ по ѡма. че² с осминою в поле. Аще¹ же ко²у достои²тъ прїят³ по²третья ста че²верте³, семѣ убо в до²готу і в преки четверогранно по²рища по ѡбѣма ко²нцама ѡдо² есть даат³ по сему счетованїю за по² третья ста че² в поле, а ²дву поляхъ потолице² мѣре, кромѣ того еже е²у ѡбде² за сѣно и за лѣ по ѡн. че² бе² полу осмины в поле. Аще ли же ко²у достои²тъ прїят³ сто дватцать пять че², семѣ убо в долготу по²рище, а в преки по²поприща по ѡбѣма ко²нцама удо² есть даяти по семѣ счетованїю — за рѣ че² в поле, а ²дву поляхъ по толице² мѣре, кромѣ сего е² емѣ будетъ за сѣно и за лѣ по ді че² в поле. Аще ли гдѣ будетъ поприще поприщѣ земля неро²но есть: бо тако и людїе сѣтъ во единоѡб²ствїи, сїирѣчь равес²ствѣ, имѣ² же нѣкоя о²стоянїя ме²ду себя, сущїи равно; — по члѣкѣ убо ра²смотря³ і по²рища ра²дѣля³: лѣчшимъ лѣчшая.

1) Т. е. будетъ спаленъ, сожженъ подъ пашню?

2) Очевидно, вмѣсто ѡ.

3) Очевидно, лишнее слово.

Приемля же землю бояри^н или воевода или воинъ имать свои^я ратае^н дово^лство по свое^{му} достои^нствѣ. Аще бо пятую часть жить^я 1) взимая, семе^н же не ^даетъ ратае^н, — аще же бл^гговоли^т Б^гъ, в зе^мли едино зерня сотвори^т пя^т зерн^ъ, — и ком^бждо убо вдано есть поприще едино, се^б во^зметъ ѿ своихъ ратае^н пятые ч^атъ полтретья ста че^т ржи, да яри того вдвое; симъ убо доволенъ б^оде^т: не достои^н бо ником^бждо бояро^м и воеводамъ і война^н, своя ратая им^ѣще, с ниже сере^бро имать. Аще бо кто пре^д инымъ вой^н вел^н есть, то по достоянію его бо^лши вдано есть земли ем^б, тако и ратае^н свои^я бо^лши стяжу^т пре^д инымъ, овою вдвое, овою втрое, инѣже в се^меро и восмеро. Аще^ж ком^бждо на по^требу ѿдо^л б^оде^т сере^бро има^т, кин^ждо излишняя своя и се бе^зпошлинно продае^т гра^дцкимъ жителе^м, елицы хл^ѣбы к^ѣпують, и симъ — на потребу свою серебро притяжи^т. Како ѿбо у ратае^н сере^бра хот^ѣт^ь? — и того ради и^х яко^ж видимъ м^ѣкамъ томимы: си^и бо серебра не созидають, на 2) хл^ѣб^ѣ назидаютъ; сего 3) у нихъ подобаетъ хл^ѣбъ принма^т по иосифа прекр^аного ѿставу, пятую часть, тако^ж і с^ѣна и дро^ва достои^н принма^т пятую часть.

Проти^в же ра^нны^я и^сходитъ тако: иже имать црская даяніа въ содержаніе земли въ до^готу і вопреки четверогранно поприще, сем^ѣ подобаетъ быт^ь само^{му} и с нимъ слуз^ѣ во ^бран^ѣ; а прочимъ по том^ѣ ж^ѣ счетованіа 4): на толице убо м^ѣре земли .к^ѣ. ратае^н по^нныхъ жребіевъ по ви че^т с осминою во всякомъ поле, кром^ѣ с^ѣна и г^ѣсу; сего ради десять едино 5) на десять того к воинству сподобя^т. Аще ли ц^рь в^хоще^т, дабы воинству 6) проти^в ратны^я во единъ д^нь собиралося, подо^бно есть ем^б вс^ѣмъ во едино^м м^ѣсте повел^ѣт^ь, дабы не жити 7) во град^ѣ, яко да ѿставленое свое повел^ѣт^ь привозити к себ^ѣ ратае^н и приемлю^т хл^ѣб^ѣ и с^ѣно и дрова у ратае^н свои^я, сами^ж жите^лств^ѣю^т во град^ѣхъ сего ра^д, ако едина грамота о вои^нстве приде^т к нимъ и единого ч^ѣсу вси, слышавше, усрамя^тся др^ѣт^ь о^т др^ѣга о^тл^ѣчатися, но едином^ѣлено і въ единъ д^нь град^ѣт^ь вси на поручную имъ службу.

1) Жить.

2) Но?

3) Пропущено: «ради»?

4) Счетованію.

5) Едина?

6) Воинство.

7) «Дабы жити» или «дабы не жити въ сел^ѣхъ»; ср. ниже.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Общая оцѣнка книги А. С. Лаппо-Данилевскаго въ печатныхъ отзывахъ 20 — 21.

Выборъ темы 21 — 24. Распредѣленіе матеріала 24 — 26. Приемы изложенія 26 — 27.

I. *Время предшествующее XVII вѣку.* 27 — 95.

1. Податная система 27 — 43.

Общая схема 27—28. Налоги выводимые изъ отношеній дворцоваго хозяйства (оброкъ; дьячьи и подьячьи пошрины; намѣстничьи и волостелины кормы) 28 — 32. Налоги выводимые изъ потребностей государственной защиты (стрѣлецкія, пищальные, емчужныя деньги, на городовое и засѣчное дѣло, городовое дѣло и посопная повинность) 33 — 36. Налоги выводимые изъ татарскаго завоеванія (дань, ея роль въ исторіи финансовой организаціи; ямъ какъ повинность и какъ налогъ; помояничныя деньги; процентные сборы) 36 — 43.

2. Волостная финансовая организація. 43 — 53.

Общая схема 43 — 44. Терминъ «община» въ употребленіи автора 44 — 45. Волость (—марка?) русскаго сѣвера. 45 — 48. Владѣльческая община центра 48 — 50. Появленіе въ ней хозяйственной организаціи 50 — 51. Положеніе черныхъ волостей въ центрѣ 52 — 53.

3. Техника податнаго обложенія. 54 — 95.

а. *Окладная единица (соха)* 54 — 71.

Смѣна значеній «сохи» по мнѣнію А. С. Лаппо-Данилевскаго 54. Соха, какъ единица рабочей силы; ея выраженіе въ колеблющейся площади пашни (соха новгородская и московская; ошибочныя опредѣленія ихъ размѣровъ у Бѣляева) 55 — 58. Соха, какъ опредѣленнаго размѣра площадь посѣва (отсутствіе связи между происхожденіемъ ея и происхожденіемъ десятиннаго измѣренія). 58 — 59. Два типа сотныхъ выписей XVI в. 60. Колебанія размѣра сохи въ первомъ типѣ; вѣроятность измѣренія ея въ это время рабочей силой; отношеніе ея къ древней сохѣ. 61 — 64. Установленіе размѣровъ сохи въ сотныхъ выписяхъ втораго типа; наддача

и одобряваніе сохъ низшихъ сортовъ земель. 64 — 66. Размѣръ сохъ разныхъ сословій. 67 — 68. Выводъ о фиксированіи размѣровъ сохи въ началѣ второй половины XVI в. 69. Подтвержденіе этого вывода исторіей составленія писцовыхъ книгъ XVI в. 69 — 71.

в. *Руководство къ сошному обложенію («книга сошнаго письма»)*
71—95.

Списки книгъ сошнаго письма 72 — 74. Первая редакція сошнаго руководства («парево уложеніе помѣстнымъ землямъ» и двѣ другія части) 75 — 79. Его пробѣлы и восполненіе ихъ (вытнаго счета и одобряванія) во второй редакціи сошнаго руководства 79 — 88. Разверстки податей во 2-й редакціи. 84. Геодезическое руководство книги сошнаго письма и его вѣроятное происхожденіе 85 — 91. Вопросъ о византійскомъ вліяніи на русскія писцовыя книги 91 — 92. Проектъ введенія новой землемѣрной единицы 93 — 95.

II. *XVII-е столѣтіе.* 96—175.

1. Податные классы 96 — 108.

Содержаніе первой главы книги А. С. Лаппо-Данилевскаго 96. Податныя привилегіи сословій изображены только по отношенію къ личному, а не къ владѣльческому и не къ корпоративному положенію дворянства, купечества и духовенства 96 — 98. Составъ сельской тяглой общины; положеніе половниковъ 98 — 100. Посадская тяглая община; ея подраздѣленія; вступленіе новыхъ тяглецовъ 100 — 102. Вліяніе правительства на составъ тяглой общины (прикрѣпленіе, дѣловые и задворные люди, ссудная запись) 102 — 107. Борьба городскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ интересовъ (дифференціація города и села въ XVII в. по взгляду автора) 107 — 108.

2. Податная система 108 — 122.

Судьба податей XVI в. въ XVII-мъ столѣтіи. 108 — 109. Старая и новая ямская подать. 109 — 111. Исторія стрѣлцкой подати (старыя пищальныя и новыя стрѣлцкія деньги; различіе денежной подати и денегъ за стрѣлцкій хлѣбъ, таблица уплатъ хлѣбомъ и за хлѣбъ; первоначальное тожество обонихъ видовъ стрѣлцкой подати. Смѣшеніе ихъ у автора. Смыслъ реформы 1672 г. Реформа 1679 — 1681 гг.) 111 — 117. Оброкъ, соляной налогъ 1646 г.; городская подать 1679 — 81 г., какъ «попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ. 117 — 118. «Терминологія и классификація прямыхъ налоговъ въ XVII в.» съ точки зрѣнія терминологіи и классификаціи современной финансовой науки. 118 — 120. Глава IV-я о личныхъ повинностяхъ и натуральныхъ сборахъ (воинская повинность, хлѣбные запасы какъ регулярная подать на югъ, ясакъ) 120—122.

3. Механизмъ податнаго обложенія и раскладки. 122—147.

Народныя переписи XVII в.: писцовыя и переписныя книги: смѣшеніе у автора ихъ назначенія (для сошной и подворной раскладки) 122 — 124. Сравненіе переписей XVII в. съ «современными статистическими данными» по отношенію къ рациональности ихъ составленія и ихъ достовѣрности 124 — 125. Соха и ея размѣръ по качеству земли и по сословіямъ. 125—126.

Быть и ея отношеніе къ сохѣ 126 — 128. Объясненіе одоброванія сведено къ одному спеціальному случаю его примѣненія, выходящему, притомъ, изъ сферы податныхъ отношеній (наддача и одоброваніе служилого оклада) 128 — 130. Измѣреніе площади двора служить-ли для сошной, или для подворной раскладки? 130 — 132. Причины паденія сошнаго письма по автору (развитіе городовъ, увеличеніе распаханной территоріи и упадокъ земледѣлія) 132 — 134. Дѣйствительный смыслъ реформы 1680—31 г. (Живущая четверть и ея происхожденіе; ея первоначальный смыслъ и причина перевода ея на извѣстное количество дворовъ) 134 — 136. Колебанія размѣровъ живущей четверти. 137. Ошибочное противоположеніе живущей четверти сошному письму и ошибочное сближеніе ея съ подворной податью (Дальнѣйшая судьба сошнаго письма. Оно служило для раскладки тѣхъ же податей, какъ живущая четверть, но въ разныхъ мѣстностяхъ. Подворная раскладка служила для другихъ податей, чѣмъ соха и живущая четверть: именно, для новыхъ экстренныхъ сборовъ). 138 — 141. Смѣшная живущую четверть съ подворной раскладкой, авторъ объясняетъ происхожденіе подворной подати причинами, которыя могутъ относиться только къ происхожденію живущей четверти. 141 — 142. Дѣйствительныя причины введенія подворной подати и одновременнаго сохраненіе сошной и четвертной раскладки 142 — 143. Менѣе репартиционный характеръ подворной подати. 143 — 144. Терминологическое недоразумѣніе въ главномъ выводѣ автора 145 — 146. Мірская раскладка податей въ черныхъ волостяхъ (разводъ и разрубъ; орудія разрубъ: веревныя книги и окладной списокъ: смѣшеніе послѣдняго съ «денежнымъ счетомъ» сошныхъ книгъ и невыясненность роли его въ процессѣ разрубъ. Разытка, какъ особый типъ раскладки) 146 — 149. Посадская раскладка. Лавочный оброкъ: его назначеніе съ помощью и безъ помощи мірской раскладки. 149 — 150.

4. Финансовая администрація 150 — 175.

а. Областная. 150 — 151.

Общій характеръ сопоставленныхъ данныхъ и выводовъ изъ ихъ сопоставленія. 150 — 151.

б. Центральная. 152—175.

Особыя условія изученія центральной системы. 152. Три стадіи развитія центральныхъ учреждений по Градовскому; сопоставленіе ихъ у автора съ тремя «принципами распредѣленія поступлений». 153. Неудобство этого сопоставленія по отношенію къ первому, «вотчинному» принципу. (Изъ дворцовыхъ приказовъ одинъ Большой Дворецъ имѣетъ важное финансовое значеніе. Но это значеніе основывается не на «вотчинномъ» характерѣ его поступлений. До середины XVI в. Дворецъ есть единственное центральное финансовое учрежденіе и вѣдаетъ всѣ налоги, поскольку они вѣдаются вообще центральной администраціей. Во второй половинѣ XVI в., съ выдѣленіемъ территориально-финансовыхъ приказовъ, Большой Дворецъ самъ становится территориально-финансовымъ приказомъ) 154 — 156. Территориальный принципъ поступлений. Вопросъ о происхожденіи четей (связь ихъ территорій съ территориями

древнихъ княжествъ. Предполагаемая перемѣны, превратившія областныя управленія въ московскія чети) 156 — 160. Неполнота характеристики четей XVII столѣтія. 160 — 161. Устойчивость ихъ территорій 161 — 162. Расходы четей 162. Финансовое вѣдомство Разряда. 163 — 164. Принципъ систематизаціи поступленій. Систематизація сословнаго характера: Большая казна, Монастырскій приказъ. 164 — 165. Систематизація по характеру податей: косвенныхъ сборовъ, ямскихъ, полонянничныхъ и стрѣleckихъ. Недоразумѣнія въ исторіи поступленія этихъ податей. 166 — 168. Случаи слиянія разныхъ приказовъ и общій выводъ объ успѣхахъ систематизаціи къ концу XVII в. 169 — 170. Контрольныя учрежденія XVII в. Отчетность и бюджетъ: вопросъ о существованіи государственныхъ росписей (годовыя смѣты 1620-хъ годовъ, вѣроятное существованіе росписи 1646 г., роспись 1680 г.) 170 — 172.

Общее заключеніе. 172 — 175.

Приложеніе I.

Списокъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ XV — XVI в. 176 — 192.

Указатель по уѣздамъ. 193 — 194.

Приложеніе II.

Проектъ введенія новой земельной единицы «поприца» для финансовыхъ и военныхъ цѣлей. 195 — 198.

Оглавленіе. 199 — 201.

Поправки. 202.

ПОПРАВКИ.

На стр. 57 вмѣсто 1555 слѣдуетъ читать 1554 годъ
вмѣсто 1551 » » » 1550 »

На стр. 138. При переводѣ дворовъ на десятины мы упустили изъ вида, что далеко не всякій дворъ сидѣлъ на полной выти.

II.

ВЛАСТЬ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ. ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО КОНЦА XVI ВѢКА М. ДЪЯКОНОВА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1889 Г.

Рецензія заслуженнаго ординарнаго профессора, директора Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскаго.

Г. Дьяконовъ задачею своего труда ставитъ вопросъ о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти Московскихъ государей. Вопросъ этотъ авторъ справедливо считаетъ еще не окончательно выясненнымъ, хотя не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи.

Для подробнаго выясненія послѣдняго положенія, по мнѣнію г. Дьяконова, необходимо прослѣдить чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла познакомиться съ византійскими государственными идеями и что изъ нихъ позаимствовала.

Но такой работы авторъ, по его признанію, не счелъ возможнымъ принять на себя, такъ какъ онъ не обладаетъ для этого спеціальною подготовкою византиниста; авторъ желаетъ своимъ трудомъ дать только возможность нѣсколько ориентироваться въ данномъ вопросѣ.

Построеніе плана своего изслѣдованія и раздѣленіе его на главы авторъ основываетъ на положеніи, что подъемъ русскаго политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV вѣка послѣ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, долженъ найти свое объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византіи. Въ первой главѣ авторъ представ-

ляетъ очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученою критикою. Во второй главѣ представляется сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древнерусской письменности до половины XV вѣка.

Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія Византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣтно попытокъ къ проведенію какихъ-либо самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой — объяснить быстроту въ развитіи политическаго самосознанія съ половины XV вѣка.

Третья глава имѣетъ своимъ содержаніемъ политическія слѣдствія для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, именно подъемъ русскаго политическаго самосознанія; четвертая глава посвящается теоріи власти Московскихъ государей.

По отношенію къ разработкѣ вопросовъ, относящихся къ третьей и четвертой главамъ, авторъ ограничиваетъ свою роль такъ же преимущественно сводомъ добытыхъ результатовъ о московскихъ политическихъ фикціяхъ XVI вѣка и о теоріяхъ власти Московскихъ государей. То немногое, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, по сознанію самого автора, не измѣняетъ существеннаго содержанія этихъ выводовъ.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ указаны нѣкоторыя изъ примѣненій, сдѣланныхъ въ XV и XVI в. изъ новыхъ политическихъ ученій московскимъ правительствомъ. Пятая глава озаглавлена «Политическіе взгляды московскаго правительства», шестая — «Московскіе государи и ихъ слуги».

Не смотря на то, что всѣ вопросы, поднимаемые авторомъ, подвергались ученой критикѣ во многихъ изслѣдованіяхъ по исторіи русской церкви, словесности и права, нельзя не признать, что г. Дьяконовъ, приступая вновь къ повѣркѣ сдѣланныхъ до него выводовъ, на основаніи всѣхъ доступныхъ ему первоначальныхъ источниковъ, предпринялъ полезное для науки дѣло, которое исполнилъ съ успѣхомъ. Ученыя достоинства этого труда будутъ указаны мною при разборѣ его по отдѣльнымъ главамъ.

Первую главу своего изслѣдованія, которая носитъ названіе «Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси», г. Дьяконовъ начинаетъ положеніемъ, что принятіе христіанства поставило Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи, съ этого времени провозвѣстникомъ новыхъ взглядовъ на обществен-

ныя отношенія является духовенство, высшіе представители котораго принимали участіе при обсужденіи всѣхъ важныхъ случаевъ государственной жизни. Чтобы оцѣнить значеніе политическаго вліянія духовенства, по мнѣнію автора, необходимо имѣть въ виду, что русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. Авторъ указываетъ основанія этого подчиненія. Вслѣдствіе церковнаго подчиненія византійскому патріарху Русь стала въ зависимость и отъ императоровъ, которые считали себя единственными представителями міровой имперіи. Практическимъ выраженіемъ власти патріарха было избраніе и постановленіе имъ высшихъ представителей русской іерархіи, глава которой, митрополитъ, былъ намѣстникомъ патріарха съ правами послѣдняго.

Для упроченія этой зависимости патріарху было выгодно имѣть своими представителями на Руси лицъ греческой національности; поэтому митрополиты-греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на русскую митрополію происходило въ Константинополѣ; митрополиты изъ русскихъ допускались патріархами только какъ особое исключеніе. Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ Константинополя чрезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому патріархи постоянно отклоняли попытки на Руси къ раздѣленію митрополіи; въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. патріархатомъ было указано на необходимость единого церковнаго главы надъ Русью въ виду раздѣленія Руси на отдѣльныя княжества, для которыхъ единый митрополитъ долженъ быть общою связью въ интересахъ мира между подчиненными одному духовному вождю.

Въ Константинополѣ были озабочены и вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или по крайней мѣрѣ о наибольшемъ вліяніи послѣдняго на первыхъ, что видно, напримѣръ, изъ посланія патріарха Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому, изъ настоятельныхъ грамотъ и соборныхъ опредѣленій о поставленныхъ въ Русь митрополитахъ.

Послушаніе митрополиту не ограничивалось сферою церковнаго управленія, оно требовалось и въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ этой сферѣ. Съ другой стороны, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя, подчиняясь только патріарху и собору.

Эта тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе послужила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи

о зависимости русских князей отъ Византійскихъ императоровъ. Византійскій императоръ былъ главою церковнаго управления, поэтому онъ оказывалъ вліяніе и на дѣла русской церкви, какъ митрополіи константинопольскаго патриарха: «русскій митрополитъ поставляется только съ согласія императора, вѣдомству императора подлежалъ также вопросъ о предѣлахъ митрополіи и о ея единствѣ, императору принадлежить и право участія въ судѣ надъ іерархами русской церкви.

Политической зависимости Руси отъ Византійской имперіи не существовало, но идея о ней, возникшая у грековъ, получила нѣкоторое выраженіе даже въ официальныхъ сферахъ древней Руси.

Уже въ началѣ IX вѣка патриархъ Фотій говорилъ о Руссахъ, что они поставили себя въ чинѣ подданныхъ и друзей имперіи; въ XII вѣкѣ императоръ Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка, какъ на своего васала; въ XIV вѣкѣ русскій великій князь носилъ названіе стольника Византійскаго императора; въ половинѣ этого вѣка императоры продолжали включать въ свой титулъ званіе царей русскихъ. Католическій западъ также раздѣлялъ воззрѣніе о политическомъ подчиненіи Руси Византійскому императору: въ XII вѣкѣ германскій императоръ жалуется Византійскому императору на русскихъ, которые обидѣли германскихъ подданныхъ.

Еще до крещенія Руси Византія заключала съ нею договоры въ которыхъ встрѣчается условіе о помощи Руссовъ имперіи противъ враговъ ея; со времени принятія христіанства Русью, отъ конца X вѣка до конца XI в. въ Византіи постоянно былъ отрядъ русскаго войска, принимавшій участіе въ войнахъ имперіи. Это, по мнѣнію автора, могло быть послѣдствіемъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями, подобно тому, какъ Сербія обязывалась выставять въ помощь Византіи опредѣленное число воиновъ. Но, говоритъ авторъ, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особымъ договоромъ кровнаго родства съ Византійскимъ императорскимъ домомъ. И позднѣе въ XIV и XV вѣкахъ Византійскіе императоры называли русскихъ князей своими сродниками и братьями.

Византійскія теоріи отразились и въ воззрѣніяхъ русскихъ князей. Вел. кн. Симеонъ Іоанновичъ въ письмѣ своемъ къ императору Іоанну Кантакузѣну признавалъ царство Ромеевъ и великую церковь источникомъ благочестія и училищемъ законодательства и

освященія. Съ этимъ согласовалось признаніе въ древней Руси градскихъ-законовъ столь же боговдохновенными, какъ каноническія постановленія вселенской церкви. Императора вел. кн. Симеонъ Иоанновичъ называлъ «самодержцемъ всея вселенныя».

Но сохраненію этихъ отношеній между русскими князьями и императорами помѣшали политическія столкновенія между ними, которыя начались уже давно, а въ XIV вѣкѣ возникли болѣе серьезныя столкновенія по дѣламъ церкви. Поводомъ къ неудовольствіямъ послужили попытки къ отторженію отъ русской митрополіи юго-западныхъ епископій. Московское правительство заподозрило Византійскаго императора и церковь въ симпатіяхъ къ Литвѣ. Вел. кн. Василій Дмитріевичъ не позволилъ митрополиту Киприану поминать имя царя въ диптикахъ, говоря: «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ». По этому поводу патріархъ Антоній отправилъ великому князю посланіе, въ которомъ высказываетъ идею о всемірной монархіи и вселенской церкви, объясняя и то, что невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Второстепенное значеніе и низшее положеніе мѣстныхъ государей опредѣлены совершенно ясно. При Витовтѣ начались неудовольствія противъ Константинополя и въ Западной Россіи. Послѣ отказа въ Константинополѣ поставить въ митрополиты кандидата Витовта Θεодосія, соборъ западно-русскихъ епископовъ самостоятельно поставилъ митрополитомъ своего избранника и въ оправданіе этой мѣры объяснилъ въ окружномъ посланіи, что отдѣленіе послѣдовало отъ Константинополя, а не отъ церкви, вслѣдствіе насилванія царева на церковь божію. Представился и въ Москвѣ серьезный поводъ къ разрыву съ Константинополемъ, когда въ Москву явился митрополитъ Исидоръ, хотя незадолго передъ тѣмъ посланъ былъ въ Константинополь для поставленія на митрополію рязанскій епископъ Іона. Въ Москвѣ не желали, чтобы Исидоръ отправлялся на соборъ въ Ферару для рѣшенія вопроса о соединеніи церквей, а когда, по возвращеніи Исидора съ собора, оказалось, что онъ поработилъ русскую церковь подъ римскую, онъ былъ заключенъ въ монастырь, откуда бѣжалъ. Московскимъ соборомъ былъ поставленъ митрополитомъ Іона и только черезъ два года послѣ этого великій князь отправилъ императору оправдательное посланіе, въ которомъ старыя традиціи Византійской имперіи оживаютъ въ широкихъ размѣрахъ. Но старыхъ отношеній возстановить было невозможно, когда императоръ подпи-

салъ актъ объ униі. Въ Москвѣ пришли къ убѣжденію, что цареградская церковь отступила отъ православія. Паденіе Константинополя только ускорило подготовлявшійся разрывъ и послужило для русскихъ публицистовъ подтвержденіемъ для обоснованія новой теоріи о Московскомъ царствѣ.

Самъ авторъ первую главу своего изслѣдованія называетъ компилятивнымъ очеркомъ, но въ этой главѣ уже замѣтны всѣ тѣ ученія достоинства изслѣдованія г. Дьяконова, которыми отличаются и послѣдующія главы. Авторъ постоянно держится на твердой почвѣ историческихъ данныхъ, не позволяя себѣ никакихъ бездоказательныхъ положеній и выводовъ; онъ вполне ориентированъ въ литературѣ по каждому поднимаемому имъ вопросу и не ограничивается только повтореніемъ сказаннаго прежде него, а самостоятельно повѣряетъ прежде сдѣланные выводы тщательнымъ изученіемъ первоначальныхъ источниковъ; если данный памятникъ извѣстенъ не по одной редакціи, авторъ пользуется всѣми редакціями памятника. Изложеніе его отличается полною стройностью и строгою послѣдовательностью; нельзя не указать и изящной простоты и точности изложенія.

Вторую главу, которая носитъ названіе «Политическія темы древнерусской письменности», авторъ начинаетъ объясненіемъ что роль духовенства и книжниковъ въ періодъ времени до возвышенія Москвы нельзя ограничивать только дѣятельностью представителей церкви въ качествѣ миротворцевъ и посредниковъ между князьями, какъ думаютъ многіе. Авторъ доказываетъ, что духовенство и книжники помимо непосредственнаго вмѣшательства въ княжескія междоусобія давали и практическіе совѣты для устраненія зла. Эти совѣты были заимствованы изъ практической жизни, они указываютъ на существовавшее правовое міросозерцаніе. Начало старѣйшинства было вполне естественнымъ регуляторомъ отношеній между князьями; въ защиту его выступали наши книжники, для которыхъ благодарною темой въ этомъ смыслѣ послужила смерть Бориса и Глѣба. Слагатель сказанія о святыхъ страстотерпцахъ, Іаковъ Мнихъ, и авторъ чтенія о житіи и погубленіи блаженныхъ страстотерпцевъ, преподобный Несторъ, оба отиѣчаютъ въ братьяхъ черту смиренной покорности передъ старшимъ братомъ. Несторъ указаніемъ на святыхъ братьевъ старается вызвать у современниковъ желаніе подражать ихъ примѣру; этою же цѣлью руководствовался и неизвѣстный авторъ «слова о князьяхъ».

Наряду и наравнѣ съ началомъ старѣйшинства было еще дру-

гое начало, находившееся въ близкомъ соотвѣтствіи съ признаннымъ на Любечскомъ съѣздѣ порядкомъ распредѣленія волостей, это — соблюденіе «чюжего предѣла», явившееся какъ-бы корективомъ къ началу старѣйшинства. Лѣтописецъ и Θεодосій Печерскій возмущены изгнаніемъ Изяслава изъ Кіева Святославомъ. По этому поводу г. Дьяконовъ говоритъ, что житіе Θεодосія не объясняетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ нарушеніемъ закона, противъ котораго возстаетъ Θεодосій: нарушеніе ли старѣйшинства или же неприкосновенности чужаго предѣла. Я думаю, что этотъ вопросъ рѣшается словами житія, которое говоритъ, что Θεодосій обличалъ Святослава за его несправедливый поступокъ «яко не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отпа си, брата старѣйшаго прогнавша». Изъ этихъ словъ очевидно, что вина Святослава была въ нарушеніи законнаго права старѣйшинства. Но далѣе авторъ справедливо замѣчаетъ, что оба указанныя начала въ понятіи современниковъ не исключались одно другимъ, а признавались совмѣстными.

Политическая проповѣдь духовенства не остановилась на этихъ началахъ, вслѣдъ за введеніемъ христіанства началась пропаганда на Руси христіанской идеи о богоустановленности власти. Авторъ замѣчаетъ, что эту идею трудно было примирить съ порядками дѣйствительной жизни, въ которой господствовала путаница началъ относительно преемства столовъ. Авторъ говоритъ, что начало старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей, начало семейно-вотчинное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Всѣ же эти колеблющіяся отношенія князья старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, «ряда». Я долженъ остановиться на словахъ автора: «начало старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей». Я не считаю возможнымъ говорить о правѣ добыванія волостей, какъ-бы конкурирующимъ съ правомъ старшинства; добываніе волостей съ нарушеніемъ права старшинства было не правомъ, а только фактомъ, насиліемъ, нарушеніемъ права. По моему мнѣнію, вполне правильно и опредѣлительно объясняетъ поднятый вопросъ г. Владимірскаго-Буданова: «Кромѣ наслѣдства и избранія нѣтъ другихъ правомѣрныхъ способовъ пріобрѣтенія княжеской власти. Добываніе стола и договоръ между князьями не могутъ быть признаны таковыми. Добываніе (узурпація силою) нуждается въ оправданіи или правомъ наслѣдства или правомъ избранія. Договоры между князьями утверждаютъ лишь одинъ изъ вышеуказанныхъ титуловъ преемства. Если князья договариваются между собою о захватѣ волости третьяго князя безъ всякихъ осно-

ваній, то такой договоръ есть лишь одно изъ средствъ незаконной узурпаціи (добыванія)»¹⁾).

Проповѣдь о божественномъ поставленіи властей сопровождалась другою о почитаніи властей, идея о богоустановленности власти усиливалась еще идеей объ ея обоготвореніи. Между примѣрами пропаганды послѣдней идеи авторъ приводитъ изъ одного поученія слова апостола Павла: «князи и вся судья земскія слуги божія суть». Но эти апостольскія слова не указываютъ на обоготвореніе власти. Справедливо авторъ замѣчаетъ, что мнѣніе о приравненіи царскаго сана божескому авторитету для Руси начала XIII вѣка является слишкомъ рѣзкимъ анахронизмомъ, но, не смотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду.

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вывода. Первый выводъ, что если власть дается отъ Бога, то нельзя добиваться ея насильно. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды этого вывода. Второй выводъ, что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Это ученіе должно было примирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля. Наши книжники приводили слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей цесаря или князя праведна», на оборотъ, неправедныхъ князей Богъ даетъ за грѣхи. Такимъ образомъ достоинства поставленнаго князя обусловливались нравственными достоинствами земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при примѣненіи этой идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣйствительности отправною точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ; сюда относятся вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, которые были у насъ извѣстны въ нѣсколькихъ переводахъ.

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было ученіе объ особенной отвѣтственности царей и князей предъ Богомъ; духовенство обращалось къ князьямъ съ назиданіями объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Наши книжники указывали возможность и отвѣтственности князей въ этой жизни, на землѣ. Книжники учили: «Аще бо князи правдиви бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенія земли, аще ли зли и лукави бываютъ,

¹⁾ «Обзоръ исторіи русскаго права» 1888 г., стр. 39.

то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли».

Въ связи съ этимъ ученіемъ книжника стоитъ народная пословица: «Народъ согрѣшитъ, царь умолитъ, а царь согрѣшитъ, народъ не умолитъ»¹⁾.

Приводя эту пословицу и какъ-бы указывая этимъ на устную словесность, памятники которой являются историческими источниками, я долженъ объяснить, что обзорѣніе памятниковъ народной устной словесности не входитъ въ кругъ задачъ г. Дьяконова, который опредѣленно ставитъ своею задачей: сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древней русской письменности до половины XV вѣка. Да и самое тщательное изученіе памятниковъ народной устной словесности не представило бы значительнаго матеріала для изученія поднимаемыхъ г. Дьяконовымъ вопросовъ, особенно въ виду того, что народныя воззрѣнія и идеалы этихъ памятниковъ трудно приурочиваются къ опредѣленнымъ эпохамъ, такъ какъ въ теченіе долгой жизни даннаго памятника народной словесности къ нему постепенно прибавляются новыя черты, которыя затемняютъ и измѣняютъ первоначальный смыслъ памятника.

О личноиъ наказаніи несправедному князю книжники не говорятъ, они предпочитаютъ останавливаться на примѣрѣ «праведныхъ» князей, на которыхъ Богъ милость свою показываетъ. Бѣдствія же родной земли тѣ-же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей.

Г. Дьяконовъ постоянно сопоставляетъ идеи книжниковъ съ фактами дѣйствительной жизни, но не дѣлаетъ этого по отношенію къ вопросу объ отвѣтственности князей, между тѣмъ практика разбираемаго времени представляетъ много примѣровъ отвѣтственности князей передъ народомъ, которому принадлежало право не только избранія князей, но и изгнанія ихъ. Такъ было не въ одномъ Новгородѣ, но и въ другихъ русскихъ земляхъ; новгородская же летопись представляетъ подъ 1136 г. цѣлый рядъ обвиненій, предъявленныхъ противъ князя Всеволода, котораго новгородцы задумали изгнать и лишили свободы, посадивши его съ женою, съ дѣтьми и съ тещею въ епископскій дворъ, до прихода но-

¹⁾ «Русскіе въ своихъ пословицахъ» И. Снегирева. 1892 г., кн. II 56; «Пословицы русскаго народа». Сборникъ Даля въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1861, кн. II, 246.

ваго князя. Всеволода новгородцы обвиняли въ томъ, что онъ не блюдетъ смердовъ, хотѣлъ княжить въ Переяславлѣ, оставилъ предводительствуемый имъ полкъ прежде всѣхъ ¹⁾).

Въ заключеніи второй главы авторъ останавливается на призваніи князей быть блюстителями чистоты правосвѣрія; къ этому представители нашего духовенства призывали русскихъ князей, по примѣру Византійскихъ императоровъ, которые были такими блюстителями. Среди русскихъ князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи, но такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами, то проповѣдь о княжеской обязанности блюсти чистоту православія не нашла себѣ практическаго примѣненія въ разсматриваемую эпоху. Резюмируя изложеніе второй главы своего изслѣдованія, авторъ говоритъ, что въ своей политической пропагандѣ духовенство раскрывало преимущественно истины евангельскаго и апостольскаго ученія, но заимствовало изъ византійской литературы и нѣкоторыя политическія догмы. Многія изъ политическихъ темъ сначала находили на Руси еще очень неподготовленную почву для ихъ воспріятія, но постоянно повторяемая, онѣ безспорно подготавливали умы читателей къ воспріятію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государствѣ и государѣ. Благодаря этому, проведеніе новыхъ теорій въ русскую жизнь со второй половины XV вѣка значительно облегчается.

Вторая глава разбираемаго изслѣдованія отличается тѣми же достоинствами, какъ и первая; къ этому должно прибавить объ отношеніяхъ автора во второй главѣ къ двумъ первоначальнымъ источникамъ.

Важнѣйшимъ источникомъ для второй главы представляются русскія лѣтописи, подробное изученіе которыхъ авторъ доказываетъ сопоставленіемъ лѣтописныхъ указаній объ одномъ и томъ же фактѣ изъ разныхъ лѣтописей. Затѣмъ первоначальными источниками для этой главы были и нѣкоторыя неизданныя въ свѣтъ рукописи. Обращеніе автора къ этимъ источникамъ указываетъ, что онъ, посвящая себя вновь изученію тѣхъ же вопросовъ, которыми прежде него занимались многіе ученые, захотѣлъ идти дагѣе ихъ, озабочился отысканіемъ новыхъ средствъ къ объясненію давно подня-

¹⁾ Новг. лѣтопись по синод. списку изд. 1881 г., стр. 128, 129. Вопросъ о послѣдствіяхъ розни между князьями и вѣчемъ подробнѣе другихъ нашихъ историковъ разбираетъ г. Сергѣевичъ. См. «Лекціи по исторіи Русск. права». Изд. 1890 г., стр. 174—178.

тыхъ вопросовъ и не побоялся необходимаго для этого труда. Изученіе новыхъ источниковъ не осталось дѣломъ бесплоднымъ, а дало автору возможность внести полезный вкладъ въ русскую историческую науку.

Третья глава посвящается разбору политическихъ слѣдствій для Руси Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи.

Самымъ ревностнымъ защитникомъ изначальной старины противъ ереси Исидора, по свидѣтельству современниковъ, начиная съ митрополита Іоны, былъ вел. кн. Василій Васильевичъ. Онъ явился въ новой роли блюстителя православія, которое возсіяло въ его державѣ особеннымъ блескомъ. Присоединеніе императора Константина Палеолога къ уніи, а затѣмъ паденіе Константинополя, дало дальнѣйшій толчекъ развитію русскихъ національныхъ теорій о политическомъ значеніи великаго князя. Съ паденіемъ Константинополя исчезъ политическій глава всего православнаго міра, а благочестіе грековъ послѣ Флорентійской уніи подвергалъ сомнѣнію самъ митрополитъ московскій; оно оказывается ниже высокаго православія русскаго. Между тѣмъ, по словамъ митрополита Іоны, престолъ московскаго княженія сталъ «православнымъ великимъ самодержавствомъ», а вел. кн. Василій Васильевичъ — «въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ, великимъ государемъ, царемъ русскимъ». Но царскій титулъ пока еще не становится общепотребительнымъ, и, по мнѣнію нашихъ публицистовъ, великій князь только по великому смиренію не зовется царемъ. Паденіе Византійской имперіи объяснялось какъ послѣдствіе отступленія отъ православной вѣры. Эту мысль первый высказалъ митрополитъ Іона. Эти двѣ идеи о сохраненіи истиннаго благочестія на Руси и о паденіи Константинополя велѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха послужили исходными пунктами для построенія теорій о значеніи, задачахъ и цѣляхъ православнаго русскаго царства.

Въ Византіи рано возникли и были распространены разныя мистическія предсказанія о судьбѣ Константинополя, наши книжники заимствовали нѣкоторыя изъ этихъ предсказаній и передѣлывали ихъ, согласуясь со вкусомъ русскихъ читателей. Въ предсказаніяхъ, между прочимъ, указывалось на то, что родъ русскихъ (*ζαῖνον γένος*) побѣдитъ всего Исмаила и овладѣетъ Седмихолмымъ. Этотъ родъ русскихъ у нашихъ публицистовъ превратился въ родъ русскій. Авторы повѣстей о паденіи Царьграда указываютъ, что за гибелью православныхъ царствъ Русь остается единственною представительницею православнаго міра, и предвѣщаютъ, что Руси предстоитъ

избавить православный міръ отъ ига невѣрныхъ. Дальнѣйшему развитію этихъ положеній препятствовали два обстоятельства: тяготившее надъ Русью татарское иго и господствовавшее въ то время убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра.

Слѣдствіемъ брака вел. кн. Іоанна Васильевича съ племянницей послѣдняго греческаго царя были измѣненія въ обиходѣ придворной жизни, возвысившія значеніе московскаго князя въ глазахъ населенія; по настоянію царицы великій князь рѣшился и на окончательное сверженіе татарскаго ига.

Позорное иго было наконецъ свергнуто, не оправдалсь и ожиданія кончины міра въ 1492 г., по истеченіи 7000 лѣтъ существованія міра. Митрополитъ Зосима во вновь составленной пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ высказываетъ мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы Византійской имперіи, а старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филофей въ своихъ посланіяхъ указываетъ на московскую церковь Успенія Богородицы, какъ на представительницу престола вселенской церкви; московскаго государя онъ признаетъ царемъ христіанъ во всей поднебесной; онъ говоритъ: «два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть». Эта теорія въ послѣдующее время получила государственное значеніе. Русская публицистическая литература озабочилась оправдать эту теорію, явился цѣлый рядъ литературныхъ попытокъ доказать выдающееся религиозно-политическое значеніе Руси. «Всѣ эти попытки», говоритъ авторъ, «были столь же фиктивными и отличались такимъ же мистицизмомъ, какъ и самая теорія о Москвѣ — третьемъ Римѣ. Но по выводамъ, какіе были изъ нихъ дѣлаемы политической практикою того времени, эти мистическія фикціи получаютъ реальное значеніе, а потому заслуживаютъ полнаго вниманія и для исторіи русскаго государственнаго права».

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственно отъ апостоловъ. Той-же цѣли—возвысить церковный авторитетъ Руси—служила и «Повѣсть о бѣломъ клубукѣ», которая объясняетъ, какъ эмблема высшей церковной власти — бѣлый клубукъ — передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю чрезъ посредство новгородскихъ архіепископовъ. На Русь мало-по-малу начинаетъ перетягиваться и

святыня православнаго міра: новгородское «Сказаніе о тихвинской иконѣ Богородицы» повѣствуетъ, что эта икона прибыла изъ Константинополя, предваривши побѣду поганыхъ и просвящая руссiйское царство; таково-же сказаніе о Спасовой иконѣ, писанной царемъ греческимъ Мануиломъ и оказавшейся также въ Новгородѣ. Наконецъ цѣлый рядъ угодниковъ и святителей, прославившихся при жизни и по смерти великими чудесами, какъ-бы оправдывалъ богоизбраніе Руси.

Къ этимъ прекрасно составленнымъ г. Дьяконовымъ очеркамъ, объясняющимъ теоретическое значеніе обогащенія Руси святынями, я прибавлю объясненіе того пути, которымъ многія святыни, бывшія драгоцѣннымъ достояніемъ разныхъ русскихъ городовъ, сосредоточились въ Москвѣ. Это совершилось по волѣ московскихъ государей, которые, обирая шапки у удѣльныхъ князей, обогащались не только лучшими людьми и деньгами, но и предметами, особенно драгоцѣнными въ церковно-религіозномъ отношеніи; при этомъ московскіе князья дѣйствовали вопреки интересамъ другихъ русскихъ земель, которыя были бессильны отстоять свои права на свое драгоцѣнное достояніе. Вспомнимъ, напримѣръ, исторію перенесенія Владимірской иконы въ Москву. Это перенесеніе было рѣшено на совѣтѣ вел. кн. Василя Дмитріевича съ своими братьями и съ митрополитомъ Кипріаномъ, въ виду приближенія къ Москвѣ Тамерлана, когда единственною надеждою на спасеніе представлялось заступничество Богородицы. Лѣтописное сказаніе о перенесеніи иконы передаетъ, что икону проводилъ изъ Владиміра весь народъ со слезами, «не могуще отлучитися такового утѣшенія и заступленія и скорые помощи и надежи»¹⁾.

Параллельно тому, какъ созидался церковно-религіозный авторитетъ московской Руси, готовилась почва и для ея политическаго представительства. Тѣсная связь одного съ другимъ выражалась уже въ тенденціозной обработкѣ преданія о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, который будто-бы на кіевскихъ горахъ поставилъ крестъ, а потомъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Новгородъ, водрузилъ свой жезлъ. Степенная книга комментируетъ, что апостолъ Андрей «образоваше божественнымъ крестомъ въ рускѣй земли священное чиноначаліе; жезломъ же прообрази въ Руси самодержавное царское ски-фетроправленіе». Повѣсть о Мономаховомъ вѣнцѣ рассказываетъ о присылкѣ изъ Греціи въ Русь царственныхъ рега-

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 66.

лій. Не смотря на анахронизмы и прямыя несообразности, это сказаніе получило официальный характеръ: на него ссылались въ официальныхъ документахъ. Московскіе книжники дополняли это сказаніе разными генеалогическими справками.

О принятіи великимъ княземъ Іоанномъ III византійскаго герба авторъ не говоритъ, очевидно, на томъ основаніи, что этотъ фактъ не былъ темою для теорій нашихъ духовныхъ публицистовъ.

Въ дополненіе къ приведеннымъ авторомъ свидѣтельствамъ письменныхъ памятниковъ о наслѣдованіи Москвою царственного значенія отъ Византіи, я укажу, что народное сознаніе объ этомъ выразилось и въ пѣснѣ, которая заставляеть царя Іоанна Васильевича сказать про себя:

Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ ¹⁾.

Но другая пѣсня обосновываетъ начало Московскаго царства покореніемъ Казанскаго царства, говоритъ, что великій князь московскій ослѣпилъ казанскаго царя Симеона:

Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И наслѣлъ въ Московское царство ²⁾.

И само московское правительство между основаніями принятія московскимъ государемъ царскаго титула указываетъ на завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго; объ этомъ говоритъ г. Дьяковъ въ пятой главѣ своего изслѣдованія.

Гордое національное чувство ревностныхъ патріотовъ не удовольствовалося фикціей перенесенія славы греческаго царства на російскаго царя; придумывается новая фикція о томъ, что московскіе государи не случайно явились обладателями новаго царства — Третьяго Рима — и не по милости греческихъ императоровъ, а въ силу своего исконнаго происхожденія отъ царской крови. Въ Степенной книгѣ говорится о происхожденіи Рюрика отъ Пруса,

¹⁾ Пѣсни, собр. Рыбниковымъ. I, 383.

²⁾ Древн. Росс. Стихотв., собр. Киршею Данилов., 3 изд., 1878 г., стр. 196.

брата императора Августа. Г. Дьяконовъ говоритъ, что источники этой легенды предстоитъ еще объяснить. И эта легенда проникла въ официальные сферы, занесена въ государевъ родословецъ, составленный въ половинѣ XVI вѣка.

«Такъ», говоритъ авторъ, «была основана теорія о православномъ русскомъ царствѣ. Не смотря на неглубокую фиктивность ея построения, теорія эта оказала сильное вліяніе на умы современниковъ и легла въ основу національнаго политическаго самосознанія того времени».

Далѣе авторъ разсматриваетъ отношенія къ Москвѣ западно-католическаго и восточно-православнаго міра, которыя могли вліять на созданіе нашими публицистами ихъ фикцій.

Римская курія желала объединить всю Европу подъ главенствомъ папы для борьбы съ исламомъ. Отсюда стремленіе папъ добиться признанія Флорентійской уніи со стороны Москвы, за унію папы обѣщали московскому государю королевскій титулъ и пріобрѣтеніе Константинополя; но московское правительство оставляло безъ отвѣта предложенія папской куріи, или отзывалось на нихъ въ совершенно отрицательномъ смыслѣ. Въ виду этого авторъ сомнѣвается въ возможности какихъ либо вліяній съ этой стороны на созданіе теоріи о русскомъ царствѣ. Исходный моментъ этой теоріи — охрана православія — былъ прямо противоположенъ основнымъ стремленіямъ западно-католической политики.

Послѣ паденія Константинополя, когда положеніе восточнаго духовенства становилось все болѣе и болѣе бѣдственнымъ, начинается цѣлый рядъ ходатайствъ предъ московскимъ правительствомъ со стороны патріарховъ, митрополитовъ и монастырей о денежныхъ вспомошествованіяхъ и о заступничествѣ за православіе передъ турецкимъ султаномъ и даже объ освобожденіи отъ ига невѣрныхъ. Въ просительныхъ посланіяхъ прилагаются къ московскимъ государямъ титулы византійскихъ императоровъ и воздаются московскимъ государямъ формальные почести, принадлежавшія императорамъ. Въ виду заявленій всего восточнаго духовенства, царь Іоаннъ Васильевичъ пожелалъ получить отъ вселенскаго патріарха подтвержденіе своихъ правъ на царскій титулъ и получилъ на это подтвердительную соборную грамоту, а патріархъ назвалъ государя «царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана». Восточное духовенство, отмѣтивъ духовное преемство русскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ, указало московской политикѣ и вытекающія отсюда

практическія задачи: обязанность православнаго царя избавить угнетенныхъ христіанъ отъ агарянскаго плѣненія. Въ дополненіе очерка восточныхъ вліяній авторъ указываетъ и на то, что нѣкоторые мелкіе владѣтельные князья, бывшіе прежде подъ покровительствомъ и подчиненіемъ византійской имперіи, искали покровительства у московскаго государя, къ которому выражали желаніе стать въ тѣ-же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византіи.

Подтверженіемъ сказаннаго по отношенію къ второй главѣ о достоинствахъ исслѣдованія г. Дьяконова въ третьей главѣ представляется обзоръ разныхъ редакцій многихъ памятниковъ древне-русской письменности.

Четвертая глава посвящена теоріи власти московскихъ государей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ слагалась теорія русскаго православнаго царства, вырабатывалось политическое ученіе о верховной власти московскихъ государей. Исходнымъ началомъ для обѣихъ теорій была охрана правовѣрія. Ересь жидовствующихъ представила поводъ оправдать политическое значеніе государственной власти принятіемъ энергическихъ мѣръ къ искорененію ереси. Такъ поняли обязанности государя новгородскій архіепископъ Геннадій и волоцкій игуменъ Іосифъ. Оба они были ревностными сторонниками искорененія ереси посредствомъ казни еретиковъ. Іосифъ по этому поводу высказываетъ свое мнѣніе о значеніи верховной власти. Г. Дьяконовъ указываетъ, что Іосифъ говоритъ о верховной власти различно, смотря по обстоятельствамъ. Первоначально обстоятельства не благопріятствовали пропагандѣ идей Іосифа объ еретикахъ: вел. кн. Іоаннъ III и современные Іосифу митрополиты не относились съ такою ревностью къ преслѣдованію еретиковъ, но соборъ 1504 г. и ужасныя казни еретиковъ примирили Іосифа съ Іоанномъ III, а въ его наслѣдникѣ Іосифъ встрѣтилъ себѣ дѣятельную поддержку. Въ 7-мъ словѣ Просвѣтителя, составленномъ до собора 1504 г., Іосифъ, доказывая необходимость поклоненія и служенія царю, дѣлаетъ оговорку относительно нечестиваго царя, предписываетъ отказываться въ послушаніи такому царю. Такимъ образомъ является революціонное ученіе, по которому поклоненіе и служеніе царю зависѣли отъ критики общенравственныхъ и религіозныхъ свойствъ царя. Послѣ измѣнившихся на пользу Іосифа обстоятельствъ, онъ проводитъ другую теорію, по которой цари оказываются не только слугами Божиими, избранными Богомъ, но они сами боги, подобные людямъ только есте-

ствомъ, властію-же уподобляющіеся самому Богу; вмѣстѣ съ этимъ устанавливалось и понятіе о неограниченности власти. Соответственно своей теоріи Іосифъ разрѣшилъ и вопросы объ отношеніяхъ государя къ церкви и къ удѣльнымъ князьямъ: въ дѣлахъ церковнаго управленія высшая власть принадлежитъ государю, Московскій государь — «всѣя Русскія земли государемъ государь».

Іосифъ стоитъ во главѣ школы и партіи, которую противники Іосифа прозвали его именемъ. Ближайшимъ ученикомъ и послѣдователемъ Іосифа былъ митрополитъ Даниилъ, отъ котораго до насъ дошло особое слово, посвященное вопросу о значеніи власти; изъ ссылокъ въ немъ на священное писаніе видно, что почитаніе властей основывается не только на страхѣ, но также на чести и совѣсти, но авторъ отдаетъ преимущественное значеніе страху. Къ школѣ Іосифа принадлежалъ анонимный авторъ «похвальнаго слова великому князю Василию» и новгородскій архіепископъ Θεодосій, который въ посланіяхъ къ великому князю не разъ возвращается къ темъ о высотѣ царскаго сана. Самое выдающееся мѣсто въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митрополитъ Макарій. Онъ въ посланіи къ Василию Іоанновичу и Ивану Грозному также не разъ указывалъ на высоту царскаго сана и лежащихъ на немъ обязанностей согласно съ духомъ іосифлянской доктрины. Г. Дьяконовъ предполагаетъ, что Макарію принадлежатъ переработка чина вѣнчанія на царство и составленіе вошедшаго въ чинъ поученія митрополита нововѣнчанному царю, въ которомъ о высотѣ царскаго достоинства говорится словами одного изъ поученій Іосифа; этимъ Макарій придалъ оффиціальныи характеръ доктринѣ теоретическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣнчанія, а особенно поученіе сохранялись очень долгое время безъ всякихъ измѣненій. Инокъ Зиновій въ своихъ возраженіяхъ послѣдователямъ ереси Θεодосія Косаго, который всѣ государственныя и церковныя власти считалъ явленіемъ развращеннаго человѣческаго преданія, указывалъ основы богоучрежденности властей и обязательность ихъ почитанія; доказывая авторитетность божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя; царское достоинство, по мнѣнію Зиновія, выдѣляло человѣка-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній. Приводимое въ сочиненіяхъ древне-русскихъ публицистовъ апостольское наставленіе учить покоряться властямъ не только за страхъ, но и за совѣсть, но іосифляне придавали исключительное значеніе страху наказанія

въ дѣлѣ устроенія государственнаго и церковнаго порядка; тотъ-же смыслъ выводится и изъ слова Зиновія.

Но иосифлянская политическая доктрина, какъ замѣчаетъ г. Дьяконовъ, нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ. Г. Дьяконовъ представилъ и историческій очеркъ этихъ отношеній древней Руси. По мнѣнію автора, исторія этихъ отношеній характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному; главною причиною этого была экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства, этому содѣйствовали и культурныя традиціи Византіи. Установленная новелой Юстиніана раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ указаніемъ, что ничто такъ не споспѣшествуетъ царству «яко же святительская честь», — вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь. На эту заповѣдь Юстиніана ссылаются публицисты-книжники, но толковали ее различно: ею оправдывалось вмѣшательство князя въ церковныя споры и право государя казнить еретиковъ; она открывала путь и къ вмѣшательству церковнаго авторитета въ государственную жизнь. Такимъ образомъ эта заповѣдь о совмѣстности двухъ началъ могла привести къ преобладанію одного начала надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣйствительной жизни.

Среди духовенства довольно рано замѣчается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вмѣшательства органовъ государственной власти. Авторъ говоритъ, что это стремленіе проявляется прежде всего относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собою дарованныя ему финансовыя и судебныя привилегіи; но ничего подобнаго не замѣчается при вмѣшательствѣ свѣтской власти въ дѣла чисто церковныя, напр., о поставленіи на церковно-іерархическія должности.

Нельзя, вмѣстѣ съ авторомъ, судебныя привилегіи духовенства въ древней Руси характеризовать дѣлами совершенно свѣтскими; можно говорить только о чрезмѣрномъ расширеніи церковно-судебной компетенціи. Это расширеніе совершилось путемъ подчиненія церковному суду всѣхъ дѣлъ, имѣвшихъ какую-нибудь связь съ установленіемъ брачнаго союза, какъ церковнаго учрежденія, освященнаго таинствомъ. Кромѣ дѣлъ, относившихся къ установленію и расторженію брака, которыя по существу своему подлежали церковному суду, послѣднему были подчинены и всѣ гражданскія и

уголовныя дѣла, имѣвшія отношеніе къ брачному союзу: преступленія противъ установленныхъ закономъ отношеній между супругами, родителями и дѣтьми, въ связи съ семейнымъ союзомъ и дѣла по спорамъ о наслѣдствѣ. Далѣе расширеніе церковнаго суда совершилось подчиненіемъ ему чиновъ клира, не только по нарушеніямъ ими церковной дисциплины, но и по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; наконецъ къ лицамъ церковнаго вѣдомства, подлежащимъ по всѣмъ дѣламъ церковному суду, причислялись и всѣ многочисленныя разряды лицъ, которыя были подъ покровительствомъ церкви, получали отъ нея содержаніе или жили на церковной землѣ. И финансовыя привилегіи духовенства нельзя назвать дѣлами совершенно свѣтскими, такъ какъ для исполненія церковью ея прямыхъ задачъ необходимо требуются извѣстныя имущественныя средства; общественное значеніе матеріальныхъ средствъ церкви выражалось въ слѣдующемъ каноническомъ положеніи: «церковное богатство — достояніе нищихъ»¹⁾.

Въ доказательство возвышенія свѣтскаго авторитета надъ духовнымъ г. Дьяконовъ указываетъ на то, что вопреки каноническому праву князя присвоили себѣ право не только избирать кандидатовъ на епископскія каѳедры, но и удалять епископовъ; князья приобрѣли вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Въ дополненіе къ сказанному г. Дьяконовымъ, который поставилъ своею задачею представить развитіе только княжеской власти, прибавлю, что въ дѣйствительной жизни княжеское право дѣйствовало и въ данномъ отношеніи совмѣстно съ правомъ народа: сознаніе о такомъ совмѣстномъ правѣ выражено и древними лѣтописцами. Авторъ одной лѣтописи говоритъ подъ 1185 г.: «нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ и святая Богородица, князь въскочетъ и людь»²⁾; другой лѣтописецъ сообщаетъ, что, когда изъ Кіева былъ присланъ епископомъ въ Ростовъ Никола Гречинъ, суздальскій князь послалъ сказать въ Кіевъ великому князю и митрополиту: «не избраша сего людь землѣ нагнѣ»³⁾ Участіе новгородцевъ въ избраніи своихъ духовныхъ владыкъ хорошо извѣстно.

Когда русская церковь получила автокефальность, а государь всея Руси сталъ «царемъ православью», преобладаніе государствен-

¹⁾ Ст. А. С. Павлова «Земское направленіе русск. духовн. письменности въ XVI в.» въ Правосл. Собесѣдн. 1863, июль стр. 369.

²⁾ Лавр., изд. 1872 г., стр. 371.

³⁾ Ипатская, изд. 1871 г., стр. 425.

наго авторитета надъ церковнымъ было вполне упрочено: митрополитъ становится въ подчиненное отношеніе къ государю всея Руси. Выборъ кандидатовъ въ митрополиты зависитъ отъ государя, московскіе государи иногда совершенно устраняли даже формальность избранія митрополитовъ соборомъ духовенства, епископы ставились «и по повелѣнью государя», государь явился и высшею инстанціей по дѣламъ церковнаго управленія. Въ случаѣ пререканій съ митрополитомъ или съ епископомъ дѣло представлялось государю, который давалъ дальнѣйшее направленіе дѣлу. Іосифъ Волоцкій объясняетъ, что государю Богъ передалъ судъ и милость, «церковное и монастырское», а неизвѣстный авторъ посланія къ царю Ивану Васильевичу называетъ его даже истиннымъ «наставникомъ» православной вѣры. На этомъ титулѣ московскаго государя справедливо останавливаетъ свое вниманіе проф. Сергѣевичъ, указывая, что государь разсматривается даже какъ истый наставникъ вѣры, а не только какъ покровитель церкви¹⁾.

Далѣе г. Дьяконовъ обращается къ обратной сторонѣ разбираемаго вопроса, указываетъ на стремленіе духовенства поставить духовную власть выше свѣтской. Древнерусской письменности еще до XV вѣка не были чужды попытки поставить авторитетъ церкви выше государства. Митрополиты учили, что великій князь и всѣ люди должны воздавать своему епископу честь, имѣть къ нему благоповиновеніе и послушаніе, такъ какъ честь, воздаваемая святителю, переходитъ на самого Бога, «его же есть намѣстникъ святитель». Митрополитъ Петръ поучалъ, что іерей, совершая святую литургію, честище царя.

Наряду съ этимъ въ древнерусскую литературу проникали и идеи о неуклонномъ исполненіи заповѣдей и о твердомъ стояніи за вѣру предъ властями, послѣдняя обязанность получила даже оффиціальное значеніе, будучи внесена въ чины поставленія епископовъ и митрополитовъ. Но домосковская Русь бѣдна примѣрами противодѣйствія свѣтской власти со стороны представителей духовенства; наоборотъ существуютъ указанія, что и въ то время высшіе чины духовенства заслуживали упреки въ попустительствѣ и ослабленія княжеской власти.

Первое энергическое противодѣйствіе духовенства московскому правительству совершилось по поводу вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществвахъ. Въ тоже время появляется и нѣсколько

¹⁾ «Лекціи по ист. русск. права», изд. 1890 г., стр. 246.

анонимныхъ статей, написанныхъ въ защиту церкви противъ свѣтской власти. Авторъ одного слова, направленаго противъ отымающихъ отъ церквей, пользуясь латинскими источниками, развиваетъ теорію двухъ мечей, вещественнаго и духовнаго, принадлежавшихъ пастырямъ церкви; мірскую власть, исходящую отъ власти божественной, какъ и власть духовная, авторъ ставитъ ниже послѣдней, отсюда выводится, что духовная власть не должна уступать свѣтской даже до пролитія крови. Эта католическая доктрина о преимуществахъ духовной власти проникла и въ сказанія о бѣломъ клобукѣ и о вѣнѣ Константина; она оказываетъ вліяніе даже на такихъ писателей, которые, казалось-бы, всего менѣе могли ей подчиниться, напр. на митрополита Макарія. Максимъ грекъ вопреки русской дѣйствительности указываетъ, что «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и угверждаетъ».... Убо больши есть священство царства земскаго». Католическая догма о преимуществахъ священства передъ свѣтскою властью, перенесенная на Русь іосифлянами, примирялась съ теоріей теократическаго абсолютизма тѣхъ же іосифлянъ. Послѣдняя теорія признавалась подъ условіемъ исполненія правительствомъ требованій поборниковъ православія; іосифляне постоянно проводили мысль, что государи должны слушать представителей духовенства.

Очеркъ исторіи отношеній между авторитетами свѣтскимъ и духовнымъ и вмѣстѣ съ этимъ четвертую главу своего изслѣдованія авторъ оканчиваетъ заявленіемъ, что въ XVI вѣкѣ, начиная съ Василія III, общее направленіе государственной политики вполнѣ отвѣчало іосифлянскимъ идеаламъ и что этимъ самымъ были устранены возможныя столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитетовъ.

Я не признаю возможнымъ согласиться съ этимъ заявленіемъ г. Дьяконова. XVI вѣкъ представляетъ много явленій, которыя далеко не соотвѣтствуютъ идеаламъ іосифлянъ. Вторая половина царствованія Ивана Грознаго вполнѣ отличается въ этомъ отношеніи отъ первой. Въ 1551 г. царь предложилъ церковному собору на разсмотрѣніе и утвержденіе Судебникъ и уставныя грамоты; сверхъ того царь призывалъ духовенство и къ обсужденію цѣлаго ряда задуманныхъ новыхъ мѣръ для государственнаго устройства, какъ это свидѣтельствуетъ напечатанная г. Ждановымъ статья изъ такъ называемой Волоколамской рукописи ¹⁾; на этомъ соборѣ царь говорилъ

¹⁾ «Матеріалы для ист. стогл. собора» И. Жданова въ Ж. М. Н. Просв. 1876, часть 186.

духовенству: «аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ божественныхъ правилъ вашему согласію, вы о семъ не умолкните; аще преслушникъ буду, воспретите ми безъ всякаго страха» ¹⁾. А въ 1564 г. въ посланіи своемъ къ Курбскому царь приводитъ свидѣтельства изъ священной ветхо-завѣтной исторіи о пагубныхъ послѣдствіяхъ управленія государствомъ духовными лицами ²⁾. Въ послѣдніе годы царствованія Ивана Васильевича представители духовенства были поставлены въ невозможность протестовать даже противъ прямыхъ нарушеній самимъ царемъ каноническихъ постановленій о бракѣ, когда царь, послѣ четвертаго брака, разрѣшеннаго ему съ наложеніемъ эпитеміи, женился еще три раза, уже не спрашивая разрѣшенія церковной власти. Въ царствованіе Ивана Грознаго послѣдовали законодательныя мѣры, направленныя противъ увеличенія церковныхъ имуществъ, защищать которыя отъ секуляризаціи составляло важнѣйшую задачу іосифлянъ. Въ 1573 г., по государеву приказу, освященный соборъ и бояре приговорили впредь не давать вотчинъ въ богатые монастыри ³⁾, а въ 1580 г. митрополитъ уложилъ съ царемъ, съ царевичемъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ: впредь вотчинникамъ своихъ вотчинъ монастырямъ не давать; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладѣ не держать; вотчины, находившіяся въ закладѣ за архіереями и монастырями, и вотчины, данныя и купленныя изъ княженецкихъ, взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ ⁴⁾. Очевидно, что эти постановленія появились по волѣ царя, противъ котораго духовенство не могло возражать въ то время, когда церковный авторитетъ былъ совершенно подавленъ царскимъ самовластіемъ. Полное безсиліе представителей духовенства предъ царскою властью доказывается и судьбою права печалованія въ XVI вѣкѣ. На правѣ печалованія, принадлежавшемъ духовенству, г. Дьяконовъ не останавливается, а между тѣмъ исторія этого права въ XVI вѣкѣ ярко освѣщаетъ отношенія церковнаго авторитета къ свѣтскому. За свои печалованія пострадали митрополитъ Варлаамъ при вел. кн. Василии Ивановичѣ и митроп. Филиппъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; преемникомъ Варлаама былъ Даниилъ, про котораго говорилъ Иванъ Берсень Максиму

¹⁾ Стоглавъ, изд. Казанск. духовн. акад., стр. 42.

²⁾ Сказанія, кн. Курбскаго. 3 изд., 1868 г., 150.

³⁾ А. Ист. I, № 154, XIX.

⁴⁾ С. Г. Грамотъ и Дог. I, № 200.

Греку: «а не печалуется ни о комъ, прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатяхъ и печаловались государю о всѣхъ людехъ»¹⁾. Курбскій говорилъ о современныхъ ему святителяхъ: «вмѣсто заступленія, нѣкои отъ нихъ потаковники и кровемъ нашимъ наострители явишася»²⁾. Сказаннаго довольно въ доказательство невозможности согласиться съ положеніемъ г. Дьяконова, что въ XVI вѣкѣ общее направленіе государственной политики устраняло возможность столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитета.

Пятая глава носитъ названіе «Политическіе взгляды московскаго правительства». Авторъ начинаетъ эту главу указаніемъ на стремленіе великихъ князей московскихъ къ примысламъ. Съ увеличеніемъ владѣній великаго князя соединялось понятіе о повышеніи имени, чести его. Между тѣмъ вмѣстѣ съ новымъ представленіемъ о Русскомъ православномъ царствѣ измѣнилось воззрѣніе и на представителя власти. Ивана III уже почти постоянно титулуютъ, особенно духовные писатели, царемъ и самодержцемъ, такъ же называетъ его оффиціально митрополитъ, самъ Иванъ III въ сношеніяхъ съ мелкими государствами называетъ себя: «Божіею милостію царь всея Руси». Честь имени Василя III возвышалась родствомъ по матери съ византійскими императорами. Василій III гораздо чаще сравнительно съ Иваномъ III пользовался царскимъ титуломъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и употреблялъ этотъ титулъ въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ. Иванъ IV торжественно вѣнчался на царство. Этотъ царь былъ горячимъ поборникомъ идеи о богоустановленности власти и о покореніи властямъ; существовою своею обязанностью онъ считалъ охрану православія; почти дословно онъ повторялъ мнѣніе іосифлянъ о высотѣ царскаго достоинства; онъ воспринялъ и ученіе о великой отвѣтственности представителя власти предъ Богомъ за собственныя прегрѣшенія и за грѣхи своихъ подданныхъ.

Сознаніе царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, что за его грѣхи посланы свыше бѣдствія на Русскую землю, выражается въ молитвѣ царя предъ взятіемъ Казани, находящейся въ хронографѣ начала XVII вѣка и появившейся въ печати во время составленія мною разбора настоящаго изслѣдованія³⁾. Въ этой молитвѣ

1) А. Э. А. I, № 172.

2) «Сказанія кн. Курбскаго», 3 изд., 1868 г., 254.

3) Чтенія въ Общ. любит. духовн. просв. 1890 г., Ноябрь—Декабрь.

царь говорить предъ Господомъ: «Мене жь еси яко добра пастыря избралъ стаду своему; — и азъ согрѣшихъ: мене погуби прежде, а не овцы моя! Да за чтожь погибають? токмо грѣховъ моихъ ради».

Далѣе авторъ указываетъ на энергическія старанія московскаго правительства о признаніи за московскимъ государемъ царскаго титула со стороны всѣхъ другихъ государствъ. Особенно важно было настоять на признаніи за московскимъ государемъ новаго титула у польско-литовскаго правительства, такъ какъ въ предѣлахъ этого государства находилась еще значительная часть отчины московскихъ государей, населенная почти исключительно жителями православнаго исповѣданія. Московское правительство указывало польско-литовскому правительству на слѣдующія основанія принятія московскимъ государемъ царскаго титула: вѣнчаніе на царство Владимира Св., легенда о Мономаховыхъ регаліяхъ, завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго, происхождение русскихъ государей отъ императора Августа. Но польско-литовское правительство не признавало серьезнаго значенія этихъ основаній.

Московскіе государи, начиная съ Ивана III, стремятся къ повышенію своей чести сравнительно съ другими государями и особенно бояться унизить себя. Для сравнительной оцѣнки чести представителей власти принимались въ основаніе давность царственной династіи и высота власти государя. Иванъ III былъ горячимъ противникомъ ограниченія государственной власти и выразилъ это новгородцамъ, а на предложеніе цесарскаго посла выхлопотать у царя корольскій титулъ для московскаго великаго князя послѣдній отвѣчалъ: «Мы Божіею милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога, а поставленія ни отъ кого не хотимъ». Политическое честолюбіе московскихъ государей до крайности изощряло братство ихъ съ византійскими царями, поэтому московскіе государи отклонялись отъ названія братьями другихъ государей. При Иванѣ Грозномъ возникаетъ совершенно опредѣленная система сравнительной оцѣнки международнаго значенія государей и государствъ. Это было, какъ говоритъ авторъ, своеобразное мѣстничество между государями, очень сходное, впрочемъ, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія и даже по выраженіямъ, съ мѣстничествомъ московскихъ служилыхъ людей. Какъ послѣдніе мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и московскіе цари считались честью съ другими государями по родословіямъ и по государствамъ; приводятъ «случаи», по которымъ московскому царю усвоится лучшая честь. Во всѣхъ счетахъ съ

Баторіемъ особенно рельефно выступаетъ родословная претенціозность московскаго царя, который не упускаетъ случая укорить Стефана низостью происхожденія. Московскіе государи относились съ презрѣніемъ къ государямъ избраннымъ, которые могли попасть на престолъ не изъ «государскихъ прироженцевъ».

Кромѣ счета по родословію московскіе государи считались и мѣстами, государствами: по воззрѣніямъ московскаго правительства сравнительная честь мѣста, занимаемаго государемъ, не имѣла той важности, какъ личная честь государя, такъ какъ государь считался важнѣе государства; государь своею родословною честью могъ повысить честь своего государства, но не обратно. Личная честь государя зависѣла и отъ государственнаго устройства. Московское правительство считало истиннымъ государемъ только государя съ неограниченною самодержавною властью; при этомъ признавалось, что только государь наслѣдственный, получающій свои полномочія исключительно отъ Бога и по праву рожденія, могъ быть государемъ истинно самодержавнымъ; затѣмъ вотчинный государь признавался крѣпче посаженнаго, который будто бы не могъ обладать и достаточными полномочіями для добраго устройенія своей земли. Выводомъ изъ всего царскаго мѣстничества было признаніе, что московскій царь по родословію, по полнотѣ власти и по прочности положенія могъ быть приравненъ развѣ только турецкому султану; вообще-же московскому государю по Божію изволенію никакое государство высоко не бывало.

Въ заключеніе пятой главы авторъ указываетъ, что реальное соотношеніе междугосударственныхъ силъ не гармонировало съ субъективнымъ представленіемъ официальныхъ сферъ царской Руси, особенно къ концу царствованія Ивана IV, когда при заключеніи перемирія съ Баторіемъ, Грозный для «покоя крестьянскаго» не велѣлъ писать себя царемъ. Излюбенныя фикціи приносились въ жертву соображеніямъ выгоды. Иванъ Грозный, называвшій себя самодержцемъ по Божію изволенію, а не по хотѣнію многоятежнаго человѣчества, не прочь былъ принять на себя или на сына своего польскую корону по избранію великаго множества народа. Особенно нетерпимый къ ограниченнымъ формамъ правленія Иванъ Грозный обѣщалъ литовской радѣ, въ случаѣ избранія его государемъ въ Литву, не уничтожать вольностей пановъ рады, всего рыцарства и всей земли литовской, но прибавить радѣ всякихъ чиновъ и чести.

Настоящее изложеніе содержанія пятой главы показываетъ, что

она представляет преимущественно исторію титула московскихъ государей. Особеннымъ достоинствомъ этой главы должно признать самостоятельное и оригинальное изложеніе по первоначальнымъ источникамъ дипломатическихъ счетовъ московскаго царя о своей чести съ другими государями; авторъ къ разбору этихъ счетовъ прилагаетъ правила мѣстничества московскихъ служилыхъ людей. На исторіи титула московскихъ государей во внутреннихъ сношеніяхъ авторъ мало останавливается, между тѣмъ эта исторія представляетъ важныя данныя для характеристики постепеннаго измѣненія существа велико-княжеской власти. Авторъ не указываетъ различія наименованій «господинъ» и «государь»¹⁾, а это различіе въ древней Руси очень хорошо понималось: новгородцы не хотѣли назвать своего господина, московскаго великаго князя, государемъ; по отношенію къ младшимъ князьямъ великій князь московскій долго не называлъ себя государемъ. Для характеристики власти московскихъ государей должно было бы остановиться и на названіяхъ себя разными лицами, при обращеніи ихъ къ государю. Постепенно, сначала люди незнатные, впослѣдствіи князья и бояре, обращаясь къ московскимъ государямъ, называли себя холопами и личными именами въ уменьшительной формѣ, а позднѣе и въ уничижительной. «Государь, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, былъ не мыслимъ безъ холопа, такъ какъ и холопъ не былъ бы понятенъ безъ государя»²⁾.

Шестая и послѣдняя глава называется «Московскіе государи и ихъ слуги». Эту главу авторъ начинаетъ указаніемъ, что Сѣверо-восточная Русь унаслѣдовала отъ Руси Кіевской форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю, междукняжескіе договоры обезпечивали за боярами и вольными слугами право свободнаго отъѣзда. Но это право, говоритъ авторъ, являлось анахронизмомъ среди явленій удѣльнаго порядка сѣверной Руси; оно противорѣчило стремленію князей соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ и затруднить для князей и бояръ пріобрѣтеніе земли въ другомъ удѣлѣ. Современная русская письменность не могла не замѣтить такого несоотвѣтствующаго общимъ условіямъ жизни явленія, какъ свобода отъѣзда. Древне-русскіе книжники обратили вниманіе на общій вопросъ объ отношеніяхъ дружины

¹⁾ См. объ этомъ, напр., въ началѣ первой главы сочиненія И. Е. Забѣлина «Домашній бытъ русск. царей», 2 изд. 1872 г.

²⁾ Ibid., стр. 7.

къ князю, они указывали на злыхъ совѣтчиковъ, какъ на причину княжескихъ распрей, обличали вѣроломство и клятвопреступленія княжескихъ слугъ. Возникъ цѣлый рядъ поученій оригинальныхъ и заимствованныхъ о нормальныхъ отношеніяхъ къ князю, поученій, стоящихъ въ тѣсной связи съ пропагандой идеи о почитаніи властей. Духовно-публицистическая литература коснулась и вопроса о свободѣ отъѣзда вольныхъ слугъ, которая противорѣчила обязанности быть покорнымъ своему князю. Въ поученіи ко всѣмъ крестьянамъ отъѣзжающій отъ своего князя уподобляется Іудѣ.

Въ связи съ этой литературой авторъ указываетъ на статью, встрѣчающуюся въ кормчихъ, которая опредѣляетъ казнь тому, кто укорить царя или князя: причетникъ за это извергается, а «люжанинъ» отлучается отъ церкви. Важно и любопытно то, какъ объясняетъ авторъ, что церковь облагаетъ чисто церковнымъ наказаніемъ за дѣяніе совершенно свѣтскаго характера — укоръ князю. Это постановленіе должно было оказать вліяніе на измѣненіе взглядовъ и въ правительственной сферѣ.

Но владѣтельные князья не могли открыто стать на сторонѣ этого новаго ученія по соображеніямъ политическимъ; они должны были признать нормы свободныхъ отношеній между княземъ и вольными слугами въ виду привлеченія къ себѣ наличныхъ служебныхъ силъ. Съ одной стороны эти нормы были выгодны каждому князю, по скольку онѣ содѣйствовали притоку къ князю служилыхъ людей изъ другихъ княжествъ; съ другой стороны для князей было невыгодно терять наличныя служебныя силы. Московское правительство сумѣло воспользоваться выгодами вольной службы и устранить невыгодныя стороны ея: когда право оказывалось невыгоднымъ для московскаго правительства, оно дѣйствовало путемъ политики, которая соединялась съ насиліемъ, неправдою и клятвопреступленіемъ. Авторъ приводитъ примѣры этой политической практики, которая показываетъ, что отъѣздъ изъ Москвы считался измѣною, за отъѣздъ наказывали какъ за измѣну. Не отрицая дѣйствительно практиковавшагося московскими великими князьями насилія противъ права отъѣзда, я не могу признать доказательными указываемые авторомъ примѣры этому.

Великій князь Симеонъ конфисковалъ имущество своего боярина Алексѣя Петровича и обязалъ своихъ братьевъ не принимать на службу этого боярина и его дѣтей за то, что онъ «вшелъ къ нему (великому князю) въ коромолу». Авторъ, заявляя, что неизвестно въ чемъ состояла эта крамола и, указывая на неопредѣ-

ленность термина «крамола», предполагаетъ: не состояла ли крамола только въ отъѣздѣ отъ великаго князя. Въ доказательство неопредѣленности термина крамола авторъ ссылается на проф. Сергѣевича ¹⁾, который говоритъ, что это слово употреблялось не въ одномъ только смыслѣ мятежа, въ указѣ 1582 г. оно имѣетъ смыслъ ябеды, а крамольникомъ этотъ указъ называетъ того, кто жетъ на судѣ, говоритъ не по дѣлу, продаетъ своего довѣрителя, возбуждаетъ дѣла уже рѣшенные и пр. Но въ дѣйствительности этотъ указъ ²⁾ различаетъ ябеду отъ крамолы, ябедниковъ отъ крамольниковъ; подъ послѣдними, по буквальному смыслу указа, должно разумѣть тѣхъ, кто обвиняетъ кого-нибудь въ крамолѣ и не докажетъ этого; въ такомъ же смыслѣ крамольниковъ, упоминаемыхъ въ этомъ указѣ, разумѣетъ и г. Дмитріевъ ³⁾, который отличаетъ крамольниковъ отъ ябедниковъ и составщиковъ, смѣшиваемыхъ г. Сергѣевичемъ. Такимъ образомъ крамола имѣетъ значеніе опредѣленнаго государственнаго преступленія — измѣны, мятежа, но путемъ неправды и насилія можно было подвести подъ понятіе о крамолѣ и такое дѣяніе, которое въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ этому преступленію. Въ виду признанія братьями великаго князя какого то дѣянія Алексѣя Петровича противъ великаго князя крамолою ⁴⁾, трудно согласиться съ авторомъ, что подъ этимъ дѣяніемъ должно разумѣть только правомѣрный для боярина отъѣздъ его отъ великаго князя.

Затѣмъ авторъ приводитъ случай отъѣзда изъ Москвы въ Тверь Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожанина, села которыхъ были конфискованы вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ; впоследствии Вельяминовъ и Некоматъ были казнены великимъ княземъ. Авторъ говоритъ, что великій князь изъ злобы на отъѣхавшихъ нарушилъ право, отнявши у отъѣхавшихъ села. Авторъ старается объяснить, что вина Вельяминова состояла только въ томъ, что онъ отъѣхалъ изъ Москвы, не получивши должности московскаго тысяцкаго, которую занималъ его отецъ. Такой выводъ авторъ дѣлаетъ на томъ основаніи, что лѣтописецъ по поводу казни Вельяминова говоритъ о непокорности властямъ и о

¹⁾ «Опыты изслѣд. обычн. права» въ Наблюдателѣ 1882 г., кн. 2, стр. 226, 227.

²⁾ А. Ист. I, № 154, XX.; «Христом. по ист. русск. права» Владимірск. — Буданова, вып. 3, стр. 38 — 40.

³⁾ Исторія судебн. инстанцій, стр. 169.

⁴⁾ С. Г. Гр. и Д. I, № 28.

томъ, что «никтоже о себѣ честь приѣмлетъ, но званный отъ Бога». Но лѣтописецъ еще прежде говоритъ, что Вельяминовъ и Некомать отъѣхали «со многю лжею и льстивыми словесы».

Далѣе авторъ указываетъ, что политикѣ московскаго правительства подражали и мелкія княжескія правительства. За отъѣздъ наказывалъ и Новгородъ. Въ доказательство послѣдняго г. Дьяконовъ приводитъ замѣчаніе лѣтописца, что новгородцы, опасаясь великаго князя, не молвили ни единого слова бывшему у нихъ на службѣ князю Шуйскому, когда онъ объявилъ новгородцамъ о своемъ переходѣ на службу къ великому князю, и ходатайство Ивана III передъ Новгородомъ о безнаказанности новгородцевъ, перешедшихъ въ Москву на службу. Ограничиваясь этими частными случаями, авторъ не указываетъ основнаго различія послѣдствій отъѣзда отъ князей и изъ Новгорода, состоявшаго въ томъ, что отъѣздъ отъ князей не сопровождался отнятіемъ вотчинъ, находившихся во владѣніи оставленнаго князя, а бояре и вольные слуги, отъѣзжавшіе изъ Новгорода, лишались своихъ земель, которыя переходили во владѣніе Великаго Новгорода ¹⁾).

Московское правительство для привлеченія къ себѣ новыхъ служилыхъ силъ прибѣгало не только къ поощрительнымъ мѣрамъ, къ богатымъ наградамъ, но постоянными притѣсненіями бояръ и слугъ сосѣднихъ княженій заставляло притѣсняемыхъ искать себѣ спасенія въ переходѣ на службу въ Москву.

Начиная съ Ивана III предпринимаются особыя мѣры противъ «отказа»: съ заподозрѣнныхъ въ намѣреніи отъѣхать изъ Москвы брали записи о неотъѣздѣ. Въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка возникаетъ и специальное наказаніе за отъѣздъ изъ Москвы: кто отъѣзжалъ въ удѣлъ, тому не давали счета въ его родѣ съ бывшими съ нимъ въ версту.

Но право свободнаго отъѣзда признавалось договорными грамотами великаго князя съ удѣльными еще въ 30-хъ годахъ XVI вѣка; только съ этого времени встрѣчаются попытки ограничить права удѣльныхъ князей относительно приѣма отъѣзжавшихъ изъ Москвы: братьевъ великаго князя обязали не отзывать людей отъ великаго князя и не принимать отъѣзжавшихъ на лихо великаго князя. Въ половинѣ XVI вѣка съ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича взята была крестоцѣловальная запись въ пользу царевича

¹⁾ С. Г. Гр. и Д., I, № 28.

Димитрія о непринятіи кого-либо на службу безъ дозволенія царевича.

Но въ половинѣ XVI вѣка уже не было ни одного удѣльнаго княжества, которое могло бы перетягивать къ себѣ служилыя силы изъ Москвы; оставалась только Литва, куда могли укрываться всѣ недовольные Москвою. Въ договорахъ между Москвою и Литвою встрѣчается условіе о непринятіи отѣхавшихъ служебныхъ князей съ вотчинами; о свободномъ переходѣ вольныхъ слугъ упоминается только въ одномъ договорѣ Твери съ Литвою. Въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI в. литовское правительство принимаетъ мѣры противъ отѣзда своихъ служилыхъ людей. Оно издаетъ законъ объ отобраніи на господаря имѣній отѣхавшихъ и стремится внести въ договоры съ Москвою условія о выдачѣ отѣздчиковъ или по крайней мѣрѣ о наказаніи ихъ въ Москвѣ, но московское правительство не соглашается на принятіе такихъ условій. Москва, напротивъ, даже вопреки нормамъ договорнаго права, принимаетъ литовскихъ служилыхъ князей съ вотчинами, оправдываясь тѣмъ, что принимаемые были потомками старинныхъ московскихъ слугъ, или что они терпѣли въ Литвѣ притѣсненія въ своемъ православномъ вѣроисповѣданіи. Какъ объясняетъ авторъ, для Москвы было выгодно признать право свободнаго перехода, потому что въ то время было болѣе пріѣзда изъ Литвы, чѣмъ отѣзда изъ Москвы въ Литву. Этимъ авторъ объясняетъ и слова Ивана III о существовавшемъ будто-бы прежде, при немъ и при его предкахъ, свободномъ переходѣ служилыхъ людей изъ Москвы въ Литву и обратно. Это заявленіе Ивана III литовскому правительству г. Дьяконовъ считаетъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, такъ какъ о такой свободѣ перехода не упоминается въ договорахъ между Москвою и Литвою. По мнѣнію автора, это заявленіе Ивана III послѣдовало только изъ желанія великаго князя распространить на Литву выгодный для Москвы порядокъ свободы перехода. Но для отрицанія существованія этого права перехода недостаточно только отсутствія прямыхъ постановленій объ этомъ правѣ въ московско-литовскихъ договорахъ, такъ какъ умалчиваемое нельзя признавать запрещаемымъ. Тѣмъ болѣе, что какъ указываетъ и самъ авторъ, въ московско-литовскихъ договорахъ встрѣчается прямое запрещеніе перехода только служилыхъ князей съ вотчинами, что было распространеніемъ по отношенію къ Литвѣ того правила, которое соблюдалось и при переходѣ служилыхъ князей изъ одного собственно русскаго княженія въ другое; наконецъ

указываемый авторомъ литовско-тверской договоръ, устанавлившій свободу перехода всѣхъ служилыхъ людей, приводитъ къ возможности предполагать существованіе такого же порядка и въ отношеніяхъ между Москвою и Литвою. Профессоръ Сергѣевичъ въ новомъ своемъ ученомъ трудѣ, появившемся въ свѣтъ послѣ изслѣдованія г. Дьяконова, основываясь на словахъ вел. кн. Литовскаго Казимира, признаетъ существованіе отъѣзда изъ Литвы въ Москву и обратно, но безъ сохраненія правъ на вотчины ¹⁾.

Когда при Иванѣ Грозномъ увеличился отъѣздъ изъ Москвы въ Литву, взгляды московскаго и литовскаго правительствъ измѣнились. Московское правительство желало выдачи отъѣздчиковъ, но этого уже не желало литовское правительство, которое и не настаивало, какъ прежде, на необходимости казнить отъѣздчиковъ. Кромѣ усиленія общихъ наказаній за отъѣздъ царь Иванъ Васильевичъ усилилъ и специальное наказаніе за это, имѣвшее важное значеніе въ мѣстническихъ счетахъ. Каждый отъѣхавшій считался измѣнникомъ, но московское и литовское правительства не только не отказывались принимать обратно этихъ покаявшихся измѣнниковъ, но иногда обѣщали возвратившемуся не понижать его чести и даже прибавить къ ней.

На этомъ авторъ останавливается въ разборѣ отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ и переходитъ къ исторіи отношеній московскихъ государей къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ. Представленная авторомъ исторія постепенныхъ мѣръ ограниченія права отъѣзда свободныхъ слугъ требуетъ нѣкоторыхъ дополненій, напримѣръ указанія на особые ограниченія права отъѣзда служилыхъ князей и по примѣру ихъ нѣкоторыхъ бояръ и боярскихъ дѣтей, которымъ запрещалось переходить съ вотчинами. Г. Дьяконовъ ничего не говоритъ и объ отъѣздѣ вольныхъ слугъ отъ князей къ архіереямъ, существовавшемъ до 1551 г., когда на церковномъ соборѣ было уничтожено право свободного перехода бояръ отъ царя къ митрополитамъ ²⁾. Слѣдовало бы указать и на послѣдовавшее послѣ уничтоженія права отъѣзда закрѣпощеніе служилыхъ людей путемъ пожалованія имъ земель подъ условіемъ обязательной службы. Затѣмъ должно замѣтить, что исторію отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ нельзя,

¹⁾ Русск. Юридич. Древности, стр. 317.

²⁾ Стоглавъ, изд. Каз. дух. акад. стр. 322, 323; А. И. I, № 155, стр. 279, 280; Каптерева «Свѣтскіе архіер. чиновники въ древн. Руси».

какъ это дѣлаетъ г. Дьяконовъ, ограничивать только правомъ отъѣзда, необходимо было остановиться и на признаваемомъ за собою боярами правѣ совѣта, слѣдовало говорить и о мѣстничествѣ, по скольку оно представляется особенно долго принадлежавшимъ московскимъ служилымъ людямъ правомъ, свидѣтельствующимъ о прежнихъ вполнѣ свободныхъ отношеніяхъ служилыхъ людей къ своимъ князьямъ.

Исторію отношеній московскихъ великихъ князей къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ авторъ начинаетъ указаніемъ на то, что московскіе князья унаслѣдовали изъ старины обычай надѣлять удѣлами всѣхъ своихъ сыновей. Хотя московскіе князья рано сознали неудобство этого порядка для цѣлей объединенія, но не были въ силахъ отступить отъ укоренившагося обычая. Съ теченіемъ времени, какъ показываетъ сравненіе древнѣйшихъ междукняжескихъ договоровъ съ позднѣйшими, положеніе удѣльныхъ князей существенно измѣнилось; но даже договоръ между вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ и братомъ его Юріемъ признаетъ за удѣльнымъ княземъ очень широкія права. Таковы были нормы права, но московское правительство сумѣло уничтожить ихъ силу въ дѣйствительной жизни путемъ политики, которая такъ же какъ и политика московскихъ государей по отношенію къ ихъ слугамъ соединялась съ насиліемъ, неправдою и клятвопреступленіемъ.

Авторъ говоритъ, что примѣненіе этой политики въ между княжескихъ отношеніяхъ было тѣмъ удобнѣе, что нормы договорнаго права представляются очень неопредѣленными. Я не могу согласиться съ этимъ положеніемъ автора, такъ какъ не могу признать неопредѣленности указываемыхъ авторомъ выраженій договоровъ, предполагая, что смыслъ этихъ выраженій хорошо понимался на практикѣ; иначе трудно было бы объяснить необходимость постоянного повторенія этихъ выраженій, что замѣчается по отношенію ко всѣмъ указываемымъ авторомъ выраженіямъ, исключая одного: «служить безъ ослушанія, по згадцѣ». Затѣмъ кажущаяся неопредѣленность нѣкоторыхъ выраженій легко объясняется сопоставленіемъ ихъ съ другими ясно выраженными нормами договоровъ. Наконецъ должно замѣтить, что признаваемая авторомъ совершенно неопредѣленною обязанность удѣльныхъ князей по отношенію къ великому князю: «добра хотѣти великому князю во всемъ, вездѣ, безъ хитрости», по точному смыслу договоровъ, представляется обязанностью и для великаго князя по отношенію къ удѣльнымъ. Говоря о междукняжескихъ договорахъ не должно забывать, что

въ дополненіе и объясненіе договорныхъ условій служило обычное право, на основаніи котораго издавна установились отношенія младшихъ князей къ старшему.

Г. Дьяконовъ представляетъ рядъ примѣровъ насильственной политики московскихъ государей по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, своимъ ближайшимъ родичамъ. По этимъ примѣрамъ я долженъ дать объясненія, подобныя тѣмъ, какія представлены мною по примѣрамъ, приводимымъ авторомъ въ доказательство насилія московскихъ государей надъ вольными слугами, такъ какъ авторъ преувеличиваетъ значеніе насильственности нѣкоторыхъ мѣръ великихъ князей московскихъ противъ удѣльныхъ князей. Но, возражая противъ этихъ примѣровъ, я не отрицаю насильственной политики московскихъ великихъ князей по отношенію къ удѣльнымъ, такъ какъ эта насильственность хорошо доказывается другими примѣрами.

Авторъ указываетъ какъ на неправое и насильственное дѣло вел. кн. Василія Васильевича на то, что великій князь пошелъ на можайскаго князя Ивана Андреевича послѣ троекратнаго подтвержденія своего договора съ нимъ. Такимъ образомъ великій князь представляется нарушителемъ договора. Но уже лѣтописецъ объясняетъ, что великій князь пошелъ противъ кн. Ивана «за его неисправленіе»; г. Дьяконовъ указываетъ на это лѣтописное свидѣтельство, но не придаетъ ему значенія, такъ какъ оно отличается неопредѣленностью. О неисправленіяхъ князя Ивана говорить и митрополитъ Іона въ своемъ посланіи смоленскому епископу Мисаилу, но г. Дьяконовъ выводитъ изъ этого посланія только доказательство тому, что междукняжескіе договоры толковали совсѣмъ не по буквальному смыслу. Такой взглядъ авторъ подтверждаетъ словами митрополита о полномъ послушаніи удѣльнаго князя великому и о пожалованіи московскимъ великимъ княземъ удѣльнаго его же вотчиною, между тѣмъ какъ такое пожалованіе примѣнялось въ дѣйствительности только къ служилымъ князьямъ. Но митрополитъ въ своемъ посланіи вспоминаетъ шкоту можайскаго князя надъ великимъ княземъ и говоритъ, что великій князь, «оставя все свое и не поминая его къ себѣ ничего зла», пожаловалъ его, привелъ къ крестному цѣлованію и пожаловалъ ему вотчину. Эти слова митрополита должно понимать въ томъ смыслѣ, что великій князь не хотѣлъ мстить князю Ивану, простилъ его, не пошелъ на него войною и оставилъ ему его вотчину. Правильность такого пониманія словъ митрополита о пожалованіи вели-

кимъ княземъ удѣльному вотчины представится вѣдъ всякаго сомнѣнія, если мы обратимся къ договору, заключенному кн. Дмитриемъ Шемякою и тѣмъ же кн. Иваномъ можайскимъ съ младшимъ братомъ послѣдняго Михаиломъ Андреевичемъ и съ кн. Василиемъ Ярославичемъ. Первые два князя цѣловали крестъ остальнымъ двумъ на томъ, чтобы первымъ двумъ бить челомъ великому князю «а князю великому насъ свою братью молодшую жаловати, въ любовь и докончаніе принять и пожаловати ему насъ нашими вотчинами» ¹⁾. Нельзя придавать значенія и указанію г. Дьяконова на то, что великій князь, не смотря на трехкратное подтвержденіе своего договора съ можайскимъ княземъ, пошелъ на него, безъ всякой новой вины со стороны послѣдняго. Посланіе митрополита указываетъ на новое неисправленіе кн. Ивана, послѣдовавшее послѣ заключенія договоровъ: кн. Иванъ не хотѣлъ помогать великому князю противъ татаръ при двукратномъ нашествіи ихъ на Русскую землю. Это было прямымъ нарушеніемъ со стороны кн. Ивана договоровъ, по которымъ онъ обязывался идти безъ ослушанія, куда пошлетъ его великій князь ²⁾.

Нельзя согласиться и съ толкованіемъ г. Дьяконова договора между великими князьями московскимъ и тверскимъ, по которому великій князь тверской обязывается не принимать къ себѣ отступившихъ отъ великаго князя московскаго кн. Ивана можайскаго и сына Дмитрія Шемяки Ивана, или который другой братъ ему сгрубить. Г. Дьяконовъ говоритъ, что подъ понятіе сгрубить можно подвести всякій непріятный поступокъ, что въ данномъ словѣ грубостью названо отступленіе отъ союза съ Москвою двухъ удѣльныхъ князей, значить, великіе князья на отступленіе удѣльныхъ князей отъ союза съ Москвою смотрѣли какъ на отъѣздъ своихъ слугъ. Не соглашаясь съ объясненіями и выводомъ г. Дьяконова, я долженъ указать, что въ силу исторически сложившихся условій, опредѣлявшихъ отношенія между князьями, отступленіе одного князя отъ другаго было нарушеніемъ договора, заключавшагося на вѣки, и обыкновенно сопровождалось переходомъ къ врагамъ прежняго союзника и открытіемъ противъ него враждебныхъ дѣйствій; ни одинъ князь не могъ стоять вѣдъ опредѣленныхъ отношеній къ другимъ князьямъ, а эти отношенія были или союзныя, на основаніи договоровъ, которые устанавливали опредѣленные

¹⁾ С. Г. Гр. и Д., I, № 67

²⁾ Ibid. № 66 и 69.

взаимныя обязанности, или враждебныя. Особенно исторія враждебныхъ отношеній можайскаго кн. Ивана къ великому князю московскому хорошо объясняетъ, что значило отступленіе отъ существовавшихъ прежде союза и договоровъ.

Свидѣтельству Степенной книги о томъ, что со времени Василя Васильевича упразднилась всякая крамола и младшіе князья пребывали въ послушаніи къ старѣйшимъ, г. Дьяконовъ придаетъ тотъ смыслъ, что съ этого времени суверенитетъ владѣтельныхъ князей былъ совершенно подорванъ. Но въ дѣйствительности въ это время всѣ владѣтельные князья пользовались полною самостоятельностью по управленію своими княжествами, а взаимныя отношенія между всѣми князьями опредѣлялись договорами, какъ это было изстаря. Нарушенія же договоровъ, соединяемыя съ насиліями одного князя противъ другого, также бывали изстари со стороны великихъ князей противъ удѣльныхъ и на оборотъ. Въ виду этого желающій ставить полноту суверенитета князей въ зависимость отъ неприкосновенности ихъ для насилій съ чьей-либо стороны долженъ отказать отъ признанія существованія когда-либо на Руси этого суверенитета. Вышеприведенное свидѣтельство Степенной книги должно понимать въ смыслѣ указанія на временное прекращеніе княжескихъ крамолъ.

Въ разборѣ г. Дьяконовымъ отношеній вел. кн. Ивана III къ удѣльнымъ князьямъ встрѣчаются также объясненія и выводы, не соответствующіе точному смыслу источниковъ. Въ доказательство насилія Ивана III надъ роднымъ братомъ его Андреемъ г. Дьяконовъ указываетъ на то, что великій князь, послѣ своихъ клятвенныхъ увѣреній удѣльному князю о неимѣннѣи противъ него враждебныхъ замысловъ, сложилъ крестное дѣлованіе къ нему за то, что удѣльный князь не послалъ своего воеводы противъ татаръ. Но неисполненіе послѣдней обязанности со стороны удѣльнаго князя было прямымъ нарушеніемъ договора и давало великому князю право сложить свое крестное дѣлованіе къ неисполнившему условіе договора. Для характеристики взглядовъ правящихъ классовъ на отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю г. Дьяконовъ приводитъ тотъ фактъ, что когда удѣльный малолѣтній князь Иванъ Борисовичъ заболѣлъ и велѣлъ отвезти себя въ монастырь къ Іосифу, который былъ его крестнымъ отцомъ, бояре удѣльнаго князя Ивана воспротивились ему и возвѣстили объ этомъ державному вел. кн. Ивану III, который согласился на отъѣздъ малолѣтняго князя въ монастырь, но въ виду юности князя не приказалъ по-

стригать его въ монахи. Въ этомъ фактѣ г. Дьяконовъ видитъ какъ-бы подчиненіе боярской думы удѣльнаго князя великому князю. Но этотъ фактъ по точному смыслу договора великаго князя Ивана III съ братомъ его Борисомъ Васильевичемъ, отцомъ малолѣтняго князя Ивана, объясняется иначе. Великій князь обязывался Борису Васильевичу въ случаѣ смерти послѣдняго печаловаться надъ его княгиней и дѣтьми¹⁾. Слѣдовательно въ указанномъ случаѣ, при рѣшеніи вопроса о личной судьбѣ малолѣтняго князя, было необходимо обратиться къ великому князю, какъ къ опекуну малолѣтняго князя.

Далѣе авторъ указываетъ, что политика московскихъ объединителей въ отношеніи къ владѣтельнымъ князьямъ находила полную поддержку со стороны публицистовъ того времени (Иосифъ Волоцкій).

Первая попытка поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю на новыхъ началахъ выразилась въ правленіе бояръ при малолѣтнемъ Иванѣ IV взятіемъ одностороннихъ записей съ братьевъ великаго князя, къ которымъ сами бояре за великаго князя не цѣловали креста. Рассказывая объ этомъ, авторъ доказываетъ, что инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала митрополиту Даниилу, а не боярамъ, какъ обыкновенно доселѣ объясняли. Указывая, что братъ вел. кн. Ивана IV Андрей называлъ себя холопомъ великаго государя и просилъ великаго князя о пожалованіи его, какъ Богъ на сердце государю положить, г. Дьяконовъ слѣдующими словами оканчиваетъ свое изслѣдованіе: «удѣльные князья сами признали указанное имъ мѣсто въ ряду слугъ московскихъ государей».

Четвертая глава посвящается теоріи власти московскихъ государей, а послѣднія двѣ главы, указываютъ нѣкоторыя примѣненія, сдѣланныя московскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ, изъ новыхъ политическихъ ученій, и представляютъ дополненіе къ главной темѣ настоящаго изслѣдованія «о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ государей». Авторъ, исполняя свою задачу имѣлъ право остановиться на четвертой главѣ и тогда бы его изслѣдованіе представлялось цѣлымъ и окончательнымъ, присоединеніе же двухъ дополнительныхъ главъ, которыя указываютъ «нѣкоторыя», какъ выражается авторъ, примѣненія изъ новыхъ политическихъ ученій, придаетъ изслѣдованію видъ

¹⁾ С. Г. Гр. и Дог., I. № 123, 124.

неоконченности, приводя къ вполне естественному ожиданію, что за указаніемъ измѣненія отношеній московскихъ государей къ ихъ слугамъ, будутъ разобраны и отношенія московскихъ государей къ остальному населенію ихъ государства въ XV и XVI вѣкахъ. Затѣмъ перемѣна отношеній московскихъ государей къ ихъ свободнымъ слугамъ и къ младшимъ владѣтельнымъ князьямъ московскаго великаго княженія приводитъ къ вопросу, на сколько эта перемѣна является московскою особенностью и не замѣчается ли того же и въ другихъ великихъ княженіяхъ (Рязанск., Тв.). Еслибы послѣдній вопросъ получилъ положительное рѣшеніе, то потребовалось бы дать объясненія причинъ возвышенія великокняжеской власти и въ другихъ великихъ княженіяхъ, для которыхъ неприложимы тѣ, указанныя авторомъ, основанія, которыя такъ высоко поставили самодержавіе московскихъ государей. Далѣе слѣдовало бы указать на сколько причины, возвысившія власть великихъ князей не московскихъ, дѣйствовали въ московскомъ государствѣ совмѣстно съ указанными авторомъ новыми вліяніями. По отношенію къ главному вопросу изслѣдованія г. Дьяконова, о возникновеніи и развитіи власти московскихъ государей, нельзя не имѣть въ виду того важнаго фактора, на который авторъ не обратилъ вниманія, какъ было уже указано почтеннымъ рецензентомъ изслѣдованія г. Дьяконова К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Этимъ факторомъ является то, что московскимъ государствомъ начинается осуществленіе стараго чаянія русскаго народа—единства Русской земли ¹⁾. Подобное же говоритъ и И. Е. Забѣлинъ, который признаетъ, что развитіе московскаго единоедержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства, что изъ московской завѣтной мысли и всенародной заповѣди жить за одинъ послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни. «Въ лицѣ царя, говоритъ г. Забѣлинъ, русскій человѣкъ освободился отъ политическаго угнетенія, не только отъ татарскаго угнетенія, но и отъ угнетенія домашняго со стороны независимыхъ другъ отъ друга и раздѣльныхъ княжествъ и областей, которыя всячески старались обездолить другъ друга» ²⁾. Наконецъ, историкъ развитія русской самодержавной власти, проф. Романовичъ-Славатинскій говоритъ, «что усиливать значеніе татарщины для раз-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1889, декабрь, стр. 401.

²⁾ Ст. И. Е. Забѣлина «Взглядъ на развитіе моск. единоедержавія», въ «Историч. Вѣстн.» 1881 г., т. IV, стр. 778, 779, 781.

витія московскаго единоподержавія, какъ это дѣлалъ покойный Костомаровъ, такое же историческое заблужденіе, какъ и придавать чрезмѣрное значеніе вліянію византійскому, по примѣру Пыпина. Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліянія, но тѣмъ не менѣе русское государство съ русскимъ самодержцемъ во главѣ — органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа. Великіе князья и цари московскіе поняли стихійныя стремленія и упованія народныхъ массъ — слиться въ единое политическое и національное цѣлое и реализировали эти стихійныя стремленія и упованія»¹⁾. Но, указывая на то, что могло бы служить важнымъ и полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ главнаго вопроса разбираемаго изслѣдованія г. Дьяконова, мы должны оговориться, что было бы несправедливо умалять достоинства этого изслѣдованія на основаніи отсутствія въ немъ объясненія тѣхъ вопросовъ, которые можно признать важными и стоящими въ близкой связи съ вопросами, составляющими задачу изслѣдованія, но разборъ которыхъ самъ авторъ не ставитъ себѣ задачей и оставленіе которыхъ безъ объясненія не составляетъ существеннаго ущерба для исполненія принятой авторомъ на себя задачи. Поэтому, оставляя всѣ возможныя, желаемыя и болѣе или менѣе важныя дополненія къ разбираемому изслѣдованію, я долженъ дать свое мнѣніе по вопросу о присужденіи преміи г. Дьяконову на основаніи § 6 «Положенія о наградахъ графа Уварова». Какъ выше было указано, нельзя не признать существовавшей до появленія труда г. Дьяконова потребности въ разборѣ и повѣркѣ на основаніи первоначальныхъ источниковъ всего высказаннаго въ нашей литературѣ по вопросамъ, поднимаемымъ г. Дьяконовымъ. Авторъ поставилъ для своего изслѣдованія задачу, полезную для отечественной науки. Исполненіемъ этой задачи представляется ученый трудъ, соответствующій требованіямъ науки и критики и способствующій къ познанію избраннаго авторомъ предмета, на сколько это возможно при существующихъ для того источникахъ. Авторъ, какъ было также указано, воспользовался кромѣ всѣхъ извѣстныхъ до него источниковъ по даннымъ вопросамъ, новыми, рукописными. Отношеніе автора къ источникамъ нельзя не признать вполне добросовѣстнымъ. Авторъ отличается тщательнымъ изученіемъ источниковъ, осторожностью и вѣрностью выводовъ изъ нихъ. Возможности такой общей оцѣнки отношенія автора къ ис-

¹⁾ Система Русск. Государств. права, ч. I, 1886, стр. 40, 47, 48.

точникамъ не могутъ противорѣчить, какъ немногія исключенія, вышеуказанные невѣрные выводы изъ источниковъ, особенно замѣчаемые въ послѣдней главѣ. Ученое изслѣдованіе «Власть московскихъ государей» указываетъ, что въ лицѣ автора его наша литература обогащается новымъ талантливымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ, отъ котораго мы вправѣ ожидать новыхъ существенныхъ вкладовъ въ нашу науку.

Въ силу всего выказаннаго я прихожу къ твердому убѣжденію въ необходимости признать изслѣдованіе г. Дьяконова вполне достойнымъ меньшей награды графа Уварова.

III.

„ИЗЪ ИСТОРИИ УГРИИ И СЛАВЯНСТВА ВЪ XII ВѢКѢ“. КОНСТАНТИНА ГРОТА. ВАРШАВА, 1889.

Рецензія академика В. Гр. Васильевскаго.

Сочиненіе представляет томъ въ 424 страницы текста и LX страницъ приложений, посвященныхъ обзорѣнью источниковъ и извлеченіямъ изъ нихъ. Сверхъ того есть предисловіе, генеалогическая таблица и указатель.

Авторъ, одинъ изъ выдающихся славистовъ школы В. И. Ламанскаго, въ настоящее время профессоръ Варшавскаго университета, давно избралъ исторію Венгріи своею ближайшею спеціальностью руководясь справедливымъ убѣжденіемъ въ необходимости внимательной разработки ея русскими учеными. Извѣстенъ его большой трудъ, изданный около десяти лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ: *«Моравія и Мадьяры»* и снискавшій ему почетную и прочную ученую репутацію. Тогда изслѣдованіе было посвящено первоначальной исторіи Мадьярскаго племени до водворенія его среди славянскаго населенія въ средне-дунайской равнинѣ, въ старинной Панноніи — въ началѣ X вѣка. Минувъ два съ половиною столѣтія, К. Я. Гротъ обратился теперь къ серединѣ XII вѣка, избравъ задачею своей новой работы изученіе 32-лѣтняго періода, обнимающаго правленіе двухъ королей Арпадова дома: Гейзы II (1141—1161) и Стефана III (1164—1173) съ нѣсколькими годами смутнаго времени въ промежуткѣ. Можетъ показаться, что таковой выборъ темы представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ естественной послѣдовательности въ спеціальныхъ занятіяхъ автора исторію Угрии; но напрасно было бы упрекать за это ученаго, ко-

торый можетъ сослаться на личное предрасположеніе, какъ это г. Гротъ и дѣлаетъ въ предисловіи. Сверхъ того онъ оправдываетъ свой выборъ выдающимся интересомъ, какой означенная выше эпоха представляетъ не только съ точки зрѣнія внутренняго развитія самой Угріи, но и съ точки зрѣнія византійскихъ, славянскихъ и въ частности русскихъ отношеній.

Когда она открывается, на тронѣ находится король, двойными династическими узами связанный со славянствомъ. Сербъ по матери, руководимый и опекаемый съ начала ея братомъ, своимъ дядею, баномъ Бѣлушемъ, король Гейза вступилъ въ брачный союзъ съ русскою княжною Мономахова дома. Евфросинія Мстиславовна, сдѣлавшись королевою и отличаясь умомъ и энергією, приобрѣла и долго сохраняла при мужѣ и дѣтяхъ вліяніе на политическія дѣла. Соотвѣтственно съ сербскими кровными связями угорское правительство принимаетъ участіе въ освободительномъ движеніи Сербовъ, которое было направлено противъ тягостнаго византійскаго господства, и въ которомъ заключался зародышъ будущей самостоятельности и величія Сербіи при Неманичахъ; родоначальники этой фамиліи уже находятся на сценѣ. Именно на сербской почвѣ проявилось открытое столкновеніе между уграми и греками. Византійскій императоръ, воинственный и дѣятельный Мануилъ Комнинъ, предпринималъ два похода для усмиренія непокорныхъ сербскихъ жупановъ; ему приходилось встрѣчаться на южной сторонѣ Дуная съ угорскими вспомогательными отрядами, въ личномъ единоборствѣ съ однимъ изъ мадьярскихъ вождей онъ подвергалъ опасности собственную жизнь и получилъ рану отъ удара копьемъ въ лице. — Соотвѣтственно свойству съ Мономаховичами Угріи принимаетъ участіе въ достопамятной борьбѣ Изяслава Мстиславича изъ за обладанія кievскимъ великокняжескимъ престоломъ противъ Юрія Долгорукаго и Владимирака Галицкаго Король Гейза посылалъ вспомогательныя войска и самъ лично сядился на коня для содѣйствія своему шурина. Онъ находился на берегахъ рѣки Сана въ Галиціи, когда получилъ извѣстіе о готовящемся вторженіи съ юга въ угорскіе предѣлы византійской рати подъ предводительствомъ самого императора. Помимо Сербіи Мануилъ вступался за галицкаго князя, котораго признавалъ своимъ союзникомъ и вассаломъ. Здѣсь общезвѣстныя событія русской исторіи получаютъ особо интересное освѣщеніе съ точки зрѣнія ихъ связи съ византійскою и общеевропейскою исторією. Европа была тогда раздѣлена на два враждебныхъ лагеря; противополож-

ность между ними явно обрисовалась со времени второго крестового похода в связи с его antecedентами и послѣдствіями. Составилась обширная коалиція, направленная противъ византійскаго императора и германскаго короля Конрада, состоявшаго съ нимъ въ родствѣ и политической дружбѣ; во главѣ коалиціи стоялъ южно-норманскій король Рожеръ, къ ней пристали угорскій король и французскій, она имѣла и другія развѣтвленія, а косвенно захватывала и Русь, не только южную, но и сѣверную. Изяславъ является чрезъ посредство Угрии союзникомъ Рожера, а Владимирко Галицкій — не только союзникомъ Мануила, но и его вассаломъ: таково, по крайней мѣрѣ, было византійское воззрѣніе, какъ мы сейчасъ указали. — Борьба, начавшаяся въ Сербіи, переносится въ угорскіе предѣлы въ область рѣки Савы и на сѣверъ отъ Дуная. Мануилъ совершаетъ рядъ походовъ противъ короля Гейзы; здѣсь, между прочимъ, выступаетъ на сцену, какъ орудіе византійской политики, но въ качествѣ военнаго вождя давній претендентъ на угорскую корону, сынъ бывшаго короля Коломана — Борисъ, мать котораго, дочь Мономаха, умерла въ Кіевѣ, отвергнутая мужемъ. — По смерти Гейзы вмѣшательство Византіи въ дѣла угорскаго государства становится еще болѣе настоятельнымъ. Бориса болѣе не было — онъ погибъ отъ руки половецкой въ одной изъ дунайскихъ экспедицій; Мануилъ поддерживаетъ другихъ претендентовъ на престолъ, занятыи Стефаномъ III Гейзичемъ; это были братья умершаго Гейзы, по старымъ началамъ престолонаслѣдія должествовавшіе имѣть преимущество предъ племянникомъ. Мануилъ стремился теперь къ обращенію Угрии въ вассальное государство, подчиненное его верховной власти; онъ достигъ осязательныхъ успѣховъ, возстановивъ непосредственную власть Византіи въ славянской области между Савою и Дунаемъ (Срѣмъ), а что еще важнѣе — отобравъ отъ Угрии Далмацію. При его вторженіяхъ на другую сторону Дуная обнаруживается существованіе мѣстныхъ симпатій среди славянскаго населенія, проявляющихся въ формахъ церковной обрядности. Претенденты также находятъ сочувствующую себѣ партію среди свѣтскихъ и духовныхъ угорскихъ магнатовъ. Борьба сохраняетъ свои широкія развѣтвленія вовнѣ. За нею наблюдаетъ германо-романскій императоръ Фридрихъ Барбаросса, отвлекаемый отъ прямаго военнаго вмѣшательства только заботами о Ломбардской лигѣ. Чешскій король Владиславъ, побуждаемый къ тому Евфросиніей Мстиславовной, матерью короля, является на берегахъ Тиссы въ качествѣ союзника Стефана Гейзича; онъ одер-

жалъ верхъ надъ Мануиломъ въ военномъ отношеніи, но долженъ былъ преклониться предъ авторитетомъ и дипломатическимъ искусствомъ византійскаго государя, такъ что изъ врага превратился въ доброжелательнаго посредника и друга. Соперники греческій и угорскій запескиваютъ въ русскихъ князьяхъ, стараясь склонить ихъ каждый на свою сторону; сношенія Ярослава Галицкаго съ Мануиломъ, отмѣченныя въ русской лѣтописи, здѣсь находятъ свое объясненіе. Отъ исхода борьбы между Византією и Угрією прямо зависитъ судьба Сербіи, правители которой, и между ними великій жупанъ Нѣманя, постоянно обнаруживаютъ наклонность искать себѣ опоры въ угорскомъ королѣ, даже обращаются къ покровительству Фридриха Барбароссы; при первомъ удобномъ случаѣ они получаютъ за то надлежащее возмездіе со стороны византійскаго государя, который, впрочемъ, лишая власти виновное лице, не уничтожаетъ правъ рода и только замѣняетъ одного брата другимъ. — Изложеніе событій въ книгѣ К. Я. Грота заканчивается тѣмъ, что на угорскій престолъ возводится Мануиломъ королевичъ (сынъ Гейзы), выросшій и воспитанный въ Константинополѣ, считавшійся нѣкоторое время женихомъ Мануиловой дочери и наслѣдникомъ византійскаго престола, называемый въ угорскихъ хроникахъ *Бѣлоу Грекомъ* (Bela Graecus). Оставался вопросъ, въ какой степени византійскій ставленникъ, получившій въ супружество все-таки племянницу императора, оправдаетъ расчеты своего покровителя и предполагаемая надежда православнаго населенія въ угорскомъ королевствѣ. Но хотя авторъ книги и понималъ, что изложеніе царствованія Бѣлы дало бы его труду бѣольшую полноту и цѣльность, рельефнѣе выставило бы его руководящую мысль, онъ долженъ былъ отказаться отъ первоначальнаго плана въ виду его обширности.

Изъ представленнаго нами сжатаго обзорѣнія событій, изучаемыхъ въ книгѣ г. Грота, понятно, почему обзорѣваемое время обыкновенно считается и называется эпохою преобладающаго византійскаго вліянія у историковъ венгерскихъ и нѣмецкихъ. Нашъ авторъ дѣлаетъ на этотъ счетъ оговорку, которая составляетъ весьма существенную сторону его общаго взгляда на смыслъ изучаемыхъ имъ явленій. Оговорка заключается въ томъ, что вліяніе было только внѣшнее, имѣло видъ завоевательнаго натиска, что побѣды Мануила вовсе не сопровождались какими-либо положительными и культурными результатами, не остановили успѣховъ латинства, водворившагося въ Угрію хотя позднѣе восточнаго православія, но давно взявшаго надъ нимъ верхъ. Византія ничего не про-

тивопоставила такимъ явленіямъ, какъ усиленная нѣмецкая колонизація въ Трансильваніи, которая относится къ первому періоду правленія Гейзы, хотя, по соображеніямъ г. Грота, и не къ начальнымъ его годамъ, какъ думали другіе (вопросъ подробно изслѣдуется въ первой главѣ сочиненія), ничего не противопоставила вліянію и авторитету, приобрѣтенному въ Угріи сосѣднимъ нѣмецкимъ княземъ церкви, Зальцбургскимъ епископомъ, и вообще оживленному и энергичному воздѣйствію римской церкви. Эти вѣскія замѣчанія должны быть признаны вообще справедливыми, хотя они и даютъ поводъ пожалѣть, что авторъ въ своей книгѣ ограничился почти исключительно внѣшнею политическою исторіею, оставляя въ сторонѣ вопросы внутренняго — соціальнаго, политическаго и церковнаго быта. Безъ подробной провѣрки на этой почвѣ общее заявленіе, если оно утверждаетъ отсутствіе всякаго византійскаго вліянія, представляется недостаточно обоснованнымъ. Съ другой стороны К. Я. Гротъ заходитъ въ своемъ обличеніи византійской немощи нѣсколько за предѣлы справедливости, когда высказываетъ такую мысль, что *агрессивная* политика императора Мануила, вызывая отпоръ и реакцію, содѣйствовала напротивъ укрѣпленію и торжеству латинства и папства. Такое соображеніе сомнительно уже потому, что фактически нападающею стороною — по крайней мѣрѣ въ правленіе Гейзы — была Угрія, а не Мануилъ. Чтобы провести свой тезисъ объ агрессивной политикѣ Византіи, г. Гротъ долженъ былъ предполагать, что Мануилъ съ самаго начала правленія задавался самыми широкими планами по отношенію Венгріи, мечталъ о полномъ ея подчиненіи еще ранѣе ея союза съ Рожеромъ и столкновенія въ Сербіи, и что съ другой стороны въ Угріи были такіе проникательные политики, отъ которыхъ не скрылись затаенныя стремленія и мечты византійскаго императора. То и другое неправдоподобно и не соотвѣтствуетъ природѣ вещей и дѣйствительному ходу дѣлъ.

Въ очень ясныхъ и даже слишкомъ отчетливыхъ чертахъ рисуется историческому чутью автора присутствіе въ угорскомъ государствѣ XII вѣка политической компактной сѣеры, особой народной славянской партіи, которая опирается на инстинктивные стремленія славянской массы, входящей въ составъ государства, сохраняетъ преданія старой вѣры, то есть полученнаго изъ Византіи православія, обнаруживаетъ чуткую оппозицію къ западнической политикѣ того или другаго короля. Хотя объ этой партіи и много говорится на разныхъ страницахъ сочиненія, но мы должны признаться, что

какъ составъ, такъ и органическія связи ея съ народными массами остались для насъ неясными и проблематичными — можетъ быть вслѣдствіе того, что авторъ въ своемъ введеніи не далъ намъ картины внутренняго состоянія Угрии въ первой половинѣ XII вѣка. Наконецъ недостаткомъ не только изложенія, но и метода нужно считать особаго рода ложный прагматизмъ, заключающійся въ стремленіи разъяснить причины и связь явленій не группировкою самыхъ фактовъ, не сдержаннымъ намекомъ въ случаѣ нужды внимательному читателю, а особенными гипотетическими соображеніями о настроеніи, видахъ и побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, о содержаніи ихъ взаимныхъ разговоровъ — даже при встрѣчахъ, только предполагаемыхъ. Авторъ хорошо дѣлаетъ, что онъ предупреждаетъ самъ читателя, когда онъ начинаетъ такимъ образомъ резонировать; если это не спасаетъ книгу отъ многихъ излишнихъ длиннотъ, то во всякомъ случаѣ устраняетъ возможность недо-разумѣнія.

Вообще слѣдуетъ признать, что сколько бы ни было поводовъ къ несогласію съ авторомъ относительно его общихъ взглядовъ, его добросовѣстность и основательность не подлежатъ сомнѣнію. На фактическую сторону въ его книгѣ вполне можно положиться, предоставляя себѣ право возражать на основаніи фактовъ, имъ же установленныхъ. Авторъ стремился къ достиженію наиболѣе точнаго представленія о всѣхъ подробностяхъ въ ходѣ дѣлъ политическихъ и военныхъ. Такъ какъ въ повѣствованіи источниковъ о походахъ Мануила встрѣчаются любопытныя черты, касающіяся распространенія и географическихъ границъ племенъ русскаго и румынскаго, то г. Гротъ попутно занимается вопросами исторической географіи, даже не вынося такихъ экскурсовъ изъ рамокъ основнаго текста. Изслѣдованіе отъ начала до конца основано на всестороннемъ и полномъ изученіи источниковъ венгерскихъ, византійскихъ, западныхъ, латинскихъ и русскихъ. Обзорѣнію ихъ посвящено пространное приложение, гдѣ притомъ перепечатаны недавно отысканныя письма одной угорской принцессы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. При крайней скудости собственно угорскихъ источниковъ нужно быть благодарнымъ автору изслѣдованія за то, что онъ извлекъ изъ забвенія нѣмецкую хронику Генриха Мюгельнскаго, содержащую въ себѣ остатки угорскаго историческаго преданія за данный періодъ. За однимъ не особенно важнымъ исключеніемъ ничто, относящееся къ изслѣдуемой эпохѣ, не ускользнуло отъ вниманія нашего ученаго. Его критическое отношеніе къ византійскимъ источникамъ Киннаму

и Никитѣ Хоніату можно признать совершенно правильнымъ. Пропускъ, на который мы сейчасъ намекнули, касается тоже византійской литературы—отрывковъ изъ стихотвореній придворнаго поэта Продрома, помѣщенныхъ въ французскомъ изданіи Историковъ крестовыхъ походовъ. Но они появились недавно, никто другой ими еще не пользовался, и славистъ могъ напасть на нихъ развѣ только случайно; при томъ онъ почерпнулъ бы здѣсь развѣ двѣ-три черты, для дополненія и исправленія подробностей въ исторіи первыхъ дѣйствій Мануила въ Сербіи. Наконецъ, если русскія извѣстія были весьма полезны для изслѣдователя въ исполненіи его основной задачи, то съ другой стороны сопоставленіемъ ихъ съ венгерскими и особенно византійскими источниками онъ разъяснилъ много частныхъ вопросовъ въ политической жизни Руси, какъ это уже и признано ученою критикою.

Принимая во вниманіе общія достоинства книги и близкое отношеніе ея содержанія къ славянской и русской исторіи, рецензентъ считаетъ справедливымъ присудить автору малую Уваровскую премію.

IV.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ПО СТАРИННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

МАТВѢЯ СОКОЛОВА. ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. МОСКВА 1888.

Рецензія академика Н. В. Ягича.

Послѣ удачнаго начала, положеннаго Ѳ. И. Буслаевымъ сравнительному изученію древнерусской литературы, самый видный успѣхъ имѣли разысканія его учениковъ и преемниковъ въ области такъ-называемой апокрифической литературы. Заслуги русскихъ ученыхъ Н. С. Тихонравова, А. Н. Пыпина, покойнаго Н. И. Костомарова и др., изданія которыхъ по этой части всѣмъ хорошо извѣстны, вызвали охоту къ изслѣдованіямъ подобнаго рода у южныхъ славянъ, у сербовъ и хорватовъ. Какой богатый матеріалъ для памятниковъ отреченной литературы собранъ въ издаваемыхъ Южнославянскою академіей «Старинахъ» — знаютъ всѣ слѣдующіе за этою отраслю славяновѣднія.

Если въ теченіе послѣдняго десятилѣтія изданіе текстовъ апокрифовъ уже не обогащалось въ Россіи новыми пріобрѣтеніями столь часто и обильно, какъ прежде, за то научныя изслѣдованія самого ихъ содержанія, попытки осмыслить его и примѣнить къ освѣщенію памятниковъ народнаго творчества приняли какъ разъ въ это время очень внушительные размѣры. Богатствомъ добытыхъ результатовъ изслѣдованія подобнаго рода представляютъ чуть ли не самую блестящую страницу русской научной дѣятельности за послѣднее время. Едва-ли нужно упоминать, что передовымъ представителемъ является здѣсь нашъ достоуважаемый сочленъ А. Н. Веселовскій, сосредоточивающій въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому предмету, громадную начитанность по всѣмъ средневѣковымъ литературамъ востока и запада. Труды его служатъ для всѣхъ современныхъ изслѣдова-

телей не только у славянъ, но и на западѣ Европы, неисчерпаемымъ источникомъ всесторонняго поученія.

Къ числу новыхъ сотрудниковъ въ этой области примкнулъ въ послѣднее время авторъ вышеназваннаго сочиненія, нынѣшній профессоръ Московскаго университета М. И. Соколовъ. Сочиненіе его, представленное на Уваровскую премію, обращаетъ на себя вниманіе уже тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ соединяются обѣ стороны вопроса, подлежащаго дальнѣйшей научной разработкѣ. Оно обогащаетъ русскую литературу новыми, очень важными источниками, доказывающими вновь чрезвычайное богатство церковнославянской литературы въ апокрифическихъ текстахъ. Напечатанные г. Соколовымъ матеріалы бросаютъ, кромѣ того, новый свѣтъ на литературное общеніе и взаимность, существовавшія съ раннихъ временъ между южными славянами (болгарами, сербами) и Русью. Но сочиненіе г. Соколова не ограничивается этимъ вкладомъ въ науку, хотя онъ самъ по себѣ уже достоинъ полнѣйшаго признанія; оно присоединяетъ къ напечатаннымъ текстамъ еще довольно много пояснительныхъ замѣтокъ и остроумныхъ соображеній для критической и литературной оцѣнки напечатанныхъ памятниковъ. Стало быть, рядомъ съ изданіемъ новыхъ текстовъ получается и научное изслѣдованіе предмета, содержащагося въ напечатанныхъ памятникахъ.

Поговоримъ о томъ и другомъ отдѣльно.

I.

Что касается новыхъ текстовъ, сдѣлавшихся благодаря усердію автора достояніемъ науки, то заслугу его мы должны ставить тѣмъ выше, что условія, при которыхъ совершилось это приобрѣтеніе, не принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ. Г. Соколову пришлось не только посѣтить Бѣлградъ и ознакомиться тутъ съ различными собраніями рукописей въ публичныхъ библіотекахъ и учрежденіяхъ, но также постараться проникнуть въ частныя собранія и расположить къ себѣ владѣльцевъ ихъ на столько, что они не затруднились дозволить ему воспользоваться ихъ частною собственностью на пользу науки. Случай шелъ ему на руку. Оказалось, что драгоценная рукопись, на которой остановилось его вниманіе, принадлежала какъ разъ одному изъ тамошнихъ ученыхъ, душевно преданному интересамъ славянской науки и относящемуся съ большимъ сочувствіемъ къ представителямъ науки русской.

Рѣчь идетъ о извѣстномъ професорѣ Бѣлградской великой школы Панѣ С. Сречковичѣ. Онъ разрѣшилъ автору воспользоваться его рукописью, сдѣлать изъ нея выписки, однимъ словомъ, употребить ее въ пользу науки. Вотъ главный источникъ напечатанныхъ г. Соколовымъ матеріаловъ. Авторъ списалъ не все содержаніе рукописи, да и изъ списаннаго имъ не все попало въ первый выпускъ его труда. Кромѣ общаго обозрѣнія, распространяющагося о содержаніи сборника (подъ № I, на стр. 5—22), въ этотъ выпускъ вошли только четыре текста изъ рукописи г. Сречковича, именно: подъ № II—Молитвы Сисинія и другихъ отъ трясавиць и различныхъ болѣзней (на стр. 22—50); подъ № III—Сказаніе о пятницахъ (на стр. 51—57); подъ № IV—Сказаніе о 12 апостолахъ (на стр. 58—72) и подъ № V—Сводъ апокрифическихъ текстовъ попа Іереміи (на стр. 73—107), съ ученымъ поясненіемъ этого свода (на стр. 108—211). Кромѣ того, авторомъ списаны еще другія статьи того же сборника, которыя, конечно, войдутъ въ слѣдующіе выпуски его матеріаловъ. Кое-что издано изъ того же сборника уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Вл. Качановскимъ въ загребскихъ «Старинахъ». Часть текстовъ напечатана оттуда же недавно самимъ г. Сречковичемъ въ Бѣлградѣ, въ пятомъ выпускѣ «Споменника» Сербской академіи подъ заглавіемъ «Сборникъ попа Драгоља». Наконецъ, и пишущій эти строки могъ воспользоваться, благодаря любезности професора Сречковича, его драгоцѣнною рукописью и приготовить изъ нея для изданія часть текстовъ, по наведеннымъ справкамъ, не списанныхъ г. Соколовымъ. Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ все содержаніе этой драгоцѣнной рукописи сдѣлается доступнымъ для изслѣдователей древнеславянской письменности.

Оцѣняя достоинство изданія проф. Соколова, я долженъ прежде всего сказать, что оно не даромъ производитъ впечатлѣніе очень добросовѣстнаго труда; оно на дѣлѣ вышло очень удовлетворительно и вполне оправдываетъ надежды, которыя могли быть возлагаемы на автора, судя по его прежнимъ научнымъ работамъ. Я имѣлъ возможность провѣрить напечатанные имъ тексты буква въ букву по подлиннику, доставленному мнѣ на нѣкоторое время въ Вѣну. Я исполнилъ эту задачу съ цѣлью, конечно, оказать услугу наукѣ и убѣдился въ томъ, что авторъ списалъ и напечаталъ свои тексты очень внимательно, прочтя почти вездѣ какъ слѣдовало, не смотря на очень плохое состояніе ру-

копись въ нынѣшнемъ ея видѣ. Какъ уже замѣчено у автора на стр. 6, она сильно почернѣла отъ копоти и отъ пыли засалилась на столько, что первыхъ листовъ совсѣмъ нельзя прочесть, да и прочіе нерѣдко представляютъ трудно читаемыя мѣста (отдѣльныя слова и цѣлыя строки).

Если я, отдавъ должную справедливость автору за его добросовѣстно исполненный трудъ издателя, все же отиѣчу здѣсь немало поправокъ текста, то прошу не считать это придирчивостью съ моей стороны, а объяснять желаніемъ оказать услугу хорошему изданію и сдѣлать его еще лучше. Я знаю изъ многолѣтняго собственнаго опыта, что безъ описокъ съ нашей и безъ опечатокъ со стороны наборщиковъ, корректоровъ и т. д. дѣло не обходится; принимаю также въ соображеніе обусловленную обстоятельствомъ спѣшность работы и разныя другія неудобства. Въ виду всего этого я вполнѣ извиняю нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ изданіе текста у проф. Соколова.

Описаніе рукописи сдѣлано вѣрно и содержаніе указано точно. Къ этой части изданія (на стр. 5 — 22) я могу прибавить только слѣдующія мелочи:

На страницѣ 8 въ строкѣ 4 вмѣсто сѣго григоріа въ подлинникѣ написано сѣго глиторіа, въ строкѣ же 6 пропущено слово гѣ, читать надо: вдѣже лежа гѣ; въ строкѣ 7 напрасно прибавлено sic къ слову оуслышохоу, въ подлинникѣ написано вѣрно оуслышахоу; въ строкѣ 18 выписка невѣрно помѣчена л. 13, на дѣлѣ читается на л. 14 об.; въ строкѣ 22 въ рукописи написано, какъ и слѣдовало ожидать, ѿ конъ земле вмѣсто опечатки земли; въ строкѣ 24 вмѣсто чѣсть я прочелъ честь.

На страницѣ 11 въ строкѣ 15 вмѣсто ѡ .vi. петь(цѣхъ), что было бы также грамматически неправильно, читается въ рукописи вѣрно: ѡ .vi. петькоу; въ строкѣ 19 читай оуне к (вмѣсто ксть).

На страницѣ 12 въ строкѣ 2 опечатку молчаніе надо конечно исправить въ мльчание, а въ строкѣ 3 непонятное для автора слово ветъна становится понятнымъ, если прочесть какъ въ подлинникѣ написано: сетъна з'ла кобъ.

На страницѣ 13 въ строкѣ 2 надо текстъ исправить и пополнить слѣдующимъ образомъ: в. оугатани .:·. ико кныгы оугатанію имоуть .:·. извѣно и т. д.; въ строкѣ 22 читай: слово максимово; строка 26: багрентъхъ, строка 28: свѣтешасе.

На страницѣ 15 въ строкѣ 13 исказы надо исправить въ исказанъ; въ строкѣ 15 надо читать ѡ коузъ; въ строкѣ 17 послѣ

главы ѿ оучещихъ пропущена глава: ѿ сси жизни; въ строкѣ 18 надо читать ѿ кдыной мысли, а вмѣсто дш̄внѣи я прочелъ дш̄иннѣи; въ строкѣ 19: ѿ дивволѣ, въ строкѣ 20: ѿ грѣшныхъ, въ строкѣ 23: вшьстви, и: ѿ стыни ѿтчи, въ строкѣ 24: ѿ ноужѣи, въ строкѣ 25: ѿ скврннѣи. Послѣ строки 28 надо прибавить какъ особую главу: л. 154 Иѿана синаискаго ѿ по-слоушани.

На страницѣ 16 въ строкѣ 2 въ подлинникѣ написано вечик, по видимому съ пропускомъ слога ли, загадочное на первый взглядъ слово становится такимъ образомъ понятнымъ: дадимъ ве(ли)чикъ бѣу; въ строкѣ 8 надо читать помысльшоу, такъ лучше и по синтаксису; въ строкѣ 26: сего (вм. того) прѣмоужрактъ; въ строкѣ 28: прибѣгаемъ и въ послѣдней строкѣ ликъствоук вм. опечатки мекъствоук.

На страницѣ 17 въ строкѣ 2 читать надо позорателе вмѣсто напечатаннаго позорователе; въ строкѣ 3: скврннѣно, скомъраха; въ строкѣ 6: не тчию; въ строкѣ 15: Иѿана.

Послѣ общаго обзорѣнія рукописи авторъ останавливается на отдѣльныхъ выбранныхъ имъ текстахъ. Они напечатаны, какъ говорится, строка въ строку, буква въ букву. Эта палеографическая акуратность оправдывается сравнительною древностью рукописи. Въ древнесербской письменности, не избылующей памятниками, сохранившимися въ древнихъ подлинникахъ, она можетъ быть дѣйствительно причислена къ довольно древнимъ памятникамъ; не смотря на то, я отнесъ бы нашъ сборникъ не къ XIII в., а скорѣе къ началу XIV столѣтія. По нѣкоторымъ довольно вѣскимъ признакамъ я позволю себѣ высказать догадку, что сборникъ македонскаго происхожденія, т. е. по крайней мѣрѣ подлинникъ нѣкоторыхъ статей, попавшихъ въ этотъ сборникъ, переведенъ впервые на ц.-славянскій языкъ гдѣ-то въ Македоніи. Я иду еще дальше и утверждаю, что нашъ сборникъ представляетъ лишь списокъ съ болѣе древняго текста или, можетъ быть, вѣрнѣе сказать — сводъ нѣсколькихъ болѣе древнихъ подлинниковъ. Итакъ, въ концѣ концовъ можно сказать, что большая часть текстовъ этого сборника могла быть переведена съ греческаго на ц.-славянскій языкъ по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ, если даже не въ XII столѣтіи. Авторъ не вдается, къ сожалѣнію, въ подробности такого рода, хотя онѣ не должны бы быть ему чужды. Что вообще объ особенностяхъ языка этого сборника не упомянуто ни словомъ, этого я никакъ не могъ бы поставить автору въ заслугу.

Но перейдемъ къ самимъ текстамъ.

Подъ № II напечатаны молитвы Сисинія и другихъ, числомъ 13. Къ сожалѣнiю, рукопись въ этой части не вездѣ удобочитаема; въ разныхъ мѣстахъ остались пробѣлы, которыхъ никто цѣликомъ не восполнить, пока счастливый случай не откроетъ паралельныхъ текстовъ въ другихъ рукописяхъ. Можно однако и нѣкоторыя мѣста исправить при хорошемъ освѣщенiи и смытiи пыли, что мною и сдѣлано. Предложу здѣсь поправки, полученныя мною упомянутымъ способомъ.

Въ молитвѣ 1-й, на страницахъ 26—31, я читаю такъ: въ стихѣ (или строкѣ) подлинника 3: кто воинъ бы́ яко^{тм} стѣи; это даетъ хорошее начало разсказа; въ стихѣ 7 я могъ прочесть измаиль-томъ; въ стихахъ 22—23 я читаю: и выкладъши браш'на, что хорошо совпадаетъ съ греческимъ подлинникомъ; въ стихѣ 25 подлинникъ даетъ грамматически вѣрное чтенiе: .в. ѡтрокивици; въ стихѣ 30: выи | доу; въ стихѣ 36: и мене же ради (буква е выше м); въ стихѣ 37: ѡна, въ стихѣ 39: стѣ, въ стихѣ 51: нъ да ти се кльноу, въ стихѣ 54: тѣ, въ стихѣ 58: свокмоу имена; въ стихѣ 61 я читаю званш, въ стихѣ 67: твари творить, въ стихѣ 71: имам', въ стихѣ 86: бжѣи имѣ. да не приходи | ть, въ стихѣ 89: горещими (вм. два раза невѣрно напечатаннаго горещима), въ стихѣ 92 надо возстановить звательный падежъ: стѣ сисине, въ стихѣ 97: изьблюва, въ стихѣ 100: дав'шюмоу, въ стихѣ 102: твоимѣ.

Въ молитвѣ 2-й, на стр. 31 — 34, я могу исправить слѣдующее: въ стихѣ 3 читай: оучени | кы, въ стихѣ 18: братикъ, въ стихѣ 29: летеща, въ стихѣ 30: рекоше, стихи или строки 31—32 надо читать такъ: гѣ ти к корѣнникъ тоу и връшикъ, въ стихѣ 47: свое.

Къ молитвѣ 3-й, на стр. 34—35, прибавлю слѣдующее: въ стихахъ 22—23 надо читать: въ крови моки, въ стихѣ 27: оусѣдъ на конь свои, въ стихѣ 36: живи к, въ стихѣ 39: кмѣ, въ стихѣ 44: стѣ, въ стихѣ 45: бѣжю, въ стихѣ 46: пьприць, въ стихѣ 49: имѣ.

Въ молитвѣ 4-й, на стр. 36—39, надо исправить слѣдующее: въ стихѣ 3: имоущю, въ стихахъ 23 — 24 я читаю такъ: идохъ тамо помоучити се, въ стихѣ 40: вѣщице, въ стихѣ 49: .г., въ стихѣ 50: сисин', въ стихѣ 51: стѣимъ.

Въ молитвѣ 5-й, на стр. 40 — 42, надо читать такъ: въ стихѣ 6: ѡ смр'ти, въ стихѣ 42: ѡдъ днѣшняго днѣ.

Въ молитвѣ 6-й, на стр. 42 — 43, въ стихѣ 3 я читаю: потре- (се)тсе, въ стихѣ 4: подвизаше (се).

Въ молитвѣ 7-й, на стр. 43—44, отмѣчу слѣдующее: въ стихѣ 5: стю, въ стихѣ 13: ан҃глы, въ стихѣ 24: глигорикм'.

Въ молитвѣ 8-й надо соединить въ одно слово въ стихѣ 13: вьноутръиюдоу и вьнеиюдоу, въ стихѣ 15 вм. мьзга вѣротно надо читать мозга, но я не разбираю всѣхъ буквъ; точно такъ въ стихѣ 18 зѣмлк написано для меня не разборчиво.

Въ молитвѣ 9-й, на стр. 45—46, могу исправить по подлиннику слѣдующее: въ стихахъ 4—5: лазаревѣмь, въ стихѣ 13: дѣи нечѣстивими, въ стихахъ 15—17 читаю такъ: тѣмъ же вы мѣи | мѣ апѣи гѣи дароуйте | рабоу свокмоу семоу. имѣ; въ стихѣ 21: по заповѣдемь.

Въ молитвѣ 10-й, на стр. 46—47, въ стихахъ 21—22: вьскр' | сени из мрътвыхъ. зак | лиаю, въ стихѣ 39: прѣдьсто | гати, въ стихахъ 43—44: троубномъ шгньным' и кго ради.

Въ молитвѣ 12-й, на стр. 48—49, отмѣчу слѣдующія поправки: въ стихахъ 14—15: ѿ седѣмъ небсѣи чю кга (сербизмъ) самъ їс на прѣстолѣ сѣде, въ стихѣ 20: з'ло, въ стихѣ 22: мѣстоу, въ стихахъ 23—24: не оухопай з'мик хѣхлата члѣвка везана ногоу, нь оухопи клѣна свезана ногоу.

Въ молитвѣ 13-й, на стр. 49—50, я могу восполнить пробѣлъ въ стихѣ 3: творишь. вѣпикъ бо.

Подъ № III, на страницахъ 51—57, авторъ напечаталъ текстъ сказанія о 12-ти пятницахъ. И здѣсь оказались нѣкоторыя не-исправности, на которыя считаю нужнымъ указать. Кромѣ отмѣченной уже описки ѿ. в. петьцѣхъ, исправленной по рукописи въ ѿ. в. петькоу, въ самомъ заглавіи слѣдовало прочесть не леоперикво, какъ напечатано у автора, а леопарикво. Это чтеніе подтверждается повтореніемъ слова въ той же формѣ въ строкѣ 10 текста, гдѣ и авторомъ вѣрно напечатано леопарик, и на страницѣ 52, въ строкѣ 2: леопарию, въ строкѣ 10: леопарик, а въ строкѣ 22: леофарик. Стало быть, рукопись послѣдовательна въ передачѣ слова. Поэтому слѣдовало и автору озаглавить статью или такъ, какъ требуетъ греческій подлинникъ: «Обрѣтеніе Елевое-ріево», или же придерживаться формы нашего сборника: «Обрѣтеніе Леопаріево»; tertium non datur. Прибавлю еще слѣдующія поправки: на страницѣ 53, въ строкѣ 1: На западной, лаоура; въ строкѣ 2: прѣхѣ, ѿвы; въ строкѣ 3: побивахоу се. На страницѣ 54, въ строкѣ 4: оупрѣлъ ме кси, въ строкѣ 9: рекъ, въ строкѣ 18: слышала, въ строкѣ 19: како ѣ (читать надо нѣ). На страницѣ 55, въ строкѣ 8: съшьствикмъ, въ строкѣ 13 вм. ч надо читать

число 2. На страницѣ 56, въ строкѣ 4: прѣдъ петровѣмъ днемъ, въ строкѣ 10: въ ѡстрово. На страницѣ 57, въ строкѣ 2: петъкъ, въ строкѣ 4: кднуочи.

Подъ № IV напечатанъ текстъ не совсѣмъ точно озаглавленнаго «Откровенія святымъ апостоламъ», на стр. 68—72. Въ текстѣ оказалось нѣсколько неточностей и маленькихъ пропусковъ; вотъ какъ надо исправить: на страницѣ 68, въ строкѣ 2: помысльшо комоужо, въ строкѣ 15: имоуть грѣхъ кѣлико и пѣска морскаго и да альчеть; вмѣсто подающе въ той же строкѣ надо читать подак; въ строкѣ 16 въ концѣ: анѣли бжѣи. На страницѣ 69, въ строкѣ 2: к ѡ вѣрѣ, въ строкѣ 8: ксть звѣзда, въ строкѣ 9: такоже, въ строкѣ 11: нарече и положи въ начетъкъ стѡую нелю, въ строкѣ 12: добрѣк, въ строкѣ 13: донъдеже.. иже ѡбрѣщоутъ се, въ строкѣ 17: чѣто ксть, въ строкѣ 18: снѣ. На страницѣ 70, въ строкѣ 1: целоующима, въ строкѣ 4: целоующи, въ строкѣ 7: неприязниныхъ, въ строкѣ 8: вѣзрадоуютъ, въ строкѣ 11: кѣто, въ строкѣ 12: пришьдъ да комъкантъ, въ строкѣ 13: альчемоу^ю въ, въ строкѣ 18: ѡвещавъ, въ строкѣ 20: ѡсоужень, въ строкѣ 21: пламенноую, въ строкѣ 24: всѣмъ, въ строкѣ 27: смртѣи, въ строкѣ 28: ѡлоучить, въ строкѣ 30: втоую, ѡлтарь. На страницѣ 71, въ строкахъ 1—2: подающе комоу, въ строкѣ 2: и передъ ангели надо вычеркнуть, въ строкѣ 4: кст' богъ, въ строкѣ 6: истинны, кзекл', въ строкѣ 7: дондеже, боудут', въ строкѣ 9: чѣтете, въ строкѣ 13: телеса, въ строкѣ 14: боудете и ѡ чрѣви изѣдени боудете, въ строкѣ 17: нь (вм. но), въ строкѣ 18: ѡпоущениа, въ строкѣ 19: прьковъни, въ строкѣ 20: ѡвѣтъ, страшны, ѡ людехъ, въ строкѣ 21: поноужѣни, въ строкѣ 22: ком'каник, въ строкѣ 24: недѣлю (замѣчательное доказательство, что въ подлинникѣ родительный надежъ ед. числа на среднеболгарскій ладъ былъ написанъ: недѣлж или недѣлж), въ строкѣ 32: сѣдете на прѣстола славнѣмъ своѣмъ и вы сѣдете на. На страницѣ 72, въ строкѣ 6 послѣ слова врьтоломѣи надо вычеркнуть и, въ строкѣ 15: бездѣнахъ. азъ створи хъ кдинь. азъ богъ, въ строкѣ 18: въ началѣ, передъ словомъ владыкоу надо прибавить: помѣю вы. мне имѣите ба̄ и; въ той же строкѣ: оупванте, въ строкѣ 21: вѣчноую, въ строкѣ 22: кромѣш'ната, въ строкѣ 25: хранещимъ, въ строкѣ 26: цртвик.

Подъ № V излагается исторія свода о крестномъ древѣ, приписываемаго попу Іереміи; текстъ напечатанъ на стр. 84—107. И здѣсь

я долженъ отмѣтить нѣкоторые маленькіе пропуски и предложить мои поправки: на стр. 85, въ строкѣ 4 послѣ слова то҃га надо прибавить еще: бѣ на землю. яко соуди тои кѣтъ. тогда моиси прѣрчьствова все глѣи кже слыша ѿ анг҃ла; въ строкѣ 16: и скова, въ строкѣ 17: рѣ. На страницѣ 86, въ строкѣ 1: помѣоуи, въ строкѣ 2: невѣдоуще (е на щ), въ строкѣ 3: хотещаго, въ строкѣ 10: бѣгага, въ строкѣ 11: ѡ немь, въ строкѣ 13 послѣ слова иудова надо прибавить: и ѿ двѣи марик изидеть и боудеть ѿ колѣна двѣидова, въ строкѣ 16: и семоу, въ строкѣ 19: посѣкоут. На страницѣ 87, въ строкѣ 3: мѣще, въ строкѣ 6: то҃га ѡбрѣте, въ строкѣ 7: брѣси, въ строкѣ 8: рѣше, въ строкѣ 12: мер'роу, въ строкѣ 13: кон'ча. На страницѣ 89, въ строкѣ 1: моиси, въ строкахъ 3—4: старѣишины, въ строкѣ 5: глѣи, въ строкѣ 9: слышавъше же. На страницѣ 90, въ строкѣ 2 описка подлинника показавше предполагаетъ, какъ кажется, чтеніе показавше; въ строкѣ 12: створоу, въ строкѣ 18: стлѣни, како высина, въ строкѣ 23: ѡбразы. На страницѣ 91, въ строкѣ 7: цр'ковныи, въ строкѣ 14: пѣсцѣ, движеще се, въ строкѣ 22: кмоу. На страницѣ 92, въ строкѣ 5 надо читать оба раза: ѡстани се, въ строкѣ 9 послѣ дрѣва пропущены слова: застоупленію. ѡстани се дрѣва; въ строкѣ 15: нь (вм. но), въ строкѣ 17: ѡсоуженію, въ строкѣ 18: то҃га, крѣчимаь, въ строкѣ 19: дрѣва, всакіе. На страницѣ 93, въ строкѣ 1: ѡброучі, въ строкѣ 2: потврѣжахоу, въ строкѣ 3 послѣ яко надо вычеркнуть и, въ строкѣ 7: влѣкоуще, въ строкѣ 11: свитиѣ, въ строкѣ 18: пришьдь. На страницѣ 94, въ строкѣ 11: друогъ, въ строкѣ 14: соломонь .ѡ. лѣ .б., въ строкѣ 16: и вънезапвоу. На страницѣ 95, въ строкѣ 3 я читаю избикни кго ради, въ строкѣ 12 въ подлинникѣ премоу рау, въ строкѣ 17: крѣтѣиь. На страницѣ 96, въ строкѣ 11: сѣи и погребоуть, въ строкѣ 12: ч'то, въ строкѣ 13: погрести, въ строкѣ 16: погребеник. На страницѣ 97, въ строкѣ 1: авьгостово, въ строкѣ 5: работавъ, въ строкѣ 7: друогу страну, тоуне, въ строкѣ 9: дасть (вм. давъ), въ строкѣ 12: прѣдь, въ строкѣ 18: гѣ ѡра, въ строкѣ 19: селевьки, въ строкѣ 21: цр'квь. На страницѣ 98, въ строкѣ 1: въ .ѡ. чѣ. въ цр'квь, въ строкѣ 4: ненадѣятисе, въ строкѣ 5: истекъши, въ строкѣ 7: смысльшу, соущихъ. На страницѣ 99, въ строкѣ 1 послѣ покть надо вычеркнуть ть, въ строкѣ 6: не дающе даны, въ строкѣ 7: цр'ю, въ строкѣ 18: злѣчь к на. На страницѣ 100, въ строкѣ 8: ч'то, въ строкѣ 12: привести, въ

строкѣ 13: ѡбрѣтохъ, въ строкѣ 15: ісѣва, въ строкѣ 19: снѣсѣ. На страницѣ 101, въ строкѣ 3: рече провь, въ строкѣ 9: селевьки, въ строкѣ 10: ча̃, въ строкѣ 11: крѣпько. На страницѣ 102, въ строкѣ 3: мртвык, въ строкѣ 5: пришѣ хъ и сѣсетъ и, въ строкѣ 7: оуброусь, ѡбразь, въ строкѣ 10: тоже, въ строкѣ 13: печаль, въ строкѣ 14: соуть же имена... мар'кель. На страницѣ 103, въ строкѣ 1: си сего, въ строкѣ 7: оучить люи, въ строкѣ 16: паки, въ строкѣ 17: Ѡвещавшаго. На страницѣ 104, въ строкѣ 1: изьгнаше, въ строкѣ 4: вѣроу кше. На страницѣ 105, въ строкѣ 1: ѡ лоука авгаровь, слышавъше (хотя ошибочно), въ строкѣ 7: положі, въ строкѣ 8: паки, въ строкѣ 10: пюдѣк. На страницѣ 106, въ строкѣ 10: Ѡ цр̄кве, въ строкѣ 13: ксьмь, въ строкѣ 16: доселе. На страницѣ 107, въ строкѣ 6: х̃а ба̃, ѡ великок; въ строкѣ 7: бѣгаи земли. повелѣвъ вса бѣгаи растити земли; въ строкѣ 8: краснаи, въ строкѣ 9: прѣшьствию, въ строкѣ 10 послѣ вѣко̃ надо вычеркнуть і, въ строкѣ 15: хлѣвиницоу, въ строкѣ 16: подвигнѣм' се, въ строкѣ 17: хъ бо вѣка намъ ксть.

Я останавливался въ этомъ перечнѣ отступленій печатнаго текста отъ подлинника нарочно на самыхъ даже незначительныхъ мелочахъ, потому что мы пока слишкомъ мало знаемъ характеръ и языка и правописанія памятниковъ южнославянскихъ этого времени и этой мѣстности. Моими поправками текстъ освобождается отъ нѣкоторыхъ грамматическихъ неправильностей, которыя сильно смущали. Нѣкоторыми другими восстанавливается то смыслъ, то большее сходство съ параллельными текстами. Вообще нужно замѣтить, что рукопись, по которой здѣсь напечатаны эти тексты, написана довольно небрежно и представляетъ не мало затрудненій желающему вникнуть въ смыслъ текста. Поэтому авторъ поступилъ очень благоразумно, снабдивъ текстъ подстрочными разночтеніями изъ другихъ рукописей. Жаль только, что онъ ограничился механическимъ сопоставленіемъ разночтеній, не указавъ нигдѣ поправки, вытекающихъ изъ нихъ. Очень часто ошибки подлинника на столько очевидны, что достаточно въ примѣчаніяхъ словомъ указать на нихъ и такимъ образомъ облегчить читателю пониманіе текста. Не вижу достаточной причины, почему все это опущено. По моему, не надо было соблюдать безсмысленное употребленіе знаковъ препинанія самого подлинника, которымъ чтеніе текста только затрудняется. Это уже лишнее усердіе, не приносящее никакой пользы ни наукѣ, ни читателю. Въ сущности,

дѣло въ томъ, какъ понимать текстъ и какой придать смыслъ отдѣльнымъ мѣстамъ, вызывающимъ недоумѣнія. Въ такихъ случаяхъ издатель не только въ правѣ, но, по моему, даже обязанъ употребить всѣ средства, которыя ведутъ къ цѣли. На примѣръ возьмемъ во 2-ой молитвѣ Сисиніевой въ строкѣ 8 слово лѣтвица. Авторъ оставилъ это слово безъ вниманія, не смотря на то, что уже паралель, приводимая имъ же изъ текста у Хыждеу и точно также текстъ молитвы синайскаго Евхологія (изд. Гейтлера, на стр. 81, въ строкѣ 23), наводятъ на мысль, что и здѣсь лѣтвица слѣдуетъ исправить въ вылица. Или въ молитвѣ 5-й, въ строкѣ 13 напечатано точно по рукописи въ гадени, но что значить здѣсь въ гадени? Обыкновенное значеніе на этомъ мѣстѣ не годится: рядомъ съ пустынею и распутіемъ не можетъ быть рѣчи о ѣдѣ. Мы видимъ въ той же молитвѣ нѣсколько разъ по двѣ пары выраженій: «нечистый духъ» и «злая болѣзнь» — одна пара, «ни въ пустыни ни въ ѣдени» — другая пара, «ни на распутіи ни на морѣ» — третья пара. Обратимъ ли при этомъ вниманіе на то, что въ третьей парѣ словъ «распутіе» изображаетъ сушу, а «море» водяной путь, то не трудно догадаться, что въ «гадени» кроется слово «гадреник», т. е. вмѣсто «въ гадени» надо исправить «въ гадрени».

Невыдержанность критическихъ пріемовъ въ особенности замѣтна тамъ, гдѣ существуетъ нѣсколько паралельныхъ текстовъ, какъ напр. подъ № III, въ сказаніи о 12 пятницахъ, и подъ № V, въ апокрифическомъ сказаніи о крестномъ дрѣвѣ. Относительно послѣдняго текста авторъ справедливо замѣчаетъ, что вторичное изданіе памятника по списку сравнительно очень исправному (?) и самому древнему (?) важно для установленія текста. Вполнѣ согласенъ. Но если это такъ, то отчего издателемъ не сдѣлано ровно ничего для этого установленія? Вѣдь приведеніемъ разночтеній дѣло еще не заканчивается. Можно было бы ожидать въ примѣчаніяхъ по крайней мѣрѣ хоть коротенькаго указанія на тѣ варианты, которымъ авторъ даетъ предпочтеніе. Если бъ онъ задался хотя бы этою довольно скромною цѣлью, мнѣ сдается, уже эта попытка убѣдила бы его въ томъ, что изданный имъ текстъ такъ же мало можетъ быть названъ «очень исправнымъ», какъ и всѣ прочіе; еще же менѣе правильно говорить о немъ, какъ о самомъ древнемъ, потому что берлинскій сборникъ по времени написанія уже никакъ не уступаетъ бѣлградскому сборнику.

II.

Что касается историко-литературнаго разбора напечатанныхъ здѣсь текстовъ, авторъ очутился въ удобномъ, но для него лично не совсѣмъ выгодномъ положеніи. Большая часть этихъ предметовъ была уже раньше его подвергнута всестороннему обсужденію академикомъ А. Н. Веселовскимъ. Къ богатымъ соображеніямъ и сопоставленіямъ послѣдняго трудно подыскивать дальнѣйшія паралели и дополненія. Такъ вышло на дѣлѣ относительно текстовъ, напечатанныхъ подъ №№ II, III и V; только напечатанное подъ № IV «Откровеніе» оказывается предметомъ доселѣ не изслѣдованнымъ, потому что этотъ апокрифъ нынѣ впервые сдѣлался извѣстнымъ. Впрочемъ, нѣкоторыя составныя части его затронуты тоже въ изслѣдованіяхъ А. Н. Веселовскаго о «средѣ», «пятницѣ» и «недѣлѣ». При такихъ условіяхъ нашему автору надо было отыскивать тѣ стороны подлежащихъ обсужденію вопросовъ, которыя у предыдущаго изслѣдователя или совсѣмъ не затронуты, или объяснены не вполне удовлетворительно, или же, не соглашаясь съ нимъ, завязать полемику. Послѣднимъ приемомъ нашъ авторъ воспользовался въ своихъ замѣчаніяхъ на текстъ, изданный подъ № V. Первымъ же надо было вооружиться при разборѣ №№ II и III, но тутъ авторъ былъ затрудненъ скудостью средствъ, бывшихъ у него въ распоряженіи. О молитвахъ «отъ трясавицъ» все существенное собрано уже покойнымъ профессоромъ Мансветовымъ и А. Н. Веселовскимъ. Прибавить можно было развѣ только одно, и это было бы конечно самое важное: найти вполне подходящіе греческіе тексты. Но такое счастье не далось г. Соколову. Да и въ объясненіи славянскаго текста, помимо этой находки, можно было бы ожидать отъ автора хоть нѣсколькихъ новыхъ соображеній. Послѣ изслѣдованія А. Н. Веселовскаго остались преимущественно пробѣлы въ толкованіи именъ, не то греческихъ, не то славянскихъ. А. Н. Веселовскій, сдѣлавъ нѣсколько сопоставленій, замѣчаетъ (Розыск. V—X, стр. 51) слѣдующее: «объясненія нѣкоторыхъ другихъ именъ можно ожидать отъ дальнѣйшаго изслѣдованія нашей статьи». Вотъ прямое указаніе нашему автору, въ чемъ ему слѣдовало продолжать работу; но онъ не сдѣлалъ этого. Его примѣчанія скорѣе общаго литературно-историческаго свойства, чѣмъ попытки войти въ подробности. Какъ я себѣ представляю эти подробности, вотъ два-три примѣра: въ молитвѣ 1-ой, въ строкѣ 60, на страницѣ 29, встрѣчается какъ третье

название дiавола: змиа. По мнѣнію г. Соколова, это передача греческаго *χαμδράχαχα*, но въ греческомъ текстѣ это имя приводится только подъ конецъ перечня, между тѣмъ какъ въ румынской редакціи текста точно подъ № 3 упоминается слово ахоха. Не есть ли это слово испорченное греческое *ὄχια*, что значить родъ змѣи? Пятое имя въ 1-ой молитвѣ въ славянскомъ текстѣ названо звани (такъ я прочелъ то, что напечатано званги), въ румынской же редакціи какъ разъ въ томъ же мѣстѣ отмѣчено имя лекта. Не переводъ ли звани греческаго причастія *λεχτός*? Впрочемъ мнѣ кажется, что Лекта скорѣе будетъ греческое название *Ἄληκτώ*, только славянскій переводчикъ не понималъ слова. Въ 4-ой молитвѣ опять попадаютъ различныя имена, еще не объясненныя тѣмъ, что сказано въ общихъ словахъ: они отличаются отъ греческихъ и другихъ извѣстныхъ текстовъ. Мнѣ кажутся по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ названій довольно понятными. Напримѣръ, писоурини будетъ, должно быть, имя греческое, образованное вѣроятно изъ *ὀπίσω* (*πίσω*) и *οὐρά* (стало быть, «позади-хвостъ»). Название климени вѣроятно среднегреческое *κλαίμενη* или *κλαίμενη*, т. е. плачевная, слезы причиняющая, сказано же о ней: «азъ творю дѣти въ ноци плакатисе». Название «спириноса» можетъ быть въ связи съ глаголомъ *σπείρω* и *νόσος* (сѣять болѣзнь) или же съ глаголомъ *πυρώνω* (*inflammaré*) потому что въ 1-ой молитвѣ сказано о «вѣщицѣ», что она «огненный духъ». Въ названіи 4-ой молитвы «авериа» слышится откликъ слова, встрѣчающагося въ молитвѣ, напечатанной проф. Качановскимъ: вара, а въ селевиа отзывъ румынскаго «свевела», но я не умѣю пока объяснить ни то, ни другое. Впрочемъ, самъ проф. М. Соколовъ восполнилъ нѣкоторые пробѣлы этой части своего труда превосходною статью, напечатанною въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюнь 1889 г. подъ заглавіемъ: «Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками».

Замѣчу еще, что никакъ нельзя согласиться съ поправкою, предлагаемою авторомъ на стр. 28 въ примѣчаніи, будто слѣдуетъ исправить молитва моя въ молитва твоа. Точно такъ въ молитвѣ 4-ой, по моему, невѣрно сочетаніе ¹⁾ словъ: и юность женамъ прохожю; напротивъ, слова юность женамъ относятся къ

¹⁾ Это невѣрное сочетаніе повторяется также въ вышеупомянутой статьѣ объ амулетахъ, на стр. 352, 355.

предыдущему: азъ доубик ис корѣне иземлю и юность же-нама, глаголь же прохождю принадлежитъ къ послѣдующимъ словамъ: прохождю яко медвѣдица и яко голоубица и яко змиа и яко кокошь, т. е. она (вѣщица) превращается въ такіа-то животныя. Сопоставленія относительно медвѣдя, на которыя авторъ ссылается, сюда не относятся.

И къ объясненіямъ о 12-ти пятницахъ незья было послѣ А. Н. Веселовскаго прибавить ничего важнаго. Но если не относительно содержанія, то касательно формы не лишнимъ было бы сказать кое-что для болѣе точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между славянскими текстами. Остановимся хоть бы на формѣ имени Леопарій, встрѣчающейся единственно въ этой рукописи. Я нахожу въ передачѣ греческаго φ (вм. ϕ) черезъ π признакъ одного изъ западныхъ говоровъ, произносящихъ, какъ извѣстно, Стефанъ какъ Стіепан, Стипан, Филиппъ какъ Пилип, Трифонъ какъ Трипун и т. д. Какъ далеко заходила полоса такого произношенія на востокъ, я не могу опредѣлить, но кажется, что она простиралась вдоль Адриатическаго моря довольно далеко на югъ.

У меня давно, еще въ бытность мою професоромъ въ Одессѣ, списанъ изъ рукописи подъ № 36, изъ собранія Григоровичевыхъ рукописей, отрывокъ того же сказанія, который привожу здѣсь цѣлкомъ, потому, что онъ, примыкая къ этой редакціи сказанія, все-же кое въ чемъ отстываетъ и отъ парижской, и отъ бѣлградской рукописей.

Сказаніе ѿ обрѣтенія елефтер... о ѿ. -тихъ петцѣхъ.

Въ странѣ западни и въ градѣ нѣкоемъ бѣ множество жидовѣ, сърѣвнѣ же велѣ имѣхоу съ хрѣтіаны, ѿвѣ на тръжниціи^ѣ, ѿвѣ же въ градѣ, и оубивахъ се. При Карминѣ црѣ бы съборъ и рѣше къ хрѣтіанѣмъ жидове докѣлѣ ѿ намъ тръпѣти злобы сѣи и зрѣти оубивающихъ се междусѣбноу ратію чѣдомъ вашимъ же и нашимъ; НБ подобаетъ изъобрѣсти вамъ единого философа, намъ же другаго, даа ѿже аще прѣпритъ, томъ да вѣроумъ. Оугодна же сѣа быше хрѣтіанѣмъ. Жидове же избраше себѣ мужа именовемъ Тарасіа, хрѣтіане же избраше себѣ мужа бѣобознива, именовемъ Лефтеріа. И съходяща се въ единому храминуу прѣприрахъ се. Егда же бы третіе сънѣти се имъ поведе съ собою жидовинь сѣа своего, именѣ Малѣха. Егда же вындоше въ книжныя глѣбины, всевидѣцъ бѣ поможе Елефтеріѣ и прѣпре кого въ словесе^ѣ своихъ. Рече же жидовинь съ гнѣвомъ въмъ яко прѣпреа ме еси и истиннь ѿ бѣ пѣ вѣра ваша.

Законодавцоу Μωϋσεϋ сѣнь яви се, вам же истина яви се, ὡ δέβι бѣе рожен се ἕς... Дальше у меня нѣтъ, да кажется вообще, только этотъ отрывокъ остался.

Подъ № IV приводится съ нѣкоторыми пояснительными замѣтками текстъ, озаглавленный въ рукописи «Откровеніе», стало быть ἀποκάλυψις. Это заглавіе оставлено за текстомъ и у нашего издателя, хотя на дѣлѣ тутъ нѣтъ никакого откровенія апокалиптического характера, а скорѣе это вопросы 12-ти апостоловъ и отвѣты «Господни» поучительнаго свойства. Паралельнаго славянскаго текста пока не отыскано. Г. Соколовъ не могъ указать и на подходящий греческій текстъ. Мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Въ нѣмецкомъ журналѣ Jahrbücher für protestantische Theologie за 1886 годъ читаемъ отчетъ нѣмецкаго пастора Филиппа Мейера, бывшаго тогда въ Смирнѣ, о различныхъ разсмотрѣнныхъ имъ греческихъ рукописяхъ востока: «Nachrichten über einige bisher unbenutzte, theils auch unbekannte griechische Handschriften zur biblisch-apokryphen Litteratur». Между прочими рукописями упоминается codex Patmensis № 379, очень поздняя рукопись XVI вѣка, въ которой, подъ заглавіемъ Διήγησις καὶ διδασκαλίη τῶν ἀγίων ἀποστόλων περὶ τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης τεσσαρακοστῆς, содержится очевидно источникъ, прямой ли или косвенный (это пока не такъ важно) нашего «Откровенія». Въ доказательство сообщу содержаніе этого греческаго апокрифа въ томъ видѣ, какъ оно передается въ упомянутой статьѣ пастора Мейера: Послѣ вознесенія Господня собрались 12 апостоловъ въ Иосафатовой долини, и послѣ сорокадневнаго поста привидѣлась имъ ἑξέτασις слѣдующаго содержания: Въ пятницу, τῇ ἡμέρᾳ τῆς παρασκευῆς, по всей вѣроятности передъ пасхою, предсталъ передъ ними въ ореолѣ ангелъ Господень и сталъ благословлять ихъ за то, что они выдержали сорокадневный постъ. Петръ, первый изъ апостоловъ, обращается къ ангелу съ просьбою сообщить ему, какого вознагражденія они могутъ ожидать за свой постъ, чтобы объ этомъ передать и другимъ, дошедшимъ до познанія славы Христовой. Ему отвѣчаютъ: кто сорокъ дней постился и въ это время молился Богу и творилъ богоугодныя дѣла, тому будутъ прощены всѣ грѣхи; сорокъ ангеловъ сотрутъ рукописание грѣховъ его. Потомъ выступаетъ апостолъ Павелъ и спрашиваетъ: какое покаяніе церковь должна назначить πόρνοις, ἀρσενοχοίταις, μοίχοις καὶ κτηνοβάταις. И ему отвѣчаютъ точно, сколько времени какіе грѣшники должны быть отлучены отъ церкви. Апостолъ Андрей, смѣнившій апостола Павла, узналъ въ ангелѣ Господа и

просилъ его явиться имъ безъ преображенія. Тогда Господь предсталъ передъ ними τέλειος. Андрей желаетъ быть наученъ въ томъ, какую силу имѣютъ предъ Господомъ отдѣльные дни недѣли. Въ отвѣтъ, данномъ ему, выставляются среда и пятница какъ постные дни, воскресенье же должно быть празднуемо съ девятаго часу субботы; всякія дѣла и производство суда должны быть прекращены въ этотъ день. Іаковъ желаетъ узнать подробнѣе о постѣ по средамъ и пятницамъ. Отвѣтъ гласитъ, что διὰ τὴν παρασκευὴν и διὰ τὴν τετάρτην выйдутъ въ небесахъ на встрѣчу тому, кто въ тѣ дни усердно постился. Такому выйдутъ на встрѣчу также ἡ χοραχὴ съ седмию ангелами-лученосцами и представятъ его остальнымъ ангеламъ. Впрочемъ по средамъ-де надо поститься ради предательства, которое потерпѣлъ Христосъ въ этотъ день, а по пятницамъ ради дня смерти Господней. Тогда выступаетъ Θομα съ желаніемъ узнать, какое наказаніе должно постигнуть священника, покинувшаго церковь по дурнымъ причинамъ. Ему отвѣчаютъ очень подробно. На этомъ греческій текстъ прерывается.

Не трудно усмотрѣть въ этомъ греческомъ апокрифѣ источникъ славянскаго текста, не смотря на то, что греческій раньше прерывается, чѣмъ славянскій. Но уже изъ краткаго изложенія содержанія, приводимаго Ф. Мейеромъ, видно, что ходъ разсказа въ славянскомъ текстѣ пострадалъ отъ пропусковъ или сокращеній. Такъ, изъ нашего текста не видно, когда собственно «бысть на нихъ оужась», потому что послѣ сорока дней поста упоминаются опять какіе-то .ж. (20) дѣи и «днии мнози» и тогда только «ста прѣдъ ними ангель господень». Первый вопросъ апостола Петра выраженъ въ славянскомъ текстѣ сбивчиво, не сказано прямо, что апостолъ желаетъ узнать. И въ отвѣтъ ангела Господня не упоминается о прощеніи грѣховъ; о «потираниіи рукописанія» сказано такъ неопредѣленно, что я и не понялъ бы смысла этихъ словъ безъ помощи извлеченія, сдѣланнаго нѣмецкимъ ученымъ изъ греческой рукописи. Апостола Павла, выступающаго въ греческомъ текстѣ послѣ апостола Петра, въ славянскомъ сказаніи вовсе нѣтъ, и конечно, нѣтъ также тѣхъ вопросовъ, которые вложены ему въ уста Андрей, смѣнившій въ славянскомъ сказаніи апостола Петра, узнаетъ дѣйствительно Господа и по славянской редакціи, но о просьбѣ его, чтобы Христосъ предсталъ передъ ними τέλειος, не сказано ничего. Въ отвѣтъ Господа разсказывается приблизительно тоже, что въ греческой редакціи, но о чествованіи недѣли подробнѣе рѣчь идетъ потомъ; равно о запрещеніи судопроизводства въ воскресные дни

передается въ славянской редакціи дальше подъ поученіемъ, вызваннымъ апостоломъ Ѳомою. Разсказъ о вопросѣ Іакова и объ отвѣтѣ Господнемъ приблизительно совпадаетъ съ греческимъ текстомъ, судя по словамъ Ф. Мейера, хотя о семи ангелахъ съ лампадами у насъ не упоминается. Извлеченіе изъ греческаго текста о томъ, что сказано апостолу Ѳомѣ, столь коротко у Ф. Мейера, что нельзя судить о совпаденіи съ нимъ нашего славянскаго текста. Но замѣчательно во всякомъ случаѣ, что у насъ послѣ Ѳомы выступаетъ еще апостолъ Вареоломей, тогда какъ въ греческомъ текстѣ о немъ не упоминается вовсе.

III.

Центръ сочиненія проф. Соколова — въ его литературно-критическомъ разборѣ сказанія о крестномъ древѣ по той редакціи, которая присвоивается попу Іереміи. Такъ какъ этимъ вопросомъ уже раньше занимались разные ученые, преимущественно и подробнѣе всѣхъ академикъ А. Н. Веселовскій, то здѣсь автору представилась возможность отнестись критически къ нѣкоторымъ результатамъ предыдущихъ изслѣдованій и въ замѣнъ ихъ выставить свои особые взгляды. Этому критическому разбору, рядомъ съ подробнымъ анализомъ отдѣльных частей свода, посвящена почти половина сочиненія (стр. 108—211). Отмѣтимъ прежде всего, какіе выводы прежнихъ изслѣдователей принимаетъ авторъ безъ возраженій. Какъ извѣстно, имя Іереміи, какъ автора этой апокрифической компіляціи, нашлось до сихъ поръ только въ одномъ рукописномъ текстѣ, принадлежность же именно этой компіляціи попу Іереміи впервые угадана мною, даже раньше открытія, сдѣланнаго покойнымъ Андреемъ Поповымъ. Проф. Соколовъ противъ этого сопоставленія не возражаетъ, и ему кажется, что «напечатанная... компіляція апокрифовъ, встрѣчающаяся обыкновенно съ заглавіемъ «Слово о честномъ (крестномъ) дрѣвѣ», *можетъ* быть произведеніемъ пресвитера Іереміи, которому она приписывается какъ въ спискахъ (собственно говоря, только въ одномъ спискѣ, замѣчу я), такъ и въ постороннихъ свидѣтельствахъ, именно въ индексѣ ложныхъ книгъ и въ посланіи Іерусалимскаго мниха Аѳанасія къ Панку» (стр. 141—142). Дальше и онъ не прочь вѣрить, что «компіляція Іереміи дошла до насъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ знали ее авторъ замѣтки въ индексѣ и мнѣхъ Аѳанасій, объявившіе ее живыми баснями» (ibid.).

Но на этомъ общее согласіе прекращается. Дальнѣйшіе выводы г. Соколова противорѣчатъ взглядамъ, высказаннымъ когда-то мною и потомъ чаще А. Н. Веселовскимъ. У насъ не разъ повторялось, что «слово о крестномъ древѣ» — плодъ литературной дѣятельности богомильской. Впрочемъ тутъ я долженъ оговориться. Проф. Соколовъ напрасно приписываетъ мнѣ заслугу перваго отождествленія попа Іереміи съ попомъ Богомиломъ (на стр. 113). Оно принадлежитъ знаменитому Шафарикъ, написавшему въ 1853 году въ своихъ «*Památkach hlaholského písemnictví*» на стр. LX слѣдующія слова: «*Bohomil a Jeremias jest jedna a táž osoba, nosící, obučejem onoho věku, a zvláště Patarepův, dvoje jméno, jedno domácí čili slovanské, druhé řádové čili církevní*». Оно повторялось дѣйствительно потомъ и мною, и Рачкимъ, и другими. Но изучая подробнѣе этотъ предметъ, я давно уже убѣдился, что наши умозаключенія далеко не такъ прочны, какъ мнѣ казалось прежде. У меня хранится, къ счастью, документальное свидѣтельство о томъ, что я еще въ 188³/₂ году, читая въ С.-Петербургскомъ университетѣ лекціи по исторіи литературы у южныхъ славянъ, не раздѣлялъ моихъ прежнихъ взглядовъ. Литографированныя лекціи моего тогдашняго курса, составленныя очень тщательно подъ редакцію моего тогдашняго ученика, князя Шаховского (онѣ изданы подъ заглавіемъ «Исторія литературы у южныхъ славянъ»), говорятъ объ этомъ предметѣ на стр. 59—65 довольно обширно. Я позволю себѣ для выясненія моего отношенія къ труду проф. Соколова, изданному лѣтъ шесть спустя послѣ моихъ лекцій, перепечатать здѣсь изъ литографированнаго экземпляра только слѣдующія мѣста:

«Дѣло въ томъ, что Богомиль ни въ одномъ древнемъ памятникѣ не является дѣятелемъ литературнымъ, а таковымъ является прежде всего попъ болгарскій Іеремія. Приписывая богомиламъ главную дѣятельность по распространенію отреченныхъ книгъ и находя нѣкоторое сходство въ сюжетахъ проповѣдей богомильскихъ и сочиненій Іереміи, и Шафарикъ (*Památka hlaholsk. písemn.* 60) и Рачкій (*Rad. VIII, 95*) отождествляли эти двѣ личности, при чемъ послѣдній полагаетъ, что Іеремія принялъ названіе Богомиль, сдѣлавшись реформаторомъ; съ этимъ взглядомъ согласны также Голубинскій, Иречекъ и другіе. Но, кажется, надо по нѣкоторымъ соображеніямъ отъ него отказаться. Главное тутъ именно умолчаніе объ авторствѣ Богомила всѣхъ старѣйшихъ источниковъ. Такъ, не говоря о Козьмѣ, въ синодикѣ Бориса (1210 г.),

читаемъ только анаеема на «попа Богомила, иже при Петрѣ цари блъгарстѣмъ въспріемшаго манихейскжж сіж ересь и въ блъгарстѣи земли разсѣявшаго». Въ сборникѣ синод. библ. XVI в. (Опис. II. 3. 641) мы, правда, находимъ слова «творци быша еретическимъ книгамъ в' болгарской земли попь Еремѣи да попь Богомилъ», но это свидѣтельство позднее, да притомъ же оно какъ разъ различаетъ Богомила и Иеремію. Такъ же сомнительно и то мѣсто, которое найдено Срезневскимъ въ какомъ-то сборникѣ XV в. Новгородской Софійской бібліотеки, въ статьѣ о ересяхъ: «а еже о еретическихъ книгахъ Богѣмила попа, то блядство его злохытростно въ словѣ семь извѣщено потрошно», но далѣе тамъ о богомилской ереси ничего нѣтъ, а это упоминаніе книгъ можетъ быть только плодъ соображеній переписчика».

«Одинъ изъ важныхъ аргументовъ Рачкаго состоитъ въ томъ, что ему кажется возможнымъ приписать Богомилу такое произведеніе, которое по другимъ указаніямъ надо отнести къ сочиненіямъ Иереміи. Именно въ «Правилахъ русскаго перевода», пам. XVI в., говорится о «попѣ Богомилѣ иже блажняшеса о крестѣ христовѣ» (Rad, X, 239). Совершенно вѣрно, что и Иереміи приписывается сочиненіе о «крестѣ», но тамъ скорѣе прославляется крестъ этотъ, а между тѣмъ тутъ въ «правилахъ» далѣе читается (совсѣмъ согласно съ Козмою пресвитеромъ, даже дословно): «Богумилъ иже о крестѣ господни сице глаголетъ како са ему кланати, жидове бо на немъ сына божіа распаша». См. Іоаннъ Эксархъ, стр. 100. Разница на столько велика, что Иеремію нельзя даже считать непременно и принадлежащимъ къ богомилской ереси».

Кто сопоставитъ съ этимъ моимъ разсужденіемъ аргументацію проф. Соколова (на стр. 108—128), легко увидитъ, что я еще въ 1882 году излагалъ почти то же самое, что у проф. Соколова высказано въ слѣдующихъ двухъ выводахъ (на стр. 142):

«3. Анализъ содержанія Слова, сдѣланный Аѳанасіемъ и дополненный нами, приводитъ къ убѣжденію, что въ Словѣ Иереміи нѣтъ ничего богомилскаго.

«4. Пресвитеръ Иеремія не можетъ быть отождествляемъ съ попомъ Богомилломъ, распространителемъ ереси въ Болгаріи: для этого нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ».

Приведу еще изъ моихъ лекцій относительно словъ мниха Аѳанасія, направленныхъ противъ Панка, слѣдующій отзывъ: «Тутъ Иеремія, какъ видно, называется не проклятымъ Богомилломъ, а пресвитеромъ; Панко, повторяющій вслѣдъ за нимъ разсказъ о дрѣвѣ,

вовсе не спорить противъ поклоненія ему, а также расхочется съ богомилами и въ другихъ отношеніяхъ» (стр. 65).

Какъ видно, я раздѣлялъ еще въ 1882 году взгляды, подробно и съ большою убѣдительною изложенные въ сочиненіи проф. Соколова, какъ по отношенію Іереміи къ Богомилу, такъ и по отношенію апокрифической компиляціи къ наукѣ богомильской. Относясь такимъ образомъ вполне сочувственно къ его аргументаціи, укажу только на нѣкоторыя частности. Мнѣ кажется вполне удовлетворительно объясненнымъ (на стр. 110) заглавіе апокрифа въ рукописи бѣлградской, какъ «Слово и похваленіе Александрово». Точно такъ убѣдительно доказана (на стр. 117—119) зависимость замѣтки въ «Правилахъ русскаго перевода» отъ бесѣды Козмы пресвитера, на что указано мною еще въ лекціяхъ 1882 г. Но не убѣдилъ меня авторъ въ томъ, что онъ даже Панка старается освободить отъ принадлежности къ богомильской ереси. Едва-ли это вѣрно, по крайней мѣрѣ мнѣ представляется теперь этотъ вопросъ въ нѣсколько другомъ видѣ. Если Панко считалъ вино за причину перваго преступленія отца Адама, то это слишкомъ живо напоминаетъ требованіе богомильской ереси воздерживаться отъ вина, — нужды нѣтъ, что дальше сказано о снятіи съ него опалы благословеніемъ Христа. Точно также я не могу согласиться съ толкованіемъ автора, предложеннымъ въ примѣчаніи 1-омъ на страницѣ 120. Если Аванасій не подозрѣвалъ Панка въ превратномъ взглядѣ на бракъ и брачную жизнь, едва-ли нужно было ему высказывать такія общія мѣста, какъ: «законъ телесныи велить бракоу красною быти» или «не яко что странно естъвомъ лише прочіи дѣла пріимши». Нѣтъ, Аванасій, по моему, не усматривалъ въ Панкѣ «человѣка, признававшего законный бракъ».

Но спрашивается: не разрушается ли моя и моего въ этомъ пунктѣ единомысленника гипотеза, по которой апокрифическій сводъ Іереміи не былъ а priori дѣломъ богомильской ереси, уже тѣмъ, что я настаиваю на принадлежности Панка къ богомильству? Я думаю: нѣтъ. Панко могъ быть приверженцемъ богомильской науки и въ то же время увлекаться чтеніемъ апокрифическихъ текстовъ, не вышедшихъ непосредственно изъ богомильской школы, но обращавшихъ на себя вниманіе и богомиловъ, потому что эти тексты затрогивали вопросы нмъ очень близкіе и рассказывали вещи, для нихъ очень любопытныя. При этомъ не надо забывать, что богомилы могли читать апокрифическій рассказъ о крестномъ древѣ и толковать его по своему. Развѣ не послужило различное

толкованіе Священнаго Писанія поводомъ для многочисленныхъ ересей? Мнѣ кажется, авторъ упустилъ это изъ виду, когда черезъ-чуръ усердно сталъ защищать Панка отъ всякаго сообщничества съ богомилствомъ. Не во всѣхъ текстахъ, вращающихся въ средѣ той или другой секты, должна непременно заключаться вся суть ихъ религіознаго ученія. Читая въ извѣстномъ сводѣ, передающемъ цѣлую поэму о происхожденіи крестнаго древа, что оно произошло отъ древа Моисеева, Панко могъ и Моисея понимать по своему, т. е. именно въ этомъ дѣлѣ Моисей могъ быть, на его взглядъ, согласно богомилскому ученію, только орудіемъ коварнаго діавола.

Не соглашаясь въ этомъ принципиальномъ взглядѣ съ авторомъ, я конечно не принимаю всѣхъ пунктовъ его аргументаціи противъ богомилства нашего апокрифическаго свода. Я не считаю, какъ уже выше сказано, его богомилскимъ по происхожденію, но не нахожу въ немъ ничего антибогомилскаго въ томъ смыслѣ, чтобы этотъ текстъ не могъ найти большаго распространенія между богомилами. Такъ напримѣръ, я не вижу причины толковать эпизоды нашей апокрифической компіляціи о іерействѣ Христа и о томъ, какъ онъ плугомъ оралъ (на стр. 125—126), въ смыслѣ антибогомилскомъ, какъ нѣчто противорѣчащее богомилскому ученію. Это были въ глазахъ богомиловъ, допускавшихъ тоже священниковъ только не въ смыслѣ пышной византійской іерархіи, эпизоды такого невиннаго свойства, что могли даже очень имъ полюбиться: они очень хорошо подходили къ ихъ демократическому устройству церковной жизни.

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, подробное изложеніе которыхъ было бы здѣсь не кстати, явствуетъ моя точка зрѣнія по пятому пункту автора, гласящему на страницѣ 142 такъ: Посланіе мниха Аванасія, излагающее мнѣнія Панка, не можетъ служить основаніемъ для предположенія, что слово Іереми есть христіанская переработка богомилскаго сочиненія. Въ этомъ я согласенъ съ авторомъ, но сказалъ бы скорѣе на оборотъ: христіанское, но апокрифическое сочиненіе, источники котораго для насъ еще не вполне выяснились, получило очень рано примѣненіе въ литературѣ богомилской. Вообще (продолжаетъ авторъ) нѣтъ основаній предполагать, что богомилы были распространителями крестныхъ легендъ, которыя потомъ перерабатывались бы христіанами. И съ этимъ я согласенъ относительно послѣдней части, но отрицать живое участіе богомиловъ въ распространеніи многихъ апокри-

фовъ, подходившихъ болѣе или менѣе близко къ ихъ ученію, это, по моему, противорѣчитъ фактическимъ даннымъ южнославянскій исторіи литературы. Если у богомиловъ (такъ заканчиваетъ авторъ) и были крестныя легенды, то онѣ представляли собою приспособленіе къ ихъ ученію готовыхъ уже христіанскихъ легендъ. Съ этимъ я согласенъ, если подъ приспособленіемъ авторъ не подразумѣваетъ существенныхъ передѣлокъ, которыхъ существованіе по крайней мѣрѣ не доказано до сихъ поръ.

Наконецъ, авторъ задался очень не легкою задачею отвѣтить на вопросъ, какъ сложилась компіляція Іереміи о крестномъ древѣ. Этому анализу посвящена послѣдняя часть сочиненія (стр. 143—211). Хотя я не могу сказать, чтобы главное соображеніе автора, по которому слово Іереміино почерпнуло свой матеріалъ изъ пален, произвело на меня впечатлѣніе убѣдительности, все-же указаніе этой паралели между иными эпизодами слова и палеєю не должно считаться пропащимъ трудомъ. Я не могъ, правда, убѣдиться въ томъ, что Іеремія заимствовала отдѣльные эпизоды своей компіляціи прямо изъ пален (вѣдь паралельныхъ мѣстъ очень не много), но извѣстной, мнѣ пока неясной, связи слова съ палеєю я все-таки не смѣю отрицать. Мнѣ кажется только, что авторъ сильно преувеличиваетъ значеніе «буквальнаго сходства» даже тамъ, гдѣ оно дѣйствительно замѣчается. По моему, сходство содержанія, если оно не доходитъ до несомнѣнной зависимости даже въ выраженіяхъ и оборотахъ, не можетъ еще доказывать подчиненіе одного памятника другому. Въ большинствѣ случаевъ, приводимыхъ у автора въ видѣ паралели между словомъ и палеєю, сходство формальное ограничивается общими выраженіями или же такими простыми предложеніями, гдѣ сходство можетъ быть объяснено даже переводомъ съ греческаго источника въ двухъ пріемахъ, независимыхъ другъ отъ друга. Такое впечатлѣніе производитъ на меня паралель между словомъ и палеєю въ эпизодѣ о чудѣ въ Меррѣ. Рассказъ въ словѣ дѣйствительно короче, чѣмъ въ палеѣ, но я все-таки не рѣшился бы истолковывать очевидную связь между ними въ смыслѣ заимствованія слова изъ пален, потому что мыслимы предположенія и другого рода. Точно такъ, въ эпизодѣ о мѣдномъ змѣѣ сходство, правда, существуетъ, но можно ли утверждать, что слово несомнѣнно заимствовало свой текстъ изъ пален? Не думаю. Вѣдь и самъ авторъ не удовлетворялся однимъ сопоставленіемъ съ палеєю и привлекъ къ сравненію еще одно мѣсто изъ слова Григорія о крестѣ честномъ (на стр. 149). Самое замѣчательное совпаденіе

между словомъ и палеєю обнаруживается въ разсказѣ о повелѣніи Давида сыну Соломону построить храмъ по указанному образцу. Тутъ дѣйствительно не можетъ быть сомнѣнія даже въ формальной зависимости обоихъ текстовъ, не скажу — другъ отъ друга, но по крайней мѣрѣ отъ одного общаго для обоихъ источника. Бѣда только въ томъ, что приводимый паралельный текстъ палейный принадлежитъ очень позднему времени, и пока еще не извѣстно, существуетъ ли этотъ эпизодъ также въ богѣ древнихъ спискахъ толковой палеи? Только о коломенскомъ спискѣ могу навѣрное сказать, что тутъ его нѣтъ, хотя разсказъ доведенъ въ немъ до смерти Давида и царствованія Соломонова.

Эпизодамъ о разбойникѣ Амвросіи и Есромѣ нѣтъ источниковъ, на сколько знаемъ, въ палеѣ. Точно такъ для эпизода о посѣченіи древа и доставленія его въ Іерусалимъ самъ авторъ прибѣгаетъ за объясненіемъ къ посторонней помощи, т. е. къ сказаніямъ о крестномъ древѣ, озаглавленнымъ именами Григорія и Северіана, но вопросъ отъ этого не выигрываетъ, а только еще болѣе осложняется.

Мы стоимъ по видимому все еще передъ трудно рѣшимымъ вопросомъ, въ которомъ можетъ быть играла нѣкоторую роль также палея, чѣмъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало сказано, потому что и происхожденіе этого памятника пока покрыто еще мракомъ загадочности.

Будемъ надѣяться, что дальнѣйшія разысканія въ области апокрифической литературы греческой помогутъ разсвѣять и этотъ мракъ. Счастливый случай можетъ разъяснить намъ вопросъ, кто такой былъ Іеремія, и принадлежалъ ли онъ первоначально къ греческой или къ болгарской литературѣ? Если къ послѣдней, какъ втихомолку почти всѣми изслѣдователями предполагается, въ такомъ случаѣ онъ могъ быть компиляторомъ извѣстнаго намъ свода не только изъ греческихъ источниковъ, но и изъ готовыхъ уже славянскихъ переводовъ. Но мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что этотъ сводъ цѣликомъ переведенъ на славянскій языкъ съ греческаго. Я ставлю его въ извѣстномъ смыслѣ рядомъ съ южнославянскою (сербскою) редакціей Александрія.

Всѣ качества сочиненія проф. Соколова — богатое содержаніе новыхъ текстовъ, подробный анализъ каждаго изъ нихъ, а въ особенности остроумныя соображенія насчетъ апокрифическаго сказанія о крестномъ древѣ, — представляютъ этотъ трудъ въ такомъ видѣ, что онъ безусловно достоинъ награжденія одною

изъ премій, находящихся въ распоряженіи Императорской Академіи Наукъ.

Вѣна, 1 мая 1891 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Послѣ того, какъ отзывъ мой о книгѣ проф. Соколова былъ уже отправленъ въ Академію, случайное обстоятельство дало мнѣ возможность получить греческій текстъ указаннаго выше апокрифа: «Разсказъ и поученіе двѣнадцати апостоловъ». Проф. Р. Липсіусъ въ Іенѣ, къ которому я обращался по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, упомянувъ при этомъ только вскользь и о нашемъ пробѣлѣ, обрадовалъ меня извѣстіемъ, что копія съ греческой рукописи, о которой была рѣчь выше, находится въ его рукахъ, и выразилъ готовность уступить ее мнѣ для пользованія. Приношу искреннѣйшую благодарность знаменитому ученому за эту любезность, а текстъ печатаю по доставленному мнѣ списку въ этомъ приложеніи.

Διδασκαλία τῶν ἁγίων ἀποστόλων περὶ τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς.

Διήγησις καὶ διδασκαλία τῶν ἁγίων ἀποστόλων περὶ τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης τεσσαρακοστῆς. Εὐλόγησον πάτερ.

Ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις μετὰ τὸ ἀναστῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ ἐμφανεσθῆναι αὐτὸν τοῖς ἁγίοις μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις, εἶτα καὶ ἀναληφθῆναι εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν, κατήλθον οἱ μαθηταὶ οἱ δώδεκα ἐν τῇ κοιλάδι τοῦ Ἰωσαφάτ καὶ ἐνεδυμᾶτο ἕκαστος ἐξ αὐτῶν περὶ τῶν ἀπίστων ἀνθρώπων καὶ ἐκάστου τῶν πταισμάτων οἷς πταίουσιν οἱ ἄνθρωποι, πῶς ἄρα γίνονται καὶ ἵνα γινώσκωνται τί μέλλουσιν ἐργάσασθαι ἵνα συγχωρηθῶσιν ἀπὸ τῶν πταισμάτων αὐτῶν. καὶ ποιήσαντες ἡμέρας τεσσαράκοντα ἐν τῇ κοιλάδι τοῦ Ἰωσαφάτ, νηστεύοντες καὶ προσευχόμενοι, ἐγένετο αὐτοῖς ἑκστασις ἡμέρας δέκα. καὶ μετὰ ταῦτα φῶς ἔλαμψεν αὐτοῖς τῇ ἡμέρᾳ τῆς παρασκευῆς καὶ ἔστη κατ' ἐνώπιον αὐτῶν ἄγγελος Κυρίου καὶ λέγει αὐτοῖς· θαρσεῖτε οἱ πολλὰ κοπίασάντες τὰς (ב' ρυκ. ταῖς) τεσσαράκοντα ἡμέρας ταύτας ἐν νηστείαις καὶ προσευχαῖς καὶ χαρμοκοιτίαις· καὶ χαίρετε ὅτι ἀποδώσει ὑμῖν ὁ θεός

τὸν μισθὸν ὑμῶν τῶν κεκοπακότων ἐν ταύταις ταῖς ἀγίαις ἡμέραις. Ἀναστάς δὲ ὁ Πέτρος ὡς πρῶτος τῶν ἀποστόλων πρὸς τὴν θεωρίαν, ἀπελογήσατο· Κύριε, θεωρῶ τὸ πρόσωπόν σου ὡς τὸ πρόσωπον τοῦ διδασκάλου μου, τοῦ ἀναληφθέντος ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ἐξαστράπτοντα (sic), καὶ φόβος ἡμᾶς περιέσχε σφόδρα. νῦν δὲ ἐρωτῶ ὁ δούλος σου περὶ τῶν τεσσαράκοντα ἡμερῶν. ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ἄγγελος εἶπεν· λάλησον ῥῆμα πιστόν. λέγει ὁ Πέτρος· ἀποκάλυψόν μοι, Κύριε, τί ἐστὶν ὁ μισθὸς τῶν τεσσαράκοντα ἡμερῶν ἕως τὸ πάσχα, ἵνα κἀγὼ ἀναγγείλω τοῖς γινώσκουσιν τὴν δόξαν τοῦ Χριστοῦ. λέγει ὁ ἄγγελος· ὁ μισθὸς τῶν τεσσαράκοντα ἡμερῶν πολὺς ἐστὶν τοῖς νηστεύουσιν αὐτάς· εἰλικρινῶς καὶ ἀμέμπτως, τὰς εὐχαριστίας τῷ θεῷ νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἀναπέμποντες (sic). οἱ δὲ προσκαρτεροῦντες ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ ἐν προσευχαίᾳ καὶ νηστείαις καὶ δεήσεσι, λέγει ὁ Δαβὶδ· μακάριοι οἱ ἐξερευνῶντες τὰ μαρτύρια αὐτοῦ, ἐν ὅλῃ καρδίᾳ ἐκζητήσουσιν αὐτόν. εἰ δὲ ἔχει τις ἁμαρτίαν πλήθους πολλοῦ καὶ νηστεύσει τὴν ἀγίαν καὶ μεγάλην τεσσαρακοστήν· εἰλικρινῶς, μεταδούς τοῖς πτωχοῖς τὴν καθημερινὴν τροφήν καὶ περιβόλαια ἐνδύων γυμνοὺς καὶ ἀπόρους εἰς πορισμὸν ποριζόμενος, μακαρίζουσιν αὐτὸν πᾶσαι ἀγίων χορεῖαι καὶ ἀγγέλων ἀριθμὸς τεσσαράκοντα ἴστανται ἀπέναντι, ἐξαλείφοντες τὸ χειρόγραφον τῶν ἁμαρτιῶν αὐτοῦ.

Προσελθὼν δὲ καὶ Παῦλος ὁ ἀπόστολος ἐπερωτᾷ περὶ τῶν πόρνων καὶ ἀρσενοκοίτων. καὶ λέγει ὁ ἄγγελος· ὁ πόρνος οὐκ ἔχει τι ἀπολογίαν δοῦναι, ὅτι ὁ πύρινος ποταμὸς ἑαυτὸν ἀναμένει· ὁμοίως δὲ καὶ τὸν ἀρσενοκοίτην τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον ἐνδέχεται καὶ ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος. ἐὰν δὲ καὶ μετανοήσωσιν καὶ ἀπέχωνται ἀπὸ τῶν (sic) ἀσελγείας αὐτῶν καὶ ἀνομίας· ὁ μὲν ἀρσενοκοίτης ἔτη ιβ' καὶ δέχεται αὐτόν ἡ ἐκκλησία τοῦ θεοῦ, ὁ πόρνος ἔτη τρία, ὁ δὲ μοιχὸς ἔτη ὀκτώ, ὁ δὲ κτηνοβάτης ἔτη ἑννέα, ὁ φονεὺς ἔτη δώδεκα, ὁ κλέπτης ἡμέρας τεσσαράκοντα, ὁ ὀμνῶν ἀδίκως χρόνον ἑνα, ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι ἡ βλασφημία ἡμέρας τεσσαράκοντα. ἡ διγαμία ἔτη ἑπτὰ. καὶ οὐ παρέρχονται τοὺς χρόνους ἀπλῶς οἱ πάντες, ἀλλὰ νήφοντες καὶ ἐγρηγοροῦντες ἐν προσευχαίᾳ καὶ νηστείαις καὶ ἐλεημοσύναις, καθὼς ὑμᾶς ἅπαντας ἔχει διδάξει ὁ γνήσιος ὑμῶν πατήρ καὶ πνευματικὸς. καὶ ἐὰν οὕτως διαπραξώμεθα, κληρονόμοι γενόμεθα καὶ βασιλείας οὐρανῶν. εἰ δὲ ἐπιμένουσιν οὗτοι πάντες ἐν ταῖς ἀσελγείαις αὐτῶν, αὐαὶ αὐτοῖς ἔσται.

Ὅμοιως δὲ καὶ Ἀνδρέας λέγει· Κύριε, γνωρίζω, ὅτι σὺ εἶ ὁ διδάσκαλος, καὶ γὰρ ἡ λαλιά σου μνηνεύει ὅτι σὺ εἶ ὁ Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος· καὶ ἐν σχήματι δούλου ἐφάνης τοῖς δούλοις σου περᾶσαι ἡμᾶς. καὶ νῦν, Κύριε, γινώσκω, ὅτι σὺ εἶ μετὰ τῶν δούλων σου· ὁρῶ γὰρ κυκλοῦντα σὲ δυνάμεις ἐν ποικίλαις μορφαῖς, καὶ ζῶα ἄγια ἐξαπτέρυγα μετὰ φόβου βοοῦν· δόξα ἐν ὑψίστοις θεῷ καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη. ἀκούσας δὲ ταῦτα

ὁ σωτῆρ, ἐμφανίσθη αὐτῷ τέλειος. καὶ εἶπεν Ἀνδρέας· Κύριε, δεῖξον μοι τῶν ἐπτὰ ἡμερῶν τῆς ἐβδομάδος ἐν ποιά δόξῃ παρίστανται σοι; ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Κύριος λέγει αὐτῷ Ἀνδρέα, ὡσπερ ἀστὴρ ἀστέρος διαφέρει, οὕτω καὶ ἡ πρώτη ἡμέρα διαφέρει ἐν δόξῃ· πρώτη δὲ ἐστὶν ἡμέρα, ἐν ἣ ὁ πατὴρ ἐποίησε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ μείζων πάντων εὐρέδῃ. διὰ τοῦτο καὶ Κυριακὴν αὐτὴν ἐκάλεσεν. Ἐπειτα δὲ ἐποίησε τοὺς δύο φωστῆρας τοὺς μεγάλους εἰς διακόσμησιν τῆς ἡμέρας καὶ νυκτός· τὸν μὲν ἕνα ἐκάλεσεν ἥλιον, καὶ ἔστιν ἐπ' ἐξουσίαν τῆς ἡμέρας, τὸν δὲ ἄλλον σελήνην εἰς ἐξουσίαν τῆς νυκτός. τῇ τετάρτῃ ἡμέρᾳ ἐποίησεν ἔργον δικαιοσύνης καὶ νηστείας. τῇ ἑ-τῇ τὴν διαχώρῃσιν γῆς τε καὶ ὕδατος. τῇ ἕκτῃ ἡμέρᾳ ἔπλασε τὸν ἄνθρωπον, τὰ κτήνη, τὰ ἐρπετά, τοὺς ἰχθύας καὶ ὅσα ἐν τοῖς ὕδασι. καὶ τῇ ἑβδόμῃ κατέπαυσεν ἀπὸ παντός ἔργου, ἤγουν τὸ σάββατον, καὶ ἔστησεν κεφάλαιον τῶν ζ' ἡμερῶν τὴν ἁγίαν Κυριακὴν. διὰ τοῦτο μακάριος ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ὁ μετὰ εἰλικρινοῦς καρδίας νηστεύων καὶ προσευχόμενος τετράδην καὶ παρασκευὴν, καὶ τρισμακάριος ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος ὅστις τὴν ἁγίαν Κυριακὴν φυλάττων ἀπὸ ὥρας ἐνάτης τοῦ σαββάτου καὶ μὴ ἐργαζόμενος ἐν αὐτῇ. καὶ αὐαὶ τῷ λαμβάνονται δικαστὴν αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ.

Προσελθὼν δὲ ὁ Ἰάκωβος ἐπηρώτησεν τὸν Κύριον λέγων· Κύριε, τί ἐστὶν ὁ μισθὸς τῆς τετράδης καὶ παρασκευῆς ὁ νηστεύων (sic); εἶπεν ὁ Κύριος· μακάριος ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ὁ περιπατῶν ἐν αὐταῖς ἐν νηστείαις καὶ προσευχαῖς, ὅτι ὅταν ἔλθῃ ἡ ψυχὴ αὐτοῦ ἐκ τοῦ σώματος, προσπαπντᾶ αὐτῷ ἡ δικαία παρασκευὴ καὶ ἡ δικαία τετράδῃ λέγοντες· χαίροις ψυχὴ δικαία, ἡ πολλὰ κοπιᾶσασα ἐπὶ τῆς γῆς· νῦν δὲ, εὐφραίνου καὶ ἀγάλλου καὶ χαίρου καὶ κατάμενε ἐν τῷ τόπῳ σου. ἔρχεται δὲ καὶ ἡ Κυριακὴ μετὰ ἐπτὰ ἁγίων ἀγγέλων λαμπροφώρων, καὶ ἀσπάζονται αὐτὴν, λέγουσα τοῖς ἀγγέλοις· ἴδετε ψυχὴν δικαίαν, ἴδετε ψυχὴν νηστευτικὴν, ἴδετε ψυχὴν ἡ φυλάξασα τὸ κατ' εἰκόνα αὐτῆς, ἴδετε ψυχὴν ἣτις μώλωπα οὐκ ἔχει, ἀλλὰ καλῶς ἠγωνίσασατο ἐπὶ τῆς γῆς. διὰ τοῦ(το) χαίρουσιν ἐπ' αὐτὴν οἱ ἄγγελοι καὶ πᾶσαι αἱ δυνάμεις τῶν οὐρανῶν. οὗτος ὁ μισθὸς ἐστὶν ὁ (τῶν) τὴν τετράδην καὶ τὴν παρασκευὴν νηστευόντων, ὅτι ἡ μὲν τετράδῃ τετίμηται διὰ τὴν προσδόσιν, ἡ δὲ παρασκευὴ διὰ τὴν σταύρωσιν, ἡ δὲ Κυριακὴ διὰ τὴν ἁγίαν ἀνάστασιν. καὶ μακάριοι οἱ φυλάσσοντες αὐτάς ἀπὸ παντός ἔργου πονηροῦ καὶ πάσης ἀκαθαρσίας. ἐὰν δὲ μὴ ἀκούσωσι καὶ μὴ φυλάξουσιν ταῦτα, ἀποστελῶ αὐτοῖς μάχαιραν καὶ λιμὸν καὶ αἰχμαλωσίαν, καὶ αὐαὶ αὐτοῖς ἔσται αὐαὶ δὲ τοῖς κοινωνοῦσιν τῶν ἀχράντων μυστηρίων τὴν ἡμέραν τῆς ἁγίας Κυριακῆς μετὰ καθαρᾶς συνειδήσεως.

Προσελθὼν δὲ ὁ Θωμαῆς ἐπερώτα τὸν Κύριον λέγων· διδάσκαλε, οἱ φυλάξαντες ταῦτα, τί ἔσται ὁ μισθὸς αὐτῶν; ὁ σωτῆρ εἶπεν· μετὰ ἀγγέλων

ἀγάγονται εἰς αἰῶνας αἰῶνος. ἀποκριθεὶς ὁ Θεομᾶς ἐπέρωτα τὸν Κύριον. Κύριε, ἐὰν ἱερεὺς ἀφήσῃ τὴν ἐκκλησίαν αὐτοῦ ἕνεκεν πραγματίας αὐτοῦ καὶ αἰσχροκερδίας ἢ αἰσχροκερδίας (sic) ἢ αἰσχρολογίας, τί ἐστὶν ἡ κόλασις αὐτοῦ; ὁ σωτὴρ λέγει· ἐὰν ἐπιμένῃ καὶ οὐκ ἐπιστρέψῃ, καταδικάζεται ὡς ὁ πόρνος εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον. εἰ δὲ μετανόησῃ καὶ ἐπιστρέψῃ, εὐλογεῖται ὑπὸ τοῦ ἀρχιερέως καὶ καθίσταται πάλιν εἰς τὴν ἑαυτοῦ τάξιν (reliqua desunt).

V.

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Г. ЧЕЧУЛИНА: „ГОРОДА МОСКОВСКАГО ГОСУ- ДАРСТВА ВЪ XVI ВѢКѢ“,

составленный профессоромъ В. О. Ключевскимъ.

Книга г. Чечулина представляет двойной интересъ, собственно историческій и методологическій: первый заключается въ предметѣ изслѣдованія, второй въ его матеріалѣ. По свойству явленій, на которыя обращено особенное вниманіе автора, его трудъ можно назвать изслѣдованіемъ о социальномъ-экономическомъ положеніи городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Основнымъ источникомъ служили автору писцовыя книги. Социально-экономическое положеніе городского населенія едва-ли не наименѣе изученный вопросъ въ исторіи древнерусскаго города, и потому задача автора сама по себѣ, независимо отъ постановки, какая дана ей въ книгѣ, можетъ быть признана очень удачною, какъ рассчитанная на восполненіе замѣтнаго пробѣла въ русской исторической литературѣ. Писцовыя книги, принимая этотъ терминъ въ общемъ родовомъ значеніи, можно причислить къ наименѣе разработаннымъ источникамъ нашей исторіи. По характеру своему онѣ требуютъ особыхъ приемовъ изученія и отъ удачнаго выбора этихъ приемовъ существенно зависитъ успѣхъ разрѣшенія вопросовъ, на которые даютъ отвѣтъ писцовыя книги. Между тѣмъ въ изученіи этого источника еще не установились твердые, общепризнанные и испытанные приемы, хотя мы и имѣемъ такіе удачные опыты обработки отдѣльныхъ вопросовъ по писцовымъ книгамъ, какъ извѣстные труды гг. Перетятковича и Соколовскаго. Потому, слѣдя за любопытными данными, извлекаемыми г. Чечулинымъ изъ этого источника, невольно присматриваешься и къ тому, какъ онъ это дѣлаетъ; его методика не останется безъ вліянія на дальнѣйшую разработку

писцовыхъ книгъ. Самъ авторъ такъ ставитъ и такъ разрѣшаетъ свою задачу, что методологическій интересъ его труда выдвигается даже на первый планъ. Такъ какъ авторъ подвергаетъ матеріалъ, заключающійся въ писцовыхъ книгахъ, подробному разбору, группируетъ, сопоставляетъ и истолковываетъ ихъ данныя, заставляя и читателя присутствовать при этой работѣ, то его изслѣдованіе о городахъ по писцовымъ книгамъ можно назвать и изслѣдованіемъ о писцовыхъ книгахъ, насколько онѣ касаются городовъ. Потому всего удобнѣе начать разсмотрѣніе книги г. Чечулина съ постановки его задачи и съ приемовъ ея разрѣшенія.

Постановка задачи у автора тѣсно связана съ источниками его изслѣдованія. Онъ нашелъ 44 особыхъ описанія 39 городовъ въ книгахъ писцовыхъ и другихъ родственныхъ имъ по содержанію и назначенію документахъ, опредѣляющихъ платежныя средства населенія Московскаго государства XVI вѣка, въ книгахъ платежныхъ и приправочныхъ, сотныхъ выписяхъ и т. п. Сверхъ того въ разметномъ спискѣ 1545—1546 гг. есть краткія свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ городахъ Новгородской области и между прочимъ въ Порховѣ, Старой Русѣ и самомъ Новгородѣ, особыхъ описаній которыхъ не найдено. Большая часть этого матеріала (27 описей изъ 44) извлечена авторомъ изъ неизданныхъ рукописей Публичной библіотеки въ Петербургѣ и изъ московскихъ архивовъ министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи. Значительное большинство описаній (34 изъ 44) относится ко второй половинѣ XVI вѣка. Наибольшее число городовъ, описанія которыхъ нашелъ авторъ, принадлежало областямъ Новгорода и Пскова (22 изъ 39); изъ остальныхъ городовъ одинъ (Торопецъ) находился на сѣверозападной окраинѣ государства, 5 въ центральныхъ областяхъ, 3 на юго-восточной окраинѣ и 8 на южной. Авторъ замѣчаетъ, что не дошло описанія ни одного города сѣверовосточной полосы, областей Двинской и Камской (стр. 22). Въ этомъ замѣчаніи есть какое-нибудь недоразумѣніе. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія совѣтникъ пермской казенной палаты В. Берхъ нашелъ въ соликамскомъ магистратѣ писцовыя книги Соликамска и Чердыни съ ихъ уѣздами, составленныя писцомъ Яхонтовымъ въ 1579 г., и въ своей книгѣ *Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ* (Спб. 1821) привелъ любопытныя извлеченія изъ этихъ книгъ. Кромѣ того копію съ этихъ книгъ Берхъ послалъ тогдашнему любителю отечественныхъ древностей гр. Румянцеву и эта копія вошла въ составъ собранія рукописей Румянцевскаго музея и отмѣчена Востоковымъ въ его опи-

саніи (№ 308). Можно пожалѣть, что авторъ не воспользовался этими книгами, если имѣлъ къ тому возможность.

Авторъ тѣсно связалъ свое изслѣдованіе съ довольно однообразнымъ матеріаломъ, предпринявъ изученіе городовъ по писцовымъ книгамъ. Такая связь наложила на изслѣдователя двойное стѣсненіе: съ одной стороны, онъ разсматривалъ состояніе городовъ только въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ писцовыя книги, а съ другой,— и въ писцовыхъ книгахъ онъ разбираалъ только части, описывающія состояніе городовъ. Авторъ не взялъ ни цѣльнаго предмета, ни цѣльнаго источника, и потому избранный имъ источникъ стѣснялъ его взглядъ на предметъ изслѣдованія, а предметъ затруднялъ его отношеніе къ источнику. Отсюда вышли два ряда неудобствъ, съ которыми пришлось бороться автору и которыя онъ одолевалъ не съ одинаковымъ успѣхомъ: одни изъ нихъ вытекали изъ отношенія автора къ основному источнику другія изъ отношенія этого источника къ предмету изслѣдованія.

Во-первыхъ, тѣмъ, что авторъ положилъ въ основу своего труда только отдѣлы писцовыхъ книгъ о городахъ, можно объяснить отсутствіе въ его изслѣдованіи обстоятельнаго критическаго разбора его источника въ полномъ составѣ. Можно согласиться съ мнѣніемъ автора, что въ XVI в. еще не было выработано общаго плана писцовыхъ книгъ и не успѣли установиться ихъ виды (стр. 24 и 25). Но и помимо этого писцовыя книги возбуждаютъ много вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо для того, чтобы правильно пользоваться этимъ источникомъ. Писцовое дѣло въ древней Руси было довольно сложной операціей, имѣвшей свою технику, свои приемы, обычаи и задачи, даже свои погрѣшности. Вслѣдствіе того не всѣ данныя, сообщаемыя писцовыми книгами, имѣютъ одинаковую цѣну для изслѣдователя. Рано, можетъ быть еще со временъ Степана Бородатаго, знаменитаго московскаго писца и публициста XV в. на писцовыя книги котораго не разъ ссылаются документы послѣдующаго времени, древнерусскій писецъ началъ вносить въ свои описи условные знаки, термины, формулы. Важно знать, отражались ли въ этихъ условныхъ приемахъ какія-либо дѣйствительныя, житейскія отношенія, или они служили только техническими удобствами для писца. Еще важнѣе разъяснить, какими способами и какія данныя добывалъ писецъ и какую цѣну придавалъ онъ разнымъ категоріямъ данныхъ, что онъ разслѣдовалъ самъ, что узнавалъ отъ отвѣтственныхъ мѣстныхъ показателей, окладчиковъ и т. п., что наконецъ заимствовалъ изъ прежнихъ описей. Вообще не мало-

важный для изслѣдователя вопросъ — степень участія личнаго усмотрѣнія писца въ пріемахъ и составѣ описи, особенно въ установленіи единицъ и размѣровъ податнаго обложенія; не рѣшивъ этого вопроса, можно принять капризъ писца за бытовую норму. Личныя соображенія писца несомнѣнно находили себѣ извѣстный просторъ и среди точныхъ указаній писцоваго наказа; иначе были бы непонятны жалобы тяглыхъ людей на то, что писецъ обложилъ ихъ слишкомъ тяжело. Иногда это личное усмотрѣніе, неизбѣжное въ такомъ дѣлѣ, какъ будто даже граничило съ злоупотребленіемъ. Здѣсь можно припомнить мѣсто изъ письма къ кн. В. В. Голицыну его управляющаго Боева, гдѣ послѣдній увѣдомляетъ князя, что его сыну по милости одного радѣтеля писецъ отмежевалъ земли на 450 четей, «а сказываютъ, что будетъ по его межеванью и на 1000 четвертей». Вообще писцовыя книги задаютъ очень много дѣла исторической критикѣ и ожидать приступа къ нему въ книгѣ г. Чечулина было тѣмъ естественнѣе, что онъ положилъ начало этой работѣ въ статьѣ о переписяхъ въ Россіи до конца XVI в. и имѣлъ образцовое руководство въ извѣстной статьѣ Неволіна объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи. Притомъ критика писцовыхъ книгъ предохранила бы автора отъ нѣкоторыхъ напрасныхъ усилій и указала бы ему, какіе вопросы можно рѣшить по нимъ и какихъ нельзя. Писцовая книга — очень хорошій историческій свидѣтель, который можетъ много и правдиво разсказать; но ее надобно спрашивать только о томъ, о чемъ она можетъ разсказать; иначе ея показанія не разъяснятъ, а запутаютъ дѣло. Не разъ авторъ съ своей обычной добросовѣстностью усиливается объяснить какой-нибудь темный или своеобразный терминъ либо неясное показаніе писцовой книги; но такъ какъ онъ ищетъ объясненія въ этой же книгѣ, которая его не даетъ, то онъ, какъ въ уравненіи съ двумя неизвѣстными, дѣлаетъ разныя предположенія, которыя однако обыкновенно разрѣшаются тѣмъ окончательнымъ выводомъ, что положительно утверждать этого нельзя, что прямыхъ указаній для рѣшенія этого нѣтъ и т. п. (см. наприм. стр. 61, 71, 232).

Съ отсутствіемъ критики писцовыхъ книгъ тѣсно связаны по своему происхожденію нѣкоторыя, такъ сказать, техническія недостатки или пробѣлы въ обработкѣ матеріала, какой черпалъ авторъ изъ писцовыхъ книгъ. Его книга при бѣгломъ просмотрѣ можетъ показаться сводомъ сыраго матеріала, простымъ пересказомъ городскихъ описей. Но такое впечатлѣніе далеко не будетъ соотвѣтствовать настоящей научной цѣнѣ разсматриваемаго сочиненія. Оно

потребовало отъ автора большой черновой работы, которая осталась малозамѣтной для читателя, въ большинствѣ случаевъ не нашедши себѣ мѣста даже въ примѣчаніяхъ. Приходилось группировать разнообразный статистическій матеріалъ, бороться съ неполнотою данныхъ и пополнять пробѣлы источника, провѣрять итоги писцовъ и выводить свои, высчитывать процентныя отношенія, составлять перечни, возстановлять смыслъ терминовъ и отношеній, уже непонятныхъ современному читателю. Кто знакомъ съ своеобразными и часто своеобразными приемами древнерусскихъ писцовъ и съ неисправнымъ видомъ, въ какомъ дошли до насъ многія писцовыя книги особенно XVI вѣка, тотъ пойметъ всю тяжесть и оцѣнить значеніе такихъ предварительныхъ черновыхъ работъ. Жаль, только, что авторъ не вездѣ доводилъ до конца эти работы. Онъ разбиралъ и обобщалъ преимущественно статистическія данныя писцовыхъ книгъ, касающіяся населенности городовъ, раздѣленія городского населенія по классамъ и занятіямъ, состоянія торговли и промышленности, видовъ и количества торгово-промышленныхъ заведеній, размѣровъ повинностей и т. п. Чтобы сдѣлать для читателя возможнымъ и удобнымъ общее обозрѣніе этихъ данныхъ, необходимы таблицы, которыхъ не находимъ въ изслѣдованіи, и точные итоги, которые не вездѣ выведены. Читателю приходится самому составлять тѣ и другіе, продолжая работу автора, чтобы не потерять значительной части результатовъ ея изученія. Въ этихъ таблицахъ должны быть сведены данныя, составляющія существенное содержаніе писцовыхъ книгъ, и составъ самыхъ таблицъ долженъ быть соображенъ съ цѣльнымъ составомъ писцовыхъ книгъ, слѣдовательно основанъ на изученіи послѣднихъ въ полномъ ихъ объемѣ. Безъ этихъ приспособленій нѣкоторые выводы автора, особенно его вычисленія, могутъ вызвать недоумѣніе ¹⁾. Точно также

¹⁾ Ограничимся немногими примѣрами. Опредѣляя развитіе ремеслъ въ новгородскихъ пригородахъ, авторъ по книгѣ 1500 г. насчитываетъ въ Ивановгородѣ ремесленниковъ 39 чел. или 23% общаго числа населенія города (стр. 51). Но выше въ описаніи этого города (стр. 38) общее число его населенія не было выведено. По перечню автора мы считаемъ 201 чел.; но 39 не составитъ 23% этой суммы. Вѣроятно, авторъ принялъ въ расчетъ только 169 торговыхъ людей и казаковъ, отбросивъ почему-то 4 купцовъ, 1 попа и 27 дворниковъ. Въ Орѣшкѣ авторъ считаетъ только двухъ указанныхъ въ книгѣ ремесленниковъ, пастуха и скомороха. Положимъ, что другихъ и не было. Общій итогъ людей и здѣсь не выведенъ (стр. 37). По частнымъ итогам автора тяглыхъ и нетяглыхъ выходитъ 261. Но 2 не составитъ полного 1% этой суммы, какъ выводитъ авторъ. Впрочемъ и частные итоги не совсѣмъ ясны. Авторъ счи-

не выяснено достаточно отношеніе автора къ нѣкоторымъ особенностямъ писцовыхъ книгъ, затрудняющимъ ихъ изученіе. Такъ итоги въ нихъ нерѣдко расходятся съ перечнями; это происходило отъ разныхъ причинъ, которыя необходимо выяснять въ каждомъ данномъ случаѣ, чтобы рѣшить, принять ли итогъ, или перечень за основаніе разсчета. Авторъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно вводитъ въ изслѣдованіе свои итоги даже тогда, когда признаетъ итогъ источника вѣрнымъ и слѣдовательно свой невѣрнымъ (стр. 60, прим. 2). Въ итоги обывателей дворовъ писцовыя книги XVI в. вводятъ только поименованныхъ въ перечняхъ главъ семействъ, отвѣтственныхъ за дворовыя тягла, обыкновенно не упоминая о дѣтяхъ и младшихъ родственникахъ этихъ главъ. Но иногда онѣ ставятъ при имени главнаго обывателя двора глухое указаніе и на младшихъ членовъ его семьи: «дворъ Якова съ дѣтьми» и т. п. Авторъ усвоилъ себѣ правило принимать здѣсь «возможный *minimum*», предполагать по двое дѣтей или братьевъ и считать въ упомянутомъ примѣрномъ дворѣ Якова «не менѣе» 3 человекъ (стр. 35, прим. 1). Но такихъ количествъ съ оговоркой «не менѣе» нельзя ввести въ точный итогъ, а изъ итоговъ, такъ составленныхъ, мало что можно вывести, не говоря уже о томъ, что нѣтъ видимой нужды въ такомъ приемѣ и сами писцы не вводили такихъ глухихъ отмѣтокъ въ свои итоги.

Большее вниманіе къ техникѣ писцоваго дѣла, вѣроятно, удержало бы автора и отъ другаго сомнительнаго приема, имѣющаго болѣе важное значеніе. Авторъ призналъ необходимымъ найти способъ хотя приблизительно высчитывать по даннымъ писцовыхъ книгъ полное число жителей извѣстнаго города. Писцовыя книги XVI в. показываютъ только число дворовъ, обозначая въ каждомъ одного или нѣсколько взрослыхъ представителей, главъ семействъ. Можно было бы высчитать среднее число людей на дворъ по переписнымъ книгамъ XVII в., въ которыхъ перечислялось все мужское населеніе дворовъ. Но авторъ справедливо полагаетъ, что численный составъ двора въ XVII в. могъ измѣниться сравнительно съ

таетъ въ Орѣшкѣ 245 тяглыхъ людей въ 174 дворахъ; мы по книгѣ 1500 г. не могли насчитать болѣе 235 чел. въ 169 дворахъ. Въ описаніи г. Орѣшка мы замѣтили нѣсколько и другихъ сомнительныхъ цифръ. Или, напримѣръ, изъ отношенія 77 къ 297 по сотной г. Каргополя авторъ выводитъ 27,3% ремесленниковъ вмѣсто 25,9%. Можетъ быть, здѣсь есть опечатки? Самое свойство изслѣдуемыхъ авторомъ данныхъ требовало особой осмотрительности какъ въ ихъ обработкѣ, такъ и въ корректурѣ книги.

XVI в. Въ виду этого авторъ выводитъ такой способъ вычисленія (27—31). Если въ теченіе одного вѣка могъ измѣниться численный составъ двора, то измѣненіе численнаго отношенія взрослыхъ къ дѣтямъ не могло итти такъ быстро. По переписнымъ книгамъ 8 городовъ (1677 г. съ книгой одной слободы г. Москвы 1684 г.) онъ разсчиталъ, что на 1000 взрослыхъ мужчинъ, считая таковыми всѣхъ, имѣющихъ 15 лѣтъ или болѣе, приходилось 633 чел. дѣтей мужскаго пола, т. е. имѣвшихъ не болѣе 14 лѣтъ. Такъ какъ число женщинъ вообще близко къ числу мужчинъ, то для полученія полнаго числа населенія, представляемаго тысячей взрослыхъ мужчинъ, цифру 1633 надобно удвоить; иначе говоря, для опредѣленія населенности города слѣдуетъ показанное въ его дворахъ число взрослыхъ мужчинъ умножить на 3,266. Этому способу нельзя отказать въ остроуміи; но въ документахъ встрѣчаются указанія, какъ будто колеблющія основанія разсчета, на которомъ онъ построенъ. Тяглые дворы въ древней Руси по размѣрамъ падавшихъ на нихъ повинностей раздѣлялись на три разряда, на *лучшіе*, *средніе* и *молодшіе*. Авторъ безъ труда замѣтилъ, что въ писцовыхъ перечняхъ на дворъ лучшей обыкновенно приходилось людей, т. е. взрослыхъ мужчинъ, болѣе чѣмъ на средній, а на средній болѣе чѣмъ на молодой (стр. 46). Отъ чего это происходило? Численный составъ семей, т. е. ходъ народненія и вымирания едва-ли могъ обуславливаться фискальной классификаціей дворовъ. Въ объясненіе этого авторъ приводитъ такія соображенія, точнѣе говоря, предположенія. Въ одномъ мѣстѣ книги (стр. 47) онъ говоритъ, что означенное дѣленіе дворовъ на разряды основывалось не на денежныхъ податяхъ, а на тяглѣ, на количествѣ натуральныхъ повинностей. Это не совсѣмъ ясно: въ составъ тягла входили и денежные подати вмѣстѣ съ натуральными повинностями. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 242) читаемъ, что при распредѣленіи тяглыхъ людей на означенные разряды главное вниманіе было обращено не на промыселъ, а вѣроятно на тяглую способность, т. е. прежде всего на составъ семьи. Наконецъ въ своей статьѣ «Начало въ Россіи переписей», замѣчая, что въ нѣкоторыхъ книгахъ XVI в. чаще чѣмъ въ другихъ встрѣчаются дворы «съ не однимъ мужчиной», авторъ объясняетъ это особенностью расселенія въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ эти книги относятся (стр. 20). Эти различныя объясненія нуждаются въ повѣркѣ. Авторъ въ своемъ разсчетѣ причислилъ къ взрослымъ и 15-лѣтнихъ, потому что съ нихъ «уже начинали брать подати», причемъ онъ ссылается на одну уставную грамоту Соловецкаго

монастыря (стр. 30). Но въ этой грамотѣ говорится только объ участіи 15-лѣтнихъ въ платежѣ нѣкоторыхъ поголовныхъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ, а не общихъ государственныхъ податей. Участіе въ государственномъ тягѣ вообще зависѣло не отъ одного возраста; больше значила здѣсь наличность торгово-промышленнаго капитала или земледѣльческаго инвентаря. Въ древнерусскихъ подворныхъ описяхъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, можно встрѣтить такіе случаи, что въ иномъ дворѣ при одномъ *письменномъ*, т. е. записанномъ въ писцовую книгу тягломъ домохозяинѣ состоитъ нѣсколько неписьменныхъ и нѣтяглыхъ, хотя и взрослыхъ сыновей, братьевъ или племянниковъ, а въ другомъ дворѣ у домохозяина только и есть одинъ взрослый сынъ или братъ и однако оба они *записаны* во дворѣ, т. е. несутъ тягло. Это значитъ, что въ первомъ дворѣ при обиліи рабочихъ рукъ капитала или инвентаря доставало только на одно тягло, а во второмъ обиліе хозяйственныхъ средствъ позволяло положить тягло на все наличное количество рабочихъ силъ. Правительство предписывало тяглымъ обществамъ въ государевыхъ податяхъ верстаться самимъ «по животомъ и по промысломъ», а не по наличному составу семей, назначая съ своей стороны только извѣстныя суммы податей на окладныя единицы, высшей изъ которыхъ была *соха*. Эта разверстка вмѣстѣ съ распредѣленіемъ дворовъ по разрядамъ основывалась въ городѣ на размѣрѣ капиталовъ или на доходности промысловаго труда. Въ каждомъ разрядѣ одинаковая сумма податей падала на неодинаковое число дворовъ, въ высшемъ на меньшее чѣмъ въ среднемъ, въ среднемъ на меньшее чѣмъ въ низшемъ. Писцы не мѣшались въ эту разверстку и иногда держались своихъ расчетовъ, ей не соответствовавшихъ, выводили, напримѣръ, средній платежъ на дворъ безъ различія разрядовъ, какъ это сдѣлано съ пищальными деньгами въ приводимомъ у автора итогѣ писцовой книги г. Вязьмы; но изъ книгъ Устюжны видно, что эта подать взималась не въ одинаковомъ размѣрѣ съ дворовъ разныхъ разрядовъ (стр. 77 и 78, прим. 2). При послѣдовательномъ проведеніи основанія разверстки и на дворы одного разряда не могли падать одинаковые оклады, если они значительно разнились между собою животами и промыслами. При этомъ принимался въ расчетъ и численный составъ двора, если умноженіе взрослыхъ работниковъ въ семьѣ расширяло обороты двороваго капитала или промысла. Соразмѣрно съ этимъ расширеніемъ мѣръ могъ возвыситься и окладъ такого двора, записавъ въ тягло на подмогу домохозяину его подростаго сына или

брата и соразмѣрно съ этимъ возвышеніемъ понизивъ окладъ другаго двора того же разряда, гдѣ условія были менѣе благопріятны. Понятно, что дворовъ, способныхъ выдержать возвышенные оклады при умноженіи рабочихъ силъ, оказывалось сравнительно съ числомъ всѣхъ дворовъ разряда больше среди лучшихъ, чѣмъ среди среднихъ и т. д. Значить, писцовыя книги обозначали большее среднее число людей на лучшей дворъ не потому, что эти дворы были многолюднѣе, а потому, что люди ихъ были тягоспособнѣе. Отсюда видно, почему можно сомнѣваться, чтобы приемъ автора приводилъ къ цѣли — приблизительному опредѣленію всего населенія города по числу поименованныхъ въ писцовой книгѣ людей. Во-первыхъ, по его разсчету на тысячу взрослыхъ мужчинъ возрастомъ въ 15 лѣтъ и выше приходилось 633 чел. дѣтей мужскаго пола въ 14 лѣтъ и ниже и потому онъ для опредѣленія всего числа жителей мужскаго пола въ городѣ на cadaго поименованнаго въ книгѣ мужчину клалъ по 0,633 чел. дѣтей; но въ писцовыхъ книгахъ XVI в. поименовывались не всѣ взрослые, начиная съ 15 лѣтъ, а только тягоспособные изъ взрослыхъ. Во-вторыхъ, разсчетъ автора былъ бы вѣренъ, если бы классификація дворовъ дѣйствительно основывалась на «составѣ семей», какъ онъ предполагаетъ, если бы въ первый разрядъ зачислялись многосемейные, а люди съ малыми семьями въ остальные разряды; но податная система XVI в. не поддерживаетъ этого предположенія. Такимъ образомъ въ положеніи автора, что при классификаціи дворовъ главнѣйшее вниманіе обращали на *тяглую способность* двора, т. е. прежде всего на *составъ его семьи*, можно принять только первую половину, потому что не видно, чтобы тягоспособность двора условливалась прежде всего семейнымъ его составомъ¹⁾. Наконецъ въ одномъ мѣстѣ книги самъ авторъ съ достаточной убѣдительностію показываетъ, что писцовыя книги, считая главнымъ образомъ дворы, а не людей, въ описаніи дворовъ не даютъ полнаго числа взрослыхъ мужчинъ и

¹⁾ Въ поясненіе того, какъ мало зависѣла податная классификація тяглыхъ городскихъ дворовъ отъ состава семей, приведемъ одну мелкую черту изъ документа XVII вѣка, когда городское тягло сохраняло свой прежній строй, какой оно имѣло въ XVI в. По писцовой книгѣ 1687 г. въ г. Гороховцѣ на посадѣ значилось тяглыхъ дворовъ средней статьи 12, людей въ нихъ тожь, а у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, взрослыхъ и малолѣтнихъ 21, молодыхъ дворовъ 7, людей въ нихъ столько же, а у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 104. Значить, на средней дворъ приходилось менѣе чѣмъ по 3 чел. мужскаго пола, а на молодой почти по 16 чел., т. е. почти въ шесть разъ больше. *Владимірск. Губерн. Вѣд.* 1865 г. №№ 29—31.

«почти вовсе не заботятся сообщить точныя цифровыя данныя о людяхъ» (стр. 236). Этимъ замѣчаніемъ авторъ если не разрушаетъ своего способа вычислять населенность городовъ, то сильно колеблетъ его основаніе.

Недоразумѣніе, думаемъ, произошло отъ того, что авторъ не сразу установилъ свой взглядъ на значеніе людей, поименовываемыхъ писцовыми книгами въ перечняхъ тяглыхъ дворовъ. Въ началѣ своего труда, при изложеніи рассмотрѣннаго выше способа, онъ видѣлъ въ этихъ писцовыхъ представителяхъ дворовъ просто взрослыхъ мужчинъ и смотря по тому, сколько людскихъ именъ обозначала книга при извѣстномъ дворѣ, различалъ дворы «съ однимъ взрослымъ мужчиной» и «не съ однимъ взрослымъ мужчиной» (стр. 28). Но при дальнѣйшемъ развитіи изслѣдованія онъ замѣтилъ (стр. 236), что писцовыя книги не даютъ полнаго числа взрослыхъ мужчинъ въ описаніи дворовъ, что въ иномъ дворѣ могли быть взрослые мужчины и кромѣ поименованныхъ въ книгѣ, но значенія этихъ послѣднихъ онъ не опредѣлилъ съ достаточной полнотой. Это можно считать причиной и другаго расчета, подобнаго изложенному. Колеблясь въ объясненіи поразряднаго дѣленія дворовъ, авторъ вообще расположенъ придавать ему очень мало значенія. Онъ не находитъ «никакихъ указаній» на какое-либо различіе въ экономическомъ положеніи людей этихъ разрядовъ, даже на различіе оброка (стр. 47). Однако если одинаковые пососные оклады податей вимались съ меньшаго числа лучшихъ дворовъ, съ большаго середнихъ и еще съ большаго молодшихъ, это уже есть кой-какое указаніе при тогдашней связи тягла съ хозяйственнымъ положеніемъ тяглецовъ. Противъ этого указанія авторъ ставитъ такой расчетъ (стр. 283—4). По книгѣ г. Зарайска въ соху положено лучшихъ дворовъ 80, середнихъ 100, молодшихъ 120; но людей письменныхъ, т. е. тяглыхъ приходилось по расчету автора на 80 лучшихъ дворовъ 128 чел., на 100 середнихъ 144, на 120 молодшихъ 150. Въ этомъ пососномъ распредѣленіи авторъ подставляетъ цифры людей вмѣсто цифръ дворовъ и, рассчитавъ пососныя повинности по людямъ, а не по дворамъ, находитъ, что на отдѣльнаго человѣка въ каждомъ разрядѣ при такомъ расчетѣ придется почти одинаковая доля повинностей, такъ какъ хотя на каждый лучший дворъ падала большая доля пососнаго оклада, чѣмъ на средній, зато и людей приходилось на первый больше чѣмъ на послѣдній; таково же было отношеніе и середнихъ дворовъ къ молодымъ. Отсюда авторъ выводитъ «очень любопытное заключе-

ніе», что въ XVI в. въ *каждой мѣстности* тяглые люди (всѣхъ трехъ разрядовъ) платили почти что поровну и что «уже тогда посошныя повинности если еще не совершенно соответствовали подушной подати, то уже очень приблизились къ ней». Заключение выведено изъ разложенія повинностей по людямъ. Но вѣдь это только предположеніе автора, будто «разложеніе повинностей по дворамъ есть, *очевидно*, искусственное и въ дѣйствительности, въ жизни, *конечно*, переходившее въ разложеніе по людямъ». Значить, свое положеніе авторъ выводитъ изъ своего же предположенія. Это положеніе, не столько историческое, сколько діалектическое, еще поддерживается нѣсколько симметричными числами дворовъ и людей зарайской книги. Но отъ наблюденія, что такъ случилось въ Зарайскѣ, еще далеко до вывода, что такъ было «въ каждой мѣстности», особенно когда и авторъ знаетъ, какъ трудно приложить этотъ выводъ, на примѣръ, къ Свижску, гдѣ на дворъ каждаго разряда приходилось ровно по одному письменному человѣку, или къ Устюжнѣ, гдѣ на середній дворъ приходилось по одному человѣку, а на молодшій почти по 2: здѣсь при зарайской пропорціи середнихъ и молодшихъ дворовъ въ сохѣ среднему человѣку пришлось бы платить почти въ $2\frac{1}{2}$ раза больше молодшаго. Въ посошной разверсткѣ какъ цифры дворовъ и людей разныхъ разрядовъ, такъ и самыя пропорціи по мѣстнымъ условіямъ были очень разнообразны, и авторъ это знаетъ (стр. 178). Впрочемъ онъ какъ будто самъ не предвидѣлъ своего вывода, столь общаго и рѣшительнаго, характеризующаго всю податную систему XVI вѣка, хотя и основаннаго на данныхъ одного г. Зарайска послѣднихъ лѣтъ этого вѣка: страницей выше, приступая къ своему вычисленію съ цифрами зарайской книги, онъ думалъ воспользоваться ея данными только «для единичнаго случая, не распространяя получаемыхъ выводовъ и на всѣ другіе подобные случаи». Собственно не было и надобности подставлять цифры людей подъ цифры дворовъ: въ дѣйствительности, въ жизни, какъ выражается авторъ, повинности раскладывались не по людямъ и даже не по дворамъ, а по животамъ и промысламъ. Дворъ служилъ при окладѣ и раскладкѣ только счетной единицей, посредствомъ которой финансовое управленіе вычисляло суммы податей, приходившіяся на тяглое общество, а это послѣднее разверстывало ихъ между плательщиками по ихъ тяглоспособности. Въ городѣ 20 лучшихъ тяглыхъ дворовъ; въ соху такихъ положено 80; ямскихъ и приметныхъ денегъ указано съ сохи по 20 р.; слѣдовательно съ 20 лучшихъ дво-

ровъ города доведется взять ямскихъ и приметныхъ 5 р. Но сколько придется съ каждаго двора по его животамъ и промысламъ, — это уже дѣло мірской разверстки. Значить, казенный расчетъ по дворамъ надобно отличать отъ мірской разверстки по животамъ и промысламъ. Но если даже принять расчетъ автора, посопная система повинностей XVI в. все-таки будетъ очень далека отъ подушной подати, потому что первая считала только взрослыхъ работниковъ, положенныхъ въ тягло, а вторая падала на каждую мужскую душу податнаго состоянія. При ясномъ понятіи о томъ, что такое былъ тяглый человекъ въ древней Руси и какія условія создавали это положеніе, не возможно ни отождествлять, ни даже сближать тогдашнюю податную систему съ подушной.

Въ мысли о маломъ значеніи поразряднаго дѣленія городскихъ тяглыхъ дворовъ автора поддерживаютъ между прочимъ замѣченные имъ въ нѣкоторыхъ городахъ случаи, когда молодшіе платили больше среднихъ и даже лучшихъ. Такъ въ Казани и Свѣяжскѣ нѣкоторые молодшіе торговые люди платили оброка съ занимаемыхъ ими торговыхъ помѣщеній, лавокъ и т. п. больше нѣкоторыхъ среднихъ и лучшихъ (стр. 241). Но полавочное обложеніе — совсѣмъ особое дѣло, отличное отъ подворнаго, на которомъ основывалось поразрядное дѣленіе дворовъ. Не всѣ тяглые дворовладѣльцы въ городѣ занимали въ немъ торговыя помѣщенія и не всѣ, занимавшіе такія помѣщенія, были дворовладѣльцами въ городѣ и даже тяглыми людьми. Потому этотъ оброкъ и разверстывался только между владѣльцами такихъ помѣщеній отдѣльно отъ общихъ посопныхъ повинностей. Тульская книга въ приведенномъ у автора мѣстѣ (стр. 242, прим. 1) прямо говоритъ, что оброкъ съ лавокъ разводятъ торговые люди «межь себя сами, смотря по человекъ и по товару». Въ древней Руси раздѣляли даже такія близкія другъ къ другу основанія обложенія, какъ животы и промыслы: упомянутая выше соловецкая уставная грамота предписываетъ торговыя таможенные деньги платить «по торгомъ и по головамъ, а не по животомъ: кто болши торгуеть, тотъ болши и даетъ».

Критическій разборъ писцовыхъ книгъ предупредилъ бы сомнительные расчеты и выводы, подобные указаннымъ. Онъ помогъ бы также лучше разобраться въ историческомъ матеріалѣ, представляемомъ этими книгами, выдѣливъ изъ него черты, которыхъ сами эти книги касаются мимоходомъ, не давая ничего или давая слишкомъ мало для ихъ объясненія. Чтобы установить правильное отношеніе къ такимъ мимоходомъ брошеннымъ отмѣт-

камъ, изслѣдователю писцовыхъ книгъ надобно выяснитъ, какого рода эти отмѣтки, приемы ли это писца, входившіе въ составъ техники писцоваго дѣла, или же бытовья черты, въ которыхъ отразились дѣйствительныя людскія отношенія и положенія, хотя и не входившія въ предѣлы прямой задачи писца. Замѣтки перваго рода важны только для критики писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника. Черты втораго рода надобно или разслѣдовать, но не по писцовымъ только книгамъ, или совсѣмъ обходить, чтобы не загромождать изслѣдованія предположеніями и недоумѣніями. При разборѣ историко-статистическихъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами, автору часто приходилось встрѣчаться съ такими побочными вопросами, и онъ не разъ сознается въ затрудненіи, въ какое они его ставили (см. напримѣръ стр. 151, прим. 1). Но его отношеніе къ такимъ вопросамъ колеблется. Иногда онъ прямо и основательно уклоняется отъ ихъ рѣшенія, но иногда ставить вопросъ тамъ, гдѣ собственно нечего рѣшать, и даетъ рѣшеніе тамъ, гдѣ безопаснѣе было бы и не ставить вопроса. Такъ, замѣчая, что въ писцовыхъ книгахъ нѣкоторыхъ городовъ, напримѣръ, Казани и Свіяжска, служилые люди, служившіе въ этихъ городахъ, носятъ только одно званіе *дѣтей боярскихъ*, а въ книгахъ другихъ городовъ называются *дворянами* и *дѣтьми боярскими*, авторъ прибавляетъ, что для него не совершенно ясно такое различіе; по его мнѣнію, должно допустить, что была какая-то причина, почему въ нѣкоторыхъ городахъ служилые люди бывали въ это время всегда только дѣти боярскіе и никогда дворяне, что ему не извѣстно ничего, что могло бы разъяснить этотъ вопросъ (стр. 210 и 267). Но здѣсь по всей вѣроятности и нѣтъ никакого вопроса. Дворяне — это тѣ же дѣти боярскіе, только повыше чиномъ. Въ спискахъ служилыхъ людей XVI в. (десятиныхъ), гдѣ соблюдалась точная служебная терминологія служилыхъ людей, дворяне, составлявшіе второй снизу чинъ провинціального дворянства, назывались дѣтьми боярскими *дворовыми*, а дѣти боярскіе перваго низшаго чина — *городовыми*; слово *дворяне* для обозначенія дѣтей боярскихъ дворовыхъ около половины XVI в. только еще входило въ употребленіе и не успѣло въ немъ утвердиться. Нѣкоторыя писцовыя книги говорятъ только о дѣтяхъ боярскихъ или потому, что употребляютъ родовое званіе провинціальныхъ служилыхъ людей безъ различія чиновныхъ видовъ, или потому, что служилые люди, о которыхъ онѣ говорятъ, всѣ были дѣти боярскіе городовые; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и по спискамъ не было дво-

ровыхъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ какъ бы для разъясненія этой смущающей его терминологіи указываетъ на документы, въ которыхъ замѣчается различіе дворянъ первой и второй статьи, хотя тоже «не довольно ясное» для него (стр. 213, прим. 2). Но дѣленіе на статьи — совсѣмъ особая классификація служилыхъ людей, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ чиновной: на статьи подраздѣлялись служилые люди по помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ и такихъ статей въ иныхъ чинахъ бывало гораздо больше двухъ, смотря по категоріямъ окладовъ.

Примѣромъ недоразумѣнія другаго рода, въ какое можетъ ввести попытка объяснять факты съ помощью одного источника, достаточно ихъ не объясняющаго, служитъ объясненіе различія между приборной и неприборной службой, сдѣланное авторомъ по писцовымъ книгамъ Казани и Свіяжска (стр. 220—222). Это объясненіе основано на разныхъ оборотахъ рѣчи, какими обозначаются въ названныхъ книгахъ владѣльцы городскихъ дворовъ: объ однихъ говорится въ дворовыхъ перечняхъ «дворъ такого-то», а о другихъ «во дворѣ такой-то». Первымъ способомъ обозначаются дворы дѣтей боярскихъ, стрѣleckихъ командировъ, духовныхъ лицъ, когда ихъ дворы находятся среди дворовъ людей другихъ званій, а вторымъ дворы тяглыхъ людей, приборныхъ стрѣльцовъ и казаковъ, пушкарей и другихъ подобныхъ имъ служилыхъ людей, когда они живутъ отдѣльными слободами, а также духовныхъ, живущихъ на церковной землѣ. По мнѣнію автора, первый оборотъ означаетъ владѣніе на полномъ правѣ частной собственности, а второй владѣніе на правѣ общинномъ, а потому и существенный признакъ, отличавшій службу приборную отъ неприборной, состоялъ въ томъ, что приборные составляли между собою общину. Едва-ли, однако, авторъ думалъ, что и духовныя лица, имѣвшія дворы на церковной землѣ и отмѣченныя въ книгѣ вторымъ оборотомъ рѣчи, владѣли дворами также на общинномъ правѣ, составляли между собою общину; это было бы довольно рѣдкое явленіе, если бы его можно было доказать. Потомъ не ясно, одни ли дворы считаетъ авторъ предметомъ общиннаго владѣнія. Далѣе, авторъ приводитъ изъ писцовой книги мѣсто, которое трудно согласовать съ мнѣніемъ, что приборные служилые люди, подобно чернымъ тяглымъ, владѣли городскими дворами на общинномъ правѣ. Это мѣсто приведено много выше страницъ о приборной службѣ (стр. 205, прим. 1) по другому поводу, но пригодилось бы и на этихъ страницахъ. Въ Казани была слобода приборныхъ стрѣльцовъ, которыхъ

потомъ перевели въ Астрахань. Покидаемые дворы раскупили у хозяевъ не только другіе приборные же стрѣльцы, оставшіеся въ Казани, но и неприборные дѣти боярскіе и даже тяглые посадскіе, и всѣ эти столь различные по состоянію люди повидимому покупали стрѣleckіе дворы на одинаковомъ правѣ; еще до перевода стрѣльцовъ въ ихъ слободѣ были «посадскія мѣста», на которыхъ жили не только посадскіе люди, но и дѣти боярскіе, и протѣхъ и другихъ, какъ про дѣтей боярскихъ, такъ и про посадскихъ людей книга одинаково говоритъ, что они жили на тѣхъ мѣстахъ въ *своихъ дворахъ*, какъ будто принадлежавшихъ тѣмъ и другимъ на одинаковомъ правѣ. Данными самой книги какъ будто выясняется, что *дворы* тяглыхъ и служилыхъ людей, какъ приборныхъ, такъ и неприборныхъ, одинаково принадлежали владѣльцамъ на правѣ частной собственности и потому продавались и покупались по частнымъ «полюбовнымъ» сдѣлкамъ независимо отъ какой-либо общины, на что прямо указываетъ и писцовая книга (стр. 212); но *мѣста* подъ этими дворами находились не въ одинаковомъ юридическомъ отношеніи къ владѣльцамъ этихъ дворовъ: одни были *бѣлыми* и вмѣстѣ съ дворами составляли частную собственность дворовладѣльцевъ, а другія—*черными* тяглыя, т. е. государственныя, находившіяся только въ личномъ или общинномъ пользованіи владѣльцевъ, или хотя и бѣлыя, но не принадлежавшія владѣльцамъ дворовъ, которые на нихъ стояли. Можетъ быть, только это и значить объясняемые авторомъ обороты рѣчи писца. Поэтому дворы нетяглыхъ и не составлявшихъ общины духовныхъ лицъ на церковной землѣ обозначались въ писцовой книгѣ формулой «во дворѣ такой-то». Поэтому же нетяглые духовные и служилые люди, имѣвшіе дворы на городской тяглой землѣ, тянули всякое тягло съ тяглыми городскими людьми, на что прямо указываетъ приведенное авторомъ мѣсто изъ разметнаго списка по Новгородской области (стр. 119, прим. 1). Значить, разбираемыми авторомъ формулами въ перечнѣ дворовъ если и отмѣчалось что-либо, то не существованіе или отсутствіе общиннаго устройства дворовладѣльцевъ, какъ утверждаетъ авторъ, а развѣ только ихъ юридическое отношеніе къ землѣ, на которой стояли ихъ дворы. Мы ничего не говоримъ здѣсь противъ общиннаго устройства городовъ XVI вѣка, а хотимъ только сказать, что выводъ автора, будто «формулою описанія *во дворѣ такой-то* отмѣчалось существованіе у такихъ-то людей общиннаго устройства», далеко не соизмѣримъ съ своимъ основаніемъ и ничего не прибавляетъ къ доказательствамъ общиннаго устройства. Вообще

въ писцовой книгѣ, не имѣвшей въ виду юридическихъ опредѣленій, особенно въ такой ея подробности, какъ манера перечислять дворы, трудно искать надежной и притомъ единственной опоры для какихъ-либо юридическихъ выводовъ, особенно такихъ серьезныхъ, какіе дѣлаетъ авторъ ¹⁾). Такъ и значеніе приборной и неприборной службы разъясняется не писцовыми книгами и «существеннаго» признака, отличавшаго одну службу отъ другой, надобно искать не въ общинномъ землевладѣніи, потому что хозяйственное устройство разныхъ видовъ приборной службы было довольно разнообразно. Приборные люди жили не въ однихъ городахъ и даже въ городахъ не всегда селились общинными слободами, получали земли и на помѣстномъ правѣ подобно неприборнымъ служилымъ людямъ «по отечеству», могли наконецъ и вовсе не имѣть ни земли, ни дворовъ. Самъ авторъ находитъ въ Казани и Свияжскѣ нѣсколько бездворныхъ стрѣльцовъ (стр. 203 и 207), и однако они составляли одно цѣлое со стрѣльцами-дворовладѣльцами не потому, что входили въ составъ поземельной или подворной общины, а потому, что числились въ составѣ одной военной части, сотни или приказа, т. е. стрѣлецкой роты или баталіона. Вообще устройство приборной службы было довольно сложно и разсмотрѣть ея отличительныя черты сквозь писцовыя книги очень трудно.

Доселѣ мы говорили о постановкѣ задачи и о приемахъ ея рѣшенія въ изслѣдованіи г. Чечулина. Выскажемъ нѣсколько замѣчаній о самомъ ея рѣшеніи.

Какъ постановка задачи тѣсно связана авторомъ съ однимъ источникомъ, такъ и ея рѣшеніе во многомъ зависѣло отъ ея постановки. Авторъ предпринялъ изученіе состоянія городовъ съ тѣхъ сторонъ, которыхъ касаются писцовыя книги, и для этого разсмотрѣлъ писцовыя книги только въ тѣхъ частяхъ, которыя описываютъ состояніе городовъ. Но какъ такая постановка затруднила

¹⁾ Онъ на себѣ самомъ испыталъ неудобство такой опоры. Ямщики обыкновенно жили слободами и обозначались въ писцовыхъ книгахъ только жильцами «во дворахъ», а не собственниками ихъ. Такъ они описаны и въ писцовой книгѣ Казани. Но въ книгѣ Свияжска они обозначены, какъ собственники дворовъ, выраженіемъ «дворъ такого-то», и автору пришлось дѣлать новое предположеніе о какомъ-то особомъ устройствѣ ихъ слободы. По его словамъ (стр. 222), формула «во дворѣ такой-то» безъ всякихъ исключеній всегда прилагается при описаніи дворовъ черныхъ тяглыхъ людей, а на стр. 233 оказались исключенія. Притомъ въ книгахъ другихъ городовъ эти формулы имѣютъ другое значеніе (см. наприм. стр. 50).

автору критическій разборъ источника, такъ она же помѣшала ему соразмѣрить съ источникомъ границы своей задачи. Въ предисловіи и введеніи онъ ставитъ себѣ цѣлью опредѣлить составъ городского населенія, его занятія и повинности, мѣстныя особенности городовъ, — словомъ, изучить положеніе городовъ, какъ «крупныхъ бытовыхъ единицъ, какъ культурныхъ центровъ», «факторовъ общественной жизни» (стр. III, 9 и 32). Въ состояніи ли писцовыя книги XVI вѣка, сколько ихъ сохранилось, дать отвѣты на разнообразныя вопросы, входящіе въ составъ такой сложной и широкой задачи? Самъ авторъ считаетъ отношеніе своего источника къ задачѣ «вполнѣ благопріятнымъ»: во введеніи онъ помѣстилъ списокъ городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. и въ этомъ списокѣ обозначилъ 220 именъ; изъ этого числа о 41 городѣ, т. е. почти о *пятой* части всѣхъ существовавшихъ тогда городовъ, авторъ нашелъ свѣдѣнія въ своемъ источникѣ ¹⁾. Посредствомъ особаго расчета онъ дѣлаетъ это отношеніе еще болѣе благопріятнымъ: онъ исключаетъ изъ списка города сѣверовосточныя (въ областяхъ Двинской и Камской), описанія которыхъ не найдены авторомъ, «вмѣстѣ съ городами, только что основанными или недолго находившимися во власти Московскаго правительства», и тогда оказывается, что имѣются свѣдѣнія о 41 городѣ изъ 170 приблизительно, т. е. почти о *четвертой* части всѣхъ городовъ (стр. 21 и 22). Не смотря на этотъ расчетъ,

¹⁾ Въ списокѣ поименовано собственно 42 города, описанія которыхъ нашелъ авторъ; но объ одномъ изъ нихъ Олонцѣ замѣчено въ книгѣ, что по его описанію 1556 г. онъ на городъ не похожъ и городомъ не названъ (стр. 19, прим. 3); авторъ и не пользовался этимъ описаніемъ въ своемъ изслѣдованіи. Вообще соображенія, которыми руководился авторъ при составленіи списка, не вполнѣ ясны. Онъ изучалъ и помѣщалъ въ списокѣ только поселенія, носившія въ XVI в. названіе городовъ; но между ними встрѣчаемъ въ списокѣ и нѣкоторыя посады. Въ списокъ занесены многія селенія, которыя въ духовныхъ грамотахъ Ивана III и Ивана Грознаго названы городами или городками, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, Дежанъ, Курскъ на Ловати, Хотунъ, Стародубъ Рыполовскій, въ XVI в. превратились въ городища, погосты или села; но другія селенія, упомянутыя въ тѣхъ же документахъ и подъ тѣми же званіями, какъ Кременскъ, Опаковъ, Старая Рязань, Шерна, почему-то въ списокъ не попали (Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 390 и 396. Доп. къ А. И. I, стр. 386, 380 и 379). Вообще этотъ списокъ нуждается въ пересмотрѣ и пополненіи, хотя по задачѣ изслѣдованія онъ не имѣетъ особенно важнаго значенія въ книгѣ г. Чечулина. Такъ не видно, почему авторъ принимаетъ Мезецкъ и Мѣщовскъ за два города, а не за разныя названія одного города.

едва-ли впрочемъ представляющей дѣйствительную выгоду для изслѣдованія, авторъ не могъ не чувствовать значительнаго пробѣла, образуемаго въ его трудѣ отсутствіемъ городовъ сѣверовосточной полосы, которые «навѣрно отличались во многомъ отъ городовъ другихъ областей» между прочимъ тѣмъ, какъ думаетъ авторъ, что «тутъ вовсе не было опасности неприятельскаго нападенія». Последняго никакъ нельзя сказать, зная, о какихъ опасностяхъ рассказываютъ памятники, описывающіе положеніе Камскаго и Поморскаго края въ XVI вѣкѣ¹⁾.

Но при указанной постановкѣ задачи въ книгѣ г. Чечулина остались бы замѣтные пробѣлы, если бы сохранились писцовыя описи всѣхъ городовъ его списка и онъ воспользовался всѣми этими описями. Писцовыя книги имѣли преимущественно фискальную цѣль — привести въ извѣстность податныя силы и средства народа; потому въ нихъ на первомъ планѣ экономическія положенія и отношенія, люди, которые могли платить, капиталы и обороты, которые могли быть предметомъ податнаго обложенія. Но такими положеніями и отношеніями далеко не ограничивалось значеніе города, какъ культурнаго центра. Далѣе, значеніе города, какъ такого центра, какъ фактора общественной жизни, не ограничивалось и населеніемъ, постоянно въ немъ жившимъ, простиралось далеко за его черту. Въ этомъ значеніи онъ служилъ средоточіемъ для значительнаго округа, уѣзда, связаннаго съ нимъ разнообразными интересами хозяйственными, административными и другими. Но авторъ неоднократно и съ нѣкоторой настойчивостью заявляетъ, что онъ не имѣлъ возможности подробно разобрать и книги уѣздовъ изучаемыхъ имъ городовъ (стр. 11, 45, 267). Ограничившись изученіемъ писцовыхъ описей городовъ, авторъ принужденъ былъ обойти цѣлый рядъ отношеній, въ которыхъ стоялъ городъ, какъ факторъ общественной жизни, именно отношеній, въ которыхъ выражалась его связь съ уѣздомъ. Такъ авторъ не выясняетъ въ своемъ изслѣдованіи значенія уѣзднаго города, какъ узла отношеній, которыя связывали въ сословную корпо-

1) Чтобы повясть неожиданность этого соображенія автора, достаточно припомнить хотя бы по *Сибирской Летописи*, изданной Спасскимъ, нападенія черемисъ, вотяковъ и другихъ уральскихъ инородцевъ на русскія поселенія Камскаго края во второй половинѣ XVI в. О положеніи Поморскаго сѣвера говорятъ мѣры правительства для защиты его отъ шведскихъ нападеній и жалобы Соловецкаго монастыря въ челобитныхъ царямъ, что то мѣсто у крайное, прилегли близко нѣмецкія земли и въ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ отъ нѣмецкихъ людей живутъ осады частыя и т. п.

рацію разсыпанныхъ по его уѣзду помѣщиковъ и вотчинниковъ, городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, служившихъ по этому городу; только въ заключительномъ общемъ очеркѣ положенія городовъ авторъ посвятилъ нѣсколько строкъ изложенію обязанностей этихъ служилыхъ людей по отношенію къ городу, изложенію неполному, нерѣшительному и неточному (стр. 332—333). Наконецъ самъ авторъ повидимому признаетъ, что обозначенныя имъ границы задачи шире дѣйствительнаго плана его сочиненія. Въ понятіе о городѣ, какъ факторѣ общественной жизни, казалось бы, могутъ и даже должны входить и юридическія отношенія его жителей. Но авторъ въ предисловіи оговаривается, что «вопросовъ о юридическихъ правахъ городскихъ жителей, объ отношеніяхъ къ городамъ и горожанамъ правительства и т. п. онъ почти совершенно не затрогивалъ», какъ уже разработанныхъ въ нашей литературѣ; но независимо отъ этого и писцовыя книги дають мало матеріала для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Можно указать и еще одинъ пробѣлъ, восполнять который самъ авторъ нашелъ ненужнымъ и который по существу его задачи все-таки остается пробѣломъ въ его трудѣ. Онъ призналъ возможнымъ «изучать во всей подробности положеніе всѣхъ тѣхъ поселеній, которыя тогда (въ XVI в.) носили названіе городовъ и только ихъ». Конечно, возможно и такое изученіе. Но опредѣляя границы своей задачи, авторъ сказалъ, что его «главной цѣлью будетъ воспроизведеніе со всею возможной подробностью тѣхъ условій жизни, въ какихъ оказывался городской житель». Условія жизни въ городѣ, какъ культурномъ центрѣ, были прежде всего сложнѣе сравнительно съ сельскою жизнью и эта сложность отражалась на самомъ составѣ города. Городъ XVI в. въ цѣльномъ своемъ составѣ состоялъ изъ *города* въ смыслѣ центральнаго укрѣпленія, кремля, изъ *посады* и *слободы*. Но эти виды поселеній, служа составными частями города, существовали и раздѣльно: были города безъ посадовъ, посады безъ городовъ; были, наконецъ, слободы, разсѣянныя среди селъ и деревень, вдали отъ городовъ и посадовъ. Каждый изъ этихъ видовъ отличался своими бытовыми условіями и интересами, изъ совокупности которыхъ и слагалась жизнь города. Не во всѣхъ городахъ эти условія и интересы соединялись въ одинаковой степени полноты; зато въ пныхъ поселеніяхъ, не носившихъ званія городовъ, но съ посадскимъ характеромъ, нѣкоторыя изъ этихъ условій получали усиленное развитіе. Не говоря о *рядкахъ* въ Новгородской области, сюда можно отнести нѣкоторыя отдѣльныя слободы и поселенія, особенно при

большихъ монастыряхъ, такъ и называвшіяся *посадами*; обыватели рядковъ также назывались *посадскими людьми*. Условія городской жизни едва-ли будутъ воспроизведены «со всею возможною подробностью», если въ ихъ изображеніи будутъ опущены черты социально-экономическаго склада такихъ посадскихъ поселеній. Почему бы, напримѣръ, *посаду* Березовцу въ Деревской пятинѣ съ его церковью и монастыремъ, съ 6 дворами на церковной и монастырской землѣ и съ 46 дворами рыболововъ не имѣть мѣста среди такихъ городовъ, какъ Копорье съ его 8 дворами въ городѣ, изъ коихъ одинъ пустъ, и съ 15 дворами на посадѣ (*Новы. Писц. книги*, I, 640)? Изученіе новгородскихъ пригородовъ по книгамъ 1500 г. привело автора къ выводу, что ремесленная дѣятельность въ нихъ была тогда развита весьма слабо и нѣсколько усилилась къ половинѣ XVI вѣка, такъ что количество ремесленниковъ поднялось среднимъ числомъ до 16% всего городского населенія, сколько можно судить о томъ по даннымъ объ Орѣшкѣ, Ладогѣ, Корелѣ и Каргополѣ, приведеннымъ въ книгѣ автора (стр. 51 и 52). Что было причиной такого слабого развитія ремесла въ этихъ пригородахъ — общая ли слабость его развитія въ области, или близость большихъ промышленныхъ центровъ Новгорода и Пскова, какъ предполагаетъ авторъ, или наконецъ то, что ремесленная дѣятельность не сосредоточивалась въ однихъ городахъ, но была разсѣяна и по другимъ селеніямъ? Можетъ быть, какой-нибудь отвѣтъ на эти вопросы дало бы изученіе посадовъ, подобныхъ Тихвинскому, какъ онъ описанъ въ писцовой книгѣ 1583 года, спустя 23 года по основаніи самаго монастыря, при которомъ онъ возникъ¹⁾. Здѣсь ремесло развито сравнительно очень сильно: многіе торговые люди занимаются и ремеслами; независимо отъ того однихъ портныхъ и сапожниковъ, которыхъ въ новгородскихъ пригородахъ не насчитывалось и 2%, здѣсь показано 22 двора изъ 146 всѣхъ дворовъ на посадѣ, т. е. 15%. Такимъ образомъ Тихвинъ посадъ оказывается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ больше городомъ, чѣмъ многіе тогдашніе города, и во всѣхъ отношеніяхъ былъ имъ больше, чѣмъ занесенный авторомъ въ списокъ городовъ Деманъ, гдѣ по книгѣ конца XV в. на городищѣ (города ужъ не было) и на посадѣ значилось всего 6 дворовъ и ни одного двора посадскаго человѣка (*Новгор. Писц. книги*, II, 499). Тихвинъ посадъ тѣмъ удобнѣе могъ бы за-

¹⁾ Писц. кн. Моск. Арх. Мин. Юст. № 965. Напечатана съ сокращеніями во *Временникъ* Общ. Ист. и Др. Р. кн. 6; о посадѣ стр. 65.

нять мѣсто даже въ списокѣ городовъ, что городомъ для него служилъ укрѣпленный монастырь. Изученіе составныхъ элементовъ города въ ихъ раздѣльномъ существованіи помогло бы уясненію и той «бытовой единицы», которая изъ нихъ составлялась. Если авторъ нашелъ нужнымъ подробно описать псковскіе пригороды, признавая, что эти пригороды, имѣвшіе преимущественно значеніе укрѣпленій, по занятіямъ своихъ жителей гораздо ближе къ селамъ, чѣмъ къ городамъ въ нашемъ смыслѣ слова (стр. 114), то не было бы отступленіемъ отъ программы описаніе поселеній, по занятіямъ жителей ближе стоявшихъ къ городамъ, хотя и не бывшихъ укрѣпленными: авторъ изслѣдуетъ города не въ стратегическомъ, а въ социальномъ-экономическомъ отношеніи.

Вслѣдствіе указанныхъ пробѣловъ при чтеніи книги г. Чечулина замѣчается двойное несоотвѣтствіе его основнаго источника, писцовыхъ описей городовъ, поставленной имъ задачѣ: этотъ источникъ не соотвѣтствуетъ ей ни по содержанію, потому что далеко не захватываетъ всѣхъ отношеній, дѣйствовавшихъ въ чертѣ города, какъ культурнаго центра, ни по объему, потому что не касается городского округа, тяготѣвшаго къ этому центру. Это несоотвѣтствіе создавало автору двоякаго рода затрудненія: съ одной стороны, расширяя свое изслѣдованіе въ мѣру своей главной цѣли, возможно подробнаго воспроизведенія условій жизни, въ какихъ оказывался городской житель, авторъ задавалъ писцовымъ книгамъ вопросы, на которые онѣ не могутъ отвѣчать, и ихъ молчаніе пытался восполнить собственными догадками, а съ другой — принужденъ былъ обходить вопросы, для рѣшенія которыхъ стоило бы только расширить изученіе писцовыхъ книгъ, не довольствуясь описями городовъ. Ограничимся немногими примѣрами того и другаго рода затрудненій.

По писцовой книгѣ 1566—68 г. авторъ нашелъ въ Казани тѣ 10 семей опальныхъ псковичей, которыхъ по лѣтописи переселили туда въ 1555 г. (стр. 245). Авторъ однако рѣшительно утверждаетъ, что «толкованіе этой мѣры, какъ какой-то опалы, должно быть оставлено, какъ невѣрное». Но это не толкованіе, а прямое и ясное свидѣтельство источника, лѣтописи, которая говоритъ, что въ Казань свели 10 семей именно «опальныхъ» псковичей. Авторъ, напротивъ, считаетъ «очевиднымъ», что при этомъ переселеніи правительство имѣло въ виду развитіе сношеній Казани съ Псковомъ, развитіе торговли между ними. Для чего понадобилось правительству развитіе сношеній Казани именно съ Псковомъ и какъ

могли содѣйствовать этому переселенныя въ Казань 10 семей псковичей, авторъ не объясняетъ; но вся очевидность его догадки держится только на томъ, что въ Казани эти переселенцы поставлены были въ привилегированное положеніе. Но вѣдь они по книгѣ *юсти*, т. е. по самому званію своему привилегированные люди, пользовавшіеся нѣкоторыми и очень важными правами людей служилыхъ, а ни изъ чего не видно, чтобы при переселеніи они лишены были правъ состоянія¹⁾. Наклонность если не поправлять, то пополнять источникъ догадками обнаруживается у автора и въ другомъ случаѣ. Въ описи псковскихъ пригородовъ 1585—1587 гг. нивы и огороды обозначаются въ большинствѣ случаевъ именами двухъ владѣльцевъ, настоящаго и бывшаго. Это наводитъ автора на мысль «о постоянной мобилизаціи земельныхъ участковъ», которая могла существовать «несомнѣнно прежде всего при общинномъ землевладѣніи», и единственно возможнымъ объясненіемъ явленія кажется автору предположеніе передѣловъ. Это предположеніе даетъ ему основаніе думать, что внутренніе порядки общиннаго землевладѣнія въ XVI в. «нужно представлять себѣ нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно ихъ представляютъ». Авторъ припоминаетъ извѣстные шуйскіе акты XVII в. о передѣлѣ городской земли и прибавляетъ, что «до сихъ поръ не было извѣстно указаній на передѣлы въ XVI вѣкѣ». Автору кажется «совершенно естественнымъ, что въ актахъ не отразились передѣлы въ такихъ ничтожныхъ поселкахъ, какими были деревни и села въ XVI вѣкѣ; но, продолжаетъ онъ, столь же естественно, что мы *встрѣтили ихъ*, какъ только обратились къ изученію положенія большихъ поселеній, но съ совершенно сельскимъ характеромъ (стр. 116—118)». Прежде всего позволительно напомнить автору, что онъ и въ описи псковскихъ пригородовъ не *встрѣтилъ ихъ*, т. е. передѣловъ, а только ихъ *предположилъ*. Потомъ, въ XVI в. въ Новгородской и въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства многія села и даже деревни были не ничтожные поселки, а значительныя поселенія въ нѣсколько десятковъ дворовъ, во всякомъ случаѣ многочисленнѣе боль-

¹⁾ Примѣръ подобнаго отношенія автора къ источнику встрѣчаемъ еще на стр. 290. Передавая извѣстіе писцовой книги г. Венева, что осадный голова «писалъ ко государю» о стрѣльцахъ (Писц. книги Моск. Гос. II, 1540), авторъ находитъ это выраженіе «очевидно» неточнымъ: «голова писалъ, конечно, въ какой-нибудь приказъ». Ничего неточнаго здѣсь нѣтъ: мѣстные начальники въ сношеніяхъ съ центральнымъ правительствомъ обыкновенно писали на государево имя.

шинства псковскихъ пригородовъ 1585 г., особенно если сравнивать численность только тяглаго населенія, котораго собственно и касается вопросъ о передѣлахъ; однако въ извѣстныхъ намъ актахъ такихъ селъ и деревень XVI в. передѣлы точно также «не отразились». Авторъ признается, что «другаго объясненія кромѣ предположенія какихъ-то передѣловъ» онъ не могъ пріискать. Но можно было бы и не пріискивать объясненія помощью предположенія, когда такого объясненія не даетъ источникъ, или по крайней мѣрѣ поискать въ источникѣ провѣрки для предположенія, а источникъ, который навелъ автора на догадку о передѣлахъ, давалъ ему средство и провѣрить эту догадку. Если смѣна большинства владѣльцевъ нивъ и огородовъ въ псковскихъ пригородахъ происходила отъ передѣловъ, то настоящіе владѣльцы однихъ огородовъ и нивъ должны значиться въ описи бывшими владѣльцами другихъ и наоборотъ. Изъ книги автора не видно, такъ ли это было или нѣтъ. Если такъ, то опись даетъ очевидное указаніе на передѣлы и указаніе въ высшей степени важное. Если же настоящіе владѣльцы однихъ нивъ и огородовъ не являются по описи бывшими владѣльцами другихъ въ томъ же пригородѣ, это значитъ, что мы встрѣчаемъ въ описи не передѣлы, а просто исчезновеніе однихъ владѣльцевъ и замѣну ихъ другими. Беремъ для провѣрки писцовую книгу г. Изборска, которой пользовался авторъ ¹⁾. Здѣсь перечислены 32 оброчныя нивы, всѣ съ обозначеніемъ прежнихъ владѣльцевъ и всѣ кромѣ одной съ обозначеніемъ настоящихъ: оказывается, что *ни одинъ* прежній владѣлецъ какой-либо нивы не обозначенъ въ описи настоящимъ владѣльцемъ другой нивы и наоборотъ; прежніе и настоящіе владѣльцы — это два совершенно различныхъ ряда владѣльцевъ, въ которыхъ нѣтъ рѣшительно ни одного общаго имени. Это, очевидно, не передѣлы, а полная смѣна владѣльцевъ. Печерскій монастырь, прежде не владѣвшій въ Изборскѣ ни одною нивою, теперь является здѣсь владѣльцемъ почти трети всего количества нивъ, именно десяти. Такую же смѣну замѣчаемъ въ описаніи 17 оброчныхъ поженъ и 22 огородовъ. Любопытно, что нѣкоторые изъ настоящихъ владѣльцевъ нивъ являются и настоящими владѣльцами поженъ и огородовъ, а лица, прежде владѣвшія поженями или огородными мѣстами, значатся и въ числѣ бывшихъ владѣльцевъ нивъ. Къ этому надобно прибавить, что сама писцовая книга псковскихъ пригородовъ 1585—1587 гг.

1) Въ М. Арх. М. Ю. № 355, л. 657 и сл.

даетъ указаніе, достаточно объясняющее такой переверотъ въ ихъ землевладѣніи и устраняющее надобность въ какой-либо догадкѣ для его объясненія: эти пригороды описаны вскорѣ послѣ войны, когда они испытали нашествіе Баторія и по основанному на описи расчету автора потеряли 92% своего прежняго тяглаго населенія (стр. 110).

Писцовыя книги городовъ XVI в. не ставятъ вопроса о передѣлахъ городскихъ земель, потому что это касалось внутреннихъ отношеній городского общества, въ которыя финансовое управленіе не вмѣшивалось. Если бы авторъ не возбудилъ этого вопроса, въ его книгѣ не образовалось бы замѣтнаго пробѣла. Но есть черты городского быта, которыя въ городскихъ описяхъ XVI в. какъ бы подчеркиваются, но не объясняются. Обойти ихъ нельзя, не жертвуя полнотою изображенія предмета; но для объясненія ихъ необходимо изученіе писцовыхъ книгъ въ полномъ ихъ составѣ и даже при содѣйствіи другихъ источниковъ. Недостаточность источника, которымъ преимущественно пользовался авторъ, нерѣдко мѣшала ему объяснить такія черты съ надлежащей полнотою. Такъ онъ останавливается на терминахъ *шабры*, *сусѣди* и *подсусѣдники*, сопоставляетъ для ихъ объясненія показанія писцовыхъ книгъ, обращается и къ нѣкоторымъ другимъ памятникамъ; но читатель не видитъ, какія отношенія выражались этими терминами, чѣмъ отличались *шабры* отъ *сосѣдей*, а *сосѣди* отъ *подсосѣдниковъ*, не видитъ даже, различаетъ ли авторъ *сосѣдство общественное*, на примѣръ по улицѣ, и *домашнее* — по хозяйству (стр. 63—65, 152 и 324). Точно также авторъ не опредѣляетъ достаточно отчетливо хозяйственно-юридическаго отношенія, которое въ новгородскихъ и псковскихъ писцовыхъ книгахъ выражалось словомъ *поземь*. «Сопоставленіе нѣсколькихъ мѣстъ, читаемъ у автора, даетъ основаніе считать, что словами «позему даетъ» и «найму платитъ» выражаются совершенно одни и тѣ же отношенія, т. е. что этимъ указывается плата отдѣльному юридическому лицу за пользованіе землею, ему принадлежавшею» (стр. 147). Если даже согласиться, что *поземь* и *наемъ* означали одно и то же, остается неяснымъ, называлась ли *поземомъ* плата за *всякое* пользованіе землей и притомъ одной ли землей и почему авторъ думаетъ, что такъ называлась плата за землю именно *юридическимъ* лицамъ, когда *поземщики* бывали, на примѣръ, у земцевъ, лицъ физическихъ. Писцовыя книги названныхъ областей, городскія и уѣздныя, даютъ не мало указаній для разъясненія этихъ вопросовъ. Можно отмѣтить еще одну

подробность, наглядно указывающую на необходимость для полноты изображенія городского быта изучать писцовыя книги въ цѣльномъ ихъ составѣ, не ограничиваясь описями городовъ. Описывая по книгѣ 1500 г. населеніе г. Корелы, авторъ вводитъ въ итогъ тяглыхъ людей этого города и земцевъ, которые имѣли только дворы въ городѣ, а сами жили по своимъ деревнямъ въ уѣздѣ, и дворниковъ, жившихъ въ ихъ городскихъ дворахъ, потому что эти дворники «съ городчаны въ оброкъ тянутъ» (стр. 35). Но въ деревнѣ Сандолакшѣ Кирьяжскаго погоста Корельскаго уѣзда жили въ 16 дворахъ еще 24 земца, о которыхъ книга 1500 г. также замѣчаетъ, что они «тянутъ съ городчаны во всѣ потуги въ городокъ Корелу» (*Времен. Общ. Ист. и Др.* Р. XII, 139). Не извѣстно, слѣдуетъ ли причислять къ тяглуму обществу г. Корелы этихъ земцевъ, о которыхъ авторъ вовсе не упоминаетъ.

Несоразмѣрность основнаго источника съ границами поставленной авторомъ задачи заставляла его обходить и болѣе крупныя вопросы. Таковъ вопросъ о *земцахъ* или *своеземцахъ* Новгородской и Псковской области. Не говоря уже о своеобразности и нѣкоторой загадочности этого класса, самая численность его въ новгородскихъ пригородахъ побуждала изслѣдователя пристально въ него всмотрѣться. Такъ въ г. Ямѣ на 332 чел. всѣхъ поименованныхъ въ книгѣ 1500 г. обывателей по счету автора своеземцевъ значилось 213 чел., т. е. около $\frac{2}{3}$ ¹⁾. Притомъ земцы, какъ городскіе обыватели, находились въ особыхъ условіяхъ, а «воспроизведеніе со всею возможною подробностью условій жизни» городского жителя авторъ поставилъ себѣ «главною цѣлью». Между тѣмъ авторъ, оговорившись, что объ этихъ земцахъ мы имѣемъ вообще «очень мало свѣдѣній», ограничивается указаніемъ мнѣній о нихъ нѣкоторыхъ ученыхъ и немногими собственными наблюденіями, которыя приводятъ его къ нерѣшительному заключенію, что «земцы были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти боярскіе остальныхъ областей, но все же какими-то служилыми людьми» и что къ концу XVI в. они *несомнѣнно* исчезли (стр. 43). Такъ для читателя исчезла въ книгѣ г. Чечулина одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей городовъ названныхъ областей,

¹⁾ Въ счетѣ дворовъ своеземцевъ здѣсь у автора, вѣроятно по корректурному недосмотру, слагаемыя (30, 2, 47, 3, 59 и 8) не сходятся съ суммой 146, которая согласна съ источникомъ (стр. 36 и сл.).

и это произошло отъ того, что земцы, образуя въ началѣ XVI в. замѣтный класъ въ составѣ населенія тамошнихъ городовъ, служили вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ наиболѣе видныхъ связей этихъ городовъ съ ихъ округами, а потому ихъ значеніе не объясняется въ достаточной степени писцовыми книгами однихъ городовъ. Не для того, чтобы пополнить изслѣдованіе г. Чечулина, а единственно съ цѣлью показать, что о земцахъ сохранилось очень не мало свѣдѣній, мы позволяемъ себѣ высказать нѣсколько наблюдений и соображеній объ этомъ любопытномъ класѣ.

Новгородскія писцовыя книги конца XV в. сберегли много первобытныхъ особенностей хозяйственнаго и юридическаго положенія этого класа, которыхъ не успѣла стереть Москва въ 20—30 лѣтъ своего владычества. Многіе своеземцы имѣли дворы въ томъ же городѣ, въ уѣздѣ котораго владѣли землею, рѣже въ городахъ другихъ уѣздовъ. Одни изъ нихъ сами жили въ своихъ городскихъ дворахъ, сдавая земли крестьянамъ или обрабатывая ихъ своими людьми, т. е. холопами; другіе жили въ своихъ деревняхъ, сдавая городскіе дворы дворникамъ, которые за нихъ отбывали городское тягло съ этихъ дворовъ. Слѣдующій расчетъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о размѣрахъ земецкаго землевладѣнія. Къ сѣверу отъ Новгорода въ 30 погостахъ уѣздовъ Новгородскаго, Ладожскаго и Орѣховскаго мы насчитали по книгѣ 1500 г. 388 своеземцевъ, на земляхъ которыхъ находилось 636 дворовъ земецкихъ и крестьянскихъ и засѣвалось около 2400 коробей или десятинъ ржи. Если существовали и два другихъ поля одинаковаго размѣра съ озимымъ, то на дворъ приходилось пашни около 11 десятинъ, а на cadaго земца около 18 десятинъ. Вообще это мелкіе землевладѣльцы, очень похожіе на своихъ крестьянъ-половниковъ: они часто сами пахутъ свои земли и ихъ участки вообще не больше крестьянскихъ. Встрѣчаются рѣдкія исключенія: у троихъ Офромѣвыхъ 58 десятинъ ржаной пашни, что при трехъ поляхъ представляетъ запашку въ 174 десятины; въ имѣніи 16 крестьянскихъ дворовъ. Это очень порядочное помѣстье городского дворянина XVI в. въ любой центральной области государства. Въ Новгородскомъ уѣздѣ земцамъ принадлежало немного болѣе 7% всѣхъ описанныхъ въ книгѣ земель.

Новгородскія писцовыя книги даютъ много цѣнныхъ указаній на хозяйственное положеніе земцевъ, на которомъ мы не останавливаемся. Онѣ также не оставляютъ ничего сомнительнаго и въ юридическомъ характерѣ земецкаго землевладѣнія. Земцы рѣдко

владѣютъ землею въ одиночку; чаще сидятъ они родственными гнѣздами; впрочемъ иногда повидимому соединялись во владѣніи и совѣмъ чужіе другъ другу по происхожденію люди. Очевидно, это землевладѣльческія товарищества, связанные договоромъ, часто еще и родствомъ. Встрѣчаемъ имѣніе въ 5 деревень съ 28 десятинами ржаного посѣва, принадлежавшее 13 совладѣльцамъ, кажется, все родственникамъ; все это имѣніе снято крестьянами. Иныя деревни состоятъ изъ дворовъ однихъ земцевъ-совладѣльцевъ, которые иногда пахутъ совмѣстно; но иногда даже родные братья имѣютъ особые жеребьи въ общей деревнѣ или особыя деревни. Въ одной деревнѣ жили въ 6 дворахъ 7 совладѣльцевъ и сѣяли вмѣстѣ 25 коробей ржи; имъ принадлежало еще 6 деревень, которыя снимали у нихъ крестьяне, засѣвавшіе 54 десят. ржи. Несомнѣнно, что земцы—полные собственники своихъ земель: они продаютъ и закладываютъ ихъ, даютъ въ приданое, выкупаютъ; даже женщины, сестры и вдовы, являются владѣльцами и совладѣльцами такихъ земель. Есть и прямое указаніе на вотчинный характеръ земецкаго землевладѣнія: лѣтопись рассказываетъ, что на третій годъ послѣ подчиненія Пскова московскій государь взялъ съ него въ смоленскій походъ 1000 пищальниковъ и псковскихъ земцевъ; «тогда еще, прибавляетъ она о послѣднихъ, не сведены быша съ своихъ вотчинъ»¹⁾.

Гораздо труднѣе объяснить, какъ возникло землевладѣніе земцевъ. Нѣкоторыя указанія однако приводятъ къ мысли, что первоначально это были не сельскіе обыватели, пріобрѣтавшіе дворы въ городѣ, а именно горожане, пріобрѣтавшіе земли въ уѣздѣ. Среди нихъ встрѣчаемъ поповичей, отцы которыхъ служили при городскихъ церквахъ, также городскихъ ремесленниковъ или людей, родственники которыхъ входили въ составъ промышленнаго населенія города. Въ Новгородскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ земли, о владѣльцахъ которыхъ писцовая книга замѣчаетъ, что это земцы съ такой-то улицы Новгорода. Сохранилось нѣсколько десятковъ грамотъ Соловецкаго монастыря XV и XVI в., данныхъ, вкладныхъ и купчихъ на земли и угодья, пріобрѣтенныя монастыремъ отъ обитателей Новгородской земли преимущественно въ Поморьѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ восходятъ еще ко временамъ независимости Новгорода²⁾. Земли,

¹⁾ Новгор. Писц. книги, изд. Археогр. Ком., ч. III, и Времен. Общ. Ист. и Др. Р. XI, въ разн. мѣст. II. Собр. Р. Лѣт. IV, 289.

²⁾ Рукоп. Сол. мон. въ библиотекѣ Казанск. Дух. Акад. № 18.

которыя прибрѣталъ монастырь, разсѣяны были по бѣломорскому побережью среди обширныхъ владѣній *корельскихъ дѣтей*, принадлежавшихъ къ пяти родамъ, и ихъ мѣстоположеніе обозначается въ грамотахъ выраженіями «промежу пяти родовъ корельскихъ дѣтей» или «куды вся пять родовъ владѣютъ» и т. п. Изъ числа этихъ родовъ были Ровкульцы или Рокульскій родъ. Среди своеземцевъ г. Корелы по книгѣ 1500 г. встрѣчаемъ цѣлое гнѣздо богатыхъ землевладѣльцевъ Рокульскихъ. Эти корельскія дѣти напоминаютъ тѣхъ «молодыхъ людей» или «молодцовъ» новгородскихъ, о промышленныхъ походахъ которыхъ говорятъ новгородскія лѣтописи XIV и XV в. Дружины подобныхъ молодцовъ изъ г. Корелы когда-то въ XV в. или раньше заняли обширныя пространства по Бѣломорью и образовали 5 родственныхъ землевладѣльческихъ товариществъ, которыя нѣкоторое время и подъ московской властью носили названіе пяти родовъ корельскихъ дѣтей. Родственно-товарищескій, *сябренный* способъ прибрѣтенія и владѣнія долго и послѣ оставался одной изъ особенностей земецкаго землевладѣнія, отличавшей его отъ новгородскаго боярскаго землевладѣнія. Каждый членъ такого товарищества располагалъ своимъ участкомъ, какъ личной собственностью. Въ одной грамотѣ изъ указаннаго сборника читаемъ, что посадникъ Дмитрій Васильевичъ купилъ у принадлежавшей къ роду Рокульскихъ Ховри Кукоевой ея «отцину и дѣдину на морѣ на Выгу» и по другимъ рѣкамъ Бѣломорья, «а продала она Ховра посаднику отцину свою Рокульскаго роду». Понятно, что путемъ отчужденія участковъ первоначальный составъ родственнаго товарищества разрушался, принимая въ себя чужеродцевъ; товарищество прибрѣтателей распадалось посредствомъ раздѣла совмѣстно прибрѣтенной земли на отдѣльные участки. Но нѣкоторая юридическая связь оставалась и при разстройствѣ родственной цѣльности и землевладѣльческой солидарности товарищества. Изъ одной статьи Псковской Судной грамоты видно, что въ случаѣ спора объ участкѣ сябренной земли, прибрѣтенномъ по купчей грамотѣ, всѣ сябры становились на судъ для отвѣта и клали передъ судьями грамоты на свои земли. Есть указанія и на другія связи. Въ 1470-хъ годахъ «корельскія дѣти», собравъ свои родовыя отряды и получивъ помощь отъ новгородцевъ, ходили ратью въ Каяскую землю (Финляндію), мстя за какую-то обиду, нанесенную имъ каянцами. Память объ этомъ походѣ сохранилась въ одной вкладной грамотѣ Соловецкаго монастыря, изъ которой узнаемъ, что предводитель рати нѣкто Федоръ Ивановичъ и новгородцы и

дѣти корельскія Вымольцы и Тиврульцы (два рода изъ упомянутыхъ пяти) и вся рать каянская, ходившая на Юю рѣку «за обѣду дѣтей корельскихъ», по окончаніи похода пожертвовали на Соловки колоколь. О томъ, какъ совершались земельныя приобрѣтенія земецкими товариществами, сохранилось любопытное извѣстіе въ повѣсти о псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, составленной въ началѣ XVII вѣка, но по болѣе древнимъ источникамъ. Мѣсто, гдѣ потомъ возникъ монастырь, было пустынно и покрыто лѣсомъ, куда обыватели Изборска и другихъ ближнихъ поселеній ходили для звѣринаго промысла. Около 1470 г. «ту землю и лѣсъ взяша въ слободу у всѣхъ псковичъ съ вѣча люди земцы градскіе и сельскіе... сіе же мѣсто около пещеры абіе дастся въ жребій нѣкоему человѣку Ив. Дементіеву, той же Иванъ постави деревню въ подгоріи». Изъ дальнѣйшаго разсказа повѣсти узнаемъ, что этотъ Ив. Дементьевъ, участникъ земецкаго товарищества, раздѣлившаго приобрѣтенную пустыню на участки между своими членами, былъ городской земець, который и послѣ разсказаннаго продолжалъ жить въ г. Псковѣ и когда около его деревни въ горѣ построена была пещерная церковь Успенія, далъ «отъ своей деревни удѣломъ земли Преч. Богородицѣ на память себѣ» отъ той церкви «на поприще». Участокъ, доставшійся Дементьеву, былъ, очевидно, полной собственностью вкладчика. Такимъ образомъ первоначальнымъ юридическимъ источникомъ земецкаго землевладѣнія въ областяхъ вольныхъ городовъ можно признать правительственную раздачу незанятыхъ казенныхъ земель («въ слободу», на льготныхъ условіяхъ въ собственность землевладѣльческимъ товариществамъ, составившимся изъ горожанъ и сельчанъ съ цѣлью разработки такихъ земель. Другіе способы приобрѣтенія земецкихъ вотчинъ, вскользь упоминаемые писцовыми книгами конца XV вѣка, куплю, мѣну и т. п. надобно считать уже вторичными, позднѣйшими источниками этого землевладѣнія.

Но едва-ли не самый трудный вопросъ въ исторіи земцевъ — ихъ судьба подъ московской властью. Не осталось прямыхъ указаній на государственныя повинности, какія падали на земецкое землевладѣніе во времена вольности Новгорода и Пскова. Во всякомъ случаѣ съ паденіемъ обоихъ городовъ ихъ земцы въ этомъ отношеніи должны были подчиниться московскимъ порядкамъ. Но по этимъ порядкамъ недвижимыя имущества земцевъ подлежали двумъ категоріямъ повинностей: какъ городскіе дворовладѣльцы, они должны были тянуть городское подворное тягло; какъ на сельскихъ

вотчинниковъ, на нихъ падала ратная служба. Повидимому, и во времена вольности земцы, какъ городскіе обыватели, по своимъ правамъ и обязанностямъ ничѣмъ не отличались отъ другихъ горожанъ-дворовладѣльцевъ. Въ такомъ же отношеніи къ городу оставила ихъ и Москва: по книгамъ московскихъ писцовъ они жили на тяглыхъ городскихъ мѣстахъ, тянули въ оброкъ и во всѣ поуги съ городчанами и подобно имъ дѣлились по размѣрамъ тягла на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ. Словомъ, земцы, какъ городскіе обыватели, не составляли особаго класса въ юридическомъ смыслѣ слова, а отличались отъ прочихъ горожанъ только имущественнымъ положеніемъ: тяглый горожанинъ, приобрѣтавшій землю въ уѣздѣ, становился земцемъ, но не переставалъ быть тяглымъ горожаниномъ. Самыя эти званія мѣшались въ книгахъ: одни и тѣ же люди въ перечнѣ городскихъ дворовъ называются своеземцами, а въ описаніи земецкихъ вотчинъ въ уѣздѣ городскими людьми, а ихъ вотчины «своеземцевыми и купецкими землями».

Не такъ легко было устроить землевладѣльческое положеніе земцевъ. Здѣсь московское правительство затрудняли самое разнообразіе и непривычныя для него способы земецкаго землевладѣнія. Оно было и единоличное и коллективное, и раздѣльное и совмѣстное; земцы и сами пахали, и обрабатывали земли своими людьми, и сдавали ихъ крестьянамъ, и снимали изъ оброка чужія земли. Московскому взгляду, уже привыкавшему къ точной раздѣльности социальныхъ категорій, земець долженъ былъ представляться путаницей общественныхъ состояній, беспорядочнымъ смѣшеніемъ посадскаго горожанина, служилаго землевладѣльца и оброчнаго крестьянина. Въ писцовыхъ книгахъ и другихъ памятникахъ уцѣлѣли слѣды той разборки, посредствомъ которой Москва старалась раздѣлить столь спутанныя отношенія и подогнать ихъ подъ свои мѣрки. Руководясь наиболѣе очевидными признаками, однихъ земцевъ, жившихъ въ своихъ деревняхъ и по землевладѣльческой обстановкѣ похожихъ на служилыхъ московскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, верстали въ ратную службу, другихъ менѣе состоятельныхъ приписывали къ крестьянскимъ обществамъ. Не ясно только положеніе земцевъ, которые, владѣя значительными вотчинами въ уѣздѣ, жили своими дворами и промышляли въ городѣ. Ихъ несомнѣнно оставили на городскомъ тягѣ; но нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы городское тягло освобождало ихъ отъ ратной службы съ ихъ вотчинъ. Такую сортировку облегчало московскимъ писцамъ то, что нѣкоторые земцы, владѣвшіе мелкими дере-

веньками, снимали участки у сосѣднихъ помѣщиковъ и сами ихъ пахали, даже селились въ помѣщичьихъ деревняхъ наряду съ крестьянами и принимали на себя крестьянскія повинности ¹⁾). Въ одномъ актѣ вскрывается такой ходъ дѣла. Въ 1555 г. черные крестьяне двухъ становъ Пусторжевскаго уѣзда жаловались, что нѣкоторыми деревнями и починками, приписанными писцомъ къ ихъ волостямъ въ тягло, владѣютъ земцы и ямщики и тягла съ ними не тянутъ. Правительство отвѣчало, что если тѣ деревни и починки писецъ дѣйствительно записалъ въ одинъ разрядъ съ черными деревнями, они должны тянуть тягло вмѣстѣ съ послѣдними по книгамъ, а если они записаны за земцами и ямщиками отдѣльно, не въ числѣ черныхъ деревень, или даны владѣльцамъ въ помѣстье, эти владѣльцы должны и тягло съ нихъ тянуть отдѣльно. Но и въ первомъ случаѣ не предписывается отобрать земли у земцевъ; слѣдовательно они въ этомъ случаѣ должны были принять на себя крестьянское тягло, а во второмъ остаться вотчинниками или помѣщиками и нести соотвѣтственныя повинности. И писцовыя книги XVI в. указываютъ на отдѣльные случаи приписки земецкихъ деревень къ дворцовымъ волостямъ въ крестьянское тягло и даже на цѣлыя сельскія общества земцевъ, которые прямо и называются крестьянами ²⁾). Здѣсь земцы оставались земгвладѣльцами, только на другомъ правѣ, изъ вотчинниковъ превращались въ тяглыхъ владѣльцевъ казенной земли. Поземельное тягло было однимъ изъ юридическихъ признаковъ, что владѣемая тяглымъ человекомъ пахотная земля съ принадлежащими къ ней угодьями составляетъ собственность казны. Другимъ такимъ признакомъ, отличавшимъ преимущественно отдѣльныя угодья, служилъ казенный оброкъ. Если собственникъ угодья не несъ съ него ратной повинности, оно облагалось оброкомъ и переставало быть вотчиной владѣльца. Уцѣлѣлъ документъ, въ которомъ описанъ повидимому случай примѣненія такого московскаго порядка къ новгородскому землевладѣнію. Въ одной лѣтописи читаемъ краткое извѣстіе, что въ 1536 г. присланъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ конюхъ государевъ Бунда съ дьякомъ отписать у всѣхъ новгородскихъ околгородскихъ монастырей и городскихъ церквей пожни и отдать ихъ «въ бразгу, что которая пожня стоитъ, тѣмъ же монастыремъ и церковникомъ». Сохранилась отписная книга съ подробнымъ перечнемъ по-

¹⁾ *Временникъ*, XII, 64. Новг. Писц. кн. III, 73 и 75.

²⁾ Доп. къ А. И. I, № 57. Новг. Писц. кн. IV, 507.

женъ, отписанныхъ у церквей и монастырей по этому распоряженію московскаго правительства ¹⁾. Изъ словъ лѣтописи и изъ этой отписной книги видно, что предположено было не фактическое отобрание сѣнныхъ покосовъ у церковныхъ владѣльцевъ, а измѣненіе ихъ юридическаго отношенія къ владѣемымъ ими угодьямъ: пожни были «пооброченены на вел. князя» и отданы въ «оброкъ» за немногими исключеніями прежнимъ владѣльцамъ, монастырскія игумена — съ братіей, церковныя притчамъ церквей; «та пожня, по обычному выраженію документа, дана тое-же церкви попу съ товарищи на весь причетъ церковный». Это значитъ, что право собственности церквей и монастырей на отписанныя пожни замѣнено было правомъ пользованія по найму у казны, которая стала собственницей этихъ угодій. Но эта операція не ограничилась монастырскими и церковными пожнями. Въ томъ же документѣ помѣщенъ перечень еще нѣсколькихъ десятковъ поженъ, которыя въ томъ же 1536 г. писалъ и мѣтилъ Бунда съ товарищами и оброчилъ на вел. князя. Эти пожни «косили монастыри и церковные люди и земцы и черные люди безъ найму», и онѣ теперь также отдавались въ оброкъ большею частью прежнимъ владѣльцамъ. При этомъ владѣльцы духовные и свѣтскіе клали передъ комиссіей крѣпости, по которымъ они владѣли пожнями, «грамоты старыя за свинчатными печатми», купчія своихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и свои собственныя духовныя, закладныя кабалы: очевидно, отписанныя пожни принадлежали владѣльцамъ на правѣ собственности. Впрочемъ предъявленіе такихъ актовъ не было непрежѣннымъ условіемъ обратнаго полученія пожни въ оброчное содержаніе прежнимъ владѣльцемъ: пожня возвращалась ему и при отсутствіи крѣпости, по факту владѣнія; только при столкновеніи фактическаго владѣльца съ претендентомъ по крѣпости пожня отдавалась послѣднему. Большинство владѣльцевъ отписныхъ поженъ — горожане изъ разныхъ концовъ и улицъ Новгорода, торговые и ремесленные *черные*, тяглые люди; земцы, отличаясь отъ нихъ званіемъ, ничѣмъ не отличаются ни въ происхожденіи, ни въ условіяхъ какъ прежняго вотчиннаго, такъ и новаго оброчнаго владѣнія пожнями. Изъ всего этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что эти земцы по своимъ положеннымъ въ оброкъ пожнямъ вступали въ разрядъ черныхъ тяглыхъ людей или, точнѣе, ихъ пожни были положены въ оброкъ по ихъ эконо-

¹⁾ П. С. Лѣт. VI, 299. Писц. книга въ Моск. Арх. Мин. Юст. № 707, л. 1 и сл.

мической и соціальной близости, какъ мелкихъ владѣльцевъ, къ чернымъ тяглымъ людямъ, и во-вторыхъ, эта перемѣно въ ихъ юридическомъ положеніи произошла отъ замѣны мѣстныхъ новгородскихъ источниковъ права новыми московскими: въ отписной книгѣ 1536 г. прямо сказано, что отписывали пожни у тѣхъ монастырей и церквей, «у которыхъ грамотъ великаго князя жалованныхъ нѣтъ и въ писцовыхъ книгахъ имъ не написано», хотя у нихъ и были на тѣ пожни грамоты старыя отъ временъ новгородской вольности. Новыя условія владѣнія могли быть не подѣ силу многимъ владѣльцамъ, и въ отписной книгѣ встрѣчаемъ характерное извѣстіе объ одномъ земцѣ, который положилъ передъ комиссіей духовную грамоту на свою пожню «да пожни ступился», отказался владѣть ею, и она отдана была въ оброкъ другому. Особымъ образомъ поступили съ значительными земецкими вотчинами, принадлежавшими многимъ совмѣстнымъ владѣльцамъ, изъ коихъ каждый однако не былъ въ состояніи отбывать службу съ своей доли въ полномъ размѣрѣ: совладѣльцевъ, напримѣръ братьевъ, заставляли служить «по годома перемѣняся», или, пользуясь владѣльческой солидарностью сябровъ, одного изъ товарищей записывали въ службу, а другимъ указывали ему «подмогать» и въ случаѣ безпотомственной смерти такихъ помощниковъ ихъ доли вотчины отдавали взаимъ подмоги тому, кто служилъ за нихъ ¹⁾. Такъ одни изъ земцевъ стали тяглыми, а другіе служилыми людьми, и послѣдніе по разряднымъ книгамъ уже съ конца XV в. отбывали ратную службу съ своихъ вотчинъ наравнѣ съ городовыми дѣтьми боярскими, испомѣщенными въ Новгородской области. Но и у служилыхъ земцевъ вотчинное право и самыя вотчины уходили изъ рукъ по разнымъ причинамъ, прежде всего политическимъ. Торжество московской власти въ Новгородѣ и Псковѣ сопровождалось, какъ извѣстно, обширной экспроприаціей мѣстнаго землевладѣнія: боярь и другихъ крупныхъ вотчинниковъ, какъ опасныхъ людей для Москвы, массами переселяли во внутреннія области, отписывая ихъ отчины на государя. Земецкое землевладѣніе также сильно пострадало при этомъ: новгородскія писцовыя книги конца XV в. въ перечняхъ земель, отобранныхъ на государя и розданныхъ московскимъ помѣщикамъ, называютъ множество земцевъ рядомъ съ бывшими новгородскими боярами. Переходъ земецкихъ вотчинъ въ казну продолжался и въ XVI вѣкѣ: о многихъ земляхъ, которыми еще въ концѣ XV в. вла-

¹⁾ Новг. Писц. кн. IV, 539, 547 и 552.

дѣли земцы, писцовыя книги второй половины XVI в. кратко замѣчаютъ: «были деревни своеземцевы, а нынѣча за государемъ». Потомъ надобно предположить въ XVI в. какую-либо мѣру или рядъ мѣръ, превратившихъ вотчины многихъ земцевъ въ ихъ же помѣстья. Такое предположеніе вызывается сравнительнымъ изученіемъ земецкаго землевладѣнія по писцовымъ книгамъ конца XV и конца XVI в. Такъ книга Вотской пятины 1582 года, перечисляя порожнія земли въ Климецкомъ и другихъ погостахъ, называетъ ихъ помѣстьями тѣхъ самыхъ земцевъ или дѣтей тѣхъ земцевъ, которые по книгѣ 1500 г. владѣли ими, какъ вотчинами. Объяснить это превращеніе тѣмъ труднѣе, что оно не было общей мѣрой, лишившей всѣхъ земцевъ права вотчиннаго владѣнія, и указанія на вотчины земцевъ встрѣчаемъ въ писцовыхъ книгахъ, хотя и не часто, до конца XVI в.¹⁾

Такимъ образомъ въ продолженіе XVI в. классъ земцевъ распался. Городскіе тяглые земцы во всѣхъ сѣверныхъ такъ-называвшихся *поморскихъ* городахъ удержали за собою право вотчиннаго землевладѣнія въ уѣздѣ; но и съ этихъ вотчинъ они тянули тягло и въ XVII в. рядомъ указовъ такимъ тяглымъ землевладѣльцамъ изъ горожанъ запрещено было отчуждать свои деревенскіе участки нетяглымъ людямъ. Земцы, приписанные къ сельскимъ обществамъ, потонули въ крестьянствѣ; но служилые земцы и въ первыя десятилѣтія XVII в. еще не слились съ дворянами и дѣтьми боярскими не смотря на свое сходство съ ними въ правахъ и обязанностяхъ. Ихъ верстали помѣстьями совершенно такъ же, какъ и дѣтей боярскихъ, инымъ назначали оклады даже крупнѣе чѣмъ инымъ изъ послѣднихъ; они мѣнялись помѣстьями съ дѣтьми боярскими, несли одинаковыя съ ними службы, подобно имъ могли имѣть вотчины, входили въ составъ мѣстныхъ служилыхъ корпорацій; писцовыя книги и десятины въ своихъ перечняхъ и итогахъ считали ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими; въ просторѣчій ихъ прямо такъ и называли. При всемъ томъ земцы сохраняли свое особое званіе, не участвовали въ чиновномъ движеніи дѣтей боярскихъ; при одинаковыхъ съ послѣдними обязанностяхъ ихъ служба заключала въ себѣ нѣкоторыя особенности, по кото-

¹⁾ Ср. Новг. Писц. кн. III, 75 и сл. и рукописную писц. кн. Вотской пят. 1582 г. въ М. Арх. Мин. Юст. № 958, л. 8 и сл. Слѣды земецкихъ вотчинъ въ Новг. Писц. кн. IV, 547, въ рукоп. писц. книгахъ того же архива № 967, л. 368, № 968, л. 532 и сл.

рымъ она носила спеціальное названіе *земной службы*; «земцкія земли» составляли какъ бы особый видъ служилого землевладѣнія, описывались въ писцовыхъ книгахъ отдѣльно отъ другихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и ихъ старались не мѣшать съ послѣдними, удерживая постоянно въ рукахъ земцевъ¹⁾.

Теперь можно нѣсколько исправить взглядъ автора на земцевъ. Прежде всего надобно различать земцевъ разныхъ эпохъ. Во времена независимости вольныхъ городовъ это были большею частью мелкіе землевладѣльцы-собственники преимущественно изъ горожанъ. Подъ московской властью значительная часть ихъ слилась съ сельскими или городскими обществами и званіе земцевъ удержалось по крайней мѣрѣ до половины XVII в. только за тѣми изъ нихъ, которые несли ратную службу. Эти послѣдніе составляли особый разрядъ служилыхъ землевладѣльцевъ *туземною* происхожденія среди переселенныхъ изъ другихъ областей дворянъ и дѣтей боярскихъ, не входили въ ихъ чиновную іерархію, хотя раздѣляли ихъ права и обязанности. Значитъ, о земцахъ мы имѣемъ не «очень мало свѣдѣній», какъ думаетъ авторъ, и на основаніи этихъ свѣдѣній можемъ сказать, что земцы отличались отъ дѣтей боярскихъ, хотя и не стояли ниже ихъ, и были не «какими-то», а обыкновенными областными или городскими служилыми людьми, служившими съ вотчинъ и помѣстій, и не «исчезли» къ концу XVI в.

Изложивъ замѣчанія объ отдѣльныхъ мѣстахъ книги г. Чечулина, выскажемъ о ней общее сужденіе. Мы вполне согласны съ убѣжденіемъ автора въ возможность полезнаго изслѣдованія, перерабатывающаго только данныя писцовыхъ книгъ о городахъ XVI в. При этомъ надобно лишь избѣгнуть указанной самимъ авторомъ опасности поставить свое изслѣдованіе въ излишнюю зависимость отъ одного источника. Для автора эта опасность заключалась въ трудности установить отношеніе къ вопросамъ, возбуждаемымъ

¹⁾ Десятни въ М. Арх. М. Ю. №№ 131 и 140 въ разн. мѣст. *Времен. Общ. И. и Др.* Р. VI, 21. Доп. къ А. И. I, №№ 140 и 52, VI. Корпоративная связь новгородскихъ земцевъ съ мѣстными дворянами и дѣтьми боярскими видна изъ того, что имъ по верстанью указывали «служить съ пятиною вмѣстѣ» и что они бывали городскими прикащиками, которыхъ обыкновенно выбирало все общество дворянъ и дѣтей боярскихъ округа. Десятня № 123, л. 29, 31 и 38. Слово *земцы* извѣстно было и въ другихъ областяхъ кромѣ Новгорода и Пскова. Въ Тамбовскомъ краю по актамъ XVII в. такъ назывались и крестьяне и полковые казаки въ смыслѣ совмѣстныхъ владѣльцевъ земли или угодій и притомъ съ значеніемъ туземцевъ-старожиловъ. И. Николаева, Матер. относящ. къ ист. Тамб. края (Тамбовъ. 1884).

писцовыми книгами городовъ, но не рѣшаемымъ ихъ указаніями. Чтобы устранить это затрудненіе, нужно было помощію критическаго изученія источника соразмѣрить постановку задачи со средствами, какія можно почерпнуть изъ него для ея рѣшенія. Мы для того и остановились такъ долго на спорныхъ или сомнительныхъ мѣстахъ книги г. Чечулина, чтобы яснѣе показать связь ихъ съ постановкой, какую авторъ далъ своей задачѣ. Поставивъ себѣ цѣлью разяснить положеніе городовъ, какъ культурныхъ центровъ, воспроизвести со всею возможной подробностью условія жизни городского жителя, трудно уже найти такую сторону городской жизни, обойти которую позволяла бы задача, такъ широко и неясно опредѣленная. Надобно было рассмотреть жизнь города во всей полнотѣ ея интересовъ и отношеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ касаются писцовыя книги городовъ, а писцовыя книги далеко не разясняютъ всего, чего касаются, и не представляютъ достаточно данныхъ для столь сложнаго и многосторонняго изображенія предмета. Описывая церкви, древнерусскіе писцы пересчитывали и книги, въ нихъ находившіяся; но точному опредѣленію «тогдашняго уровня умственнаго развитія и знанія» едва-ли много поможетъ то, что въ церквяхъ нѣкоторыхъ городовъ авторъ насчиталъ по описаніямъ не менѣе 2000 книгъ (стр. 312). Побуждаемый широкими требованіями задачи, авторъ и ставилъ вопросы, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ не нашлось достаточно средствъ ни въ самомъ источникѣ, ни въ распоряженіи автора. Между тѣмъ среди опредѣленной задачи, какія находимъ у автора въ предисловіи и введеніи, есть одно, наиболѣе соответствующее и свойству его основнаго источника, и самому плану его труда. «Наше изслѣдованіе, пишетъ авторъ (стр. 12), есть главнымъ образомъ собраніе, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами». Въ зависимости отъ этого нѣкоторые вопросы онъ обѣщаетъ разобрать весьма подробно, другіе по недостатку свѣдѣній менѣе подробно, а третьихъ,—можно было бы прибавить,—и вовсе не касаться, какъ не входящихъ въ составъ задачи, такъ поставленной. Положительные результаты, которыхъ добился авторъ и которые придаютъ научную цѣну его книгѣ, прямо отвѣчаютъ именно на эту задачу. Перечислимъ теперь эти результаты. Они тѣсно связаны съ планомъ изслѣдованія.

Авторъ поступилъ очень обдуманно и цѣлесообразно, распредѣливъ свой матеріалъ географически, по мѣстностямъ, а не по разнымъ сторонамъ городского быта. Онъ разбираетъ сначала данныя

объ отдѣльныхъ городахъ и только въ послѣдней главѣ даетъ общій разносторонній очеркъ городовъ. Сохранившійся запасъ писцовыхъ книгъ XVI в. далъ автору возможность расположить въ своемъ обзорѣ описываемые ими города полосами по направленію съ сѣверо-запада къ юговостоку. Авторъ разсматриваетъ сначала новгородскіе пригороды и г. Торопецъ вмѣстѣ съ Устюжной, потомъ пригороды псковскіе, торгъ и промысловыя заведенія г. Пскова, дагѣе города ближайшіе къ Москвѣ и наконецъ города по южной и юго-восточной окраинѣ государства. Неожиданныя сочетанія въ этой группировкѣ въ родѣ того, что Муромъ оказался въ группѣ городовъ ближайшихъ къ Москвѣ, а города, какъ Зарайскъ, Тула, Рязань, ближе лежащіе къ Москвѣ, отнесены къ крайней группѣ, не повредили перспективѣ изслѣдованія. Наблюдая въ каждой полосѣ количество городского населенія, его общественный составъ, численныя отношенія составныхъ частей или классовъ, занятія и повинности городскихъ жителей, землевладѣніе, торговлю, ремесла и промысловыя заведенія въ городахъ, авторъ не только тщательно выбиралъ изъ своего источника черты, изображающія городъ со всѣхъ этихъ сторонъ, но и слѣдилъ за тѣмъ, какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ различались между собою города разныхъ полосъ, и старался объяснить происхожденіе этихъ различій. Такъ помощью подробныхъ, иногда микроскопическихъ наблюденій постепенно обозначились въ изслѣдованіи г. Чечулина мѣстные типы городовъ. Итоги отдѣльныхъ наблюденій надъ социальнымъ составомъ, экономическимъ положеніемъ и мѣстными особенностями городовъ сведены въ заключительной главѣ сочиненія, представляющей общій очеркъ положенія городовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. Этотъ очеркъ и намъ послужитъ основаніемъ при перечисленіи главныхъ выводовъ, къ какимъ пришелъ авторъ.

И въ этомъ очеркѣ повторены многія сомнительныя положенія, высказанныя авторомъ въ предыдущихъ главахъ, нѣкоторыя даже усилены. Такъ авторъ повторяетъ свое предположеніе о передѣлахъ городской земли; только предположеніе здѣсь является уже доказаннымъ выводомъ, «естественнымъ и несомнѣннымъ» фактомъ, даже распространяется и на лавки (стр. 322 и 336). На основаніи описей только двухъ городовъ Можайска и Коломны авторъ рѣшительно утверждаетъ, что къ концу XVI в. «въ центральныхъ городахъ черныхъ посадскихъ людей почти уже не было», хотя по цифрамъ самого автора, приведеннымъ выше, въ своемъ мѣстѣ его книги, выходитъ, что въ Можайскѣ въ самомъ концѣ XVI в. тяг-

лыхъ посадскихъ людей считалось не менѣе 35% всего обозначеннаго въ описи населенія города ¹⁾. Но отдѣльныя положенія такого рода не закрываютъ крупныхъ результатовъ разсматриваемаго труда. Цѣннымъ дѣломъ надобно признать прежде всего самое собраніе писцовыхъ данныхъ о городахъ, которымъ значительно пополняется и провѣряется существующее представленіе о предметѣ. Это представленіе отличается нѣсколько отвлеченнымъ, схематическимъ характеромъ, что объясняется свойствомъ памятниковъ, на которыхъ оно основано, преимущественно актовъ законодательныхъ и распорядительныхъ, указывающихъ больше норму, чѣмъ практику отношеній. Имѣя дѣло съ мало тронутыми и большою частью неизданными памятниками, авторъ, по его словамъ, считалъ необходимымъ «представить читателю по возможности весь матеріалъ, всѣ цифры и данныя», которыя служили ему для того или другаго вывода (стр. IV). Этотъ обильный статистическій матеріалъ, хотя и разбѣянный въ текстѣ изслѣдованія, облегчая читателю возможность провѣрять и даже расширять выводы автора, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ много конкретныхъ подробностей, изображающихъ дѣйствительное положеніе русскаго города въ XVI в. Цѣлесообразная группировка этого матеріала у автора помогаетъ читателю довольно отчетливо представить себѣ сравнительную населенность городовъ, степень сложности ихъ общественнаго состава, наличность хозяйственныхъ средствъ и напряженность торгово-промышленнаго оборота. Притомъ авторъ не ограничивается сборомъ и группировкой писцовыхъ данныхъ, но по возможности разбираетъ и объясняетъ ихъ. Онъ вѣрно отмѣтилъ особенность своего источника, сказавъ (стр. 10), что «въ писцовыхъ книгахъ во многихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, въ итогахъ, въ разныхъ опредѣленіяхъ, встрѣчающихся при одномъ и томъ же собственномъ имени, раскрываются иногда очень важныя данныя для рѣшенія разныхъ вопросовъ». Если авторъ не всегда удачно рѣшалъ такіе вопросы, то онъ подобралъ въ писцовыхъ книгахъ и сопоставилъ много любопытныхъ указаній, облегчающихъ ихъ рѣшеніе. Таковы собранныя имъ и частью объясненныя данныя о городскомъ дво-

¹⁾ Именно 204 чел. изъ 570 (стр. 313, 157 и 158). Къ сожалѣнію, здѣсь приходится еще разъ указать на неисправность корректуры у автора именно въ цифрахъ, составляющихъ главный интересъ его книги. По одной и той же описи въ Можайскѣ показано дворовъ посадскихъ людей (на стр. 157) 116 и 85, а на стр. 173—205, въ Коломнѣ на стр. 156—11½ и 22, а на стр. 173—32½ дв.

ровладѣніи и землевладѣніи, о городскихъ обывателяхъ, жившихъ въ чужихъ дворахъ, о значеніи дворниковъ въ осадныхъ городскихъ дворахъ (стр. 270 и сл.), о выходахъ изъ состояніи тяглыхъ посадскихъ людей (стр. 285) и мн. др. Вообще благодаря вниманію, съ какимъ авторъ вчитывался въ изучаемые памятники и старался отмѣчать въ нихъ всякую даже мелкую черту, любопытную въ какомъ-либо отношеніи, онъ успѣшно выполнилъ одну часть своей задачи, объяснилъ составъ и занятія городского населенія, не нашедши въ своемъ источникѣ средствъ для выполнения другой части, опредѣленія культурнаго значенія города. Особенно цѣннымъ результатомъ труда г. Чечулина надобно признать указаніе особенностей, какими отличались города разныхъ полось (стр. 343—349). Въ этомъ отношеніи авторъ дѣлитъ ихъ на три группы: города сѣверозападные, центральные и города по южной и юговосточной окраинѣ. Достаточно отмѣтить главныя отличительныя черты, указанные авторомъ, чтобы оцѣнить значеніе этой группировки. Въ сѣверозападныхъ городахъ, собственно только въ пригородахъ Новгорода и Пскова, авторъ отмѣчаетъ однообразный, почти исключительно тяглый посадскій составъ населенія, его усидчивость и опредѣленность общественныхъ отношеній, преобладаніе земледѣлія въ хозяйственномъ быту. Напротивъ города центральные отличались болѣею пестротою соціального состава, пониженіемъ процента тяглаго посадскаго населенія, значительнымъ количествомъ лично-зависимыхъ людей, подвижностью населенія, выражавшеюся въ усиленномъ бѣгствѣ отсюда посадскихъ людей, и вмѣстѣ большимъ развитіемъ ремесленной дѣятельности на счетъ хлѣбопашества. Въ городахъ по южной и юговосточной окраинѣ, имѣвшихъ преимущественно значеніе крѣпостей, замѣтны усиленіе и даже преобладаніе военнаго элемента въ составѣ населенія, то же господство ремесла и торговли надъ земледѣліемъ, ту же бродячесть сборнаго населенія, неустановленность общественныхъ отношеній. Эти выводы не потеряютъ своей цѣны, если даже нѣкоторыя изъ нихъ будутъ исправлены дальнѣйшимъ изученіемъ. Во всякомъ случаѣ благодаря имъ уже нельзя покрывать одной характеристикой всѣ города Московскаго государства, какъ иногда дѣлали прежде. Потому авторъ имѣлъ право указаніе этихъ мѣстныхъ различій считать главнымъ результатомъ своего труда (стр. 312).

Сочиненіе г. Чечулина — добросовѣстный трудъ, основанный на внимательномъ изученіи мало тронутаго источника, стоившій усиленной борьбы съ трудностями этого источника и большой

черновой работы надъ нимъ, дающій читателю немало цѣнныхъ, освѣщающихъ предметъ выводовъ и еще больше матеріала для выводовъ, могущихъ усилить это освѣщеніе. Думаемъ, что эти качества изслѣдованія, несмотря на нѣкоторое несоотвѣтствіе его задачи средствамъ и на признаки нѣсколько поспѣшнаго его изданія, дадутъ достаточное основаніе удостоить книгу г. Чечулина искомой имъ преміи.

VI.

И. М. Каманинъ, Статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-Западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.). (Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый Коммиссією для разбора древнихъ актовъ, состоящею при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Часть V, томъ II. Кіевъ. 1890).

Рецензія академика **К. С. Веселовскаго.**

Во второмъ томѣ пятой части Архива Юго-Западной Россіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1890 году, напечатаны г. Каманинымъ въ подлинникѣ, на сколько онѣ сохранились, производившіяся при польскомъ правительствѣ переписи еврейскаго населенія Юго-Западнаго края въ 1765—1791 годахъ, извлеченныя авторомъ изъ актовыхъ книгъ Кіевского Центральнаго Архива. Эти переписи, занимающія 729 страницъ, съ приложеннымъ къ нимъ полнымъ и подробнымъ указателемъ личныхъ и географическихъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся (въ 316 страницъ), составляютъ историческій документъ несомнѣнной важности для изученія быта того края за сто лѣтъ предъ симъ, и въ особенности для разъясненія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ того спеціальнаго населенія, до котораго эти переписи относились. Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и посвящено изслѣдованіе И. М. Каманина, помѣщенное передъ переписями, въ началѣ перваго тома, и занимающее 239 страницъ. Этотъ самостоятельный и по своевременности своего появленія замѣчательный историческій трудъ вполне относится къ числу такихъ, которые подходятъ подъ условія Уваровскаго конкурса.

При выборѣ темы для своего изслѣдованія авторъ руководствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что приложеніе статистическихъ дан-

ныхъ къ рѣшенію вопросовъ объ экономическомъ вліяніи одной народности или сословія на бытъ остальнаго населенія въ государствѣ является важнѣйшимъ условіемъ и обезпеченіемъ правильности рѣшенія такихъ вопросовъ; а подобное приложеніе представляется особенно не только полезнымъ, но даже необходимымъ, когда рѣчь заходитъ о евреяхъ, надъ которыми тяготѣетъ многовѣковое обвиненіе въ эксплуатаціи народной массы. Такое обвиненіе слышится не только въ нашемъ отечествѣ, но и у другихъ сосѣднихъ народовъ, и заявляется не только въ наше время, но доносится до насъ и изъ отдаленной древности. Отъ жалобъ на такую эксплуатацію не свободна и старая Польша, гостепріимно принявшая нѣкогда въ свои предѣлы евреевъ и долго оказывавшая имъ покровительство и поддержку. Единственнымъ средствомъ провѣрки справедливости такихъ жалобъ можетъ служить, по весьма вѣрному замѣчанію автора, старательное и правильное изученіе статистическихъ данныхъ и сопоставленіе ихъ съ данными о состояніи культуры въ государствѣ.

Статистическія изслѣдованія о евреяхъ въ Польшѣ представляютъ собою важный научный интересъ не только по отношенію къ судьбамъ нашего Юго-Западнаго края, но еще въ особенности потому, что евреи пользовались сравнительно большею свободою въ Рѣчи Посполитой, со времени своего поселенія тамъ (въ VIII—X в.) и до окончательнаго раздѣла Польши въ концѣ прошлаго столѣтія, т. е. въ теченіе почти восьми или десяти столѣтій,—такою свободою, при которой они имѣли право и возможность выбора между профессіями. Съ этою цѣлью г. Каманинъ и напечаталъ въ изданіи, о которомъ идетъ рѣчь, статистическія данныя, извлеченныя имъ изъ актовыхъ книгъ Кіевского Центральнаго Архива, и если они, по сознанію автора, не уясняютъ причинъ, приведшихъ еврейскую народность въ то положеніе, въ какомъ застаютъ ее переписи XVIII столѣтія, то представляютъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ для заключеній о характерѣ и степени вліянія евреевъ на экономическій бытъ страны.

Избирая для своего изслѣдованія періодъ времени съ 1765 по 1791 годъ, г. Каманинъ былъ руководимъ полнотою и обиліемъ матеріала, найденнаго имъ въ актовыхъ книгахъ сказаннаго архива, и дающаго основанія для болѣе точныхъ и опредѣленныхъ выводовъ; къ тому же этотъ періодъ интересенъ еще и потому, что въ немъ отразились результаты всей предшествовавшей исторіи польско-еврейскихъ отношеній, именно къ тому времени, когда за-

кончилось бытіе Рѣчи Посполитой, и край поступилъ подъ власть Россіи.

Изложенію выводовъ изъ собранныхъ имъ статистическихъ матеріаловъ авторъ предпослалъ историческій обзоръ еврейскихъ переписей въ польскомъ государствѣ, съ цѣлью показать какъ постепенно развивались и совершенствовались приемы и способы статистической регистраціи, а равно объяснить причины и условія, вызывавшія потребность въ переписяхъ и обуславливавшія большую или меньшую ихъ успѣшность.

Первая въ Польшѣ перепись евреевъ относится къ 1549 году когда король Сигизмундъ-Августъ въ первый разъ обложилъ ихъ поголовною податью по одному злоту съ души, безъ различія пола и возраста, и возложилъ на сборщика этого налога обязанность составленія и переписи. Какъ мало она была надежна, можно заключать изъ того, что по ней оказалось въ Польшѣ и Литвѣ всего лишь 16,589 евреевъ обоого пола, тогда какъ до того времени число ихъ полагалось не менѣе 200,000 душъ. Позже, королевскіе универсалы о податяхъ 1551 и 1563 г. не измѣняютъ способа переписей, а съ 1564 по 1575 г., умалчивая о переписяхъ, оставляютъ безъ измѣненія количество еврейскихъ податей и только въ универсалѣ 1577 г. повторено опять, что исчисленіе евреевъ должно производиться самимъ сборщикомъ подати и скрѣпляется его присягою.

Нѣкоторое улучшеніе въ еврейскихъ переписяхъ было введено въ 1578 Стефаномъ Баторіемъ, который къ участию въ составленіи этихъ переписей, кромѣ сборщика податей, его помощника и еврейскихъ старшинъ, привлекъ и членовъ воеводскаго управленія или иного суда, которому подчинялись евреи въ городахъ. Но болѣе значительный шагъ къ упорядоченію этой регистраціи сдѣланъ лишь съ 1588 года, когда производство переписей возложено на суды въ городахъ и на владѣльцевъ имѣній и ихъ управителей въ селахъ; магистраты и владѣльцы должны были удостовѣрять присягою точность цифръ, доставляемыхъ имъ сборщикомъ податей, и подлежали за неправильность своихъ показаній штрафу въ 200 польскихъ злотыхъ. Каждый изъ евреевъ долженъ былъ лично явиться въ магистратъ для внесенія себя и своей семьи въ перепись. Такой способъ переписей долженъ былъ представлять больше, сравнительно съ прежними, ручательства въ точности доставляемыхъ ими цифръ, такъ какъ теперь къ участию въ составленіи переписи привлекались не одни должностныя лица по обязанности, но и все во-

обще мѣстное дворянство; участіе же въ этомъ случаѣ шляхты уже потому должно было обезпечивать достовѣрность цифръ, что она сама нерѣдко поручала своимъ депутатамъ ходатайствовать на сеймѣ объ обложеніи евреевъ податью, а это вызывало конечно необходимость точнаго опредѣленія числа евреевъ, утаивать которое поэтому шляхта не имѣла повода. Но судить о результатахъ этого способа регистраціи мы, къ сожалѣнію, не можемъ, такъ какъ намъ неизвѣстны полученныя ею цифры евреевъ, оказавшихся по этой переписи въ Польшѣ и Литвѣ.

Универсалами 1589 и 1590 г. производство переписей какъ будто совсѣмъ приостановлено, такъ какъ въ эти годы налогъ съ евреевъ былъ опредѣленъ въ общей валовой суммѣ, безъ отношенія къ числу душъ этого населенія. Хотя съ 1591 г. переписи возобновляются, но ведутся не по тому сравнительно улучшенному способу, какой указанъ былъ въ универсалѣ 1588 года, а по прежнему способу, установленному Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 г., т. е. съ участіемъ только воеводскихъ и магистратскихъ судовъ, вмѣстѣ съ кагалными старшинами. Установленный такимъ образомъ порядокъ переписей остается затѣмъ безъ всякаго измѣненія въ теченіе слѣдующихъ 175 лѣтъ, т. е. до 1764 года. Учрежденіе въ этомъ году скарбовой экономической комисіи было важною мѣрою къ поднятію благосостоянія страны: на обязанность этой комисіи было возложено — изученіе государства въ экономическомъ отношеніи, руководство и направленіе торгово-промышленной дѣятельности, опредѣленіе количества и взиманіе всякаго рода налоговъ, и какъ средство для исполненія всѣхъ этихъ задачъ — собраніе всѣхъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній. Въ томъ же году, для упорядоченія налога съ евреевъ, предписано было произвести имъ перепись, въ порядкѣ болѣе прежняго обезпечивавшемъ правильность ея производства: главный надзоръ и руководство переписью поручались комисарамъ, которые назначались сеймомъ; исполненіе же переписи возлагалось на кагалныхъ старшинъ, совмѣстно съ владѣльцами городовъ и мѣстечекъ и ихъ управляющими; владѣльцы обязывались лично посѣщать всѣ жилища евреевъ, и провѣрять дѣйствительное число ихъ; показанія подтверждались присягою какъ старшинъ на заповѣдяхъ, такъ и помѣщиковъ, и вручались комисарамъ, которые, по провѣркѣ ихъ и по подведеніи итоговъ и приведеніи собранныхъ свѣдѣній въ систематическій порядокъ, представляли одинъ экземпляръ ближайшему скарбовому писарю, а другой вносили въ актовыя книги. Затѣмъ Скарбовая

комисія повѣряла перепись черезъ своихъ люстраторовъ и объ обнаруженныхъ ошибкахъ представляла Скарбовому суду, который могъ штрафовать виновныхъ денежною пенею въ 2,000 злотыхъ или двухнедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Наконецъ важнымъ средствомъ, которымъ обезпечивалась точность переписи, было вознагражденіе, которое получали комисары за свой трудъ, по 1,000 п. злотыхъ, что по тогдашней цѣнности монеты было значительною суммою. — Такимъ образомъ перепись 1764 и слѣдующихъ годовъ, по болѣе правильному способу ихъ производства, представляются, сравнительно съ прежними переписями, заслуживающими гораздо болѣе довѣрія. Онѣ производились періодически черезъ непродолжительныя промежутки времени (5 или 10 лѣтъ); всегда оканчивались въ короткій срокъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; въ производствѣ ихъ принимало участіе большое число лицъ, и наконецъ выводы ихъ подтверждаются историко-географическими и политико-экономическими данными, которыми г. Каманинъ подкрѣпилъ свое изслѣдованіе. Точность переписей 80-хъ годовъ прошлаго вѣка подтверждается еще и тѣмъ, что христіане вообще, безъ различія общественнаго ихъ положенія, имѣли право обнаруживать укрывающихся евреевъ и въ значительной степени дѣйствительно пользовались этимъ правомъ на всемъ пространствѣ Юго-Западнаго края.

Такимъ образомъ, заключаетъ г. Каманинъ свой историческій обзоръ, въ Польшѣ встрѣчаемъ мы два типа еврейскихъ переписей: однѣ производились исключительно должностными лицами судебно-административнаго вѣдомства, въ другихъ участвовало все шляхетское сословіе; этотъ второй типъ, отличавшійся болшими преимуществами, съ 1764 года еще болѣе совершенствуется вслѣдствіе учрежденія Скарбовой комисіи, этого спеціальнаго статистико-экономическаго и контролирующаго учрежденія.

Довѣріе, внушаемое такимъ образомъ еврейскими переписями, бывшими въ Польшѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, послужило г. Каманину побужденіемъ — заняться ихъ разработкою: Онъ разыскалъ въ актовыхъ книгахъ Кіевского Центральнаго архива и напечаталъ въ изданіи Кіевской Комисіи для разбора древнихъ актовъ: перепись 1764—1765 года, обнимающую собою всѣ повѣты четырехъ воеводствъ Юго-Западнаго края: Кіевского, Волинскаго, Подольскаго и Брацлавскаго; отъ бывшей 10 лѣтъ спустя переписи 1775 то, что отъ нея сохранилось, а именно повѣтовъ Кіевского, Житомирскаго, Каменецкаго, Брацлавскаго и Вин-

ническаго; перепись 1778 также не полную, но обнимающую отчасти такую мѣстность, именно Волынь, для которой не оказалось цифръ въ предшествовавшей переписи; и наконецъ то, что уцѣлѣло въ актовыхъ книгахъ отъ переписей 1784 и 1787 годовъ. Съ этого послѣдняго года, строгое веденіе переписей и внесеніе ихъ въ актовыя книги прекращаются, и до насъ дошли только переписи частей того или другаго воеводства и лишь рѣдко полныя переписи цѣлаго какого нибудь повѣта за извѣстный годъ, такъ что автору удалось добыть лишь отрывочныя переписи 1789, 1790 и 1791 годовъ.

Получивъ такимъ образомъ статистическія данныя о евреяхъ въ Юго-Западномъ краѣ за тридцатилѣтіе 1764—1791, авторъ подвергъ ихъ подробному и внимательному разбору и сумѣлъ извлечь изъ нихъ интересныя и поучительныя выводы, дающіе фактическое основаніе для сужденія объ экономическомъ бытѣ евреевъ въ то время въ краѣ, и о вліяніи ихъ на христіанское населеніе. Обширное изслѣдованіе г. Каманина привело его къ слѣдующимъ заключеніямъ и положеніямъ:

1) Статистическія данныя о евреяхъ въ Рѣчи Посполитой, въ концѣ прошлаго столѣтія, важны для разясненія того результата, къ которому привели отношенія польскаго общества къ еврейскому вопросу за все время политическаго существованія Польши.

2) До 1765 года веденіе еврейскихъ переписей не было точно установлено; онѣ производились непослѣдовательно и неправильно періодически; собраніе же статистическихъ данныхъ о евреяхъ возлагалось на администрацію; общество привлекалось къ содѣйствію очень рѣдко; въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. переписи и совершенно прекращаются; но съ 1764 г. собраніе статистическихъ данныхъ получаетъ правильную организацію, вслѣдствіе учрежденія особаго органа (Скарбовой комисіи), назначенія особыхъ лицъ для этого дѣла и привлеченія къ участию всѣхъ сословій въ государствѣ.

3) Переписи 1765—1791 г. застаютъ евреевъ съ незначительными ограниченіями въ правѣ выбора мѣста поселенія, владѣнія населенными имѣніями, аренды государственныхъ доходовъ и въ торговлѣ, но съ широкими правами для занятій ремеслами и земледѣліемъ посредствомъ арендованія доходныхъ статей въ имѣніяхъ частныхъ лицъ, а также винокуреніемъ и шинкарствомъ.

4) Перепись 1765 г., произведенная въ мирный періодъ политической жизни государства, представляетъ картину расселенія евреевъ наканунѣ важныхъ политическихъ и экономическихъ

событій, какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ Россіи, круто измѣнившихся потомъ прежній порядокъ жизни, и указываетъ какъ должны были разселиться евреи въ Юго-Западномъ краѣ и въ предшествовавшіе вѣка, когда дѣйствовали тѣ же условія, при которыхъ произведена была перепись 1765 г. Изъ этой переписи видно, что наибольшее число евреевъ было на Волини и въ Подоліи, и меньшее въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ: городское населеніе преобладаетъ надъ сельскимъ вездѣ въ краѣ, но всего сильнѣе на Волини и въ Подоліи. Такое разселеніе евреевъ зависѣло отъ степени политической безопасности мѣстности и соотвѣтствовало состоянію промышленности и торговли въ краѣ и тяжести крестьянскихъ повинностей.

5) Переписи 1775—1778 г., произведенныя послѣ опустошительныхъ войнъ, народныхъ движеній и эпидемій, послѣ перваго раздѣла Польши и приобрѣтеній Россіи на югѣ, обнаруживаютъ сильное уменьшеніе еврейскаго населенія особенно на Волини и въ Подоліи, и не столь значительное въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ, т. е. еврейское населеніе устремляется болѣе на югъ и востокъ и при этомъ, въ большей части повѣтовъ, переходитъ изъ городовъ въ села. Такое измѣненіе въ разселеніи евреевъ зависѣло отъ увеличившейся безопасности южныхъ степей, а слѣдовательно и восточной границы, вслѣдствіе чего открылись новыя мѣста для поселенія и для арендаторства евреевъ; оно совпадаетъ съ передвиженіемъ центровъ торгово-промышленной дѣятельности съ запада на югъ и востокъ, съ сокращеніемъ внѣшней торговли на прусско-австрійской границѣ, съ упадкомъ городовъ и съ увеличеніемъ крестьянскихъ повинностей въ южныхъ и восточныхъ повѣтахъ.

6) Перепись 1784 г., произведенная въ періодъ мира и реформъ, показываетъ увеличеніе еврейскаго населенія въ южныхъ и восточныхъ повѣтахъ болѣе значительное, чѣмъ въ западныхъ и сѣверныхъ; относительное число евреевъ въ городахъ и селеніяхъ колеблется: въ однихъ повѣтахъ увеличивается городское, въ другихъ — сельское еврейское населеніе. Цифры этой переписи совпадаютъ съ развитіемъ торгово-промышленнаго и колонизаціоннаго значенія южныхъ рѣкъ и степей, съ мѣрами Польскаго правительства, направленными къ поднятію торговли и промышленности въ краѣ, съ поднимающимся значеніемъ городовъ, и съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ въ то время.

7) Перепись 1787, произведенная при тѣхъ же благопріятныхъ внутри и внѣ государства условіяхъ, указываетъ на движеніе ев-

реевъ на Волынь и въ Подолію и на слабое лишь увеличеніе ихъ числа въ южныхъ и восточныхъ повѣтахъ; городское населеніе въ большей части повѣтовъ начинаетъ преобладать надъ сельскимъ; это явленіе было очевидно въ зависимости отъ развитія торговли и промышленности, и поднятія значенія Дубенскихъ контрактовъ на Волыни и городского сословія вообще.

8) Переписи 1789—1791, произведенныя наканунѣ важныхъ и рѣшительныхъ событій, даютъ въ результатѣ увеличеніе еврейскаго населенія въ южныхъ повѣтахъ, и преимущественно въ городахъ.

9) При всѣхъ указанныхъ выше передвиженіяхъ евреевъ, число ихъ всегда пропорціонально количеству христіанскаго населенія. Число евреевъ въ юго-западномъ краѣ составляло $\frac{1}{9}$ часть всего еврейскаго населенія въ государствѣ, и было гораздо значительнѣе числа ихъ въ сѣверо-западныхъ воеводствахъ.

10) Исключительную професію евреевъ въ селеніяхъ составляли шинкарство и арендаторство.

11) Для характеристики распредѣленія городского еврейскаго населенія г. Каманинъ указываетъ на данныя по г. Житомиру, изъ которыхъ оказывается: бѣлая скученность евреевъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ; бѣлое стремленіе ихъ къ поселенію въ торговой части города; число христіанъ только въ 3 раза превосходитъ число евреевъ; христіанское населеніе живетъ менѣе скученно: у евреевъ число мужчинъ равно числу женщинъ, у христіанъ число мужчинъ больше числа женщинъ; число рождающихся и вообще дѣтей больше чѣмъ у христіанъ, а поэтому естественный ростъ этого населенія совершается быстрѣе. Въ городахъ главныя професіи у евреевъ — торговля и шинкарство, а у христіанъ земледѣліе и вообще всякаго рода тяжелый трудъ.

По этимъ главнымъ выводамъ можно судить о томъ, какой несомнѣнный научный интересъ представляетъ собою изслѣдованіе г. Каманина и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатъ фактами, полезными для основательнаго обсужденія такъ называемаго еврейскаго вопроса. Поучительность добытыхъ авторомъ статистическихъ данныхъ обнаружится еще болѣе, если сравнить ихъ съ такими же данными болѣе близкаго къ намъ времени. Такъ, между прочимъ, не лишень значенія тотъ фактъ, что все еврейское населеніе нынѣшняго Юго-Западнаго края въ 1765 году составляло по выводамъ г. Каманина 131,782 души обоого пола, т. е., въ общемъ счетѣ, не болѣе $4\frac{0}{9}$ всего населенія; тогда какъ съ небольшимъ черезъ

100 лѣтъ, въ 1881 г., по свѣдѣніямъ Центрального Статистическаго Комитета ¹⁾, оно достигло цифры 1,048,235 душъ, или болѣе 16% всего населенія края.

Обращаясь къ вопросу, вытекающему изъ факта представленія труда г. Каманина на соисканіе награды графа Уварова, я считаю своимъ долгомъ заявить, что изслѣдованіе автора, какъ трудъ самостоятельный, вносящій въ науку много новыхъ фактовъ, добытыхъ собственными, столь нелегкими архивными разысканіями автора, вполне заслуживаетъ, если не большой, то во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ *меньшей* Уваровской награды. Оно составляетъ существенный вкладъ въ русскую науку, и обращаетъ на себя вниманіе не только по объему своему, но еще болѣе по тому таланту, съ которымъ авторъ своими разносторонними и учеными комментаріями сдѣлалъ краснорѣчивыми сухія статистическія данныя, разъяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ значеніе и пригодность для столь важнаго и вполне современнаго вопроса — еврейскаго.

¹⁾ Статист. Времен. Россійск. Имперіи. Серія III, выпускъ 2, стр. 49.

VII.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ ЗА ПОСЛѢДНІЯ 30 ЛѢТЪ (1858—1888 ГГ.), И. ЧИСТОВИЧА. СПБ. 1889.

Рецензія профессора, протоіерея М. И. Горчакова.

Сочиненіе г. Чистовича—безъ предисловія, въ которомъ обыкновенно объясняются цѣль и задача сочиненія. Начинается оно краткимъ обозначеніемъ плана построенія. Планъ опредѣляется хронологіею и важнѣйшими событіями въ жизни Академіи, совершившимися за время, о которомъ говорится въ книгѣ. Въ теченіе этого времени С.-Петербургская Духовная Академія совершала свою жизнь и дѣятельность подъ дѣйствіемъ трехъ, преемственно снѣнявшихся, уставовъ.

Соотвѣтственно тому, что въ теченіе 30-ти лѣтъ Академія жила и дѣйствовала подъ вліяніемъ трехъ уставовъ, судьба ея въ книгѣ г. Чистовича изображается въ *трехъ* отдѣлахъ. Въ *первомъ* отдѣлѣ (стр. 1—107) книги описывается состояніе Академіи за время (1858—1869 гг.), въ которое она находилась подъ дѣйствіемъ устава 1814 г.; во *второмъ* (стр. 108—195) изображаются ходъ преобразованія Академіи по уставу 1869 г. и состояніе ея въ 15-ти-лѣтній періодъ (1869—1884 гг.) дѣйствія въ ней этого устава; въ *третьемъ* отдѣлѣ (стр. 196—228), имѣющемъ заглавіе: «Пересмотръ и измѣненіе академическаго устава въ 1884 г.», сообщаются свѣдѣнія о перемѣнахъ и состояніи Академіи за четыре года ея новѣйшей жизни (1884—1888 гг.).

Въ каждомъ изъ трехъ указанныхъ отдѣловъ, по параграфамъ и рубрикамъ, излагаются событія, имѣющія общее значеніе въ жизни С.-Петербургской Духовной Академіи въ періодъ времени, описываемый авторомъ въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ,—показываются отличительныя особенности въ ея устройствѣ за то же

время, перечисляются переменны и особенности въ строѣ ея управленія и учебной части, въ распредѣленіи каедръ и въ личномъ составѣ преподавателей съ указаніемъ ихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, — сообщаются свѣдѣнія о студентахъ, а именно: о порядкѣ приѣма ихъ въ Академію, о ходѣ, порядкѣ и предметахъ ихъ занятій, о производствѣ имъ экзаменовъ, о способахъ ихъ содержанія, приобрѣтеніи ими ученыхъ степеней и о назначеніи ихъ на мѣста. Сверхъ того, въ первомъ отдѣлѣ даются свѣдѣнія о матеріальныхъ средствахъ, которыми Академія располагала до 1869 г. для содержанія преподавателей и студентовъ, о состоявшемъ при Академіи цензурномъ комитетѣ и объ академической библіотекѣ; а въ третьемъ — о библіотекѣ, церковно-исторической коллекціи и о торжественныхъ, бывшихъ въ Академіи, собраніяхъ. Въ концѣ книги помѣщенъ «Именный списокъ студентовъ» двадцати трехъ курсовъ Академіи (1853—1888 гг.) съ краткимъ указаніемъ ихъ судьбы въ жизни и печатныхъ трудовъ, ими изданныхъ. — Таково содержаніе и построение разсматриваемой книги.

Сочиненіе г. Чистовича, по отличительнымъ своимъ особенностямъ во внѣшнемъ построеніи, во внутреннемъ содержаніи и въ приѣмахъ изложенія, есть *историко-статистическое описаніе С.-Петербургской Духовной Академіи за время отъ 1856 до 1889 года*. Какъ историко-статистическое описаніе, сочиненіе г. Чистовича обладаетъ тѣми общими качествами, которыя свойственны этому роду литературныхъ произведеній, хорошо составленныхъ: определенностію содержанія, ясностію изложенія, значительною полнотою и повѣствовательнымъ характеромъ сообщаемыхъ объ учрежденіи свѣдѣній и фактовъ, къ нему относящихся, хронологическою послѣдовательностію повѣствованій, обдуманностію въ порядкѣ ихъ расположенія и осмотрительною осторожностію въ ихъ передачѣ.

Сверхъ общихъ качествъ историко-статистическаго описанія, книга г. Чистовича отличается еще особенностями, которыя объясняются отношеніями автора къ предмету, составляющему ея содержаніе. — Авторъ ея — воспитанникъ Академіи (1847—1851 гг.); болѣе 20-ти лѣтъ былъ преподавателемъ въ ней и, по оставленіи профессорской каедры въ 1873 г., избранъ почетнымъ ея членомъ ¹⁾. Такимъ образомъ значительная часть жизни и судьба автора соединены были съ жизнью Академіи. Въ продолженіе много-

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ заимствуются нами изъ его сочиненій объ Академіи.

лѣтняго своего союза съ Академію г. Чистовичъ относился къ ней, между прочимъ, какъ къ *объекту своего изученія и своимъ наблюденіямъ*. По окончаніи курса, опредѣленный 23 сентября 1851 года бакалавромъ Академіи по кафедрѣ русской исторіи, И. А. Чистовичъ немедленно занялся собираніемъ и изученіемъ матеріаловъ для исторіи своей alma mater. Онъ *первымъ* избралъ С.-Петербургскую Духовную Академію предметомъ историческаго изслѣдованія. Изученію Академіи онъ посвятилъ первые свои ученые труды, молодыя силы и лучшіе годы своей ученой и учебной дѣятельности. Плодомъ этого изученія была «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи», изданная г. Чистовичемъ въ 1857-мъ году (С.-Петербургъ), въ свое время оцѣненная Императорскою Академію Наукъ и увѣнчанная, по отзыву академика Н. Г. Устрялова, Демидовскою премією (см. «Отчетъ о 27-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ»). По изданіи «Исторіи», авторъ продолжалъ, на ряду съ другими своими трудами, изученіе Академіи. Отъ времени до времени онъ дополнялъ сообщенныя имъ въ «Исторіи» свѣдѣнія о прошлой жизни Академіи обнаруженіемъ статей, до нея касающихся. Имъ напечатаны статьи: въ 1859 году — «Историческая записка объ Академіи», изданная въ брошюрѣ «Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Духовной Академіи со времени ея преобразования въ 1808 году»; въ 1860 году — «Амвросій Подобѣдовъ» (въ «Странникѣ»); въ 1871 г. — «Въ память графа М. М. Сперанскаго» («Христіанское чтеніе»); въ 1872 г. — «Феофилакта, архіепископа рязанскаго, опроверженіе примѣчаній на книгу: Эстетическія разсужденія» (въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей»); въ 1885 году — «Судьба нѣкоторыхъ воспитанниковъ С.-Петербургской Духовной Академіи»; въ 1888 г. — «Біографическій списокъ студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи перваго курса» (также начальствующихъ, профессоровъ и преподавателей первыхъ лѣтъ Академіи послѣ ея преобразования въ 1808 г.) и др. Труды своими, посвященными изслѣдованію исторіи Академіи, проф. Чистовичъ приобрѣлъ, по справедливости, право на названіе *историка С.-Петербургской Духовной Академіи*. Занимаясь изслѣдованіемъ исторической судьбы Академіи и состоя въ ней профессоромъ и дѣятельнымъ членомъ, И. А. Чистовичъ, по самому своему положенію, не могъ не наблюдать за текущею ея жизнію, поставляя ее въ связь съ предшествующею ея судьбою. Онъ былъ очевидцемъ, свидѣтелемъ и соучастникомъ событій и происшествій, совершавшихся въ Академіи во время его службы въ ней. Собирая матеріалы для исторіи Ака-

деи и записывать текуція въ ней происшествія стало, кажется, современемъ для г. Чистовича любимымъ дѣломъ и привычкою. Мы увѣрены, что онъ велъ, а можетъ быть и теперь еще ведетъ мемуары объ Академіи. Онъ сталъ *историкомъ-наблюдателемъ С.-Петербургской Духовной Академіи*. Прошло 30 лѣтъ послѣ изданія имъ «Исторіи»; Академія въ этотъ періодъ времени испытала нѣсколько перемѣнъ и пережила немало событій, — и историкъ-наблюдатель ея жизни, дѣятельности и состоянія издаетъ описаніе судьбы ея за это время. Такъ надобно объяснять происхожденіе сочиненія г. Чистовича подъ заглавіемъ: «С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ».

Вслѣдствіе указанныхъ отношеній г. Чистовича къ Академіи, новоизданная имъ о ней книга отличается нижеслѣдующими особенностями:

1) Она составлена послѣ предварительнаго многолѣтняго изученія ея авторомъ всей предшествующей тому времени, которое въ ней описано, исторіи Академіи;

2) Она есть результатъ непосредственныхъ наблюденій историка за состояніемъ Академіи въ новѣйшее время и содержитъ въ себѣ повѣствованіе о событіяхъ, происшествіяхъ, перемѣнахъ и лицахъ, бывшихъ въ Академіи въ послѣднія три десятилѣтія, составленное современникомъ и свидѣтелемъ-очевидцемъ ихъ и участникомъ въ жизни Академіи;

и 3) Она есть непосредственное продолженіе изданной ея авторомъ въ 1857-мъ году «Исторіи Академіи». — «Исторія» Академіи въ изложеніи происшествій и свѣдѣній, до нея касающихся, *доведена* авторомъ *до 1856 года* ¹⁾. Новоизданная же объ Академіи книга г. Чистовича *начинается* изложеніемъ событій *съ 1856 года* ²⁾, сообщаетъ о всѣхъ происшедшихъ въ Академіи *съ 1857-мъ году* ³⁾

¹⁾ Такъ, напримѣръ, списокъ студентовъ, приложенный къ «Исторіи», заканчивается XXI-мъ курсомъ, вышедшимъ изъ Академіи въ 1855 году. Во всей «Исторіи» мы не замѣтили ни одного факта, отмѣченнаго 1857 годомъ.

²⁾ Изложеніе «важнѣйшихъ событій въ жизни Академіи и перемѣнъ въ составѣ начальствующихъ лицъ съ 1858 до 1888 года» авторъ (стр. 1) начинаетъ такъ: «С.-Петербургскимъ митрополитомъ *съ 1856 году* назначенъ былъ казанскій митрополитъ Григорій». Въ именномъ списокѣ студентовъ, помещенномъ въ концѣ розсматриваемой книги, первое мѣсто занимаютъ студенты XXII курса, учившіеся въ Академіи въ *съ 1856 г.* и вышедшіе изъ нея *съ 1857-мъ году*.

³⁾ Такъ, напримѣръ, авторъ пишетъ въ книгѣ: знаменитый ректоръ Ака-

переѣнахъ въ составѣ начальствующихъ лицъ, преподавателей и студентовъ и содержитъ описаніе ея состоянія за всѣ послѣдующія 30 лѣтъ. По сему авторъ книги не совсѣмъ точно и, по видимому, лишь для круглоты счета обозначилъ въ ея заглавіи время, за которое описывается въ ней Академія, *съ 30 лѣтъ* (1858—1888 гг.); тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ книгѣ обозрѣвается состояніе Академіи за 32 года (1856—1888).

Разсматриваемая нами книга г. Чистовича, составляя продолженіе изданной имъ въ 1857 году «Исторіи» Академіи, представляется, однакоже, читателю особымъ, отдѣльнымъ отъ нея, сочиненіемъ. Содержаніе новой книги посвящено обозрѣнію состоянія Академіи за такой, довольно продолжительный, періодъ времени, который не могъ входить въ содержаніе прежняго труда автора. Между изданіемъ того и другаго сочиненія г. Чистовича прошло болѣе 30-ти лѣтъ. Въ новоизданной книгѣ авторъ нигдѣ не ссылается на свою «Исторію» и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о ней, — такъ что читателю новой книги г. Чистовича можетъ остаться совершенно неизвѣстною «Исторія» Академіи, если онъ не знаетъ о существованіи ея изъ другихъ источниковъ. Авторъ новоизданной книги такъ искусно излагаетъ въ ней судьбу и жизнь Академіи за послѣднія три десятилѣтія, что ему вовсе не оказалось надобности обращаться къ повторенію того, что изложено имъ въ преждеизданной «Исторіи». Въ изложеніи перваго отдѣла книги предлагается изображеніе состоянія Академіи за время отъ 1856 до 1869 года, въ которое она существовала подъ дѣйствіемъ устава 1814 года; въ то же время этотъ отдѣлъ книги служитъ вводною частію къ изображенію описаннаго въ другихъ двухъ отдѣлахъ состоянія Академіи въ послѣдующіе годы. Новоизданная г. Чистовичемъ книга значительно различается отъ его «Исторіи» и источниками, изъ которыхъ онъ почерпалъ матеріалы и свѣдѣнія для составленія того и другаго труда. При со-

деміи, преосв. Макарій «въ маѣ 1857 года назначенъ былъ на епархіальную кафедру въ Тамбовъ; 12 мая совершилъ онъ въ послѣдній разъ литургію въ академической церкви и произнесъ рѣчь» (стр. 2); инспекторъ Академіи, архимандритъ Кирилъ «въ 1857 году 13 октября посвященъ былъ въ санъ епископа съ наименованіемъ мелитопольскимъ» (стр. 5); въ томъ же году ректоромъ Академіи назначенъ былъ архимандритъ Теофанъ (стр. 4); равно назначенный 15 сентября 1857 года бакалавромъ архимандритъ Викторинъ Любимовъ опредѣленъ 13 ноября того же года инспекторомъ Академіи (стр. 5). См. также стр. 58, 59, 60, 63, 81 и др.

ставленіи «Исторіи» авторъ въ отношеніи къ бѣльшей части ея со- держанія пользовался исключительно письменными матеріалами, которые онъ отыскивалъ въ архивахъ Академіи, Александро-Нев- скаго монастыря, св. Синода и духовно-учебнаго управленія, — и лишь въ отношеніи къ нѣсколькимъ годамъ жизни Академіи (1847—1851 гг.) располагалъ отчасти и личными своими наблюде- ніями. При составленіи же книги «С.-Петербургская Духовная Ака- демія», авторъ по преимуществу располагалъ свѣдѣніями и мате- ріалами, собранными имъ по личнымъ наблюденіямъ. Правда и здѣсь, и для этого сочиненія, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи дѣла Академіи и печатныя свѣдѣнія (онъ ссылается на «Мнѣнія и отзывы московскаго митрополита Филарета» и на другія печатныя изданія); но онъ пользовался этими источниками или для провѣрки и дополненія своихъ личныхъ наблюденій, или для сообщенія сво- имъ наблюденіямъ возможно бѣльшей достовѣрности въ глазахъ читателя книги. Такимъ образомъ разсматриваемая книга г. Чис- товича представляетъ, въ соотвѣтствіе § 8 Положенія о награ- дахъ графа Уварова, «самостоятельное», особое отъ прежде издан- ной имъ «Исторіи» Академіи, сочиненіе, излагающее «отдѣльный предметъ, какъ самостоятельное цѣлое». Къ отличительнымъ осо- бенностямъ книги г. Чистовича принадлежитъ весьма сочув- ственная черта въ отношеніяхъ автора къ предмету его сочиненія, невольна располагающая читателя и къ книгѣ, и къ автору. Это— любовь автора къ учрежденію, въ которомъ онъ получилъ высшее образованіе, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни и службы и которое служить предметомъ изученія, изслѣдованія и литературныхъ трудовъ въ теченіе всей его жизни. Черта эта дѣ- лаетъ честь и автору, и учрежденію, которому онъ посвятилъ свои труды. Благодаря любви къ Академіи, г. Чистовичъ съ неустан- нымъ усердіемъ, настойчиво и прилежно, въ теченіе бѣльшей части своей жизни, собираетъ и изучаетъ матеріалы и свѣдѣнія о ней и издаетъ ихъ въ томъ или другомъ видѣ. Любви г. Чистовича къ своей alma mater обязана своимъ происхожденіемъ и рассматри- ваемая книга, не смотря на то, что составленіе ея, какъ увидимъ ниже, было сопряжено не съ малыми затрудненіями. Въ книгѣ съ любовью собраны и расположены въ порядкѣ многочисленныя свѣ- дѣнія какъ объ Академіи, такъ о дѣятеляхъ и питомцахъ ея. Бла- годаря той же любви, г. Чистовичъ является не только первымъ, но до сихъ поръ и *единственнымъ* историкомъ С.-Петербургской Духовной Академіи: доселѣ нѣтъ еще ни одного лица, которое бы

столько сдѣлало въ печати для ознакомленія общества съ исторіею и состояніемъ Академіи, какъ г. Чистовичъ. Благодаря любви его къ Академіи, мы имѣемъ теперь полную (въ хронологическомъ смыслѣ) исторію ея, доведенную до нашихъ дней: мы не знаемъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, которое бы имѣло такую исторію и которое бы служило предметомъ столь постояннаго и неослабнаго изученія воспитаннаго имъ лица. Авторъ книги въ ея заглавіи обозначаетъ, что имъ изображено состояніе Академіи за *последнія* 30 лѣтъ. Но мы увѣрены, что авторъ, такъ долго и много, и съ такою любовью трудившійся надъ ея изученіемъ и обладающій такими знаніями и матеріалами о ней, какихъ никто не имѣетъ въ своемъ распоряженіи, не оставитъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и впредь своихъ трудовъ для выясненія исторіи, состоянія, положенія, значенія и задачъ своей alma mater.

При изображеніи состоянія и жизни С.-Петербургской Духовной Академіи за послѣднія десятилѣтія, г. Чистовичъ долженъ былъ встрѣтить не мало затрудненій, а при написаніи многихъ страницъ своей книги испытывать, по всей вѣроятности, и внутреннюю борьбу. Авторъ книги былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ описываемыхъ имъ въ книгѣ событій, перемѣнъ и происшествій въ жизни Академіи и лицъ, въ ней дѣйствовавшихъ. Онъ самъ вмѣстѣ съ Академіею переживалъ происшествія въ ней, перемѣны и ея состояніе. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ соучастниковъ въ ея дѣятельности. Онъ участвовалъ, какъ видно изъ самой его книги, въ составленіи разныхъ проектовъ, мнѣній и заключеній, выходившихъ изъ среды академической корпораціи на разсмотрѣніе высшаго начальства. Онъ былъ членомъ нѣсколькихъ комиссій и комитетовъ, обсуждавшихъ дѣла, предложенія и проекты, относящіеся до Академіи. Вмѣстѣ съ другими членами академической корпораціи онъ принималъ участіе въ приведеніи въ дѣйствіе новыхъ узаконеній и мѣръ правительства касательно Академіи. Безъ сомнѣнія, при совѣщаніяхъ многихъ соучастниковъ въ академическихъ дѣлахъ подавались разныя мнѣнія, высказывались разныя воззрѣнія и убѣжденія, происходили споры, быть можетъ, бывали разногласія и пререканія. Авторъ книги, ученымъ образомъ изучившій исторію Академіи, конечно, держался опредѣленныхъ воззрѣній при обсужденіи тѣхъ или другихъ проектовъ, мѣръ и распоряженій. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ не въ одинаковыхъ же отношеніяхъ находился всегда и со всѣми лицами, съ которыми ему приходилось дѣйствовать и служить въ Академіи, обсуждать

академическія дѣла и составлять о нихъ предположенія. Едва ли можно думать, что авторъ безучастно и однообразно оти осился ко всѣмъ участникамъ жизни и дѣятельности въ Академіи, ко всѣмъ происшествіямъ и порядкамъ въ ней, къ сослуживцамъ и начальствующимъ ея. Едва ли можно сомнѣваться, что и соучастники автора книги въ жизни и дѣятельности Академіи состояли не въ одинаковыхъ къ нему отношеніяхъ, — и это, конечно, было ему не безъизвѣстно. При указанныхъ условіяхъ, полагаемъ, автору было крайне трудно при повѣствованіи о томъ или другомъ событіи или происшествіи, имѣвшемъ значеніе въ Академіи, при описаніи той или другой перемѣны, въ ней происходившей, при составленіи очерка жизни и дѣятельности того или другого лица, дѣйствовавшаго въ Академіи, удержаться отъ выраженія личныхъ воззрѣній и убѣжденій. Но авторъ книги *съ замѣчательною выдержанностію старался описывать* въ своей книгѣ событія, происшествія и перемѣны въ Академіи и *говоритъ о лицахъ, дѣйствовавшихъ въ отношеніяхъ къ ней, фактически и объективно*. Въ ббльшей части книги, почти во всей книгѣ, онъ и удержался въ положеніи историка-наблюдателя, избѣгающаго выражать свои личныя воззрѣнія на излагаемыя событія и факты и изображающаго состояніе Академіи *объективно*. Но объективность автора носитъ на себѣ черты особаго рода сдержанности, осторожности, такъ сказать — *официальности*. По видимому, въ глазахъ автора книги официальное воззрѣніе и сообщеніе относительно происшествій и лицъ есть въ то же время и объективно. Официальная объективность автора выдерживается имъ въ изображеніи описываемыхъ въ книгѣ *лицъ, событий, происшествій и перемѣнъ*, относящихся къ Академіи.

Авторъ желалъ собрать въ своей книгѣ, по видимому, возможно ббльшее количество фактовъ и свѣдѣній о принадлежавшихъ и относившихся къ Академіи въ описываемый имъ періодъ времени *лицамъ* — начальствовавшихъ, ректорахъ, инспекторахъ, профессорахъ, преподавателяхъ, о всѣхъ студентахъ, бібліотекаряхъ и секретаряхъ. Въ книгѣ г. Чистовича говорится не менѣе, какъ о *тысячъ четырехъ стахъ* (1400) лицахъ! Кажется, онъ не забылъ и не обошелъ никого изъ принадлежавшихъ къ Академіи въ теченіе того времени, которое описывается въ его книгѣ, лицъ. Говоря о дѣятеляхъ въ Академіи этого времени — начальникахъ, ректорахъ, инспекторахъ и преподавателяхъ, г. Чистовичъ даетъ краткую фактическую біографію cadaго изъ нихъ, указываетъ область его

дѣятельности и перечисляетъ литературные и ученые его труды. Авторъ книги въ особенности заботился, кажется, о томъ, чтобы въ ней данъ былъ полный библиографическій указатель печатныхъ трудовъ дѣятелей Академіи и бывшихъ ея студентовъ. Но, конечно, ему не удалось отмѣтить всѣхъ сочиненій не только бывшихъ студентовъ Академіи, но и бывшихъ ея начальниковъ и преподавателей ¹⁾. Въ составленіи біографій авторъ книги весьма остороженъ: онъ ббльшею частію довольствуется приведеніемъ фактовъ и, за немногими исключеніями ²⁾, избѣгаетъ произносить свои сужденія о лицахъ, въ особенности живыхъ доселѣ. Если же онъ и выражаетъ сужденія о нѣкоторыхъ изъ живыхъ доселѣ дѣятелей Академіи, то не рѣшается высказывать ихъ отъ себя и своими словами, а приводитъ отзывы или официальныхъ лицъ (стр. 5 въ прим., стр. 60 и 61 прим., стр. 131, 144), или цѣлой корпораціи (стр. 19—21; стр. 24 прим.). Вслѣдствіе осторожности г. Чистовича давать отзывы о дѣятеляхъ въ Академіи происходитъ то, что многія характерныя и типичныя лица, о которыхъ говорится въ книгѣ, какъ, напримѣръ, преосвященные Кириллъ и Теофанъ, Викторинъ и Нектарій и др., остаются для читателя книги неосвѣщенными.

При изложеніи *событій*, которыя имѣли значеніе въ жизни Академіи и о которыхъ были въ свое время и нынѣ могутъ быть разныя мнѣнія, г. Чистовичъ, стараясь быть объективнымъ повѣствователемъ, держится официальныхъ воззрѣній времени и утверждается на отзывахъ и свидѣтельствахъ авторитетныхъ по официальному своему положенію лицъ. Къ сожалѣнію, такіе отзывы и свидѣтельства приводятся имъ иногда безъ надлежащей провѣрки, и потому имъ допущены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги невѣрности. Такъ авторъ говоритъ въ своей книгѣ (стр. 7—9) о вліяніи на происшествія въ Академіи «появленія въ 1857 и 1858 гг. въ печати статей *враждебныхъ* духовенству и духовнымъ училищамъ». Въ доказательство враждебныхъ отношеній печати того

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ книгѣ г. Чистовича не упоминаются печатные труды такого писателя, какъ бывший ректоръ Академіи, преосв. Теофанъ—(замѣчательныя его проповѣди, произнесенныя имъ въ бытность его ректоромъ и печатавшіяся въ «Христіанскомъ чтеніи», «Письма о христіанской жизни» и др.), также проф. О. Надежина (многія статьи въ «Христ. чт.» за 1860—1864 гг.) и др.

²⁾ Исключенія эти весьма рѣдки и допущены лишь въ отношеніи къ нѣкоторымъ скончавшимся (см. стр. 14 объ архимандритѣ Асигкритѣ; стр. 145 о проф. Осининѣ, и др.) лицамъ.

времени по духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ онъ приводитъ отзывы о томъ московскаго митрополита Филарета и ссылки его на нѣкоторыя статьи, появившіяся въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. «Въ 1857 году 27 декабря московскій митрополитъ Филаретъ, сообщаетъ г. Чистовичъ (стр. 8), писалъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу А. П. Толстому: «Смущаютъ насъ не разъ вѣстями то о журналѣ, то о книгѣ, въ которыхъ *будетъ* укоризненно и насмѣшливо изображаемо духовенство, подобно какъ въ извѣстныхъ «Губернскихъ очеркахъ». И то, что въ свѣтскихъ книгахъ свѣтскихъ чиновниковъ и разнаго рода людей выставляютъ порочными и безразсудными, и при томъ сверхъ вѣроятія, очень вредно; несравненно вреднѣе *будетъ*, если такъ же поступать *будутъ* съ духовенствомъ». Но г. Чистовичъ, приводя выписанныя слова преосвященнаго митрополита, по видимому, не замѣтилъ, что преосвященнаго «смущаютъ» еще не появившіяся въ то время, какъ онъ писалъ приведенныя слова, а имѣющія появиться въ будущемъ времени книги и журналы, въ которыхъ духовенство *будетъ* укоризненно и насмѣшливо изображаемо, подобно какъ «въ извѣстныхъ Губернскихъ очеркахъ». Преосвященный упоминаетъ здѣсь о появившихся въ то время, по его словамъ, «извѣстныхъ Губернскихъ очеркахъ» Салтыкова, какъ будто въ нихъ духовенство изображается укоризненно и насмѣшливо. Мы, предъ составленіемъ настоящей рецензіи, просмотрѣли всѣ три томика «Губернскихъ очерковъ», изданные въ 1857 г. (М.), и не нашли въ нихъ ни одной страницы, на которой православное русское духовенство описывалось бы въ укоризненномъ и насмѣшливомъ тонѣ. — Вслѣдъ за приведенными словами преосв. митрополита Филарета г. Чистовичъ пишетъ: «Особенно рѣзкія статьи о духовенствѣ печатались въ «Земледѣльческой Газетѣ», въ которой подъ предлогомъ радѣнія объ образованіи народа, сообщалось, что священники не могутъ быть полезны на этомъ поприщѣ, потому что и образованіе получаютъ одностороннее и ограниченное, и не имѣютъ свѣтскихъ манеръ, и не сходятся съ свѣтскими въ образѣ жизни и наконецъ не имѣютъ доброй нравственности (1857 г. № 39)». — При провѣркѣ нами высказаннаго г. Чистовичемъ о «рѣзкихъ статьяхъ», мы просмотрѣли процитированный имъ 39-й № Земледѣльческой Газеты и нашли въ немъ статью Вл. Критскаго подъ заглавіемъ: «О распространеніи грамотности между крестьянами и о средствахъ къ тому». Въ статьѣ авторъ, разъясняя необходимость распространенія между крестьянами гра-

мотности и учрежденія для нихъ земледѣльческихъ училищъ, задается между прочимъ, вопросомъ: кто бы могъ быть учителями, вполне подходящими для начальныхъ и земледѣльческихъ училищъ? и, спросивъ: «священники?», — отвѣчаетъ: «они, по моему мнѣнію, еще меньше помѣщиковъ воспитаніемъ приспособлены къ тому, чтобы быть руководителями крестьянъ въ *дѣлѣ агрономіи*. При томъ, сельскіе священники, болѣею частію, приобрѣтаютъ въ заведеніяхъ такое одностороннее воспитаніе, познанія многихъ такъ ограничены, что врядъ ли они съ пользою въ состояніи подвизаться на *этомъ* поприщѣ. Разумѣется, они, при добромъ желаніи, могутъ приносить огромную пользу тѣмъ, что, обучая крестьянскихъ дѣтей грамотѣ по руководствамъ, нарочно для того составленнымъ, подготавливали бы ихъ къ поступленію въ земледѣльческія школы; а внушеніемъ христіанскихъ истинъ и добродѣтелей развивая сердца ихъ и направляя ко всему доброму, давая имъ, такъ сказать, основное общечеловѣческое образованіе, содѣлывали бы изъ нихъ кроткихъ, послушныхъ и восприимчивыхъ учениковъ, которые, возмужавъ и довершивъ образованіе свое въ земледѣльческихъ школахъ, стали бы истинными и полезными виновниками общаго благосостоянія» (стр. 308). «Пусть священники искренно займутся обученіемъ малолѣтнихъ прихожанъ своихъ грамотѣ; пусть, обративъ все свое вниманіе на нравственное воспитаніе своихъ питомцевъ, подготавливаютъ ихъ къ поступленію въ уѣздныя земледѣльческія школы» (стр. 309). Вотъ все, что сказано въ указанномъ г. Чистовичемъ № Земледѣльческой Газеты о духовенствѣ и объ отношеніи его къ народному образованію. Очевидно, г. Чистовичъ сослался на 39 № газеты въ доказательство враждебныхъ отношеній печати въ 1857 г. къ духовенству съ чужихъ словъ, стоя на той точки зрѣнія на этотъ предметъ, на которой держались въ то время начальственные лица духовнаго вѣдомства.— Приводя же въ доказательство той же мысли о враждебности печати къ духовенству выдержку изъ «Мнѣнія преосв. митрополита Филарета по поводу напечатанной въ № 10 «Журнала Землевлдѣльцевъ» за мѣсяць сентябрь, 1858, въ отд. VII, статьи, оскорбительной для всего духовенства», г. Чистовичъ невѣрно указываетъ въ своей книгѣ, что статья помѣщена въ № 27-мъ этого журнала. Наконецъ, г. Чистовичъ въ доказательство своей мысли говоритъ: «А. Забѣлинъ напечаталъ въ «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ» статью подъ заглавіемъ: «Исторія жизни и воспитанія одного подъячаго, описанная имъ самимъ» (Русскій Педагог.

Вѣстн. 1858, №№ 4—5). «Духовныя школы описаны въ этой статьѣ въ мрачными чертами» (стр. 9). Очень хорошо мы припоминаемъ, что упоминаемая статья Педагогическаго Вѣстника, издававшася бывшимъ професоромъ Педагогическаго Института Н. А. Вышнеградскимъ ¹⁾, въ свое время обратила на себя вниманіе, возбудила разнорѣчивыя толки въ духовенствѣ и вызвала полемику о состояніи духовныхъ низшихъ и среднихъ училищъ. Но слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что въ статьѣ ни разу не сказано, что въ ней описываются *духовныя* училища. Между тѣмъ, читатели ея не сомнѣвались, что она говоритъ именно о нихъ. Значить, она изображала духовныя училища и семинаріи въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были извѣстны въ то время въ обществѣ, только не чрезъ печать. Далѣе, — школы, описанныя въ статьѣ, изображаются не исключительно «мрачными чертами», — но въ ней выводятся и свѣтлыя личности начальниковъ и учителей (№ 4, стр. 261—262, и № 5). Цѣль статьи состоитъ въ томъ, чтобы обратить вниманіе общества на описываемыя въ ней школы, требующія настоятельнаго исправленія. Затѣмъ, авторъ статьи обозначенъ подъ нею буквами А. З . . . ъ. Но г. Чистовичу онъ сталъ извѣстенъ съ полнымъ именемъ и фамиліею, которыми и называется въ его книгѣ. Изъ этой же книги видно (стр. 96, прим.), что авторъ статьи вмѣстѣ съ г. Чистовичемъ участвовалъ въ комитетѣ 1869 года, «учрежденномъ подъ предѣлательствомъ знаменитаго преосвященнаго Макарія, для представленія св. Синоду соображеній о необходимыхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ Уставѣ духовной цензуры»; значить, г. Забѣлинъ извѣстенъ г. Чистовичу и лично. Полагаемъ, что первый не безъизвѣстенъ второму и своею педагогическою публицистическою и литературною дѣятельностію, равно службою по духовному вѣдомству и по министерству народнаго просвѣщенія. Во всѣхъ видахъ своей службы и дѣятельности г. Забѣлинъ, какъ намъ лично извѣстно, не только никогда не былъ лицомъ враждебнымъ въ отношеніи къ духовенству, къ которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію, и къ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ, которымъ онъ обязанъ своимъ начальнымъ и среднимъ образованіемъ ²⁾; но и въ печати, и при

¹⁾ Н. А. Вышнеградскій получилъ среднее образованіе въ Тверской духовной семинаріи, а высшее въ Педагогическомъ институтѣ и въ заграничныхъ университетахъ.

²⁾ А. И. Забѣлинъ обучался въ Кашиинскомъ духовномъ училищѣ и въ Тверской духовной семинаріи и былъ, по семинаріи, товарищемъ Н. А. Вышне-

случаяхъ официально старался выяснять, что въ русскомъ духовенствѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ имѣются жизненные силы, достаточныя, при надлежащемъ руководствѣ, не только для собственнаго преуспѣянія, но и для широкаго вліянія на народную жизнь въ духѣ нравственныхъ христіанскихъ началъ¹⁾. Такимъ образомъ находимое г. Чистовичемъ доказательство враждебныхъ отношеній печати 1857 и 1858 гг. къ духовнымъ училищамъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Забѣлина едва-ли можно назвать состоятельнымъ. Намъ кажется, что не только всѣ доказательства, приведенныя г. Чистовичемъ въ его книгѣ, касательно враждебныхъ отношеній печати указанныхъ годовъ къ духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ, недостаточны, но и самая мысль его о существованіи таковыхъ отношеній едва-ли можетъ быть признана вѣрною. Публицистическая литература конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ относительно духовно-учебныхъ заведеній принесла имъ несомнѣнную и многостороннюю пользу. Правда, появленіе первыхъ публицистическихъ статей о недостаткахъ этихъ заведеній было крайне непріятно встрѣчено многими начальствовавшими лицами въ духовномъ вѣдомствѣ; но статьи эти и писались и издавались, большею частію, лицами, вышедшими изъ тѣхъ же заведеній, оправдывались горячимъ и искреннимъ желаніемъ авторовъ и издателей блага имъ и сознаніемъ крайней необходимости въ ихъ реформѣ и улучшеніи, читались и перечитывались въ духовенствѣ, учащими и учащимися въ нихъ, и въ концѣ концовъ разъяснили и доказали необходимость улучшенія и реформъ, которыя и были произведены въ 60-хъ же годахъ и о которыхъ говорится во вто-

градскому; высшее же образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ.

¹⁾ Такъ А. И. Забѣлинъ, служившій въ разныхъ учительскихъ семинаріяхъ (Молодченской, Тамбовской) директоромъ и бывшій главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края, всегда держался убѣжденія и разъяснял и въ средѣ педагоговъ, и печатно, что достаточный, надежный и верѣдко уже подготовленный контингентъ народныхъ учителей имѣется для Россіи въ наличномъ православномъ духовенствѣ и что стремленіе — создать новый классъ учившагося въ школахъ пролетаріата въ видѣ народныхъ учителей изъ крестьянъ и мѣщанъ, чрезъ обученіе ихъ послѣ курса трехкласснаго начальнаго училища въ особыхъ учительскихъ семинаріяхъ, несогласно съ здравомъ политикою государства, не имѣетъ для себя разумныхъ основаній, не принесетъ народу надлежащей пользы и есть плодъ недоразумѣній (см. его статьи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г., февраль, и «Правдивое слово объ учительскихъ семинаріяхъ» въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», № 39, 1890 г.).

ромъ отдѣлъ самой книги г. Чистовича подъ общимъ заглавіемъ: «Преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній въ 1867—1869 гг.». Если г. Чистовичъ упомянутыя публицистическія статьи называетъ «враждебными» духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ, то онъ держится здѣсь употреблявшагося въ то время между официальными лицами термина и, вѣроятно, внесъ его въ свою книгу изъ своихъ замѣтокъ или мемуаровъ, записанныхъ въ 1857—1858 гг. Между тѣмъ, говоря о тѣхъ же самыхъ статьяхъ лично отъ себя, онъ на стр. 8 своей книги значительно смягчаетъ рѣзкость этого термина совершенно справедливыми словами: «въ смутныхъ движеніяхъ времени было не столько враждебнаго по отношенію къ вѣрѣ и церковному благоустройству, сколько увлеченій и преувеличенныхъ указаній на существующіе недостатки въ духовствѣ».

Весьма осторожнымъ и официальнымъ языкомъ выражается г. Чистовичъ о нѣкоторыхъ *происшествіяхъ*, бывшихъ въ Академіи между студентами въ 1858 г. На стр. 9-й онъ говоритъ: «Ректоръ Академіи, опасаясь, что эти (публицистическія) статьи вредно повліяютъ на студентовъ, и имѣя уже поводъ къ этому опасенію въ возникшемъ *неблагопріятномъ движеніи* между студентами въ сентябрѣ 1858 г., сообщилъ свои опасенія митрополиту Григорію»... Это же «неблагопріятное движеніе между студентами» разумѣетъ г. Чистовичъ, когда на стр. 6-й пишетъ: «Оберъ-прокуроръ св. Синода, графъ А. П. Толстой, сообщивъ Московскому митрополиту *объ обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ необходимою замѣну* архимандрита Викторина (инспектора) другимъ лицомъ, просилъ указать кандидата на его мѣсто». На стр. 74 объ этихъ обстоятельствахъ г. Чистовичъ такъ сообщаетъ: «Въ октябрѣ 1858 г. нѣкоторые студенты низшаго отдѣленія, замѣченные инспекціею въ нарушеніи дисциплинарныхъ правилъ, оказали упорство въ подчиненіи требованіямъ порядка и занесли жалобу на инспектора. Митрополитъ Григорій личнымъ вліяніемъ прекратилъ безпорядокъ, но 6-ть главныхъ виновниковъ уволены были изъ Академіи въ епархіальное вѣдомство, съ предоставленіемъ имъ, впрочемъ, преимущественнаго права предъ студентами семинарій на занятіе преподавательскихъ мѣстъ въ духовныхъ училищахъ». Сообщенію г. Чистовича «о неблагопріятномъ движеніи между студентами» С.-Петербургской Духовной Академіи въ сентябрѣ 1858 г., изложенному въ приведенныхъ изъ его книги выдержкахъ, позволяемъ себѣ въ качествѣ очевидца-свидѣтеля и соучастника въ проис-

шестью противопоставить нашъ разсказъ о «движеніи», разсказъ, достовѣрность котораго можетъ быть подтверждена всѣми дожившими до сего дня сотоварищами. Архимандритъ Викторинъ Любимовъ, о которомъ въ книгѣ г. Чистовича говорится на стр. 5—6, 13 ноября 1857 года опредѣленный инспекторомъ Академіи, дозволялъ себѣ выходки рѣзкаго и неделикатнаго обращенія со студентами, по традиціямъ въ Академіи нетерпимаго ¹⁾. Онъ не заслужилъ между студентами и репутаціи умнаго и ученаго человѣка и преподавателя. Онъ написалъ въ 1858 г. сочиненіе: «Истинный другъ духовнаго юноши. Практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ училищъ» и отпечаталъ его въ Христіанскомъ чтеніи и особою брошюрою. Одинъ изъ студентовъ ²⁾ помѣстилъ въ «Современникъ» насмѣшливую рецензію на «сочиненіе» о. Викторина. Послѣ этой рецензіи отношенія между о. инспекторомъ и студентами не только не поправились, но обострились. Въ сентябрѣ 1858 года о. инспекторъ, во время ужина студентовъ, въ присутствіи всего ихъ собранія, съ обращеніемъ на «ты» и съ громкимъ произнесеніемъ неделикатныхъ, пожалуй — ругательныхъ словъ, выгналъ изъ столовой одного изъ студентовъ младшаго (XXIV) курса (Н. М. Р—го, нынѣ умершаго) за то, что онъ имѣлъ длинные волосы, оставшіеся неостриженными послѣ замѣчанія инспектора. Этотъ случай вынудилъ студентовъ младшаго (XXIV) курса составить и подать ректору Академіи, арх. Теофану, коллективную жалобу (изъ 59 человѣкъ не подписали ее лишь 4) на неблагородное обращеніе съ ними инспектора. Жалоба была составлена въ почтительныхъ выраженіяхъ. Ректоръ принялъ жалобу; справедливость ея была подтверждена студентами старшаго (XXIII) курса. Затѣмъ, ректоръ предложилъ ее на обсужденіе конференціи и представилъ митрополиту. Въ конференціи большинство голосовъ составилось не въ пользу инспектора; митрополитъ также не одобрилъ обращеніе его со студентами. Пресвященный митрополитъ глубокой старецъ, пользовавшійся извѣстностію архипастыря ученаго (онъ былъ докторъ богословія), правдиваго и добраго, самъ

¹⁾ Въ С.-Петербургской Академіи обращеніе профессоровъ, преподавателей и начальниковъ со студентами всегда отличалось благородствомъ, вѣжливостію и достоинствомъ, — что производило сильныя и благотѣльныя впечатлѣнія на вновь поступающихъ въ Академію семинаристовъ.

²⁾ Авторъ этой рецензіи А. В. Стефановскій, нынѣ уже умершій; помѣщенію статьи въ журналѣ содѣйствовалъ М. А. Антоновичъ. Оба — студенты XXIII курса Академіи.

являлся въ Академію для внушеній студентамъ и поручилъ ректору развить эти внушенія. Студентамъ внушалось: они должны быть скромны и осторожны въ подачѣ коллективныхъ жалобъ. Хотя въ данномъ случаѣ поданная ими жалоба и найдена справедливою и хотя, вслѣдствіе ея, неправильности обращенія съ ними будутъ устранены; но подобнаго рода случаи не всегда могутъ оканчиваться благополучно. Студенты, и по взаимному соглашенію, и вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ внушеній, во все время «происшествія» держали себя въ строгомъ порядкѣ и не подавали повода обвинять ихъ въ отступленіяхъ отъ дисциплины. Инспекторъ архим. Викторинъ вскорѣ былъ перемѣщенъ въ Костромскую семинарію ректоромъ; на его мѣсто назначенъ былъ другой. Не долго послѣ этого оставался ректоромъ и архимандритъ Теофанъ ¹⁾).

Документально официальнымъ повѣствователемъ является г. Чистовичъ и въ изложеніи *перемѣнъ*, произведенныхъ въ Академіи уставами Духовныхъ Академій, изданныхъ въ 1869 и 1884 гг. Авторъ разбираемой книги участвовалъ въ Комитетѣ при св. Синодѣ по составленію проекта устава Духовныхъ Академій 1869 года и, по порученію Комитета, написалъ объяснительную къ проекту записку, нѣсколько измѣненную при окончательной ея редакціи. Извлеченіе изъ этой записки вошло во «всепоподанѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. Синода, графа Д. Толстаго, по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1869 г.» (стр. 126—133). Авторъ разсматриваемой книги воспользовался своею объяснительною запискою и отчетомъ оберъ-прокурора за 1869 годъ для изложенія въ книгѣ своей содержанія устава Академіи 1869 г. и для изображенія вводимыхъ имъ перемѣнъ въ строѣ разныхъ частей Академій. (Сличи указанныя страницы устава и страницы книги 114—118). Ни въ объяснительной запискѣ, ни въ «отчетѣ», ни въ книгѣ г. Чистовича не сдѣлано никакихъ указаній на достоинства и преимуще-

¹⁾ Въ концѣ учебнаго года (въ іюнѣ 1859 г.), по предложенію новаго инспектора, архимандрита Епифанія (о которомъ въ книгѣ г. Чистовича говорится на стр. 6—7), было исключено *четыре* (а не 6) нашихъ товарищей. Епифаній происходилъ изъ поляковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и, по наблюденіямъ студентовъ, держался правилъ іезуитскихъ. Въ свое время мы предполагали, что исключеніе товарищей, хотя и «съ предоставленіемъ имъ преимущественнаго права», послѣдовало въ наказаніе всему курсу; вѣрность этого предположенія подтверждается теперь въ книгѣ г. Чистовича. Но исключенные отнюдь не были «главными виновниками» движенія, — каковыхъ вовсе и не было.

ства новаго устава Академій по сравненію съ академическимъ уставомъ 1814 г. и съ порядками, существовавшими въ Академіяхъ во время, предшествовавшее реформѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія устава 1869 г. найдено было нужнымъ въ высшихъ сферахъ церковнаго управленія пересмотрѣть его и замѣнить новымъ. Къ пересмотру академическаго устава 1869 года не былъ призванъ авторъ разсматриваемой книги. Пересмотрѣнный проектъ устава высочайше утвержденъ 20 апрѣля 1884 г. О ходѣ пересмотра и составленіи проекта устава 1884 г., о содержаніи его и объ отличительныхъ особенностяхъ административнаго строя Академіи по его началамъ довольно подробно изложено во «всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора св. Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1884 г. (Спб., 1886, стр. 7—13). Составитель разсматриваемой книги воспользовался этимъ отчетомъ для изложенія въ ней «пересмотра и измѣненія академическаго устава въ 1884 г.» (стр. 196—200), безъ всякихъ прибавленій съ своей стороны, сужденій и сравненій академическихъ уставовъ 1869 и 1884 гг. Какъ въ «отчетѣ», такъ и въ книгѣ г. Чистовича повѣствованіе о пересмотрѣ академическаго устава начинается словами: «Со времени введенія въ дѣйствіе устава Духовныхъ Академій (исполнилось 15 лѣтъ. Въ виду того, что въ теченіе этого періода времени) ¹⁾ обнаружались на опытѣ *нѣкоторыя несовершенства* сего устава. Вслѣдствіе сего поручено было ректорамъ Духовныхъ Академій, по совѣщанію съ преподавателями, представить соображенія объ измѣненіяхъ въ организаціи сихъ духовно-учебныхъ заведеній» и т. д. Какія именно несовершенства академическаго устава 1869 г. оказались на опытѣ, — ни въ «отчетѣ», ни въ книгѣ г. Чистовича не объяснено. И здѣсь, въ предметѣ столь существенномъ и важномъ для Духовныхъ Академій, г. Чистовичъ остался вѣренъ своей осторожности — не выражать своихъ личныхъ воззрѣній. А жаль.

Послѣ указанія особенностей сочиненія г. Чистовича и внимательнаго знакомства съ нимъ, намъ представляется (и отъ многихъ читателей его книги намъ приходилось выслушивать) вопросъ: почему бы г. Чистовичу, извѣстному писателю и ученому, такъ изучившему и знающему исторію С.-Петербургской Духовной Академіи и ея состояніе въ новѣйшее время, какъ никто ее не изучалъ и едва-ли кто знаетъ, и несомнѣнно проникнутому любовію къ ней

¹⁾ Слова въ () находятся только въ «отчетѣ».

не изложить историческаго развитія ея и современнаго ея положенія по своимъ личнымъ научнымъ воззрѣніямъ, отъ выраженія которыхъ онъ, по видимому, не безъ усилій воздерживался въ своей книгѣ. Приходится выслушивать отъ читателей книги, что нѣкоторыя лица, событія, происшествія и перемѣны, описываемыя въ ней, оставлены безъ желательнаго освѣщенія. Въ книгѣ ищутъ разъясненій—какъ развивалось, измѣнялось и усовершалось въ Академіи преподаваніе наукъ въ методахъ, въ объемѣ и въ направленіяхъ,—какой изъ трехъ уставовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ жила Академія, наиболѣе соотвѣтственъ ея цѣлямъ и задачамъ,—почему, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ и причинъ и недостатковъ уставовъ, цѣли и задачи Академіи или не достигались вполне или могли бы достигаться въ большей степени при дѣйствіи того или другаго устава,—или почему одинъ уставъ смѣнялся другимъ,—соотвѣтствуетъ ли положеніе и состояніе Академіи въ данное время (т. е. въ тотъ или другой историческій моментъ, который описывается въ книгѣ)—по закону и въ дѣйствительности—тому значенію, какое Академія должна имѣть въ русской церкви и русскомъ государствѣ, въ системѣ духовно-учебныхъ заведеній, въ православномъ русскомъ духовенствѣ и обществѣ, въ строѣ общаго народнаго образованія и просвѣщенія, въ сравненіи съ другими высшими учебными заведеніями—спеціальными и университетами, также въ сравненіи съ богословскими учебными заведеніями христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ Россіи и въ другихъ странахъ находящимися,—и какой идеалъ православной русской Духовной Академіи представляется автору книги, бывшему профессору Академіи и ея историкъ-наблюдателю, и на сколько этотъ идеалъ осуществляется въ нашемъ законодательствѣ, въ дѣйствительности и въ сознаніи корпораціи профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи и высшихъ должностныхъ лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Въ книгѣ г. Чистовича читатель не находитъ разрѣшенія и разъясненія перечисленныхъ нами вопросовъ и предметовъ. Скажутъ, быть можетъ, что предъявляемыя къ книгѣ г. Чистовича требованія слишкомъ широки и чрезъ-чуръ строги. Но мы *обязаны*, въ качествѣ рецензента, на основаніи § 6 Положенія о наградахъ графа Уварова, предъявить къ книгѣ г. Чистовича перечисленные нами «требованія», которыя можно и должно назвать «современными». Кромѣ того, рецензентъ, мнѣ думается, долженъ указать и выяснить тѣ основанія, на которыхъ онъ стоитъ при разборѣ сочиненія и даетъ о немъ критическій отзывъ. Въ предъ-

явленныхъ нами отъ лица читателей ожиданіяхъ и требованіяхъ отъ книги г. Чистовича выражается та точка зрѣнія, съ которой мы ее разбирали и разбираемъ.

Въ виду заявленныхъ нами къ книгѣ г. Чистовича требований, справедливость и безпристрастіе заставляютъ насъ высказать что, съ одной стороны, есть обстоятельства, извиняющія ея автора въ томъ, что она не удовлетворяетъ всѣмъ ожиданіямъ и требованіямъ отъ нея читателей, а съ другой — ожиданія и требованія читателей имѣютъ свои справедливыя основанія. Объяснимъ, по возможности, и тѣ и другія.

Позволимъ себѣ сначала принять на себя положеніе защитника нашего бывшаго професора, которому мы многимъ обязаны въ своемъ образованіи, не отступая, однакожь, отъ указаній правды. *Amicus Plato, magis veritas.*

Прежде всего жаль, что г. Чистовичъ не предпослалъ своей книгѣ предисловія, въ которомъ онъ могъ бы объяснить цѣль и задачу своего сочиненія. Рецензенту самому приходится выяснять ихъ на основаніи содержанія и направленія книги. Оказывается что г. Чистовичъ вовсе не задавался представить въ своей книгѣ критическую исторію Академіи и дать этой исторіи такъ сказать теоретическія основныя. Рецензентъ обязанъ давать оцѣнку сочиненія и съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ его авторъ. Если же г. Чистовичъ не имѣлъ своею цѣлю разрѣшать тѣ вопросы, разъясненія которыхъ ожидаютъ читатели его книги, то не слѣдуетъ и винить автора за то, что въ ней нѣтъ желаемого разъясненія.— Затѣмъ, въ виду публицистической литературы о духовно-учебныхъ заведеніяхъ вообще и объ Академіяхъ въ частности, развивавшейся въ 50-хъ и 60-хъ годахъ и появляющейся изрѣдка и въ послѣдніе годы (см. напр. «Вѣстникъ Европы», январь 1891 г., ст. Г. З. Елисеева, «Изъ далекаго прошлаго двухъ академій», стр. 282 сл.), — литературы, въ которой выражались чрезвычайно разнообразныя сужденія объ означенныхъ заведеніяхъ, г. Чистовичъ желалъ изобразить въ своей книгѣ состояніе Академіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ систематическомъ подборѣ фактовъ и въ формѣ историко-статистическаго описанія. Излагая содержаніе своей книги, авторъ, какъ намъ кажется, какъ бы говоритъ читателямъ: смотрите, какова С.-Петербургская Академія въ теченіи 30-ти послѣднихъ лѣтъ, и судите о ней по фактамъ, какъ хотите. Она сама за себя говоритъ фактами, — и только одними фактами. Рѣшайте на основаніи этихъ фактовъ: можно ли ее осуждать...

Стремленіемъ автора излагать одни факты объясняется и то, почему онъ въ своей книгѣ является иногда черезъ-чуръ официально объективенъ. — Онъ, по видимому, такъ любитъ свою Академію и такъ увѣренъ, что Академія сдѣлала все возможное для нея, по условіямъ ея положенія, что ему кажется—будто и требовать отъ нея бѣльшаго нѣтъ основаній. Далѣе, — время, за которое описывается состояніе Академіи въ книгѣ г. Чистовича, весьма близко къ намъ. Составленіе критической исторіи Академіи за послѣдніе годы ея существованія едва-ли и возможно, по крайней мѣрѣ — для г. Чистовича ¹⁾. Большая часть дѣятелей Академіи находится

¹⁾ Для иллюстраціи этой мысли представимъ примѣръ. Желательно, на-примѣръ, найти въ книгѣ г. Чистовича очеркъ развитія преподаванія въ Академіи философіи. Несомнѣнно, что исторія этого развитія за время, которое описывается въ его книгѣ, извѣстна г. Чистовичу ближе, чѣмъ кому бы то ни было. Будучи студентомъ, г. Чистовичъ слушалъ философію у профессоровъ А. А. Фишера и В. Н. Карпова. Фишеръ держался началъ философіи Декарта и Вольфа. Философскія воззрѣнія Карпова образовались изъ началъ философіи Платона, неоплатониковъ и св. отцовъ церкви, своеобразно имъ развитыхъ и соединенныхъ. Въ 1853 г. г. Чистовичъ былъ переведенъ съ кафедръ исторіи на кафедру психологіи и философіи (метафизики, въ которой излагались аналогія и ученіе объ абсолютномъ). Онъ ввелъ новыя начала въ академическое преподаваніе психологіи по Гербарту и Бенеке. Встрѣча идеалистическихъ воззрѣній проф. Карпова съ началами «Опытной психологіи» (т. е. основанной на наблюденіяхъ и опытѣ, реалистической) И. А. Чистовича возбуждала, оживляла и развивала мысль и сознаніе студентовъ по весьма многимъ вопросамъ. Разногласія того и другаго профессора выражались довольно открыто и отражались, между прочимъ, на отиѣткахъ ихъ на сочиненіяхъ студентовъ: г. Чистовичъ, напр. ставилъ на сочиненіяхъ одного студента въ 1856 и 1857 г., при 10-ти балльной системѣ, 10 и 12-, а проф. Карповъ сочиненія того же студента оцѣнивалъ чуть ли не въ 1. Или еще: въ 1860 г. одинъ студентъ, получившій на сочиненіяхъ хорошія отиѣтки отъ г. Чистовича, получилъ на одномъ своемъ сочиненіи отъ г. Карпова неодобрительный балъ, — а одинъ изъ товарищей его, послѣдователь идей Карпова, получилъ отъ него на сочиненіи на ту же тему 10; первый напечаталъ выдержки изъ сочиненія втораго въ юристическомъ, издававшемся тогда, журналѣ, «Искра», какъ образчикъ странной философіи, — за это онъ долженъ былъ выйти изъ Академіи и теперь, кажется, имѣетъ въ службѣ чинъ д. с. совѣтника.—Лекціи г. Чистовича по психологіи обратили на себя особое вниманіе ректоровъ. Преосв. Макарій, посѣщая въ 1856 и 1857 гг. лекціи г. Чистовича, въ присутствіи студентовъ дѣлалъ ему возраженія и замѣчанія въ томъ смыслѣ, что профессору академіи слѣдуетъ съ особенною осторожностію замѣнять уставовившіяся понятія новыми. Архим. Теофанъ, разсматривая въ концѣ 1857 г. литографированныя записки г. Чистовича, сданныя студентамъ для приготовленія къ экзамену, сдѣлалъ на нихъ множество замѣчаній; въ замѣчаніяхъ

въ живыхъ; живутъ и здравствуютъ лица, весьма близкія въ разныхъ отношеніяхъ и къ умершимъ дѣятелямъ. Сужденія и оцѣнка дѣятелей Академіи, равно событій, происшествій и перемѣнъ, въ ней происходившихъ, могли бы показаться для читателей основанными не на научныхъ основаніяхъ, а имѣющими лишь публицистическое значеніе. — могли возбудить полемику между авторомъ книги и другими лицами ¹⁾ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказались бы въ противорѣчій съ официальными документами, быть можетъ, еще не подлежащими критикѣ. — Таковы обстоятельства, которыя, какъ представляется намъ, могутъ служить къ оправданію г. Чистовича въ томъ, что въ его книгѣ нѣтъ ожидаемаго читателями разъясненія нѣкоторыхъ предметовъ, до С.-Петербургской Академіи и духовныхъ академій вообще касающихся.

Но предъявленные нами выше требованія къ книгѣ г. Чистовича и ожиданія отъ нея читателей имѣютъ и свои вѣскія основанія.

Въ Россіи существуетъ цѣлая, сложная, исторически развившаяся по условіямъ народной, государственной и церковной жизни и необходимо долженствующая существовать система духовно-учебныхъ заведеній своеобразнаго типа. Въ составъ этой системы входятъ въ настоящее время 4 духовныя академіи, 55 дух. семинарій, духовныхъ училищъ 183, женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства и епархіальныхъ женскихъ училищъ 53 ²⁾). Въ этихъ учи-

противопоставлялись мнѣніямъ профессора или изреченія св. отцевъ, или собственныя воззрѣнія ректора, — а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было прямо написано: «*худо!*». — Въ 1859 г. г. Чистовичу вмѣсто психологіи и метафизики было поручено читать исторію философіи до Канта, а психологію и новѣйшую философію съ Канта — проф. Карпову. — Могъ ли г. Чистовичъ рассказанное нами вкратцѣ сообщать въ своей книгѣ? ... Конечно, нѣтъ.

¹⁾ Мы видѣли выше, что сужденія г. Чистовича о «враждебныхъ отношеніяхъ печати 1857 и 1858 гг. къ духовенству» могутъ быть опровергаемы. Нѣтъ сомнѣнія, что сужденія г. Чистовича и о другихъ предметахъ и о лицахъ могли вызвать опроверженія и полемику.

²⁾ Къ нимъ присоединялись въ разные времена, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и теперь присоединены, русскія школы, причетническіе классы, начальныя училища (для нагляднаго съ методами начальнаго обученія ознакомленія учащихся въ семинаріяхъ педагогикѣ) и такъ называемыя «приходскія» училища. Многія возраженія, которыя дѣлались въ публицистической литературѣ и отчасти теперь слышатся, противъ существованія особой, отдѣльной отъ общихъ въ государствѣ учебныхъ заведеній, системы духовныхъ училищъ, отчасти отпали въ отношеніи къ системѣ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній вслѣдствіе новѣйшихъ ихъ реформъ, отчасти невѣрно прилагаются къ

лицахъ ежегодно обучается болѣе 60,000 ч. Духовно-учебныя заведенія приносили въ исторіи и теперь приносятъ несомнѣнную пользу въ отношеніи къ распространенію просвѣщенія въ народѣ. Въ современномъ строѣ русской церкви система этихъ заведеній является необходимымъ институтомъ. Но публицистическая литература о духовно-учебныхъ заведеніяхъ¹⁾ и производившіяся въ новѣйшее время реформы ихъ возбудили въ обществѣ и духовенствѣ множество вопросовъ о задачахъ, постановкѣ, отношеніяхъ и особенности существованія этихъ заведеній. Многіе изъ этихъ вопросовъ разрѣшались и въ литературѣ, и въ средѣ лицъ, призывавшихся къ составленію проектовъ реформъ, и въ законодательствѣ различно. Разрѣшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ весьма важныхъ, въ самомъ законодательствѣ (въ уставахъ) оказывается неустойчивымъ: въ короткій періодъ времени два раза передѣлывались уставы духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Въ публицистической литературѣ высказываются разныя мнѣнія объ уставахъ академій 1869 и 1884 гг. При существованіи разнорѣчій о весьма существенныхъ сторонахъ системы духовно-учебныхъ заведеній, наше общество, духовенство и сами эти заведенія имѣютъ нужду въ *ученомъ* и всестороннемъ изслѣдованіи и принципиальномъ разрѣшеніи многихъ вопросовъ относительно духовно-учебныхъ заведеній вообще и духовныхъ академій въ частности. Въ академіяхъ, семинаріяхъ и даже училищахъ должны сознаться и достигаться идеальныя ихъ задачи. Сознавая необходимость имѣть ученое изслѣдованіе о нашихъ академіяхъ, читатели сочиненія г. Чистовича, содержаніе котораго специально посвящено изображенію состоянія Академіи за періодъ реформъ, и ищутъ въ его книгѣ научныхъ, твердо установленныхъ основаній, на которыхъ слѣдуетъ стоять при оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ того или другаго устава духовныхъ академій.

Кромѣ публицистической литературы о духовно-учебныхъ за-

нимъ, отчасти могутъ устраняться основательными объясненіями и соображеніями. Такъ упреки въ сословности нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеній нынѣ уже не имѣютъ силы: всѣ эти заведенія открыты нынѣ для лицъ всякаго званія.

¹⁾ Публицистическія статьи о нихъ помѣщались и въ свѣтскихъ и духовныхъ журналахъ (въ Православномъ обозрѣніи, Трудахъ Кіевской Д. Академіи и др.). За границею явилось въ 1862 г. обширное сочиненіе бывшаго профессора С.-Петербургской Дух. Академіи Ростиславова. «Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи», т. I и II.

веденіяхъ, существуетъ о нихъ еще литература историческая, и довольно значительная. Есть особыя монографіи объ отдѣльныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ — академіяхъ и нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Нѣкоторыя изъ таковыхъ монографій отличаются высокими достоинствами по богатству собранныхъ матеріаловъ, по отчетливости изложенія и по формамъ построенія ¹⁾. Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ печаталось весьма много статей и свѣдѣній о тѣхъ или другихъ семинаріяхъ и училищахъ ²⁾. Имѣются два весьма хорошія историческія сочиненія о духовныхъ училищахъ въ Россіи вообще: одно — «Состояніе духовныхъ училищъ при Екатеринѣ II» — неизвѣстнаго автора, печатавшееся въ Рязанскихъ еп. вѣдомостяхъ по частямъ за 1878—1880 гг., — другое — «Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.», принадлежащее профессору Казанской д. академіи П. В. Знаменскому. Большая часть сочиненій по исторіи духовно-учебныхъ заведеній излагаетъ состояніе ихъ въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Но есть нѣсколько и такихъ, въ которыхъ представленъ очеркъ состоянія нѣкоторыхъ изъ семинарій и въ текущемъ столѣтіи до новѣйшаго времени ³⁾; а «Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства, 1809—1884». (СПб. 1885), сочиненіе А. Надеждина, по своимъ достоинствамъ, вполне

¹⁾ Имѣются сочиненія: Макарія Булгакова, Исторія Кіевской Академіи, Спб. 1843; Смирнова, Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи, М. 1855; *то же* Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, М. 1867; Аскоченскаго, Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею, Кіевъ, 1856; С. Голубева, Исторія Кіевской духовной Академіи, Кіевъ, 1886; Благовѣщенскаго, исторія старой Казанской Академіи (1797—1818 гг.), Казань, 1876 (моя замѣтка о ней въ Сборникѣ государственныхъ знаній, Т. V, 1876 г. въ отдѣлѣ критики, стр. 13); Геронима, Исторія пермской семинаріи, Пермь; Надеждина, Исторія владимірской д. семинаріи, Владиміръ на К., 1875 (моя замѣтка о ней въ V Т. Сборн. госуд. зн.); Благовѣщенскаго, Исторія Казанской дух. семинаріи; Агнцева, Исторія рязанской д. семинаріи, Рязань 1889; Колосова, Исторія тверской дух. семинаріи, Тверь, 1889. Есть исторіи семинарій нижегородской, псковской и другихъ, помѣщенные въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

²⁾ См. цитаты въ соч. Знаменскаго «Духовныя школы въ Россіи», Каз. 1881.

³⁾ Московская духовная семинарія 1814—1889. (Краткій историческій очеркъ Н. Кедрова. М. 1889). — «Краткій очеркъ исторіи тверской семинаріи» послѣ 1814 г. въ книгѣ г. Ва. Колосова «Исторія тверской духовной семинаріи», Тверь, 1889 г., стр. 318—360. «Историческая записка о состояніи тверской дух. семинаріи» Н. П. Розанова, Тверь, 1882, и др.

оправдываетъ свое названіе. — Правда, литература по исторіи духовно-учебныхъ заведеній не можетъ быть еще названа полною и богатою. Но и въ наличномъ количествѣ ея произведеній собрано и имѣется столько историческихъ матеріаловъ, что, на основаніи ихъ, при помощи научныхъ приемовъ, можно съ основательностію прійти къ разъясненію и разрѣшенію общихъ, выше поставленныхъ, вопросовъ относительно духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Дополненіемъ къ матеріаламъ, собраннымъ въ исторической литературѣ объ этихъ заведеніяхъ, могутъ и должны служить для научной разработки вопросовъ официальныя изданія, имѣющія своимъ содержаніемъ тѣ же заведенія. — Въ виду публицистической и исторической литературы о духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ виду имѣющихся въ печатныхъ официальныхъ о нихъ изданіяхъ матеріаловъ, читатели книги г. Чистовича, воплѣтъ оцѣнивающіе ея достоинства и пользу, заявляютъ къ ней такія требованія, которымъ не удовлетворяетъ наличная историческая литература, но для удовлетворенія которыхъ имѣются достаточныя матеріалы.

Мы высказали выше, что русское общество нуждается въ настоящее время въ ученomъ и всестороннемъ изслѣдованіи русскихъ духовно-учебныхъ заведеній ¹⁾. По нашему мнѣнію, состояніе нашей литературы о нихъ — публицистической, исторической и официальной, равно и положеніе самихъ заведеній таково, что всякій писатель о нихъ обязательно долженъ ясно представлять себѣ задачи и цѣль, постановку и идеалъ того учебнаго заведенія, о которомъ онъ пишетъ, и отношенія его къ другимъ заведеніямъ, входящимъ въ составъ всей системы. Историческаго матеріала для выясненія задачъ и цѣлей, которымъ должны служить наши академіи, семинаріи и разныя училища духовныя, и того, что они должны быть по своему существу (въ идеалѣ), имѣется въ печати достаточно. И мы, для оправданія этихъ требованій, которыя предъявляются нами

¹⁾ Въ такомъ изслѣдованіи могли бы быть разъяснены слѣдующія стороны предмета: I) Идея, существо, причины существованія и составъ института духовно-учебныхъ заведеній; II) Историческое развитіе его; III) Современный строй и состояніе ихъ; IV) Соотвѣтствіе состоявія института и частей его въ данному видѣ и въ данное время его идеѣ; V) Сравнительное сопоставленіе института духовно-учебныхъ заведеній православныхъ съ учрежденіями, подготовляющими духовныхъ лицъ въ заграничныхъ прав. церквахъ и въ другихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы и Америки; VI) Соотношеніе духовно-учебныхъ заведеній съ общими государственными учебными и учеными учрежденіями въ Россіи.

къ книгѣ г. Чистовича, позволимъ себѣ представить краткій и историческій очеркъ назначенія и задачъ, которымъ служили и служатъ наши академіи и семинаріи, съ цѣлю — вывести изъ исторіи указанія — что должны быть наши духовныя академіи, семинаріи и училища по своему существу, какъ духовно-учебныя заведенія, и какія задачи они должны преслѣдовать, соотвѣтственно ихъ назначенію и положенію въ церкви и въ общей системѣ духовно-учебныхъ заведеній.

Въ XVII вѣкѣ были учреждены въ русской церкви, въ качествѣ церковныхъ установленій, двѣ академіи — Петромогилянская въ Кіевѣ и Славяно-Греко-Латинская въ Москвѣ ¹⁾, для утвержденія и развитія наукъ и для приготовленія учителей. При Петрѣ I было сознано: «когда нѣсть свѣта ученію, нельзя быть доброму церкви поведенію» ²⁾. Въ «Духовномъ Регламентѣ» разъяснено, что въ каждой епархіи должна быть академія, въ которой, кромѣ общеобразовательныхъ наукъ (грамматики, ариѳметики съ геометрией, логики, риторики, физики, метафизики и политики Пуфендорфа, языковъ греческаго и латинскаго, исторіи и географіи), должна преподаваться и *богословія*, для приготовленія кандидатовъ во священство ³⁾. «Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно (т. е. одинаково необходимо) *бъти при академии*, или *въ началъ* и безъ академіи *семинаріумъ* для ученія и воспитанія дѣтей» ⁴⁾. Въ заключеніе правилъ объ устройствѣ семинарій, Регламентъ замѣчаетъ: «можно впредь будетъ больше придумать, или отъ иноземныхъ лучшихъ семинаріевъ информации проискать». То есть, Регламентомъ узаконяется усовершенствованіе проектируемыхъ имъ духовныхъ училищъ — академій и семинарій ⁵⁾. При Петрѣ началась систематическая организація духовно-учебныхъ заведеній. Новгородскій митрополитъ Іовъ, еще до указація Регла-

¹⁾ Въ грамотѣ царя Федора Алексѣевича, заготовленной для объявленія учрежденія Академіи, говорится: «благоволилъ въ... Москвѣ при монастырѣ... Спаса въ Китаѣ на *взмаше* юныхъ *свободныхъ* ученій мудрости, и *собранія общаю ради* отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ *благонисныхъ* *дидаскаловъ*, *изошренія* разумовъ, храмы чиномъ академіи устроить». (Исторія Россійской іерархіи, ч. I, стр. 520. М. 1807).

²⁾ Дух. Регл. изд. М. 1866, стр. 45.

³⁾ Стр. 49—58.

⁴⁾ Стр. 59.

⁵⁾ Стр. 65.

мента, создалъ цѣлую систему училищъ, съ раздѣленіемъ ихъ на три разряда, а именно: семинарію (главную въ Новгородѣ), низшія (въ городахъ семинаріи) и начальныя (приходскія) училища. Въ семинаріи учителями были приглашенные митрополитомъ ученые (между прочимъ братья Лихуды); семинарія давала кандидатовъ во священство и въ учителя низшихъ семинарій и училищъ, а низшія училища и семинаріи доставляли учениковъ въ центральную семинарію, выдѣляя изъ нихъ кандидатовъ въ учителя начальныхъ училищъ и въ церковники. При преемникахъ Петра, особенно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в., св. Синодъ настойчиво предписывалъ епархіальнымъ архіереямъ заводить, содержать и усовершенствовать въ ихъ епархіяхъ семинаріи и школы. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ второй четверти столѣтія и существовали семинарія и училища въ городахъ. Семинаріи учреждались по образцу Кіевской Академіи. Даже Московская Славяно-Греко-Латинская Академія преобразовалась въ XVIII в. по типу Кіевской. Въ семинаріяхъ были классы: фора или инфоматорія, инфима, грамматина, синтаксима, риторика, философія и богословія. Учителя и начальники для семинарій обыкновенно доставались въ первой половинѣ столѣтія изъ Кіевской и Московской Академій. Со второй половины XVIII в. успѣхи развитія нѣкоторыхъ семинарій достигли такой степени, что лучшие семинаристы, по окончаніи курса, опредѣлялись, особенно принявшіе монашество, учителями въ низшіе классы семинарій, въ которыхъ они получили свое образованіе, и затѣмъ, по мѣрѣ открытія учительскихъ вакансій въ высшихъ классахъ, постепенно повышались по классамъ и доходили до назначенія ихъ въ префекты, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и учителями философіи, и въ ректоры, которые были учителями въ богословіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка, особенно при Екатеринѣ II, семинаріи съ указаннымъ устройствомъ существовали уже во всѣхъ епархіяхъ, а въ иныхъ, сверхъ семинарій, и училища (съ низшими классами семинарій). Образованіе, получавшееся въ семинаріяхъ XVIII вѣка — въ классахъ риторики и философіи, считалось въ государственныхъ учрежденіяхъ XVIII в. на столько достаточнымъ, что семинаристы этихъ классовъ вызывались, для изученія специальныхъ наукъ, въ «московскіе гошпитали», въ университетъ при Академіи Наукъ, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (для подготовки въ переводчики на разные языки), въ комиссію для учрежденія народныхъ училищъ (къ подготовленію въ учителя), въ распоряженіе правительственныхъ учрежденій къ отправленію въ загра-

ничные университеты ¹⁾ и т. п. Вызовы семинаристовъ къ спеціальнымъ занятіямъ, по распоряженіямъ государственной власти, иногда производились въ такомъ количествѣ, что цѣлыя классы нѣкоторыхъ духовныхъ училищъ оказывались пустыми или въ нихъ оставались только одни «дрождіе» ²⁾. Назначенные правительствомъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ, для достиженія которыхъ требовались спеціальныя знанія, семинаристы обыкновенно оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды и, впоследствии, получали извѣстность на поприщахъ ихъ спеціальной службы. Очень многіе семинаристы XVIII вѣка сдѣлались извѣстными учеными своего времени ³⁾. Въ самыхъ семинаріяхъ, не смотря на выходъ изъ нихъ воспитанниковъ въ свѣтскія вѣдомства, всегда оставалось на столько учебныхъ силъ, что начальники и учителя въ нихъ назначались изъ лицъ, въ нихъ же получавшихъ образованіе и подготовку. На начальникахъ и учителяхъ, сверхъ преподаванія, лежали обязанности: составленіе учебныхъ руководствъ, исполненіе начальственныхъ порученій ученыхъ и требующихъ просвѣщенія и знаній, управленіе учебными заведеніями, проповѣданіе и т. п. Изъ духовныхъ академій и семинарій вышли всѣ іерархи русской церкви второй половины XVIII вѣка, изъ которыхъ многіе пользовались справедливою извѣстностію лицъ образованныхъ, просвѣщенныхъ и ученыхъ. При открытіи «Россійской Академіи» въ 1783 г. въ составъ ея членовъ вошли и затѣмъ избирались многія духовныя лица — архіереи, архимандриты, протоіереи и священники ⁴⁾. О дѣятельности духовныхъ лицъ въ этой академіи достопочтенный историкъ ея такъ отзывается: «наиболѣе усердными тружениками, принимавшими самое полное и постоянное

¹⁾ См. «Исторію Спб. Дух. Академіи» Чистовича. Спб., 1857, стр. 54—68; 161; «Исторію Моск. Сл.-Греко-Лат. Акад.» Смирнова, М., 1855; стр. 68 слѣд., 227—243.

²⁾ Такъ жаловался ректоръ Моск. Сл.-Греко-Лат. Акад. въ 1736 г. «Исторія», стр. 244.

³⁾ См. «Исторію Россійской Академіи» академика М. И. Сухомлинова, вып. I, II и III.

⁴⁾ См. «Исторію» М. И. Сухомлинова, вып. I, стр. 16—19, 58—343. На стр. 258 «Исторія» говорится: «Духовныя лица, избранныя по предложенію митрополита С.-Петербургскаго въ академическомъ засѣданіи 28 окт. 1783 г., были слѣдующія: протоіерей Красовскій и священники Сидоровскій, Покорскій, Григорьевъ и Шаевъ. Трое изъ нихъ воспитывались въ *Костромской семинаріи* и начали свое педагогическое поприще въ Костромѣ, два другіе — питомцы *Александро-Невской семинаріи*.

участіе въ научныхъ работахъ Россійской Академіи, были лица изъ бѣлаго духовенства. Они принадлежали къ числу самыхъ исправныхъ посѣтителей академическихъ засѣданій, дѣятельно занимались собираніемъ и объясненіемъ матеріаловъ для словаря въ его полномъ объемѣ и трудились надъ составленіемъ русской грамматики¹⁾. По справедливости слѣдуетъ сказать, что воспитанники духовныхъ академій и семинарій XVIII вѣка составляли «рабочую силу» въ распространеніи и утверженіи просвѣщенія въ отечествѣ въ теченіе всего вѣка: русская наука и просвѣщеніе XVIII в. вынесены «на плечахъ поповичей». Несмотря на то, что семинаріи и академіи (по строю одинаковыя съ семинаріями) обнаруживали силы въ распространеніи просвѣщенія и находили въ средѣ своихъ питомцевъ учебный для себя персоналъ, въ царствованіе Екатерины II въ средѣ іерарховъ русской церкви и государственнымъ правительствомъ было сознано, что для возвышенія богословскихъ знаній въ Россіи, для прогреса богословской науки, для приобрѣтенія постоянного, неизсякаемаго источника способовъ къ улучшенію духовнаго просвѣщенія и для подготовленія достойнѣйшихъ учителей и руководителей семинарій необходимо особое учрежденіе, высшее, чѣмъ семинаріи и существовавшія академіи. Составлялись предположенія и дѣлались опыты при Екатеринѣ II относительно основанія и открытія такого учрежденія. Посылались во время Екатерины нѣкоторые изъ наиболѣе даровитыхъ семинаристовъ въ заграничныя университеты для довершенія образованія; назначались нѣкоторые изъ нихъ къ слушанію лекцій въ Московскомъ университетѣ; предполагалось открыть при этомъ университетѣ богословскій факультетъ или основать Московскій духовный университетъ... Въ 1788 г. Александро-Невская семинарія была преобразована въ *Главную* семинарію; въ числѣ даровитѣйшихъ ея питомцевъ, вызванныхъ изъ разныхъ семинарій, былъ М. М. Сперанскій (1789—1795 гг.), поступившій въ нее изъ Владимірской семинаріи. По окончаніи въ Главной семинаріи курса, онъ оставленъ былъ въ ней учителемъ высшаго краснорѣчія и математики. Главная семинарія, переименованная въ Александро-Невскую Академію, должна была послужить образцомъ устройства Академій Кіевской, Московской и проектированной къ учреженію Казанской. Составленіе проектовъ продолжалось при Павлѣ I и Александрѣ I. При составленіи ихъ выяснились недостатки суще-

¹⁾ Тамъ же, стр. 257.

ствующихъ учебныхъ заведеній. Недостатки эти состояли: въ отсутствіи высшаго единого руководства и надзора въ отношеніи къ нимъ, въ неимѣннн общаго устава, въ недостаткѣ ученыхъ и преподавателей въ академіяхъ и семинаріяхъ, въ разнообразіи курсовъ, въ преобладаніи схоластики въ обученіи, въ полной зависимости ихъ отъ личныхъ усмотрѣній епархіальныхъ архіереевъ, въ матеріальной бѣдности и т. п. Въ ноябрѣ 1807 г. учрежденъ былъ Комитетъ для преобразованія и усовершенія духовныхъ училищъ; въ іюнѣ 1808 г. Комитетомъ представленъ государю на утвержденіе «докладъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ» съ «начертаніемъ правилъ объ образованіи сихъ училищъ». Въ «начертаніи» изложенъ планъ новой организаціи духовно-учебныхъ заведеній. Планъ составленъ просвѣщеннѣйшими людьми времени, при содѣйствіи гениальнаго М. М. Сперанскаго. Докладъ былъ государемъ утвержденъ. Комитетъ объ усовершеніи училищъ переименованъ въ постоянную «Комиссію духовныхъ училищъ». На нее возложено осуществленіе и проведеніе плана въ жизни. Согласно «начертанію правилъ» выработанъ былъ и Высочайше утвержденъ въ 1814 г. Уставъ духовныхъ академій, семинарій и училищъ. Въ «начертаніи» и «уставѣ» духовно-учебныя заведенія раздѣлены на четыре разряда: академіи, семинаріи, училища уѣздныя и приходскія. Каждому разряду изъ этихъ учебныхъ заведеній ясно указаны были цѣли и задачи, которыхъ они должны были достигать. «Троякій есть предметъ установленія духовныхъ академій: 1) образованіе духовнаго юношества къ высшимъ должностямъ, 2) распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ и 3) управленіе духовныхъ училищъ, имъ подчиненныхъ». Къ составу и существу первой задачи академій отнесено, между прочимъ, приготовленіе достойныхъ и усердныхъ профессоровъ для семинарій и академій¹⁾; по сему академіи по уставу 1814 г. имѣли назначеніе — быть *профессорскимъ институтомъ*. По второй задачѣ, академіи — *ученныя учрежденія*. Управленіе академіями духовныхъ училищъ и семинарій должно было, по уставу 1814 г., направляться къ *возвышенію* и усовершенствованію сихъ учреждений, между прочимъ, въ *учебной части*. Задачею семинаріямъ поставлено въ уставѣ образованіе духовнаго юношества къ *священнослужительскимъ* и *учительскимъ* должностямъ. Въ первыя времена послѣ реформы духовныхъ училищъ въ 1808 г., С.-Петербургская Академія, какъ и прочія, ясно

¹⁾ Уст. Ак., гл. 3, § 41.

сознавала свои цѣли и задачи, прямо направляла свою дѣятельность къ указаннымъ цѣлямъ и дѣйствовала въ достиженіи ихъ весьма успѣшно ¹⁾. И въ послѣдующія времена она стремилась выполнять возложенныя на нее задачи. Но исполненіе задачъ академіями, какъ и семинаріями, зависитъ весьма много отъ характера управленія ими. Со времени реформы 1808 г. духовно-учебныя заведенія состояли въ завѣдываніи Комиссіи духовныхъ училищъ. Составленная изъ просвѣщеннѣйшихъ людей времени, она ревностно старалась приводить созданный ею планъ организациі учебныхъ заведеній въ исполненіе. По мѣрѣ осуществленія организаторской дѣятельности комиссіи, выступала и административная ея дѣятельность по отношенію къ преобразованнымъ учрежденіямъ; а въ административной дѣятельности получали особенное значеніе свѣтскій членъ ея, оберъ-прокуроръ св. Синода, завѣдывавшій канцеляріею ея, и правитель дѣлъ. Значеніе этихъ лицъ стало быстро усиливаться съ 1819 года. Комиссія не успѣла еще провести къ концу свою организаторскую дѣятельность, особенно въ отношеніи къ семинаріямъ, какъ она встрѣтилась съ преобладающимъ значеніемъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія оберъ-прокурора, въ 1824 г., по упраздненіи Министерства духовныхъ дѣлъ, облеченнаго властію министра. Усиленіе значенія оберъ-прокурора и правителя дѣлъ Комиссіи достигло того, что въ 1839 году Комиссія, безъ вѣдома ея членовъ, была упразднена, а на ея развалинахъ учреждено Духовно-учебное управленіе при св. Синодѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ оберъ-прокурора: канцелярія Комиссіи и переименована была въ Управленіе.—Со времени усиленія въ управленіи духовно-учебными заведеніями оберъ-прокурора св. Синода узаконенія уставовъ 1814 г. стали ослабѣвать и замѣняться распоряженіями и предписаніями съ начала Комиссіи духовныхъ училищъ, а затѣмъ Духовно-учебнаго управленія. Въ теченіе 40-хъ и 50-хъ годовъ накопилось такое множество распоряженій и предписаній, что уставы 1814 г. считались дѣйствующими узаконеніями лишь номинально. Духовно-учебное управленіе, имѣвшее характеръ исключительно административнаго бюрократическаго установленія, преслѣдовало исключительно административныя цѣли ²⁾. Во время

¹⁾ Подробное изображеніе дѣятельности Академіи см. въ «Исторіи» ея г. Чистовича, стр. 180—332.

²⁾ Преосв. Иннокентій Борисовъ въ 1839 г. предсказывалъ въ письмѣ къ рязанскому архіеп. Гаврилу: «Дух.-учебное управленіе есть новый status in

господства свѣтской администраціи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ученой дѣятельности академій и ихъ членовъ не придавалось почти никакого значенія, поддержки не оказывалось, а нерѣдко поставлялись и преграды; ректорами и инспекторами назначались лица не столько по уваженію къ ихъ ученой дѣятельности и свойствамъ учености, сколько по вниманію къ ихъ искусству — подчиняться административнымъ указаніямъ отъ начальства; должности ректоровъ, инспекторовъ, профессоровъ и преподавателей сдѣлались ступенями движенія монашествующихъ лицъ по іерархически-административнымъ степенямъ; профессора и преподаватели назначались по распоряженіямъ администраціи, безъ всякаго вниманія о подготовкѣ ихъ къ преподаванію опредѣленныхъ предметовъ; бывали нерѣдко случаи, что профессора, состоявшіе на кафедрѣ извѣстной науки нѣсколько лѣтъ, освоившіеся съ наукою и оказавшіе успѣхи въ ея разработкѣ, неожиданно, по распоряженію власти, безъ согласія ихъ самихъ, переводились на другія кафедры. Къ тому же, матеріальное содержаніе преподавателей, отчасти вслѣдствіе замѣны серебряной монеты асигнаціями, стало почти нищенскимъ (ординарные профессора академій получали по 858 р. въ годъ, экстраординарные и бакалавры по 429 р., — а профессора третъекласныхъ семинарій — по 276 р.). Вслѣдствіе крайне невыгоднаго положенія преподавательской службы въ академіяхъ и семинаріяхъ, вновь назначенныя на эту службу лица стремились уйти съ нея и замѣнить ее болѣе обеспеченною. Бакалавры С.-Петербургской Академіи мѣнялись чуть не ежегодно. Но и при указанныхъ условіяхъ въ академіяхъ и семинаріяхъ еще поддерживались и развивались научные интересы. Были труженики, посвящавшіе всю свою жизнь служенію академіи или семинаріи. Были въ ней и даровитые люди¹⁾. Недостатки всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній сознавались. Съ конца 50-хъ годовъ открылась публицистическая о нихъ литература. Она разъяснила необходимость ихъ

statu. Это, желвакъ на тѣлѣ, который стянетъ въ себя всѣ соки и заставитъ исхудать все тѣло». (Чт. въ общ. ист. и древн. росс. 1869, кн. 1 стр. 77).

¹⁾ Подъ вліяніемъ такихъ преподавателей семинаристы готовились къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, по окончаніи курса которыхъ дѣлались преподавателями въ нихъ. «Между преподавателями всѣхъ нашихъ университетовъ и С.-Петербургской Медицинской Академіи до 60-хъ годовъ значительное число составляли бывшіе семинаристы». («Воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ 1850—1855 гг.» Люборскаго въ Историческомъ Вѣстникѣ, августъ 1891 г., стр. 374).

реформы. Въ теченіе 1860—1866 гг. существовали комитеты, собирались мнѣнія и составлялись записки и проекты относительно преобразованія и будущаго устройства духовныхъ училищъ и семинарій¹⁾. Между прочимъ, заслуживаетъ особаго вниманія проектъ комитета 1862 г., бывшаго подъ предсѣдательствомъ архіепископа Дмитрія Муретова. Комитетъ, признавъ, что «съ спеціальнымъ богословскимъ образованіемъ въ семинаріяхъ, какъ необходимое къ нему, должно соединиться общее», постановилъ: изъ 12-ти лѣтняго курса первыя 8 лѣтъ назначить на преподаваніе общее, «приблизительно въ размѣрѣ гимназическомъ, но съ характеромъ духовныхъ заведеній»; остальные же 4 года посвятить предметамъ богословскимъ. Начала этого проекта поддерживались и защищались членами комитетовъ и послѣдующаго времени. Согласно съ этимъ проектомъ, если-бы онъ былъ обращенъ въ законъ, духовныя училища и первые классы семинарій равнялись бы среднеобразовательному учебному заведенію (каковы—гимназія, реальное училище),— а высшіе классы семинарій, въ которыхъ преподаются богословскія науки, равнялись бы спеціальному или высшему учебному заведенію и составляли бы богословскій факультетъ. Такая постановка курсовъ въ семинаріи соотвѣтствуетъ существу дѣла и совершенно правильна.— Въ дальнѣйшей разработкѣ проекта устава число лѣтъ для общаго образованія въ семинаріяхъ понижено до 7 л., а для спеціально-богословскаго до 3 л. Въ этомъ видѣ приготовленіе нашихъ кандидатовъ въ священство было бы совершенно уравнено съ приготовленіемъ кандидатовъ въ пастыри и ксендзы въ Германіи. Продолжительному проектированію преобразованій положенъ былъ конецъ 14 мая 1867 г. Высочайше утвержденнымъ уставомъ семинарій и духовныхъ училищъ, благодаря энергіи оберъ-прокурора графа Д. А. Толстова и Всемилоствѣйшимъ щедротамъ Монарха, повелѣвшаго ассигновать на духовно-учебныя заведенія изъ государственной казны ежегодно по 1.500.000 р.

По уставу 1867 г., учебная часть семинарій поставлена въ отношеніи къ богословскимъ наукамъ значительно лучше прежняго. Въ русскихъ семинаріяхъ читаются не только всѣ богословскія науки, какія читаются и на богословскихъ факультетахъ въ германскихъ университетахъ, но нѣкоторыя другія, которыя не признаются въ Германіи особыми и самостоятельными. Препода-

¹⁾ См. «Исторію С.-Петербургской дух. семинаріи», А. Надежина, стр. 532—561.

ваніе большей части изъ нихъ сосредоточено главнымъ образомъ въ высшихъ двухъ классахъ, а преподаваніе нѣкоторыхъ начинается въ классахъ общеобразовательнаго курса¹⁾. Не смотря на то, что высшіе классы семинаріи, по специальности преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, должны быть поставлены въ уровень съ высшими спеціальными учебными заведениями, новый уставъ удержалъ духовныя семинаріи въ положеніи среднихъ учебныхъ заведеній и открылъ только имъ возможность, чрезъ замѣщеніе каедръ по выбору корпораціею преподавателей, къ дальнѣйшему возвышенію. Мысль Регламента, что въ епархіи должна быть академія, а при академіи — семинаріумъ, мысль, развитая въ большей степени въ уставѣ семинарій 1814 г., по которому предполагалось, что въ семинаріяхъ преподаватели будутъ доктора и магистры и что они, какъ профессора, возвысятъ богословскіе классы на степень высшихъ учебныхъ заведеній, получила въ уставѣ семинарій 1867 г. нѣкоторое дальнѣйшее развитіе, но не проведена до конца. — Въ 1869 г. явился новый уставъ и академіи. Новый уставъ академіи начертанъ *согласно* указаніямъ опыта, выясниваемаго неудовлетворительными сторонами въ бытѣ академіи, и соотвѣтственно какъ современнымъ потребностямъ духовнаго просвѣщенія, такъ и *новому строю среднихъ духовно-учебныхъ заведеній*. Въ немъ духовнымъ академіямъ указана *менше сложная* (къ сожалѣнію!) и *разнообразная*, въ сравненіи съ прежнимъ уставомъ, *задача, которую онѣ* должны выполнять. Въ замѣнъ прежней задачи — образовывать духовное юношество къ высшимъ должностямъ, готовить наставниковъ для семинарій по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ и управлять духовными училищами, академіи, по новому уставу, должны имѣть свою цѣлю *доставленіе высшаго богословскаго образованія*²⁾ для просвѣщеннаго служенія церкви, *приготовленіе преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній*³⁾. Съ новою постановкою цѣли духовныхъ акаде-

1) Какъ напр. священное писаніе.

2) Слово *высшее* противоположно *низшее*. Въ данномъ случаѣ академіямъ противопоставляются семинаріи. Если въ академіяхъ дается *высшее* богословское образованіе, то, по смыслу приведенныхъ въ текстѣ словъ, семинаріи даютъ *низшее* богословское образованіе. Но этотъ смыслъ противорѣчитъ постановкѣ богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ: въ нихъ должны преподаваться, по уставу, богословскія науки, какъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведенияхъ или какъ въ богословскихъ факультетахъ.

3) Отчетъ оберъ-прокурора за 1869 г., стр. 125.

мій, измѣненъ строй ихъ въ отношеніи административной и особенно учебной части.

Преподаваніе наукъ въ академіи специализовано по отдѣленіямъ; слушатели или студенты могли усовершенать свои богословскія знанія, приобрѣтенныя въ семинаріяхъ, по особымъ специальнымъ наукамъ и основательнымъ изученіемъ ихъ приготавливать себя въ преподаватели этихъ наукъ въ семинаріяхъ.

Професорами и доцентами академіи могли быть лишь такія лица, которыя заявили себя учеными трудами. Новый уставъ поставилъ академіи въ отношеніи учебной части совершенно одинаково съ университетами. И это принесло величайшія выгоды духовнымъ академіямъ: изученіе богословскихъ наукъ возвысилось; ученые труды и ученая дѣятельность получили оцѣнку; неизвѣстные прежде труженики на поприщѣ богословской науки, приниженыя предъ административными чинами, приобрѣли уваженіе; богословская литература оживилась, возвысилась и обогатилась учеными произведеніями; диспуты въ академіяхъ по приобрѣтенію ученыхъ степеней получили общественное значеніе, — они распространяли и увеличивали богословскія знанія въ публикѣ, возвышали въ ней уваженіе къ академіямъ и къ лицамъ, занимающимся богословскою наукою, возбуждали въ студентахъ ревность къ занятіямъ и къ приобрѣтенію ученыхъ степеней и т. п. Академіи, благодаря новому уставу, съ честію доказали, что онѣ стоятъ въ научномъ отношеніи отнюдь не ниже университетовъ. Къ сожалѣнію, традиціи о значеніи высшей администраціи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ сохранились въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. Выборы преподавателей и начальниковъ въ академіяхъ и семинаріяхъ корпораціями учебного персонала стали казаться ограничительною для высшей власти силою. Подуло новое вѣяніе. Изъ редакціи «Русскаго Вѣстника» стали писать, что «негѣпная конституція», внесенная въ строй университетовъ уставомъ 1863 года, проникла даже въ уставъ духовныхъ академій 1869 года. «Посему, писалось въ этомъ журналѣ въ 1884 г.¹⁾, въ 1881 году уставъ духовныхъ академій подвергся радикальному пересмотру. Бѣсъ 1863 года изъ нихъ изгнанъ, и ихъ администрація приведена къ здоровымъ нормамъ». «Слова: совѣтъ, правленіе, ректоръ остаются прежнія, но понятія, обозначаемаыя ими, измѣнены. Академіями управляло безличное и безотвѣтственное большинство совѣта», но

¹⁾ Августъ, въ «Соврем. Лѣтописи».

никогда, скажемъ отъ себя, въ ущербъ законному и справедливому вліянію власти. Передѣланный въ 1881 г., по словамъ Русскаго Вѣстника, радикально уставъ дух. академій былъ Высочайше утвержденъ въ 1884 г. Въ этомъ же году изданъ новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ, измѣненный въ томъ же направленіи, въ какомъ и уставъ академій. — Изъ перемѣнъ въ строю учебной части академій для нашей цѣли отмѣтимъ, что специализація богословскихъ наукъ для изученія студентами отмѣнена; поэтому студенты, поступившіе изъ семинарій, въ которыхъ они слушаютъ курсы всѣхъ богословскихъ наукъ, обязываются слушать въ академіяхъ повторительные курсы тѣхъ же наукъ ¹⁾, а не пріучаются къ самостоятельнымъ и специальнымъ изслѣдованіямъ и работамъ подъ руководствомъ профессоровъ-специалистовъ. — Главная же особенность уставовъ духовно-учебныхъ заведеній 1884 г. заключается въ томъ, что ими открывается для администраціи возможность достиженія въ академіяхъ и семинаріяхъ административныхъ цѣлей предпочтительно предъ учеными и учебными. — Можетъ повториться въ исторіи академій и семинарій то же, что было при гр. Протасовѣ ²⁾.

Уставами 1869 и 1884 гг. задачи академій сѣужены, цѣль указана имъ «въ доставленіи высшаго богословскаго образованія» ³⁾, значеніе ихъ въ качествѣ ученаго установленія понижено, за ними признается лишь «учебное» значеніе, связь ихъ съ «ученымъ» духовенствомъ порвана. Равно и духовныя семинаріи уставами 1867

¹⁾ Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ еще до реформы 1867 г. лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ «нисколько не уступали академическимъ» (Исторія Спб. сем. Надежина, стр. 445).

²⁾ См. тамъ-же стр. 338—342. Повтореніе уже и начинается: вводится въ курсы семинаріи медицина. Въ одной *официальной* печатной запискѣ, въ которой доказывается необходимость возстановленія въ русской церкви древнихъ десятильниковъ или уѣздныхъ управителей (прежнихъ десятинь, говорится: «необходимо взять во вниманіе, что понятіемъ о приходскомъ пастырѣ не требуется (хотя не отвергается) то образованіе, во всей его широтѣ, которое нынѣшніе кандидаты священства получаютъ въ духовныхъ семинаріяхъ: для удовлетворенія нуждъ церкви отъ православнаго приходскаго пастыря безусловно требуется *только* благоговѣйная, *благочестивая жизнь и книжность*; то образованіе, которое получаютъ кандидаты въ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, необходимо не для церкви, а для государства». («Церковное управленіе въ предѣлахъ уѣзда», Спб. Син. тип. 1890, стр. 52—53).

³⁾ Что понимали составители уставовъ подъ «*нижнимъ* богословскимъ образованіемъ», не извѣстно.

и 1884 г. понижены противъ того значенія, какое имъ предъуказывалось уставомъ 1814 на основаніи заслугъ ихъ предшествующаго времени: новыми уставами семинаріи признаются исключительно въ смыслѣ «*учебно-воспитательныхъ* заведеній для приготвленія юношества къ служенію православной церкви» (§ 1),—и задача ихъ также сужена. По уставу отъ 1814 г., предметъ установленія дух. семинарій есть *образованіе* духовнаго юношества къ священно-служительскимъ и *учительскимъ* должностямъ.

Но, благодаря публицистической и исторической литературѣ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ новѣйшее время значительно разившейся, а равно и производившимся реформамъ этихъ заведеній, значеніе, цѣли и задачи ихъ вообще и cadaго разряда изъ нихъ въ частности представляются сознанію духовенства и дѣятелей въ самыхъ заведеніяхъ въ большемъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, свѣтѣ и съ большею ясностію. Идеалы этихъ заведеній выражались и въ литературѣ, и въ обществѣ и даже въ официальныхъ учрежденіяхъ¹⁾. Соотвѣтствующія истинному значенію академій и семинарій — задачи и цѣли ихъ отчасти, какъ бы противъ воли составителей уставовъ, выражаются и въ самыхъ уставахъ. Въ уставахъ академій 1869 и 1884 гг. есть цѣлая глава, состоящая изъ трехъ §§ подъ заглавіемъ «О содѣйствіи совершенствованію и распространенію богословскихъ знаній». Въ ней говорится: каждой академіи предоставляется, съ разрѣшенія св. Синода, предлагать къ рѣшенію задачи, предметомъ которыхъ должны быть новые вопросы, относящіеся къ той или другой изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и выдавать за рѣшеніе сихъ задачъ преміи²⁾. Равнымъ образомъ академіи предоставляется право открывать публичныя лекціи, учреждать ученые общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть: разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и вообще матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію церкви, обзоръ произведеній отечественной и иностранной богословской литературы, изысканіе способовъ къ возвышенію уровня всѣхъ отраслей богословскихъ наукъ, а равно и прочихъ наукъ съ тѣхъ сторонъ, которыми онѣ соприкасаются съ христіанствомъ и бого-

¹⁾ Въ комитетахъ о преобразованіи духовныхъ учебныхъ заведеній выражали и защищали ихъ такія лица, какъ преосвященные Дмитрій, Филаретъ и Михаиль, бывшіе ректора Киевской дух. Академіи.

²⁾ Но откуда академіи возьмутъ капиталы для выдачи премій?

словскою ученостію и т. п.¹⁾). Уставы обществъ утверждаются св. Синодомъ. — И въ уставахъ семинарій 1867 и 1884 гг. есть §§, изъ которыхъ нельзя не вывести заключенія, что духовныя семинаріи, помимо того, что онѣ — общеобразовательныя заведенія, не уступающія соотвѣтственнымъ среднимъ учрежденіямъ другихъ вѣдомствъ²⁾, являются спеціальными учебными заведеніями, — богословскими факультетами, долженствующими занимать положеніе, равное съ другими высшими спеціальными учебными заведеніями. Въ главѣ «О обученіи въ семинаріяхъ» новѣйшихъ уставовъ семинарій говорится: «въ семинаріяхъ преподаются какъ науки богословскія, такъ и предметы общаго образованія». Изъ богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ положены къ преподаванію: «изъясненіе св. писанія ветхаго и новаго завѣта и библейская исторія, исторія церкви вообще и россійской въ отдѣльности, исторія и обличеніе русскаго раскола, богословіе: основное, догматическое, сравнительное и нравственное, практическое пастырское руководство, гомилетика и литургика». Возьмите Verzeichniss преподаванія наукъ какого угодно богословскаго факультета германскихъ, швейцарскихъ и англійскихъ университетовъ, — сравните обзоръ преподаванія въ нихъ съ тѣмъ, что уставами семинарій положено въ нашихъ семинаріяхъ читать и читается, — и вы найдете, что составъ богословскихъ наукъ въ нашихъ семинаріяхъ ничуть не меньше того, что преподается въ богословскихъ факультетахъ заграничныхъ университетовъ. И преподавательскія силы въ нашихъ семинаріяхъ существуютъ: дайте имъ средства, положеніе и возможность образовываться, развиваться и усовершенствоваться, при содѣйствіи духовныхъ академій³⁾.

¹⁾ Задача, выраженная въ приведенномъ § устава, и должна быть, по нашему, главною для академіи; но для достиженія ея необходимы матеріальныя средства, добыть которыя духовныя академіи не могутъ.

²⁾ Въ духовныхъ семинаріяхъ преподаются не только есъ учебныя предметы, которые преподаются и въ гимназіяхъ, но и такіе, какъ логика, психологія и обзоръ философскихъ воззрѣній, имѣющіе въ общемъ образованіи весьма важное значеніе.

³⁾ Мнѣ посчастливилось въ 1862—64 гг. ознакомиться съ нѣсколькими богословскими факультетами университетовъ германскихъ и швейцарскихъ. Наши семинаріи были бы въ состояніи не уступать имъ, если бы высшіи спеціальнымъ класамъ ихъ дать организацію, соотвѣтствующую ихъ назначенію и существу. Между наличными преподавателями нашихъ семинарій есть не мало извѣстныхъ сочинителей, издавшихъ изслѣдованія, учебники, сочиненія. Напр. въ 1890 г. преподавателемъ Воронежской семинаріи Н. Голубковскимъ изданъ трудъ «Блаженный Θεодоритъ», М. Т. I и II, составленіе котораго доставило бы извѣстность автору и въ Германіи.

При организаціи богословскихъ классовъ нашихъ семинарій нужно исходить не изъ созерцанія административныхъ цѣлей и задачъ— «воспитать смиренныхъ пастырей церкви», а изъ положенія нашего Спасителя: «ищите *прежде всего* царствія Божія и *правды* его, и вся приложатся вамъ» (Матѳ. V). — Уставы семинарій 1867 и 1884 г. отняли отъ этихъ заведеній задачу, возлагавшуюся на нихъ уставомъ 1814 г.,—а именно: «образование духовнаго юношества къ *учительскимъ* должностямъ». Между тѣмъ, въ практикѣ начальство старается о томъ, чтобы семинаристы были учителями. Очевидно несоотвѣтствіе между законодательствомъ и практикою. Значить — въ уставахъ есть недостатокъ.

На основаніи пониманія нами вкратцѣ изложеннаго историческаго развитія цѣлей и задачъ, къ которымъ наши духовныя академіи и семинаріи предназначались и стремились, равно и значенія этихъ учреждений въ строѣ русской православной церкви и русской народной жизни и въ системѣ учебныхъ заведеній въ Россіи,—а также сравнительнаго сопоставленія этого значенія съ значеніемъ заграничныхъ и русскихъ иновѣрныхъ однородныхъ учебныхъ заведеній, мы позволяемъ себѣ высказать положенія о существѣ и задачахъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Академія есть учено-образовательное учрежденіе. Какъ *ученое* установленіе, она должна имѣть своими задачами: изслѣдованія и изысканія въ области богословскихъ наукъ, отысканіе способовъ къ возвышенію богословскихъ знаній, изданіе и разработку памятниковъ, которые служатъ предметомъ богословскихъ знаній, сосредоточеніе ученыхъ силъ, посвященныхъ богословскимъ наукамъ,— и духовныхъ и свѣтскихъ лицъ,— и поощреніе богословской учености въ духовенствѣ и обществѣ ¹⁾. Какъ учено-образовательное учрежденіе, она есть *институтъ* для приготовленія и усовершенствованія *профессоровъ* богословскихъ и философскихъ наукъ для академій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній.

Семинарія — есть учебно-воспитательное заведеніе для приготовленія юношества къ священнослужительскимъ и учительскимъ должностямъ, посредствомъ предоставленія ему *общеобразовательнаго*

¹⁾ Почтенные труды многихъ лицъ изъ духовенства пропадаютъ безслѣдно, за неимѣніемъ учрежденія, къ которому бы они могли обращаться для ихъ изданія. Немногіе могутъ передать свои труды Академіи Наукъ такъ, какъ завѣщали ей свои труды преосв. Іосифъ и Порфирій . . . Говорятъ, что Павскій и Сидонскій до конца своей жизни занимались составленіемъ сочиненій,—а гдѣ они? —

просвѣщенія и *спеціальною* для одной его части — *богословскою*, а для другой — *педагогическою*. Поступающіе изъ духовныхъ училищъ (4 класса ихъ равны 4-мъ первымъ классамъ гимназій) и соответствующихъ имъ заведеній проходятъ курсъ I класса семинаріи и, послѣ экзамена, по различію способностей, призванія и знаній, съ ихъ согласія, раздѣляются на два разряда: одни идутъ въ педагогическое отдѣленіе (въ которомъ должны преподаваться — словесность, географія, арифметика, отечественная исторія, естественныя науки, пѣніе и педагогика съ дидактикою) на два года ¹⁾; другіе продолжаютъ общеобразовательный курсъ (исторія русской литературы, математика, языки древніе и новые, исторія общая и русская, физика и космографія, философія — логика, психологія, исторія философій) и затѣмъ поступаютъ въ спеціальныя богословскіе классы, курсъ которыхъ долженъ быть не менѣе 3-хъ лѣтъ. По окончаніи богословскаго курса, способнѣйшіе приготавливаются при самой семинаріи къ спеціальному изученію опредѣленнаго разряда богословскихъ наукъ и для усовершенствованія въ этихъ именно наукахъ посылаются въ академіи на два и не болѣе, какъ на три года. Преподаватели семинарій изъ магистровъ должны имѣть отличіе отъ кандидатовъ по титуламъ (професоры) ²⁾ и окладамъ. Семинаріямъ, въ которыхъ число преподавателей-магистровъ не менѣе 4—5, предоставляется право возводить достойныхъ въ степень кандидата послѣ экзамена и по отпечатаніи кандидатскаго сочиненія, а гдѣ число професоровъ (магистровъ) не менѣе 8—10, и въ степень магистровъ.

1) Въ какой степени духовно-учебныя заведенія обладаютъ учебными силами, можно видѣть изъ того, что Р. церковь, исключительно своими матеріальными и учебными средствами, въ теченіе какихъ либо 20—25 лѣтъ (1861—1886) учредила болѣе 40 епархіальныхъ женскихъ училищъ, скоро сравнявшихся въ своемъ строю и въ программахъ преподаванія съ институтами. Въ настоящее время всѣ женскія училища духовнаго (всѣхъ ихъ 53) вѣдомства даютъ ежегодно не менѣе 1000 дѣвицъ, способныхъ быть учительницами. — Параллельно съ епархіальными женскими училищами могли бы существовать классы духовныхъ училищъ и семинарій съ педагогическимъ отдѣленіемъ въ послѣднихъ. Педагогическія отдѣленія семинарій, если бы они были учреждены, вездѣ могли бы выпускать въ годъ до 1500 лицъ, способныхъ быть учителями. Но подготовленіе учителей не должно быть монополіею духовныхъ семинарій.

2) Въ настоящее время многіе магистры въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ пользуются титуломъ и окладами професоровъ. Почему же преподаватели семинарій изъ магистровъ лишены всякихъ преимуществъ предъ кандидатами? —

Духовныя училища — общеобразовательныя заведенія для приготовления учащихся въ нихъ къ поступленію въ духовныя семинаріи.

Формулированныя нами идеальныя воззрѣнія на задачи и существо духовныхъ академій, семинарій и училищъ не вымышлены нами, но въ общихъ чертахъ сознаются многими лицами. Мы надѣемся, что подобныя высказаннымъ нами идеалы хранятся и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и, по силамъ каждаго учрежденія, осуществляются въ дѣйствительности ¹⁾. С.-Петербургская Духов-

¹⁾ Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что въ полученной нами въ то время, когда переписывалась нами наша рецензія, апрѣльской книжкѣ «Православнаго обозрѣнія» выражаются о задачахъ духовныхъ академій воззрѣнія, подобныя высказаннымъ нами. Въ статьѣ «Формы устройства православной церкви», професоръ Московской дух. Академіи Н. А. Заозерскій, упомянувъ, что «уставомъ 1884 г. цѣль академіи сужена до минимума, академія низведена до учебно-воспитательнаго богословскаго учрежденія, до духовной школы, хотя и высшей» (стр. 757), спрашиваетъ: «Почему въ настоящее время духовная академія не можетъ заботиться о распространеніи и поощреніи учености въ духовенствѣ, объ усовершенствованіи преподаванія въ среднихъ и низшихъ духовныхъ школахъ, если она въ началѣ настоящаго столѣтія, по сознанію первыхъ основателей ея, могла и должна была заботиться о семъ? Почему въ настоящее она не можетъ и не должна преслѣдовать и этихъ задачъ, когда все прошлое академіи и настоящее неопровержимыми фактами говоритъ, что она въ лицѣ професоровъ своихъ, по крайней мѣрѣ лучшихъ, осуществляла и осуществляетъ и эти задачи, даже и безъ правительственной поддержки, официально не призываясь къ тому?... Затѣмъ, професоръ отвѣчаетъ: академія, «и по духу устава», имѣетъ задачу усовершенствовать и распространять богословскія знанія», — она «въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо должна быть не только вышею богословскою школою, но именно *академіею богословскихъ наукъ*», — это есть «задача, предъуказанная ей съ самаго основанія уставомъ 1809 года» (стр. 758). «Русская духовная Академія, говоритъ г. Заозерскій на стр. 760, есть и должна быть въ настоящее время органомъ строго-православной богословской науки не для одной Россіи, но и для всего православнаго востока и даже для единоплеменныхъ Россіи западныхъ славянъ». «Академія въ настоящее время ходомъ событій предназначена къ распространенію богословскаго знанія солидными изданіями и изслѣдованіями даже далеко за предѣлами отечества» (стр. 760). Въ самомъ дѣлѣ, — прибавимъ отъ себя, — русская церковь не имѣетъ доселѣ такихъ своихъ изданій, какъ Библія 70 толковниковъ на греческомъ языкѣ, Библія на еврейскомъ языкѣ, — у насъ нѣтъ печатныхъ изданій главныхъ славянскихъ списковъ Кормчей книги, безъ которыхъ невозможно составленіе исторіи этого памятника церковнаго права въ Россіи, — неизданы многочисленныя памятники русской церковной письменности, безъ которыхъ немислимо изученіе церковнаго проповѣдничества, исторіи церковныхъ чинослѣдованій и т. д. и т. д. Въ русской церкви

ная Академія, которой посвящено содержаніе разбираемаго нами сочиненія, пользуясь особымъ, въ сравненіи съ другими академіями, положеніемъ въ столицѣ, состоя въ соотношеніяхъ съ разными высшими учебными заведеніями и находясь на глазахъ высшаго правительства, стоитъ во главѣ всей системы духовно-учебныхъ заведеній, цѣлое столѣтіе идетъ впереди другихъ духовныхъ академій, всегда предваряла ихъ въ своемъ переустройствѣ и служила опытомъ и образцомъ для ихъ реформъ. Посему, мы уповаемъ, она всегда хранить память о завѣщанныхъ ей исторіею задачахъ и идеалахъ, помнить историческое свое призваніе и по силамъ стремится къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыхъ она должна достигать согласно съ своимъ назначеніемъ въ русской церкви и положеніемъ въ общей системѣ духовно-учебныхъ заведеній.

Изложивъ наши взгляды на исторію, цѣли, задачи и существенное значеніе духовно-учебныхъ заведеній, служившія основаніями, на которыхъ мы составляли довольно подробный разборъ сочиненія г. Чистовича, мы приходимъ къ нижеслѣдующему заключенію объ его достоинствахъ, пользѣ и недочетахъ.

Сочиненіе г. Чистовича относится къ исторической литературѣ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, *третье* изображаетъ состояніе (за одну часть труда г. Чистовичъ въ прежніе годы получилъ уже премію) С.-Петербургской Духовной Академіи въ новѣйшее время въ теченіе 32 лѣтъ (1856—1888 гг.), представляетъ историко-статистическое описаніе этой Академіи за указанное время съ значительною полнотою, фактически, объективно и ясно, написано съ любовью къ учрежденію, послѣ предварительнаго изученія всей предшествовавшей его исторіи, составлено самостоятельно и въ видѣ особаго, отдѣльнаго отъ прежде изданной авторомъ «Исторіи» той же Академіи, труда, — доводитъ исторію ея до нашихъ дней,

и въ государствѣ нѣтъ доселѣ установленія, на которомъ бы лежала обязанность и забота объ изданіи упомянутыхъ памятниковъ и которое бы обладало хотя малыми средствами для этого. Частнымъ лицамъ изданіе ихъ — не подъ силу. Необходима систематическая организація изданія потребныхъ и капитальныхъ для науки источниковъ. Проф. Заозерскій предлагаетъ, для выполненія лежащей на духовныхъ академіяхъ задачи — усовершенствованія богословскихъ знаний въ Россіи и въ православной церкви, возстановитъ въ академіяхъ конференцію, передать ей въ исключительное вѣдѣніе періодическое изданіе «учено-богословское», «которое должно быть органомъ богословской науки, а не выразителемъ и слугою такъ называемаго общественнаго мнѣнія хотя бы и относительно религіозныхъ матерій», и «для изданія трудовъ академіи образовать прочный и постоянный фондъ» (стр. 759—760).

можетъ приносить несомнѣнную пользу тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ надобность или желаютъ ознакомиться съ состояніемъ Академіи въ послѣднія три десятилѣтія ея существованія, можетъ послужить примѣромъ и пособіемъ для составленія историко-статистическихъ описаній другихъ духовно-учебныхъ заведеній — академій и семинарій за новѣйшее время, описаній, необходимыхъ и, по крайней мѣрѣ, весьма полезныхъ для выясненія ихъ исторіи и дѣятельности, содержитъ очень много свѣдѣній и указаній о лицахъ, принадлежавшихъ Академіи за описываемый періодъ, и объ ихъ печатныхъ трудахъ, и чрезъ то можетъ быть пособіемъ (библиографическимъ) къ знакомству съ богословскою литературою новѣйшаго времени и со степенью участія въ ней дѣятелей и питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Но разсмотрѣнное нами сочиненіе возбуждаетъ въ читателяхъ увѣренность, что авторъ обладаетъ несравненно бѣльшимъ запасомъ знаній и возрѣвнѣй для изображенія предмета, чѣмъ сколько онъ представилъ таковыхъ въ книгѣ, и потому располагаетъ читателей къ требованіямъ и ожиданіямъ отъ автора продолженія изслѣдованій о томъ же предметѣ. Посему я, пользуясь предоставленнымъ мнѣ § 12 Положенія о наградахъ графа Уварова, считаю долгомъ выразить свое мнѣніе автору разобраннаго нами сочиненія «С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ» (1858—1888 гг.) слѣдуетъ присудить *половинную* Уваровскую премію сколько въ награду за представленный имъ на соисканіе преміи трудъ, столько же и въ поощреніе его къ продолженію изслѣдованій о С.-Петербургской Духовной Академіи, которымъ онъ въ теченіе своей жизни посвящаетъ свои авторскія способности съ любовію, заслуживающею глубокаго уваженія и признательности лицъ, сознающихъ необходимость разработки исторіи духовно-учебныхъ русскихъ заведеній.

